СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Статьи

3

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

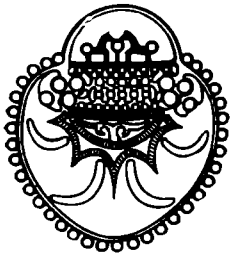
Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Г. А. Федоров-Давыдов, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-08159 Подписано к печати 18 VIII 1959 г. Формат бумаги $70\times108^1/_{16}$ Бум. л. 9
Печ. л. 24,66+3 вклейки Уч.-изд. л. 28,9 Тираж 1800 экз. Заказ 1704

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

А. Д. СТОЛЯР

ОБ ОДНОМ ЦЕНТРЕ ОДОМАШНИВАНИЯ СВИНЬИ

Приручение животных и последовавшее за ним разведение одомашненных пород скота, наряду с примерно одновременно складывающимся древнейшим земледелием, справедливо оценивается как важнейшее (после открытия огня) событие в общем прогрессе первобытного общества.

Первоначально архаическое скотоводство не внесло ничего качественно нового в традиционные источники первобытного существования. В этом случае важно было иное — разведение скота дало человеку новый, более эффективный способ получения мясной пищи и сырья, которые до этого на протяжении многих десятков тысяч лет добывались первобытной охотой. Тем самым оно обогатило хозяйство (до этой поры полностью иждивенческое по отношению к природе) первым производящим началом.

Этим объясняется тот большой научный интерес, который представляет проблема сложения и развития скотоводческого хозяйства в различных культурных областях. Не вдаваясь в обзор всей литературы по этому вопросу, уместно отметить, что в ряде археологических статей, опубликованных в 30-х годах XX в. в связи с господствующим в истории материальной культуры в это время социологическим направлением, проблема рассматривалась в отрыве от конкретных источников, сразу в «мировом» масштабе, а основные усилия направлялись на выявление той мнимой, стереотипно повторяющейся общей последовательности, в которой якобы в различных областях земного шара приручались определенные виды животных. При этом одни авторы склонялись к признанию единственным истоком местного скотоводства получение уже доместицированных особей из другого, обычно территориально очень далекого и к тому же совершенно гипотетического культурного очага, другие — к утверждению в каждом случае автохтонного происхождения всех домашних животных. Такая абстрактная посылка, не подкрепленная фактическими материалами, приводила к чисто умозрительным заключениям.

Априорно можно полагать, что в действительности в отдельных случаях заимствования и местные начала составляли две стороны одного и того же неразрывного процесса, проявляясь в многообразных конкретных вариантах. При этом, хотя происхождение и развитие скотоводства в культурах древнего Востока фактически не прослежено (о чем, например, убедительно свидетельствует обобщающее исследование Г. Чайлда [1]) и новое хозяйство там фиксируется обычно в уже сложившемся виде, очень вероятно, что заимствование культурных достижений древневосточных центров сыграло немалую роль в прогрессе культур доисторической Европы и, в частности, юга Европейской части СССР. Но столь же несомненно, что необходимым условием для прочного усвоения привнесенных

[1] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 57—59.

элементов могло быть лишь наличие местных предпосылок навыков и потребностей, если только распространение скотоводческого хозяйства в новые области не было связано с их заселением пришлыми группами скотоводов.

Для советской археологии вопрос о фактических истоках и путях сложения древнейшего скотоводческого хозяйства приобретает сейчас особую актуальность в связи с новыми достижениями в области изучения неолитических культур юга Европейской части СССР. Если раньше бесспорной была скотоводческая специализация хозяйства у населения Северного Причерноморья с энеолитического времени, то послевоенные раскопки раннетрипольских поселений (Лука-Врублевецкая [2] и др.), как и анализ материалов по неолиту Надпорожья и Приазовья (Днепровское Левобережье [3]), вскрыли значительно более древний характер скотоводческого хозяйства в обширной степной полосе. Особенно показательно в этом отношении произведенное недавно И. Г. Пидопличко определение фауны многослойной стоянки Каменная Могила на Мелитопольщине [4]. Оказалось, что уже самые нижние горизонты стоянки, из которых два, не содержавшие находок керамики, предположительно датировались эпохой раннего тарденуаза (В. Н. Даниленко), при небольшом числе костей диких животных обильно насыщены костями одомашненных видов (по определениям И. Г. Пидопличко — быка, козы и овцы, свиньи и др.).

Таким образом, сложение скотоводства в Приазовье следует датировать ранним неолитом, а вполне вероятно, и несколько более древним, преднеолитическим временем. В связи с этим возникают вопросы, требующие не общей, а конкретной постановки: каковы истоки древнейшего скотоводства на Левобережной Украине; когда, где и каким образом были приручены отдельные виды животных, представленные в неолитическом хозяйстве Надпорожья и Приазовья, сыгравшем, вероятно, значительную роль в общем хозяйственном развитии всей степной полосы Левобережья.

Еще недавно предполагалось, что во всем Днепровском Левобережье домашние животные появились только в древнеямное время, значительно позже, чем в области трипольской культуры, и поэтому последняя рассматривалась как посредник при проникновении в Левобережье из Восточного Средиземноморья одомашненных быка, овцы и козы [5]. Из упоминавшихся выше данных следует, что подобная гипотеза в настоящее время приобретает лишь историографическое значение.

В 1957 г. была опубликована статья Д. А. Крайнова [6], в которой автор стремился рассмотреть вопрос о происхождении скотоводства в свете новых археологических данных. Но эта представляющая большой интерес работа ни в коей мере не исчерпала сложную и дискуссионную проблему появления домашних животных даже относительно ограниченной территории Крымского полуострова.

Можно сказать и определеннее: статья Д. А. Крайнова, вводящая в науку новые существенные материалы, не снимает необходимости детального рассмотрения вопроса о процессе образования каждого вида домашних животных в южной зоне Европейской части СССР, в частности — в том историко-археологическом аспекте, который предлагается ниже.

К выяснению этого вопроса нельзя подойти без попытки воссоздания конкретной исторической обстановки, без выявления и анализа отдельных,

---

[2] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 178—192.

[3] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник как исторический источник. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953, стр. 19—21.

[4] О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 172—180; В. М. Даниленко. Приазовська експедиція 1947 р. АП, т. IV, 1952, стр. 67—69.

[5] В. К. Никольский. История первобытного общества. М., 1951, стр. 53.

[6] Д. А. Крайнов. О происхождении скотоводства в Юго-Западном Крыму. СА, 1957, № 2.

иногда косвенных фактов, отражающих постепенно происходившие в общественном хозяйстве изменения и накопление новых черт.

Признавая положительность публикации Д. А. Крайнова, следует отметить, что с рядом положений автора согласиться нельзя. В частности, возражение вызывает утверждение, что кризис охотничьего хозяйства в мезолите был вызван в первую очередь ростом населения и расширением его потребностей. В действительности, очевидно, зависимость имела обратный характер, при определяющем значении ресурсов общественного производства. Точно так же вызывают возражения статистические выкладки в тех случаях, когда операции подсчета производятся над чересчур малыми цифрами, как и выводы из отдельных численных соотношений. Вместе с тем, не только желательным, но и необходимым представляется квалифицированное палеозоологическое переопределение всех фаунистических остатков стоянки Таш-Аир I, которое, вероятно, приведет к некоторым коррективам и, возможно, внесет нечто новое в анализ этих материалов.

В нашей статье не будет рассматриваться во всем объеме проблема происхождения скотоводства в Надпорожье и Приазовье, так как недостаточность имеющегося сейчас фактического материала заставила бы ограничиться лишь общими рассуждениями. Поэтому попытаемся выявить исторические корни только одной отрасли — свиноводства. Этот, казалось бы, частный вопрос представляет тем больший интерес, что до сих пор происхождение домашней свиньи совершенно не выяснено [7].

* * *

В специальной отечественной литературе отмечено наличие кабана в плейстоценовой и голоценовой фауне преимущественно южных районов Европейской части СССР. Неоднократно фиксировалась относительная легкость его приручения и одомашнивания и малая способность к передвижениям на большие расстояния в уже доместицированном виде. Эти исходные предпосылки дают основание для поисков истоков древнейшего свиноводства Приазовья либо в этом районе, либо в близких к нему культурных областях.

Что касается собственно Приазовья, то отсутствие [8] или же редкость (а иногда спорность [9]) находок костей дикой свиньи в собранной позднеплейстоценовой фауне всего Северного Причерноморья [10] заставляют предполагать, что начальные опыты в приручении этого вида имели место в других (хотя, по-видимому, территориально близких) областях, где кабан был эндемичным представителем фауны.

Такими смежными областями являются Крым и Кавказ. Из них особое внимание привлекает к себе Крымский полуостров, тесно связанный в культурном отношении с Приазовьем в конце ледникового периода и в начале современной геологической эпохи (близость кремневой индустрии, аналогичные находки древнейшей керамики и т. п.).

Обстоятельно изученная мезолитическая культура горного Крыма представляет особый интерес в связи с наблюдениями В. И. Громовой и

[7] См., например, Б. П. Волкопялов. Свиноводство. М.— Л., 1950, стр. 5—9.

[8] І. Г. Підоплічка. Дослідження палеоліту в УРСР. Сб. «Палеоліт і неоліт України», т. I, вып. 1, Київ, 1949, стр. 16—17.

[9] В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 28; И. Г. Пидопличко. Краткий обзор фауны палеолита СССР. СА, V, 1940, стр. 156—157; его же. Матеріали до вівчення минулих фаун УРСР, вып. I, Київ, 1938, стр. 132, 138, 146; его же. Фауна Гонцовской палеолитической стоянки. Природа, 1936, № 2, стр. 113—116; П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 558, 597.

[10] Эта особенность фаунистического комплекса объясняется неблагоприятными для жизни кабана природно-климатическими условиями экстраглациальной зоны Русской равнины вплоть до конца плейстоцена (см. В. П. Гричук. Географические ландшафты Русской равнины ледникового периода. Природа, 1952, № 1, стр. 115—120).

В. И. Громова, обративших внимание на своеобразие фаунистического комплекса мезолитических пещерных стоянок горного Крыма и высказавших предположение о начале приручения свиньи на этой территории в азильско-тарденуазское время [11]. К этому предположению присоединился С. Н. Бибиков [12].

Несколько забегая вперед, отметим, что при сопоставлении двух хронологически последовательных групп пещерных местонахождений Крыма — азильских и тарденуазских — выявляются отличающие их специфические, устойчивые особенности. Нами они интерпретируются как следствие новых элементов в хозяйственной деятельности мезолитического населения, элементов, связанных с первыми успешными опытами приручения дикого кабана. Тем самым открывается известная возможность гипотетического воспроизведения картины развития хозяйства населения горного Крыма в конце ледникового периода и в начале голоцена.

Анализируя подвергшиеся раскопкам и опубликованные памятники, следует обратить особое внимание на некоторые различия в их топографической локализации, на структурные особенности азильских и тарденуазских культурных слоев, отличающие их и требующие объяснения, а также на фаунистические материалы крымского эпипалеолита.

Топографическое размещение мезолитических местонахождений Крыма

Культура азильского времени на Крымском полуострове представлена исключительно пещерными стоянками (V и VI слои Шан-Кобы [13], нижние горизонты Замиль-Кобы I [14] и Фатьма-Кобы, Буран-Кая [15], Сюрень II), продолжавшими палеолитическую традицию.

Тарденуазская культура Крыма характеризуется несколько большим числом пещер (средний слой Шан-Кобы, верхние горизонты Замиль-Кобы I и Фатьма-Кобы, Мурзак-Коба, Замиль-Коба II [16], Шпан-Коба, Кильсе-Коба [17], Кара-Куш-Коба [18], навес Юсуф-Коба [19]). Кроме того, к этой же археологической культуре относится раскопанная открытая стоянка Кукрек [20] с частично сохранившимся культурным слоем.

Еще недавно тарденуазской эпохой датировалось подавляющее большинство развеянных стоянок Яйлы [21], дающих только подъемный, за-

---

[11] В. Громова, В. И. Громов. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. Тр. Советской секции АИЧПЕ, вып. I, 1937, стр. 70, 72, 90; В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геологических наук АН СССР, вып. 64, 1948, стр. 233.

[12] С. Н. Бибиков. Позднепалеолитическое поселение в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130; его же. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 41; его же. Позднейший палеолит Крыма. Материалы по четвертичному периоду, вып. 2, 1950, стр. 123.

[13] Основная литература по памятникам крымского эпипалеолита приведена в указателе, см. П. П. Ефименко, Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1941, стр. 275—279. В последующих сносках к этому разделу статьи приводятся только публикации, не вошедшие в указатель.

[14] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка «Замиль-Коба № 1». Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 7—32.

[15] О. Н. Бадер. Новые данные по палеолиту горного Крыма. БКИЧП, вып. 6—7, 1940, стр. 87.

[16] Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1, стр. 139.

[17] Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936», М.—Л., 1941, стр. 256.

[18] Е. А. Векилова. Позднепалеолитические стоянки в Крыму. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 137—139.

[19] Сб. «Археологические исследования...», стр. 255.

[20] Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 87—95.

[21] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, 1934, стр. 165.

частую явно смешанный материал. Последующий просмотр этих коллекций и выявление в них ряда бесспорно неолитических форм (трапеции со струганой спинкой и др.) вызвали тенденцию к более поздней, неолитической датировке всех этих материалов. С нашей точки зрения, вряд ли оправдано отнесение всех подъемных материалов Яйлы либо к мезолиту, либо к неолиту и энеолиту. Можно полагать, что дальнейший аналитический разбор коллекции, а также новые полевые исследования позволят выявить в этом районе не только неолитический, но и предшествующий ему мезолитический комплекс. Об этом, в частности, свидетельствует пока единственная открытая яйлинская двухслойная стоянка Джяйлау-Баш, раскопанная О. Н. Бадером [22]. Да и трудно допустить, чтобы в тарденуазскую эпоху — время дуба и бука в горном Крыму — Яйла не использовалась местным населением (что неизбежно должно было оставить археологические следы).

Во всяком случае, можно констатировать появление в позднем мезолите открытых стоянок в речных долинах крымских гор и проникновение таких стоянок в область Яйлы. Эти изменения в локально-топографическом размещении двух последовательно хронологических групп памятников, по нашему мнению, следует объяснять целым комплексом взаимосвязанных причин. К таковым надо отнести не только эволюцию климата и изменение физико-географических условий в начале голоцена, но и изменения в характере общественного хозяйства, на чем придется остановиться ниже.

Структурные особенности азильских и тарденуазских пещерных комплексов

Азильские и тарденуазские культурные слои крымских пещер значительно отличаются друг от друга по структуре их культурных горизонтов и планировке заселенной площади. Наибольший интерес в этой связи представляют два тщательно исследованных многослойных памятника — Шан-Коба и Замиль-Коба I.

Азильские слои этих памятников характеризуются остатками долговременных очагов, некоторыми строительными деталями, а также определенным устойчивым размещением очажных пятен и мест изготовления орудий.

Так, в основном азильском (VI) слое Шан-Кобы были выявлены: скопление камней при входе (вероятно, для укрепления построенного из ветвей заслона от ветра): очажное пятно овальной формы (0,56 × × 0,60 *м*), к которому примыкало скопление пережженных костей и рядом с которым находились камни со следами их использования в качестве рубящих орудий; скопление крупных кусков кремня — запаса сырья для выделки орудий [23].

Аналогичные детали обнаружены и в нижнем (азильском) слое грота Замиль-Коба I. Здесь в основании культурных отложений находилась тонкая прослойка обломков известняка, как полагает исследователь, служившая настилом пола. Основные бытовые комплексы (очаг, кострище, а также захоронение черепа человека) размещались в центре грота, в границах темно-фиолетового пятна диаметром около 6 *м*. Сложен-

[22] По устному сообщению О. Н. Бадера, на площади заложенного раскопа стратиграфически четко различались два горизонта с микролитоидной индустрией. В верхнем слое также были найдены фрагменты архаической керамики. Собранная при раскопках археологическая коллекция утрачена. Заметим попутно, что и Д. А. Крайнов не исключает наличия среди яйлинских стоянок отдельных преднеолитических комплексов (см. Д. А. Крайнов. Стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур юго-западного Крыма. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1957, стр. 13).

[23] С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции в 1935 г. СА, I, 1936, стр. 201—202.

ный из продолговатых камней и плит большой очаг (высота — 0,40—0,45 *м*, длина — 2,05 *м*, ширина — 0,85 *м*) был открыт в центре этого пятна, а рядом с очагом и кострищем располагалась небольшая кремневая мастерская [24].

Имеющиеся в литературе сведения об азильских горизонтах других крымских пещерных местонахождений очень кратки и отрывочны. Но все же следует упомянуть, что в Сюрени II был обнаружен очажный слой [25], а относительно своеобразной пещерной стоянки Буран-Кая, расположенной в Восточном Крыму, О. Н. Бадер отметил, что «удалось фиксировать остатки кострищ, скопления кремневых осколков и заготовок, соответствующие, по-видимому, рабочему месту изготовлявшего орудия человека» [26].

Итак, Шан-Коба и Замиль-Коба I раскрывают картину использования карстовых убежищ в качестве постоянных и долговременных жилищ, для оборудования которых человеком производилась значительная работа.

Те скупые сведения, которые имеются в литературе относительно других одновременных пещерных памятников Крыма, ничем не противоречат этому наблюдению.

Совершенно иной характер, в целом необычный для древних пещерных стоянок, имели аморфные тарденуазские слои. При их изучении не удалось не только выявить какую-то определенную планировку заселенной площади, но и обнаружить постоянный очаг. Так, в Замиль-Кобе I не было «найдено ни очагов, ни мастерских и никаких других бытовых памятников» [27], а единственный очаг, открытый в тарденуазском слое Шан-Кобы, «был слишком кратковременный, так как след, оставленный им, незначительный. Ни обжига камней, ни обычного прокаливания слоя, ни значительного скопления угля и отбросов пищи в очаге и около него не наблюдалось» [28].

Кроме того, тарденуазские слои, несмотря на свою значительную мощность, были намного беднее предметами индустрии, чем лежащие ниже азильские горизонты. В Шан-Кобе почти все костяные поделки и абсолютное большинство находок кремня происходят из нижнего азильского слоя [29]. В азильском комплексе Замиль-Кобы I на 800 кремней с признаками вторичной обработки приходилось 1500 сколов и обломков, а в более бедном тарденуазском горизонте отношение было обратным (605 обработанных кремней и 434 отщепа и осколка) [30].

Эта особенность, как и различное соотношение в азильских и тарденуазских комплексах числа обработанных сколов и отходов производства [31], не может быть объяснена мнимым упадком индустрии в тарденуазское время, так как в эту эпоху, напротив, происходило дальнейшее усовершенствование техники обработки кремня и развитие вкладышевых типов орудий. Можно предполагать поэтому, что в тарденуазское время в скальных убежищах, как правило, не только не осуществлялся весь цикл операций, по выделке орудий, но и работа ими в пещерах была сравнительно более редким явлением, чем в предшествующую пору.

Вместе с тем нельзя согласиться с Д. А. Крайновым, полагавшим, что в тарденуазское время пещера Замиль-Коба I была обитаема непродол-

[24] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка..., стр. 10, 12, 15.
[25] Г. А. Бонч-Осмоловский. Ук. соч., стр. 124.
[26] О. Н. Бадер. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского Института антропологии в 1936 г. СА, V, 1940, стр. 302.
[27] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка..., стр. 24.
[28] С. Н. Бибиков. Предварительный отчет..., стр. 200—201.
[29] Там же, стр. 210.
[30] Сб. «Археологические исследования...», стр. 250—251.
[31] Очевидно, что не только для кремневых мастерских, но и для стоянок типично совершенно иное соотношение при значительном численном преобладании отходов производства. К примеру, в комплексе Кукрека на 1100 кремневых орудий, нуклеусов и сколов с них приходилось 8000 обломков и осколков (см. Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка..., стр. 89).

жительный отрезок времени. Тарденуазский культурный слой этого местонахождения превосходит по мощности азильский, при примерно равноценных естественных факторах, от которых зависела интенсивность накопления отложений в течение одного и того же отрезка времени.

Действительную разгадку аморфности тарденуазских горизонтов (в структурном отношении в какой-то степени подобных самым верхним, кизячным слоям тех же пещер, оставленных пастухами в недавнем прошлом) и их бедности предметами индустрии следует искать в том, что в этот период они использовались не так, как в азильское время: они служили новым специфическим нуждам первобытного населения.

Фаунистические материалы эпипалеолитических пещер Крыма

О том, как использовались в тарденуазское время пещеры Крымского полуострова древними людьми, можно судить по видовому определению костей животных, обнаруженных в культурных слоях пещерных местонахождений Крыма верхнепалеолитического и мезолитического времени. Эти материалы показывают значительное изменение и обеднение в конце плейстоцена и в начале голоцена той фауны, которая представляла основные объекты охотничьего промысла в предшествующий период. Так, фаунистические остатки в нижнем слое навеса Сюрень I, относящемся к ориньякскому времени [32], представлены костями 37 видов животных [33], среди которых имеются мамонт и бизон. Список фауны азильских комплексов сокращается до 29 видов, из которых 16 (тушканчик, пеструшка степная, мышь лесная, хомяк и т. п.) не могли быть значительными источниками мясной пищи. Наконец, фауна тарденуазских слоев исчерпывается 11 видами, из которых половина не могла играть существенной роли в пищевом рационе охотника.

Господствующее положение в тарденуазской фауне в качестве основных объектов охоты занимают марал, козуля, проникшая в Крым на грани голоцена, и, особенно, кабан.

Начало подобной специализации в охотничьем промысле прослеживается уже в некоторых азильских комплексах.

Особое место, которое занимает среди трех основных названных видов кабан в тарденуазских комплексах и преобладание в числе его особей поросят, делает недостаточным объяснение этих особенностей хозяйства только охотой (в обычном понимании этого слова).

Во-первых, следует принять во внимание трудности охоты на кабана с помощью эпипалеолитического оружия. Охота на дикую свинью обычно имеет сезонный характер и приурочивается ко времени «гона». Этот промысел затрудняется свирепостью, большой чуткостью и пугливостью животного, которое живет только в глухих местах, и ночным образом его жизни.

Если учесть эти соображения, то нужно признать, что в мезолитическое время в Крыму охота на крупную форму кабана (Sus scrofa Attilaferus) вряд ли могла быть основным источником существования древних людей. Можно полагать, что кабан, хотя и был одним из основных промысловых животных, но не занимал такого исключительного места в охоте, как это можно заключить из анализа остеологических материалов эпипалеолитических культурных слоев [34]. Вероятно, добыча

[32] Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953, стр. 19.

[33] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование..., табл. 11.

[34] Так, в азильском (VIII) слое Таш-Аира I, по сообщению Д. А. Крайнова (Д. А. Крайнов. Стоянка Таш-Аир I..., стр. 12—14), кости кабана составляли 72% всех костей животных, а в последующее, тарденуазское время это преобладание еще более возросло. Можно быть совершенно уверенным, что ни один чисто охотничий первобытный коллектив, существовавший в условиях, самых благоприятных для охоты на кабана, не мог оставить кухонные отбросы такого состава.

благородного оленя имела не меньшее значение. Численное соотношение костей различных животных в азильских и, особенно, в тарденуазских горизонтах пещер передает не совсем точно, с некоторыми искажениями, относительное значение каждого основного промыслового вида в охотничьем хозяйстве первобытного Крыма. Не исключено, что в данном случае имела место известная выборочность видов, обусловленная некоторыми особенностями общественного хозяйства и специфическим использованием пещер; промысловая добыча (в зависимости от вида) не совсем пропорционально представлялась в них.

Во-вторых, уже упоминавшееся наблюдение В. И. Громовой и В. И. Громова также подтверждает мысль о том, что не только охота была причиной обилия костей свиньи в мезолитических слоях крымских пещерных местонахождений. Исследователи не только отметили многочисленность костей свиньи, но и значительное преобладание среди них костей поросят (до 70%), что в течение длительного времени повсеместно было устойчивой, типичной чертой для архаичного свиноводства [35], но отнюдь не для обычного охотничьего уклада жизни.

К сожалению, в статье В. И. Громовой и В. И. Громова не приводятся сведения о возрасте тех поросят, кости которых изучались. Такое определение представило бы значительный интерес и позволило бы судить, в течение какого периода в среднем выдерживалось потомство свиньи. Но сам по себе этот факт очень существен. По нашему мнению, он может иметь только одно истолкование: в хозяйстве эпипалеолитического населения горного Крыма поросята, принесенные дикой или же полудикой свиньей, преднамеренно сохранялись человеком в течение известного времени. Подобное явление может быть определено только как древнейшее примитивное свиноводство.

* * *

Попытаемся суммировать изложенные выше наблюдения.

Для культуры азильского времени на этой территории в основном еще характерно продолжение основных палеолитических традиций, связанных с использованием пещер в качестве постоянных мест обитания родового коллектива и ведением охоты главным образом в угодьях речных долин. Продолжающееся изменение природных условий и связанное с ним, как и с истребительной деятельностью первобытного охотника, обеднение видового состава фауны привели на грани плейстоцена и голоцена к эволюционному преобразованию формы хозяйства и его все более определенной промысловой специализации на основе расширяющегося применения новых орудий промысла (в первую очередь, лука и стрел) и использования прирученной собаки. Начало этим преобразованиям было положено уже в азильское время.

Более чем вероятно, что истощение старых охотничьих угодий в долинах рек и сосредоточенность новых основных объектов промысла

---

[35] См., например, Е. Г. Андреева. Фауна Кондраковского городища. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, М.—Л., 1940, стр 366; В. И. Бибикова. Домашние и дикие животные из поселения Лука-Врублевецкая. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 59; ее же. Фауна Пекуновского городища. МИА, № 13, 1950, стр. 142; В. А. Городцов. Панфиловская стоянка. Тр. Владимирского музея, вып. II, 1926, стр. 14—15; В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. МИА, № 8, 1948, стр. 113, 121; М. Н. Серебренникова. Сельскохозяйственные животные Пижемского городища. Там же, стр. 385; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. МИА, № 5, 1941, стр. 71; В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. СА, XX, 1954, стр. 275, 280; его же. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 98—99; его же. Палеофауна Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 132; его же. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 227; его же. Фауна из раскопок в Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 224, 229.

в области Яйлы, покрывшейся дубовыми и буковыми лесами [36], должны были неизбежно повлечь за собой некоторое ослабление связей древних обитателей края с пещерами и начальное освоение зоны карстовых плато, чему благоприятствовал климатический оптимум. Совершенствуясь, охота, вероятно, в значительной мере утрачивала свой прежний хищнический характер [37] и представляла в некоторых случаях избыточные трофеи в виде взятых живьем зверей [38]. Последние могли иногда сохраняться некоторое время как запас мяса, не требующего консервации. Вспомним, что собака в более раннее время также была запасом живого мяса [39]. Вполне вероятно, что в мезолите использование приручаемой собаки в качестве источника мясной пищи [40], послужило одной из важнейших причин первичной доместикации этого вида.

Но и в тарденуазское время пещеры не были оставлены полностью, хотя увлажнение климата сделало более удобными для жизни открытые стойбища. Напротив, численно в эту пору пещеры, вероятно, использовались несколько более широко, чем в азильское время. В связи с аморфностью пещерных тарденуазских культурных отложений можно предполагать, что по крайней мере, некоторые из гротов и навесов являлись главным образом местом укрытия (в первую очередь, в зимнее время) отдельных захваченных живьем особей животных. Естественно, что при животных находилась какая-то часть первобытного коллектива [41]. Вполне возможно, что такие живые охотничьи трофеи первоначально приберегались к родовым праздникам. Допустима мысль, что при первых опытах подобного рода охватывающих, вероятно, значительный период времени, в пещеры вместе с кабанами попадали особи благородного оленя. Но впоследствии, очевидно, человек стал осуществлять видовую выборочность с предпочтением кабана. Эта выборочность была следствием накопления известных навыков в связи с более глубоким практическим знакомством с биологическими особенностями каждого вида, проявляющимися при содержании в неволе. Кабаны несравненно легче переносили неволю, чем олени или козули, и быстро привыкали к чело-

[36] О преимущественной приуроченности сейчас основного ареала распространения кабана в горах к зоне буковых лесов см. В. В. Логинов. Новые данные к познанию биологии кавказского кабана. Бюллетень Московского об-ва испытателей природы, нов. серия, т. XLV, вып. 1, стр. 10—11.

[37] Примеры ряда ограничительных табу при охоте приводятся в этнографической литературе (см., например, А. М. Золотарев, М. Г. Левин. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. Проблемы происхождения..., т. I, 1940, стр. 175—176).

[38] Захват свиньи живьем был, по-видимому, наиболее облегчен в зимний период, когда к тому же особи этого вида бывают наиболее упитанными, а самки — нередко супоросыми. В течение названного сезона, очевидно, мог широко применяться такой элементарный прием, как загон животного на угодья, имеющие относительно мощный снеговой покров (более 30 *см*). Здесь оно сразу же теряло подвижность и становилось беззащитным. Показательно, что именно такой, вероятно, широко бытовавший в древности охотничий прием воспроизводится в мифе о победе Геракла над чудовищным эриманфским вепрем (пятый подвиг Геракла).

[39] Г. А. Бонч-Осмоловский. О нарезках на палеолитических костях. СГАИМК, 1931, № 8, стр. 25—27.

[40] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Тр. ИЭ, нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 148, П. І. Борисковський. Людина кам'яного віку на Україні. Київ, 1940, стр. 103.

[41] Таким образом, по нашему предположению, в этот период пещеры использовались в некоторой степени подобно тому, как это имело место в сравнительно недавнее время в Крыму, а именно в качестве более или менее долговременного и постоянного загона для скота. (См. Г. Караулов. Крымские пещерные города и крипты. ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 47; А. Н. Бернштам. Жилище Крымского Предгорья. ИГАИМК, т. IX, вып. 6—7, 1931, стр. 14—17). В некоторых районах Закавказья искусственно вырытые подземные жилища (где вместе с людьми в течение зимы находился скот), упоминавшиеся еще Ксенофонтом, существовали вплоть до конца прошлого века. (См. И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 83—95; его же. Ахалкалакский уезд. Медицинский сборник, издаваемый Кавказским Медицинским об-вом, вып. 53, т. 28, Тифлис, 1892, стр. 148—158).

веку[42]. Большое значение имело то обстоятельство, что дикие свиньи (взять которых живьем было значительно легче, чем секачей), пойманные во время основного охотничьего сезона (поздней осенью и зимой), зачастую были супоросыми и весной приносили потомство, сохранявшееся человеком.

Подобные наблюдения могли получить какое-то практическое значение во всем укладе эпипалеолитического хозяйства только при условии их многократной повторяемости в течение значительного отрезка времени. Содержание дикой супоросой свиньи в пещере и вблизи от нее и сохранение принесенных ею в неволе поросят на протяжении нескольких недель или месяцев могло стать преднамеренным рациональным приемом и превратиться в одну из своеобразных, все более прогрессирующих черт хозяйства. Впоследствии длительное совместное содержание плененных разнополых особей привело к началу разведения свиньи в условиях неволи и к закреплению ее доместикации.

Такая возможность обусловливалась биологическими особенностями дикой свиньи, приручавшейся в первом поколении и приносившей потомство в неволе, по существу уже одомашненное. Всеядность свиньи, как и исключительная, можно сказать, уникальная быстрота ее доместикации, позволили эпипалеолитическим охотникам Крыма преодолеть основную трудность первично проходящего процесса приручения и одомашнивания. Эта трудность, с которой наверняка пришлось столкнуться всем первобытным скотоводам, заключалась в необходимости прокорма захваченных особей при отсутствии каких бы то ни было специальных навыков и крайне низких производственных возможностях общества.

В данном случае подобная задача, очевидно, была стихийно решена простейшим образом. Вероятнее всего, охотник не брал на свое полное содержание захваченные им живые трофеи. Приручавшихся животных он не обеспечивал всем необходимым кормом, в среднем исчисляемом 5—6 *кг* пищи на взрослую особь в сутки[43]. Очевидно, он лишь подкармливал свинью как отбросами своей пищи, так и продуктами южного мезолитического собирательства (желудями и, возможно, улитками Helix), составлявшими излюбленную пищу животного. Свиньи, содержавшиеся вблизи он навеса и укрывавшиеся в нем, были предоставлены самим себе и добывали пропитание так же, как и их дикие сородичи.

Показательно, что черты именно такого архаичного разведения свиней, сложившегося, очевидно, в период их первичной доместикации, в дальнейшем бытовали очень долго, на протяжении нескольких тысячелетий. В литературе этот способ получил название «полувольного свиноводства», при котором животных на все теплое время выгоняли в лес и горы, либо переправляли на острова и предоставляли их там самим себе вплоть до поздней осени. По свидетельству А. Э. Брэма, еще в конце прошлого века подобное первобытное по своему характеру свиноводство, основанное на самостоятельном выпасе животных в лесу, было широко распространено в России, Скандинавии, Венгрии, Греции, Турции, Италии на юге Франции и Испании, в Америке[44].

При этом следует подчеркнуть, что разводимые на основе полувольного содержания Sus domestica не только своим нравом и повадками, но и в морфологическом отношении были очень близки к кабану, неизмеримо больше, чем домашние свиньи улучшенных, скороспелых пород культурной зоотехники. Точно так же исследователями не раз отмечалось, что современные примитивные длиннорылые свиньи при их паст-

---

[42] И. Д. Иваненко. Постнатальное развитие кабана в связи с условиями внешней среды. Сталинабад, 1956, стр. 99.

[43] Там же, стр. 58.

[44] А. Э. Брэм. Жизнь животных, т. III. Млекопитающие. СПб., 1893, стр. 547—548.

бищном выпасе по ряду существенных анатомических особенностей явственно сближались с дикой формой [45].

Наконец, проведенное Ч. Дарвином изучение сведений о вторично одичавших свиньях разных районов показало, что при попадании домашней свиньи в условия существования дикого вида наблюдается бесспорный частичный возврат к ряду характерных морфологических особенностей последнего (форма тела, длина ног и головы, строение зубов и т. д.) [46].

Все приведенные случаи, очевидно, объясняются тем, что при способе добывания пищи, более или менее аналогичном характеру кормления кабана, морфологическое развитие домашних свиней протекает сходно с развитием диких особей [47]. Именно способ добывания пищи определяет, в первую очередь, все формирование передней части тела — головы и шеи [48], ископаемые кости которых чаще всего изучаются палеозоологами для определения древних диких или же доместицированных разновидностей.

Рассматривая мезолитические истоки свиноводства, естественно предполагать, что в глубокой древности были распространены еще более примитивные формы содержания животных, при которых образ жизни первых одомашненных особей вряд ли существенно отличался от образа жизни их диких сородичей. Следовательно, и те и другие нередко сохраняли полное подобие своего облика. Поэтому в южных мезолитических комплексах среди костей животных, не несущих на себе морфологических признаков доместикации, совсем не исключено наличие остатков первых домашних животных.

Однако, как показали полевые работы последних лет, в некоторых случаях (пусть относительно редких и имеющих частный характер), заметные морфологические изменения у прирученной или же одомашненной свиньи проявлялись в значительно более ранний период, чем это следовало бы ожидать.

Причины подобных случаев, по-видимому, кроются в том, что иногда древний свиновод значительно ограничивал передвижения животного. При этом на развитии последнего сказывалось как резкое изменение образа жизни, так и недостаточность предоставляемого человеком корма. Все это отражалось на морфологии животного, развивающегося в мелкую («торфяниковую») породу.

В 1952 г. А. А. Формозов провел разведочное обследование открытого И. М. Громовым большого сухого навеса в Алимовской балке, близ с. Баштановки, Бахчисарайского района, на р. Каче [49]. В нижнем слое культурных отложений, вскрытых шурфом, наряду с предметами микролитоидной кремневой индустрии, были встречены кости оленя, козули, зайца, дикой лошади и свиньи. Последние, по определению В. И. Цалкина, принадлежат древней домашней форме.

В этом навесе, получившем название Алимовского, в конце 1955 и начале 1956 г. автором статьи был заложен раскоп общей площадью в 80 $м^2$, который позволил уточнить стратиграфию многослойного памятника и получить значительные археологические и фаунистические материалы. При этом было установлено, что слой, давший опознанные В. И. Цалкиным кости домашней свиньи, относится к раннетарденуазскому времени. Что же касается дополнительных фаунистических материалов из кухонных отбросов мезолитических слоев Алимовского на-

[45] И. Д. Иваненко. Ук. соч., стр. 182.

[46] Ч. Дарвин. Изменения домашних животных и культурных растений. Соч., т. IV, М.—Л., 1951, стр. 156—158.

[47] Там же, стр. 157, 631—632.

[48] А. Э. Брэм. Ук. соч., стр. 546; И. Д. Иваненко. Ук. соч., стр. 61, 144, 187, 198.

[49] А. А. Формозов. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 67—70.

веса, то пока они получили общее видовое определение (И. М. Громов), показавшее преобладание костей sus в раннетарденуазском слое. Именно этот слой датирует начало постоянного использования навеса человеком, который до этого в азильское время в нем останавливался лишь на короткий срок. Очевидно, что специальный анализ происходящих из этого местонахождения костей свиньи представляет бесспорный интерес, особенно в связи с наблюдениями, ранее сделанными В. И. Цалкиным.

Отметим попутно, что в дополнение к рассматривавшимся выше косвенным археологическим признакам первой ступени одомашнивания свиньи в мезолитическом хозяйстве Крыма заслуживает внимания вопрос о причинах, приведших к освоению холодного, обращенного на север и открытого ветрам навеса именно в тарденуазе. Учитывая ряд факторов, мы склонны связывать это обстоятельство не только со смягчением физико-географических условий в эту пору, но и с направлением развития общественного производства. Мы полагаем, что при закреплении в хозяйственной практике опыта примитивного свиноводства убежище, расположенное в глубине большой балки с отличными угодьями для вольного выпаса свиньи, стало привлекательным для человека, несмотря на все недостатки этого места как постоянного поселения.

* * *

Итак, в Крыму первичное одомашнивание одного из видов диких животных, по нашему мнению, явилось результатом развития и усложнения специализированного охотничьего хозяйства мезолита в определенных физико-географических условиях. Оно стимулировалось и закреплялось постепенно осознаваемой экономической целесообразностью, а не «любительством» или «забавой» [50]. Это был длительный, стихийно проходящий процесс, и древние обитатели Крыма, заботясь о своих насущных потребностях, естественно, не представляли себе все те значительные общественные последствия, к которым привели эти первые начинания первобытного коллектива.

Предположение об осуществлении мезолитическим населением Крыма первичного одомашнивания одного из основных видов животных подтверждает тезис К. Маркса о глубокой древности первобытного скотоводства [51] и вскрывает действительную историческую сущность южного мезолита как переходного периода от палеолитического, присваивающего хозяйства, к ранненеолитическому, производящему хозяйству.

Вероятно, аналогичный процесс проходил в эту же эпоху в причерноморской части Кавказа, где кабан, как и первобытный бык, был эндемичным видом в течение всей второй половины ледникового периода (Ильская [52], Ахштырская пещера [53] и др.). Некоторые верхнепалеолитические комплексы содержат указания на развитие специализированной охоты на кабана (например, Девис-Хврели [54]). Возможно также, что Кавказ,

---

[50] Этим факторам особое значение придавали некоторые этнографы (см. В. Г. Богораз-Тан. Распространение культуры на земле. М.—Л., 1928, стр. 82; А. Н. Максимов. Скотоводство малокультурных народов. Уч. зап. Ин-та истории, т. II М., 1927, стр. 10, 17—18, 24). Очевидно, что эти моменты сами по себе, вне связи с развитием производительных сил и особенностями хозяйства, не могли обусловить превращение биологической возможности одомашнивания животных в действительность.

[51] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 186.

[52] С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 210.

[53] С. Н. Замятнин. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. БКИЧП, вып. 6—7, 1940, стр. 100—101.

[54] С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2, стр. 116; В. И. Громова. Об остатках млекопитающих каменного века из Закавказья. Ежегодник Зоологического музея АН СССР, т. XXX, вып. 3, 1929, стр. 427—445; В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование..., стр. 263—264.

особенно его северная периферия (Прикубанье) и причерноморская полоса, был одной из областей первичной доместикации дикого быка.

В течение всего плейстоцена основная область распространения кабана в Европейской части СССР ограничивалась Крымом и Кавказом. В начале современной геологической эпохи, при прогрессирующем смягчении климата, кабан расселился далеко на север Восточной Европы. Об этом свидетельствуют кости и использованные первобытным человеком клыки кабана, обнаруженные в комплексах неолитических и раннеметаллических стоянок и могильников Московской [55] и Ярославской [56] областей, Прибалтики [57], Приладожья [58], Вологодской области [59] и других районов лесной зоны. Особенно же обильно кабан, по-видимому, был представлен в фауне Южной Украины, где жизненные условия были наиболее благоприятными для него и где он постоянно обитал на протяжении последующего времени, вплоть до конца прошлого века [60].

Естественно, что географический ареал распространения кабана был значительно обширнее той области, где одомашненная древняя свинья могла быть первоначально включена в первобытное скотоводческое хозяйство. В территориальном ареале каждого вида зоологи различают три примерно концентрически располагающиеся и постепенно переходящие одна в другую зоны: а) оптимальную (центр биологического развития вида), где прирост поголовья значительно превышает его смертность; б) неустойчивую, где рождаемость численно примерно совпадает со смертностью; в) периферийную, где смертность доминирует над рождаемостью и где вид может непрерывно существовать только за счет его пополнения из двух первых зон.

При первых шагах складывающегося скотоводческого хозяйства оно могло существовать только в пределах оптимальной зоны, в районах, особо выделяющихся благоприятными условиями.

Известно, какие катастрофические потери поголовья диких свиней, обитающих в границах оптимальной зоны, приносят даже редкие холодные зимы со значительным снеговым покровом и гололедицами [61]. Глубина снега более 30—40 *см* исключает возможность жизни кабана, лишает его корма и делает беспомощным перед хищником.

При наступлении необычно снежной и продолжительной зимы единственное спасение для кабанов заключается в том, что они массами покидают эти места и в поисках более благоприятных природных условий совершают перекочевки на сотни километров. В более тяжелом положении должны были оказаться первые одомашненные свиньи. Свободу их миграций стесняла оседлость первобытных свиноводов, которые не могли предоставить своему стаду ни достаточного корма, ни надежного убежища. При таких обстоятельствах одна суровая зима могла привести и, по-видимому, приводила к большим потерям поголовья, часть кото-

---

[55] Б. А. Куфтин. Льяловская неолитическая культура. Сб. «К материалам по археологии Рязанского края», вып. V, Рязань, 1925, стр. 27.

[56] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 133.

[57] Л. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 57.

[58] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 44—48, 216; А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, вып. IX, 1940, стр 43, 49.

[59] А. Я. Брюсов. Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 104.

[60] И. Г. Пидопличко. Фауна Ольвии (по раскопкам 1935—1937 гг.). Природа, 1938, № 11—12, стр. 113—114; В. И. Зубарева. Фауна Киева 1000 лет назад. Природа, 1940, № 8, стр. 84—85.

[61] Г. Д. Рихтер. Роль снегового покрова в физико-географическом процессе. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. X, М.—Л., 1948, стр. 70—85; А. Н. Формозов. Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц. Материалы к познанию фауны и флоры СССР, нов. серия, отд. зоол., вып. 5 (XX), 1946, стр. 123 и др.; его же. Колебания численности промысловых животных. М.—Л., 1935, стр. 58.

рого, при всей относительной скороспелости вида, все же выращивалась в течение нескольких лет (секачи-производители).

О выращивании одомашненных самцов до возраста в 6—7, а, возможно, и более лет свидетельствуют, в частности, материалы Мариупольского могильника. Для изготовления найденных здесь украшений из клыков кабана надо было заколоть не менее 140—150 секачей. Первоначально эта особенность служила основанием для причисления мариупольцев к числу исключительно охотничьих коллективов. Однако эти факты получают совершенно иное, достоверное объяснение при учете биологических данных. Дикий хряк достигает половой зрелости в возрасте 7—8 месяцев, но в связи с господствующими у вида инстинктами участвует в размножении только с 3,5—4 лет. Древние свиноводы Приазовья еще не нарушили в принадлежавшем им поголовье естественно сложившихся биологических связей дикого вида даже тогда, когда за плечами у них был опыт, накопленный примерно в течение 2000—3000 лет. Поэтому-то, предоставляя своих свиней образу жизни, во многом аналогичному существованию дикой, исходной формы, неолитические люди были вынуждены держать самцов до 5—7-летнего возраста.

Поэтому древнейшее свиноводство получило первоначальное развитие в таких районах оптимальной для кабана зоны украинского Левобережья, как Надпорожье, и, особенно, Приазовье, где снежная и холодная зима благодаря близости обширного морского бассейна является чрезвычайно редким явлением.

Связь территории распространения памятников надпорожско-приазовского неолита, в которых наличие скотоводческих элементов не вызывает сомнения, с определенным физико-географическим районом Левобережной Украины наглядно иллюстрируется приложенной картой (рис. 1). Стоянки и своеобразные траншейно-гнездовые могильники этой культуры сосредоточены на юго-западной периферии Днепро-Волжского междуречья, именно там, где зимы короткие и малоснежные [62]. В целом территориальное размещение стоянок и могильников ограничивается теми участками речных долин, где средняя длительность зимы не превосходит 60—65 дней, а изотерма января колеблется от —4° до —6° [63].

Особенно много подобных памятников открыто в районе течения Днепра между гг. Днепропетровском и Запорожьем. Это обстоятельство связано, в первую очередь, со сложившимся сейчас здесь, в зоне оз. Ленина, гидрогеологическими условиями, вследствие которых ежегодно обновляются береговые обнажения и облегчается разведка археологических комплексов, погребенных в четвертичных отложениях древних речных террас. Но также возможно, что оно является известным показателем сравнительно большой плотности неолитического населения на урочищах вблизи порогов, в местах, особенно богатых рыбой, которая занимала не малое место среди источников существования древнейших скотоводов украинского Левобережья.

[62] Е. Е. Федоров, А. И. Баранов. Климат равнины Европейской части СССР в погодах. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. XLIV, М.—Л., 1949, стр. 96—97, рис. 27; стр. 179, рис. 56б и сл.; А. И. Баранов. Климатические времена года в Европейской части СССР. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. XLVIII, М.—Л., 1950, стр. 32—48.

[63] Лишь один комплекс, аналогичный надпорожско-приазовским, открыт значительно северо-восточнее днепровских порогов, на границе степи и лесостепи — у с. Александрия на р. Оскол (см. Д. Я. Телегин. Два новых памятника неолита Украины. Рукопись хранится в архиве Института археологии АН УССР, стр. 1—5). По нашему мнению, этот памятник свидетельствует об эпизодическом проникновении отдельных групп днепровского населения в более континентальные северо-восточные степи, где эти группы в связи с укладом их хозяйства, вероятно, не смогли прочно закрепиться. Поселение у с. Александрия представляет особый интерес и потому, что оно, по-видимому, раскрывает картину одного из контактов позднеолитической культуры Надпорожья — Приазовья с одним из начальных вариантов древнеямной культуры (см. А. Д. Столяр. Мариупольский могильник..., стр. 19).

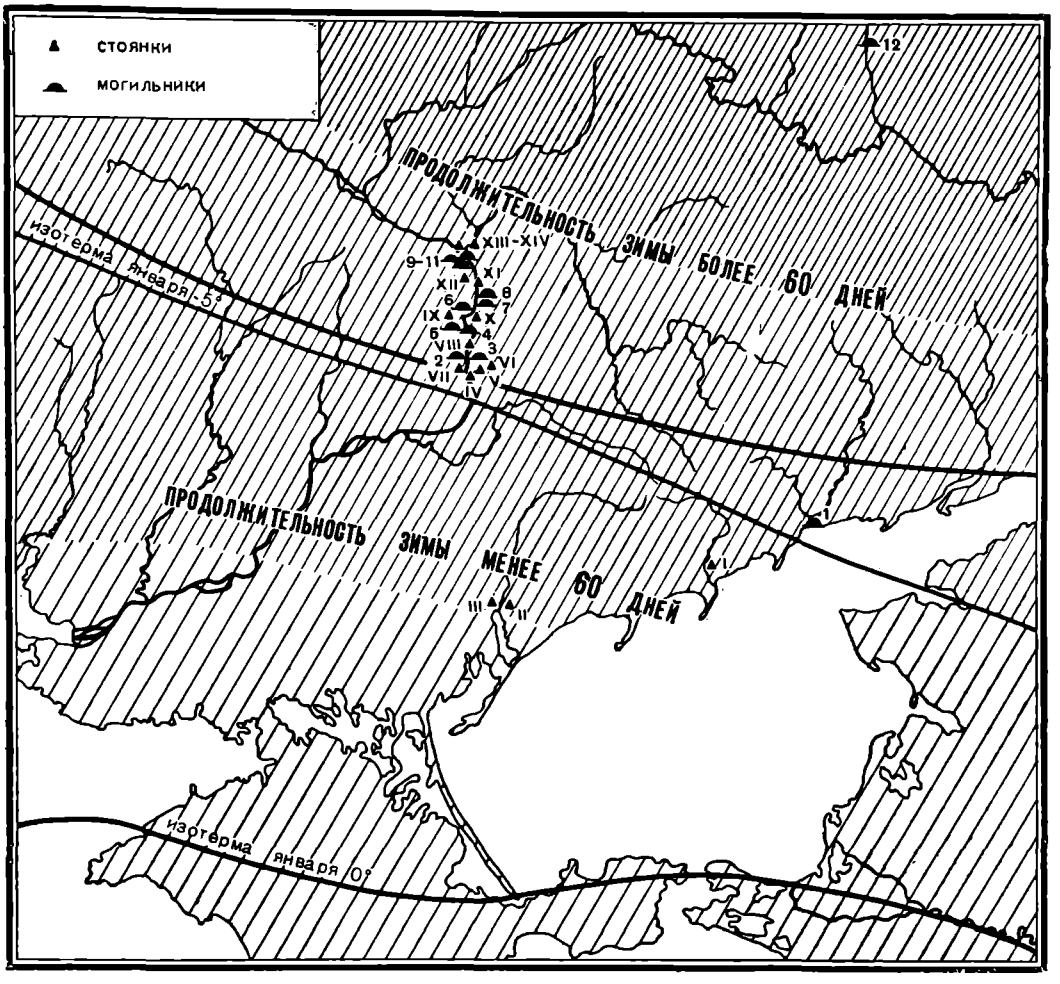


Рис. 1. Стоянки и могильники среднего и позднего неолита в Надпорожье—Приазовье

Стоянки: *I* — на берегу р. Берда; *II* — Каменная Могила; *III* — на правом берегу р. Молочной; *IV* — Средний Стог; *V* — Стрильча Скеля; *VI* — на острове Вовчек; *VII* — в урочище Собачки; *VIII* — на Виноградном острове; *IX* — Вовнигская; *X* — на острове Малом Дубовом; *XI* — на острове Шулаевом; *XII* — на Сурском острове; *XIII* — Игрень V; *XIV* — Игрень VIII. Могильники: *1* — Мариупольский; *2* — в урочище Собачки; *3* — Вольнянский; *4* — Вовнигский левобережный; *5* — Вовнигский правобережный; *6* — Никольский; *7* — Марьевский; *8* — второй Васильевский; *9* — Чаплинский; *10* — у с. Старые Чапли; *11* — у с. Старая Игрень; *12* — у с. Александрия на р. Оскол. Линия, проходящая севернее изотермы января (—5°), обозначает современную границу зимы продолжительностью менее (южнее) и более (севернее) 60 дней. Учащающаяся к северу косая штриховка показывает нарастание длительности зимы

Можно предполагать, что на грани плейстоцена и голоцена кабан проник в Приазовье и Надпорожье из ближайшего района его эндемичного обитания — Крыма (возможно, и из причерноморской области Кавказа). На это указывают также большие размеры его ближайшего одомашненного потомка — свиньи, разводившейся древним населением долины р. Кальмиус (Мариупольский могильник) [64]. По своим морфологическим особенностям эта свинья сходна с очень крупным кабаном крымского эпипалеолита.

Вполне возможно, что продвижение первых в различной степени доместицированных свиней из Крыма через перешеек, на юг левобережной Украины, было следствием не только межплеменных контактов и актов обмена, но и происходило порой в связи с территориальным расселением и перемещением отдельных групп все более численно возрастающего крымского населения, которое уже в тарденуазское время осваивало се-

[64] И. Г. Пидопличко. О ледниковом периоде, вып. II. Биологические и географические особенности европейских представителей четвертичной фауны. Киев, 1951, стр. 87.

верные, степные районы Крымского полуострова [65]. Исследование территориально-хронологического распространения кремневых орудий микролитических типов на юге Украины привело А. А. Формозова к предположению, что отдельные группы крымского населения проникали за пределы полуострова в соседний приазовский район [66], где они, очевидно, сливались с коренным местным населением.

В заключение следует отметить, что раскопанные в течение последних лет в Надпорожье первые в СССР мезолитические могильники [67] открывают возможность рассматривать вопрос о сложении древнейшего скотоводства на юге Европейской части СССР на фоне широкой исторической перспективы. Эти могильники показали, что в мезолитическое время порожистая часть Днепра (а вместе с ней Крымский полуостров и причерноморская часть Кавказа) органически входили в круг поздних культур восточного отдела южной, средиземноморско-африканской провинции. Именно в этой культурно-исторической общности первого порядка генезис архаичного производящего хозяйства начался наиболее рано. Новые материалы показали, что частный случай, рассматриваемый в настоящей статье, был элементом закономерного развития.

Они же подтвердили положение о том, что генезис всего скотоводства на юге Европейской части СССР следует рассматривать как процесс, слагавшийся из ряда явлений. В их числе наиболее важным было, с одной стороны, вызревание местных навыков и, с другой — распространение хозяйственных достижений отдельных очагов доместикации животных в среде исторически родственных культур.

---

[65] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита, стр. 165.

[66] А. А. Формозов. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, № 1, стр. 168—172.

[67] В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник. СЭ, 1955, № 3, стр. 56—61; Г. Ф. Дебец. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. Там же, стр. 63—73; Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I. Там же, стр. 189—210; Д. Я. Телегин Третий Васильевский могильник. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 9—12.

Б. А. ЛАТЫНИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В сухом и жарком климате, в тех зонах, которые не орошаются естественными разливами или искусственно, земледелие весьма мало продуктивно или невозможно вовсе. Но на периодически увлажняемых тем или иным путем лёссовых и аллювиальных почвах орошаемое земледелие позволяет здесь получать огромные урожаи.

Оно открывает тем самым возможность высокой производительности труда в общественном производстве и, становясь основною отраслью хозяйства, создает широкую и устойчивую материальную базу для интенсивного развития общества.

В этих условиях ирригация приобретает ведущее значение в росте производительных сил, и изучение вопросов ее возникновения и дальнейшего развития является одной из первоочередных и важнейших задач истории древнего Востока и, в частности, истории земледельческих областей Средней Азии.

При всей очевидности этого история ирригации и орошаемого земледелия разработана далеко еще недостаточно. Причины такого положения заключаются, видимо, не столько в недооценке значения данной темы, сколько в затруднениях, скорее, источниковедческого и методического порядка.

В разработке ее исследователи, казалось, сталкивались прежде всего и с недостатком материала, и с крайней ограниченностью и неполноценностью его как исторического источника.

Для того чтобы какое-то явление в развитии орошаемого земледелия в древности могло быть правильно понято и использовано в изучении процесса этого развития, это явление было необходимо рассматривать не изолированно и не в его стабильном состоянии. Надо было также расположить полученные данные во времени, т. е. проследить их хронологическую последовательность.

Для тех источников, которые обычно привлекались при изучении истории ирригации, и то и другое оказывалось, однако, затруднительным.

Так, по Средней Азии имелись довольно многочисленные сведения о следах ирригационных систем, некогда существовавших в различных районах так называемых земель древнего орошения. Но описывались они весьма поверхностно и без учета связи таких систем с природными условиями местности, ее рельефом, гидрологическими и прочими особенностями. Поэтому не представлялось возможным судить ни о типе древних ирригационных сооружений, ни о приемах некогда осуществлявшегося при их посредстве орошения.

Нельзя было связать их и с какими-нибудь определенными группами древних поселений, развалины которых также постоянно отмечались на землях древнего орошения, и попытаться таким путем подойти к установлению времени возникновения и существования этих систем и вообще поливного земледелия на тех или иных участках. Вопрос же о вре-

мени и причинах изменения границ и запустения самих земель древнего орошения если и ставился, то или только в свете долго господствовавшей гипотезы о продолжающемся усыхании климата Средней Азии, или рассматривался как катастрофическое последствие лишь каких-то внешних причин: нашествий, завоеваний и т. п.

Все это приводило к тому, что большинство таких сведений о сохранившихся остатках древних ирригационных систем не могло быть применено и использовано как сколько-нибудь полноценный источник для изучения истории ирригации.

В значительной степени это относится также и к тем отрывочным и обычно только попутным упоминаниям об оросительных сооружениях, которые встречаются у некоторых древних авторов.

При всей огромной эрудиции академика В. В. Бартольда, сделанный им сводный обзор известий, имеющихся по этому вопросу у арабо- и ираноязычных авторов, дал лишь ряд ценных историко-географических очерков и комментариев, но ни в какой мере не историю орошения Средней Азии. Такие основные ее проблемы, как время, природные и общественно-исторические условия и формы возникновения орошаемого земледелия, как последовательность изменения приемов и способов ирригации и связь этого с освоением новых ареалов поливных земель и т. п., не только не нашли ответа в этой работе, но не могли быть в ней даже и поставлены [1].

Расширению круга источников и введению в изучение развития орошаемого земледелия и ирригации Средней Азии необходимого элемента историзма могло бы помочь привлечение и использование археологических материалов. При некоторых определенных условиях они позволяют не только устанавливать такие новые факты, которые оставались обычно недоступными при изучении этих вопросов по другим источникам, но и рассматривать эти факты в их хронологической последовательности, в их природной и общественно-исторической обусловленности.

Однако одно узко археологическое изучение древних памятников, в том числе и остатков самих древних оросительных сооружений, не дает еще само по себе нужных результатов. Для получения их необходима определенная направленность и методика археологических исследований.

Она вполне возможна и не является к тому же чем-то совершенно новым и неизвестным ранее. В своей общей форме она довольно широко применялась в работе археологов в ряде районов нашей страны. Ею пользовались, но, к сожалению, далеко не всегда, а лишь при некоторых археологических исследованиях, проводившихся в последние десятилетия, и в Средней Азии.

Основные методические установки этого направления, в особенности применительно к изучению вопросов развития ирригации и поливного земледелия, еще никогда, однако, не были достаточно определены и сформулированы. Выяснение же того, что лежит в его основе и каковы практические возможности его применения, является необходимым для дальнейших работ в этой области.

Если сделать попытку установить существо и специфику этого направления и некоторых обусловленных им особенностей методики проведения археологических работ, то, полагаю, можно было бы охарактеризовать их следующим образом.

Они определяются, прежде всего, тем отправным положением, что в археологических исследованиях, наряду со всесторонним изучением самих древних памятников и вещественного инвентаря, которым они сопровождаются, очень большое значение имеет тщательный учет природных условий ареала расположения памятников. Особенно важны и

[1] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

обязательны такие наблюдения в отношении природных условий расположения мест древних поселений.

Эти требования и установки относятся как к полевым археологическим изысканиям, так и к дальнейшей исследовательской работе. Они основаны на том, что учет и анализ природных условий ареала расположения памятников позволяют значительно расширить и углубить понимание многих важнейших сторон жизни общества — создателя и носителя той или иной археологической культуры. В своих типических особенностях и закономерной повторяемости эти условия в ряде случаев дают возможность судить о конкретных формах хозяйства и о техническом уровне и способах использования ресурсов окружающей природной среды в общественном производстве. Например, изучение расположения неолитических стоянок по берегам рек и озер и на дюнных холмах речных долин лесной полосы помогло определить их как сезонные стойбища охотничье-рыболовческих племен.

В установлении профиля оседлого хозяйства племен эпохи поздней бронзы нашей степи и лесостепи огромное значение, как известно, имело выявление постоянных связей расположения поселений срубной и андроновской культур с речными поймами. Именно оно показало, что освоение аллювиальных, увлажненных пойменных почв для мотыжного земледелия и придомного выпаса скота на заливных лугах и лежало в основе этого хозяйства [2].

* * *

Связь условий расположения древних земледельческих поселений с освоением природных ресурсов местности особенно сильно проявляется в условиях сухого, жаркого климата Средней Азии, где развитие земледелия зависело от возможности орошения возделываемых участков.

Все значение, постоянство и очевидность этой зависимости очень образно выражены в широко известной в Средней Азии пословице: «Где кончается вода, там кончается и земля».

Но такая возможность орошения и использования для поливного земледелия ареала земель, расположенных в различных физико-географических зонах, не была величиною постоянной и находилась в зависимости не только от природных условий. Ее определяла сложная взаимосвязь природных и общественно-исторических факторов [3].

Прогрессируя и изменяясь, уровень развития производительных сил, уровень техники, характер производственных отношений и социальный строй общества обусловливали изменение приемов и способов ирригации и доступность хозяйственного освоения тех или иных ареалов земель. Это, в свою очередь находило закономерное отражение в изменениях зоны расположения и земледельческих поселений в ту или иную эпоху.

В процессе исторического развития люди не только по-разному, в меру своих возможностей, осваивали и использовали в общественном производстве окружающие природные условия и применялись к ним, но и изменяли их сообразно своим возможностям и потребностям.

Четкое и ясное определение значения и характера такой взаимосвязи и соотношение природных и общественно-исторических условий было

---

[2] См., например, В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы. ПИМК, 1933, № 5—6; К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, стр. 244 и сл.; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 124—126.

[3] Это рассматривалось, например, Б. В. Андриановым на материале Приаралья. См. Б. В. Андрианов. К вопросу о причинах запустения земель древнего орошения на Куня-Дарье и Жаны-Дарье. Изв. Всесоюзного Географического общества, т. 86, вып. 5, Л., 1954, стр. 442—444.

дано Марксом и Энгельсом. Говоря в «Немецкой идеологии» о природных основах, которыми являются само существование живых людей и природные условия их существования, как о предпосылке всякой человеческой истории, они указывают: «Всякое историческое описание должно исходить из этих природных основ и их видоизменения в ходе истории благодаря деятельности людей» [4].

В изучении истории Средней Азии долгое время использовались преимущественно только письменные источники, причем вопросам соотношения природных условий с использованием и изменением их в процессе общественного производства не уделялось достаточного внимания. Мало уделялось его и вообще археологическим материалам, на основе которых эти вопросы преимущественно и могли бы рассматриваться. Одной из главных же причин недооценки возможности и необходимости использования археологии в изучении развития ирригации является недостаток навыков и методики такого ее применения.

Эта методика прежде всего должна была позволять постановку и решение вопросов о выделении и относительной датировке археологически характеризованных групп древних земледельческих поселений и о типических природных особенностях ареала их расположения. Она должна быть направленной также на выявление связи природных условий с возможностями орошения данных земель теми или иными способами, которые устанавливаются как по сохранившимся остаткам древних ирригационных систем, так и по соответствующим этим условиям историческим и этнографическим аналогиям [5].

Исходя из этого, возможно судить о способах орошения в то время, к которому относятся те или иные группы древних поселений, о типе ирригационных систем, посредством которых оно осуществлялось, и о хронологической последовательности смены одних, более ранних способов другими, более поздними.

Для применения археологических материалов как источника в изучении вопросов истории орошаемого земледелия и ирригации эта методика, следовательно, должна предусматривать:

1) установление для изучаемого района археологической периодизации с относительной (а по возможности и абсолютной) датировкой ее этапов;

2) учет особенностей природных (и прежде всего гидрологических) условий ареала расположения оседлых земледельческих поселений на различных этапах этой периодизации;

3) учет связи изменения ареала расположения поселений с изменением границ орошаемых земель, которые осваивались для поливного земледелия на том или ином хронологическом этапе этой периодизации;

4) определение типа, систем и способов орошения такого ареала, становившихся доступными к этому времени по уровню развития производительных сил, уровню развития техники, характеру производственных отношений и социальному строю общества.

Такое направление археологических исследований позволяет не только проследить изменение систем и способов орошения во времени, но и рассматривать эти изменения в их природной и общественно-исторической обусловленности, как звенья процесса развития ирригации и поливного земледелия.

Именно таким путем, на основе изучения расположения древних земледельческих поселений в предгорной полосе Копет-Дага и привле-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, 1937, стр. 10—11.

[5] В изучении особенностей природных условий ареала расположения памятников и применявшихся в древности способов его орошения большое значение имеют проводимые совместно с археологами исследования специалистов по геоморфологии, почвоведению и гидрологии. Наиболее систематически и широко подобные работы организованы с 1952 г. С. П. Толстовым в Хорезме.

кая этнографические параллели, шел Д. Д. Букинич. Хотя ему и приходилось опираться в определении хронологического соотношения памятников на далеко еще несовершенную периодизацию Анну Пампелли — Шмидта, он впервые установил в начале 20-х годов XX в. древнейшие ступени развития ирригации для южной Туркмении [6]. В том же направлении затем проводились его работы и в районе Термеза [7].

Наблюдения над природными особенностями расположения земледельческих поселений разных эпох в Ферганской долине позволили проследить хронологическую последовательность в освоении различных ее ландшафтных зон для орошаемого земледелия. Исходя из этого и из определения тех приемов ирригации, которые делали такое освоение доступным, в середине 30-х годов мною были намечены некоторые этапы истории ирригации древней Ферганы. Дальнейшее накопление таких наблюдений и более детальная разработка археологической периодизации дают возможность значительно расширить и уточнить эти заключения и выводы [8].

Проводимые с конца 30-х годов большие археологические работы в Хорезме позволили С. П. Толстову [9] и Я. Г. Гулямову [10], изучая расположение древних земледельческих поселений в дельте Аму-Дарьи, установить основные ступени истории ирригации древнего Хорезма. В определении хронологического соотношения памятников они исходили из разработанной С. П. Толстовым археологической периодизации хорезмийских культур.

Если сопоставить и проанализировать с точки зрения той же методики отдельные и остававшиеся разобщенными сведения, которые имелись по ирригации на Зеравшане, то эти ступени удается проследить в общих чертах и для истории орошения древнего Согда [11].

С установлением связи определенных групп памятников с древними системами орошения и появлением таким путем возможности датировки их по археологическим данным большое значение получают также и специальные исследования технической стороны остатков самих ирригационных сооружений. На этой основе становится возможным рассматривать уже не только общий характер данной системы орошения, но и ее технические конструктивные особенности как типические для какой-то вполне определенной исторической эпохи. Такие наблюдения, несомненно, явятся весьма важными источниками для изучения развития ирригации и ее техники и заслуживают самого большого внимания. Совершенно ясно, однако, что историческую значимость эти наблюдения получают только

---

[6] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Журнал «Хлопковое дело», М., 1924, № 3—4. Очень интересные наблюдения по соотношению времени возникновения и условий расположения древних земледельческих поселений в дельте Мургаба сделаны в последнее время также В. М. Массоном.

[7] Д. Д. Букинич. Каналы древнего Термеза. Тр. АН УзССР, т. II, сер. I, Ташкент, 1945.

[8] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой гидростанции на р. Нарыне в Фергане. ИГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг., т. II, Л., 1935; его же. К вопросу об истории ирригаций. Сб. «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935; его же. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956; его же. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

[9] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6; С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

[10] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен и до наших дней. Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 1949; его же. К изучению древнейших водных сооружений в Узбекистане. ИАН УзССР, 1955, № 2; его же. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, главы I—V.

[11] Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, стр. 23.

благодаря своему археологическому «паспорту» и основанной на нем датировке.

В работах руководимой С. П. Толстовым Хорезмской экспедиции полевые исследования в этом направлении, как указывалось выше, проводятся теперь систематически и в широком масштабе. При изучении ирригации древнего Хорезма получили применение специальные маршрутные обследования, картографирование, аэрофотограмметрическая съемка и заложение почвенных шурфов и разрезов на остатках древних ирригационных сооружений. Осуществляемые в постоянном содружестве археологов с географами, геоморфологами и гидрологами, они дают весьма ценные результаты.

Особенно интересным примером подобных работ, проводимых в последние годы в Хорезме, было установление своеобразной формы естественно орошаемого земледелия с обвалованием небольших участков паводковых разливов по берегам протоков акча-дарьинской дельты в районе Кокчи [12].

Если принадлежность обнаруженных здесь остатков обвалованных полей ко времени андроновской («тазабагъябской») культуры подтвердится, эти наблюдения будут иметь очень большое значение. Они вскрывают, как это мне представляется, ту определявшуюся среднеазиатскими условиями поливную разновидность обычного для более северных областей андроновского пойменного, но не поливного земледелия, на основе которой эта культура и развивалась в южных степных районах Средней Азии, где все в большем числе обнаруживаются ее памятники.

* * *

В процессе возникновения и развития орошаемого земледелия в Южной Туркмении, Фергане, Хорезме и Согде, который устанавливался, таким образом, разными исследователями, но на основе той же, по существу, методики применения археологических материалов, прослеживается ряд близких аналогий и параллелей.

Они с совершенной несомненностью указывают, во-первых, на повторяемость типов орошаемого земледелия и тех способов и приемов ирригации, посредством которых оно осуществлялось, и, во-вторых, на повторяемость последовательности изменения их в разные эпохи и на ту же общественно-историческую обусловленность этих изменений.

Это позволяет считать такую повторяемость выражением определенной закономерности, являвшейся общей для всех этих областей. Представляется вероятным также, что эта закономерность была вообще характерной для развития орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии, а возможно, и для всего древнего Востока в целом.

В таком ее понимании и с учетом местных природных и общественно-исторических особенностей она, думаю, позволяет уже наметить тогда для Средней Азии и основные контуры ступеней или этапов истории развития орошаемого земледелия и ирригации.

Ограничиваясь своеобразием того, как протекал этот процесс в условиях зоны предгорий и на равнинах [13], обобщенную характеристику этих ступеней можно было бы свести к следующему.

Первая ступень. Возникновение древнейших форм лиманного и каирного поливного земледелия в естественно орошаемых сезонными разливами и удобряемых их наносами низинах. В предгорных зонах для него используются отдельные участки речных пойм и низовья затухавших при выходе на плоскость ручьев и речек или саевых и паводковых сбросовых потоков.

[12] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 97; С. П. Толстов, Б. А. Андрианов. Ук. соч., стр. 5—6.

[13] С. Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен..., стр. 9—10.

В условиях замедленного течения равнинных рек это были разливы затухавших протоков дельты.

Переход только от простейшего использования ко все большему регулированию таких сезонных разливов посредством обвалования отдельных участков, отвода излишков воды в соседние низины и расчистки заиливавшихся русел естественных протоков создавал возможность не только более рационального использования паводковых вод, но и расширения орошаемой ими площади. Ту же цель затем преследовало и выведение иногда выше по течению потоков, питавших разливы боковых коротких ответвлений.

Древнейшие оросительные системы, где впервые появляются эти небольшие боковые каналы, проводившие воду на более удаленные от реки участки низин [14], возникали, таким образом, как следствие работ по регулированию и расширению естественных лиманных разливов и расчистки русел питавших их потоков.

Эта ступень возникновения и первоначальных этапов развития поливного земледелия, как естественно орошаемого и в основном, лиманного, соответствовала уровню производительных сил и производственным отношениям племен первобытно-общинного строя.

Она охватывала на различных, не поддающихся еще сейчас более точному определению ее фазах и в особенностях местных природных и общественно-исторических условий длительный период времени. Древнейшие из известных пока в Средней Азии земледельческих поселений этой ступени относятся к V или IV и III тысячелетиям до н. э.— к неолиту и ранней бронзе (например, Джейтун, Намазга I—IV, Анау I—III и др. в Южной Туркмении). Более познее — ко II — началу I тысячелетия до н. э., к поздней бронзе и раннему железу (например, Кокча 1—3, Базар 8 и 10 в Хорезме, Чуст и Эйлатан в Фергане).

Вторая ступень. Возможность расширения площади естественно орошаемых земель в Средней Азии была, однако, довольно ограниченной, и следующие этапы развития поливного земледелия характеризуются переходом полностью к приемам искусственного орошения. Это позволило осваивать такие новые ареалы земель, которые лежали и вне зоны естественных разливов в низинах.

В предгорных районах и в долинах появляются небольшие ирригационные системы с искусственной водосборной сетью на склонах предгорий или несложными головными сооружениями плотинного типа у выхода на плоскость ручьев и саевых потоков. Они собирали или задерживали воду и направляли ее для сезонного полива прилегающих участков верхнего пояса высоко расположенной засушливой степи [15].

Наряду с ними здесь появляются и небольшие магистральные каналы, создававшиеся путем расчистки русла сбросовых потоков, прорывавшихся в паводки в сторону от основного течения горной реки при выходе ее на равнину. Такие каналы давали возможность оросить иногда довольно значительные участки и нижнего пояса предгорной степи.

В низовьях больших равнинных рек, как это было установлено в Хорезме, на этой ступени возникают уже довольно длинные и широкие, но неглубокие магистральные каналы, следовавшие вдоль прежних русел

---

[14] В Хорезме была прослежена связь амирабадских поселений, относящихся уже ко времени появления железа, и с более значительными такими каналами, достигавшими в ширину до 10 *м*. См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, стр. 98; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов. Ук. соч., стр. 6, 7.

[15] Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64; Я. Г. Гулямов. К изучению древнейших водных сооружений в Узбекистане... Некоторые этнографические параллели см. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Приложение 33-е к «Трудам по прикладной ботанике, генетике и селекции», гл. 6; Д. Д. Букинич. Ирригация Афганистана. Л., 1926, стр. 165.

боковых протоков дельты. Они подводили воду на отдаленные от зоны естественных разливов земли и имели отходившие почти под прямым углом и только в одну сторону ответвления — зачатки будущей распределительной сети. Их сменили в этих районах более рациональные и мощные «ветвистые» ирригационные системы «поздней античности».

Этот переход к приемам искусственного орошения и созданию сложных ирригационных систем стал возможным на основе накопленного опыта регулирования естественных разливов и более высокого уровня техники (распространение железных орудий).

Начавшийся не одновременно и в некоторых равнинных районах, видимо, еще на поздних этапах разложения первобытно-общинного строя, он отвечает в основном образованию в Средней Азии древнейших рабовладельческих государств, направлявших массовый труд рабов и общинников-земледельцев на строительство ирригационных систем.

В Хорезме, Кафирнигане и Маргиане этот период падает, видимо, на VI—IV вв. до н. э.— IV в. н. э.[16] В Фергане это происходит несколько позже — с III в. до н. э. и по IV в. н. э.

Третья ступень. В условиях предгорной полосы и широких долин для следующей, третьей, ступени развития орошаемого земледелия становятся характерными так называемые веерные ирригационные системы [17].

Возможно, что расчистка некоторых из боковых протоков, которые растекались в паводки по конусу выноса у выхода горных речек на плоскость, началась еще и ранее, когда для посевов могли использоваться лиманные разливы в их низовьях. Но полного своего развития и расширения площади новых земель, орошаемых «веерной» системой на периферии конуса выноса, до пределов, которые ставит дебит реки и рельеф местности, такие системы получают только на этой, третьей, ступени. Это достигалось расчисткой и углублением всего веера протоков, прокладкой в галечном грунте конуса новых, уже искусственных, каналов и устройством головного распределительного сооружения.

Усовершенствование головных заборных сооружений и постоянная расчистка позволили значительно увеличить теперь мощность и протяжение некоторых прежних магистральных каналов, следовавших руслам паводковых сбросов. В дальнейшем начинается выведение из больших рек магистральных каналов по искусственно проложенной трассе.

В нижнем течении и дельтах равнинных рек на этой ступени создаются те большие ирригационные системы, магистральные каналы которых, тянущиеся на десятки, а то и на сотни километров, выводятся из основного русла или из крупных его рукавов.

И в тех и в других условиях создание больших искусственных оросительных систем и магистральных каналов требовало осуществления огромных земляных работ, устройства сложных головных сооружений и постоянной очистки ирригационной сети от наносов.

Расширение площади и изменение границ ареала поливных земель, а также значительное повышение эффективности действия систем орошения с увеличением количества воды, времени и регулярности ее поступления на орошаемые участки, достигнутое этими новыми приемами ирригации, падает на эпоху сложения в Средней Азии феодализма на V—VII вв. н. э.

Эти способы, а в ряде случаев и сами оросительные системы сохранялись в некоторых районах Средней Азии без особых изменений и в последующее время. Их создал тяжелый железный кетмень в руках оставшихся многочисленными рабов и сгоняемых на подневольную работу закрепощенных общинников-земледельцев.

---

[16] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

[17] Не следует смешивать «веерные» системы, типичные для феодальной Ферганы, с «ветвистыми» ирригационными системами «поздней античности» Хорезма.

В целях дальнейшего расширения орошаемой площади за счет более высоко расположенных участков местами стали применяться как водоподъемные механизмы (чигири в Хорезме), так и устройство плотин и водохранилищ на некоторых равнинных реках и крупных саях (Южная Туркмения, предгорья Нура-Тау).

* * *

Этот очень обобщенный и схематический очерк возникновения и развития орошаемого земледелия в Средней Азии не исчерпывает, конечно, полностью все местные и хронологические варианты способов и систем орошения. В частности, в нем совершенно не затронуты кяризы, в изучении которых археологические источники почти не привлекались.

Он приведен для того лишь, чтобы иллюстрировать и пояснить на конкретных примерах возможности использования археологических материалов в разработке вопросов истории ирригации.

Хотя такая разработка этих вопросов далеко еще не закончена, а некоторые предварительные итоги ее могли быть изложены здесь только в крайне сжатой форме, они все же позволяют проследить общее направление процесса развития орошаемого земледелия и ирригации и его основные ступени или этапы. Они показывают также, что процесс этот был несомненно прогрессивным и что ступени его были преемственно связаны между собой.

Его развитие шло от простейшего использования естественных сезонных разливов к созданию и расширению искусственно орошаемых площадей все более сложными, но и более эффективными приемами и способами, которые в данных природных условиях становились возможными по общему уровню производительных сил, характеру производственных отношений и строю общества.

Н. Н. ТЕРЕХОВА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЭПОХИ ХАНЬ В КИТАЕ

Политическое объединение Китая в эпоху Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) оказало благотворное влияние на всю жизнь страны. Особенного расцвета достигает в период Хань материальная культура. Великолепные изделия шелковой промышленности, прекрасные лаковые изделия, изделия из бронзы и железа были широко известны за пределами Китая того времени.

Влияние культуры ханьского Китая распространилось далеко на запад (Средняя Азия, Передняя Азия, Рим), не говоря уже о непосредственных соседях. Поэтому изучение материальной культуры Китая эпохи Хань весьма важно. Известно вместе с тем, что исследования классового общества ханьского Китая на базе письменных источников оказались крайне затрудненными ввиду неясности источников. Как признает один из наших ведущих синологов, «до настоящего времени среди ученых нет единства во взглядах на периодизацию древней истории Китая, в частности, по поводу перехода от рабовладельческой формации к феодальной» [1].

Поэтому особое значение приобретают археологические данные. Очень много для изучения классовой структуры, отношений классов, и отражающих социальные отношения религиозных представлений может дать детальное исследование погребального материала, определение этапов и путей развития обряда и конструкции погребений.

Настоящая работа посвящена изучению погребальных конструкций эпохи Хань с целью их классификации и анализа их эволюции.

До образования Китайской Народной Республики исследования погребений эпохи Хань проводились главным образом иностранными учеными в основном на территориях, представлявших собой периферию Ханьского мира — в Южной Маньчжурии, Корее, Вьетнаме. Именно исследованию этих районов посвящены публикации профессора Хамада [2], О. Иенса [3], которые ценны тем, что дают подробное детальное описание исследуемого объекта, сопровождаемое богатым иллюстративным материалом. Но для нас эти работы представляют ограниченный интерес как потому, что исследуемые в них погребения находятся на окраинах империи Хань, так и потому, что хронологически они относятся в основном к поздним Хань.

На территории Центрального Китая до победы народной революции исследования ханьских погребений не проводились. Существовали главным образом описания наземного оформления погребений знати (кур-

---

[1] Л. И. Думан. К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э.— I в. н. э. ВИ, 1957, № 2, стр. 46.

[2] Nan Shan-Zi. Brick Tombs of the Han Dynasty at the Foot of mt. Laó-Tieh near Port-Arthur, South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. III, Tokyo — Kyoto, 1933.

[3] O. Jansé. Archaeological Research in Indo-China. Harvard-Ienching Institute Monograph Series, т. VII, 1947; т. X, 1951.

ганы, ограда, пилоны, скульптура и т. д.) [4]. Внутренняя же их конструкция, как признают сами авторы, была им неизвестна [5].

Из довоенных работ китайских авторов заслуживает особенного внимания работа Ян Шу-да, посвященная исследованию погребальных обрядов эпохи Хань [6]. В работе собраны данные многих исторических источников (особенно Цянь Ханьшу и Хоу Ханьшу), касающиеся погребальных обычаев. Очень ценно, что автор старается сопоставить данные источников с археологическими материалами. К сожалению, в работе привлекается только материал раскопок в Корее (Лолан), так как исследование написано в 1933 г., когда ханьские погребения в собственно Китае были мало изучены. Вопросам погребальных конструкций уделено немного внимания.

Широкие археологические исследования на территории самого Китая, в частности раскопки погребений эпохи Хань, начались только после освобождения Китая. Собранный за сравнительно короткое время обильный материал еще мало освоен. Попытки его систематизации и обобщения наблюдаются только в последние годы. В этом отношении нужно отметить прежде всего работу китайского археолога Ван Чжуншу. Ему принадлежат статьи обобщающего характера «Коротко о погребениях» [7], «Краткий обзор материальной культуры эпохи Хань» [8], «Ханьские могилы из полого кирпича» [9]. Других обобщающих работ по нашей теме пока нет.

Настоящее исследование основано на изучении материалов погребений со всей территории ханьского Китая, изданных в специальных китайских публикациях [10]. Общее количество объектов достигает 840. Однако в ряде случаев пришлось использовать результаты систематизации, проведенной китайскими исследователями, когда из серии совершенно идентичных погребений подробно опубликовано только одно с указанием общего числа. Характером публикаций обусловлен целый ряд трудностей, возникающих при исследовании. Публикации в большинстве случаев страдают неполнотой описания, различием в терминологии и бедностью иллюстративного материала. Отсутствуют иногда такие важные показатели, как размеры погребальных конструкций. Мало схем и планов, часто не бывает проставлен масштаб и т. д.

Правда, в последнее время, наряду с такими краткими сообщениями стали появляться прекрасные издания отдельных выдающихся памятников, как, например, «Доклад о раскопках каменного склепа с древними рельефами в Инань» (составлен Нанкинским музеем совместно с комиссией по охране памятников провинции Шаньдун) [11] или «Стенная роспись в ханьской могиле в Ваньду» (составлено Историческим музеем Пекина

---

[4] O. Siren. Histoire des arts anciens de la Chine, т. II, Paris — Bruxelles, 1929; V. Segalen. Premier expose des résultats archéologiques. Journal Asiatique, т. V. № 3, mai — juin, 1915, Paris; E. Chavanness. La sculpture sur pierre en Chine des deux dynasties Han. Paris, 1893.

[5] O. Siren. Ук. соч., стр. 10.

[6] Ян Шу-да. Исследование брачных и погребальных обрядов эпохи Хань, 1933. (Это и следующие ниже названия статей китайских авторов даются в переводе на русский язык).

[7] Ван Чжун-шу. Коротко о погребениях. КТ, 1955, № 1, стр. 56—70.

[8] Его же. Краткий обзор материальной культуры эпохи Хань. КТ, 1956, № 1, стр. 57—76.

[9] Его же. Ханьские могилы из полого кирпича. ВЦЦ, 1953, № 1, стр. 95—106.

[10] «Каогу сюэбао» («Археологический бюллетень»), Пекин, 1956 (КС); «Каогу тунсинь» («Археологические сообщения»), Пекин, 1955—1958 (КТ); «Вэнь'у цанькао цзыляо» («Материалы по изучению материальной культуры»), Пекин, 1953—1958 (ВЦЦ); «Кэсюэ тунбао» («Научный Вестник»), Пекин, 1951—1952 (КТБ).

[11] Доклад о раскопках каменного склепа с древними рельефами в Инань. Издание бюро по охране памятников материальной культуры при Министерстве культуры. Пекин. 1956.

совместно с комиссией по охране памятников провинции Хэбей) [12]. Но таких работ еще очень мало.

При рассмотрении имеющегося материала выделились исходный и конечный типы погребальных сооружений, определявшиеся по датированным погребениям, выяснился район их распространения. Установлена эволюция типа погребений, причем, как показал материал, эта эволюция может быть прослежена наиболее ярко на материале погребений представителей господствующего класса в наиболее развитых районах Центрального Китая, в то время, как у средних и беднейших слоев населения, а также на окраинах переживал исходный тип (более или менее модернизированный).

Погребальные сооружения могут быть разбиты на четыре группы, по возрастающей сложности конструкции: 1 — грунтовая яма (исходная форма); 2 — грунтовой склеп; 3 — смешанные конструкции (погребальные сооружения из камня, кирпича, дерева) в грунтовой яме; 4 — склепы под насыпью (конечная форма) (рис. 1).

Хронологически исследуемые погребения относятся к трем периодам: 1) ранний (период Западных Хань, III в. до н. э.— середина I в. до н. э.); 2) средний (середина I в. до н. э. — середина I в. н. э.); 3) поздний (конец I в. н. э. — начало III в. н. э.).

В статье делается попытка связать эволюцию конструкции погребения с данными периодами.

* * *

1. Погребения в грунтовой яме. Наиболее распространенным типом могилы в ранний период Хань является грунтовая яма, выделяемая нами в первую группу. С точки зрения конструкции могильной ямы мы различаем три подгруппы: 1) обычную прямоугольную грунтовую могилу, 2) грунтовую могилу с дромосом, 3) грунтовую могилу с подбоем.

В первой подгруппе выделены три типа: могила без погребальной камеры, могила с деревянным саркофагом, с саркофагом из «полого кирпича» и дерева (рис. 1).

Погребальные сооружения, выделенные нами в первую группу, появились в Китае в периоды, предшествующие эпохе Хань. Уже в конце Чжаньго на территории центральных провинций (Хэнань, Хэбэй, Шэньси), а также в провинции Хунань существовали все отмеченные выше типы [13].

В ранний период эпохи Хань могилы первой группы распространяются на более широкую территорию. Так, ханьские погребения этой группы встречаются уже на территории Южного Дунбэя, в Шэньси, Хэбэй, Цзянсу, Хэнань, Хунань, Чжецзян, Гуанси [14]. (К ранним пределам Хань не относится лишь Гуанси).

[12] Стенная роспись в ханьской могиле в Ваньду. Китайское классическое искусство. Пекин, 1955.

[13] КТБ, 1951, № 3, стр. 247—280; КТБ, 1952, № 7, стр. 493—497; КТ, 1955, № 1, стр. 60.

[14] Краткий доклад о работе отряда работников материальной культуры Дунбэя в 1954 г. ВЦЦ, 1955, № 3, стр. 8; Краткое сообщение об археологических раскопках в окрестностях Баозци и Сиань. КТ, 1955, № 2, стр. 33—40; Материалы археологических исследований за последние годы в пров. Хэбэй. Комитет по делам материальной культуры провинции Хэбэй. ВЦЦ, 1956, № 7, стр. 15; Сообщение о расчистке ханьских могил у г. Уси в провинции Цзянсу. КТ, 1957, № 3, стр. 69; Исследование группы ханьских могил у г. Чанчжоу в провинции Цзянсу. ВЦЦ, 1955, № 8, стр. 55; Краткие сообщения о раскопках древних погребений в районе Ганьду, у г. Чжэнчжоу. Комитет по делам материальной культуры. Хэнань. ВЦЦ, 1955, № 10, стр. 3—24; Доклад о раскопках древних могил в Чанша. ВЦЦ, 1956, № 6, стр. 36; Ван Ту-лунь. Краткий доклад об археологических исследованиях в Литу у г. Шаосин, провинции Чжецзян. КТ, 1955, № 5, стр. 33—36; Исследования и расчистка древних погребений у г. Кантона за последние 3 года. Комитет материальной культуры Гуанчжоу. ВЦЦ, 1956, № 5, стр. 21—32.

В центральных районах Китая в эпоху Хань встречаются следующие могилы первой группы: могилы без погребальной камеры, с саркофагом из «полого кирпича» и дерева и грунтовые могилы с подбоем. Могилы без погребальной камеры — исходная форма для всей первой группы могил — существовали еще в эпоху Инь. В начале Западных Хань на территории Центрального Китая, как и на остальной указанной выше территории, этот тип могил был наиболее многочислен и имел (как самый древний) наиболее стабильные формы. Обычные размеры могилы: длина — 3—4 *м*, ширина — 1,5—2 *м*, глубина — 2—3 *м*. Самая большая из известных нам могил имела длину 5,3 *м*, ширину 3—5 *м*, глубину 4,8 *м* (пров. Хэнань).

В большинстве случаев остается неизвестным, производилось ли захоронение в гробу или без гроба.

Письменные источники (Ханьшу) сообщают, что во время Хань встречался еще древний обычай захоронения без гроба (труп оборачивали в циновку или холст) [15].

Погребальный инвентарь обычно очень скромен, в основном, это — керамика, монеты (Бан-Лян, У-Чу), иногда зеркала, ножи. В Центральном Китае этот тип погребений встречается только в самом начале Западных Хань, а в остальных районах сохраняется как пережиточная форма и в поздние периоды.

В Центральном Китае, наряду с этим наиболее распространенным типом погребений, в ранний период Хань известны, как уже отмечалось, еще и другие. Несмотря на то, что они представлены малым количеством погребений, мы все же выделяем их, так как они интересны как переходные формы.

Могила с саркофагом представляет собой обычную грунтовую яму без дромоса, на дне которой из больших полых керамических плит построена прямоугольная камера, перекрытая сверху деревянными досками (могилы №№ 125, 136 в окрестностях Чжэнчжоу в Хэнань) [16]. Гроб и погребальный инвентарь помещались внутри этого саркофага. Его размеры: длина — 2—2,20 *м;* ширина — 1—1,5 *м*. Керамические плиты, полые внутри, достигают длины 1,5 *м*, ширины 0,5 *м*, толщины 0,10—0,12 *м*. Этот новый вид материала появился в самом конце эпохи Чжаньго. По внешнему виду плиты напоминают толстые деревянные доски (брусья), из которых обычно строился деревянный саркофаг. В дальнейшем (средний и поздний периоды Хань) конструкции из полых керамических плит становятся очень сложными. Рассмотренный тип является переходным к ним от могил с деревянными конструкциями более раннего времени.

Самые ранние могилы с конструкциями из полого кирпича, относящиеся к концу периода Чжаньго, известны на территории Хэнань (окрестности Чжэнчжоу) [17]. Могилы рассматриваемого типа в ранний период Хань встречаются на той же территории. Очевидно, развитие этой конструкции происходило именно на территории Хэнань и уже отсюда она распространилась в другие районы Центрального Китая.

Третьей формой могилы, встречаемой в Центральном Китае в ранний период Хань, является грунтовая могила с подбоем (третья подгруппа). Дромос отсутствует. У дна с двух сторон в длинных стенах ямы подбои глубиной 0,40—0,60 *м*. В подбое обычно находят погребальный инвентарь (до десяти керамических сосудов); иногда остатки дерева, очевидно от гроба (могилы №№ 41, 46, в Шэньси) [18].

---

[15] Ян Шу-да. Исследование брачных и погребальных обрядов, стр. 83—84.

[16] Краткие сообщения о раскопках древних погребений в районе Ганьду, у г. Чжэнчжоу, стр. 4—5.

[17] Ван Чжун-шу. Коротко о погребениях, стр. 60.

[18] Краткое сообщение об археологических раскопках в окрестностях Баоцзи и Сиань, стр. 33—40.

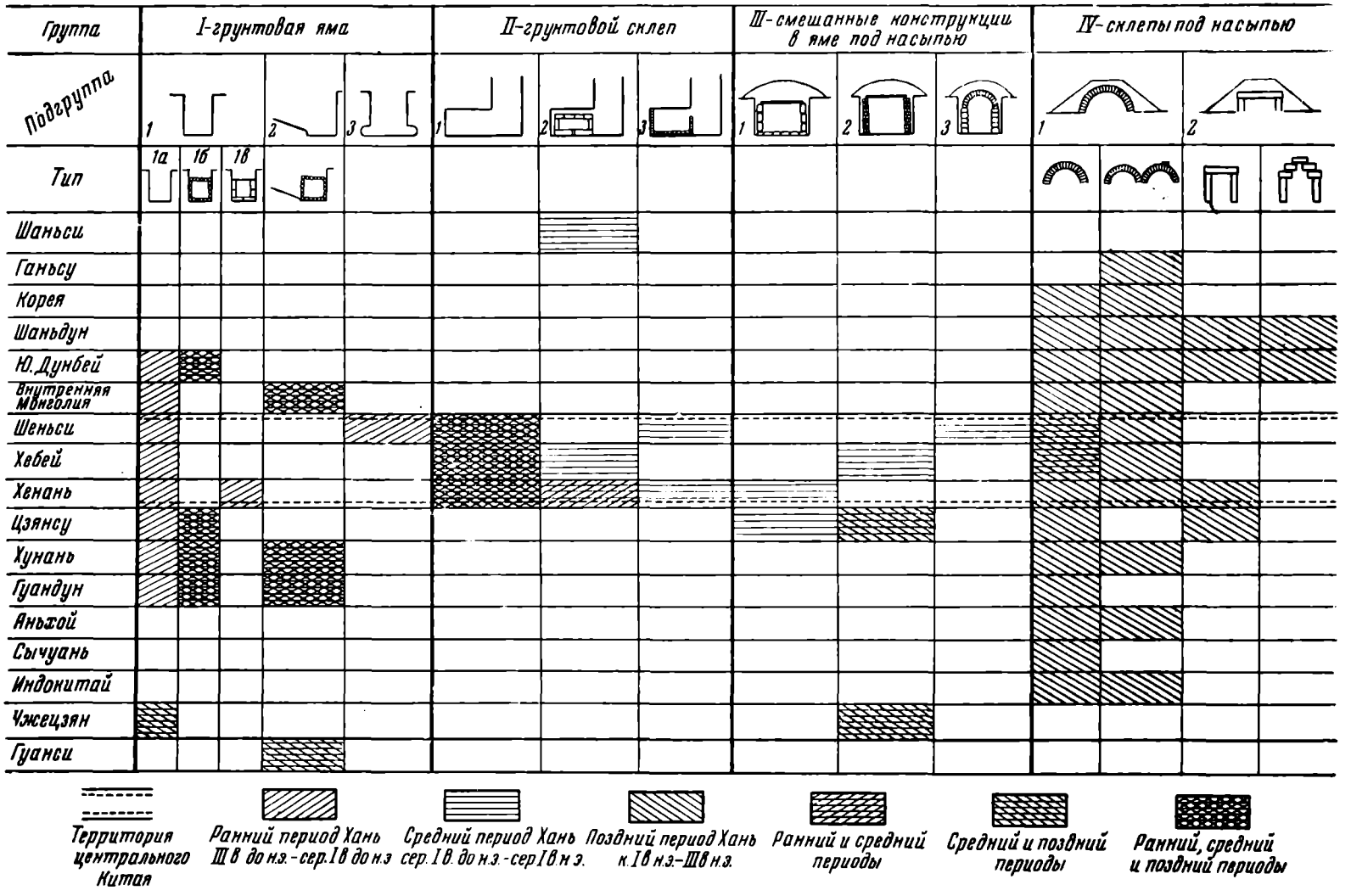


Рис. 1. Классификация ханьских погребальных конструкций

Дальнейшее развитие могил с подбоем приводит к появлению грунтового склепа (катакомбы).

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что картина развития погребальных конструкций в ранний период Хань на территории Центрального Китая выглядит так: из развившихся и бытовавших на этой территории в доханьское время погребальных сооружений сохраняется как массовая категория обычная грунтовая яма без погребальной камеры. В то время как в периферийных районах продолжают развиваться различные формы деревянных конструкций, в центре они исчезают. Причина, вероятнее всего, заключается в недостаточном количестве леса. Эта же причина стала стимулом для поисков новых форм. Поиски шли по двум направлениям: с одной стороны, делались попытки заменить материал погребальной конструкции новым, более удобным; с другой стороны, наблюдались попытки изменить устройство могильной ямы.

В первом случае успеху способствовало высокое развитие керамического производства, позволившее заменить деревянные доски керамическими. Для того чтобы последние не были слишком тяжелыми, они делались полыми внутри [19]. Позднее наиболее удобная форма могильной конструкции — грунтовой склеп, развившийся из грунтовой ямы с подбоем, и наиболее выгодный материал сочетаются вместе; получает широкое распространение грунтовой склеп с камерой из керамических плит. Об этом речь пойдет ниже.

Таково, как нам представляется, развитие погребальных конструкций, которое происходило на территории Центрального Китая в начальный период Западных Хань.

В то время как старые формы, сменяясь новыми, быстро исчезают в центре, на окраинах они переживают длительное время. Основным видом погребальных сооружений там в течение всего периода Западных Хань и в начале Восточных Хань является грунтовая могила с деревянной конструкцией. Сюда относится могильная яма без дромоса с деревянным саркофагом и могильная яма с дромосом, содержащая деревянную камеру (рис. 1).

Наиболее широко территориально распространен тип могильной ямы с деревянным саркофагом, охватывающий территорию Южного Дунбэя (окрестности Ляояна) [20], провинции Цзянсу (по р. Фынхуан) [21], Хунань (у г. Чанша) [22], Гуандун (Кантон) [23] (рис. 1).

Наибольшее число могил данного типа приходится на провинцию Цзянсу. В районе г. Ячжоу число их достигает 32. Меньше всего подобных могил встречается в Дунбэе (окрестности г. Ляоян).

Саркофаг представляет собой построенный из досок (плах) прямоугольный ящик, длиной от 2,5 до 3 *м*, шириной от 1,4 до 2,8 *м*, высотой 0,75—0,95 *м*. Длина досок — 1,2—2,8 *м*, ширина — 0,70—0,80 *м*, толщина — 0,10 *м*. Дно гробницы состоит из двух досок, положенных продольно. Части гробницы, соприкасаемые под прямым углом, соединяются с помощью цапф. В камере бывает одно или два погребения, обычно в деревянных гробах. Если гроб один, то он помещается в одной половине камеры, а погребальный инвентарь — в другой. Иногда гроб ста-

[19] О способе изготовления полых керамических плит см. Ван Чжун-шу. Ханьские могилы из полого кирпича, стр. 104.

[20] Краткий доклад о работе отряда работников материальной культуры Дунбэя в 1954 г., стр. 3.

[21] Ду Сы-хуа. Расчистка могил с деревянными саркофагами в Цзянду по реке Фынхуан. КТ, 1956, № 1, стр. 36—38; его же. Ук. соч., КТ, 1956, № 2, стр. 62—64; Краткий доклад о расчистке могилы № 20 в Цзянду на р. Фынхуан. Комитет по делам материальной культуры провинции Цзянсу. ВЦЦ, 1955, № 12, стр. 80.

[22] Доклад о расчистке могилы М006 в Янцзявань у г. Чанша. Комитет по делам материальной культуры провинции Хунань. ВЦЦ, 1954, № 12, стр. 20.

[23] Исследование и расчистка древних погребений у г. Кантона за последние 3 года, стр. 21—32.

вится посредине, а для инвентаря отделяется место справа или слева от него. Если гроба два, то место для инвентаря отводится в одной из торцовых сторон камеры.

Гроб чаще всего выдолблен из одного ствола, образующего дно и боковые стены, с торцовых сторон вставлены доски. Только в провинции Гуандун найден гроб, который выдолблен целиком. Гробы делались также из досок, соединенных в паз (Западные Хань) или железными гвоздями (Восточные Хань). Стенки гроба и саркофага обычно покрыты лаком (черным снаружи и красным внутри), например, в могилах № 1 и 2 в Дзянду (Цзянсу) [24].

Описанный тип могил представляет собой рядовую форму погребений. Инвентарь, хотя и многочислен, но сравнительно скромный: грубые керамические сосуды, деревянные статуэтки, керамические модели, монеты, зеркала.

Грунтовые могилы с дромосом встречаются в основном на территории южных провинций Хунань [25] и Гуандун [26]. Могилы этой подгруппы отличаются от предыдущих большими размерами, более сложной конструкцией могильной ямы, а также наличием деревянной погребальной камеры с входом; над некоторыми могилами имеется насыпь.

Могильная яма обычно имеет размеры 5—6 × 3—3,5 *м*, глубина — 5—6 *м*. С северной или южной стороны — дромос шириной 1,2—1,5 *м*. Степень наклона дромосов — 18°—20°. У дна могильной ямы он иногда кончается ступенькой в 30—50 *см*. В плане могильная яма часто имеет форму буквы «Т», т. е. состоит как бы из двух помещений. В переднем всегда находится погребальный инвентарь, в заднем — деревянная камера. Та часть могильной ямы, в которой помещается камера, часто бывает несколько выше (50—60 *см*), чем передняя.

Камера делается высотой до 1,5 *м*, длиной 4—6 *м*, шириной 1,3—1,7 *м* (например, могила № 2 в Кантоне) [27].

Вход в камеру бывает иногда загорожен вертикально поставленными бревнами (могила № 43 в Луншэнгань) [28]; устраивалась и настоящая одностворчатая дверь (могила № 43 в районе Кантона) [29]. Некоторые камеры разделялись на верхнюю и нижнюю части. В верхнем отделении помещался гроб, в нижнем — погребальный инвентарь.

В могиле № 2 в провинции Гуандун стенки могильной ямы были обставлены вертикальными бревнами [30]. Конструкция очень плохо сохранилась, из описания неясно, имелась ли помимо этого еще деревянная камера или нет. Этот редкий в Китае факт интересен тем, что имеет многочисленные аналогии в Южной Сибири (Таштыкские склепы на Уйбате) [31].

В конце Западных Хань и в начале Восточных Хань над могилами иногда насыпались курганы от 2 до 6 *м* высотой.

Могилы с дромосом по размерам и сложности конструкции, наличию насыпи, а также по обилию и богатству погребального инвентаря (дорогие лаковые изделия, шелковые ткани, керамические модели, изображающие амбары с зерном, пашни, рисовые поля, многочислен-

---

[24] Ду Сы-хуа. Ук. соч., КТ, 1956, № 1, стр. 36.

[25] У Мин-шэн. Общее ознакомление с инвентарем раскопанных в предместье г. Чанша могил эпохи Чжаньго и Хань. ВЦЦ, 1956, № 4, стр. 21—23.

[26] Краткий доклад о раскопках ханьских могил с деревянными камерами в районе Кантона. ВЦЦ, 1955, № 8, стр. 85; Могилы с деревянной камерой эпохи Западных Хань, исследованные к северу от Кантона. ВЦЦ, 1955, № 5.

[27] Краткий доклад о раскопках ханьских могил с деревянными камерами в районе Кантона, стр. 85.

[28] Исследование древних могил в окрестностях Кантона за истекшие 3 года. ВЦЦ, 1956, № 5, стр. 21.

[29] Там же, стр. 21.

[30] Там же, стр. 23.

[31] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 419—420.

ных слуг и т. д.) могут быть определены как погребения наиболее зажиточной части населения.

2. Погребения в грунтовых склепах. Грунтовой склеп состоит из вертикального колодца и бокового помещения («могильная комната»), сделанного в одной из его стенок у дна. В разрезе такие могилы имеют форму «L» [32], в плане — форму или вытянутого прямоугольника, если ширина «могильной комнаты» одинакова с шириной колодца (например, могила № 16 в Хэнани), или форму «Т», когда колодец шире или у́же «могильной комнаты» (могила № 149 в Хэнани) [33].

Предшественником грунтового склепа, как уже говорилось, являлась грунтовая могила с подбоем.

Специфика конструкции данной группы могил требует прочного, твердого грунта. Поэтому эти могилы встречаются на Центральной Китайской равнине в бассейне р. Хуанхэ и на примыкающем к ней с запада лёссовом плато (к северу от хребта Циньлинь), т. е. на территории провинций Хэнань, Хэбэй, Шэньси, Шаньси.

На всей этой территории рассматриваемая группа могил является переходной от грунтовых могил к кирпичным и каменным склепам. В процессе ее развития можно выделить три подгруппы: 1) грунтовой склеп без саркофага; 2) грунтовой склеп с саркофагом из полых керамических плит; 3) грунтовой склеп с обкладкой «могильной комнаты» кирпичом (см. рис. 1).

Грунтовой склеп без саркофага являлся наиболее распространенным как территориально (Хэнань, Хэбэй, Шэньси), так и хронологически. Он известен с конца Чжаньго и продолжал существовать до конца Восточных Хань; встречался и позже, но уже как тип рядового погребения.

В начальный период дромос всегда шире и больше «могильной комнаты» (например, могилы №№ 152, 157 в Чжэнчжоу [34]). Этот факт является лишним доказательством того, что прототипом рассматриваемой группы могил является грунтовая яма с подбоем. Эволюция происходила по линии сужения дромосов. Сначала он по ширине делался таким же, как «могильная комната» (могила № 161 в Чжэнчжоу), затем становился гораздо у́же ее (могила № 154 в Хуэйсянь).

С середины Западных Хань обычными размерами дромоса являются: ширина — 0,8—1 *м*, длина — 2—2,5 *м*, глубина — 3—5 *м*. Ширина соответствует ширине входа в «могильную комнату». Высота входа бывает от 1 до 1,6 *м*. Вход чаще всего бывает заложен или досками (ранние могилы, например, могила № 154 в Хуэйсянь) или кирпичами (могила № 135 в Хуэйсян) [35].

«Могильная комната» или прямоугольна в плане, или имеет форму буквы «Т» (при наличии боковых помещений для инвентаря). Обычная длина ее — 2—3 *м*, ширина — 1,2—1,3 *м*. В Хуэйсянь (пров. Хэнань) известна самая большая «могильная комната», имеющая в длину 6 *м*, в ширину 2,65 *м* [36].

Погребение находится в задней части «могильной комнаты». Обычно это трупоположение, вытянутое на спине, головой ко входу. В начальный период Западных Хань хотя и редко, но еще встречается скорченное положение костяка (Чжэнчжоу) [37]. Такие погребения, как пра-

---

[32] Краткие сообщения о раскопках древних погребений в районе Ганьду у г. Чжэнчжоу, стр. 9.

[33] Сообщения о раскопках в уезде Хуэйсянь. Пекин, 1956, стр. 55.

[34] Краткие сообщения о раскопках древних погребений в районе Ганьду у г. Чжэнчжоу, стр. 6.

[35] Сообщение о раскопках в уезде Хуэйсянь, стр. 55—58.

[36] Там же, могила № 132.

[37] Краткие сообщения о раскопках древних погребений в районе Ганьду у г. Чжэнчжоу, стр. 6 (могила № 152).

вило, одиночные. Характерными же в период Западных и Восточных Хань являются парные погребения. Так, из 16 могил данного типа в Хуэйсянь в 13 могилах были парные захоронения. При вторичном погребении обычно использовался старый вход в могильную комнату, но иногда рядом пробивался новый.

В ранних могилах отмечены погребения без гроба, иногда на циновке (могила № 152 в Хуэйсянь), в более поздних — в гробах. Гроб делался из досок, не покрытых лаком и неокрашенных; обычно он не сохранялся.

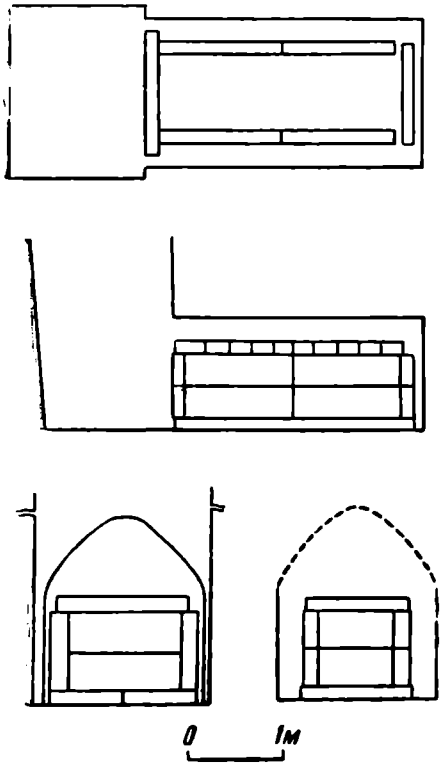


Рис. 2. Грунтовой склеп с саркофагом из полых керамических плит (из раскопок у г. Чжэнчжоу)

Погребальный инвентарь состоял из глиняной посуды, монет «Учу», «Хоцюань», бронзовых зеркал, железных ножей.

Очевидно, могилы рассмотренного типа принадлежали наиболее бедным слоям населения.

В грунтовых склепах с саркофагом из полых керамических плит гробница помещается в «могильной комнате». Наиболее простой тип ее конструкции имеет обычно вид прямоугольного ящика, стены которого образованы из двух рядов плит, поставленных на ребро, а дно и перекрытие — из плит, положенных в один слой [38] (рис. 2). Эта конструкция очень напоминает свой прототип — саркофаг из деревянных досок. Самый большой саркофаг такой конструкции имеет длину 3,8 *м*, ширину 1,18 *м*, высоту 1,25 *м* (пров. Хэнань) [39]. В конструкции обычно используется от 25 до 35 керамических плит. Как и деревянная камера, саркофаг из керамических плит бывает разделен внутри на две половины: одна предназначается для гроба, другая для погребальных вещей (могилы в Бэйша) [40].

Иногда, очевидно, с этой же целью саркофагу придается форма «L», оба помещения соединяются под прямым углом (могилы в районе Синху) [41].

Первоначально гробница по размерам гораздо меньше «могильной комнаты». Позднее она принимает такие же размеры, как и сама «могильная комната», т. е. превращается как бы в ее облицовку. Вместо горизонтального перекрытия появляется «крыша», в поперечном разрезе имеющая форму треугольника или равнобедренной трапеции [42] (рис. 3 и 5). Вход часто бывает закрыт поставленными на торцовую часть двумя плитами, представляющими дверь. На них иногда изображены ручки в виде полузвериной-получеловеческой рогатой личины с кольцом в носу (рис. 4). Такие же ложные ручки появляются потом и на каменных дверях кирпичных и каменных склепов.

---

[38] Расчистка четырех могил эпохи Западных Хань в деревне Гучен уезда Мэнсянь. ВЦЦ, 1955, № 8; Краткое сообщение о раскопках древних погребений в районе Ганьду, у г. Чжэнчжоу, стр. 8.

[39] F. Buckens. Les antiquités funéraires du Honan central. Bulletin de la Société d'anthropologie de Bruxelles, т. XXXVI, 1921.

[40] Ван Чжун-шу. Ханьские могилы из полого кирпича, стр. 96—97.

[41] Там же, стр. 98.

[42] Ван Цзи-шэн. Краткие сообщения о расчистке могил эпохи Хань в районе Вэньси. КТ, 1955, № 4, стр. 46, 48; Ван Чжун-шу. Ханьские могилы из полого кирпича, стр 99.

В целом как по форме, так и по размерам (длина — 4—5 *м*, ширина — 2,5—3 *м*, высота — 1,6 *м*) подобная конструкция очень близка к появляющимся позднее кирпичным и каменным склепам, но отличается от них отсутствием входа (ложные двери) и своеобразием строительного материала (полые керамические плиты). Наиболее простые по конструкции могилы этого типа появляются в ранний период Западных Хань и существуют до начала Восточных Хань (I в. н. э.).

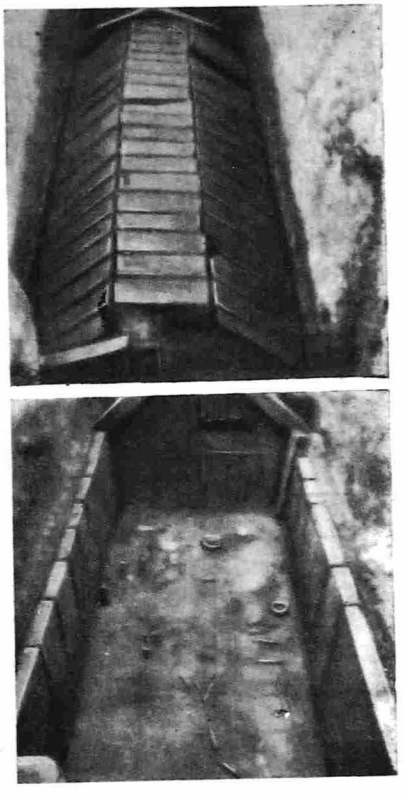


Рис. 3. Саркофаг из полых керамических плит (из раскопок в районе Вэньси)

Грунтовой склеп с обкладкой из кирпича (рис. 5). В погребальных сооружениях этого типа можно проследить, как усовершенствовались приемы сооружения могильных камер. В Хуэйсянь, например, первоначально выкладывали кирпичом только пол. В других могилах кирпичом выложены и пол и стены «могильной комнаты» (могилы №№ 216 и 135 в Хуэйсянь [43] и № 4 в районе г. Лоян [44]). В первых двух стены выложены только до половины (на 80 *см*). В могиле № 4 стенки главного помещения для погребения были выложены кирпичом до самого потолка. Вход в комнату оформлен керамическими плитами, составленными в виде буквы «П».

В некоторых могилах появляется и кирпичный свод, имеющий полуцилиндрическую форму, вплотную примыкающую к грунтовому своду «могильной комнаты» (могила № 7 в Лояне) [45].

Рис. 4. Фасад саркофага из полых керамических плит (из раскопок в районе Вэньси)

Кирпич, составляющий свод, имеет с одной торцовой стороны желобок, с другой—выпуклость, благодаря чему получается прочное соединение. Такой тип свода характерен и для ранних кирпичных склепов. Все могилы рассмотренного типа датируются средним периодом Хань (конец Западных Хань — начало Восточных Хань). Кирпичный же склеп как самостоятельная конструкция появляется в начале Восточных Хань.

3. Погребальные сооружения из различных материалов (камня, кирпича, дерева), построенные в грунтовой яме. На территории Центрального Китая эта группа погребальных сооружений представлена тремя подгруппами: 1) конструкция из камня с деревянным перекрытием и входом; 2) конструкция из кирпича с деревянным перекрытием и входом; 3) конструкция из каменных плит с кирпичным сводом и входом.

---

[43] Доклад о раскопках в Хуэйсянь, стр. 56.

[44] КС, 1956, № 1, стр. 21.

[45] Краткие сообщения о раскопках в 16 промышленном районе Лояна. 2 отряд работников материальной культуры провинции Хэнань. КТ, 1957, № 3, стр. 49.

Конструкция из камня с деревянным перекрытием и входом известна по четырем могилам в Хэнани [46]. Могильная яма имеет в плане форму «Т», состоит из двух частей: переднее небольшое помещение для погребальных вещей (длина — 1,5—1,9 *м*, ширина — 0,7—0,9 *м*) и заднее помещение для погребения (длина — 2,5—3 *м*, ширина — 1,1—1,3 *м*). Дно и стенки этого помещения (на высоте 0,8 *м*) с трех сторон выложены камнем. Сверху сооружение перекрыто деревянными досками. Могилы этого вида имеют насыпь. Датируются они периодом Западных Хань (ранний период Хань).

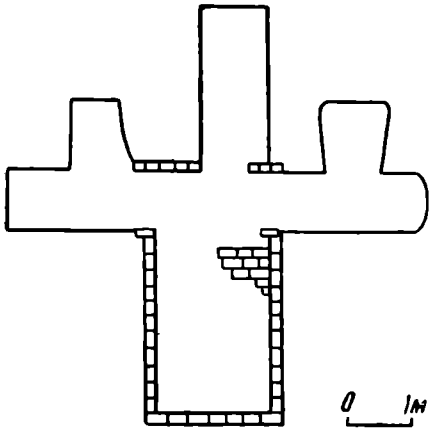


Рис. 5. Грунтовой склеп с обкладкой из кирпича

Конструкция из кирпича с деревянным перекрытием и входом представлена десятью могилами в Хэбэе [47]. Могильная яма имеет в плане четырехугольную форму. В одной из стенок — дромос. На дне ямы из кирпича построена камера, имеющая вход со стороны, обращенной к дромосу. Кирпичные стенки камеры не соприкасаются со стенками могильной ямы, представляя собой совершенно самостоятельную конструкцию. Камера имеет деревянное перекрытие. Датируется концом Западных — началом Восточных Хань (средний период Хань).

Конструкция из каменных плит с кирпичным сводом и входом. Для этого типа особенно характерно погребение из провинции Шэньси [48]. На дне могильной ямы с наклонным дромосом построена прямоугольная камера длиной 4,5 *м*, шириной 2,44 *м*. Стены ее выстроены из хорошо обработанных и плотно пригнанных друг к другу каменных плит (высота стены — 1,84 *м*). Камера имеет полуцилиндрический (коробовый) свод из кирпича. Погребение датируется концом Западных — началом Восточных Хань (средний период Хань). Этот тип, как и третий тип второй группы, можно считать непосредственным предшественником каменных и кирпичных склепов или их наиболее ранней формы.

Характерно, что с появлением на территории Центрального Китая кирпичных склепов со сводом (в поздний период Хань) погребальные конструкции третьей группы исчезают так же, как и наиболее близкие к склепу погребения второй группы.

В периферийных же районах, в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, конструкции с деревянным перекрытием распространены в поздний период Хань. Техника кирпичного свода осваивается там в полной мере лишь в эпоху Цзинь (265—420 г. н. э.) [49].

4. Кирпичные и каменные склепы со сводами под насыпью. Появившись впервые на территории Центрального Китая в поздний период Хань, этот новый вид погребальной конструкции очень быстро распространяется на широкую территорию Ханьской империи. Количество памятников такого рода, открытых к настоящему времени,

[46] Доклад о раскопках в Хуэйсянь, стр. 133—138.

[47] Материалы археологических исследований за последние годы в пров. Хэбэй, стр. 15—16.

[48] Раскопки могилы эпохи Хань в деревне Мяоцзячжай в Сиань. ВЦЦ, 1956, № 2, стр. 70.

[49] Сообщение о расчистке погребений эпохи Хань и Шести династий в районе г. Уси. КТ, 1955, № 6, стр. 27—29; Сообщение о расчистке могил эпохи Хань в Уси, в провинции Цзянсу. КТ, 1957, № 3, стр. 69; Могилы, обнаруженные при работе на железной дороге между Лунтань и Циси. КТ, 1958, № 1, стр. 63—64; Вань Ту-лунь. Археологические исследования в провинции Чжецзян в районе г. Шаосин, КТ, 1955, № 5, стр. 33; Краткое сообщение о раскопках могил Восточных Хань в Личжу у г. Шаосин. КТ, 1957, № 2, стр. 7—12.

исчисляется тысячами. Поэтому в данной работе мы ограничиваемся лишь анализом основных элементов конструкции.

Первый тип кирпичного склепа — это небольшое прямоугольное помещение с коробовым сводом, имеющее вход чаще всего с южной стороны, к которому подводит наклонный дромос. Обычные размеры помещения: длина — 4—5 *м*, ширина — 1,5—2 *м*, высота — 1,8—2 *м*. Глубина дна могильной ямы от поверхности — 2—3 *м*. Размер кирпича: длина — 30—40 *см*, ширина — 15—20 *см*, толщина — 6—7 *см*. Пол выложен кирпичом в один-два слоя, иногда узором в виде елочки. В конструкции свода чаще всего используется клиновидный кирпич. Вход бывает заложен кирпичом или каменными плитами.

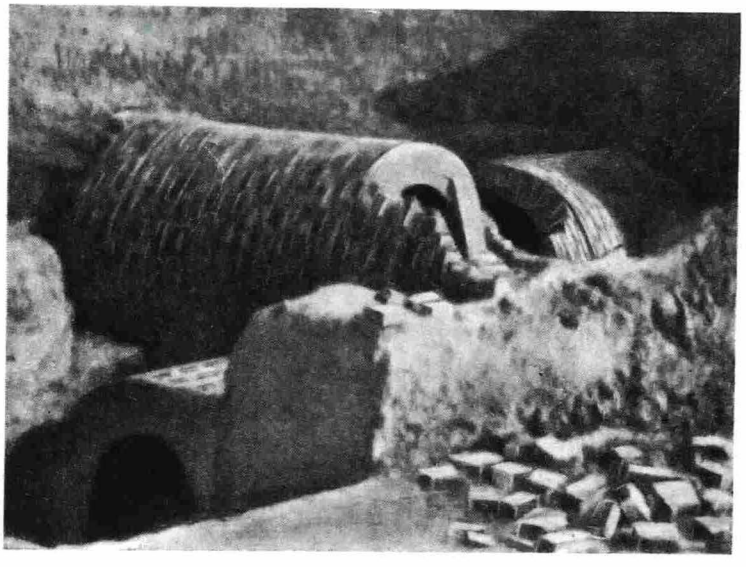


Рис. 6. Кирпичный склеп (могила № 4 в районе г. Лоян)

Второй тип склепа — двухкамерное помещение под единым сводом, состоящее из передней и задней комнат, соединенных проходом-аркой из клиновидного кирпича. В заднем помещении находится только погребение, в переднем — только погребальный инвентарь.

Хотя насыпи над могилами такого рода почти не сохраняются, можно не сомневаться, что в древности они существовали, так как своды склепов во многих случаях находятся выше уровня земной поверхности.

По простоте конструкции и размерам эти два типа склепа являются рядовыми; они принадлежали, очевидно, населению средней зажиточности. В большинстве случаев в них погребено два человека.

Третий тип кирпичного склепа — многокомнатный. Количество помещений в таких склепах достигает иногда тринадцати [50]. Основу многокомнатного склепа составляют соединенные последовательно друг с другом (по оси с юга на север) передняя, средняя и задняя комнаты. Передняя и средняя комнаты, в свою очередь, соединены с боковыми комнатами, расположенными с запада на восток. Размеры боковых комнат в среднем — 1×1 *м*, 1×2 *м*. Остальные помещения имеют размеры 2×4 *м*, 1,5×3 *м*. Длина проходов между комнатами — 0,5—1 *м*, ширина — 0,5—0,6 *м*. Свод в большинстве комнат коробовый, из клиновидного кирпича, но в конце периода Хань распространяется также колоколовидный (например, могилы в Ваньду, пров. Хэбэй) [51] и кресто-

[50] Краткое сообщение о раскопках могилы эпохи Хань в Юйчен. ВЦЦ, 1955, № 6, стр. 77—89.

[51] Материалы археологических исследований за последние годы в провинции Хэбэй, стр. 15—16.

вый свод (могилы в окрестностях города Хэфей, пров. Аньхой) [52] (рис. 6 и 7).

Кладка стен состоит из чередования двух-трех слоев кирпичей, положенных на «постель», и слоя из кирпича, поставленного на торец. Стык стены и свода является самым слабым местом в конструкции, поэтому он усиливается кирпичными утолщениями — контрфорсами. С той же целью линия стен иногда бывает изогнута (в плане). Причем в собственно Китае стены чаще изогнуты во внутрь, а в Корее и Южной Маньчжурии они выпуклые. Пол комнаты состоит из одного-двух слоев кирпича. Верхний слой уложен по диагонали к линии стен или елочкой.

Рис. 7. Крестовый свод над многокомнатным кирпичным склепом (из раскопок у г. Хэфей)

Все проходы между комнатами склепа выполнены в виде арок. Главный вход в склеп, как правило, заложен кирпичом в несколько вертикальных рядов. Кирпичи с внутренней стороны стены богато и разнообразно орнаментированы. Впервые в кирпичных склепах появляется стенная роспись, великолепные образцы которой можно видеть в недавно раскопанной могиле в уезде Ваньду, провинции Хэбэй [53].

В многокомнатных склепах бывает погребено до 6—8 человек, причем все погребения находятся в одной из задних комнат, в остальных комнатах помещается погребальный инвентарь. При этом каждой комнате отводилась особая роль. Например, в могиле № 30.14 в провинции Хэнань в одной комнате помещается кухонный инвентарь и даже сложена из маленьких кирпичей печь, на которой стоят железный котел и керамические сосуды, в другой — находятся детали украшения лошадей и колесниц, модели кормушек для лошадей, в третьей — стоят сосуды для хранения зерна и тут же находятся модели амбаров и т. д. [54] Таким образом, склеп напоминает очень богатый жилой дом.

Каменные склепы по характеру и планировке близки к кирпичным, но территории их распространения гораздо ограниченнее, что связано, очевидно, с материалом. В основном они распространены на территории провинции Шаньдун, в Южном Дунбэе, реже встречаются в Хэнани,

[52] Краткие сообщения о расчистке древних могил в западных окрестностях г. Хэфей. ВЦЦ, 1956, № 2, стр. 46—51.

[53] Стенная роспись в ханьских могилах в Ваньду.

[54] Краткое сообщение о раскопках могилы времени Хань в Лоян. ВЦЦ, 1955, № 10.

Рис. 8. Общий вид многокомнатного каменного склепа

в северной части Цзянсу, Аньхой, в Сычуани. Как и кирпичные, каменные склепы бывают одно-, двухкомнатные и многокомнатные.

Пол и стены склепов сложены из хорошо обработанных и тесно пригнанных друг к другу плит. Иногда плиты скреплены раствором [55]. Сред-

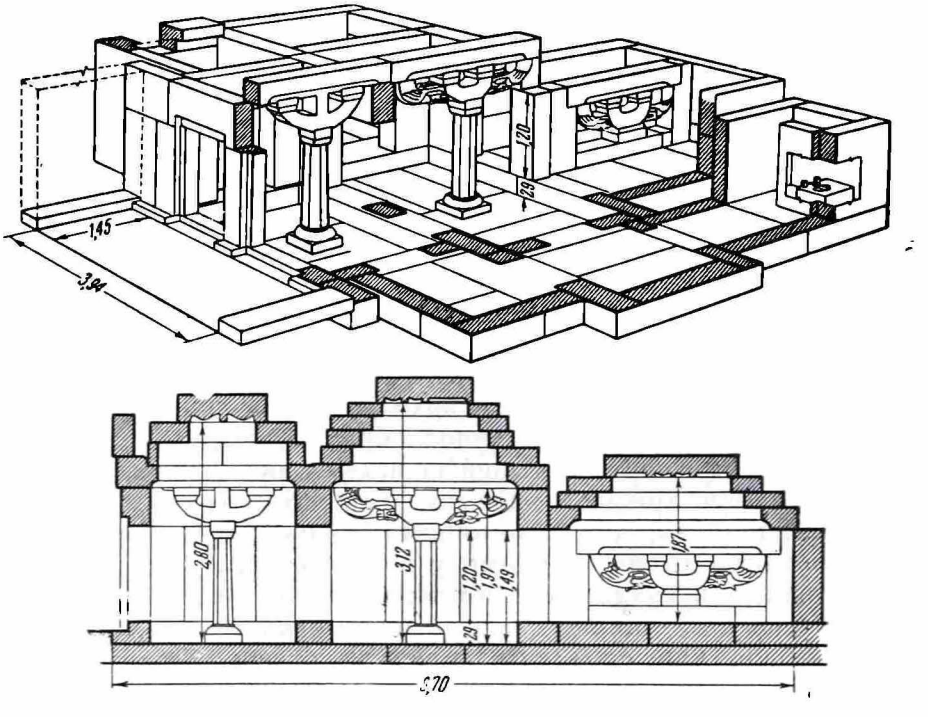


Рис. 9. Аксонометрический план и разрез многокомнатного каменного склепа

ние размеры плит: длина — 1—2 *м*, ширина — 0,5—0,7 *м*, толщина — 0,3—0,4 *м*. Потолок однокомнатных и двукомнатных склепов представ-

[55] Ханьские могилы в Иньшань. ВЦЦ, 1955, № 8, стр. 28—34.

ляет собой, как правило, плоское перекрытие из плит, поддерживаемое иногда одной-двумя каменными колоннами. Вход обычно заложен каменными плитами. Иногда бывают ложные двери: на плите, закладывающей вход, изображены створки дверей [56]. Многокомнатные каменные склепы по планировке комнат напоминают многокомнатные кирпичные.

Характерной чертой многокомнатных склепов является наличие уступчатого свода. Типичным примером в этом отношении может служить прекрасно сохранившийся каменный склеп в уезде Инань провинции Шаньдун [57] (рис. 8). Склеп состоит из восьми комнат: трех главных и пяти боковых. Общая длина (север — юг) — 8,7 *м*, ширина (запад — восток) — 7,55 *м*. Вход с юга (рис. 9). Рама входа составлена из двух столбов по бокам, опирающейся на них притолки и порога. Вход разделен колонной на два прохода, каждый шириной 1,4 *м*. Высота входа — 1,44 *м*. Каждый проход имел одностворчатую каменную дверь (рис. 10). Передняя комната имеет длину 2,84 *м*, ширину 3,5 *м*, высоту 2,8 *м*. В центре комнаты — восьмигранная колонна (диаметр 0,25 *м*). Колонна поддерживает каменную балку, которая делит потолок на две половины, каждая из которых представляет собой особый свод (рис. 11). Своды уступчатые (три уступа); завершает свод плита. Подобным образом построены своды во всех трех главных комнатах (рис. 12). Назначение балки — уменьшить площадь, над которой должен быть выстроен свод, иначе при уступчатой конструкции он был бы очень высоким. Размеры боковых комнат невелики, в среднем $1{,}4 \times 1{,}5$ *м*^{2}, поэтому своды в них — одинарные. Общая площадь склепа — 88,2 *м*^{2}.

Чтобы создать такое сложное сооружение, нужно было затратить большое количество труда и времени. Такая работа могла быть осуществлена только руками большого количества рабов.

На стенах и других архитектурных деталях каменных склепов имеются прекрасные рельефные изображения, которые, как и инвентарь, подчеркивают специфику каждого помещения. Так, в одной комнате изображены сцены приготовления пищи, в другой — сцены трапезы, в третьей — жертвоприношения и т. д. [58].

Над многокомнатными кирпичными и каменными склепами строились различные наземные сооружения, и прежде всего курганные насыпи. Насыпи над могилами периода Хань по форме отличаются от насыпей предшествующей эпохи. Это хорошо прослеживается на примере курганов, сооруженных над могилами ханьских императоров и чжоуских ванов, а также высшей знати в уезде Сяньян, недалеко от Чанань (современный Сиань в провинции Шэньси) — столицы Западных Чжоу и Западных Хань. Там находится 35 курганов, 10 из них относятся к эпохе Чжоу. Как сообщил С. В. Киселев на основании личных наблюдений и консультации с местным археологом Ся Цзы-сином, все чжоуские курганы в Сяньяне имеют куполообразную форму.

Характерная же черта насыпей периода Хань — это их пирамидальность. Различается три вида насыпи императорских курганов: скругленно-пирамидальная, усеченно-пирамидальная и ступенчато-пирамидальная (с одним-двумя уступами у вершины). Все они построены на прямоугольной или квадратной земляной платформе.

Исключение представляет насыпь над могилой ханьского полководца Хо Цюй-бина. Она сделана в виде искусственной горы, напоминающей гору Силяньшань, где Хо Цюй-бин одержал знаменитую победу над гуннами [59].

---

[56] Краткие сообщения о расчистке древних могил в западных окрестностях г. Хэфей, стр. 46.

[57] Доклад о раскопках каменного склепа с древними рельефами в Инань.

[58] Там же.

[59] Ян Шу-да. Ук. соч., стр. 159—162.

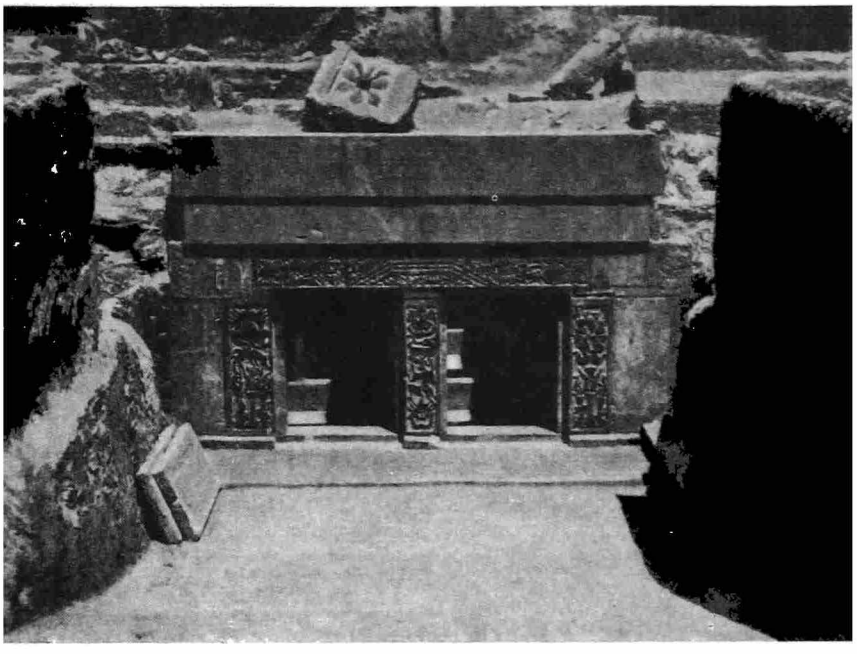


Рис. 10. Вход в каменный склеп

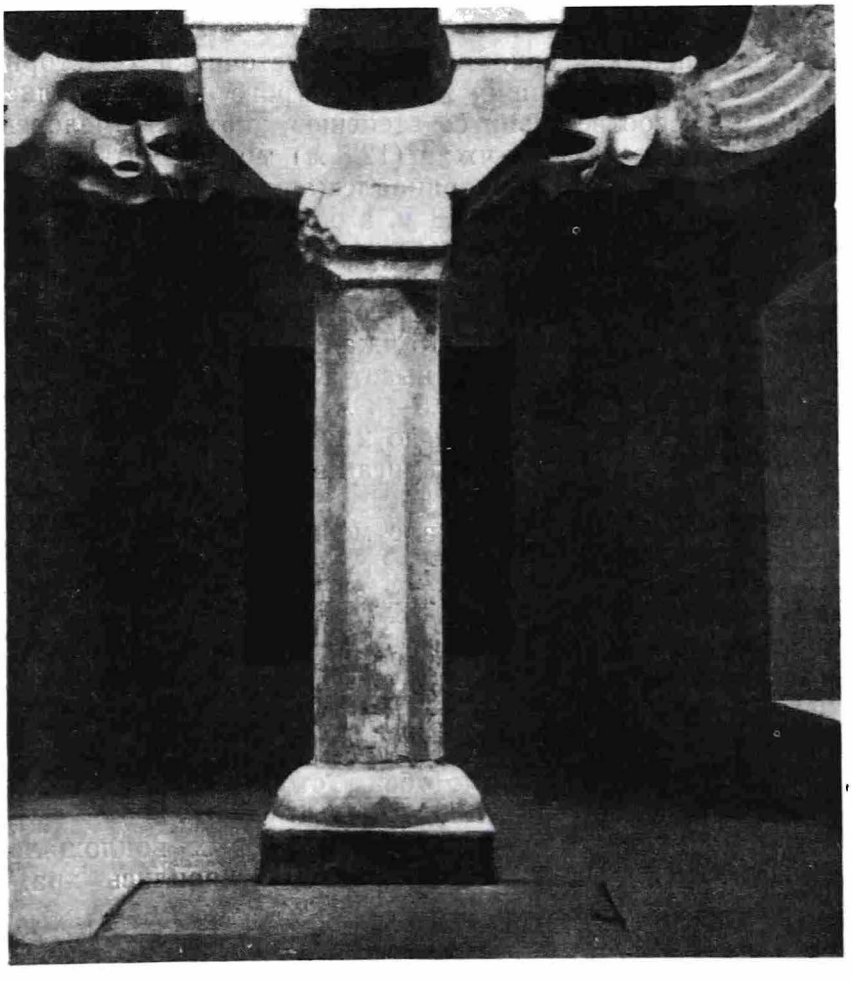


Рис. 11. Деталь конструкции каменного склепа

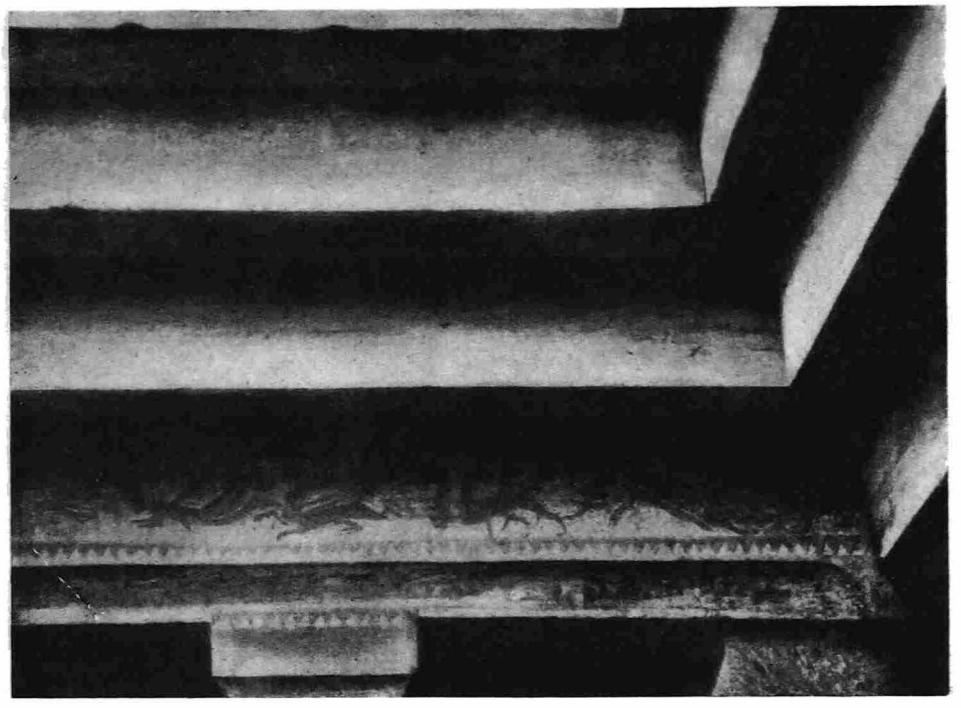


Рис. 12. Уступчатый свод склепа

Размеры насыпей, как свидетельствуют источники («История младших Хань» и «История старших Хань»), строго нормировались ханьскими законами в соответствии со степенью знатности человека. Так, насыпи высотой более четырех чжан (12,8 *м*) могли иметь только члены императорской фамилии. Люди, принадлежащие к рангу лехоу (высшая знать), могли иметь насыпь до 12,8 *м*, а обычные сановники — не более 1,5 чжан (4,8 *м*) [60].

Среди императорских курганов есть очень высокие; например, насыпь над могилой императора Ань-ди достигала, как отмечено в «Истории старших Хань», высоты 48 *м* (15 чжан) [61]. Насыпь над могилой императора У-ди еще и теперь имеет высоту 30 *м* [62]. Средние размеры насыпи китайских могил в Корее — 1,5—3 *м* (в районе Лолана). В Индокитае насыпи имеют высоту от 1,5 до 2 *м*, ширину сторон — 15—18 *м*, длину — 18—21 *м*. Самый большой курган в Индокитае достигал высоты только 4 *м* (могила № 1 в Дон-та) [63].

В Южной Маньчжурии очень мало могил сохранило насыпь, из них самая высокая — 3,76 *м* [64].

Помимо курганной насыпи, могилы знатных особ в ханьскую эпоху в Китае имели еще целый ряд внешних особенностей. Например, иногда они огораживались прямоугольной оградой, которая имела обычно вход с южной стороны, а в поздних курганах — входы со всех четырех сторон. На расстоянии 5—6 *м* от кургана устанавливались каменные колонны или столбы, которые представляли своего рода ворота, открывавшие вход в «дорогу духов», по обеим сторонам которой ставились каменные стелы и скульптуры [65].

Для церемонии жертвоприношений, в которых воплощался культ предков, обычно между воротами и курганом строились храмы пред-

[60] Ян Шу-да. Ук. соч., стр. 162.
[61] Там же, стр. 130.
[62] Ван Чжун-шу. Коротко о погребениях, стр. 74.
[63] O. Jansé. Ук. соч., т. VII, стр. 3.
[64] Ying Cheng-tsu. Archaeologia Orientalis, т. IV, Tokyo — Kyoto, 1934, стр. 4.
[65] E. Chavannes. Ук. соч., стр. 20.

ков (Цытан) [66]. До нас дошли некоторые из этих сооружений, например, храм Чу Вэй в районе Диньсянь и Гоцзюй в Цзяотаньшань (пров. Шаньдун) [67].

Внешне храм предков представлял собой миниатюрный домик с остроконечной крышей, имеющий стены с трех сторон и открытый с фасадной стороны. Над фасадом (по обычаям китайской архитектуры им является длинная сторона постройки) нависает массивный карниз крыши, поддерживаемый посредине одной или двумя колоннами (самый большой храм предков имел в длину 3,5 *м*, ширину 1,6 *м*, высоту 1,7 *м*).

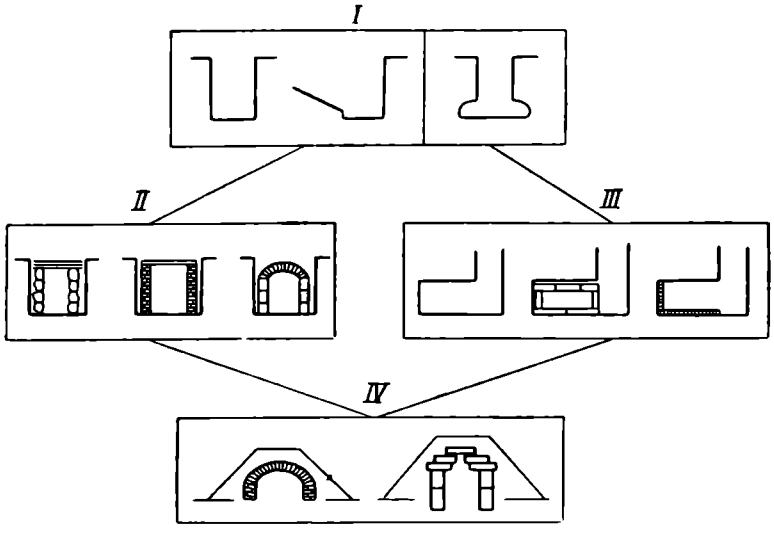


Рис. 13. Схема эволюции погребальных конструкций эпохи Хань

По своему характеру сооружения четвертой группы резко выделяются среди остальных погребений сложностью конструкции и богатством инвентаря и, безусловно, принадлежат представителям господствующего класса Ханьской империи. Особой роскошью отличаются императорские могилы.

Предлагаемую эволюцию погребальных конструкций эпохи Хань можно представить в виде обобщенной схемы (рис. 13). При сопоставлении типологической схемы с хронологическими периодами существования отдельных групп погребальных конструкций выделяются следующие общие закономерности. Схема включает в себя исходную и конечную группы и две переходных; она отражает процесс формирования кирпичных и каменных склепов — характерных погребальных сооружений эпохи поздних Хань. Исходными являются унаследованные от предыдущих периодов три разновидности грунтовой ямы (см. рис. 1). К концу раннего периода Хань на территории Центрального Китая они уступают место более сложным конструкциям второй и третьей групп.

В этих группах развитие идет по двум направлениям: усложнение формы самой могильной ямы (вторая группа) и усложнение конструкции в яме (третья группа). Для обеих групп характерно обилие форм при небольшом количестве погребений. Эта черта и непродолжительное время существования обеих групп типичны для переходных форм и отличают их от более стабильных исходной (первой) и конечной (четвертой) групп.

Исключение составляет первая подгруппа второй группы (грунтовой склеп без саркофага), которая, послужив основой формирования

---

[66] V. Segalen. Ук. соч., стр. 8, 19.

[67] Ван Чжун-шу. Коротко о погребениях, стр. 74.

кирпичных склепов, сохраняется в последующее время как основной тип погребения для средних и беднейших слоев населения Центрального Китая [68]. Что касается периферийных районов, то там основным типом погребений для этих слоев оставалась грунтовая яма.

В начале нашей эры формируются и начинают быстро распространяться конструкции первой группы, на базе которых развиваются могильные конструкции последующих эпох.

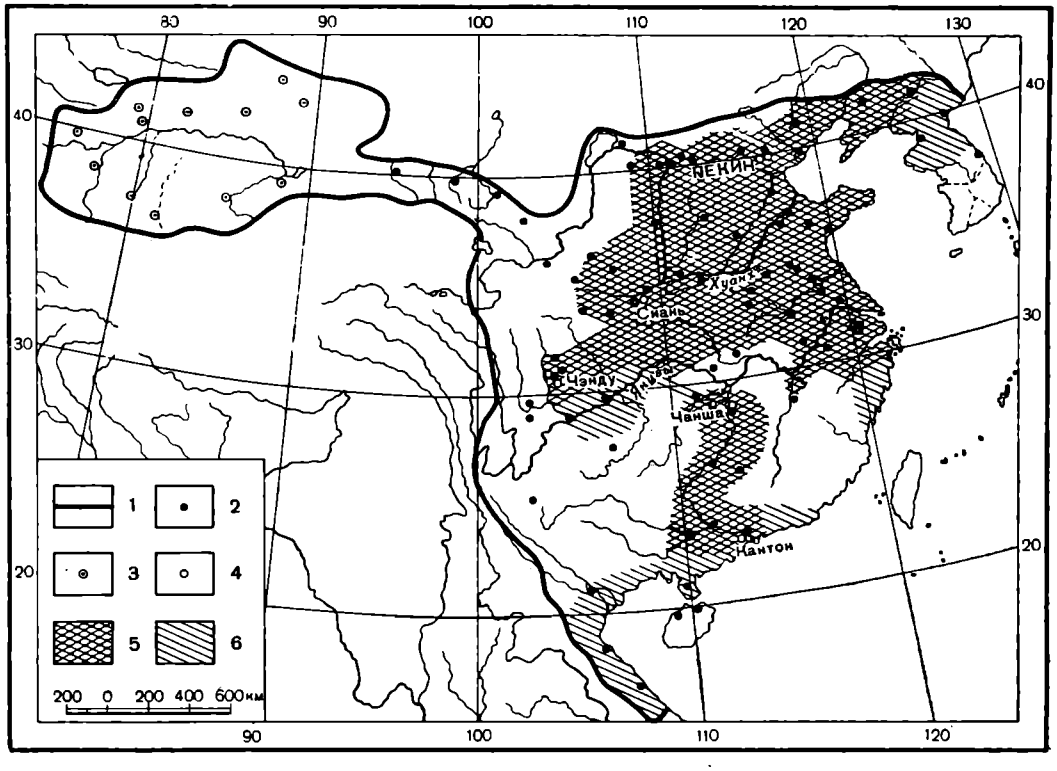


Рис. 14. Карта границы империи Хань и распространение Ханьских погребальных конструкций

1 — граница империи Хань; *2* — китайские города эпохи Хань; *3* — некитайские города; *4* — современные города; *5* — территория распространения китайских погребений времени Западных и Восточных Хань; *6* — территория распространения китайских погребений времени Восточных Хань

Важно отметить, что переходные группы погребальных сооружений, особенно их ранние типы, распространены только на территории Центрального Китая, тогда как исходная и конечная формы — на широкой территории, охватывающей и периферийные районы Ханьской империи. Очевидно, что развитие новых форм происходило в Центральном Китае.

Предложенная схема классификации ханьских погребальных конструкций позволяет сделать некоторые исторические выводы. Сложение специфической конструкции в погребениях господствующего класса (выделение кирпичных и каменных склепов из общей массы грунтовых погребений) отражает (с некоторым запозданием) завершение формирования высшего класса и является частью процесса окончательного сложения отличительных атрибутов господствующих классов в империи Хань.

Сопоставление территории распространения ханьских погребальных конструкций с политическими границами и городскими центрами Ханьской империи позволяет точнее представить себе степень культурного влия-

[68] Краткий доклад о раскопках в 16 промышленном районе у г. Лоян, КТ, 1957, № 3, стр. 47—55.

ния Китая на вновь присоединенные районы (Юго-Западная Корея, Южная Маньчжурия, Цзянси, Чжэцзян, Гуйчжоу, Юньнань, Гуандун, Гуанси, Ганьсу) (рис. 14).

Здесь важно отметить два момента.

1. Хотя все эти районы завоеваны во II в. до н. э., ханьские погребения на их территории встречаются далеко не везде и относятся в большинстве случаев к среднему и позднему периоду Хань, причем чаще к концу Хань.

В тех районах, где имеются ханьские погребения, они группируются вокруг немногочисленных городских центров — мест сосредоточения китайского населения. Например, в Гуандуне — Гуанчжоу (Кантон), в Хунани — Чанша (см. выше). Это свидетельствует о том, что культурное влияние Китая шло в основном через города, причем оно отставало от установления политического господства на 100—150 лет.

2. Ряд территорий, политически подчиненных империи, не имеет вообще ханьских (китайских) погребений. Например, провинция Фуцзянь, Юньнань, Южный Чжэцзян, Западный Гуанси, Северо-Западная Ганьси [69]. Как раз в этих районах нет и крупных ханьских городских центров.

Это, по-видимому, свидетельствует о том, что влияние китайской культуры в указанных районах было еще слабым. Народности, жившие там, еще не были ассимилированы настолько, чтобы они переняли ханьский погребальный обряд.

Иная картина наблюдается здесь в последующее время. Начиная с эпохи Цзинь (265—420 гг. н. э.), здесь известно немало погребений, вполне сходных с погребальными памятниками Центрального Китая [70].

---

[69] Отсутствие в этих районах китайских погребений не может быть объяснено их слабой исследованностью по сравнению с остальными районами. На рассматриваемой территории мы знаем погребения, относящиеся к эпохе Хань, но принадлежащие местным народностям, например грунтовые могильники вьетов-юэ, занимавших территорию вдоль побережья от Чжэцзян до Северного Вьетнама. См. Могильник и поселение Шичжайшань в уезде Цзинь в Юньнани. КС, 1956, № 1, а также O. J a n s é. Preliminary Report of Excavation at Dong'Son. Revue des arts asiatiques, 1936, т. IX.

[70] Краткое сообщение о расчистке могил эпохи 6 династий в районе Фучжоу. КТ, 1957, № 5, стр. 48—53; Краткое сообщение о расчистке древнего могильника в Гуйчжоу. КТ, 1958, № 1, стр. 33—36; Краткое сообщение о расчистке могилы эпохи Цзинь в Юньнань. КТ, 1956, № 3, стр. 25—28.

В. Б. ДЕОПИК

КЛАССИФИКАЦИЯ БУС СЕВЕРНОГО КАВКАЗА IV — V вв.

Проблема научной датировки стоит очень остро для наших раннесредневековых древностей. Круг памятников, позволяющих точно датировать отдельные комплексы, растет; разрабатывается типология фибул, височных колец, поясных наборов и т. д. К сожалению, бусы, представляющие собой наиболее массовый и единый на очень широкой территории материал, пока не исследовались должным образом. В существующих публикациях им уделяется незначительное внимание; описания часто неточны и очень кратки. Между тем имеющиеся работы о бусах показали, что материал в высшей степени благодарен [1].

Исследование бус, важных для датировок, позволяет, кроме того, судить о характере, направлении и интенсивности торговых связей, времени появления собственного стеклоделательного производства и той базе, на которой оно возникло.

Выбор для исследования бус IV—IX вв. с территории Северного Кавказа объясняется рядом причин: необходимостью введения в научный оборот огромного неизданного материала из хорошо датированных комплексов, возможностью составления типо-хронологических и статистических таблиц на этом массовом материале (в отдельных погребениях встречено более сотни бус), той передаточной ролью, которую играл Северный Кавказ для наших южнорусских территорий. Бусы восточносредиземноморского и индоиранского происхождения, в большом количестве встреченные в Восточной Европе, проникали сюда через Кавказ. Данная работа дает типологию и классификацию бус, в основном привозных из Передней Азии, по которым имеется большая специальная литература, где, однако, мало внимания уделено типологии и, главное, дробной хронологии отдельных типов бус Ближнего Востока. Бусы, на которых останавливаются эти авторы, происходят чаще из частных коллекций или случайных находок, чем из комплексов. Поэтому датировки авторов общи, суммарны; абсолютно отсутствуют статистические данные. Бусы с очень обширных территорий (например, Ирана) фактически совершенно выпадают из поля зрения исследователей. В настоящей работе классифицируются бусы из хорошо датированных комплексов и случайных коллекций Кавказа. Для бус каждого могильника или каждой хронологической группы могильника составляются типо-статистические таблицы, которые

---

[1] См. А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. Тр. СА РАНИОН, т. I, 1926; его же. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 27—44; П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926; А. С. Боброва. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, вып. XXX, 1949; Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950; Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956; И. В. Пташникова. Бусы древнего и ранне-средневекового Хорезма. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952; Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956. Большой интерес представляют две рукописи Н. Н. Погребовой «Бусы из раскопок Фанагории» и «Бусы Боспора» (Архив ИИМК, д. 910, 911. Альбомы №№ 912—917).

в дальнейшем объединяются в единую таблицу, выявляющую характерные для определенных периодов типы. В данной статье, представляющей собой первую часть нашей работы, мы исследуем бусы IV—V вв. Изучены материалы могильников: Пашковского № 1, Борисовского (1 группа погребений), Байтал-Чапкан, Гиляч, у аула Жако (Тамгацик), в Цебельде, Верхней Рутхе, Кумбулте, Чегеме и т. д. [2]

По материалу все бусы можно разделить на каменные (включая и янтарь) и стеклянные.

Каменные бусы в памятниках IV—V вв. составляют более половины всех бус (в Пашковском могильнике № 1 [3] их 60%, в первой группе погребений Борисовского могильника [4] — 54,7%). На первом месте среди каменных бус стоят янтарные, которые в Пашковском могильнике составляют 44,3%, а в Борисовском даже 98,8%.

Янтарь бус IV—IX вв. отличается по цвету и качеству от желтого и прозрачного янтаря римского времени, он красновато-бурый, мутный, с трещинами, покрытый матовой корочкой.

С IV—V вв., когда янтарь становится наиболее излюбленным и массовым материалом на широкой территории от Урала до Крыма, он везде имеет один характер. Очевидно, это не прибалтийский, а восточноевропейский янтарь [5].

Большая часть бус (84% в Пашковском могильнике) крупные (диаметр от 1 до 3 *см*), неправильной формы, округлые, чаще дисковидные, иногда продольное сечение представляет собой трапецию, диаметр бусины приближается к ее длине (рис. 1, *1*). Аналогичные крупные янтарные бусы встречены в памятниках Верхней Кубани [6], Цебельды (Абхазия) [7], Кабардино-Балкарии [8] Верхней Рутхи (Сев. Осетия) [9], Дагестана, Крыма [10]. В Борисовском могильнике крупные бусы неправильно-округлой формы составляют всего 13% всех янтарных. Часть их плоская (45 экз.), часть приближается к шарообразной форме (20 экз.). Одна крупная цилиндрическая, эллипсоидная. Большинство же (396 экз.) представлено небольшими (диаметр от 0,6 до 1 *см*) неправильной формы

---

[2] Материалы хранятся в музеях и институтах следующих городов: Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Махач-Калы, Грозного, Орджоникидзе, Нальчика, Пятигорска, Черкесска, Ставрополя, Краснодара и Сухуми.

[3] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, 1936; К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951; его же. Отчет о работе в 1948 и 1949 гг. Архив ИИМК, ф. I, д. 255, стр. 92—96; ф. I, д. 329, стр. 65—75. Мы придерживаемся даты, предложенной К. Ф. Смирновым, который уточнил датировку М. В. Покровского. Пользуюсь возможностью высказать глубокую благодарность К. Ф. Смирнову за любезное разрешение использовать этот материал и за ценные замечания. (Количество бус вполне достаточно для статистических вычислений — 242 экз.)

[4] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 134—137; А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Уч. зап. Каб. НИИ, т. IV, 1948; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953; А. Л. Монгайт. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. СА, XXIII, 1955. В первой группе погребений Борисовского могильника учтено 885 бус. В дальнейшем, говоря о Борисовском могильнике, мы будем иметь в виду первую группу его погребений.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 424.

[6] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3, Ставрополь, 1950; его же. Археологические памятники верховьев Кубани. Канд. диссерт. Архив ИИМК, д. 747, стр. 117. Фонды музея г. Ставрополя, колл. № 1209. Одна янтарная привеска найдена Е. П. Алексеевой в 1953 г. в Тамгацике, погр. № 4, хранится в Карачаево-Черкесском НИИЯЛИ.

[7] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 94—95, табл. VII. ГИМ, колл. № 84974.

[8] Музей г. Нальчика, колл. № 3640.

[9] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. 8, 1909, стр. 245.

[10] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 45—48, табл. III, IV; ч. II, ЗООИД, т. XXVII, 1907, стр. 133—135.

бусами, иногда призматическими со скругленными углами, приближающимися к цилиндрическим или неправильно шарообразным (рис. 1, *2*).

Янтарные бусы неправильной формы в IV—V вв. составляют абсолютное большинство. В Пашковском могильнике, кроме них, найдена лишь одна шарообразная с продольными бороздками (рис. 1, *3*) и три янтарные биконические бусины (длина 1,3—2 *см*, поперечное сечение — квадрат со слегка округленными углами без граней; рис. 1, *4*), в Борисовском — 17 эллипсоидных небольших.

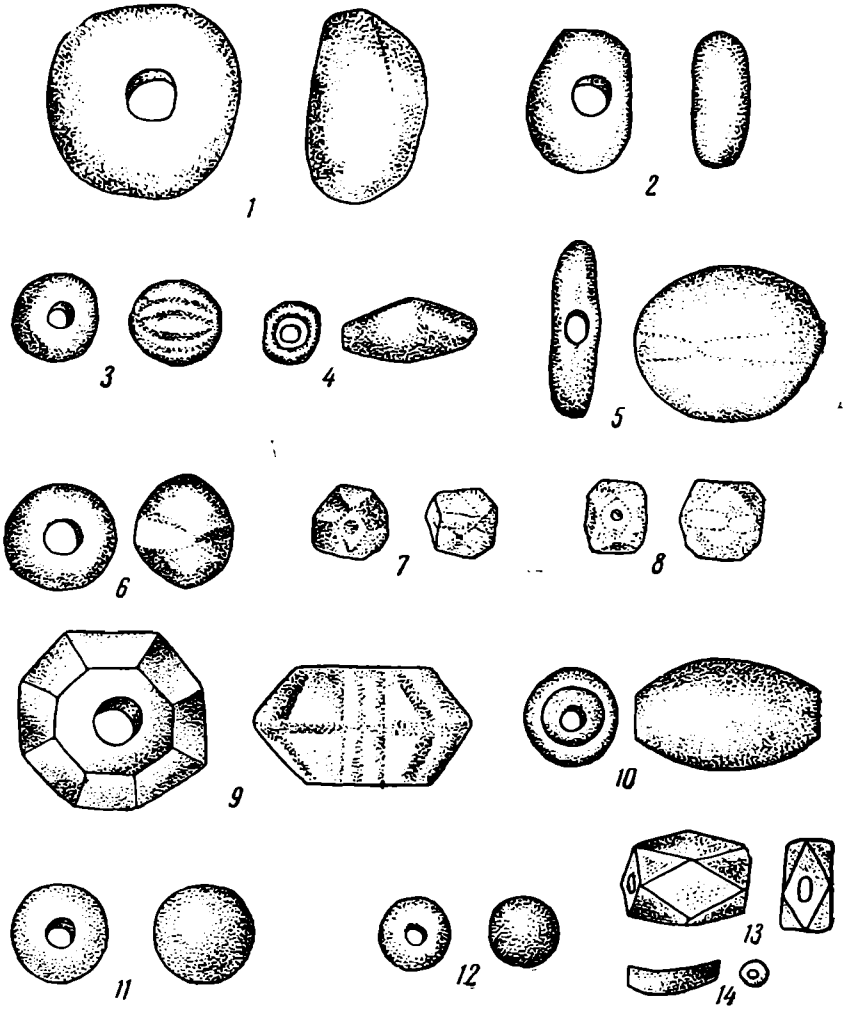


Рис. 1. Янтарные и каменные бусы северокавказских могильников IV—V вв.

В янтарных бусах северокавказских могильников мы видим продолжение линии развития бус позднеримской эпохи [11]. Янтарь, отмеченный в эпоху эллинизма только в богатых погребениях, в римскую эпоху встречается чаще и представлен более крупными экземплярами [12]. Для IV—V вв. среди каменных бус он составляет от 45 до 98,8%; характерны крупные, до 5—6 *см* диаметром, округлые и неправильной формы дисковидные, уплощенные бусы. Для второй половины I тысячелетия характерно полное отсутствие таких форм, бусы становятся мелкими (0,5 × 1 *см*), удлиненных пропорций, призматическими (в сечении треугольник или трапеция); количество их очень невелико [13].

[11] Н. И. Погребова. Бусы из раскопок Фанагории.

[12] Н. Н. Погребова. Бусы Боспора, стр. 32.

[13] Эта же закономерность наблюдается в западных материалах. См. J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Brunswick, 1905, т. I. стр. 460—468. E. Salin. Le haut moyen-âge en Lorraine d'après le mobilier funéraire. Paris, 1939, стр. 161.

На втором месте среди каменных бус стоят хрустальные. В Пашковском могильнике они составляют 21,1% (34 экз.), в Борисовском — всего 1% (6 экз.). В римскую эпоху основными формами были гладкие или дольчатые шарообразные и плоские эллипсоидные [14]. В IV—V вв. продолжают употребляться шарообразные, диаметром около 1,5 *см* (Борисовский могильник; 5 экз.).

Чрезвычайно типичными являются бусы неправильной шарообразной формы диаметром в 1,2—2,5 *см*, как бы составленные из двух линз разной кривизны [15], причем, как правило, поперечное сечение меньше продольного (Пашковский могильник; 9 экз; рис. 1, *6*). Этот тип бус характерен для Цебельды и ранних погребений Суук-Су и является хорошим датирующим признаком IV—V вв. для Северного Кавказа и Крыма.

В Пашковском могильнике встречена типичная для более раннего времени плоско-овальная крупная бусина (размер 3 × 2,3 × 0,5 *см*; рис. 1, *5*).

Среди хрустальных бус преобладают многогранные (22 экз. в Пашковском могильнике). Чаще это 14-гранные бусы, в основе которых лежит куб со стороной в 1—1,2 *см* или уплощенный параллелепипед (рис. 1, *7*, *8*). Много таких бус найдено в Цебельде [16], в коллекциях из Кабардино-Балкарии [17]. В погребениях VI—IX вв. эта форма для хрустальных бус встречается только в нагорном Дагестане.

Немногочисленными, но чрезвычайно типичными для IV—V вв. являются крупные (диаметр — 3 *см*) восьмиугольные бипирамидальные усеченные короткие бусы (2 экз. в Пашковском могильнике, несколько в Цебельде, одна бусина из Кабардино-Балкарии [18]; рис. 1, *9*).

Различные халцедоны составляют очень незначительный процент в памятниках IV—V вв. Так, в Пашковском могильнике четыре бусины (2,4%) — две шарообразные (рис. 1, *11*) диаметром 1—1,2 *см* и две крупные бочкообразные размером одна 3 × 2 *см*, другая — 2,3 × 1,3 *см* (рис. 1, *10*). Найдены такие бусы в могильнике Байтал-Чапкан [19] и Тамгацик [20]; в IV—V вв. они менее распространены, чем в более раннее время. Встречен желтоватый (церахит) и молочный халцедон (сапфирин); ни сардара, ни агата в датированных IV—V вв. погребениях Северного Кавказа нет (только в нескольких случаях встречены удлиненные бусы из ленточного агата, очевидно, индийского происхождения). Сердолик также распространен в небольшой степени. В Пашковском могильнике он представлен только шарообразными экземплярами (рис. 1, *12*), составляя 7,4% (12 экз.). Сердолик розовый, очень хорошего качества, тщательной шлифовки, диаметром 0,5—0,7 *см*, с узким отверстием.

Круглые сердоликовые бусы встречены в погребениях IV—V вв. Верхней Кубани [21], Грузии [22], Азербайджана [23]. В верхнекубанских памятниках встречены также сердоликовые бипирамидальные четырехгранные бусы. 14-гранные сердоликовые бусы встречены не во всех памятниках, их нет в Пашковском и Борисовском могильниках, в Цебельде. Встречены

---

[14] Н. Н. Погребова. Бусы Боспора, стр. 12—15.

[15] Г. Г. Леммлейн. Ук. соч., тип. 334, стр. 168, рис. 52.

[16] ГИМ, колл. № 84974.

[17] Музей г. Нальчика, колл. № 1084.

[18] Музей г. Нальчика, экспозиция, бусы из Гунделена, Хабаса и Вольного аула.

[19] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 4, *а*.

[20] Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1953. (Материал хранится в Карачаево-Черкесском НИИЯЛИ).

[21] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 278, 279, 288, 293, рис. 5; ее же. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 4, ж; Е. П. Алексеева. Ук. соч. (Материал хранится в Карачаево-Черкесском НИИЯЛИ).

[22] Музей Грузии, Самтавро, каменн. ящик IV—V вв., № 3401, 6288—89.

[23] Пользуюсь случаем высказать благодарность Г. М. Асланову за предоставление возможности ознакомиться с материалом.

они в погребениях у аула Жако[24] (рис. 1, *13*): две бусины в погребении № 2 и две бусины в погребении № 4. Сердолик прекрасного качества, буроватый, ровный — так называемый индийский. Длина по продольной оси больше, чем по поперечной (от 1,2 до 1,8 *см*); аналогичные сердоликовые бусы встречены и в катакомбных погребениях IV—V вв. Мингечаура[25] и в Алхан-Калинском подкурганном катакомбном могильнике, где их исследование позволило Л. Г. Нечаевой правильно определить время их появления III—IV вв.[26]

В коллекциях из Северного Кавказа встречены такие же бусы[27]. В целом же сердоликовые бусы далеко еще не имеют того значения, которое они получат в более позднее время. Они сделаны из хорошего сердолика, прекрасно отшлифованы и являлись индоиранским импортом.

Коралловые бусы найдены в Пашковском и Гилячском могильниках. В Пашковском могильнике они составляют 24,8% (40 экз.), но все найдены в тайнике богатого погребения № 5[28]. Бусы цилиндрические, диаметром около 0,2 *см*, длиной 1—1,5 *см* (рис. 1, *14*). В Гилячском могильнике найдена одна маленькая коралловая дисковидная бусина[29]. Коралл плохой сохранности, бледно-розовый, мягкий, красящий. В памятниках VI—IX вв. с территории Западного и Центрального Предкавказья коралловых бус нет, но их много в катакомбном Чир-Юртском могильнике VI—VII вв. из Дагестана[30]. Встречено украшение из коралла и среди случайных находок в Чечено-Ингушской АССР, где оно было определено биологами как вид мшанок, встречающихся в Каспийском море.

Для Северо-Западного и Центрального Предкавказья небольшие коралловые цилиндрические бусы, удлиненные или короткие, служат определенным хронологическим признаком IV—V вв. Интересно, что в Индии также в первые века нашей эры коралл составляет до 40% каменных бус, уступая в более позднее время место другим материалам[31]. Найден он и в Хорезме[32] и в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья.

Гагатовые бусы слабо распространены в северокавказских памятниках. Они представлены пирамидальными подвесками и крупными бочкообразными или граненными бусами. Гагат блестящий, хорошего качества.

Стеклянных бус в северокавказских памятниках IV—V вв. встречено меньше, чем каменных,— 40—45%. О составе стеклообразующего вещества позволяют судить анализы. Всего произведено около 200 спектральных качественных анализов[33], причем из них около 30 относятся к бусам первой половины I тысячелетия н. э. (см. табл. 1).

Несмотря на отсутствие точных количественных данных[34], мы можем

---

[24] Е. П. Алексеева. Ук. соч.

[25] Материал хранится в Институте истории АН АзССР. Мингечаур, 113/1953.

[26] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе (канд. диссертация), стр. 46, 53, 57, 83, 88. Хранится в архиве ИИМК.

[27] ГИМ. Камунта, 91/57 а; Баксан. колл. № 44817. Галиат, колл. № 22185.

[28] К. Ф. Смирнов. Отчет о полевых работах за 1949 г. Архив ИИМК АН СССР, ф. I, д. 329, стр. 68.

[29] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 279.

[30] В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1957 г. Уч. зап. НИИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР, т. 3, Махач-Кала, 1957.

[31] В. К. Thapar. Maski 1954 a Chalcolitic Site of the Southern Deccan. Ancient India, № 13, 1957, стр. 105, 106.

[32] И. В. Пташникова. Ук. соч., стр. 108; С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 124.

[33] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность заведующему кафедрой археологии МГУ проф. А. В. Арциховскому за предоставление возможности проведения около 200 анализов бус из северокавказских могильников, аналитику А. Н. Репину за непосредственное ее исполнение и Ю. Л. Щаповой за ценные замечания.

[34] В данных анализах следующие примерные количественные определения: 1 — основа, 2 — очень много, 3 — много, 4 — мало, 5 — следы, 5,5 — следы следов.

судить достаточно полно о соотношениях стеклообразующих веществ (Na, Ca, K и Mg), о роли свинца, применяющихся красителях и глушителях, а большое количество произведенных анализов позволяет применить статистический метод.

Все ранние бусы сделаны по античному рецепту, т. е. это натриево-кальциевые кремнеземные стекла. Ранняя группа выделяется малым содержанием калия [35], что находит себе аналогии в стеклоделательном производстве римской эпохи на Ближнем Востоке и в Западной Европе [36]. В IV—V вв. больше бус, содержащих меньшее количество магния [37], что также характерно для раннесредневековых стекол, в отличие от более поздних [38].

Очень интересен вопрос о примесях свинца. В ранних бусах экземпляры со значительным содержанием свинца составляют 33%, а в бусах VI—IX вв.— 38% всех бус. Ряд желтых непрозрачных северокавказских бус как по внешнему виду, так и по анализам чрезвычайно схож с древнерусскими смальтами [39]. Возможно, что проведение количественных химических анализов средневековых бус Северного Кавказа позволит нам осветить подробнее вопросы появления свинцового стекла в древней Руси [40], но и сейчас уже ясно, что начиная с VII—VIII вв. на Северном Кавказе появляются бусы местного производства с большим содержанием свинца, пониженным содержанием кремнезема и отсутствием Na, K, Mg [41]. Данные анализы подтверждают свидетельства средневековых источников о свинцовом «иудейском стекле» [42].

Коротко остановимся на красителях. Использовались как окислы металлов, так и различный режим в стекловаренной печи [43]. Для получения красного цвета [44] использовались закись меди и иногда окись марганца, а для непрозрачности во всех случаях двуокись олова. Иногда анализ показывает присутствие свинца, возможно связанного с медными шлаками [45]. Зеленый цвет получался при помощи меди и хрома; желтый — от примесей хрома, сурьмы и свинца [46]. Синий цвет в большинстве экземпляров получался при помощи примесей кобальта, иногда кобальта и меди. «Египетская паста» получалась с помощью примесей меди [47]. Молочно-белое стекло получалось при применении двуокиси олова, но интересно, что в четырех экземплярах при анализе обнаружена и сурьма [48].

---

[35] Среди всех образцов бус первой половины I тысячелетия н. э. бусы с большим количеством калия (2 и 3) составляют всего 30%, тогда как среди бус VI—IX вв. они составляют в северокавказских памятниках — 90%, в Салтовском могильнике — 60%.

[36] М. А. Безбородов. Ук. соч., табл. VI, XXIV, XXV, XXVIII, XXIX, XXXIV.

[37] Во II—V вв. их 38%, а в памятниках VI—IX вв.— 14%.

[38] М. А. Безбородов. Ук. соч., табл. XV.

[39] Там же, стр. 161, 186, табл. 16—18; Н. Н. Качалов и В. В. Варгин. Исследование некоторых старинных русских стекол. Доклады АН СССР, 1954, т. XCVI, № 5.

[40] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 181—183.

[41] Технология стекла. Под ред. И. И. Китайгородского, т. I, М.—Л., 1939, стр. 218—219. Авторы подчеркивают необходимость введения в шихту окислителя ($NaNO_3$ или KNO_3).

[42] М. Б. Фармаковский. Римские стекловаренные печи. Изв. Ин-та археологической технологии, вып. 1, Пгр., 1922; F. Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949, стр. 37; М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 183, примеч.; E. Salin. Le haut Moyen-âge en Lorraine..., стр. 167—168.

[43] М. Б. Фармаковский. Ук. соч., стр. 75; F. Neuburg. Ук. соч., стр. 3.

[44] É. Salin. La civilisation mérovingienne (d'après les sepultures, les textes et le laboratoire). III partie. Les techiques. Paris, 1957, стр. 222—225; М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 28, 161, 166, 173.

[45] Там же, ср. стр. 28.

[46] A. Lucas. Ancient Egyptian Materials and Industries. London, 1934, стр. 125; М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 30, 169; Н. Н. Качалов и В. В. Варгин. Старинные русские стекла. «Стекло и керамика», № 12, 1954.

[47] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 29.

[48] Возможно, что сурьма использовалась как глушитель. См. сб. «Технология стекла», т. I, стр. 232.

Прозрачное стекло очень хорошего качества, чаще имевшее голубоватый оттенок, обесцвечивалось марганцем, а иногда не имело ни красителей, ни марганца [49] (очевидно, примеси железа здесь были незначительны). Черный цвет достигался примесями марганца и меди [50]. К сожалению, многие вопросы, поставленные данными анализами, могут быть разрешены только после проведения химического исследования данных бус. Стеклянные бусы [51] по особенностям технологии производства мы делим на пять групп: одноцветные, с металлической прокладкой, глазчатые, полосатые и мозаичные. Внутри каждой группы выделяются отделы.

I. Одноцветные стеклянные бусы

Одноцветные стеклянные бусы в IV—V вв. составляют в Пашковском могильнике 53,8%, а в Борисовском — 87% (правда, в основном за счет бисера).

Отдел 1. Круглые (по поперечному сечению). Эти бусы составляют большинство одноцветных бус (в Пашковском могильнике 93%).

Тип а. Шарообразные (4 экз. в Пашковском могильнике и 12 — в Борисовском). Диаметр бус колеблется от 0,5 до 1,2 *см*, но в основном 0,6—0,7 *см*. Цвет преимущественно синий кобальтовый, стекло — полупрозрачное, хорошего качества. Встречены крупные бесцветные, прозрачные бусы, чаще с голубоватым оттенком (Борисовский могильник, Цебельда, Рутха), прозрачные среднего размера, розовые, окрашенные марганцем (Пашковский могильник), заглушенные голубые и одна темно-коричневая, почти черная, непрозрачная (Пашковский могильник).

Тип б. Эллипсоидные бусы (3 экз. в Пашковском могильнике и 1 экз. в Борисовском).

Небольшого размера (0,5—0,7×0,7×1,00 *см*) или прозрачные голубого стекла, или непрозрачные синего, или зеленого цвета.

Тип в. Кольцеобразные. Найден 1 экз. черного непрозрачного стекла диаметром 0,5 *см* в Пашковском могильнике.

Тип г. Битрапециоидные. 1 экземпляр усеченной короткой бусины голубого непрозрачного стекла, диаметром 1,3 *см*, при длине 0,7 *см*, найден в Пашковском могильнике.

Бисер в Пашковском могильнике составляет 66%, а в Борисовском могильнике — 94% одноцветных бус; в Борисовском могильнике бисер черный, диаметром 0,3—0,4 *см* (292 экз.), непрозрачный красный (28 экз.), желтый (5 экз.), голубой (3 экз.), в Пашковском могильнике — 17 экз. голубого цвета.

Чрезвычайно характерно большое количество бисера и для погребений III—V вв. Алхан-Калы [52].

В Пашковском могильнике 20 мелких одночастных, тянутых из стержня, бесцветных бусин формы, чрезвычайно типичной для посеребренных и позолоченных — лимоновидных с сосковидными бугорками у отверстий, размером 0,6 × 0,5 *см*.

Из бус неправильных очертаний надо отметить 3 экз. из Пашковского могильника: одна крупная из желтоватого непрозрачного стекла, не сов-

---

[49] A. Lucas. Ук. соч., стр. 125; М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 30; D. B. Harden. Ancient Glass. Antiquity, December, 1933, стр. 425.

[50] A. Lucas. Ук. соч., стр. 122; М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 30, 166, 185.

[51] В археологической литературе часто неправильно употребляется слово паста для определения непрозрачного стекла. Г. Айзен первый остановился на неправомерности употребления этого термина, подчеркнув, что последний должен употребляться лишь для предметов, формованных из пластичной массы холодным способом. (См. G. Eisen The Characteristics of Eye-Beads from Earliest Times to the Present. AJA. 2 серия, т. XX (1916), № 2, стр. 2). Мы оставляем этот термин для египетской пасты и в тех случаях, когда бусы нам кажутся сформированными холодным способом.

[52] Л. Г. Нечаева. Ук. соч., стр. 53, 60.

сем правильно зонной формы, диаметр 1,7 *см*, по оси — 1 *см*; яйцевидная, сегментированная у тонкого конца, довольно крупная из сургучно-красного непрозрачного стекла (диаметр 1,5 *см*, по оси — 1,2 *см*) с широким отверстием; бусина катушкообразная, красная непрозрачная, мягких очертаний, получавшаяся как бы от соединений двух вышеописанных бусин узкими концами (диаметр — 1,2 *см*, по оси — 1,6 *см*).

Отдел 2. Ребристые. Встречаются бусы и подвески из «египетской пасты»[53] (Пашковский могильник, Рутха, Цебельда, Алхан-Кала). Несколько экземпляров довольно крупных бус из прозрачного, слегка голубоватого стекла (Байтал-Чапкан, Рутха, Цебельда).

Отдел 3. Четырехгранные (по поперечному сечению).

Тип а. Бипирамидальные. Встречаются, но в очень незначительном количестве (по 1 экз.) в Пашковском и Борисовском могильниках (0,7 × ×1,7—1,8 *см*); бусы из синего полупрозрачного стекла.

Тип б. Кубические. 6 экз. голубых полупрозрачных бус найдено в Борисовском могильнике (размер 1,2 $см^3$).

Отдел 4. Четырнадцатигранные. Форма, получившая в римское время широкое распространение в камне и только начавшая употребляться в стекле (3 экз. в Пашковском и 4 экз. в Борисовском могильнике). Из полупрозрачного синего кобальтового стекла.

Как мы видим, в одноцветных бусах большинство составляют круглые; граненые формы, хотя и встречаются, но в меньшем количестве. Излюбленным цветом является кобальтовый синий. Употребляется красное непрозрачное стекло, так называемая красная паста, характерная для окских могильников.

II. Бусы с металлической прокладкой

Позолоченные бусы, производство которых было освоено в Александрии еще в III—II вв. до н. э.[54], с этого же времени встречаются в Северном Причерноморье[55]. Н. Н. Погребова разбирает основные формы, характерные для римского времени — эллипсоидные, цилиндрические, кольцеобразные, веретенообразные и многочастные. Техника изготовления бус с металлической прокладкой с эллинистического времени до средневековья фактически не менялась. На основу из прозрачного бесцветного стекла накладывался золотой листочек, затем бусина покрывалась тонким слоем (около 1 *мм*) бесцветного белого стекла. Надо отметить высокую технику изготовления бус и хорошее качество абсолютно бесцветного стекла, что было большим достижением древних стеклоделов[56].

В Пашковском могильнике позолоченные бусы составляют 6% и представлены шестью экземплярами крупных цилиндрических бус диаметром 0,7—1,0 *см*, по продольной оси — от 1 до 1,2 *см*. Бусы чаще удлиненно-цилиндрические, но в двух случаях размер обоих сечений одинаков. Золото яркое, бусы очень хорошего качества (рис. 2, *1*, *2*).

В первой группе Борисовских погребений найдена только одна многочастная буса (диаметр 0,6 *см*; рис. 2, *3*).

Интерес представляют позолоченные бусы северокавказских коллекций с ряда памятников, которые можно относить к первой половине I тысячелетия н. э. К этому времени относятся крупные цилиндрические дольчатые (семь-восемь долей) с диаметром 1,5—1,7 *см*, при длине в 3 *см* (рис. 2, *5*)[57], битрапецоидные короткие (рис. 2, *4*) позолоченные

---

[53] Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР. СА, 1958, № 1.

[54] F. Neuburg. Ук. соч., стр. 49.

[55] Н. Н. Погребова. Бусы Боспора, стр. 65.

[56] F. Neuburg. Ук. соч., стр. 5.

[57] Колл. В. И. Долбежева из Кумбулты, комплекс III—V вв., ГИМ, колл. № 25277 и колл. из Дигории, № 79/21 б.

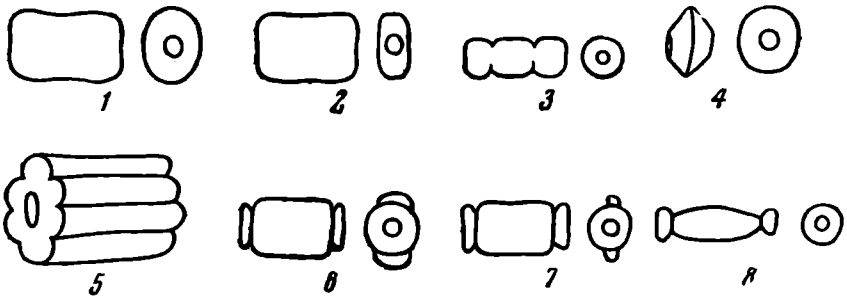


Рис 2. Бусы с металлической прокладкой из северокавказских могильников IV—V вв.

небольшие «катушкообразные» бусы. Иногда круглые в сечении целиком [58], иногда центральная часть уплощена (рис. 2, *6—8*).

Позолоченные бусы IV—V вв. отличает высокая техника, они безусловно привозные из Александрии или Сирии. Среди стеклянных бус они не превышают 6%, тогда как в VIII—IX вв. достигают уже 40% .

III. Глазчатые бусы (8,5—10%)

В основу классификации положена техника изготовления глазков [59]. Надо сказать, что ряд технических приемов для изготовления глазчатых бус, характерных для древнего Востока (изготовление ободков вокруг центрального глазка путем вдавления круга из стеклянной нити, нарисованные глазки), мы не встречаем. С другой стороны, в IV—Vвв. расцветает техника, появившаяся в Египте еще в эпоху XIX династии и уже в птолемеевскую эпоху сменившаяся новой. Мы выделяем следующие типы глазчатых бус.

Тип а. Стеклянные бусы с глазками-крапинками одного или нескольких цветов. Глазок состоит из капли стекла, погруженной в основу бусины и не выступающей на поверхности. Бусы эти очень распространены в позднеримское время вне нашей территории [60] и на Северном Кавказе [61]. На Северном Кавказе мы встречаем их в памятниках начиная с III—IV вв.; в памятниках Азербайджана они известны в более раннее время [62]. Это шарообразные или кольцевидные темно-синие или черные бусы (диаметр — от 1,2 до 2,5 *см*) с белыми, красными, желтыми и зелеными глазками-крапинками разного размера (от 0,1 до 0,3 *см*). Чаще это бусы среднего размера (диаметр 1,5 *см*) с белыми и красными глазками. В Пашковском могильнике таких бус 7 экз. (из 11 глазчатых), в Борисовском — 14. Найдены они во всех погребениях IV—V вв. из Верхнего Прикубанья [63] (в отдельных погребениях найдено до 12 экз.; рис. 3, *1—2*).

---

[58] ГИМ, Чегем, № 79/43; Кумбулта, колл. № 25277. В комплексах подобные позолоченные бусы встречены в Мингечауре №№ 343/49, 278/50, 271/53. Хранятся в Ин-те истории АзССР.

[59] G. Eisen. The Characteristics of Eye-beads from Earliest Times to the Present. AJA, 2 серия, т. XX, № 2, 1916, стр. 4—11; H. C. Beck. Classification and Nomenclature of Beads and Pendants. Archaeologia, 2 серия, т. XXVII, Oxford, стр. 62—66.

[60] K. Davidson. Korinf. The Minor Obiect, т. XII, №№ *2439, 2440*; E. Salin. Le haut Moyen-âge en Lorraine, табл. XXII, v-45-b, v-50-c, v-50-f, v-50-g, v-70-i, v-70-i, v-67-c, v-67-d, стр. 163; I. Poulik. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, табл. XXXIX, *44, 48*. M. Pardue z. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, II, Budapest, 1944, табл. XXIII, *6*; XXV, *3*; XXXV, *7*; III, Budapest, 1950, табл. CXII, *1*.

[61] Фанагория, некрополь В. Мог. 92, погр. 2.

[62] Кувшинное погребение в катакомбе № 9 (1949 г.) первых веков нашей эры, № 1364 (3 экз.); кувшинное погребение № 10 (1949 г.), №№ 1488—1503; п. № 6 (1947 г.), № 90. (Материалы хранятся в Ин-те истории АзССР).

[63] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 279, рис. 5, *12*; Байтал-Чапкан, экспозиция музея в Ставрополе; Тамгацик у аула Жако, погр. № 4 (Карачаево-Черкесский НИИЯЛИ).

Подобные бусы, кроме Прикубанья (Среднего и Верхнего) и Черноморского побережья, встречены в Пятигорье [64], Кабарде [65] Северной [66] и Южной [67] Осетии, Дагестане [68]. В Крыму (Суук-Су, Чуфут-Кале) они найдены в погребениях IV—V и VI—VII вв., на Северном Кавказе основное время их бытования — IV—V вв., в более раннее и более позднее время они встречаются лишь спорадически.

Тип б. Бусы со слоистыми, не выступающими глазками. Слоистые глазки изготавливаются следующим образом: на размягченную бусину укладывается капля стекла одного цвета и раскатывается, на нее другая и т. д. Глазки могут состоять из двух — семи слоев. Внешними признаками глазков, сделанных этим способом, являются следующие: во-первых, к краям глазок прозрачнее и тоньше, чем в центре, во-вторых, кольца не составляют геометрически правильных кругов [69]. Аналогичные бусы были распространены как в древности, так и в позднеримское и византийское время [70].

Среди бус IV—V вв. мы не видим того разнообразия в цвете основы и глазков, которое характерно для VI—VII вв., и той определенности вариантов, которая заметна для VIII—IX вв. Бусы относительно немногочисленны. В Пашковском могильнике всего 3 экз.: мелкая шарообразная (диаметр 0,5 *см*), из желтовато-коричневого непрозрачного стекла с голубыми глазками в белых ободках; небольшая шарообразная (диаметр — 0,7 *см*), непрозрачная голубая с красными глазками в белом и зеленом ободках; небольшая 14-гранная, полупрозрачная синяя с красными глазками. В Борисовском могильнике встречены синие бусы (диаметр 1,4 *см*) с красным глазком в белом ободке (13 экз.) и непрозрачная красная (диаметр 1,6 *см*) с синим глазком в бело-зеленых ободках (рис. 3, *3*). Надо отметить, что бусы из непрозрачного красного стекла, особенно модные в римское время [71] в IV—V вв., имеют глазки. Особый интерес представляет уникальная крупная эллипсоидная бусина (диаметр —1 *см*, длина 2,3 *см*) с позолоченными глазками (золотая фольга покрыта слоем бесцветного стекла, размер глазков — 0,3 *см*).

Тип в. Бусы с мозаичными глазками. Данный тип бус появился на Ближнем Востоке и сменил предшествующий тип слоистых глазков в птолемеевскую эпоху [72]. Сложные глазки изготавливались отдельно — стеклянный стержень одного цвета погружался последовательно в ванны с жидким стеклом других цветов, в результате чего получался многослойный в разрезе глазок. Затем вокруг центрального глазка в форму укладывались полоски стекла двух цветов. Один цвет — обязательно белый, другой — синий, черный, красный или зеленый, так что в поперечном сечении получались темные реснички на белом фоне. Стержень растягивался, рисунок становился тонким, а затем разбивался на небольшие диски, которые и накладывались на размягченную бусину.

В первые века нашей эры в таких глазках проделывались отверстия, и они носились как бусы. В Борисовском могильнике найдена одна синяя шарообразная (диаметр —2 *см*) со сложными глазками — желтый зра-

---

[64] Могильник № 1 в окрестностях Кисловодска. Материал хранится в Пятигорском краеведческом музее, колл. № 3116.

[65] Музей г. Нальчика, Тырнауз (без номера).

[66] ГИМ, Джераховское ущелье колл. № 25814: Рутха (МАК, вып. VIII, табл. XC, I).

[67] ГИМ, Горийский район, колл. 25196.

[68] Экспедиция Дагестанского краеведческого музея, сборы А. С. Башкирова в 1923 г. в Тлибиши, экспозиция музея в г. Махач-Кала.

[69] G. Eisen. Ук. соч., стр. 5, 6.

[70] G. Davidson. Ук. соч., №№ 2429—2434; E. Salin. Le haut Moyen-âge en Lorraine..., табл. XXII, v-70-h, v-61-a, v-20-b, v-29-e.

[71] G. Eisen. Glass, Its Origin, History, Chronology, Technic and Classification to the XVI Century. New York, 1927, стр. 639; Н. Н. Погребова. Бусы на Боспоре, стр. 54—60.

[72] G. Eisen. The Characteristics..., стр. 6.

чок в красном ободке с синими ресничками на белом фоне (рис. 3, *4*). В Пашковском могильнике бус с мозаичными глазками нет совсем, в Тамгацике в погребении № 2 бусина из голубого непрозрачного стекла с тремя мозаичными квадратными глазками.

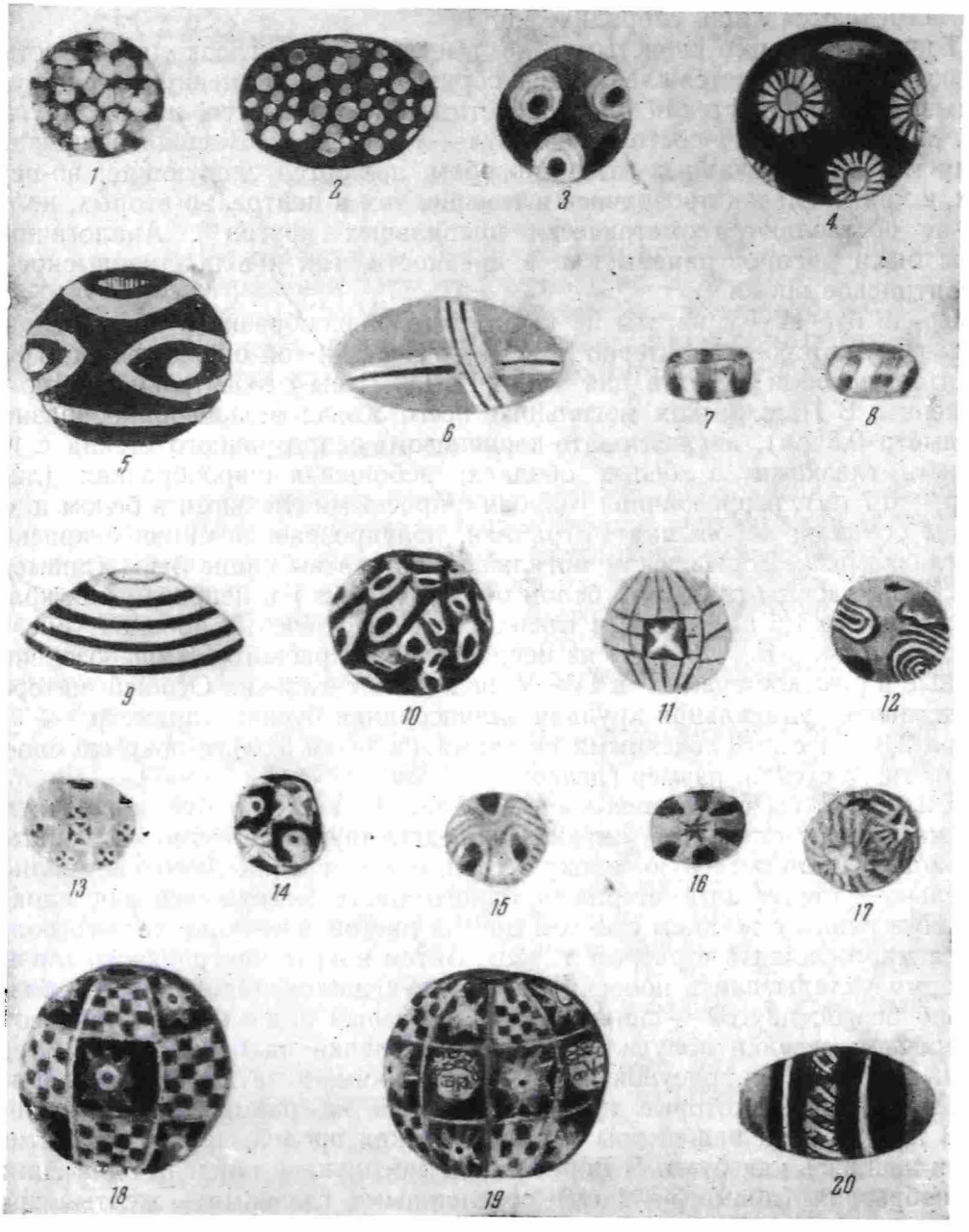


Рис. 3. Стеклянные бусы из северокавказских памятников IV—V вв.

Среди бус из случайных находок безусловно к этому же времени надо отнести многочисленные находки бус с глазками в виде тонко сделанных розеток или головок медуз-горгон. Глазки или расположены непрерывной полосой по бусине [73], или вставлены в нее отдельно [74].

Тип г. Глазчато-полосатые бусы. Комбинация в орнаменте бусины глазка с волнистой линией была характерна для римского времени [75].

[73] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, табл. XC, (1 экз.), табл. XCI, *18*; F. Neuburg. Ук. соч., табл. XXXII, *115*.
[74] ГИМ, Камунта, хр. 91/57 а; F. Neuburg. Ук. соч.
[75] Н. Н. Погребова. Бусы Боспора, стр. 73; G. Davidson. рис. 2441—2443.

В Борисовском могильнике найдена шарообразная бусина (диаметр — 1,2 *см*); кроме глазков, она орнаментирована перекрещивающимися бело-зелеными широкими полосами [76]. Выделяется подтип крупных бочкообразных бус с тремя глазками в ободках. Найдено 3 экз. таких бус, в Байтал-Чапкане (экспозиция музея г. Ставрополя) — крупная бусина (диаметр — 3 *см*), слегка уплощенная около отверстия. Основа бусины сине-черного непрозрачного стекла, между двумя белыми полосами (ширина — 0,3 *см*), опоясывающими бусину в верхней и нижней части,— три выпуклых глазка в широких овальных ободках (голубой глазок с желтым ободком, белый с белым и желтый глазок с голубым ободком). Ободки и глазки слегка выступающие, но относительно тонкие; в данном случае мы скорее имеем дело с росписью стеклом, чем с орнаментом из наложенных сверху стеклянных нитей. Вторая подобная бусина найдена в погребении № 2 Тамгацика (хранится в Карачаево-Черкесском НИИЯЛИ). Она меньших размеров (2 × 3 *см*). Основа из бледно-зеленого прозрачного стекла, глазки голубые с желтыми ободками, сделаны несколько небрежнее; чувствовалось, что мастер стремится нанести на бусину все ободки в один прием (рис. 3, *5*). Третий экземпляр найден в Кабардино-Балкарии, у аула Хабас [77] — бусина из черного непрозрачного стекла (размер 2 × × 2,7 *см*) с голубыми опоясывающими бусину полосами и тремя желтыми глазками в голубых ободках. Бусы эти хорошо датируются IV—V вв. в верхнекубанских памятниках (Байтал-Чапкан и Тамгацик), но встречены всего три раза [78]. Тип глазчатых бус в IV—V вв. составляет небольшой процент стеклянных бус (до 8,5%), а в VI—IX вв. до 20%. Типичными для этого периода являются бусы с глазками-крапинками.

IV. Полосатые бусы (до 28,8%)

Тип а. Бусы из одноцветной основы с наложенными сверху полосами стекла другого цвета.

В Пашковском могильнике встречено шесть небольших шарообразных и эллипсоидных полосатых бус (диаметр — 0,6,—0,7 *см*, по оси — 0,6—0,9 *см*). Основа бусины — полупрозрачное голубовато-зеленое стекло, покрытое полосами непрозрачного стекла желтого, красного и синего цвета, наложенными на стеклянный размягченный стержень, разбиваемый в дальнейшем на куски. Поверхность заглажена. Полосы располагаются в бусине продольно или поперечно. Три подобные шарообразные бусины найдены в Борисовском могильнике. Вариантом этого типа являются сургучно-красные бусы непрозрачного стекла с опоясывающими их полосами. В Пашковском могильнике найдены три крупные (3,5×1,5 *см*; 2,7× × 1,3 *см*) эллипсоидные бусины из сургучно-красного непрозрачного стекла (анализ №№ 6—7) с коричневатыми беспорядочными разводами, инкрустированные перекрещивающимися, полосатыми лентами. Ленты изготовлены отдельно и состоят из полос белого и кобальтово-синего, белого и коричневого белого, зеленого и коричневого, белого и зеленого стекла (рис. 3, *6*). Диаметр нитей около 1 *мм*, полоса состоит из трех — девяти нитей. Бусина может быть опоясана или одной, или двумя перекрещивающимися полосами, помещенными в углублении.

---

[76] Эти бусы по технике и форме отличаются от типичных для IX—X вв. зонных черных (иногда голубых и красных) бус с белыми или голубыми волнистыми перекрещивающимися полосами и выпуклыми сложными глазками с центральным зрачком и ресничками, характерных для Северного Кавказа, Тамани, Лядинского могильника (см. В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, СПб., 1893, табл. XII, рис. 9, *21*), Урала (Н. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. МАВГР, вып. II, М., 1896, табл. XXII, *15, 16, 19*) и древнерусских памятников.

[77] Музей г. Орджоникидзе, колл. № 3640.

[78] Подобные бусы найдены И. П. Костюченко в 1956 г. в 28 и 47 катакомбах Чир-Юртского могильника (хранятся в Дагестанском филиале АН СССР, №№ 275—439).

В Борисовском могильнике найдена абсолютно аналогичная эллипсоидная бусина (2 × 0,7 *см*) из сургучно-красной пасты с пересекающей ее лентой бело-синего цвета. В Гилячском могильнике подобная бочкообразная бусина сделана из красного непрозрачного стекла с бело-синими полосами [79]. Этот вариант является типичным для IV—V вв. и может служить хорошим датирующим признаком. Иногда бусы с наложенными полосами изготавливаются несколько иначе (21 экз. в Пашковском могильнике). На лист голубовато-зеленого прозрачного стекла толщиной в 1—1,5 *мм* накладывают желтовато-белый непрозрачный слой такой же толщины, на которой уже укладываются нити из полупрозрачного стекла, погружающиеся в основу бусины на 1—1,5 *мм*, т. е. почти на всю глубину бело-желтого слоя. Такой лист нарезается на кусочки в 1 $см^2$, которые сгибаются так, что остается заметным шов. 13 бус цилиндрических с полосами, идущими перпендикулярно отверстию (рис. 3, *7*), и 8 экз.— с полосами, идущими параллельно отверстию. Это метод применялся стеклоделами и в более раннее и в более позднее время, когда для удешевления производства бус сердцевина делалась из простого бесцветного стекла и затем покрывалась более дорогим (непрозрачным белым или цветным) стеклом.

Тип б. Бусы с полосами, идущими в поперечном направлении между двумя пятнами — глазками, находящимися на противоположных сторонах бусины (6 экз. в Пашковском могильнике). Процесс изготовления следующий. Берется стержень непрозрачного стекла (в данном случае желтого, иногда стержень двуцветный — благодаря последовательному погружению в стеклянную массу двух различных цветов). Затем на его поверхность укладываются, углубляясь в него, стеклянные нити разных цветов (в данном случае белые и черные). Стержень вытягивается, разрезается на куски размером в 0,5—0,8 *см* и протыкается (обычно поперек). Поверхность бусины гладкая, заполированная, иногда из-за небрежности мастера белые и черные полосы пересекаются. Внешний вид бусины — два желтых овальных пятна на противоположных сторонах и белые и черные полосы между ними (рис. 3, *8*). В стеклоделательном производстве этот процесс достиг наибольшего развития в VI—IX вв.

Особо следует остановиться на типе «пуговицеобразных» бус. Это небольшие уплощенные усеченноконические бусы (диаметр 1,8—2,5 *см*, высота — 1—1,5 *см*). В стекле одного цвета спирально расположена нить стекла другого цвета, идущая от верхней части отверстия к нижней. Наиболее частые сочетания молочно-белого (или прозрачно-бесцветного) с темно-синим полупрозрачным [80] (рис. 3, *9*), ярко-желтого стекла со светло-желтым, или с буровато-коричневым [81], малинового прозрачного с бесцветным [82], красного с черным [83] и белым. На территории Северного Кавказа только один экземпляр найден в комплексе IV—V вв., остальные — в случайных коллекциях первой половины I тысячелетия; в комплексах VI—IX вв. они отсутствуют. В Закавказье аналогичные формы встречены в римское время (указанные экземпляры из Мингечаура и Гарни) [84], в Саксонии — в начале VI в. [85], в Швеции — в IX в. [86], в древнерусских курганах — в IX—X вв. [87].

---

[79] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 278, рис. 5, *9*.

[80] ГИМ, колл. из Дигории (79/21 б. 2 экз.); из Кумбулты, колл. № 25277 (8 экз.).

[81] ГИМ, Кумбулта, колл. № 25277. Камунта колл. № 25276. № 380/51 (музей г. Баку).

[82] Погр. № 1, Тамгацика (Карачаево-Черкесский НИИЯЛИ).

[83] Мингечаур, № 496/52. Хранится в Ин-те истории АзССР.

[84] Б. Н. Аракелян. Гарни II. Результаты раскопок 1951—1955 гг. Ереван, 1957, табл. 66, 67, стр. 67, рис. 58, *б*.

[85] G. Eisen. The Characteristics..., стр. 67, рис. 70.

[86] H. Arbman. Birka. Die Gräber. Публикуется даже целый набор шашек и шахмат, где подобное их назначение безусловно.

[87] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 207, 208.

Необходимо коротко остановиться на назначении этих предметов; одними авторами они определяются как бусы [88], другими — как пряслица [89], пуговицы и, наконец, как шашечные пешки (Х. Арбман, М. А. Безбородов). К сожалению, находки этих предметов в комплексах не помогают определению их назначения: в Мингечауре через отверстие одного из них проходил железный стержень [90]. На Северном Кавказе эти предметы скорее всего употреблялись в качестве бус, а не шашек, хотя следует отметить, что часто в одной коллекции встречены бусы двух различных расцветок (темные и светлые) [91].

V. Мозаичные бусы

Данная техника появилась в странах Ближнего Востока (в Александрии) в конце птолемеевского периода сначала для изготовления сосудов, затем для изготовления бус [92]. В памятниках нашего юго-востока шарообразные мозаичные бусы появляются спорадически в позднеэллинистическое и римское время [93], а более часто — в IV—V вв. Плоские монетообразные египетские бусы с изображением человеческого лица, датируемые в Египте II—I вв. до н. э. [94], появляются у нас в I—II вв. [95]

Классификация данного типа представляет наибольшую сложность благодаря обилию различных вариантов, представленных иногда всего несколькими экземплярами. Но вместе с тем, как показывают работы западных исследователей [96], находки мозаичных бус на нашей территории намного многочисленнее, чем в центрах изготовления — Египте, Сирии и Палестине; они хорошо датированы комплексами, в которых найдены, и дают возможность создать достаточно полную и четкую типологию. Типология мозаичных бус нами создана на основании изучения всех доступных нам мозаичных бус с нашей территории. Для удобства пользования данной работой мы перечислим все пять основных типов и остановимся на них даже в том случае, если в памятниках IV—V вв. бусы этих типов не найдены. В основу выделения типов положено последовательное усложнение различных технологических приемов.

Тип а. Пятнистые мозаичные бусы [97]. Большое количество обломков стекла двух и более цветов помещается в форму и нагревается, получаются бусы или подвески с разноцветными пятнами стекла [98]. Другим вариантом этого типа являются брекчиевидные бусы [99], получающиеся или путем сплавления в форме кусков стекла двух расцветок (белого и черного, желтоватого и бурого), или погружением кусков одного цвета в одноцветную основу другого цвета. Третьим вариантом является «вихреобразное стекло» [100]. Когда куски стекла двух или нескольких цветов смешива-

---

[88] G. Eisen. The Characteristics..., стр. 67.

[89] E. Salin. Le haut moyen-âge en Lorraine..., стр. 164, 165.

[90] Мингечаур, 817/49. Хранится в Ин-те истории АзССР.

[91] Кумбулта, ГИМ, колл. № 25277.

[92] A. Kisa. Das Glass im Altertume. Leipzig, 1908, стр. 501—569; G. Eisen. The Origin of Glass Blowing..., стр. 138; его же. The Characteristics..., стр. 4, 21, 22; C. L. Lamm. Das Glass von Samarra. Berlin, 1928, табл. IX, XVIII. W. A. Thorpe. English Glass. London, 1935, стр. 2—7; F. Neuburg. Ук. соч.; A. Silverman. Glass through the Ages. American Ceramic Society, Bulletin, July, 1955, т. 34, вып. 7—8, стр. 210.

[93] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, стр. 80; т. II, Тбилиси, 1950, стр. 57; Г. А. Ломтатидзе. Некрополь, II в. н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, табл. III, стр. 60—64, 200 (на груз. яз.).

[94] F. Neuburg. Ук. соч., табл. XXXII, *115*, стр. 14. Техника подробно описана.

[95] Раскопки могильника Неаполя скифского в 1957 г. дали одну такую бусину примерно на 500 других, найденную в склепе I—II вв. н. э. (о чем нам любезно сообщил Э. А. Сымонович).

[96] См. G. Eisen. Ук. соч.; H. C. Beck. Ук. соч.; F. Neuburg. Ук. соч.

[97] H. C. Beck. Ук. соч., стр. 60.

[98] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XC, *6*, *11*.

[99] G. Eisen. The Characteristics..., стр. 21.

[100] H. C. Beck. Ук. соч., стр. 59 сл.

ются и разогреваются во вращающейся форме, получаются беспорядочные вытянутые линии и разводы. В памятниках IV—V вв. этот тип не встречен.

Тип б. Бусы, состоящие из одинаковых простых глазков.

Процесс изготовления таких бус следующий. Красный или кобальтово-синий (излюбленные цвета глазков) стержень полупрозрачного стекла вводится в непрозрачное белое стекло, а затем в полупрозрачное синее, в результате чего получается длинный цилиндр — глазок, в холодном виде разбиваемый на цилиндрики длиной в 2—3 *мм*. Такие цилиндрики-глазки укладывают в форму и подогревают, получается крупная или мелкая бусина с бело-синими или бело-красными глазками. Эффект бусины заключается в том, что цилиндрики, находясь под разными углами к поверхности, дают игру глубокого синего (в данном случае) цвета основы и более светлых полос над просвечивающими глазками. Для первой половины I тысячелетия характерны крупные шарообразные или слегка уплощенные бусы (диаметр 1,5—2 *см*). Излюбленные сочетания: кобальтово-синий с непрозрачным белым (Цебельда, Рутха; рис. 3, *10*) [101] или полупрозрачный ярко-зеленый с желтым. На Северном Кавказе в эту эпоху встречаются единичные экземпляры; совершенно аналогичные в первые века нашей эры встречены в Риме по трансазиатскому пути, на Яве и даже в далеких Японии и Корее [102].

Тип в. Бусы, состоящие из мозаичных сложных глазков с ресничками. В основной массе появляются на рубеже VII и VIII вв. (рис. 3, *15*).

Тип г. Бусы сделаны из различных сложных и простых глазков. Эти бусы в памятниках IV—V вв. немногочисленны, и каждый вариант, как правило, представлен одним экземпляром (исключая мозаичные бусы из Цебельды). В Пашковском могильнике М. В. Покровским найдена желтая мозаичная бусина (шарообразная, диаметр около 1,5 *см*) с зелеными полосами и несколькими кусочками, вставленными в размягченную бусину и состоящими из белого четырехлепесткового цветочка с красной каймой на синем фоне (рис. 3, *11*). В Борисовском могильнике — небольшая шарообразная мозаичная бусина (диаметр —1 *см*), состоящая из различных кубиков, величиной 0,3 × 0,3 *см*. На одних светло-желтая четырехлепестковая розетка на темно-зеленом фоне, на других — бело-красный цилиндрик, опущенный в бусину (рис. 3, *14*). В Цебельде найдены мозаичные бусы трех рисунков плохой сохранности, из светлых четырехлепестковых розеток с красной каймой и желто-зеленых полосатых кусочков (11 экз.; рис. 3, *17*), диаметр —1,2 *см*. Другие бусы составлены из красных кусочков стекла, цветочков из пяти точек синего цвета и светлых розеток на темно-зеленом фоне (13 экз.; рис. 3, *13*); несколько мозаичных шарообразных бус сделано из звездочек и кусочков красного и синего стекла (рис. 3, *16*). Особый интерес представляют две крупные уникальные бусины (рис. 3, *18* и *19*). В Пашковском могильнике М. В. Покровским найдена мозаичная крупная шарообразная бусина (диаметр — 3 *см*). Бусина очень аккуратной техники. Красными полосами она разделена на 24 примерно равновеликих квадрата. В одних квадратах шахматный узор из желтых и коричневых квадратиков, в других на кобальтово-синем фоне восьмилепестковый голубовато-зеленый цветочек с желтой серединой и красной точкой в центре. Интересно, что абсолютно аналогичная бусина, как бы сделанная в той же мастерской, опубликована А. Кизой и датирована римским императорским временем [103]. (К сожалению, не указано место находки, не дано подробного описания.) Другая подобная бусина найдена

---

[101] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XC, *1*.

[102] C. G. Seligman and H. C. Beck. Far Eastern Glass Some Western Origins. BMFEA, № 10, 1938, стр. 12, 13, 15, табл. I, *13*, III, *10*, *11*.

[103] A. Kisa. Ук. соч., стр. 53, рис. 25, *8*.

в Верхнем Чечеме (рис. 3, *19*) [104]. Шарообразная крупная бусина (диаметр — 3 *см*), состоящая из 24 квадратиков. В одних — шахматный узор из желтых и коричневых квадратиков, в других — голубовато-зеленые розетки с желтой серединкой на синем фоне, в третьих — изображение головок медуз-горгон на голубоватом фоне. (Белые лица с красными губами и коричневыми очень тонко прорисованными чертами лица и волосами из двух рядов завитков.) Бусина ирризирована, поверхность стекла в значительной степени потеряла окраску. Интересно, что опять-таки очень похожую бусину мы видим у А. Кизы [105]. Надо полагать, что все эти четыре бусины сделаны в одной мастерской первых веков нашей эры в Сирии или Египте.

Тип д. Бусы с шахматным или «ковровым» узором. Техника эта появляется в Египте в птолемеевский период [106]; в форму укладывались стержни стекла таким образом, что в поперечном сечении получался ковровый рисунок из разноцветных квадратиков, затем получившийся кусок растягивался. Размер квадратиков бывает от 0,05 до 0,1 *см*. В ранних памятниках (IV—V вв.) мы встречаем плоские квадратные [107] или округлые бусы [108]. Иногда три-четыре куска разогревались, вкладывались в шарообразную форму, и получалась круглая ковровая бусина. Этой техникой были получены бусы с изображением лица медузы-горгоны — 2 экз., найденные в Азербайджане [109], 1 экз.— в Верхней Рутхе [110]. Иногда в центре белой плоской бусины тонкое изображение цветка в кайме из завитков. В этой же технике сделана в Пашковском могильнике светлая бусина из полупрозрачного стекла кольцевидной формы; по краю ее пронизывают стерженьки стекла другого цвета, которые в торце (они проходят на 1 *мм* от поверхности) дают игру полос более или менее светлых, а в поперечном сечении — круг с точками по окружности. (Эта техника получила большое развитие в дальнейшем.)

Коротко остановимся на бусах, исполненных в технике филиграни, или «ретицелла» [111]. Эта техника была распространена в римское время, затем в VIII в. она появляется вновь в мастерских Бельгии и Пикардии. Вопрос заключается в том, имеем ли мы дело с непрерывным развитием этой техники на Востоке или она возрождается на западе в эпоху средневековья [112].

В случайных коллекциях первой половины I тысячелетия в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии встречены бусы, исполненные в этой технике [113]. Технологический процесс заключается в следующем: на плоскую поверхность укладываются стержни непрозрачного белого или черного стекла, затем прокатывается металлическая полая трубка, на которую наматываются эти стержни. После охлаждения трубка вынимается, и спираль помещается в прозрачную стеклянную массу, в результате чего получается бесцветный стержень с заключенной в нем крутой спиралью, используемой для орнаментации бус. На Северном Кавказе встречено несколько типов таких бус: желтые шарообразные (диаметр — 1—1,5 *см*),

---

[104] Музей г. Нальчика. Колл. № 1064.

[105] A. Kisa. Ук. соч., рис. 25, *5*.

[106] G. Eisen. The Characteristics..., стр. 121, F. Neuburg. Ук. соч., табл. XXXII, *115*, табл. IX, *30*, стр. 53.

[107] Музей г. Нальчика, Верхний Чегем, колл. №№ 1068, 1079, 1085; музей г. Орджоникидзе. Хабас, колл. № 3640; ГИМ, Баксан, колл. № 25276.

[108] Музей г. Нальчика, колл. № 1064.

[109] Г. М. Асланов. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаур; КСИИМК, вып. 60, 1955.

[110] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XC, *1*.

[111] A. Kisa. Ук. соч., стр. 422; G. Eisen. Glass... стр. 127.

[112] G. Arwidsson. Vendelstile Email und Glass im 7—8 Jahrhundert. Upsala, 1942, стр. 96—99.

[113] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XC, *4*; ГИМ, колл. № 25277, из Кумбулты; Музей г. Нальчика, колл. № 1079, из г. Верхнего Чегема.

опоясанные по центральной линии прозрачным стержнем с черной спиралью [114], желтые эллипсоидные усеченные (диаметр — 1 *см*, длина — 2—2,5 *см*) [115]; поперек идут полосы голубоватого и темно-серого цвета, а в центре — бесцветный прозрачный стержень с молочно-белой спиралью. Найдены эллипсоидная и шарообразная полосатая бусины сине-красного цвета с молочно-белой спиралью в прозрачном стержне (рис. 3, *20*) [116]. В датированных памятниках Северного Кавказа подобные бусы не встречены ни разу; судя по сопутствующему этим бусам материалу, мы можем их отнести к позднеримскому времени.

Очень кратко остановимся на тех выводах по хронологической классификации бус IV—V вв., к которым мы пришли в результате нашей работы. В бусах северокавказских могильников мы видим продолжение линии развития бус позднеримской эпохи как в камне, так и в стекле. Чрезвычайно характерным для IV—V вв. является преобладание каменных бус (60—65%) над стеклянными. Среди каменных бус на первом месте стоит красный янтарь, составляя от 45 до 98%. Типичны для IV—V вв. крупные (до 5—6 *см* диаметром) округлые или дисковидные уплощенные бусы. Хрустальные бусы стоят на втором месте — 21%. Типичны круглые, составленные из линз разной кривизны 14-гранные и крупные бипирамидальные усеченные короткие. Халцедоновые бусы, шарообразные и эллипсоидные не являются датирующими.

Сердоликовые бусы чаще всего представлены шарообразными; 14-гранные характерны для III—V вв. Для IV—V вв. типично небольшое количество сердоликовых бус, отличающихся тщательностью обработки и являющихся импортом. Коралловые бусы, встречающиеся в позднесарматских памятниках Нижнего Поволжья и Средней Азии, продолжают встречаться в IV—V вв., но редко. Гагат также редок.

Стеклянные бусы составляют 35—40% общего количества, тогда как в VI—VII вв. они достигают 94%. В IV—V вв. стеклянные бусы в основном одноцветные (54—87% за счет бисера). Излюбленный цвет синий; бесцветное стекло редко, обычно оно с голубоватым оттенком. Очень типичны бусы из красного непрозрачного стекла.

Бусы с металлической прокладкой представлены только позолоченными: цилиндрическими, многочастными, крупными дольчатыми и катушкообразными.

Глазчатые бусы составляют 8,5—10%, тогда как в последующую эпоху они достигают 22%. Типичными для IV—V вв. являются темные шарообразные или кольцевые с яркими глазками-крапинками, а также крупные (до 3 *см*) бусы с полосами и глазками в овальных ободках.

Полосатые бусы в IV—V вв. доходят до 28,8%. Типичными для IV—V вв. являются бусы из красного непрозрачного стекла, опоясанные широкими полосами, бусы с двумя глазками, соединенными полосами и бусы-пуговицы. Мозаичные бусы встречены в незначительном количестве, хотя представлены почти все типы; предпочтение отдается крупным экземплярам.

Бус местного производства IV—V вв. мы обнаружить не можем. Как и в предшествующий период, стеклянные бусы являются предметом импорта из Египта, Сирии и Финикии. Попадали они как через города Северного Причерноморья, так и через Закавказье сухопутными путями. Янтарные бусы указывают на северо-западные связи, а сердоликовые — на юго-восточные, с индоиранским миром.

---

[114] ГИМ, Кумбулта, колл. № 25277.
[115] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XC, *4*.
[116] Музей г. Нальчика. Верхний Чегем, колл. № 1079.

№ анализа	Памятник	Описание бусины	Sr	V	Cr	R	Mn	Al	Ca	Co	Ni	Tl	Zn	Na	Ag	Cu	Sn	Mo	Bi	Sl	Sb	Mg	Pb	P	B
1	Пашковский, п.4	Желтая с бело-бурыми полосами	4	4	3	3	5,5	—	3	-	5	5,5	—	2	3	4	3	5,5	—	3	5,5	3	3	5,5	4
2	»	Бурые полосы	5,5	4	5	5	3	—	5,5	—	5,5	5,5	5,5	2	3	4	5	5	—	3	5,5	3	5,5	—	4
3	5-тайник	Зеленая с белыми полосами	5,5	5	3	4	5,5	—	4	5,5	5	5,5	—	3	4	3	3	5,5	5,5	4	5	4	3	5,5	4
4	»	Желтая с черно-желтыми полосами	5	4	4	4	5,5	—	4	5,5	5	5,5	—	3	4	3	3	5,5	—	2	—	4	4	5,5	4
5	»	Голубовато-зеленая полупрозрачная с полосами	5	5	3	2	5	—	3	4	5	5,5	5,5	2	4	3	3	5	—	2	5,5	3	4	5,5	4
6	»	Красная непрозрачная	5	4	5	4	4	—	3	5	4	5	4	2	5	2	2	4	5	2	5	4	3	5,5	4
7	»	Бело-зеленые полосы	5	5	5	5	4	—	4	5,5	4	5,5	4	3	4	2	3	5	5	4	5,5	4	3	5,5	4
8	Борисовский	Синяя с бело-синими глазками	4	5	4	2	3	—	3	3	4	5,5	5,5	2	5	3	5	4	—	2	4	4	4	5,5	4
9	»	Светло-синяя	5	4	4	3	4	—	3	4	4	5,5	5	2	5	3	4	4	—	2	5,5	4	4	5,5	4
10	»	Мозаичная с розетками и глазками	4	4	4	3	3	—	3	5	4	5,5	4	2	4	2	2	4	5	3	5,5	4	3	5,5	4
11	Пашковский	Голубая	5,5	5	5,5	5,5	5	—	4	5,5	5	4	—	3	5	2	4	—	—	2	5,5	3	5	5,5	5
12	Борисовский	Синяя с красными глазками-крапинками	5	4	5	4	4	—	3	4	4	5,5	4	2	4	2	3	5	5,5	2	5	3	3	—	4
13	»	Синяя	5	5	5	4	4	—	3	4	4	5	5,5	2	5,5	3	4	4	—	2	5,5	3	4	5,5	4
14	»	Зеленая	5	5	5	4	5	—	3	5,5	5	5,5	5	2	4	2	2	5,5	4	4	5	4	2	5	4
15	»	Красная с белым перистым орнаментом	5	5	5	3	4	—	4	5	5,5	5,5	5,5	2	5	2	3	5	5,5	3	4	4	4	5,5	4
	Цебельда	Мозаичная красная с синим																							
16	»	Красная часть	—	4	3	4	4	—	3	5,5	4	5,5	4	2	4	3	3	5,5	—	—	—	3	3	—	5
17	»	Синяя часть	—	4	3	4	3	—	3	3	5	5,5	5,5	2	4	5	5	5,5	—	—	—	3	4	—	5
18	»	Бесцветная с голубым оттенком	5,5	5	4	4	3	5	3	5,5	5,5	5,5	--	2	5	4	5,5	5	—	—	4	3	5,5	5,5	—
19	»	Мозаичная синяя с трубчатыми бело-синими глазками	5,5	5,5	4	4	4	4	3	3	5	5	5,5	2	5,5	4	5	4	5,5	4	4	2	4	5,5	—
20	»	Мозаичная красно-желто-зеленая	5	5	3	5	4	3	3	5,5	5,5	5,5	3	2	4	3	4	5	—	3	5,5	2	2	5,5	—
21	Рутха	Бесцветная с голубым оттенком	5	5,5	5	4	5	5	3	5,5	5,5	5,5	—	2,2	5	4	5,5	5,5	—	—	—	3	5,5	5,5	—
	»	Плоская с изображением лица																							
22	»	Сине-красная часть	4	5	4	3	4	—	3	4	5	5,5	—	2	4	3	3	4	5,5	—	4	4	3	4	—
23	»	Белая часть	4	4	4	3	3	—	3	4	5	5,5	—	3	4	3	4	4	5,5	—	3	4	3	5	4
24	»	Бесцветная	5,5	5,5	5	4	3	4	3	—	5,5	5,5	—	2	5,5	5	—	5,5	—	3	—	2	5,5	—	—
	Корца	Коричнево-синяя											—												
25	»	коричневая часть	—	—	5	5	4	—	—	—	—	—	—	2	5,5	5,5	—	—	—	—	—	3	5	5	—
26	»	синяя часть	—	—	5,5	3	3	—	—	3	5	5,5	—	2	5,5	5	5	5,5	—	—	—	3	5	5	—
27	хут. Пантелеймоновка	Прозрачная медно-синяя привеска	5	5,5	5	3	5,5	5,5	3	5,5	4	5,5	—	2	5	3	4	4	—	—	—	3	5,5	5,5	—
28	»	Прозрачная плоская	5	5,5	4	3	5,5	5	3	—	5,5	5,5	—	2	5,5	5	5,5	5,5	—	—	—	3	5,5	—	—
29	»	Синяя привеска	5,5	5,5	5	5	5,5	5,5	3	4	—	5,5	—	3	5,5	4	5	5,5	—	—	5	4	5	—	—

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ТУВЫ

Тувинской археологической экспедицией МГУ и ИИМК АН СССР в 1956—1958 гг. были предприняты первые раскопки ряда городищ и поселений на территории Тувинской автономной области. Исследования имели целью выявить характер и историко-культурное значение этих памятников, свидетельствующих об известной оседлости и городской культуре части населения в прошлом, вопреки распространенному мнению о том, что история Тувы есть, прежде всего, многовековая история кочевого населения.

Из-за отсутствия письменных источников о городищах, крепостях и поселениях необходимо было сначала определить датировку этих памятников для того, чтобы выяснить, к каким периодам истории Тувы они относятся, и тем самым превратить их, в свою очередь, в полноценные исторические источники для восстановления прошлого Тувы.

Наши разведки и стационарные раскопки позволили выявить городища и поселения двух хронологических этапов: 1) городища периода уйгурского каганата VIII—IX вв. и 2) поселения и города кара-китайского периода XII — начала XIII в.

Это открытие позволяет значительно расширить наши знания о средневековой истории Тувы, до сих пор почти неизвестной.

1. Уйгурские городища

С конца XIX в. благодаря разведочным обследованиям Д. А. Клеменца (в 1885, 1887 и 1891 гг.) стали известны на территории Тувы городища, обнесенные по четырехугольнику валами и рвами. Первое из них, близ устья р. Ак-Суг, притока р. Хемчика, Д. А. Клеменц открыл еще в 1885 г. В 1891 г. в связи с маршрутными работами, порученными ему известной Орхонской экспедицией Академии наук, Клеменц открыл и кратко описал аналогичные городища на р. Чадаане (Бажын-Алак), на р. Барык и в районе современного г. Шагонар на речке Чааты[1]. В последнем случае им открыто интересное III Шагонарское городище, внутри которого имелся второй четырехугольник валов.

В связи с этим Клеменц пишет: «Вдоль правого берега этого сухого русла (речка Чааты.— *Л. К.*) идет одинокая возвышенность среди степи (гора Бай-Даг.— *Л. К.*). Она окружена степью со всех сторон. У юго-западного подножия этой возвышенности находится двойной четырехугольный земляной вал. Внешний вал имеет 300 шагов длины и 200 ширины, внутренний — 150 и 90; высота внешнего вала 8 футов. Он был обнесен неглубокой канавой, и с востока в валу был сделан проход»[2].

---

[1] Д. А. Клеменц. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. II, СПб., 1895; его же. Объяснительная записка. В книге В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 2, СПб., 1893; ср. Д. А. Клеменц. Письмо на имя академика Радлова. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. I, СПб., 1892, стр. 13—23.

[2] Д. А. Клеменц. Археологический дневник..., стр. 73.

Первый схематичный план одного из таких городищ, а именно III Шагонарского городища, был снят С. А. Теплоуховым в 1927 г., когда им производились большие раскопки курганов на речке Чааты и горе Бай-Даг.

Этот план, обнаруженный мною в 1955 г. в архиве С. А. Теплоухова, есть единственное свидетельство о знакомстве исследователя с городищами описываемого типа.

В 1947 г. во время разведочных работ в Туве Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК АН СССР (под руководством С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и при участии автора) на подобные городища было обращено особое внимание. Эта экспедиция посетила известное городище Бажын-Алык на речке Чаадана [3] и вновь открыла I Шагонарское городище на Улуг-Хеме, а также три новых городища на Хемчике (Бай-Тал, Тээли и Эльде-Кижиг) [4].

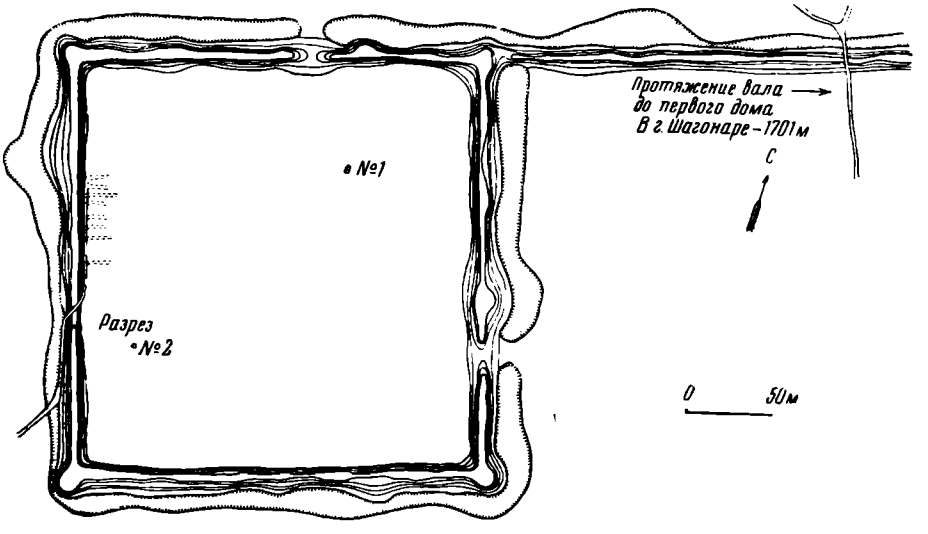


Рис. 1. План I Шагонарского городища

В настоящее время нам известны 12 подобных городищ, открытых разными исследователями в разное время. Эти городища расположены цепочкой по долине р. Хемчик (начиная от верховьев), встречаются в долине речки Чаадана и затем на левобережье Улуг-Хема (Енисея) между его притоками Чаа-Холь и Барык. Почти все городища соединены отрезками длинной стены (со рвом с северной стороны), которую местное население называет «дорогой Чингисхана».

Ввиду распространенного в прошлом мнения о позднем их происхождении, городища не подвергались раскопкам до 1957 г. Поэтому характер этих городищ, их датировка оставались невыясненными.

В 1957 г. был создан Тувинский отряд Монгольской экспедиции ИИМК АН СССР (совместно с МГУ), основной целью которого, соответствую-

---

[3] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 120—127 и план на рис. 50.

[4] Первое городище (в верховьях Хемчика) расположено на правом его берегу, перед ущельем, к западу-юго-западу от пос. Бай-Тал (Чон-Терек, а прежде сумон Бай-Тээли-Холь). Это четырехугольник из валов (шириной 12 *м*) 170 × 164 (155) *м*, ориентированный сторонами на запад-юго-запад, северо-северо-запад, восток-северо-восток, юго-юго-восток. Второе городище находится в 0,5 *км* к юго-западу от пос. Тээли и представляет собой квадрат из валов 270 × 270 *м* (ширина валов 10 *м*), с оплывшими башнями по углам. Имеет ворота с юго-юго-восточной и северо-северо-западной сторон, а также с восточной-северо-восточной стороны. Третье городище находится в урочище Эльде-Кижиг в пойме р. Барлыка и ориентировано сторонами по странам света. Размеры сильно оплывших валов 500 × 250 *м*, причем в северном валу есть ворота, а восточный вал совсем смыт рекой. Все эти городища не имеют внешних следов сооружений.

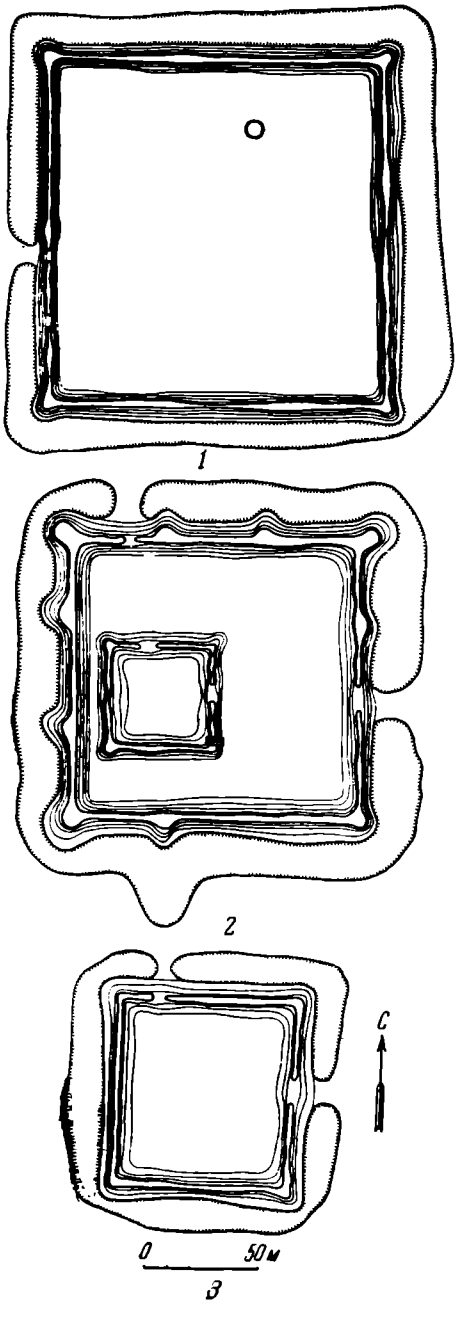


Рис. 2. Планы городищ в урочище Чер-Бажын (*1*—II Шагонарское; *2* — III Шагонарское; *3* — IV Шагонарское)

щей общей задаче экспедиции, было изучение в Туве остатков городов, оседлых поселений, и в том числе городищ описанного типа. Отряд произвел обследование, топографическое изучение и съемку, а также разведочные раскопки на некоторых городищах в Улуг-Хемском и Дзун-Хемчикском районах.

В окрестностях г. Шагонар на Улуг-Хеме была обследована группа из четырех городищ и сняты их планы.

Наибольшее из них, I Шагонарское городище, на речке Шагонарчик, дало интереснейший подъемный материал, состоящий из керамики и большого количества обломков верхних и нижних плит зернотерок (от семи экземпляров). Размеры городища 235 (север — юг) × × 232 *м* (запад — восток), т. е. 5,45 *га*. Расплывшиеся валы его имеют ширину в среднем 15 *м*, высоту до 2 *м*; неглубокие рвы находятся с наружной стороны валов. Городище имело двое ворот (с северо-северо-запада и востока-северо-востока), башни по углам и по одной башне у ворот. От северо-восточного угла его на восток-северо-восток отходит вал (длиной около 2 *км*), доходящий, как мне удалось выявить еще в 1947 г., до базарной площади г. Шагонара. Этот вал с северо-северо-западной стороны имеет по всей своей длине ров. Внутренняя поверхность городища совершенно ровная. Здесь нами были заложены два шурфа и разрезан вал городища, оказавшийся глинобитным (рис. 1).

Шурфовка показала, что тонкий, культурный слой городища повсюду был распахан в недавнее время и лучше всего сохранился в юго-западном углу, где в шурфе № 2 найдены керамика и обломок зернотерки.

II, III и IV Шагонарские городища (урочище «Чер-Бажын»; в переводе с тувинского—«Земляной дом») располагаются в 6 *км* к юго-востоку от I городища, в пойме пересыхающей речки Чааты, близ горы Бай-Даг. Эти городища расположены компактно, как бы в шахматном порядке, в направлении с севера на юг.

Северным является II Шагонарское городище, самое большое из трех по площади — 150 × 150 *м*; валы имеют 2,5 *м* в высоту [5]. По всем углам сохранились остатки башен, а вокруг проходит ров (рис. 2, *1*). Ворота расположены в западной стене и охранялись еще одной башней. Внутренняя, густо заросшая осокой, плоская площадь (около 2,25 *га*) не имеет видимых на поверхности остатков жилищ или следов культурного слоя.

[5] Размеры по верху: западная стена — 151,4 *м*, северная — 148 *м*, восточная — 150 *м* и южная стена — 150 *м*; ширина проема ворот — 4 *м*.

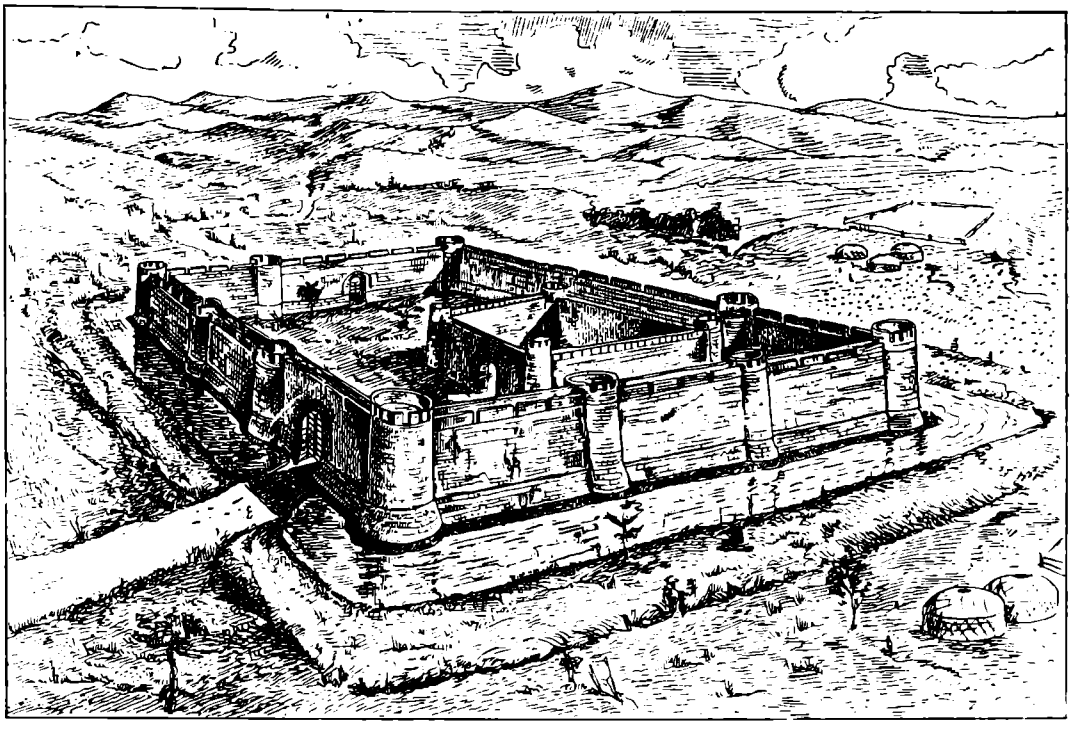


Рис. 3. Реконструкция зáмка (III Шагонарское городище; реконструкция Л. Р. Кызласова)

Даже тщательный осмотр и зачистка имевшейся здесь старой ямы не дали никакого подъемного материала.

В 260 *м* к юго-востоку от II городища расположено III Шагонарское городище (среднее), открытое, как уже говорилось, Д. А. Клеменцом в 1891 г. Неточный план этого городища в 1927 г. снял С. А. Теплоухов. Это был первоначально хорошо укрепленный замок площадью 126 × 119 *м* (т. е. около 1,5 *га*) [6]. Он отличается от остальных городищ наличием внутренней квадратной цитадели размером 47 × 45 *м*, площадью около 0,2 *га* (рис. 2, *2*) [7].

Валы городища представляют собой остатки мощных стен, сложенных, как показала зачистка старого шурфа (С. А. Теплоухова?) в юго-восточном углу цитадели, из сырцового кирпича (42 × 20 × 10 *см* или 43 × 23 × × 10 *см*), размеры которого характерны для сырцовых сооружений центральных и восточных районов Средней Азии VII—IX вв.

Благодаря тому, что стены были здесь сложены из кирпича, валы сохранились лучше, чем на других городищах. Они имеют хорошо заметные остатки десяти башен и двух ворот со въездами в северной и восточной стенах. Высота валов от уровня глубоких рвов снаружи достигает 5,5 *м*, а от уровня плоской внутренней поверхности городища — 2,8 *м*.

Угловые башни есть и у внутренней цитадели замка, которая также имеет двое ворот с северной и восточной сторон. Высота стен цитадели от уровня плоской поверхности городища достигает 2 *м*.

Хорошая сохранность стен замка, несмотря на их оплывы, позволила создать опыт его реконструкции (рис. 3). Внутри замка никаких следов каких-либо сырцовых или других жилых сооружений не обнаружено, так же как не найдено и подъемного материала [8].

---

[6] Размеры стен по верху: западная — 119,7 *м*, северная — 126 *м*, восточная — 119 *м* и южная — 126,2 *м*. Проем северных ворот — 3,5 *м* и восточных ворот — 9 *м*.

[7] Размеры стен по верху: западная — 44,6 *м*, северная — 46,2 *м*, восточная — 45,2 *м*, южная — 47,2 *м*. Проем северных и восточных ворот по 6 *м*.

[8] За исключением бочонковидной бусины из бело-молочного камня, найденной внутри цитадели.

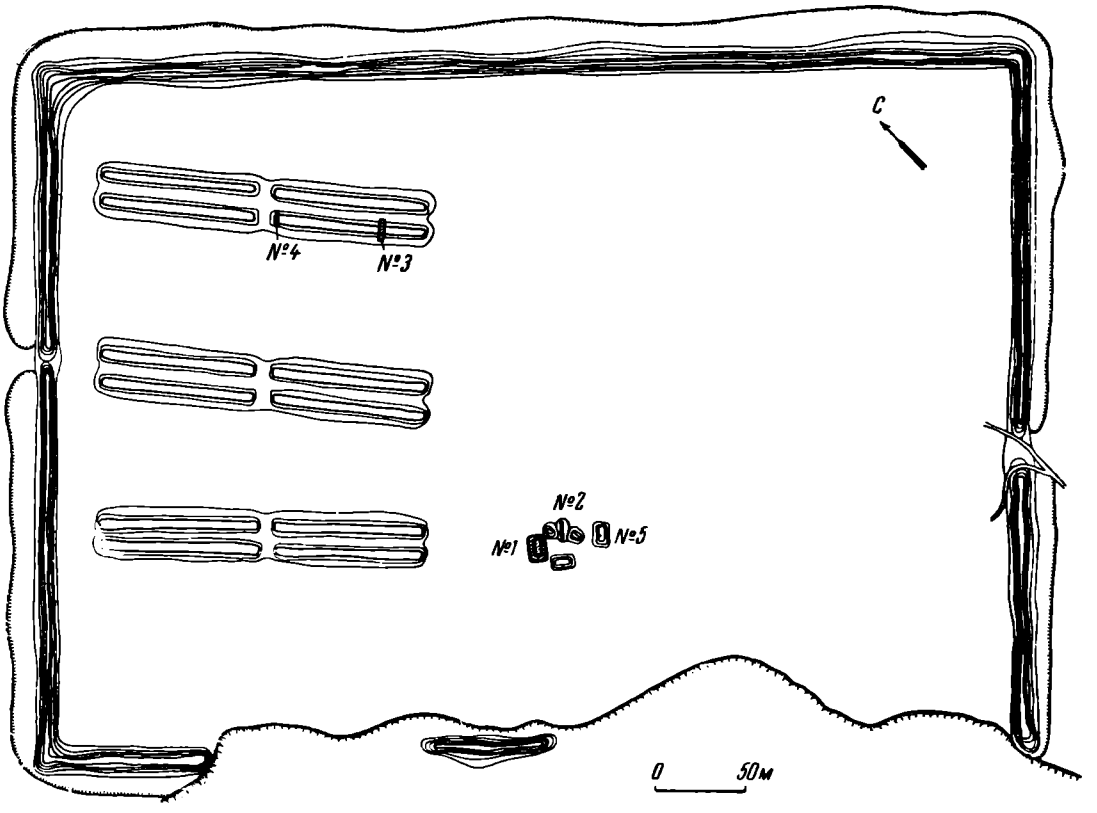


Рис. 4. План Бажын-Алакского городища на р. Чадаана

IV Шагонарское городище расположено в 500 *м* к юго-юго-западу от III городища, вверх по руслу речки Чааты. Оно имеет подквадратную форму, в среднем 80 × 80 *м* [9]. Высота валов от плоской внутренней поверхности достигает 2 *м*. Это городище самое маленькое по размерам из городищ Шагонарской группы. Оно отличается от остальных отсутствием башен, но совершенно так же, как у I и III городищ, имеет двое ворот, расположенных в северной и восточной стенах (см. рис. 2, *3*).

Наибольшими размерами (538×375 *м*, т. е. площадью около 18,2 *га*) [10] отличается городище Бажын-Алак (что по-тувински значит «Дом на лесной поляне в пойме реки»), расположенное в Дзун-Хемчикском районе в пойме Чадаана, правого притока р. Хемчик. Оно имеет мощные сырцовые стены [11] без башен, широкие рвы и двое ворот в противоположных северо-западной и юго-восточной стенах. Юго-западная стена сильно размыта и прорезана ныне старицей реки, основное русло которой теперь проходит к северо-востоку от городища (рис. 4).

Бажын-Алакское городище — единственное из всех нам известных (если не считать III Шагонарское) городищ, на котором сохранились заметные остатки ряда строений. В северо-западной его части расположены шесть пар длинных земляных валов (объединенных в три параллельные группы), с продольными углублениями посредине каждого вала. Пробные

[9] Размеры стен по верху: западная — 80 *м*, северная — 79,5 *м*, восточная — 83,5 *м* и южная — 76 *м*. Проем северных ворот — 5 *м*, восточных ворот — 9 *м*. Подъемного материала не обнаружено. Площадь — 0,64 *га*.

[10] Размеры стен по верху: северо-западная — 378,7 *м*, северо-восточная — 538 *м*, юго-восточная — 372 *м* и юго-западная — 531 *м*. Проем северо-западных ворот — 12 *м*, юго-восточных ворот — около 27 *м*.

[11] Высота до 2,5 *м*; в некоторых местах по северо-восточной стене выступают остатки сырцовой кладки. В настоящее время северо-западная стена и часть северо-восточной стены изрыты ямами, сделанными при выборке глины для расположенного близ северо-западной стены кирпичного завода пос. Бажын-Алак. В срезах ям всюду, на всю высоту стен, четко видна сырцовая кладка.

траншеи, разрезавшие один из валов (№№ 3 и 4), выявили остатки каких-то длинных строений, разделенных частоколами из деревянных столбов на отсеки. Возможно, в них некогда размещался гарнизон крепости.

В центре городища, между растущими здесь лиственницами и кустами караганы, находится группа небольших холмов и впадин. Произведенные раскопки выявили остатки дома на фундаменте из плитняка (№ 1) с очагом на глинобитном полу и небольшим количеством керамики. Кроме того, на городище подняты обломки куранта зернотерки и оселка.

Вся остальная площадь городища, подвергавшаяся в недавнее время распашке в связи с проведением оросительных канав, совершенно плоская и не имеет следов культурного слоя.

* * *

Все обследованные городища одновременны, так как и в подъемном материале, и при раскопках найдены одинаковые предметы: обломки зернотерок и керамика. Для определения времени и этнической принадлежности городищ наиболее важны обнаруженные обломки посуды, в основном двух типов: 1) сходных с так называемыми «кыргызскими» вазами, сделанными на кругу, и 2) баночных лепных сосудов, по преимуществу с накладным венчиком и прилепными выступами на нем, иногда украшенных рассеченными валиками.

Хотя формы ваз целиком совпадают с действительными «кыргызскими» вазами, в большом количестве найденными в памятниках VI—X вв. в Хакасско-Минусинской котловине, но обнаруженные нами обломки принадлежат «уйгурским» вазам, отличающимся от «кыргызских» как деталями орнамента, так и характерными вертикальными полосами лощения всей поверхности тулова сосуда.

Оба описанных выше типа сосудов характерны для четко обособленной группы погребений Тувы, относящейся к уйгурскому периоду ее истории (VIII—IX вв.; рис. 5 и 6). Такие сосуды найдены С. А. Теплоуховым и нами в погребениях двух уйгурских могильников на р. Чааты у г. Бай-Даг, т. е. как раз в непосредственной близости с группой четырех Шагонарских городищ. Как теперь выяснилось, эти могильники являлись некогда кладбищами населения, жившего на городищах, а также, вероятно, в их окрестностях.

Таким образом, теперь для уйгурского периода мы имеем целый комплекс и городищ, и могильников.

Однако не менее важно и то, что аналогичные сосуды найдены в уйгурских (как теперь можно утверждать) [12] курганах и поселениях на территории древней родины уйгуров, в Забайкалье, по рекам Селенге [13], Саве, Чикою и вплоть до р. Онона (в восьми пунктах, по неопубликованным данным Г. П. Сосновского) [14]. Что касается территории МНР, то подобные городища, по-видимому, были открыты Д. А. Клеменцом близ Хара-Балгаса в 1891 г. [15] и на р. Хойту-Тамире в 1894 г. В последнем случае он нашел сразу четыре (неподалеку друг от друга) городища и кратко описал их как «громадные квадратные валы с плоской насыпью в середине замкнутого пространства; следов кирпичной кладки, черепицы, обожженной глины не видно нигде» [16].

Но кроме открытого нами нового, неизвестного до сих пор, типа уйгурских городищ, обнесенных стенами по квадрату или четырехугольнику,

[12] Уйгурские древности в Забайкалье до сих пор не были выделены.

[13] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, IV. Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. III, вып. I, Иркутск, 1902, стр. 53 и табл. XI.

[14] Архив ЛОИИМК, ф. № 42, д. № 235.

[15] Д. А. Клеменц. Археологический дневник..., стр. 58.

[16] Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 год. Известия Академии наук, т. III, № 3, 1895, стр. 263.

известны в Центральной Монголии большие уйгурские городища очень сложного плана. Это в первую очередь столица древнего уйгурского каганата VIII—IX вв.— город (ныне городище Хара-Балгас), основанный каганом Моюньчжо (по-уйгурски: Моюн-Чуром) в 751—752 гг. на левом берегу Орхона, при впадении в него речки Балыклыг (ныне Джиргалангу) [17]; о нем кратко сообщает и китайская история Танской династии — Таншу [18].

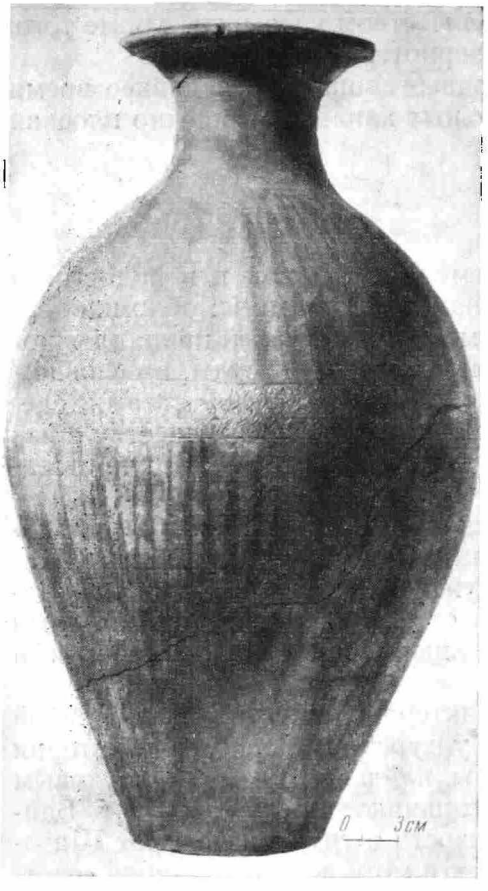


Рис. 5. Уйгурская ваза из кургана № 61 на р. Чааты (из раскопок С. А. Теплоухова, 1927 г.)

Городище Хара-Балгас в 1949 г. было обследовано Монгольской экспедицией АН СССР и Комитета наук МНР под руководством С. В. Киселева; были произведены раскопки одного дома, снят общий план остатков города и, что особенно интересно, обнаружена керамика типа «кыргызских» ваз [19].

Эта столица уйгуров, по сообщению персидского историка XIII в. Ала-ад-дина Джувейни, лично побывавшего дважды в Монголии в 1249—1253 гг., называлась Орду-Балык. Джувейни сам посетил развалины этого города (которые, как он сообщает, «теперь называют Мару-Балык»), видел остатки лежавших там стел с надписями и даже пишет об опыте перевода этих надписей с помощью вызванных монголами из Китая сведущих людей [20].

Таншу ничего не сообщает о других больших уйгурский городах; однако таковые у уйгуров были как в VIII—IX вв., так и после гибели уйгурского каганата (в 840 г.) в X—XII вв. В последнем случае в них продолжала проживать часть уйгуров, оставшаяся в Центральной Азии после переселения основной массы этого народа в середине IX в. в Восточный Туркестан и Китай.

В различных письменных источниках сообщается еще о шести уйгурских городах. Прежде всего, в 758 г. был построен, по приказу кагана Моюн-Чура, китайцами и согдийцами [21] город Бай-Балык на р. Селенге (ныне Бийбулаг) [22].

[17] Г. И. Рамстедт. Перевод надписи Селенгинского камня. Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, вып. I, СПб., 1914, стр. 40—49.

[18] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, М.— Л., 1950, стр. 334.

[19] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 93—95 и план на рис. 1.

[20] Ала-ад-дин Ата мелик Джувейни. Тарих-и джехангушай (История завоевателей мира). Перевод Н. Н. Туманович. Хран. в рукописном фонде Института истории Киргизской АН, № 1693; ср. В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 56—62.

[21] В VIII—IX вв. в уйгурском каганате проживало много согдийцев, свидетельством чему является найденный в Хара-Балгасе трехъязычный памятник с надписями на китайском, уйгурском (тюркском) и согдийском языках. Памятник, следовательно, был рассчитан на то, чтобы его читали не только уйгуры, тюрки и китайцы, но и согдийцы. См. O. Hansen. Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun. Journal de la Société Finno-Ougrienne, т. XLIV, 3, Helsingfors, 1930.

[22] Г. И. Рамстедт. Ук. соч., стр. 46—48.

Есть основание считать, что на месте монгольской столицы Каракорума (или непосредственно возле нее) был еще один уйгурский город, так как в некоторых китайских источниках о Каракоруме (Хэлинь-Чен) прямо говорится, что «это древний город со времен Танской династии хуэй-хуского (уйгурского. — *Л. К.*) Би-цзя-кэ-хана» [23]. Вероятно, именно его окруженные валом развалины обнаружили в 1949 г. археологи к югу от древнего Каракорума [24].

Затем в «Географии» киданьской династии Ляо (916—1124 гг.) упоминается «уйгурский город Хэтунь, ошибочно названный Хэдуном» [25]. Вообще, в период господства киданей в Центральной Азии оставшиеся здесь уйгуры сохраняли свои города и лишь сменившие киданей чжурчжени (династия Цзинь) завладели ими. Это событие упоминается под 1123 г. в истории династии Цзинь (Цзинши), где сказано, что «три уйгурских города Кэ-Чен, Гао-Чен и Энь-Чен вошли в состав области Средней столицы» [26].

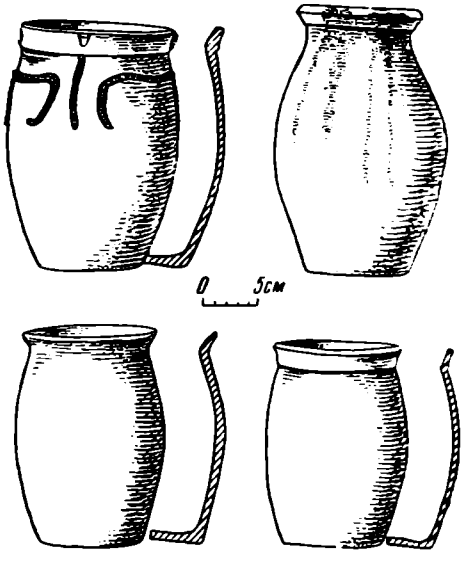


Рис. 6. Уйгурские сосуды из могильников на р. Чааты (из раскопок С. А. Теплоухова, 1927 г.)

Кроме указанных семи больших городов, китайские источники без подробных описаний упоминают об уйгурских укрепленных военных «лагерях» с оградами и запиравшимися воротами, внутри которых стояли юрты и палатки [27]. В собственно уйгурском памятнике, поставленном кагану Моюн-Чуру (VIII в.), имеются сведения об устройстве «лагерей» и о строительстве каких-то сооружений (крепостей), которые, согласно чтению Г. И. Рамстедта, называются «чыт» [28].

По данным этого памятника, территория современной Тувы была завоевана уйгурами в 750 и 751 гг., когда они вели войну с жившим там народом «чик». Первый поход против чиков, союзников «кыргызского» (хакасского) кагана, и сражение с ними «у реки Кем» (Улуг-Хем) описаны под 750 г. Замечательно, что после того как чики «поддались», каган устроил здесь «свой беленький лагерь и дворец» и «заставил построить свой чыт», в котором «провел лето» [29], а осенью 750 г. уехал на восток.

В 751 г. каган уйгуров послал против восставших чиков «тысячный отряд» и одновременно войска для отражения «летучих отрядов кыргызов», которые шли через Саяны на помощь своим союзникам чикам. Затем он сам с войском переправился через Кем и после покорения чиков («Народу Чик я дал тутука, ишбаров и тарханов тогда утвердил») «прожил лето в своем чыте» [30].

---

[23] Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 76.

[24] Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 48.

[25] Чжан-му, Хэ-цю-тао. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с кит. П. С. Попова. СПб., 1895, стр. 340, прим. 387.

[26] Д. Позднеев. Ук. соч., стр. 123.

[27] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., ч. I, стр. 321; ср. Д. Позднеев. Ук. соч., стр. 80—83.

[28] Г. И. Рамстедт. Ук. соч., стр. 43—45; ср. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.— Л., 1959.

[29] Там же, стр. 43.

[30] Там же, стр. 44.

Последнее сообщение особенно интересно тем, что в это бурное время каган жил не в лагере или во дворце, а в чыте, т. е., очевидно, в крепости. Таким «чытом», летней ставкой («ордой») уйгурского кагана (а затем его наместника в Туве — тутука) и могло быть лучше всего укрепленное III Шагонарское городище на речке Чааты [31]; в его внутренней цитадели, вероятно, стояло летнее жилище кагана — войлочная юрта (см. рис. 3) [32], а в двух рядом лежащих крепостях (II и IV Шагонарские городища) располагались охранные гарнизоны и рядовое население.

О том, что уйгуры во второй половине VIII и начале IX в. владели бассейном Верхнего Енисея, сообщают и китайские источники эпохи Тан. Так, в сочинении Тун-дянь (автор Ду Ю, годы жизни — 733—812 гг.) говорится о главной реке (Енисее), пересекающей страну хакасов (т. е. Хакасско-Минусинскую котловину): «Это большая река, которая вытекает с севера (страны) хой-хэ (уйгуров) через ущелье горного хребта» [33]. Отсюда ясно, что север страны уйгуров в ту пору находился в Туве, откуда Енисей сквозь горный проход в Саянах вытекает в Хакасско-Минусинскую котловину.

Достойно особого внимания и совпадение приведенных нами данных археологии с тувинским фольклорным материалом. Как уже говорилось выше, уйгурские городища и могильники распространены в долине реки Хемчик и на Улуг-Хеме (в междуречье Чаа-холь и Барык). А по тувинскому преданию, записанному в 1889 г. известным тюркологом и этнографом Н. Ф. Катановым, «уйгуры жили прежде по р. Бом-кемчику и Улукему», и, кроме того, зафиксированный Катановым современный тувинский род «уйгур» продолжает жить на р. Хемчик [34].

Учитывая все вышеизложенное, следует считать, что тувинцы рода «уйгур» (ондар-уйгур) являются безусловными потомками уйгуров VIII—IX вв.

Обследованные нами уйгурские городища в основном являются военными крепостями, имевшими специальное назначение. Они служили, во-первых, для обороны центральных и западных районов Тувы от нападений с севера хакасов, возглавляемых кыргызами [35], которые постоянно боролись с уйгурами вплоть до окончательной победы над ними в 840 г., а во-вторых, как убежища для окрестного кочевого населения и его скота на случай военной опасности; в-третьих, некоторые из них (III Шагонарское городище) являлись замками, в которых находились (иногда) ставки каганов или (постоянно) ставки наместников, т. е., следовательно, они были административными центрами; и, наконец, в-четвертых, это были центры оседлости, земледелия и, вероятно, торговли и ремесла.

На некоторых из этих городищ имелись казарменные и жилые наземные сооружения столбовой конструкции (вероятно, обмазанные глиной — например, городище Бажын-Алак), редко, возможно, полуземлянки (I Шагонарское городище), но в основном большинство населения жило в юртах [36], и, очевидно, на территории городищ оставалось еще место для загона скота на ночь.

---

[31] Может быть, само название речки Чааты происходит от термина «чыт»?

[32] Ср. у кара-калпаков: летом юрта стоит в ограде с глинобитными стенами, а зимой — в крытом дворике или даже в саманном доме. См. С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 395.

[33] Ду Ю. Тун-дянь (Общее уложение), глава 200.

[34] Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893, стр. 3.

[35] О взаимоотношении терминов «хакас» и «кыргыз» см. нашу рецензию на книгу Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» (М.— Л., 1953) в журнале «Вопросы истории» за 1954 г., № 7, стр. 151.

[36] Даже после переселения, уже в Турфанском княжестве в конце IX в., простой народ уйгуров жил еще в юртах. См. А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках. Тр. Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, стр. 429.

Найденные в этих городищах и в погребениях «уйгурские» вазы, сделанные на гончарном круге, а также лепная посуда, железные и медные котлы и т. п., очевидно, изготовлялись местными ремесленниками. Многочисленные находки зернотерок свидетельствуют о том, что, вероятно, каждая проживавшая в укреплении семья имела зернотерку, т. е. преобладающее большинство населения занималось земледелием, но, очевидно, в сравнительно небольших размерах.

Впрочем, у нас нет оснований отрицать наличие у уйгуров ручных вращающихся мельниц, тем более что жернова от таких мельниц были обнаружены в уйгурской столице Орду-Балыке (Хара-Балгасе) [37]. В этом случае найденные нами зернотерки могли иметь лишь вспомогательное значение в домашнем хозяйстве.

Наконец, следует упомянуть еще одно, обнесенное глинобитными стенами четырехугольное, городище (очевидно, монастырь), расположенное на юго-восточной окраине Тувы, на острове оз. Тере-Холь. Это городище было известно русским уже с конца XVII в., и о нем впервые в 1701 г. упоминает знаменитый географ С. У. Ремезов, который отмечает в заключение: «...а какой город и чей — не знаем» [38]. В 1891 г. это городище было обследовано (со снятием плана) Д. А. Клеменцом, который, очевидно, справедливо отнес его к уйгурскому периоду на основании совпадения топографии его развалин с крепостью уйгурского Хара-Балгаса на р. Орхон [39].

2. Города XII—XIII вв.

Еще в 1956 г. Тувинская экспедиция МГУ в урочище Дён-Терек на р. Элегест открыла в раскопках остатки большого (свыше 120 зданий) неукрепленного города второй половины XII в., дожившего, очевидно, до самого начала XIII в.; он, видимо, является центром северной провинции государства кара-китаев (Си Ляо). Тогда же были произведены раскопки ряда зданий. В 1957 г. исследования города были продолжены (рис. 7).

Всего здесь раскопано восемь зданий: административное (очевидно, канцелярия местного правителя), жилое здание дворцового типа, пять жилых фанз и одна мастерская (кузница).

Жилищем рядового горожанина служил прямоугольный дом столбовой конструкции с деревянными стенами, обмазанными с обеих сторон глиной и оштукатуренными алебастром.

В доме, по трем его стенам, располагалась обогреваемая лежанка — кан, внутри которой проходили сложенные из плит каналы-дымоходы. Печь и труба находились по разным концам кана. Они также были сложены из тонких каменных плит на глиняном растворе. На канах некогда лежали тростниковые циновки, от которых сохранились отдельные части. Пол таких помещений был глинобитным, а потолок перекрыт крышей из тростника и соломы или из обожженной черепицы.

У более зажиточных горожан каны в домах строились с применением прямоугольного и квадратного обожженного, очень крепкого кирпича, а под столбовые опоры подкладывались округлые или квадратные обработанные каменные базы. Такие дома имели крыши из хорошо обожженной черепицы китайского типа в виде желобов и узких полуцилиндров, а белая штукатурка их стен хранит следы однотонной росписи.

---

[37] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 95. Один обломок жернова найден и нами на I Шагонарском городище.

[38] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

[39] Д. А. Клеменц. Археологический дневник..., стр. 68—71.

Упомянутое выше административное здание было построено целиком из кирпича (фундамент и стены на известковом растворе) и, кроме того, имело пол, сложенный из квадратных кирпичей. Здание состояло из одного квадратного парадного зала со входом с юга и имело внутри колонаду из столбов, опиравшихся на хорошо отесанные каменные квадратные базы с круглыми «подушками».

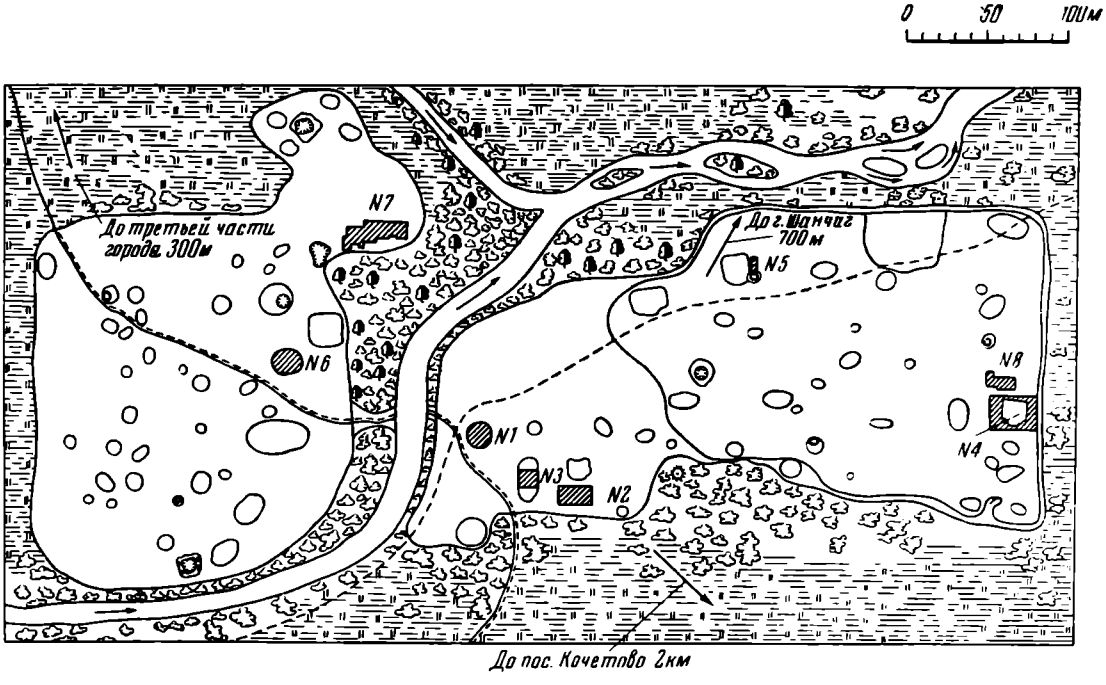


Рис. 7. План основной части города в урочище Дён-Терек на р. Элегест (№№ 1—8 — раскопы 1956—1957 гг.)

Черепичная крыша этого здания состояла из особенно широких желобов с орнаментированными «воротничками» и больших полуцилиндров [40].

Полуцилиндры, располагавшиеся по концам крыши, были украшены налепами со штампованными изображениями личины рогатого и бородатого демона — «хранителя домашнего очага».

Кроме того, крыша по коньку и углам имела великолепные и многочисленные скульптурные группы, сделанные из обожженной глины, в виде больших извивающихся драконов с раскрытыми пастями (рис. 8), красивых фениксов — «птиц счастья» буддийской мифологии (рис. 9) и «холодного пламени». Богатым было и здание дворцового типа (№ 7), имевшее аналогичные базы для колонн и кирпичные фундаменты стен.

Что касается ремесел и горного дела, то особого внимания заслуживает большое умение жителей города вести поиски и разработку местных полезных ископаемых и строительных материалов.

Прежде всего отметим, что нами в раскопанных жилищах города обнаружено большое количество каменного угля и кокса, выжженного из элегестинского угля. Залежи каменного угля на р. Элегесте (шахты в 7 *км* ниже этого города) впервые разрабатывались 800 лет назад кара-китаями. Геологической партией, работавшей в 1955 г. по изучению этого месторождения, открыты древние штольни, где найдены обломки кара-китайских сосудов и здание в шахтном поселке, крытое черепицей.

---

[40] Рисунки черепицы см. в статье С. В. Киселева в этом же номере журнала (рис. 9, *1*, *2* и рис. 10).

Каменный уголь и кокс употреблялись в металлургии для изготовления чугуна и железа из местных железных руд, благодаря чему при раскопках города найдено много металлургических шлаков и обломков от глиняных ошлакованных тиглей.

Из стройматериалов, кроме алебастра, гипса и камня, особо отметим, что кара-китаям были известны прекрасные местные глины, из которых они изготовляли разнообразную превосходную посуду, звонкую синюю черепицу, крепкий кирпич и обожженную скульптуру. Раскопки выявили высокое искусство кара-китаев в гончарном ремесле. Ими применялся ножной круг, на котором изготовлялись разнообразные серые сосуды, от больших глиняных бочек до изящной столовой посуды, причем в широком ходу

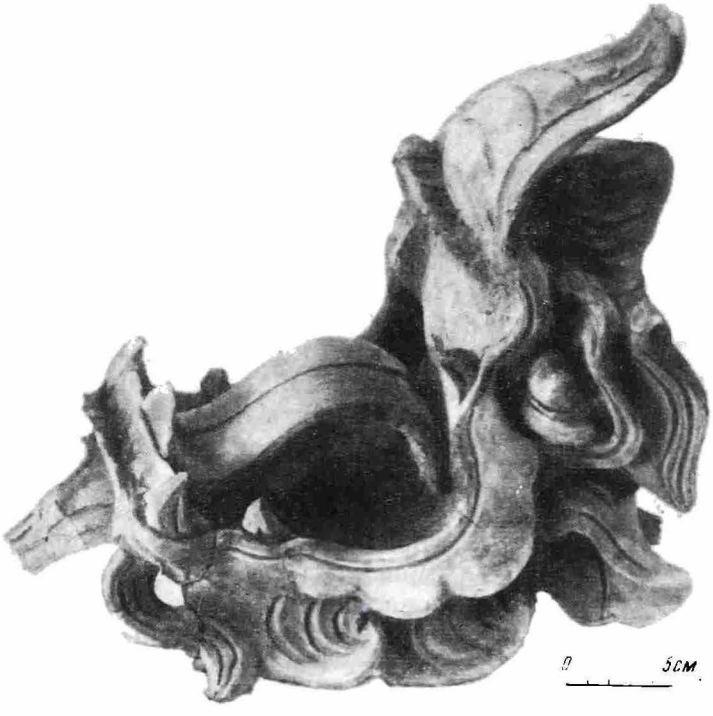


Рис. 8. Голова дракона — украшение крыши (терракота)

были разнотипные по форме, разноцветные, привозные из Китая поливные фаянсовые сосуды, а также чаши из высококачественного селадона типа «краклэ», фарфоровая и стеклянная посуда.

Все это изделия сунской эпохи XI—XII вв.

Каменотесами изготовлялись большие жернова для мельниц. Половина такого жернова, украшенного нарезками, найдена в одном из раскопанных зданий.

Но не только факт сооружения больших мельниц свидетельствует о том, что основным занятием населения было земледелие. Как теперь можно утверждать, именно им принадлежит большая сеть древних оросительных каналов, растянувшаяся на десятки километров по прилавкам северного подножья хребта Танну-Ола, начиная от пос. Элегест до пос. Кочетово и далее на восток к селам Успенское и Бай-Хаку.

Без сомнения, кара-китаи сеяли здесь почти все известные в Китае того времени злаковые культуры: пшеницу, ячмень, просо и т. д. Чешуйки проса вместе с кучками зерен конопли неоднократно найдены при раскопках города.

Судя по многочисленным костным остаткам, население занималось также животноводством, охотой и рыбной ловлей. Найдены кости круп-

ного и мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов, собак, сибирской косули, оленей, лисиц, рыб и т. д. Возможно, что крупным и мелким рогатым скотом их снабжали находившиеся от них в зависимости местные тюркоязычные племена — предки современных тувинцев; но многочисленные находки костей домашней свиньи, которую никогда не разводили кочевники, являются свидетельством собственно кара-китайского скотоводства.

Рис. 9. Феникс—украшение крыши (терракота)

Из других находок отметим железные наконечники боевых стрел, ножи, многочисленные гвозди и строительные костыли, ножницы, чашечные весы и гирьки, огнива, оселки, пряслица и другие предметы быта, а также туалетные принадлежности (костяные щеточки, шпатели для растирания туши и гребешки для усов).

В различных домах, раскопанных в разных кварталах города, обнаружено восемь медных монет китайского типа с квадратными отверстиями в центре и с четырьмя иероглифами по его сторонам. Все они одновременны, имеют одинаковую надпись: «Да Дин тун-бао», т. е. «расходная монета (правления) Да Дин». Эти монеты выпускались с 1161 по 1189 г. императором Ши-цзуном чжурчженьской династии Цзинь.

Таким образом, эти монеты являются свидетельством того, что кара-китаи, не имея здесь своего денежного чекана, пользовались монетами чжурчженей, т. е. поддерживали, очевидно, торговые и иные связи с Северным Китаем.

Отсутствие ранних и более поздних монет, а также сунская посуда XI—XII вв. позволяют сделать вывод о том, что город на р. Элегесте существовал относительно короткое время, во второй половине XII в., и был, видимо, заброшен в самом начале XIII в., когда кара-китаи были вытеснены из Тувы монголами, создавшими тогда свое первое государство во главе с Чингисханом.

Таким образом, время существования города соответствует царствованию кара-китайской императрицы Чень-тянь (1164—1177 гг.) и последнего гурхана Чжи-лугу (1178—1211 гг.).

* * *

Второе неукрепленное поселение Оймак, относящееся к тому же периоду, открыто нами в 1957 г. близ г. Шагонара. Здесь были вскрыты аналогичные фанзы с канами из плит и обнаружены остатки каменных скульптур: будды из серого гранита и песчаниковый пьедестал (для стелы с надписью) в виде черепахи. Здесь же найден большой жернов, аналогичный жернову из Дён-Терека [41].

Раскопки 1958 г. на этом поселении выявили дополнительные материалы, совершенно аналогичные материалам с Дён-Терека. Здесь найдена серая керамика, сунская посуда XI—XII вв. и монета «Да Дин тун-бао».

[41] Аналогичные жернова известны и по находкам на ряде средневековых городищ Монголии. Ср. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. I, СПб., 1892, т. 58, рис. 19.

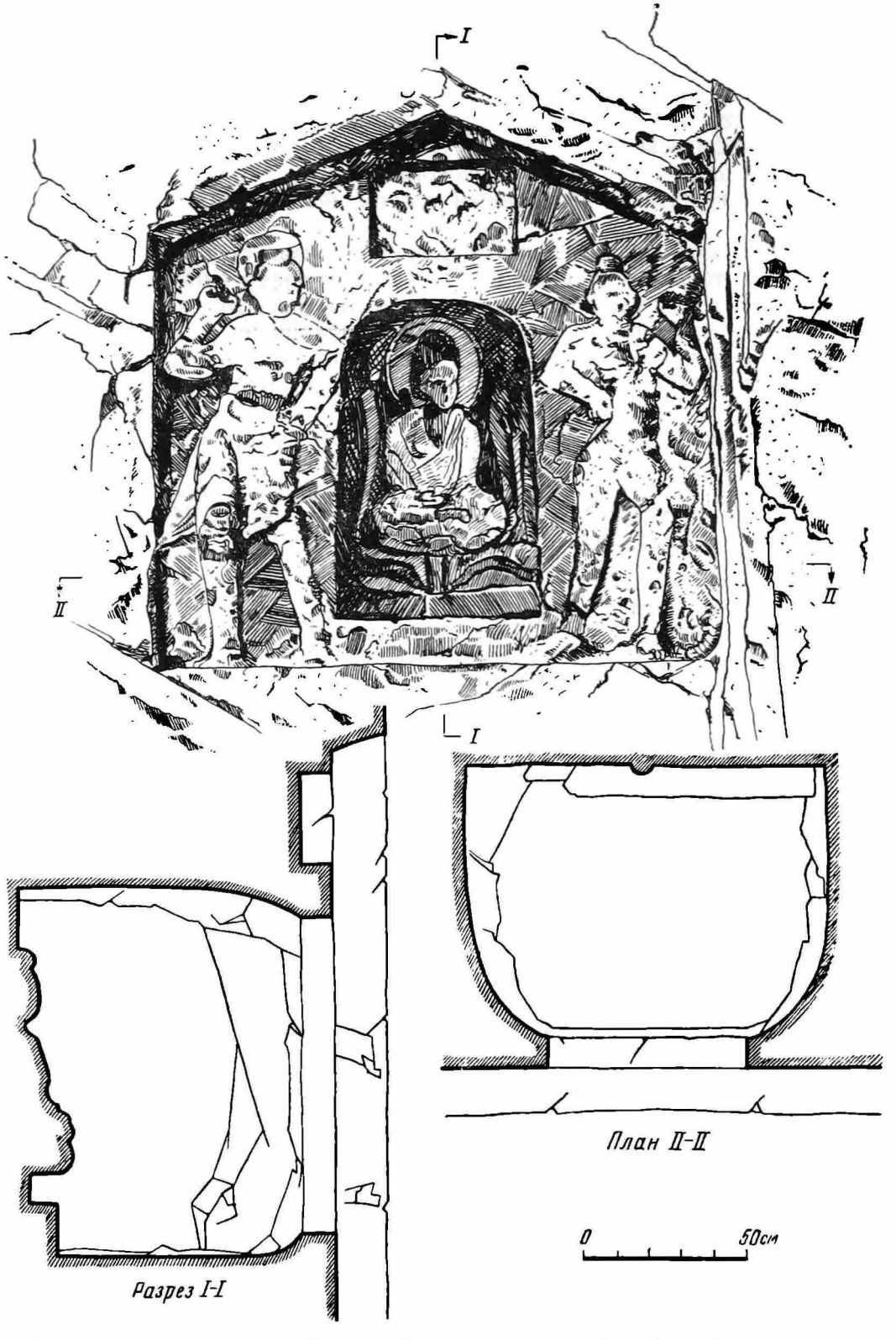


Рис. 10. Буддийская ниша «Чурумал-Бурганныг» на реч. Чаа-Холь. Фасад и разрезы

Значение земледелия подчеркнули находки каменных жерновов ручной мельницы, зернотерки и каменной крупорушки.

В 6 *км* от поселения Оймак в урочище Чурумал до начала 30-х годов стояли две статуи «китайцев», два льва и два барана из песчаника. Ныне на месте остались лишь массивные пьедесталы. Произведенные здесь нами в 1957 г. раскопки обнаружили обломки граненого обелиска с китайской иероглифической надписью.

В 1958 г. нами здесь же была раскопана подбойная грунтовая «могила» с сосудом и вещами, с деревянным гробом, но без всяких следов погребения.

Этот ритуальный памятник, безусловно, связан с поселением Оймак.

К кара-китайскому периоду в истории Тувы следует отнести известную с начала XVIII в. буддийскую нишу Чурумал (рис. 10), земледельческие хутора и единственный мусульманский могильник на р. Хемчик — кладбище торговой фактории приезжих среднеазиатских купцов.

Исследования Тувинской экспедиции МГУ и ИИМК в 1956—1958 гг. выявили, таким образом, городские и оседлые поселения VIII—IX и XII—начала XIII вв., которые позволяют во многом по-новому осветить средневековую историю Тувы и вместе с тем по-новому решать многие историко-культурные проблемы жизни населения широких пространств Центральной Азии, начиная от Северного Китая, территории МНР и Синьцзяна и вплоть до Средней Азии.

Е. ОЛЬЧАК

ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛЯННЫХ ПЕРСТНЕЙ НА СЛАВЯНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Среди ученых славянских стран наиболее интенсивно исследования по истории средневекового стеклоделия проводят археологи и технологи Советского Союза [1]. Основываясь на раскопках стекловарных мастерских и на изучении огромного количества готовых стеклянных изделий, они выяснили не только технологию древнерусского стекла, но и вопросы, связанные с организацией стеклодельного ремесла и со сбытом его продукции. Установлено, что стеклодельное производство, стоявшее на относительно высоком техническом уровне и известное на Руси с начала XI в., снабжало своей продукцией внутренний рынок, а также экспортировало ее за пределы Руси. Из одиннадцати известных в настоящее время русских стеклодельных мастерских XI—XIV вв. четыре найдены в Киеве [2] (на территории бывш. Десятиной церкви, XI в.; в районе Подола, конец XI в. — начало XII в.; в усадьбе бывш. Михайловского монастыря, XI—XII в.; на территории Киево-Печорской Лавры, конец XI в.). Другие мастерские происходят из Старой Рязани (XI—XIII вв.), Галича (XI—XII вв.), Костромы (XII—XIII вв.), Колодяжина (XII—XIII вв.), Новгорода (XIII—XIV вв.), Райковецкого городища (XI — первая половина XIII в.) и Городска [3].

Продукция их была многочисленной и разнообразной [4]. Больше всего производилось бус разной формы и цвета, браслетов [5], в меньшем количестве — колец. Вторую группу составляли мозаичные стекла, майоликовые изделия, облицовочные плитки, поливная посуда, стеклянная посуда и оконное стекло.

На территории других славянских стран (Болгарии, Чехословакии, Югославии), где, судя по находкам стеклянных изделий, можно предполагать местное производство стекла в средние века, стекловарных мастерских до сих пор раскопками не обнаружено. Такое же положение существовало до недавнего времени в Польше. Оно изменилось коренным образом после открытия в 1953 г. первой стеклодельной мастерской (гуты, huty) в Крушвице (уезд Иноврацлав), датируемой XII—XIII вв.[6].

Мастерская состояла из печи, заполненной сырьем для выплавки стекла, 10—20 хорошо сохранившихся глиняных вспомогательных топок (рис. 1 и 2), складов сырья, полуфабрикатов, отходов производства и

---

[1] См. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956.

[2] М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 402—411.

[3] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 99—100; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 129—131; В. А. Богусевич. Мастерские для изготовления стекла и смальты в Киеве. КСИА, № 3, 1954, стр. 14—20.

[4] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 118—120.

[5] Полагают, что производство браслетов в древней Руси существовало во всех крупных городах. См. В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 44.

[6] J. R. Vávra. Pět tisic let sklářského dila. Praha, 1953, стр. 7.

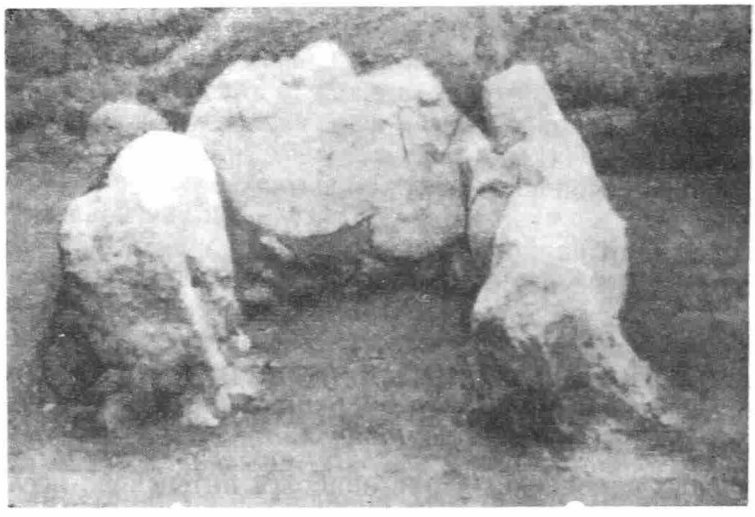


Рис. 1. Печь для выплавки стекла в Крушвице (уезд Иноврощлова, XII—XIII вв.). Вид с юга

большого количества готовых изделий из стекла и поливных плиток[7].

С этого времени все больше укрепляется убеждение в том, что основная часть средневековых изделий из стекла, найденных на территории Польши, представляет собой не результат импорта, а продукцию отече-

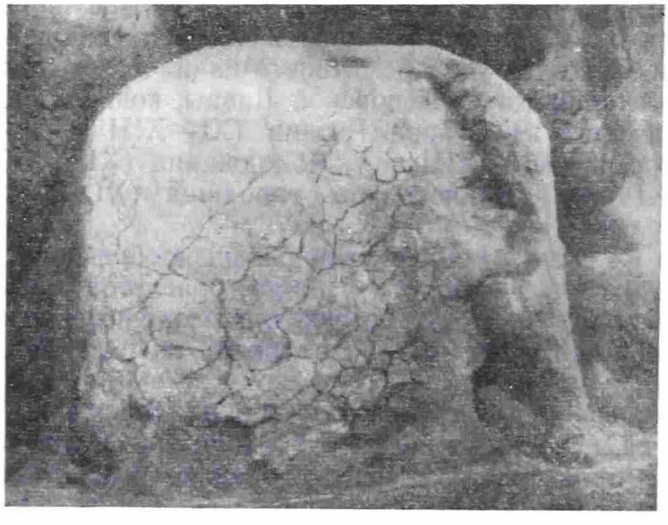


Рис. 2. Вспомогательная глиняная топка для выплавки стекла (Крушвица). Вид сверху

ственного стеклоплавильного ремесла. Это подтвердили дальнейшие открытия мастерских в разных пунктах Польши, которых в настоящее время известно шесть[8]. Самая древняя из них, относящаяся к X в., была от-

[7] A. Cofta. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Kruszwicy w latach 1953—1954. Sprawozdania Archeologiczne, т. I, Wrocław, 1955, стр. 91—100; J. Olczak. Z dzejów szklarstwa na ziemiach polskich. Szkło i Ceramika, год VIII, № 5, 1957, стр. 122—227.

[8] Wł. Filipowiak. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Wolinie w latach 1953—1954. Sprawozdania Archeologiczne, т. I, стр. 182—183; W. Hołubowicz. Prace wykopaliskowe na Ostrówku w Opolu w 1954 r. Sprawozdania Archeologiczne, т. I, стр. 214; E. Ostrowska. Prace wykopaliskowe na Ostrowie Tumskim we Wrocławiu w 1955 r. Sprawozdania Archeologiczne, т. III, Warszawa — Wrocław — Kraków, 1957, стр. 210; J. Olczak. Warsztat szklarski z XIII—XIV wieku odkryty przez archeologow w Międzyrzeczu Wielkopolskim. Szkło i Ceramika, год VIII, № 9, 1957, стр. 229—231; J. Łukaszewicz. Obraz historyczno-statystyczny miasta Poznania w dawniejszych czasach, т. II, Poznań, 1838, стр. 1—2.

крыта в Волине (Западное побережье), затем в Ополе (Силезия, XI в.), во Вроцлаве (Силезия, XII в.) и в Междуречье Великопольском (XIII—XIV вв. О существовании стекольной мастерской в Познани в XIII—XIV вв. мы знаем только на основании письменных источников (рис. 3).

Результаты проведенных химических и спектрографических анализов некоторых изделий из стекла и стеклянных масс (глазурей) из Волина и с территории Великой Польши (Крушвица, Гнезно, Стшельно, уезд Могильно) проливают свет на вопрос о том, как в Польше познакомились

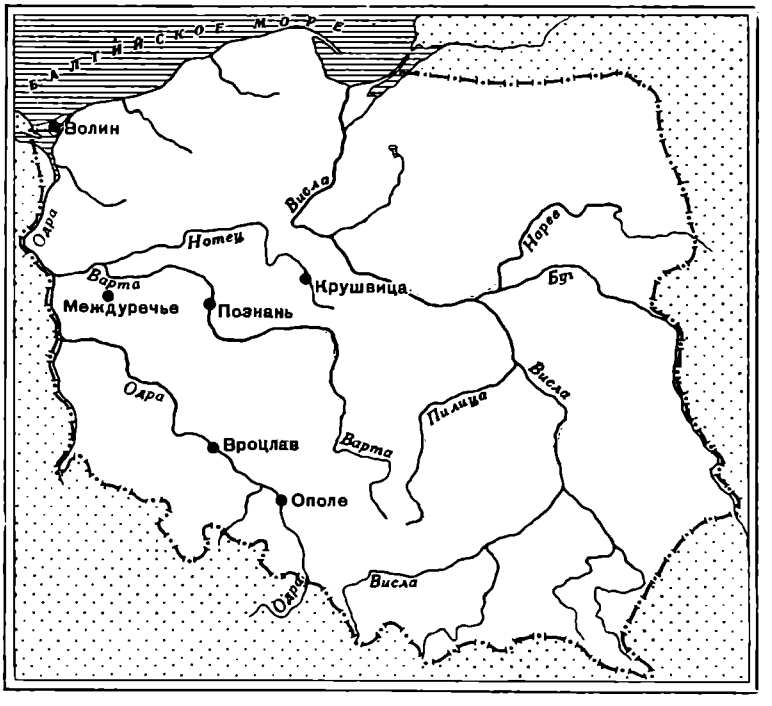


Рис. 3. Карта древнейших стеклодельных мастерских в Польше: Волин (X в.); Ополе (XI в.); Вроцлав (XII в.); Крушвица (XII—XIII вв.); Междуречье (XIII—XIV вв.); Познань (X— XIV вв.)

с производством стекла. Химический состав стекол из Волина некоторыми своими частями больше всего похож на надрейнские стекла этого периода. Если принять во внимание торговые связи Волина как портового города с Западом, то предположение, что именно из прирейнской области пришло сюда знакомство со стеклоделием, покажется нам вполне правдоподобным [9].

Возможность существования производственной связи с Русью исключается не только вследствие различного химического состава русского и волинского стекол, но также и вследствие того обстоятельства, что самые древние из известных нам стеклодельных мастерских на Руси относятся только к началу XI в.[10].

Известно, что русские мастера-стеклоделы в зависимости от назначения изготовляемых предметов применяли три основных химических типа стекла: свинцово-кремнеземный ($m\,RbO \cdot n\,SiO_2$), калийно-свинцовый ($m\,K_2O \cdot n\,PbO \cdot p\,SiO_2$) и калийно-известковый ($m\,K_2O \cdot n\,CaO \cdot pSiO_2$) [11]. Встречавшиеся стекла с содово-известковым составом ($mNa_2O \cdot nCaO \times \times pSiO_2$), вероятнее всего, были привезены с юга или востока.

[9] Wl. Filipowiak. Wyniki badań archeologicznych w Wolinie w latach 1954—1955. Archeologické Rozgledy, год VIII, № 5, 1956, стр. 686—697.

[10] M. A. Biezborodow. Szklarstwo na Rusi i w Polsce w XI—XII wieku. Szklo i Ceramika, год VIII, № 5, 1957, стр. 118—119.

[11] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 186 и 206.

Чрезвычайно интересны результаты химических анализов средневековых стеклянных изделий из Великой Польши, которые изготовлялись крушвицкой стеклодельной мастерской.

Они представлены в основном двумя типами стекла, а именно: свинцово-кремнеземным ($mPbO \cdot nSiO_2$) и калийно-свинцовым ($mK_2O \times nPbO \cdot pSiO_2$; см. таблицы 1 и 2). Оба этих типа характерны также и для русских стекол этого периода. Если первый тип известен и в других центрах стеклодельного ремесла, то второй до сих пор не был засвидетельствован нигде, кроме Руси и Польши [12]. Сходство химических составов великопольского и русского стекол и аналогичные во многих случаях формы украшений из стекла свидетельствуют о связи между великопольским и русским стеклоделием. Вполне возможно, что в Польше (во всяком случае, в Крушвице) навыки стекольного дела привились под влиянием Руси [13].

В настоящей статье расматривается сравнительно небольшой раздел в области древнего стеклоделия у славян, а именно вопрос о производстве стеклянных перстней.

Перстни из бронзы, серебра, реже из золота были излюбленным украшением славян (как женщин, так и мужчин). При раскопках славянских кладбищ или поселений они всегда встречаются в большом количестве экземпляров. Однако перстни из стекла составляют сравнительно малочисленную группу, причем они распространены на славянской территории весьма неравномерно. Можно отметить относительно большое распространение перстней в польских землях, тогда как с территории Руси происходит относительно меньшее число экземпляров.

Приведем некоторые данные, опираясь на опубликованные материалы. Так, раскопки в Старой Рязани дали до сего времени 688 стеклянных браслетов, 135 стеклянных бус и только 14 колец, что составляет неполных 2% общего количества найденных стеклянных украшений [14]. В Новгороде, где найдено 826 бус и 4253 браслета (целых и отдельных частей), обнаружено 140 перстней, что составляет едва 3% всех стеклянных украшений [15]. Из раскопок на Райковецком городище известно 2939 браслетов, 793 бус и ни одного перстня из стекла [16]. Гродно, где найдено значительное количество бус, также не дает большого количества перстней [17]. В несколько большем количестве представлены стеклянные перстни в материалах археологических раскопок в Вышгороде, Киеве и других городах, расположенных вблизи Киева, но и здесь они составляют меньшинство по сравнению с браслетами и стеклянными бусами [18].

На территории Чехословакии, где известно большое число различных бус, перстней из стекла очень немного [19].

Материалы раскопок в южной части славянской территории еще не изучены нами соответствующим образом. Мы знаем оттуда множество бус

---

[12] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 259.

[13] W. Szymański. Kontakty handlowe Wielkopolski w IX—XI wieku. Poznań, 1956, стр. 48—54; М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 120—122.

[14] А. П. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 175—176. Данные относительно территории СССР не полны, так как мы опирались только на опубликованные материалы.

[15] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 164—179; Б. А. Колчин. Хронология Новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 106—109.

[16] В. К. Гончаров. Ук. соч., стр. 129—131.

[17] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 44—45.

[18] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 153—155.

[19] J. Eisner. Slowensko v pravěku. Bratysława, 1933; J. L. Pič. Starožytnosti Země české, т. 11, ч. 1, Praha, 1902, стр. 43; J. Filip. Pradzieje Czechosłowacji. Poznań, 1951; J. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948; его же. Jižni Morava země dawných Slovanů. Brno, 1948—1950; L. Kraskovska. Skvoty z doby hradištnej na Slovensku. Slavia Antiqua, т. I, Poznań, 1948, стр. 536—556; V. Hrubý. Staré Město. Praha, 1955.

и браслетов, изготовленных, очевидно, в отечественных стекловаренных мастерских; но стеклянные перстни там отсутствуют [20].

Возможно, что приведенная выше картина распространения перстней из стекла не является полной и новые публикации материалов из раскопок несколько изменят ее. Но надо полагать, что количественное соотношение стеклянных перстней и других украшений не подвергнется серьезному изменению и что в дальнейшем они также будут составлять меньшинство.

Несколько иначе, как мы уже упомянули выше, обстоит этот вопрос в отношении польских земель в данный период. Оговоримся, однако, что автор не мог использовать некоторые неопубликованные материалы, в связи с чем приводимая им статистика будет несколько неполной.

Обращаясь к материалам раскопок средневековых кладбищ, мы наблюдаем следующую картину. При раскопках кладбища в Коньских (XI в.) в 171 погребении найдено около 250 экземпляров стеклянных бус и ни одного перстня [21]. На кладбище в Радомя (XI—XII вв.) в 42 изученных могилах было 67 бусин и два стеклянных перстня [22], а на кладбище в Злотом (Сандомирский уезд; XI—XII вв.) в 23 могилах — несколько десятков бус и три перстня [23]. Общее число стеклянных перстней, найденных в других погребениях на территории Великопольши и Поморья, также незначительно и, вероятно, не превышает 30 штук [24].

Иное соотношение стеклянных украшений дает материал из раскопок средневековых городов и поселков Польши. Любопытно, что относительно большее количество стеклянных перстней наблюдается в тех поселениях, где существовало местное производство стекла (Крушвица, Ополе, Междуречье Великопольское, Вроцлав). Исключение составляет Волин, в котором найдено лишь несколько фрагментов перстней, наряду с большим количеством стеклянных украшений [25], а также Познань, откуда происходит очень немного перстней [26].

В Крушвице же на 238 бусин найдено 73 перстня; в Междуречье Великопольском — 90 перстней и 32 бусины, а также около 544 фрагментов стеклянной посуды [27].

Ополе дало около 100 перстней и почти столько же бус, а также три фрагмента стеклянных браслетов [28]. Относительно Вроцлава имеются суммарные сведения о массовом распространении там стеклянных изделий, среди которых есть бусы и кольца [29].

Зато пункты, в которых не были открыты стеклодельные мастерские, очень заметно различаются по количеству найденных перстней. Например, в Гнезно более чем на 200 экземпляров бус приходится только три

---

[20] С. Михайлов. Один старинный некрополь у Новый Пазар. Известия Археологического института, т. XX, София, 1955, стр. 318, 319; J. Korošec. Uvod v materjalno kulturo Slovanov Zgodnjego srednjego veka. Lublana, 1952.

[21] J. Gąssowski. Cmentarzysko w Końskich na tle zagadnienia południowej granicy Mazowsza we wczesnym średniowieczu. Materiały Wcześnosredniowieczne, т. II, Warszawa, 1950, стр. 109—163.

[22] Его же. Wcześnośredniowieczne cmentarzysko szkieletowe w Radomiu. Wiadomości Archeologiszne, т. XVIII, 1950/51, Warszawa, стр. 309.

[23] Его же. Wcześnośredniowieczne cmentarzysko szkieletowe w Złotej pod Sandomierzem. Wiadomości Archeologiszne, т. XIX, ч. I, Warszawa, 1953, стр. 82.

[24] Z. A. Rajewski. Wielkopolskie cmentarzyska rzęd owe okresu wcześnodziejowego. Przeglad Archeologiczny, т. VI, Poznań, 1937—1939.

[25] E. Jasiewiczowa. Wolin-najstarszy ośrodek produkcji szklarskiei w Polsce. Szkło i Ceramika, год IX, № 2, 1958, стр. 34—37.

[26] J. Łukaszewicz. Ук. соч., стр. 1—2; J. Olczak. W sprawie terminologii dotyczacej niektórych zabytków szklanych. Kwartalnik Historii Kultury Materialne, год IV, № 2, Warszawa, 1956, стр. 298.

[27] J. Olczak. Warsztat szklarski..., стр. 229.

[28] Wl. Hołubowicz. Z badań na Ostrówku w Opolu w roku 1955. Sprawozdania Archeologiszne, т. III, стр. 216.

[29] E. Ostrowska. Ук. соч., стр. 210.

Таблица 1

Результаты химических и спектральных анализов изделий XII—XIII вв. из стекла в Крушвице (уезд Иноврoцлав) *

№ образца пробы	457	520	521	933
SiO	18,65	53,40	35,70	30,55
Al_2O_3 TiO_2	1,12	1,12	1,05	0,42
Fe_2O_3	0,20	0,58	0,98	0,62
CaO	0,09	1,35	0,47	1,58
PbO	77,90	36,90	61,20	62,70
MgO	следы	0,15	отсутствие	2,55
CuO	0,19	2,46	0,21	0,15
Cu_2O				
Sb_2O_3	0,12	следы	следы	следы
Mn_2O_3	следы	—	—	—
MnO	—	0,69	0,25	0,71
P_2O_5	—	следы	—	—
SO_3	—	1,26	0,52	0,20
K_2O	следы	следы	следы	—
Na_2O	0,97	0,96	0,21	0,17
NiO	следы	следы	следы	следы
Cr_2O_3	—	следы	отсутствие	0,05
SnO_2	0,01	0,72	0,19	—
Ag	следы	следы	следы	следы
Bi	следы	следы	следы	следы
Итого:	99,24	99,59	100,78	99,70

* Анализы сделал магистр Януш Довнарович (Познань).

Таблица 2

Результаты химических и спектральных анализов изделий из стекла и стеклянной массы в Крушвице (уезд Иноврацлав)— — XII — XIII вв., Стшельно (уезд Могильно) — первая половина XII — конец XIII в. и Гнезно — XII в.

№ образца пробы	1 *	2 **	3 ***	404 ****	575 ****	991 ****	1202 ****
SiO_2	61,80	73,10	58,59	64,90	68,10	55,60	76,70
Al_2O_3	0,21	0,30	0,29	0,28	0,29	0,30	0,36
CaO	2,30	2,14	1,18	4,10	3,90	2,96	2,46
MgO	0,15	0,13	0,05	0,39	0,23	0,36	0,24
Fe_2O_3	0,10	0,11	0,26	1,00	6,77	1,91	3,72
MnO	0,18	0,31	0,25	0,10	0,13	0,17	0,21
PbO	32,02	22,50	28,92	14,01	5,08	19,02	6,42
TiO_2	следы	следы	—	0,02	0,01	0,03	0,02
CuO	2,02	0,01	—	1,06	—	следы	следы
K_2O	0,95	1,02	10,12	14,12	15,28	19,09	9,58
Na_2O	0,01	0,01	0,17	0,01	0,15	0,27	0,12
SnO_2	следы	следы	—	следы	следы	0,05	—
NiO	—	—	—	—	—	—	—
Sb_2O_3	—	—	—	—	следы	—	—
Cr_2O_3	—	—	—	—	следы	—	—
Bi	—	—	—	—	следы	—	—
Итого:	99,74	99,63	99,83	99,92	99,94	99,76	99,83

* Анализы сделал магистр Герберт Чихонь (Варшава).
** Образцы №№ 1,2—из Стшельна.
*** Образец № 3—из Гнезна.
**** Образцы №№ 404, 575, 991, 1202—из Крушвицы.

перстня [30]; в Гданьске по раскопкам (до 1955 г.) приблизительно на 80 бус приходится около 15 перстней.

Подобное положение мы наблюдаем и относительно материалов Штеттина, Колобжега, Бискупина, Геча, Ледницы, Сантока и других польских городов.

Опираясь на сделанный обзор распространения стеклянных перстней, необходимо еще раз указать, что в славянских областях они образуют немногочисленную группу украшений и сосредоточены главным образом на польской территории и только в нескольких пунктах, где существовало производство стекла.

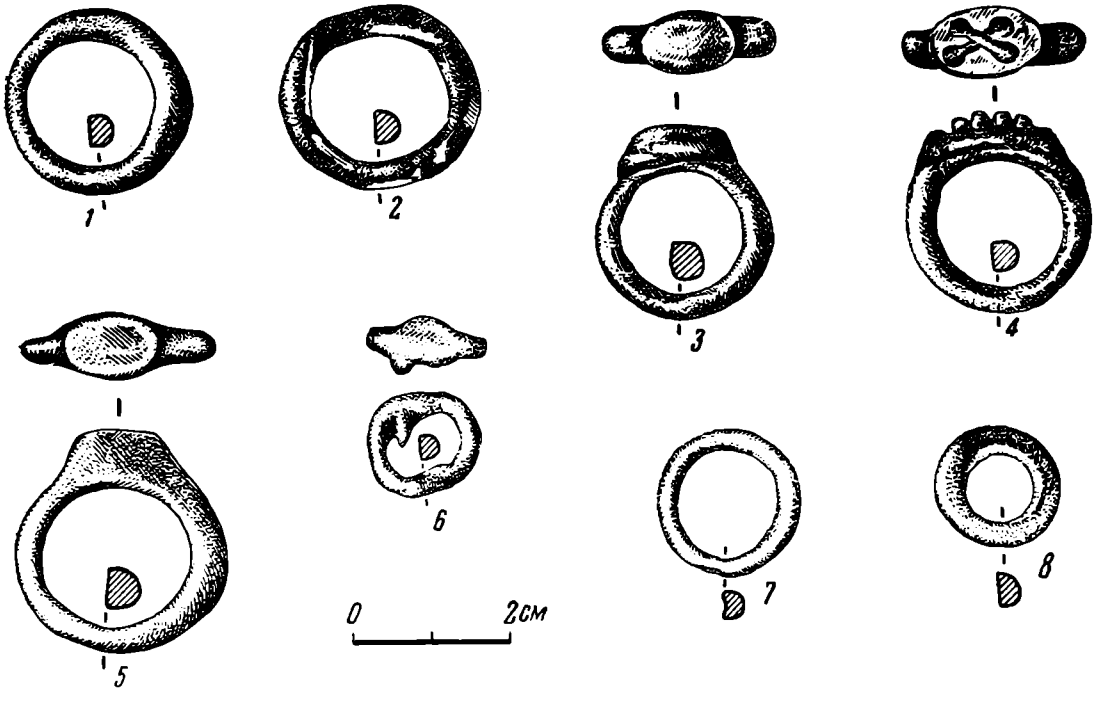


Рис. 4. Типы стеклянных перстней, распространенных на славянской территории
1 — тип «А»; *2* — тип «В»; *3*, *4* — тип «С»; *5* — тип «D»

Стеклянные перстни не были, вероятно, особенно ценным и дорогим украшением, так как они часто разбивались и требовали замены. Преобладают перстни из желтого и зеленого стекла, выплавка которого была относительно простой, не требующей сложных технологических навыков [31].

Среди перстней, найденных на славянской территории, можно выделить четыре основных типа.

Тип «А» — перстень-обруч, одноцветный, без глазка (рис. 4, *1*); наиболее распространенный тип перстней.

Тип «В» — перстень-обруч, украшенный полосами стекла другого цвета, без глазка (рис. 4, *2*).

Тип «С» — перстень с глазком, приделанным на обруч (рис. 4, *3*, *4*).

Тип «D» — перстень с глазком, образующим одно целое с обручем (рис. 4, *5*).

Перстни типа «С» и «D», как правило, одноцветные, они встречаются значительно реже, чем перстни-обручи. Воспроизведение способа производства перстней было очень затруднительным, если бы не сохранившаяся до нашего времени известная работа монаха Теофила под названием «Diversarum artium shedula».

[30] T. Wieczorowski. Zabytki ze szkla, szlkiwa, kamien polszlachetnych, bursztynu i td. z Gniezna, Gniezno w zaraniu dziejów (od VIII do XIII wieku) w świetle wykopalisk. Poznań, 1939, стр. 117.

[31] T. Lewicki. O cenach niektórych towarów na rynkach wschodniej Europy w IX—XI wieku. Kwartalnik HKM, год I, № 1—2, Warszawa 1953, стр. 121—122.

Время возникновения этого произведения одни ученые относят к XI—XII вв., другие — к IX—X вв. Родиной автора обычно считается Германия. Вторая книга этого обширного труда посвящена технике стекольного дела. С помощью имеющихся в ней описаний и замечаний попробуем с возможно большей достоверностью реконструировать процесс изготовления интересующих нас украшений. Приведем полностью раздел XXXI из II книги Теофила, который носит название «О кольцах». «Делаются также кольца из стекла таким способом: приготовь маленькую печку, как выше, потом приготовь золу, соль, порошок меди и олова. Соединив все это, обозначь по своему желанию цвета стекол, и, подложив огонь и дрова, обжигай. Тем временем позаботься о куске дерева длиной в пять и толщиной в палец и в третьей части его помести деревянный кружок шириной в ладонь, так чтобы две части дерева мог держать в руке, а кружок должен лежать на ней все время. Третья часть дерева должна выступать над кружком. В верхней части дерево должно быть тонким, оструганным и так связанным с железом, как наконечник копья связан с его рукояткой; железо должно быть длиной в стопу, а дерево должно быть впущено в него, чтобы в месте соединения железо имело одинаковую толщину с куском дерева и становилось все тоньше к концу, где оно должно быть совершенно острым. У окошка печи на ее правой стороне, т. е. на твоей левой, дерево толщиной в руку пусть будет впущенным в землю, так чтобы оно доставало верха окна, на левой же стороне печи, или на твоей правой у того же окна пусть будет ямка, сделанная в глине. Затем, разогрев стекло, возьми дерево с кружком и железом, которое называется вертелом, и верхушку его впусти в посуду со стеклом и, вытянув часть, которая прилипла к ней, пробей, ударяя сильно о дерево, чтобы стекло продырявилось, потом сразу же разогрей на пламени и два раза ударь о дерево, чтобы стекло растянулось и быстро вращай рукой с этим же железом, чтобы кольцо расплылось в круг, и, так вращая, дай ему спуститься до кружка, чтобы выровнялось. Кружок сразу же сбросишь в ямку и, таким образом, сделаешь их столько, сколько захочешь. Если бы тебе понравилось разнообразить кольца другими цветами, то набери стекла и пробей его названным вертелом, затем возьми из другой посуды стекло иного цвета и как бы нитью обведи им стекло для кольца, потом разогрей на пламени и сделай, как сказано выше. Можешь также положить на кольцо стекло другого рода, по виду как дорогой камень, и разогрей его на пламени, чтобы оно пристало»[32].

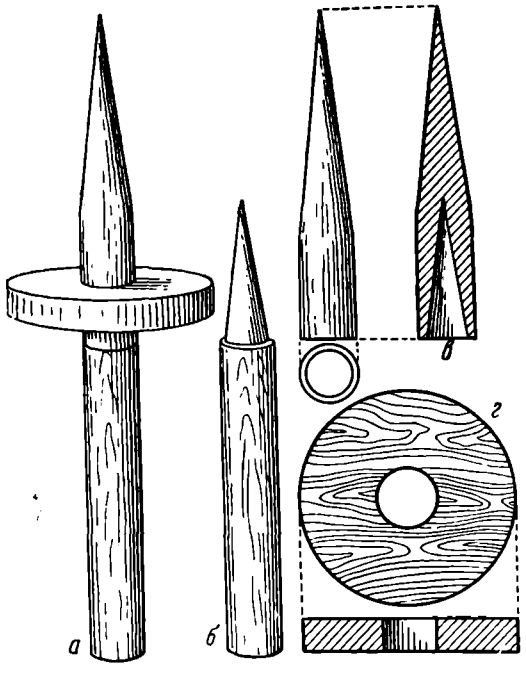


Рис. 5. Реконструкция вертела для производства стеклянных перстней

1 — реконструированный вертел; *2* — деревянная рукоятка; *3* — железная оковка; *4* — деревянный кружок

Как следует из приведенного описания, техника производства колец и сам инструмент для их изготовления, называемый «вертелом», были довольно простыми, не требующими специального ухода и обеспечивавшими возможность массового для того времени производства.

[32] T. Zebrawski. Teofila kaplana i zakonnika o sztukach rozmaitych ksiag troje. Kraków, 1880, стр. III—IV; W. Theobald. Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. Des Teophilus presbyter Diversarum artium schedula. Berlin, 1933.

Вертел состоял из трех элементов: деревянной рукоятки, заостренной на конце, деревянного кружка, помещенного на $^2/_3$ высоты рукоятки, и железной оковки, укрепленной на верхушке рукоятки (рис. 5). Правильную реконструкцию вертела несколько затрудняет способ передачи размеров. Как известно, за основу единиц измерения в то время брали обычно части человеческого тела (стопа, локоть и т. п.) и единицы измерения различались не только в отдельных странах, но даже в городах [33]. Однако учитывая то, что для наших целей точная передача размеров и пропорций не имеет первостепенного значения, мы постараемся дать приблизительные размеры. Длина рукоятки вертела, по определению Теофила, составляет одну пядь и соответствует приблизительно 22 *см*, а толщина (пальца) — около 2,5 *см*. Судя по тому, что перстни, происходящие из одного центра, имеют разный диаметр, можно заключить, что одна мастерская должна была пользоваться вертелами с рукоятками разной толщины.

Рис. 6. Способ ношения колец в XV в. (по В. Х. Шварцу)

Ширина кружка была равна ладони, т. е. около 10 *см*. Толщина его нам неизвестна; можно допустить, что она равнялась 1,5 *см*. Известное сомнение вызывает названная Теофилом длина стопы железной оковки вертела. В расчете на сантиметры она соответствовала бы 30 *см* (парижская стопа — 32,48 *см*, римская стопа — 29,57 *см*) [34]. Такая длинная оковка из железа была бы слишком тяжелой относительно рукоятки и в процессе вращательного движения могла привести к поломке вертела.

Очевидно, здесь имела место ошибка либо переводчика, либо автора. Правильнее было бы предположить, что первоначально речь шла просто о половине, а не о всей стопе (что составило бы 16 *см*). Итак, размеры реконструируемого вертела представляются следующим образом: длина всего вертела — 38 *см*, длина рукоятки — 22 *см*, толщина его — 2,5 *см*, длина оковки — 16 *см*, диаметр кружка — 10 *см*, толщина — 1,5 *см*.

Рис. 7. Способ ношения колец в XV в. (по М. В. Алпатову)

С помощью вертела можно было изготовить три из четырех названных выше типов колец. Изготовление перстней типа «А» происходило путем чередования следующих операций: 1) набирание стеклянной массы на острый конец вертела из тигля, стоящего в разогретой печи, 2) удар вертелом о деревянный столбик, стоящий около печи, вследствие чего острый конец вертела пробивал стекло, 3) разогревание стекла над огнем, 4) снова удар вертелом о столбик с тем, чтобы стекло глубже осело на рукоятке, 5) быстрое вращение вертела, в процессе чего стекло формировалось в обруч. После падения на кружок, перстень сбрасывался в приготовленную яму около печи.

Изготовление перстней типа «В» первоначально происходило так же, как и в первом случае. Для того чтобы сделать орнамент, надо было неоконченный еще обруч обвить несколькими нитками жидкого стекла другого цвета, затем снова разогреть обруч над огнем, чтобы нитки вплавились в корпус обруча, и быстро вращать вертелом до сбрасывания готового обруча на кружок.

---

[33] E. Stamm. Miary długości w dawnej Polsce. Warszawa, 1935; его же. Miary powierzchni w dawnej Polsce. Kraków, 1936; J. R. Vávra. Ук. соч., стр. XXI.

[34] E. Stamm. Miary długości...,

Для изготовления перстней типа «С» на готовый уже обруч накладывался кусочек стеклянной массы. При повторном нагреве кольца над огнем глазок частично сплавлялся с обручем. Встречающийся на глазках перстня орнамент изготовлялся, очевидно, путем оттиска еще горячего глазка в негативе орнамента.

Кольца типа «D», вероятнее всего, изготовлялись не с помощью вертела, применяя который нельзя было получить глазок, образовывавший органическое целое с обручем, а отливались в формах. Судя по тому, что этот вид перстней очень редкий, он изготавливался, очевидно, не при помощи металлических форм, обеспечивавших массовость продукции, а отливался в глиняную форму, которая затем разбивалась (так называемое литье с утратой формы). Этим следует объяснить тот факт, что из общего количества (в несколько сот) известных в настоящее время колец тип «D» представлен лишь несколькими экземплярами.

Необходимо еще упомянуть о бесформенных, а также полностью деформированных обручах. Характерно, что последние обнаруживаются в тех пунктах, где существовало местное стекольное производство [35]. В первом случае, вероятнее всего, мы имеем дело со слишком быстрым загустением стеклянной массы на вертеле перед полным формированием обруча. Обручи, совершенно деформированные, очевидно, представляли собой производственный брак.

Осталось выяснить функцию некоторых перстней с очень маленьким внутренним диаметром (рис. 4, *7, 8*).

Огромное большинство перстней с диаметром в пределах 16—20 *мм* более или менее соответствует средней толщине женского пальца и не вызывает сомнения в их истинном назначении. Перстней с большими (мужскими) диаметрами, в пределах 25 *мм,* очень мало. Кольца, которые по размерам диаметра (8—14 *мм*) совершенно невозможно надеть на палец, могли служить подвесками к ожерельям или просто бусами. В некоторых случаях эти маленькие кольца, а также иногда встречающиеся кольца с большим диаметром могли использоваться как украшения женского головного убора вместо височных колец. Не исключена также возможность, что малые кольца иногда носили на втором суставе пальца (а не на третьем, как обычно), как это показано на рис. 6 и 7, воспроизводящих статуи XV в.

[35] Ср. J. Olczak. Warsztat szklarski..., стр. 229.

В. Л. ЯНИН

О ДАТИРОВКЕ ВРАТ СУЗДАЛЬСКОГО СОБОРА

Западные и южные врата Суздальского собора принадлежат к числу шедевров русского прикладного искусства домонгольского времени. Выполненные золотой наводкой по меди, они также являются одним из замечательных памятников русского технического мастерства. Поэтому особый интерес к ним исследователей понятен и закономерен. Суздальские врата давно уже прочно вошли в круг первоклассных памятников древнерусского искусства. Они много раз описаны и воспроизведены частично и целиком, а посвященная им литература насчитывает около двух десятков названий.

Несмотря на это, Суздальские врата до сих пор остаются почти не изученными. Используемые искусствоведами и историками техники, они пока не привлекли должного внимания историков и археологов. Главная исходная проблема изучения исторического памятника — проблема его датировки — для Суздальских врат до сегодняшнего дня остается в высшей степени дискуссионной.

Впервые Суздальские врата были изданы более ста лет тому назад и отнесены издателями ко времени перестройки Богородице-Рождественского собора епископом Геннадием в 1528 г.[1]. Эта дата не была обоснована ни стилистически, ни технически и не привилась в литературе совершенно так же, как и сообщенная Ананией Федоровым легенда о привозе врат из Корсуня Владимиром Святославичем[2]. Никак не была обоснована и предположительная датировка врат XIII—XIV вв., предложенная Ф. И. Буслаевым[3].

Первая попытка научной датировки памятника была предпринята Н. П. Кондаковым. Основываясь на анализе сюжетов апокрифического характера, помещенных на западных вратах собора, и главным образом на анализе изображения Покрова, Н. П. Кондаков пришел к выводу о том, что врата не могли быть исполнены ранее второй половины XII в. С другой стороны, сюжеты южных врат — деяния архангела Михаила — дали исследователю повод связывать их сооружение с деятельностью соименного князя. «Нет сомнения,— писал Н. П. Кондаков,— что эта дверь сооружена каким-либо князем Михаилом или же городом в честь и ради князя этого имени»[4]. Отыскивая этого князя, Н. П. Кондаков назвал единственно возможного претендента из числа владимиро-суздальских князей XII—XIII вв.— Михаила Ярославича Хоробрита, сидевшего на владимирском столе несколько месяцев в 1248 г. Стилистическая близость южных и западных врат позволила Н. П. Кондакову датировать

---

[1] Древности Российского Государства, отд. VI, М., 1853, стр. 70—71, табл. 30, 31.

[2] Временник ОИДР, кн. 22. М., 1855, стр. 43—44.

[3] Ф. И. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. Сборник на 1866 г., изд. Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, отд. 1, стр. 72—73; его же. Сочинения, т. I, СПб., 1908, стр. 132—139.

[4] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПб., 1899, стр. 72.

и те и другие первой половиной XIII в. с отнесением южных дверей к 1248 г.[5].

Эта датировка получила признание последующих исследователей и безраздельно господствовала в литературе на протяжении нескольких десятков лет[6]. Датами Н. П. Кондакова оперировали все исследователи, за исключением А. И. Соболевского, который, хотя и не присоединился к конкретным датировкам своих предшественников, однако значительно усилил аргументацию Н. П. Кондакова палеографическим анализом надписей, определенных им XII—XIII вв.[7].

Уже отмеченная близость южных и западных врат привела к тому, что исследователи не разделяли оба памятника по времени. Лишь изредка под впечатлением аргументации Н. П. Кондакова и без дополнительных исследований западные врата признавались несколько более старыми. В. Т. Георгиевский относил их к рубежу XII—XIII вв.[8], А. И. Некрасов полагал, что они сооружены при перестройке собора в 1222 г.[9] или же при отделке перестроенного собора в 1233 г.[10].

Последним серьезным и несомненно самым значительным исследованием о дате Суздальских врат была опубликованная в 1945 г. статья Е. С. Медведевой[11], подвергаемая ниже подробному разбору.

Е. С. Медведева подвергла критике исходный пункт построений Н. П. Кондакова о связи изображенных на вратах деяний архангела Михаила с именем князя Михаила, показав, что патронат архистратига Михаила был на Руси общекняжеским[12]. Близость изображений на Суздальских вратах с рельефами Суздальского собора 1222—1225 гг., с фресками Суздальского собора 1230—1233 гг., с рельефами Юрьев-Польского собора 1230—1234 гг. позволила ей, не вынося датировку за пределы первой половины XIII в., связывать Суздальские врата со временем деятельности детей и непосредственных преемников Всеволода Большое Гнездо, т. е. с периодом, предшествовавшим монгольскому нашествию[13].

* * *

Как южные, так и западные двери Суздальского собора, однородные в конструктивном отношении, снабжены широким вертикальным валиком, прикрывающим щель между створками закрытых врат. Этот валик в обоих случаях несет на себе изображения святых, не связанных сюжетно с изображениями на створках дверей.

На валике западных врат вертикально (сверху вниз) изображены в пояс следующие святые: Николай Мирликийский, Василий Кесарийский, Дмитрий Солунский, Митрофан — патриарх Константинопольский, Иоанн Златоуст, Феодор.

На валике южных врат в том же порядке расположены: Георгий, Дмитрий Солунский, Феодор, еще раз Феодор, мученик Нестор, мученик

---

[5] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 72—74.

[6] Суздаль и его достопамятности. Владимир, 1912, стр. 19; Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 181; В. Т. Георгиевский. Владимир, Суздаль, Переяславль Залесский. СПб., 1913, стр. 38—39; М. Достоевский. Суздаль. М., стр. 24; А. И. Некрасов. Тверские врата Александровой слободы. Тр. СА РАНИОН, т. I, М., 1926, стр. 78; его же. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 135.

[7] А. И. Соболевский. Медные врата. Сб. «Русская икона», т. I, СПб., 1914, стр. 61. Дата А. И. Соболевского принята и А. С. Орловым. См. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 51—52.

[8] В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 103.

[9] А. И. Некрасов. Тверские врата Александровой слободы, стр. 78.

[10] Его же. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 135.

[11] Е. С. Медведева. О датировке врат Суздальского собора. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 106—111.

[12] Там же, стр. 107—108.

[13] Там же, стр. 107.

Евстафий, мученики и безмездники Кир и Иоанн, пророк Даниил и три отрока — Анания, Азария, Мисаил.

Е. С. Медведева впервые правильно истолковала эти изображения как патрональные, раскрывающие имена заказчиков врат, и предложила следующее их истолкование.

Западные врата

Николай — ?	Дмитрий — Дмитрий-Всеволод Юрьевич
Василий — Василий-Владимир Мономах	Митрофан — епископ Митрофан
Георгий — Георгий-Юрий Всеволодович	Иоанн — ?
	Федор — Федор-Ярослав Всеволодович

Значение изображений Николая и Иоанна неясно. Изображение Василия могло быть помещено в память о первом строителе Суздальского собора Владимире Мономахе. Юрий Всеволодович родился в 1189 г.; великим князем был с 1212 г. до смерти в 1238 г.; при нем перестроен Суздальский собор (1222—1225 гг.), при нем же он и украшен (1230—1233 гг.). Всеволод Юрьевич — старший сын, родившийся в 1213 г. и умерший в 1238 г. Митрофан был епископом Владимирским, Суздальским и Переяславским в 1227—1238 гг. Ярослав Всеволодович — брат великого князя Юрия, родившийся в 1190 г. и умерший в 1246 г. Сочетание всех этих дат позволяет ограничить рамки сосуществования перечисленных деятелей 1227—1238 гг., что и дает Е. С. Медведевой основание связывать постройку западных врат с периодом украшения собора в 1230—1233 гг. [14].

Южные врата

Георгий — Георгий-Юрий Всеволодович	Кир — ?
Дмитрий — Дмитрий-Всеволод Юрьевич	Иоанн — ?
Феодор — Феодор-Ярослав Всеволодович	Даниил — ?
Феодор — Феодор Ярославич	Анания — ?
Нестор — ?	Азария — ?
Евстафий — ?	Мисаил — ?

В первых трех изображениях повторяются те же имена, что и на западных вратах: Юрий Всеволодович (1189—1238 гг.), Всеволод Юрьевич (1213—1238 гг.), Ярослав Всеволодович (1190—1246 гг.). Четвертое изображение — патрональное для старшего сына Ярослава Всеволодовича Федора, родившегося в 1219 г. и умершего в 1233 г. Изображения мучеников, пророка Даниила и отроков не расшифрованы исследователем. Даниила и отроков Е. С. Медведева склонна связывать с изображением деяний ангелов на створках врат, а в мучениках видеть святых, связанных с днями семейных праздников князей-заказчиков или же с соименными, но неизвестными летописцу членами княжеского семейства [15]. Сочетание дат деятельности определенных лиц позволило Е. С. Медведевой определять постройку и западных и южных врат одной датой — 1230—1233 гг. «Вернее всего предположить,— пишет исследователь,— что ко времени внутреннего украшения собора (1230—1233 гг.) относится „построение“ и южных и западных врат собора. Ввиду их технической и стилистической близости, можно думать, что они сделаны одновременно или одни вслед за другими, возможно одной артелью мастеров» [16].

Мы видим, что избранный Е. С. Медведевой путь чрезвычайно последователен и приводит к плодотворным выводам. Предложенные ею даты

---

[14] Е. С. Медведева. Ук. соч., стр. 109—110.

[15] Там же, стр. 109. Е. С. Медведева делает также неаргументированные предположения о связи изображений Нестора и Иоанна с патронатом одноименных суздальских епископов XII в.

[16] Е. С. Медведева. Ук. соч., стр. 110.

в настоящеее время пользуются всеобщим признанием и постоянно упоминаются в литературе [17].

На первый взгляд, единственный недостаток изложенной аргументации заключается в ее незавершенности, в обилии пробелов, необъясненных или непонятных мест. Однако этот недостаток оказывается более серьезным, так как любая попытка осмыслить факты, оставленные без объяснения, наталкивается на противоречие с выводом автора.

Рассмотрим прежде всего изображения западных врат. Если допустить, что на второе место помещено патрональное изображение Владимира Мономаха, как первого строителя собора, то что же может означать помещение на первом месте Николая? Если это был князь и предшественник Мономаха, то относить его возможно лишь к XI или началу XII в., т. е. ко времени, когда русская княжеская семья насчитывала двух Николаев — Николая-Святослава Ярославича (1027—1076 гг.) и Николая-Святослава Давидовича Святошу (около 1080—1143 гг.). Оба этих князя никакого отношения к Суздалю не имели. Предполагать здесь патрональное изображение Николая, митрополита Киевского (1102—1104 гг.) вряд ли можно, так как он, хотя и был современником деятельности Владимира Мономаха, однако занимал митрополичью кафедру, когда Мономах еще не был киевским князем. Ростовский епископ Николай также не может здесь подразумеваться, так как на Ростовской епархии он был только несколько дней в 1183 г. и был вынужден ее оставить после протестов Всеволода. Да и почему бы ему оказаться на первом месте?

Также непонятно и изображение Иоанна, попавшее между изображениями патронов суздальского епископа и брата великого князя. Среди суздальских князей первой половины XIII в. было два Ивана, но один из них — младший брат Ярослава Всеволодовича, а другой Всеволод Константинович — племянник великого князя и Ярослава Всеволодовича. Иными словами, ни один из них не мог быть помещен выше Ярослава Всеволодовича, патрональное изображение которого, по Е. С. Медведевой, стоит на последнем месте. Не было в Суздале в начале 1230-х годов и епископа с именем Иоанн.

Что касается южных врат, то здесь трудностей в истолковании изображений еще больше. Летописцу известны почти все крестильные имена членов суздальской княжеской семьи первой половины XIII в., а князей с неизвестными именами во много раз меньше, чем неистолкованных изображений. Предполагать, что большинство изображений южных врат связано с патронатом каких-либо суздальских церковных деятелей начала 30-х годов XIII в., нельзя, так как на южных вратах отсутствует патрональное изображение главы суздальской епархии епископа Митрофана.

Все эти противоречия не могут быть разрешены, пока мы остаемся в рамках схемы, предложенной Е. С. Медведевой. Более того, есть основания думать, что в ее построениях заключен серьезный методический порок, существование которого станет очевидным, коль скоро мы обратимся к способам изображения патроната на памятниках домонгольской сфрагистики, торевтики и т. д.

Обычно княжеский патронат выражался при помощи не единичного, а парного изображения святых, тезоименитых заказчику и его отцу, что вполне соответствует способам изображения княжеского имени в древних письменных памятниках, где оно, как правило, передается уважительно, с отчеством. Валики суздальских врат разделены рельефными линиями рамы дверей на вертикальные отрезки, в которых помещается как раз по два изображения святых. Это позволяет думать, что и здесь патронат вы-

[17] Н. Н. Воронин. Памятники владимирско-суздальского зодчества XI—XIII вв. М.—Л., 1945, стр. 69; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 326—327; его же. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 436; В. Н. Лазарев. Живопись Владимирско-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 480, 484.

ражен парными изображениями, а следовательно, в поисках соответствий изображений тем или иным деятелям нужно анализировать не одиночные, а парные сюжеты.

Рассмотрим парные изображения западных дверей. Здесь изображено семь святых (последний не сочетается со вторым изображением): 1) Николай — Василий; 2) Георгий — Дмитрий; 3) Митрофан — Иоанн; 4) Феодор.

Первая пара святых может быть патрональным изображением князя, носившего крестильное имя Василий Николаевич. Обратная композиция — Николай Васильевич — исключена, так как вряд ли патрон отца мог быть помещен ниже патрона сына. Русскому летописанию князь Василий Николаевич неизвестен, однако такой князь известен сфрагистике, где указанное сочетание имен неповторимо и принадлежит суздальскому князю Ярополку Ростиславичу [18].

Ярополк Ростиславич, внук Юрия Долгорукого от его старшего сына, впервые упомянут летописцем под 1162 г., когда его изгнал из Суздаля стремившийся к единовластию Андрей Боголюбский [19]. В 1174 г. он был послан Михалко Юрьевичем оборонять Киев от Ростиславичей и взят последним в плен [20]. В 1175 г. Ярополк призван суздальцами на княжение, но вынужден уступить Суздаль Михалко [21]. В том же году он захватывает Владимир и изгоняет Михалко, однако в 1176 г. терпит от Михалко поражение [22]. В 1177 г. Ярополк воюет с великим князем Всеволодом, захвачен им в плен и ослеплен вместе с братом, однако эта «слепота» оказывается политической спекуляцией, и, быстро «прозрев», Ярополк княжит в Торжке и Новгороде до 1178 г.[23]. В 1180 г. он участвует в походе на Всеволода, снова садится на княжение в Торжке, откуда делает набеги на владения суздальского великого князя. В 1181 г. Всеволод осаждает его в Торжке и, пленив, увозит во Владимир [24]. Дальнейшие сведения о нем теряются. Лишь под 1196 г. летописец сообщает об изгнании Ярополка черниговским князем из своих владений по требованию Всеволода [25].

Вторая пара святых — Георгий и Дмитрий — вполне соответствует патрональному изображению князя Дмитрия Георгиевича. Именно так в крещении звали Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, родившегося в 1154 г. и бывшего великим князем с 1177 г. до смерти в 1212 г.

Третья пара святых — Митрофан и Иоанн — весьма необычна и, как мы постараемся показать, имеет несколько отличный от предыдущих пар характер. Имя Митрофан не принадлежит к числу княжеских имен, оно может быть только именем духовного лица. Но в то же время мы не можем принять предположения Е. С. Медведевой о соответствии изображения Митрофана суздальскому епископу Митрофану, так как к 1227 г., когда Митрофан получил кафедру, ни Ярополка, ни Всеволода уже не было в живых. Однако связь разбираемой пары с деятелями церкви очевидна. Попытаемся подойти к этой паре изображений, как к обычному парному выражению патроната. Тогда патроном заказчика окажется не Митрофан, а Иоанн. Обратившись к списку суздальских епископов времени Всеволода III, мы обнаружим в нем духовника Всеволода епископа Иоанна, получившего Ростовско-Суздальскую кафедру в 1190 г. и отка-

---

[18] См. В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62. М., 1956, стр. 9—10.

[19] ПСРЛ, т. II, СПБ., 1843, стр. 91; т. VII, СПб., 1856, стр. 76.

[20] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 155; т. II, стр. 108, 314; т. IV, СПб., 1848, стр. 13; т. V, стр. 164; т. VII, СПб., 1856, стр. 88.

[21] ПСРЛ, т. I, стр. 158; т. II, стр. 116; т. VII, стр. 90.

[22] ПСРЛ, т. I, стр. 160; т. II, стр. 118, 316; т. VII, стр. 92, 234.

[23] ПСРЛ, т. II, стр. 317; т. III, стр. 17; т. IV, стр. 15; т. V, стр. 167; т. VII, стр. 95, 234, 242, 253.

[24] ПСРЛ, т. III, стр. 18; т. IV, стр. 16; т. V, стр. 168; т. VII, стр. 96.

[25] ПСРЛ, т. II, стр. 150.

завшегося от нее в 1213 г., сразу же после смерти Всеволода [26]. Если наши предположения о парном изображении патроната и в этом случае верны, то под Митрофаном должен подразумеваться, разумеется, старший по сану архиерей, которым мог быть или константинопольский патриарх, или киевский митрополит, или же новгородский архиепископ. Ни в списке константинопольских патриархов, ни в списке киевских митрополитов к XIII веку нет имени Митрофана, однако именно это имя носил современник суздальского епископа Иоанна новгородский архиепископ, занявший кафедру в 1199 г. и изгнанный с нее в 1211 г. Вторично он был архиепископом в 1220—1223 гг., но этот период его деятельности для нас уже не важен.

Выражение иерархического старшинства новгородского владыки над ростовским епископом, на наш взгляд, вполне закономерно. В те периоды, когда новгородский стол занимали князья суздальского дома, сближение епископий было бесспорным. В частности, известно, что в 1148 г. суздальский собор святил «великим священием» новгородский епископ Нифонт, которого летописец упорно называет архиепископом [27]. Ко времени архиепископства Митрофана в Новгороде как раз относится период очередного сближения новгородской церкви с суздальской. При Митрофане в Новгороде сидят суздальские князья, дети Всеволода: Святослав (1199—1205 гг.), Константин (1205—1209 гг.), опять Святослав (1209—1210 гг.). Самый перерыв в политической карьере Митрофана, приходящийся на 1211—1220 гг., совпадает с приходом к власти Мстислава Удалого и разрывом союза с Суздалем.

Сопоставление дат деятельности трех заказчиков западных врат — Ярополка, Всеволода и епископа Иоанна — с датами деятельности новгородского архиепископа Митрофана позволяет датировать эти врата 1199—1211 гг. Однако это сопоставление дает не только дату. Мы видим, что на вратах рядом стоят имена двух непримиримых политических противников, всю жизнь боровшихся друг с другом,— Ярополка и его племянника Всеволода III. Сооруженные по окончании политической карьеры Ярополка (после 1196 г. летописец вообще не интересуется им), западные врата, таким образом, являются памятником примирения Ярополка с Всеволодом, возможным вкладом Ярополка в собор по случаю этого примирения. Изображения на вратах дополняют летопись, сообщая новые факты о последнем периоде жизни этого интереснейшего деятеля русской политической истории XII в.

По-видимому, внутри предложенного периода 1199—1211 гг. предпочтительная дата сооружения западных врат падает на начало этого периода — рубеж XII—XIII вв.

Чрезвычайно интересно последнее, непарное изображение валика западных врат. В отличие от всех предшествующих, оно передает имя без отчества. Можно предполагать, что в нем заключено имя художника, выразившего свой патронат более уничижительно в сравнении с княжеским и епископским, так как в указанный период среди князей и духовных лиц не находится ни одного Феодора, способного претендовать на патрональное изображение на вратах.

Применяя тот же принцип к изображениям валика южных врат, мы в первых двух парах святых видим патрональные изображения князей, носивших крестильные имена Дмитрий Георгиевич и Федор Федорович. Первое имя в начале XIII в. носили два князя: Всеволод III Большое Гнездо и его внук Всеволод Юрьевич (1213—1238 гг.). Второе имя может принадлежать только одному князю — старшему сыну Ярослава-Федора Всеволодовича — Федору. Князь Федор Ярославович родился в 1219 г. В 1228 г. он вместе с братом Александром был оставлен на новгородском

[26] ПСРЛ, т. I, стр. 172, 185; т. VII, стр. 119.

[27] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 28.

княжении Ярославом, но был увезен дядькою к отцу ввиду начавшейся смуты. В 1230 г. братья-княжичи снова были посажены в Новгороде, однако спустя три года, в 1233 г., Федор внезапно умер во время приготовлений к свадьбе. «И кто не пожалует сего,— пишет летописец,— сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны; и бысть в веселия место плачь и сетование за грехы наши»[28].

Годы жизни Федора Ярославича (1219—1233) позволяют сделать выбор и между двумя Всеволодами, имевшими одинаковые патрональные изображения. Вне всякого сомнения, на валике южных врат изображены патроны Всеволода IV (1213—1238 гг.), а не Всеволода Большое Гнездо. Казалось бы, что эти два изображения заставляют присоединиться к выводу Е. С. Медведевой относительно даты южных врат, однако все последующие изображения опровергают возможность объявлять южные врата заказом Всеволода и Федора.

Обратившись к этим изображениям, мы увидим среди них святых с редчайшими именами. Такие имена, как Нестор, Анания, Азария, Мисаил, совершенно не употреблялись как княжеские; другие — Кир, Иоанн, Евстафий, Даниил — почти не употреблялись. К тому же, как уже отмечено, в составе суздальской княжеской семьи начала 1230-х годов, да и всей первой половины XIII в., нет такого количества князей с неизвестными крестильными именами, чтобы можно было думать о соответствии этих изображений князьям. С другой стороны, отсутствие среди этих изображений Митрофана, патрона суздальского епископа начала 1230-х годов, не позволяет связывать необъяснимые изображения и с именами каких-либо суздальских духовных лиц той поры. Можно думать, что в этом необычном подборе изображений святых заключена не патрональная, а иная общая идея, попытка осмысления которой и предлагается здесь читателю.

Восемь последних необычных изображений композиционно и логически подразделяются на две группы. Первую составляют изображения мучеников Нестора, Евстафия, Кира и Иоанна, вторую — изображения Даниила и трех отроков. Обе эти группы, по существу, уже связаны общей идеей мученичества и торжества над мучениями. Эта связь между всеми восемью изображениями по смыслу теснее, чем предполагаемая Е. С. Медведевой связь изображений Даниила и отроков с ангельскими деяниями, а композиционно сюжеты, помещенные на валике, неразрывны. Однако вся эта композиция оказывается тесно связана и с верхними изображениями валика. Оба князя, названные в них, в глазах современников были несомненно князьями-мучениками. Федор Ярославич скончался в разгар приготовлений к собственной свадьбе четырнадцатилетним мальчиком. Всеволод Юрьевич в возрасте 25 лет был зарезан на глазах владимирцев Батыем, «не пощадившим уности его». Если это так, то дата сооружения южных врат должна быть отнесена ко времени после 1238 г., когда был убит Всеволод.

Действительно, некоторые наблюдения подтверждают этот предположительный вывод. На валике южных врат изображены четыре мученика и четверо святых, восторжествовавших над мучителями. Это число четыре, равно как и изображение отроков, находит осмысление в истории суздальского княжеского дома первой половины XIII в. Татарское нашествие в 1238 г. привело к гибели именно четырех суздальских князей: великого князя Юрия Всеволодовича, погибшего в битве на Сити, и его сыновей Всеволода Юрьевича, зарезанного перед Батыем, Мстислава и Владимира, двадцатилетних погодков, убитых татарами под стенами Владимира.

Вполне закономерно поэтому предположение, что в образе Даниила и трех отроков изображены погибший великий князь и трое его юных сыно-

[28] Новгородская первая летопись..., стр. 72, 282.

вей, а в образе четырех мучеников — Федор Ярославич и трое убитых татарами братьев. Думается, что великий князь Юрий не мог претендовать на место в ряду мучеников, так как он погиб в битве, в отличие от своих сыновей, вероломно умерщвленных татарами [29].

Мы не упоминаем здесь погибших от руки татар детей князя Константина, который хотя и принадлежал к потомству Всеволода Большое Гнездо, но уже не относился к числу суздальских князей. «Большое Гнездо» времени татарского нашествия потеряло именно четырех членов.

Если все эти предположения правильны, постройку южных врат Суздальского собора следует относить ко времени после 1238 г., датируя их, по крайней мере, тридцатью годами позднее западных врат. Сооружение этих врат правильнее всего связать с деятельностью нового великого князя Ярослава Всеволодовича. Тот подбор святых, которым начинается ряд изображений на валике южных врат, мог быть составлен только Ярославом Всеволодовичем. Первые места в этом ряду заняты патрональными изображениями старших сыновей погибшего великого князя Юрия и нового великого князя Ярослава, т. е. тех князей, один из которых по праву иерархического старшинства должен был княжить до Ярослава, а другой был бы его непосредственным преемником.

Следует особо отметить, что идея мученичества и торжества над мучителями, переданная в изображениях на южных вратах, оказывается лишь частью общей художественной композиции памятника. Вместе с сюжетами деяний архистратига Михаила, традиционного покровителя русской княжеской семьи, она пропагандирует идею нерушимости княжеской власти в годину самых тяжелых для Руси испытаний. Сами же врата, таким образом, были сооружены как мемориальный памятник событий мрачного 1238 г.

На основании всех этих наблюдений мы решаемся датировать южные врата Суздальского собора концом 1230-х годов.

---

[29] Сообщенная летописцем дата рождения Всеволода Юрьевича — 23 октября 1213 г.— близко совпадает с днем празднования мученика Нестора (27 октября). К сожалению, сведения о днях рождения остальных князей из числа особо нас интересующих в летописи отсутствуют.

С. С. ЧУРАКОВ

ПОРТРЕТЫ ВО ФРЕСКАХ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ

1

Чтобы подойти непосредственно к теме нашей статьи, мы должны начать с некоторого необходимого вступления.

В русских стенописях XII—XVII вв. в композиции «Страшного суда» по левую сторону от Христа изображались предстоящие суду «народы» [1]. Их отличительные признаки художники выражали главным образом в их костюмах, а иногда и в типах лиц. Это была тема, в которой более, чем где-либо, могли быть отражены реальные наблюдения художника над окружающей жизнью. В этом отношении замечательны фрески XVII в. Ярославля, Романова-Борисоглебска (Тутаева), Ростова и др. Здесь особенно интересны изображения представителей народов Западной Европы, голландцев и отчасти англичан, с которыми в XVII в. русские вели оживленную торговлю. Они представлены чрезвычайно реалистично: бритые, с подстриженными усами или бородами, при шпагах, в высоких шляпах, в куртках с кружевными воротниками и манжетами, в коротких штанах, ботфортах или чулках и туфлях. Рядом с ними обычно изображены и их жены (рис. 1).

На более ранних изображениях «Страшного суда» место голландцев занимают представители других народов, с которыми были знакомы тогда русские. В этом отношении исключительно интересна фреска «Страшный суд» кисти Дионисия в росписи собора Ферапонтова монастыря (рис. 2) [2]. Из восьми представленных здесь «народов» целиком сохранились семь, у трех уцелели и определяющие их надписи.

Впереди справа изображены евреи; от этой группы остались лишь незначительные фрагменты. Впереди слева — греки. Их лица очень выразительны (особенно типична голова с темной бородкой), характерны их круглые белые шляпы с поднятыми кверху полями.

Над следующими двумя группами ближнего плана надписи не сохранились (рис. 3). Судя по костюмам, это восточные народы. Для народа первой группы характерны белые, фригийского типа колпаки; пожилой мужчина с бородой одет в полосатый с орнаментом по диагонали халат с

---

[1] Возможно, что изображение «народов» в сцене «Страшного суда» появилось в русском искусстве и раньше росписи Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, расписанного в 1420-х годах Даниилом Черным и Андреем Рублевым, но именно с нее эта тема получила у нас особое развитие. Хотя эта композиция была уничтожена при возобновлении росписи в 1635 г., фреска XVII в., сменившая древнюю, фрагментарно сохранилась. Близость ее построения к ферапонтовской композиции «Страшного суда» свидетельствует, что мастера XVII в. сохранили основную схему рублевской композиции и что последняя послужила «образцом» для росписи Дионисия. По-видимому, рублевской композиции подражали и мастера, расписывавшие в начале XVI в. московский Успенский собор, как об этом можно судить по дошедшей до нас фреске 1642—1643 гг., возобновлявшей старую.

[2] В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 110—111.

Рис. 1. «Немцы» — голландцы (деталь фрески «Страшный суд» в церкви Спаса на Сенях 1675 г. в Ростовском кремле)

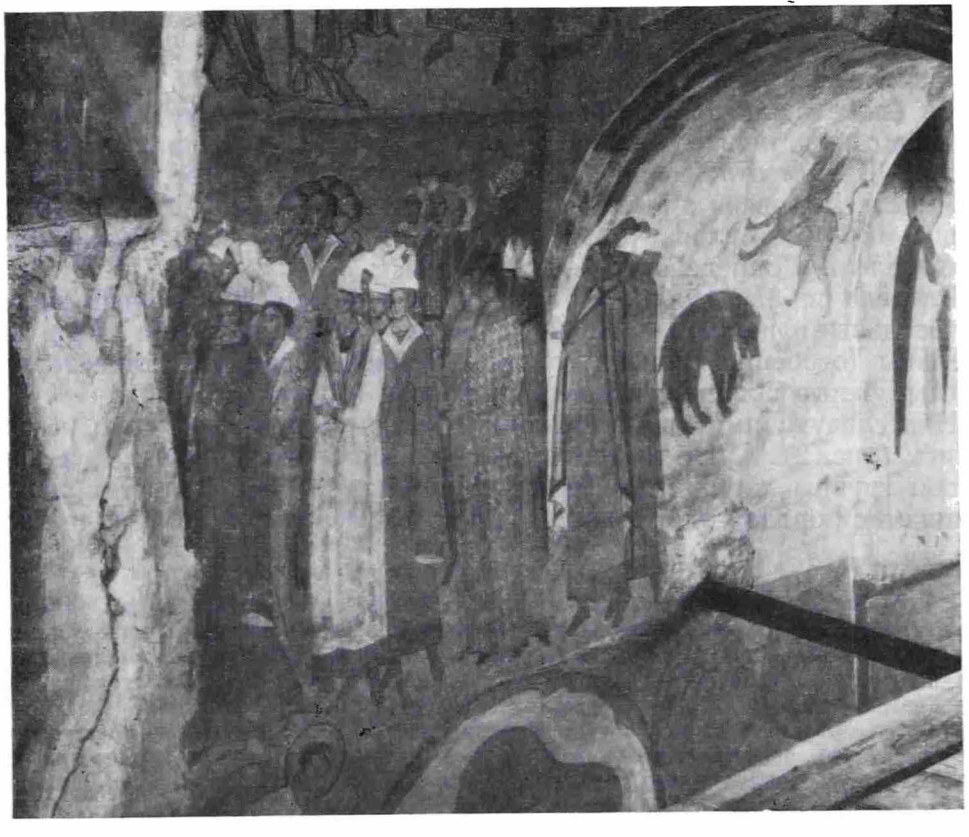


Рис 2. Дионисий. «Народы» (фрагмент композиции «Страшный суд» Ферапонтова монастыря)

отворотами. Это скорее всего «кизилбаши» — персы, обычно изображавшиеся в композициях «Страшного суда» XVII в. в полосатых одеждах. В двух безбородых фигурах второй группы в пестрых длинных одеждах восточного характера, без оторачивающей их по низу каймы, и в темных шлемовидных шапках можно было бы предполагать татар. Такие шапки

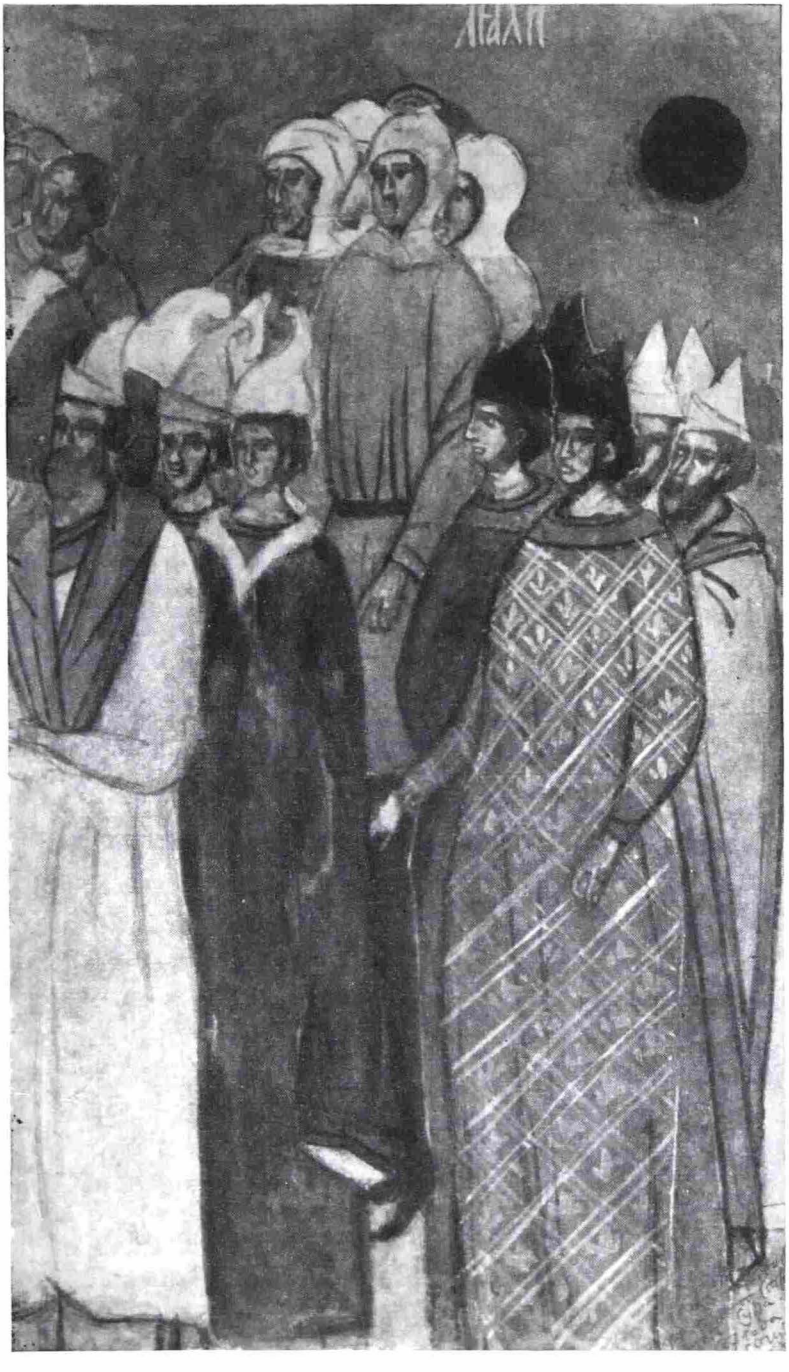


Рис. 3. Часть фрески с изображением «народов» (с копии автора)

они имеют в одном из клейм иконы «Митрополит Алексей с житием», написанной, судя по стилю, Дионисием [3]. Однако на ферапонтовской фреске это, по-видимому, угры, как можно догадываться по плохо сохранившимся фрагментам надписи «угри» (следы надписи видны на негативе ГТГ 1910—1911 гг., на фреске же они не сохранились). Угров (венгров) Дио-

[3] В. Борин. Две иконы новгородской школы XV в. св. Петра и Алексия, митрополитов московских. «Светильник», 1914, № 4, стр. 23—32.

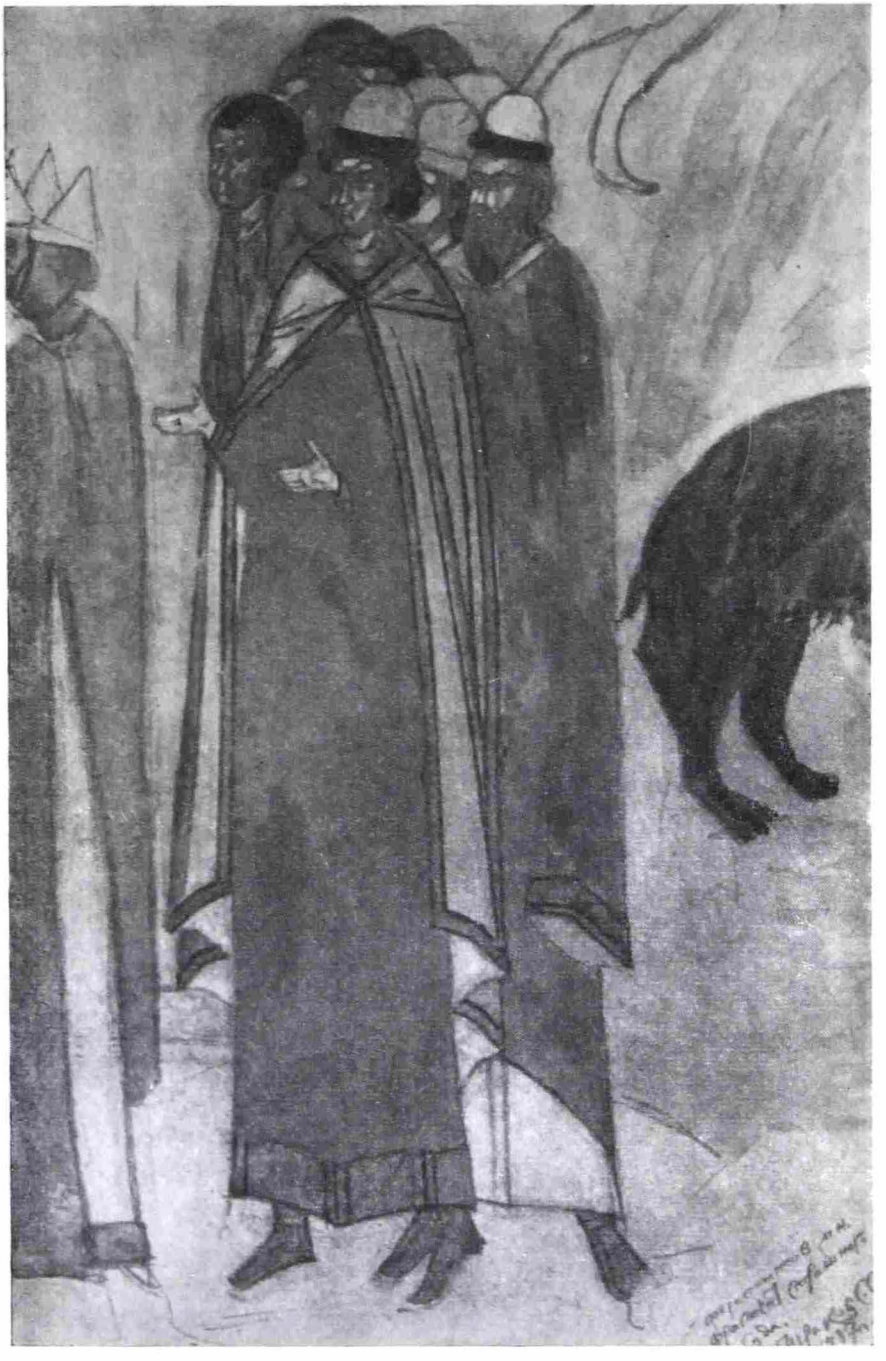


Рис. 4. Дионисий. «Русь» (фрагмент фрески «Страшный суд»; с копии автора)

нисий мог видеть в натуре: венгерское посольство было в конце XV в. в Москве [4].

Последними в ряду других, как удостоверяет надпись, изображены русские (рис. 4). Две передние фигуры — молодой человек со слегка вздернутым кончиком носа, в длинной исподней одежде, плаще, круглой шапке с меховой опушкой, и пожилой мужчина с бородой, в такой же шапке и в шубе с длинными откидными рукавами; это князья или бояре. Выдвинувшийся вперед слева простоволосый юноша напоминает, скорее, «блаженных» нищих, вроде Прокопия Устюжского. Здесь уже проявился

[4] С. М. Соловьев. История России, изд. II, т. V, кн. I, М., стб. 1471—1473.

Рис. 5. Дионисий. Медведь (фрагмент фрески «Страшный суд»)

характерный для позднейших композиций «Страшного суда» второй половины XVII в. интерес художников к социальному делению изображаемых православных христиан на царей, бояр, патриархов, монахов и простолюдинов, но без деления на отдельные «народы». В характере лиц и в одеждах русских сказалось больше реальных черт, чем в характеристике других народов. Образ Руси хорошо дополняет изображенная рядом фигура медведя (символ персидско-мидийского царства видения пророка Даниила; рис. 5), поражающая своим редким реализмом. Живость передачи характерных черт свидетельствует об удивительной зрительной памяти Дионисия.

В верхнем ряду ферапонтовской фрески изображены представители двух народов. Справа — «ляхи», что удостоверяет хорошо сохранившаяся надпись. Типы их лиц и костюмы своеобразны. Центральная фигура одета в рубашку цвета темной охры, подпоясанную ремнем; видна и нога, обтянутая по ступню коричневой тканью. Это, несомненно, человек Запада и, по-видимому, рыцарь. Бритые лица ляхов имеют продолговатый овал. Существенно, что, в противоположность более «мирному» характеру

Рис. 6. «Немцы» и «ляхи» (деталь иконы «Страшный суд»: вторая полов. XVI в.; ГТГ)

изображений ляхов на иконе «Страшного суда» второй половины XVI в. [5] (рис. 6), одетых в богатые одежды мирян, ферапонтовские ляхи — явно воины, хотя и безоружные. Эта особенность становится понятной, если вспомнить, что 14 июля 1499 г. (по другим источникам — 1500 г.) московские полки одержали знаменитую победу над литовско-польской армией в битве на р. Ведроши. В плен попал сам князь Константин Острожский и многие другие «воеводы и гетманы и панские дети»; 17 июля пленных пригнали в столицу и «бысть тогда радость велия на Москве» [6]. Дионисий мог видеть пленных в Москве или Вологде, куда пленные воеводы были вслед за тем сосланы [7]. Если Дионисий, изобразил их такими, какими он их видел в момент их привода в Москву, то странные «платки» на головах ляхов можно объяснить тем, что пленники были лишены вооружения и доспехов и могли иметь на головах только подшлемники [8].

Отмеченные нами реальные черты в изображении «народов» на фреске Дионисия указывают на острую наблюдательность художника и точность его зрительной памяти. Вспомним отзыв современника о Дионисии и его художественной артели, указывавшего, что это были «изящные и хитрые в Русской земле иконописцы, паче же рещи живописцы (разрядка моя.— *С. Ч.*)» [9] Теперь перейдем непосредственно к теме нашей заметки [10].

2

У «народа», изображенного на фреске Дионисия слева от ляхов, надпись не сохранилась. Здесь представлены три мужские фигуры, отличающиеся от своих соседей индивидуальными чертами (рис.7). У них нет головных уборов, художник подчеркнул их высокие («взлызные») лбы; изображенные на заднем плане головы также лысы. В облике лиц и одежде нет восточных черт. Это не греки, уже изображенные мастером и сопровождаемые надписью. Это люди Западной Европы. Едва ли это немцы. В этом нас убеждает изображение немцев на упомянутой иконе «Страшный суд» XVI в. (см. рис. 6, группа внизу).

Фреска Дионисия и икона отражают различные моменты истории общения Руси с Западной Европой.

Конец XV в., когда жил и работал Дионисий,— время экономического и политического подъема могучего централизованного Русского государства, возглавленного Москвой, эпоха грандиозного строительства Московского кремля. В этом строительстве видную роль играли вызванные московским правительством итальянские зодчие.

В пору строительства Московского кремля Дионисий работал в Москве. Точно известно, что в 1482 г. для построенного Аристотелем Фиораванти Успенского собора «иконник Дионисий да поп Тимофей да Ярец да Коня написали Деисус с праздники и пророки вельми чюден». В том же году им была переписана обгоревшая при пожаре икона Одигитрии «греческого письма» из кремлевской церкви Вознесения: «И написа Деонисий иконник на той же доске в той же образ» [11]. Несомненно, что работа Дио-

[5] Хранится в Государственной Третьяковской галерее.

[6] ПСРЛ, т. VI, М., 1853, стр. 46.

[7] С. М. Соловьев. Ук. соч., стб. 1467.

[8] Посол Тевтонского ордена к Витовту граф Кибург описал в своем дневнике увиденные им в Ковно отряды польско-литовской конницы. Среди них «был еще отряд из людей пожилых с длинными бородами, в темно-серых верхних плащах, с остроконечными капюшонами, которые издали делали их похожими на братьев миноритов, и только разноцветные нижние кафтаны отличали их от францисканцев» (Д. Иловайский. История России, М., 1896, т. II, стр. 181). Может быть, Дионисий и изобразил подобные капюшоны?

[9] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., стр. 26.

[10] Приводимые нами в дальнейшем приурочения «портретных» изображений были указаны в аннотациях к каталогу выставки «Древняя монументальная живопись народов СССР» (М., 1947, стр. 48 и 49).

[11] Русский времянник, т. II, М., 1820, стр. 168; В. Т. Георгиевский. Ук. соч., стр. 25.

Рис. 7. Дионисий. «Фрязины» (фрагмент фрески «Страшный суд»; с копии автора)

нисия в Кремле не ограничилась этими двумя заданиями. Но и они свидетельствуют, что в пору строительства Московского кремля Дионисий был в центре русской художественной деятельности конца XV в. В Москве же он работал, как полагают, и в 90-х годах [12].

Известно, с каким живым интересом относились московские люди к еще незнакомым им представителям иноземного мира. Конечно, они привлекали внимание и самого Дионисия. Не изобразил ли он в рассматриваемой группе «народов» итальянцев? Тип их голов, с тонкими носами с горбинкой и темными волосами, хорошо передает этнический облик людей солнечной Италии. Более того, на ряде портретов итальянских мастеров эпохи Возрождения можно найти близкие типы голов. Если в группе «народов» Дионисий запечатлел виденных им «ляхов» и «угров», руководствуясь своими непосредственными впечатлениями, то изображение им итальянцев, с которыми он постоянно встречался во время совместных работ в Москве, более чем вероятно.

Из всех рассмотренных нами изображений «народов» на ферапонтовской фреске головы людей интересующей нас группы наделены какой-то особой «портретной» заостренностью. Если перед нами действительно «фрязины», то не представил ли Дионисий в своей фреске конкретных, известных нам по летописи мастеров?

Голова передней фигуры очень выразительна: она несколько откинута назад, характерны большой открытый лоб, нос с горбинкой, карие глаза,

---

[12] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., стр. 29—30; В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. История русского искусства, т. III., М., 1955, стр. 489. Есть сведения о том, что Дионисий расписывал в Москве церковь Спаса в Чигасах, заложенную в 1483 г. В 1547 г. при пожаре чудные росписи Дионисия погибли. См. И. М. Карамзин. История государства российского. СПб., 1892. Примечание № 171; М. И. Александровский. Указатель древних церквей в местности Ивановского сорока. М., 1917, стр. 15.

бритое лицо; сжатая рука положена на грудь у горла в очень характерном, полном достоинства жесте. Чье это изображение?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить значение местоположения изображаемой фигуры. Вспомним патриархальный быт древней Руси, с его удельной иерархией князей, местничеством бояр и т. п., а также и религию и связанное с ней искусство. Вспомним также, что, например, в апостольском чине иконостаса святые располагались в зависимости от их значимости ближе или дальше от сидящего в центре Христа. При этом с правой стороны всегда помещался более «значительный» святой. В ферапонтовской композиции «Страшный суд» предстоящие «народы» расположены по тому же принципу: впереди изображены древнейшие исторически известные народы — евреи и греки; при этом евреи помещены справа, как первые познавшие единобожие. Русь же изображена на последнем месте.

На фреске Дионисия передняя с правой стороны группы «фрязинов» фигура является главной. Среди итальянских мастеров ведущим был, бесспорно, Аристотель Фиораванти; именно ему поручили постройку главного храма Москвы, он же руководил и сооружением кремлевской крепости. Не может ли быть интересующая нас фигура «портретом» Аристотеля, сделанным Дионисием по памяти? [13] Дионисий, конечно, много раз видел и, может быть, лично знал и строителей-итальянцев и среди них Аристотеля Фиораванти. Думаем, что Фиораванти не мог не интересоваться художником, который писал иконостас для построенного им собора. Весьма вероятно, что Дионисий видел, как рисовали люди Возрождения, архитекторы-итальянцы, и, может быть, те проблески реализма, которые мы подметили в ферапонтовских фресках, являются в какой-то мере следствием этого общения. Аристотелю Фиораванти во время поездки в Москву было около 60 лет. Хотя лицо передней фигуры и лишено прямых возрастных признаков (бороды, усов и пр.), художник дает понять, что это человек не молодой, умудренный опытом, впечатление чего создают большой открытый лоб и лысый череп.

Помещенная на переднем плане слева от первой фигуры вторая фигура мужчины отличается голубой одеждой с белым, по-видимому, меховым воротником. Может быть, этим особым нарядом Дионисий хотел подчеркнуть иное и особое положение этого лица. Как и у первого «фрязина», у него открытый большой лоб, карие глаза, слегка загибающийся книзу нос; волосы и борода русые. Если исходить из значимости бывших тогда в Москве «фрязинов», то эта фигура изображает Джиованни Баттиста делла Вольпе или «Ивана Фрязина», ездившего в качестве посла в Италию за невестой Ивана III, Софией Палеолог. Это был тип ловкого и беззастенчивого авантюриста, сумевшего расположить к себе царя. Во время обручения с Софией в Риме он представлял Ивана III. Ради выгоды Вольпе принял православную веру; в Риме же он выдавал себя за католика [14]. «Иван Фрязин», называвший себя в Италии великим боярином московским, должен был иметь и внешность, соответствовавшую облику русских бояр, всегда носивших бороду. Этим он должен был отличаться от своих соотечественников — зодчих.

Персонаж, изображенный в группе итальянцев последним, наделен теми же типическими чертами, что и первый. У него также очень выразительное и живое лицо с большим открытым лбом, карими глазами, прямым носом и бритым подбородком. В этом изображении, вероятно, можно видеть главного строителя кремлевских башен и стен Пьетро Антонио Солари. Он приехал в Москву в 1490 г. В это время ему было около 40 лет. Дионисий не мог не видеть этого зодчего, работавшего на строительстве

[13] К моменту работы Дионисия в Ферапонтове Фиораванти уже не было в живых. См. В. Л. Снегирев. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского кремля. М., 1935, стр. 40.

[14] См. С. М. Соловьев. Ук. соч., стб. 1402 и сл.

кремля с 1490 г. и являвшегося по своему значению вторым после Аристотеля Фиораванти мастером. Умер Солари в 1493 г. [15].

Три предполагаемых нами оригинала фрески Дионисия — Фиораванти, Солари и Вольпе — являлись крупными деятелями эпохи Ивана III. К моменту работ Дионисия в Ферапонтове всех их уже не было в живых, и художник мог писать их по памяти. Да и сама идея изобразить этих выдающихся иностранцев «предстоящими Страшному суду» могла появиться лишь после смерти последних, но никак не при их жизни. Конечно, сделанные нами определения персонажей фрески Дионисия не более как вероятная гипотеза.

Следует все же вспомнить, что «портретные» изображения исторических лиц вовсе не были исключением в русском искусстве XV в. Так, на знаменитом саккосе митрополита Фотия (начало XV в.) имеются (конечно, в значительной мере условные) изображения великого князя Василия Димитриевича и его жены Софии Витовтовны [16]. Небольшая икона Кирилла Белоозерского, написанная, по преданию, лично его знавшим Дионисием Глушицким (хранится в Гос. Третьяковской галерее) и размноженная затем в многочисленных копиях, без сомнения, имеет черты портретного изображения [17]. То же можно сказать и о шитом покрове на руку Сергия Радонежского (музей Троице-Сергиевской лавры), где облик Сергия обрел черты лица живого человека [18]. Опись Волоколамского монастыря 1545 г. упоминает две иконы конца XV в. с изображениями на них удельных волоколамских князей Ивана и Федора Борисовичей, выполненных товарищами Дионисия и его детей — Паисием и «Новгородцем» [19].

Высказанная нами гипотеза о «портретных» изображениях Дионисием на ферапонтовской фреске виденных им в Москве итальянцев как будто бы подтверждается наблюдениями над другой его фреской в том же соборе, свидетельствующей, на наш взгляд, об особом интересе к портрету знаменитого художника, вышедшего из среды мирян.

3

На западной стороне юго-западного столпа Ферапонтова собора в своде написана необычная по своему сюжету фреска, не сохранившая объясняющей ее содержания надписи (рис. 8).

В центре композиции изображен стоящий на песчаном холме Христос. По сторонам стоят, судя по иконографическим признакам, московские митрополиты Петр (справа от Христа) и Алексей (слева).

Внизу композиции расположены две группы людей, сидящих по сторонам шестиугольного водоема (рис. 9). С правой стороны водоема сидит сложивший молитвенно руки седенький старичок с небольшой бородкой. Его ноги обнажены выше колен (они почти не сохранились). Сзади спиной к нему сидит пожилая женщина; лицо ее, обращенное к колодцу, изображено в профиль. По другую сторону водоема сидят двое мужчин: передний, с русыми волосами и бородой, рослый и еще молодой человек, другой — совсем юноша.

Фреска иллюстрирует текст XI кондака «Акафиста богоматери»: «Пение всякое побеждается...» [20]. Сличая различные варианты изображения

[15] К. Хрептович-Бутенев. Латинская надпись на Спасских воротах и их творец Петр Антоний Солари. Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 215—228.

[16] С. Бартенев. Московский Кремль, т. II, М., 1916, стр. 61.

[17] Ю. Н. Дмитриев. О творчестве древнерусского художника. ТОДРЛ, т. XIV, Л., 1958, стр. 554 и сл.

[18] История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 202.

[19] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., приложение, стр. 3.

[20] Приводим текст в русском переложении: «Всякие благодарственные песни ничтожны перед множеством щедрот твоих: если и приносим тебе, царь святой, равные числом песку хвалебные песни, то ничего не совершает равного с тем, что ты дал нам, вопиющим славу тебе».

Рис. 8. Дионисий. Фреска «Пение всякое побеждается»

XI кондака русскими художниками XVI—XVII вв., нельзя не отметить необычное решение данного сюжета у Дионисия и вообще большую творческую свободу в трактовках данной темы.

В болгарской псалтыри Томича (XIV в.), хранящейся в отделе рукописей ГИМ, XI кондак изображался так: в центре вверху композиции изображение благословляющего обеими руками Христа, внизу предстоящие ему в молебных позах четыре группы святых, справа преподобные и святители, слева мученики и преподобные жены.

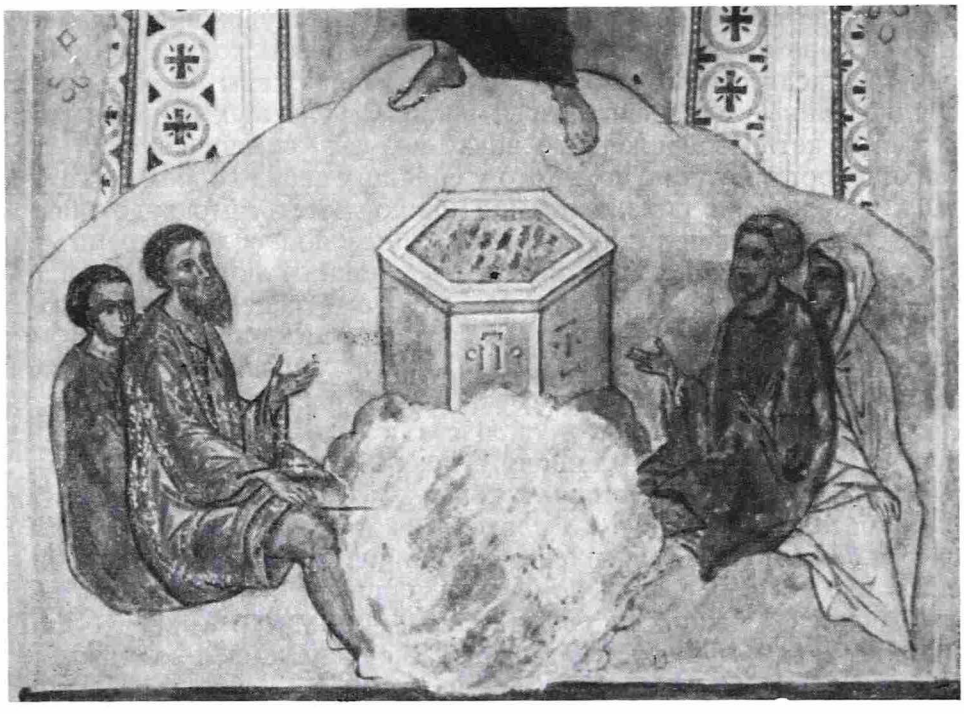


Рис. 9. Дионисий. «Портрет семьи художника (деталь фрески «Пение всякое побеждается»)

Изучаемое изображение, как это мне было в свое время сообщено В. Н. Нечаевым, ближе всего к композиции на внеакафистную тему «Происхождение честных древ креста», как она трактуется в новгородском софийском подлиннике XVI в. (изображения раньше XVI в. В. Н. Нечаеву были неизвестны). В последней композиции по краям стоящего на гладкой горе на фоне церкви Христа изображаются богоматерь, Иоанн Предтеча, Василий Великий и Иоанн Златоуст. Ниже, по сторонам водоема, в который обычно слетающий ангел опускает крест, располагаются больные.

В. Н. Нечаев считал, что поводом к сложившейся композиции служило празднование в Византии 1 августа чудотворного образа Христа, находящегося на одной из башен Спасского монастыря, с целебным источником под ним.

В московском Успенском соборе, на южной стене, за троном Иоанна Грозного, имеется византийская или югославская икона XIV—XV вв.— «Похвала Богоматери» в окружении клейм акафиста. В частично расчищенном клейме с изображением XI кондака акафиста изображен Христос, стоящий на холме на фоне прямоугольной башни, а справа и слева обращенные к нему вселенские святители. Ниже Христа — водоем с расположенными по холму семью человеческими фигурками; три из них изображены непосредственно над колодцем. По-видимому, изображение XI кон-

дака на этой или другой подобной ей иконе и послужило Дионисию «образцом» для самостоятельного решения данной композиции XI кондака на ферапонтовской фреске.

Сопоставляя приведенный текст XI кондака с фреской Дионисия, нельзя не отметить внимательность художника к его содержанию. В отличие почти от всех известных нам редакций данного сюжета, фреска Дионисия полнее передает содержание и благодарственный смысл кондака. Так, в кондаке множество песен сравнивается с бесчисленностью песка. В соответствии с этим холм, на котором стоит Христос, и изображен Дионисием именно как песчаный холм. В его изображении художник исходил (что для нас особенно важно) из реальных наблюдений: холм с легкой тенью по краям написан очень живо, не так, как изображены на соседних фресках стилизованные сланцевые горы; никаких условных белильных «пяточек» здесь нет. Изображенный внизу водоем символизирует источник «божьих щедрот». Судя по тому, что у сидящих перед водоемом двух мужчин ноги изображены обнаженными, можно думать, что художник хотел выразить какую-то конкретную мысль о целебной силе водоема, являющегося как бы «силоамской купелью», а сидящих людей представил как бы «чающими движения воды», чтобы получить исцеление или, по смыслу кондака, уже получившими его и благодарящими за это бога.

Особенно существенно, что изображенные у водоема люди, видимо, составляют одну семью. Об этом говорит само расположение фигур. Справа, как старшие, изображены муж и сзади него жена; слева спереди — старший сын и за ним — младший. Известно, что Дионисий имел двух сыновей, Феодосия и Владимира, которые вместе с отцом и другими иконниками работали в Иосифовом-Волоколамском монастыре в 1485 г.[21]. Вместе они работали и над росписью собора Ферапонтова монастыря. Над северным входом собора они поместили надпись, что художниками были «писци Дионисие иконник съ своими чады. О владыко Христе, всех царю, избави их, господи, мук вечных» [22]. Если Дионисий нашел возможным удостоверить и подчеркнуть свое авторство (чему примеров в древнерусской живописи до XVI в. почти нет) с обращением в надписи к богу о милости, как бы в награду за труды, то нельзя ли допустить, что и в рассматриваемой фреске он осмелился изобразить себя с женой и «чадами»? Это предположение находит поддержку в некоторых подробностях из жизни Дионисия.

В житии Пафнутия Боровского, написанном вскоре после его смерти его учеником архиепископом ростовским Вассианом, приводятся два рассказа об «исцелении» Пафнутием Дионисия. Последний однажды так сильно разболелся ногами, что не мог работать над росписью монастырского собора. Тогда Пафнутий сказал ему: «Дионисий, бог да благословит тебя приступить к благому делу; начни работу и бог и пречистая богородица даруют здравие ногам твоим». Дионисий принялся за роспись церкви и якобы «болезнь его отбеже» [23]. Вскоре с Дионисием случилось новое несчастье. Пафнутий запретил проживавшим в монастыре живописцам есть в монастыре «мирские яствия»», приказав для этого «отходить в ближнюю весь». Поэтому иконописцы столовались в «соседней веси». Но однажды, презрев запрет игумена, они захватили в монастырь оставшееся от обеда «ходило агнче с яйцы учинено», т. е. баранью ногу, зажаренную с яйцами. Приступивший первым к запретному блюду Дионисий заметил, что яйца кишели червями. Он испугался и выкинул жаркое собакам, но тем не менее его покарал «недуг лют», он не мог двинуться с места, видимо, у него отказали ноги, к тому же на него «нападе скороб»: все тело его «в един час яко един струп слияся». Дионисий в испуге по-

[21] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., стр. 26.
[22] Там же, стр. 17.
[23] Там же, стр. 21—22.

каялся Пафнутию. Тот простил его, взяв слово не нарушать его запрета, и приказал Дионисию идти в церковь. Отслужив водосвятный молебен, Пафнутий окропил Дионисия «святой водой» и приказал смочить ею его тело. После этого Дионисий уснул, а когда художник проснулся, он якобы был совершенно здоров, а сыпь, как чешуя, отпала с его тела [24].

В. Т. Георгиевский полагает, что рассказы о «чудесном исцелении» Дионисия в Пафнутьевом монастыре были переданы автору жития, архиепископу Вассиану, самим художником, с которым Вассиан был хорошо знаком [25]. Рассказ о втором «чуде», изобилующий реалистическими подробностями и пронизанный юмором, похож на занимательную новеллу и обличает в Дионисии живучесть его «мирских» наклонностей и его свободомыслие [26]. Сообщаемые же в этих рассказах сведения о болезни ног у Дионисия и «пользовании» его при втором заболевании «святой водой» вполне реальны. Они совпадают и с отмеченной выше деталью написанной Дионисием фрески, где человек у исцеляющего водоема изображен с обнаженными ногами. Это убеждает нас в том, что Дионисий действительно поместил здесь свой «автопортрет» и портретное изображение своей семьи, члены которой размещены, как мы отметили, сообразно их значению и возрасту. Определить возраст сыновей Дионисия позволяет опись Иосифо-Волоколамского монастыря [27], из которой видно, что Феодосий, делавший более ответственные, чем Владимир, работы, был старшим.

Наше предположение подтверждается и разницей в изображении персонажей изучаемой композиции. В лицах святителей Петра и Алексея больше обобщенности и трафаретной схематизации. Головы же семейной группы (см. рис. 8) реалистичнее и написаны тщательнее. Особенно интересна голова старшего сына, Феодосия. Другой так превосходно выписанной головы мы, пожалуй, не найдем во всей росписи храма. В ней много индивидуального. С большой тщательностью выписана борода, исполненная несколько необычно, с легкой тушевкой в тенях и отметками чернью. Голубые, как и у самого Дионисия, глаза написаны не так схематично, как глаза святителей. Очень тонким «вохрением» даны скулы и лоб. Так же реалистично изображены ноги (они сохранились фрагментарно). Видимо, старший, более одаренный сын пользовался особой любовью Дионисия: его голова написана мастером с особой вдумчивостью и чувством. Фигуры младшего сына, Владимира, и жены художника хотя и имеют второстепенное значение, но и в них нельзя не отметить черт портретности, особенно в лице матери с его очень выразительным профилем.

Портрет самого Дионисия настолько характерен, что вглядываясь в него, можно очень ясно представить себе этого маленького живого старичка, жизнь которого наполнена энергичной творческой деятельностью [28]. Читая опись Волоколамского монастыря, удивляешься огромному количеству работ Дионисия по сравнению с продуктивностью других мастеров. Напомним, что и грандиозный ансамбль поражающих своим художественным совершенством и тщательностью письма ферапонтовских фресок был создан Дионисием и его сыновьями, по-видимому, всего за одно лето 1501 г. [29].

---

[24] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., стр. 22.

[25] Там же.

[26] В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 496.

[27] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., приложение, стр. 1—8.

[28] В росписи 1644 г. собора Пафнутиева-Боровского монастыря в сцене исцеления Пафнутием Дионисия последний изображен с пышной шевелюрой и небольшой бородой. К сожалению, это изображение художника еще не расчищено из-под масляной записи XIX в.

[29] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., стр. 17—18. Так как летоисчисление начинали тогда с сентября, то в 1500 г. с 6 августа (когда начались работы по росписи) и до конца года оставалось только 25 дней. Осенью и зимой росписи стен не производились. Следовательно, фрески писались Дионисием в основном летом 1501 г.

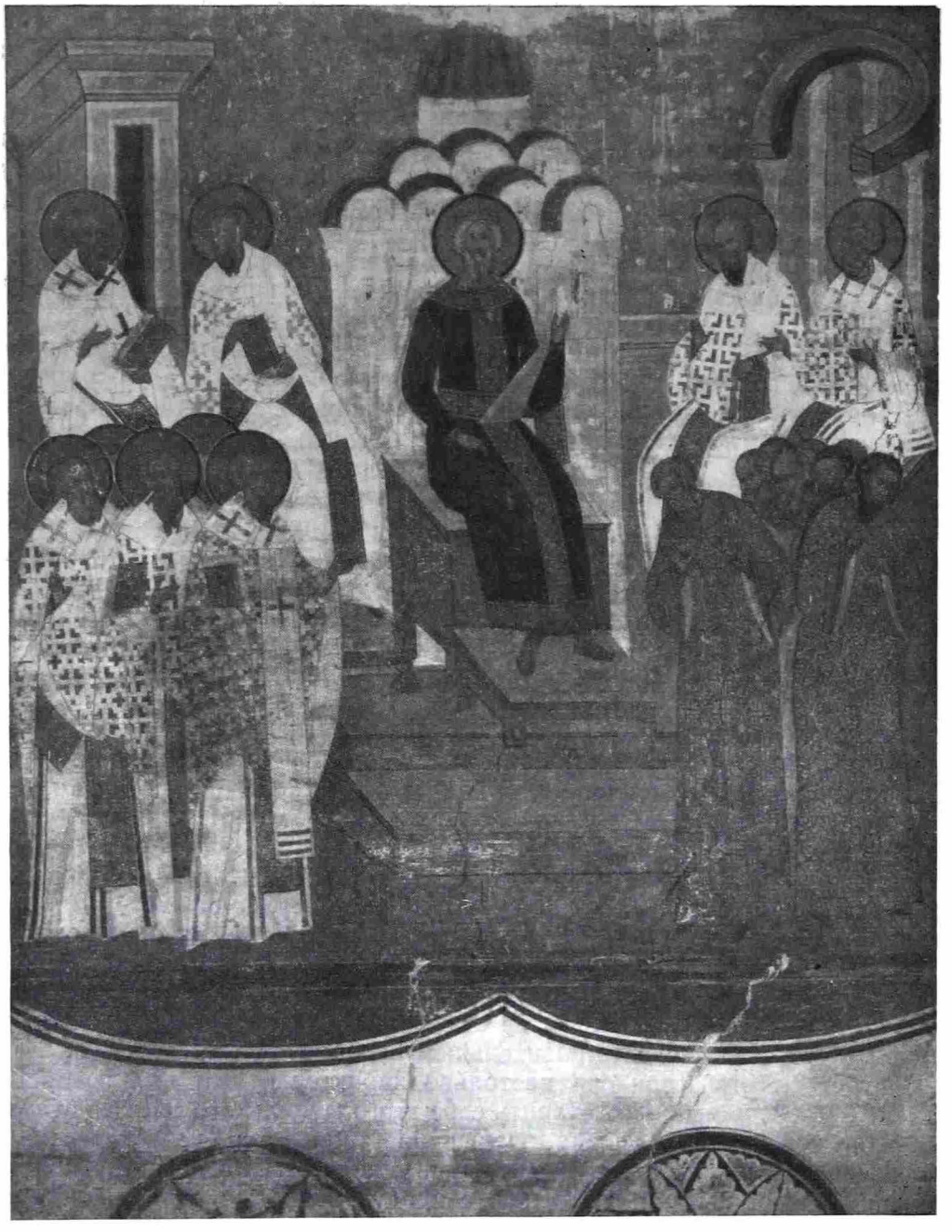


Рис. 10. Дионисий. Один из вселенских соборов

4

Наша гипотеза о наличии в двух фресках Дионисия «портретных» изображений московских итальянцев и семьи самого художника доказуема, как это мы сами сознаем, не в равной степени: более спорно определение персонажей группы «фрязинов» «Страшного суда». К последнему вопросу нас заставляют вернуться некоторые подробности фрески на текст XI кондака.

Мы видим, что, рисуя группу «народов» в «Страшном суде». Дионисий использовал живые наблюдения над современной ему русской действительностью, отразил некоторые ее конкретные явления. Во второй фреске также можно ощутить тесную связь творчества мастера с общественной жизнью. Появление здесь по сторонам от Христа московских святи-

телей знаменует усиление национального элемента в композиции: русские митрополиты не только славят божество, но и являются заступниками своих московских людей. Поэтому и изображение у водоема группы конкретных русских, москвичей, семьи Дионисия, приобретает особый смысл.

В этом же отношении интересны архитектурные элементы данной композиции. Во фресках Дионисия заметны стремление мастера к отходу от условных и традиционных архитектурных мотивов и попытка ввести в живопись образы русской архитектуры. Примеров этого можно привести много. Таков, например, храм с ярусным закомарным верхом в изображении Вселенского собора (рис. 10), живо напоминающий собор самого Ферапонтова монастыря [30]. В композиции «Покров богородицы» храм с двумя башенными пристройками по бокам, может быть, восходит к образам владимиро-суздальской архитектуры [31]. Отдельные русские архитектурные мотивы вступают в причудливое сочетание с традиционными схемами иконной архитектуры. Эта черта произведений Дионисия позволяет особо оценить и архитектурный стаффаж фрески с изображением семьи Дионисия, где мы отметили усиление «московского» национального начала.

Здесь фоном для изображения Христа служит крепостная стена с зубцами, а фигурам двух святителей соответствуют квадратные башни с маленькими башенками по углам, покрытые черепичными крышами. В верхнем ярусе башен — ряд прямоугольных окон-бойниц, по три с каждой стороны. Башни и крепостная стена, по-видимому, символизируют Московский кремль, в то время только что построенный итальянцами. Вспомним, что столетием раньше великий художник Феофан Грек дважды написал изображение Московского белокаменного кремля 1366—1367 гг.— в палатах князя Владимира Андреевича и в Архангельском соборе. Другой выдающийся русский живописец, Дионисий, также откликнулся в своем произведении на ту же тему, поместив в своей фреске символические твердыни русской столицы.

Можно отметить и некоторые реальные элементы этого изображения. На самом раннем изображении кремля в сочинении С. Герберштейна [32], который был в Москве два раза, в 1517 и 1525 гг., но сделал свой рисунок, очевидно, по памяти, часть башен снабжена шатровыми покрытиями, такими же, как и на плане кремля конца XVI в. [33], часть же башен их не имеет. Надо думать, что эта подробность отражает реальную особенность кремлевских башен той поры; вначале они совсем не имели шатровых покрытий, но в связи с нашими климатическими условиями очень скоро начали получать шатровые кровли, какие мы и видим на годуновском плане. Изображенные на фреске на верху башен по углам маленькие башенки, по-видимому, также не являются продуктом фантазии: на том же плане кремля конца XVI в. Константиново-Еленинская стрельница имеет такие же башенки. Таким образом, вероятно, Дионисий и в этих деталях своей фрески использовал свои наблюдения и пытался дать не крепость вообще, а конкретно изобразить Московский кремль. Характерны и внушительные масштабы крепости по отношению к человеческим фигурам. Думаем, что во фреске Дионисия мы действительно имеем самое раннее изображение Московского кремля, написанное современником непосредственно после его постройки.

Сказанное позволяет нам с большей уверенностью настаивать на нашей гипотезе об изображении Дионисием в его «Страшном суде» самих строителей Московского кремля, хорошо ему знакомых итальянских зодчих.

---

[30] В. Т. Георгиевский. Ук. соч., табл. XXXVII (слева).
[31] Там же, табл. XII.
[32] С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, табл. к стр. 282.
[33] С. Бартенев. Ук. соч., т. I, рис. 33.

ПУБЛИКАЦИИ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ТРИПОДЫ ЗА БАЙКАЛОМ

На пути из Иркутска в Улан-Удэ можно наблюдать, как около устья р. Селенги резко меняются ландшафты и начинается другая страна. Островершинные сопки, степи, монгольский вяз — ильм, жесткая степная трава дэрисун — первые предвестники монгольских степей, а широкая долина рек Иволги и Селенги около Улан-Удэ очень напоминает Северную Монголию. Благодаря своему географическому положению древние племена Забайкалья издавна находились в разнообразных связях со своими восточными соседями — обитателями монгольских степей, а через них и с населением еще более далеких областей Восточной Азии — Северного Китая.

Связи эти, имевшие существенное значение для истории забайкальских племен и развития их культуры, начинаются еще в далекое палеолитическое время, в ледниковую и послеледниковую эпохи, о чем свидетельствуют совпадения между верхнепалеолитическими культурами Ордоса и Забайкалья. В неолитическое время эти связи продолжаются и еще более усиливаются.

Для неолита Прибайкалья характерна своеобразная посуда, с которой здесь в исаковское время начинается керамическое производство. Это сначала остродонные, а затем круглодонные сосуды грубой ручной работы с тонкими стенками, сплошь покрытыми снаружи отпечатками мелкоячеистой сетки-плетенки. Такие сосуды употреблялись неолитическими охотниками и рыбаками Прибайкалья и позже, в серовское и китойское время.

Аналогичные черепки сосудов с отпечатками сетки-плетенки вместе с мелкими кремневыми изделиями найдены нами в 1949 г. в Монголии, в местности Баиндзак (Шабарак-Усу американских исследователей). Здесь эта керамика также является наиболее древней.

Обломки совершенно таких же сосудов обнаружены на развеянных неолитических поселениях в песках Внутренней Монголии, около Великой Китайской стены и еще далее на восток в долине р. Ляо. Описанная керамика и здесь сопровождается аналогичным кремневым инвентарем так называемого микролитического облика (таким же, какой известен в неолите Прибайкалья и за Байкалом).

Связи с неолитом Прибайкалья и Забайкалья могут быть прослежены и еще далее в глубь Китая, вплоть до Пекина. Так, в погребениях китойского типа на Ангаре и Лене, относящихся к III тысячелетию до н. э., найдены мраморные кольца, одинаковые с обнаруженными в погребальной пещере Шагодун в районе Пекина. Одинаковы с китайскими и найденные в этой пещере кремневые ретушированные наконечники стрел с асимметричными жальцами [1].

[1] J. C. Andersson. The Cave-deposit at Sha Kuo t'un in Fengtien. Palaeontologia Sinica, серия D, т. I, вып. 1, 1923; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18, 1950, стр. 132, 134.

Все эти черты, сближающие культуру неолитических племен Внутренней Монголии и Дунбэя с культурой прибайкальских и забайкальских племен, следует объяснять влиянием культуры охотников и рыболовов Севера, которые, возможно, проникали тогда далеко на восток[2].

Связи западных племен с восточными по археологическому материалу Прибайкалья становятся еще более ощутимыми во II тысячелетии до н. э., когда в Китае складывается высокая культура бронзового века и возникает древнейшее государство. В это время на Ангаре, Лене и Селенге расцветает глазковская культура. В Прибайкалье и за Байкалом в инвентаре могил глазковского типа обнаружены кольца из белого нефрита, сходные с древнекитайскими, овальные в поперечном сечении шлифованные топоры, аналогичные северокитайским, и морские раковины, характерные для морей, омывающих берега Китая. В Фофановском могильнике на Селенге обнаружены также сосуды, сходные по форме и отделке поверхности с северокитайской керамикой, найденной в памятниках, непосредственно предшествующих иньскому времени, и в поселениях эпохи Инь[3].

Новый и очень важный этап в развитии связей между древним населением Китая и Сибири, особенно для Забайкалья, начинается в конце II и в начале I тысячелетия до н. э., когда на территории нынешнего Минусинского края появляются сначала карасукские, а за ними тагарские памятники. В это время в степях и лесостепях Забайкалья широко распространяются памятники культуры плиточных могил.

Исследование плиточных могил показало, что население Забайкалья в это время занималось скотоводством, достигло высокого уровня в обработке металла, сначала меди и бронзы, а впоследствии и железа. В могилах встречены также украшения из золота. Памятниками высокоразвитого искусства этого населения являются художественно оформленные предметы, искусно отлитые древними литейщиками, и монументальные «оленные камни», высившиеся около могил.

Степные племена Забайкалья в бронзовом веке поддерживали связи как со своими западными соседями, так и с племенами Востока. О связях с Западом свидетельствуют, например, изображения оленей на «оленных камнях».

Связи эти прослеживаются и еще далее на восток до Ордоса, где найдены богатейшие коллекции древних бронз, художественный стиль которых также обнаруживает тесную связь с искусством степных племен запада, саков и скифов.

Среди элементов культуры степного и лесостепного Забайкалья бронзового века, указывающих на связи с другими странами, особо важное место принадлежит керамике.

Так, интересно, что на территории Забайкалья неоднократно встречались образцы специфических сосудов типа триподов. Они обнаружены прежде всего в долине р. Онон, области, которая известна наиболее монументальными и многочисленными плиточными могилами.

Самая замечательная находка такого рода — глиняный трипод типа ли, найденный нами в 1951 г. вблизи с. Агинского, в пади Зун-Кусочи, среди выдувов первой надпойменной террасы (рис. 1). Сосуд был раздавлен землей. Первоначально он стоял в вертикальном положении, опираясь ножками на землю, горлом кверху.

Сосуд был изготовлен из глины с небольшой примесью мелкозернистого песка и обожжен на костре. Цвет черепков в изломе и снаружи

[2] J. Maringer. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Report from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under Leadership of d-r S. Hedin, VII. Archaeology, т. 7, Stockholm, 1950, стр. 208; его же. Mongolia before the Mongols. Academia. Journal of Nanzan Academic Society. Humanities, № 19, Nagoya, 1957.

[3] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазковское время), ч. III. МИА, № 43, 1955.

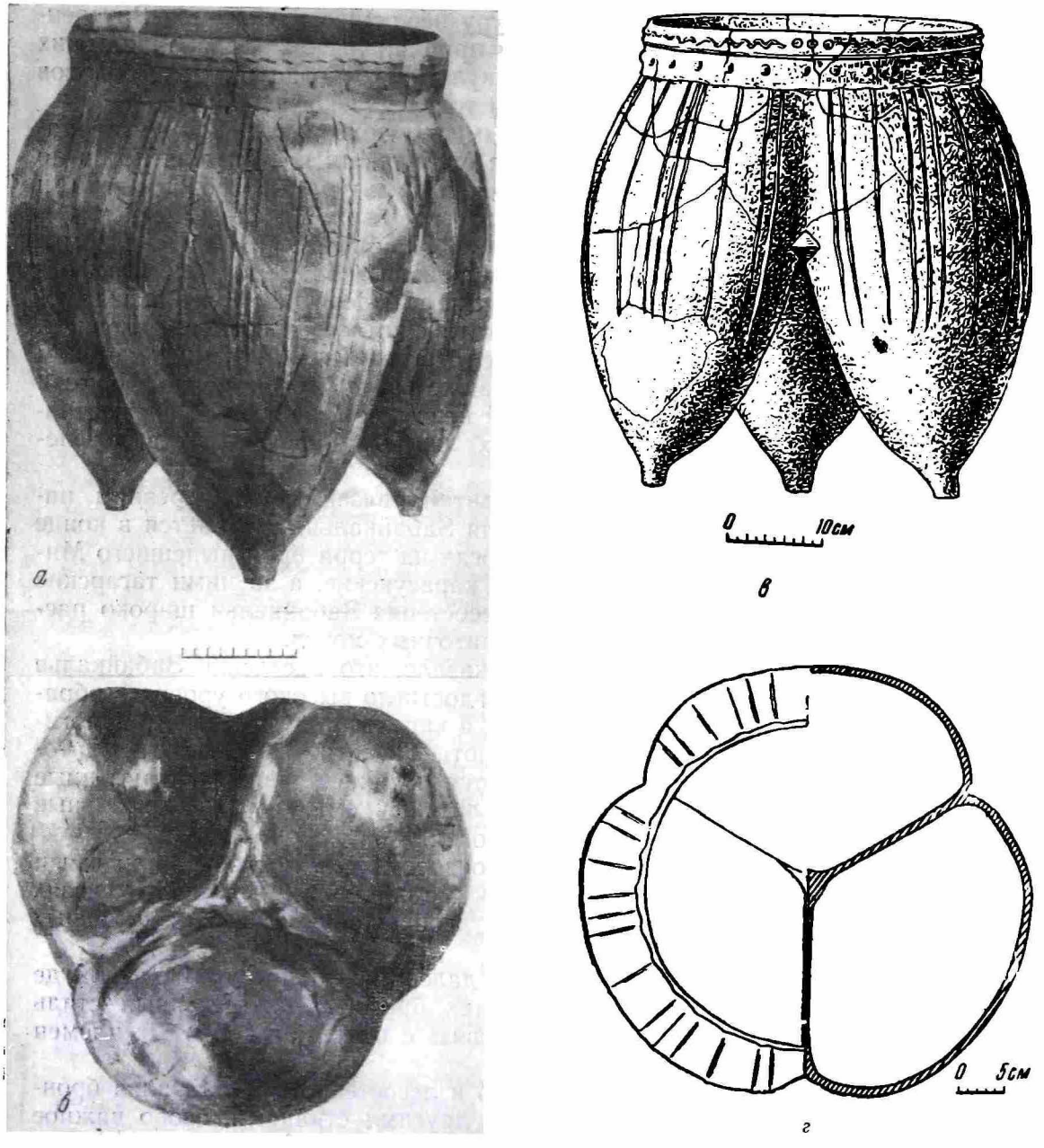


Рис. 1. Трипод, найденный у с. Агинского

а — реставрированный сосуд; *б* — вид снизу; *в* — прорись; *г* — разрез

красно-бурый, черепки довольно плотные. Сосуд состоит из трех частей-долей, соединенных вместе и образующих вместительный резервуар. Каждая доля имеет вид вымеобразного конуса, заканчивающегося сосковидной ножкой. Доли сосуда в том месте, где они сходятся вместе, соединены поперечной пластинчатой перемычкой. Венчик сосуда прямой, в виде массивной кольцевидной полосы высотою 6,3 *см*. Диаметр венчика — 34,5 *см*. Бортик венчика округлен и слегка утолщен, вдоль края — тонкая налепная полоска, волнисто изогнутая, состоящая из трех отрезков равной длины. Каждый отрезок имеет на концах круглые шишечки с углублением, а между ними расположено по шишечке с отверстием внутри. Под верхней змейчатой полоской проходит вторая, такая же тонкая, но прямая, опоясывающая сосуд сплошь. Под ней размещены в виде пояска шишечки полусферической формы, выдавленные изнутри сосуда.

Туловище сосуда покрыто оттисками тонкой ткани. По плечикам и туловищу вертикально спускаются тонкие налепные жгутики, более длинные, отделяющие одну долю сосуда от другой, и между ними по два-три более коротких. Все жгутики слегка волнистые. На внутренней поверхности сосуда местами уцелел нагар, показывающий, что в нем варилась пища.

Если описанный трипод связан был, видимо, с древним стойбищем, то другая находка приурочена к погребению типа плиточных могил, раскопанному нами в том же Агинском районе в пади Хуготуй, в 10 *км* к юго-востоку от Судунтуя. Могила, где оказались обломки трипода, отмеченная под № 19, имела обычный вид ящика из поставленных вертикально плит серого гранита. Размеры ящика: 2,5 × 3,5 *м*. В середине его во втором ящике из каменных плит помещался костяк человека головой на восток. При костяке найдены две тонкие золотые витые трубочки-пронизки, цилиндрические бусины из сердолика, пирофиллитовые бусинки-цилиндрики.

В восточной стороне могилы обнаружены обломки глиняного сосуда — трипода типа ли.

От сосуда уцелели обломок прямого венчика, украшенный параллельными глубоко вдавленными желобками, фрагменты стенок, а также половинка сосцевидной ножки и большой кусок междуножия сосуда.

Орнаментальные желобки на венчике пересекали заштрихованную вертикальными штрихами поверхность. На одном из фрагментов верхней части сосуда имеется массивный налепной выступ, ушко или ручка в виде дуги. Край выступа рассечен поперек широкими орнаментальными насечками.

Уцелевшая часть междуножия сосуда представляет его средину, место стыка всех трех долей резервуара сосуда. Срединное внутреннее ребро междуножия сосуда орнаментировано отчетливо выполненными параллельными полосками, образованными вдавлениями гребенчатого штампа.

Обломок ножки также украшен гребенчатыми поперечными вдавлениями. Вся наружная поверхность сосуда была покрыта отпечатками довольно тонкой ткани, вероятно, шерстяной. Черепки сосуда в изломе красно-бурые, с хорошо заметной на глаз примесью угловатых зерен дробленого, по-видимому, полевого шпата или гранита. Толщина стенок в среднем равна 0,4—0,9 *см*.

Фрагменты глиняного трипода обнаружены были еще в одном погребении этого древнего кладбища, в могиле № 11 (рис. 2). В числе обломков трипода имеются один обломок венчика, фрагменты тулова сосуда и часть одной ножки. Как и в могиле № 19, венчик сосуда был прямым, со слегка округленным массивным краем. В верхней части он украшен короткими вертикальными вдавлениями гребенчатого штампа. Ниже имеются желобчатые полоски.

Сохранившаяся на одном из фрагментов тулова ручка (или ушко?) была украшена у основания дугообразными вдавлениями гребенчато-пунктирного штампа. Ножка сосуда в сечении овально-ромбическая, с массивным ребром снаружи. Поверхность ее сплошь покрыта гребенчатыми поперечными вдавлениями, произведенными, очевидно, тем же штампом.

Сосуд сохранил снаружи отпечатки грубой ткани, в которой, очевидно, был вылеплен. Глиняное тесто сосуда рыхлое, плохо обожженное; заметна значительная примесь зерен дробленого гранита.

В том же году при разведках в Агинском районе в местности Цирик-Нарасун, в долине р. Онон, нами была найдена ножка трипода.

Там же оказались черепки с налепными выступами и насечками, также, должно быть, принадлежавшие сосудам типа триподов.

Второй район, где обычны находки обломков глиняных сосудов типа ли,— долина рек Ингоды и Шилки, а также окрестности Читы. В Читин-

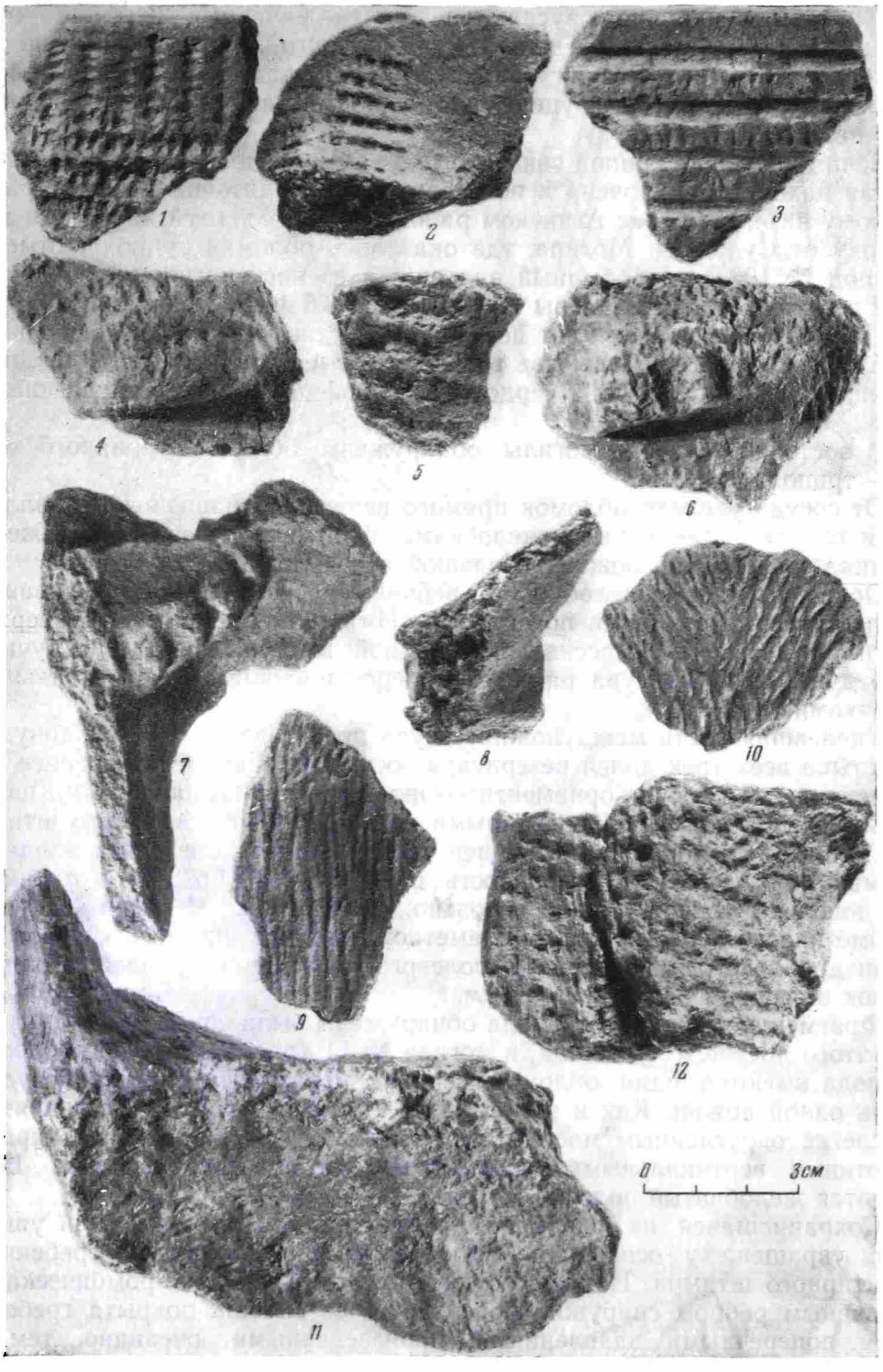


Рис. 2. Фрагменты триподов из Забайкалья

1, 4, 9 — из могилы № 11 в пади Хуготуй; *2, 8* — из плиточной могилы у с. Галкина; *3, 5, 6, 11* — из могилы № 19 в пади Хуготуй

ском музее хранятся два обломка граненой ножки трипода, орнаментированной вдавлениями прямоугольно-гребенчатого штампа, а также фрагменты стенок того же сосуда, орнаментированные одинаковым способом. Эти обломки найдены вблизи с. Татаурова при раскопках плиточной могилы (колл. № 354).

Одна ножка от сосуда типа трипода найдена в Усть-Куенгской пади, в 0,5 *км* от г. Нерчинска (Читинский музей, колл. № 324).

Ножка буро-красного цвета, из плотной, хорошо обожженной глины. Она покрыта продольными штрихами, резкими и как бы процарапанными гребенкой.

Пять ножек от сосудов типа триподов обнаружены в районе г. Читы на оз. Шакша, где они найдены с шлаками в древней плавильне (Читинский музей, колл. № 822). Ножки массивные, широкие, уплощенно-овальные в сечении, буро-красного цвета; покрыты продольными штрихами-бороздками.

Фрагмент сосуда типа трипода, тонкостенный, с штрихованной наружной поверхностью, буро-красного цвета, украшенный налепным валиком, найден в пади Сонзуй, близ с. Усть-Или.

Обломок ножки трипода, такой же широкой, как ножки, найденные на оз. Шакши, и так же орнаментированной, хранится в Читинском музее под № 405; он происходит из долины р. Ингоды. Глина буро-красная, с примесью довольно крупной дресвы.

В долине р. Ингоды (колл. № 403, Читинского музея) найдена еще одна ножка сосуда, относящегося скорее всего не к типу ли, а к типу дин.

Наружная поверхность ножки покрыта сплошными шахматно-шашечными (или, иначе, ложнотекстильными) оттисками.

В Читинском музее (№ 503) хранится еще один фрагмент сосуда типа ли — обломок нижней его части, где расходятся три полые ножки-дольки резервуара.

Из плиточных могил в долине р. Ингоды, восточнее г. Читы, между Читой и Нерчинском, также происходит несколько находок триподов. В 1956 г. разведочный Верхнеамурский отряд Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК АН СССР произвел раскопки плиточных могил на левом берегу р. Урульги, при впадении последней в р. Ингоду. Были раскопаны две могилы из самой большой группы, состоящей из 16 плиточных могил, расположенных в 11 *км* от с. Урульги.

В могиле № 2 найдены обломки двух сосудов, по-видимому, триподов типа ли. Один имеет темно-коричневый цвет, ровно и хорошо обожжен, сделан из глины со значительной примесью мелкого песка и растительных волокон. Согласно описанию производившей раскопки Р. В. Чубаровой, верхний край сосуда с обеих сторон (внутренней и внешней) украшен полосой вертикальных вдавлений гребенчатого штампа. Ниже верхнего края сосуд обрамляла широкая налепная полоса. Она украшена наклонными отпечатками этого же штампа. Стенки сосуда сохранили следы ткани, в которой вылеплялся сосуд. Второй сосуд сделан из глины с примесью дресвы. Венчик его прямой, ниже верхнего края сосуда имелись три полосы широких гребенчатых вдавлений. Следов ткани на поверхности сосуда не было видно.

В могиле № 3 найдены обломки подобного же сосуда.

Другая группа из двух плиточных могил была расположена в 1,5 *км* на север от с. Галкина. Здесь раскопана одна могила, где обнаружены разрозненные обломки сосуда типа трипода, от которого сохранились только неорнаментированные стенки и ножки. Одна из ножек была украшена вертикальными столбиками из оттисков гребенчатого штампа[4].

[4] Отчет о полевых исследованиях Верхне-Амурского отряда Дальневосточной экспедиции ИИМК АН СССР летом 1956 г. (Отчет хранится в фондах ДВАЭ ИИМК АН СССР). Следует заметить, что среди обломков сосудов из плиточных могил, раскопанных Р. В. Чубаровой, нет фрагментов, бесспорно принадлежавших сосудам ти-

Третий район за Байкалом, где чаще всего встречаются глиняные сосуды-триподы,— это район верхнего течения р. Селенги (Кяхтинский район), особенно окрестности с. Усть-Кяхта.

В свое время еще В. В. Птицын издал фотографии собранных им археологических находок из района Усть-Кяхты, где среди прочих предметов имелась типичная ножка трипода. Все найденные им вещи были собраны в 3 *км* от с. Усть-Кяхты к югу, вверх по р. Саве, в оврагах, прилегающих к левому берегу р. Савы, на глубоких песчаных выдувах [5].

В Кяхтинском музее (№ 3131-42) хранится найденный в 1923 г. в долине р. Савы великолепный образец трипода ли, представляющий собой половину сосуда, разломанного продольно и притом так, что уцелела одна из трех долей резервуара. Сосуд имел отчетливо выраженную шейку, стоячую, со слегка выгнутым наружу бортиком. В глиняном тесте сосуда имеется примесь крупных зерен песка. Наружная поверхность его покрыта штрихами и рубчиками, т. е., очевидно, следами от ударов штриховальной лопаточкой.

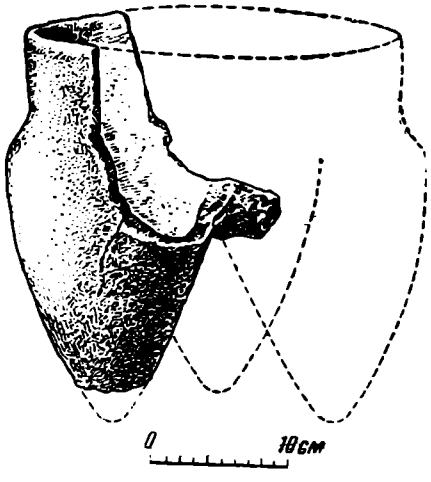


Рис. 3. Фрагмент трипода из долины р. Савы

Цвет сосуда снаружи в верхней части красно-бурый, ниже — пепельно-серый, в изломе — красно-бурый (рис. 3).

В отличие от других триподов с территории Забайкалья, этот сосуд плохой работы (под венчиком видна глубокая трещина, образовавшаяся после обжига).

Там же, в долине р. Савы, найдены еще две ножки триподов. Одна ножка (Кяхтинский музей) принадлежала низкому небольшому сосуду и была покрыта продольными штрихами-бороздками. Другая ножка хранится в Иркутском музее (колл. № 1041, сборы А. П. Мостица). Внутри она полая. Цвет ее в изломе серый, в глиняном тесте имеется примесь дресвы.

В Иркутском же музее (колл. № 7904) я видел ножку трипода, найденную Г. Ф. Дебецом в окрестностях Троицко-Савска, на песчаных выдувах по берегу р. Кяхты, около казарм. В поперечном сечении она круглая, в изломе тесто ее розовато-красное. Поверхность ножки покрыта продольными штрихами.

Находки триподов известны и в долине р. Чикоя. Так, у дер. Тальниковой А. П. Мостицем найдена одна ножка трипода, хранящаяся в Кяхтинском музее [6].

В 1954 г. около с. Большая Кудара, на песчаном обнажении берега р. Чикоя, Н. Н. Мамоновой найдены фрагменты трипода типа ли (рис. 4 *а,б*).

Венчик трипода стоячий, слегка отогнутый наружу. Высота его — 4,5 *см*, толщина —0,6 *см*. Ширина горловины сосуда —23,6 *см*. Уцелевшая единственная ножка трипода овальная в поперечном сечении, массивная, заканчивается тупоконическим острием.

Сохранились также обломки междуножий сосуда с характерным острым ребром, обращенным внутрь и вверх резервуара. Снаружи сосуд, в том числе и ножка, покрыт оттисками ткани и шнура, возможно образованны-

па ли. Здесь, вероятнее всего, мы встречаемся с фрагментами сосуда типа дин, о чем свидетельствуют три обломка плоских днищ сосудов, на которых снизу сохранились основания обломанных массивных ножек-подставок.

[5] В. В. Птицын. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края в двух частях. Следы доисторических жителей Юго-Западной Даурии. СПб., 1896, стр. 103, 105, табл. 3, рис. 12.

[6] Фотоархив ИИМК АН СССР, II-16473 (фото Г. О. Боровка).

ми в результате удара колотушкой, обмотанной тканью или шнурком. Орнамента или налепов на сосуде не было.

Цвет черепков в изломе красно-бурый. В глине заметна примесь мелкораздробленных зерен гранита.

В долине р. Чикоя обломки триподов были обнаружены также Л. Н. Иваньевым. На левом берегу реки отмечены два местонахождения: в 2,5 *км* от устья пади Хашлахту (обнажение № 47) и в 2,5—3 *км* к севе-

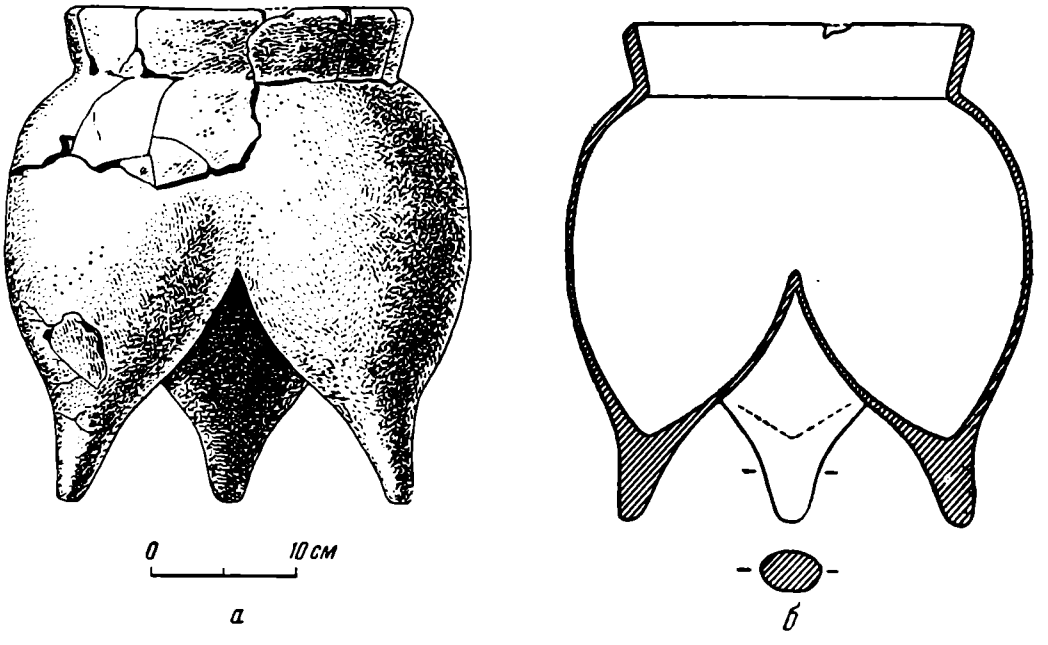


Рис. 4. Трипод из долины р. Чикоя

а — рисунок; *б* — разрез

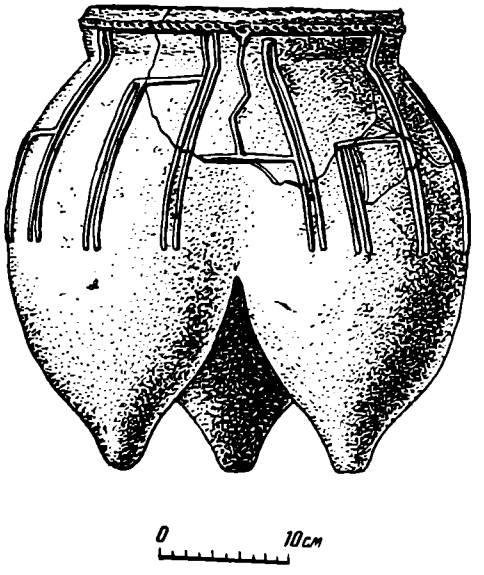
ро-западу от с. Поворот, в устье безымянной пади (обнажение № 60). В первом пункте найден обломок междуножья трипода ли со следами штриховки с наружной стороны.

Во втором пункте найден фрагмент полой внутри ножки сосуда ли. На внешней стороне его заметны оттиски тонкой ткани. Кроме ножки ли, там же найден характерный обломок венчика трипода с орнаментом в виде выпуклых плоских валиков, украшенных двумя продольными полосками тончайшего и очень четкого гребенчато-пунктирного узора. В третьем пункте — на правом берегу р. Чикоя, в 4,5 *км* от устья, обнаружены обломки тонкостенных сосудов с оттисками грубой, а также относительно тонкой ткани. Среди обломков сосудов выделяется фрагмент венчика с налепной овальной шишечкой, орнаментированной продольными полосками гребенчато-пунктирного узора. Особенно интересен, далее, крупный обломок междуножья трипода ли. Снаружи у него сохранилась перемычка в виде налепного валика, рассеченного поперечными орнаментальными насечками. К сосудам типа ли может быть отнесен и фрагмент венчика, утолщающийся кверху, опоясанный внизу налепным валиком, как обычно, имитирующим круто свитый шнурок. Снаружи венчик был покрыт вертикальными штрихами, образованными вдавлениями ткани. Цвет всех описанных выше фрагментов керамики красновато-бурый, в массе, как правило, имеется значительная примесь дробленого гранита, иногда в виде довольно крупных зерен [7].

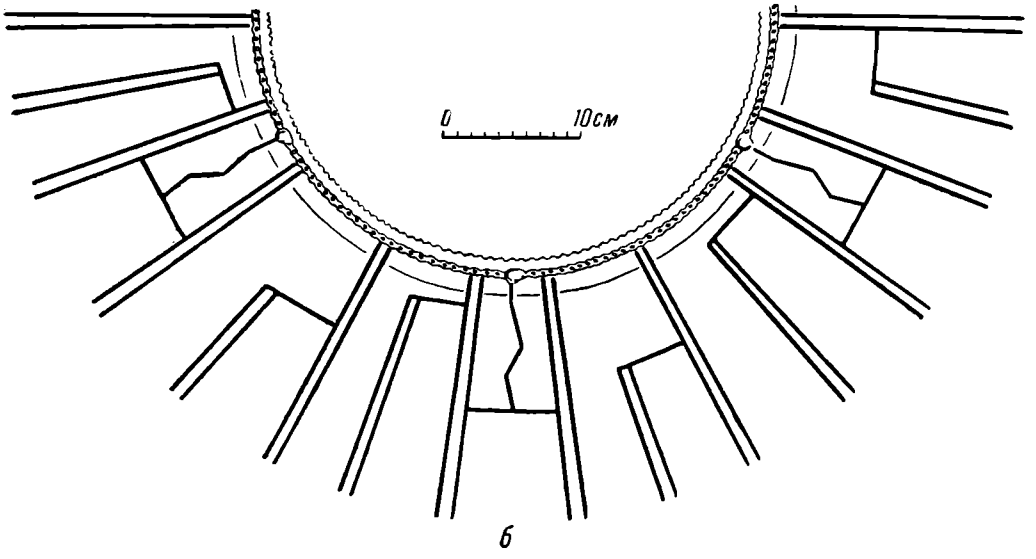
В Дуренах — местности, откуда происходят значительные коллекции ар-

[7] В письме от 2 марта 1959 г. Л. Н. Иваньев сообщил мне, что им найдены ножки триподов еще в двух местах на левом берегу р. Чикоя: в 3,5 *км* к югу от с. Поворот и к западу от с. Большой Луг.

хеологических находок, хранящихся в Иркутске и Улан-Удэ, также обнаружена одна ножка трипода ли. Она хранится в Республиканском краеведческом музее в г. Улан-Удэ. Ножка эта из красновато-бурой глины с примесью дробленого кварца. Снаружи она покрыта вертикальными бороздками-штрихами. Там же собраны обломки характерных венчиков-во-



а



б

Рис. 5. Трипод из долины р. Селенги

а — рисунок; *б* — развернутый орнамент трипода

ротничков из такой же буровато-желтой глины с налепными овальными шишечками, украшенными тремя глубокими ямками. На поверхности этих черепков имеются следы стертых вертикальных штрихов и рубчиков, таких же, как на ножках триподов.

Аналогичные фрагменты венчиков-воротничков обнаружены и в местности Хара-Бусун, где на них также есть овальные налепы и, кроме того, тщательно выполненный орнамент в виде рядов выпуклых ромбов и зигзагов, разделенных горизонтальными линейными поясками. Орнамент этих фрагментов венчиков близко напоминает рельефные узоры бронзовых ножей карасукских форм, известных из Забайкалья и Прибайкалья.

Все это вместе взятое дает право датировать их временем этих ножей и считать обломками триподов.

Четвертый район, где обнаружены триподы,— средняя часть долины р. Селенги и окрестности г. Улан-Удэ.

В Республиканском музее г. Улан-Удэ хранятся крупные обломки тripода ли, найденные в 1957 г. Л. Н. Иваньевым на выдувах правого берега р. Селенги. От сосуда уцелели половина венчика и примыкающие к нему части тулова (рис. 5, *а,б*). Венчик массивный, в виде воротничка, отогнутый наружу. Плечики выпуклые, обозначены отчетливо и отделены перегибом от венчика. Высокие ножки-резервуары начинались уже в верхней трети сосуда, где уцелела характерная часть междуножия. Край венчика украшен косыми неглубокими насечками; на 1 *см* ниже вдоль венчика — узкий налепной валик, рассеченный такими же косыми насечками, явно имитирующими круто свитый шнурок, как бы стягивающий верхнюю часть сосуда. От этого «шнурка» опускаются вниз гладкие парные вертикальные валики, параллельные друг другу. В уцелевшей части междуножия сосуда парные валики расходятся наискось, по расходящимся долям сосуда. Между ними расположена коленчато изогнутая налепная полоска, напоминающая змею. Внизу она упирается в поперечную полосу, соединяющую обе расходящиеся по долям сосуда пары жгутиков. Доли сосуда, помимо парных выпуклых линий, свисающих с венчика, украшены короткими поперечными полосами, от которых опускаются вертикально вниз парные налепные валики.

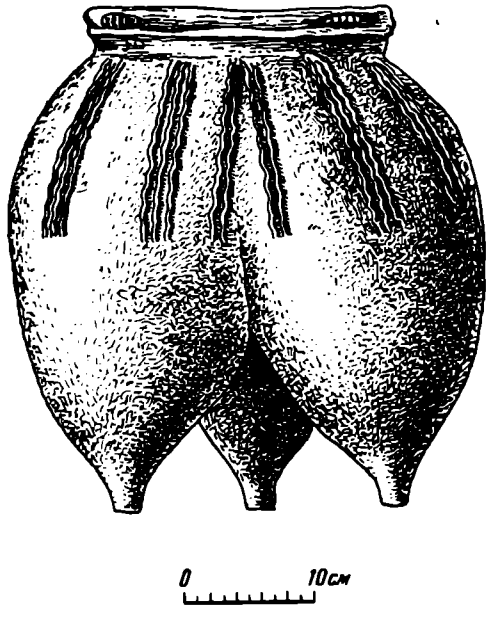


Рис. 6. Трипод с горы Малый Тологой

Наружная поверхность сосуда, кроме того, имеет рубчики и штрихи, показывающие, что сосуд был изготовлен при помощи рубчатой лопаточки. Цвет сосуда желтовато-бурый, в изломе черный; в глине имеется примесь крупных зерен раздробленного гранита. Диаметр сосуда достигал 24 *см*, высота должна была равняться примерно 34 *см*.

Крупная ножка тripода найдена нами на правом берегу р. Селенги, в 32 *км* выше г. Улан-Удэ, в обнажении первой надпойменной террасы. Цвет ее в изломе буровато-желтый, в глине есть примесь песка [8].

Наружная поверхность ножки покрыта продольными штрихами и бороздками, образованными как будто гребенчатым инструментом.

Обломки крупного глиняного сосуда (тripода?) обнаружены на правом берегу р. Селенги, у с. Вахмистрова, в большой плиточной могиле.

Обломок дна с частью ножки тripода типа дин найден в песчаном выдуве правого берега р. Селенги, ниже с. Вахмистрова. Цвет сосуда буровато-красный, в изломе почти черный; в глине примесь дробленого камня.

В Республиканском музее г. Улан-Удэ хранится ножка тripода, найденная на Нижней Иволге. Цвет ножки буровато-красный, в глине примесь зерен кварца.

На горе Малый Тологой, неподалеку от известного гуннского укрепленного поселения, в стенке карьера для добывания гранита мною обна-

[8] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, стр. 195—196, рис. 84.

ружены многочисленные фрагменты трипода типа ли, по которым удалось восстановить сосуд в целом (рис. 6).

Высота сосуда — 38 *см*, диаметр венчика — 23 *см*. Венчик прямой, слегка отогнут наружу. Посредине его — налепной горизонтальный валик, над которым размещались три выпуклых налепа (сохранилось два). Тулово сосуда украшено налепными змейчатыми валиками, размещенными по два и по три.

Сосуд этот отличается своеобразными пропорциями: он был относительно низкий и широкий.

В долине р. Уды остатки сосудов типа триподов найдены были дважды. Обломки одного такого сосуда собраны на выдувах по левому берегу р. Уды, у дороги между г. Улан-Удэ и ст. Онохой. Они массивные (толщиной до 0,9 *см*), желтовато-бурого цвета, плотные. В глине примесь мелкораздробленного камня. Наружная поверхность сплошь покрыта оттисками довольно тонкой ткани.

Судя по обломку днища с характерным утолщением в месте прикрепления массивной (а не полой, как у сосудов ли) ножки, это был трипод типа дин.

Остатки второго трипода обнаружены в самой большой могиле (№ 2) из группы плиточных могил, расположенных в 3 *км* ниже с. Хоринского, в устье р. Оны, на правом ее берегу, в 200—250 *м* выше моста через р. Уду. Могила размером 4 × 5 *м* ориентирована короткими сторонами с запада на восток. Костяк оказался без черепа и без костей одной руки. При нем найдено одно тонкое бронзовое кольцо из проволоки. Погребение было потревожено грабителями. Обломки трипода найдены в выбросе, главным образом с западной стороны могилы.

Среди обломков — крупный фрагмент одной из трех долей трипода ли с перемычкой, украшенной глубокими выемками-зубчиками, и ножка, короткая, широкая, овально-ромбическая в сечении, с массивным ребром снаружи. Ножка покрыта гребенчатыми поперечными вдавлениями.

Ножка глиняного трипода, круглая в сечении, с характерными продольными штрихами снаружи, поднята на левом распаханном мысу Нижне-Березовской стоянки (правый берег р. Селенги, в 8 *км* ниже г. Улан-Удэ).

Самые северные в Забайкалье образцы триподов зарегистрированы в Баргузинской котловине. Одна ножка трипода обычного типа, покрытая снаружи характерными рубчиками-штрихами, найдена в 18 *км* к юго-востоку от районного центра пос. Курмукан, на выдувах в местности Хасхал на р. Аргада. Вторая, сходная по форме ножка трипода обнаружена А. Н. Логачевым в 1955 г. в окрестностях пос. Харгана.

Таким образом, в районе р. Онон обнаружены один целый трипод и одна ножка и, кроме того, обломки триподов найдены в двух плиточных могилах. На р. Ингоде известны обломки пяти триподов и шесть отдельных ножек. Здесь же отмечено пять случаев находок триподов в плиточных могилах. В районе Кяхты обнаружены один почти целый сосуд и четыре ножки. На р. Чикое найдено четыре ножки, обломки венчика, междуножий и стенок и один трипод, поддающийся восстановлению. На Селенге в районе Селендумы и г. Улан-Удэ и на р. Уде известны два трипода (поддающихся реконструкции), четыре ножки и обломки еще двух триподов, а также отмечена находка трипода в плиточной могиле. В Баргузине найдено две ножки.

Всего, таким образом, в Забайкалье известно не менее 30 случаев находок остатков триподов (см. карту; рис. 7). Из них поддаются восстановлению пять триподов (все типа ли). Обломки триподов найдены в восьми плиточных могилах, остальные найдены на поселениях.

Кроме описанных бесспорных остатков глиняных триподов, за Байкалом в ряде мест обнаружены фрагменты сосудов, которые не могут быть определенно отнесены к числу триподов только по той причине, что вместе с ними нет ножек или днищ.

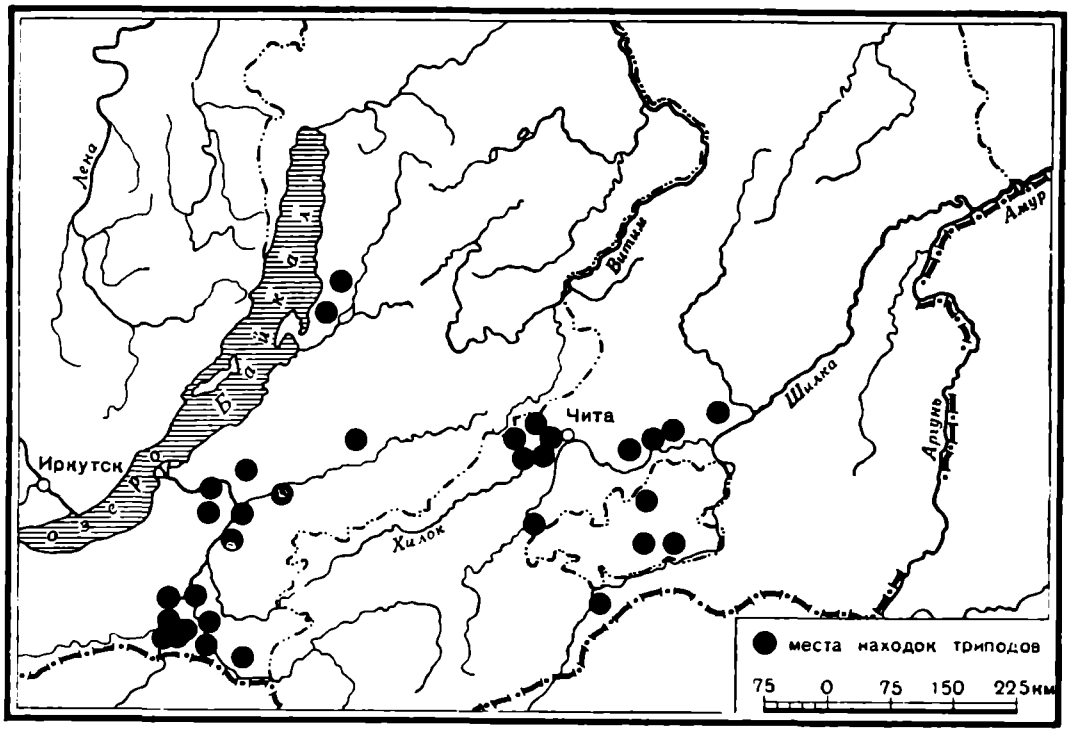


Рис. 7. Карта распространения глиняных триподов ли и дин за Байкалом

Во всяком случае ясно, что триподы за Байкалом являются одним из весьма характерных и обычных для этого края археологических предметов. Их обломки встречаются здесь повсеместно. Они распространены на востоке в долине р. Шилки, в районе г. Нерчинска, на запад их можно проследить по направлению к Чите, Кяхте, на севере — до Улан-Удэ и даже до Баргузина. По типу это были преимущественно триподы ли.

Бесспорные триподы типа дин в Забайкалье встречены только на р. Ингоде, у Нерчинска, и на р. Уде, около Улан-Удэ, хотя не исключено, что сосудам такого рода принадлежат обломки некоторых массивных ножек, описанных выше.

По форме те два трипода ли, которые удалось реконструировать целиком или почти целиком, из пади Зун-Кусочи в с. Агинском и с горы Тологой около Улан-Удэ, несмотря на разделяющее их большое расстояние, очень близки друг к другу. Их отличают только лишь пропорции и детали в распределении орнамента из налепных змейчатых валиков.

Столь же много общего между другими триподами. Их сближают отделка наружной поверхности, покрытой, как правило, штрихами и оттисками ткани, гребенчато-пунктирный крупнозубчатый орнамент на венчике и ножках, налепы в виде овальных выступов. Очень характерна для забайкальских триподов, далее, такая особенность общей их формы, как наличие прямого венчика-воротничка, возвышающегося над выпуклыми плечиками.

Вопрос о датировке триподов Забайкалья и их принадлежности к определенной культурной эпохе мы попытаемся решить приемом исключения. Известно, что в развитом железном веке, начиная с гуннского времени, они ни разу не были встречены. В это время триподы, очевидно, уже вышли из употребления. О наличии триподов в неолите Забайкалья говорить уверенно нельзя; скорее всего их тогда здесь еще не было. Очевидно, они были распространены в бронзовом веке и, отчасти, в эпоху раннего железа, непосредственно предшествующую гуннскому времени.

Для целей более точной датировки забайкальских триподов следует обратить внимание на орнамент на венчиках таких сосудов, найденных в

Хара-Бусуне. Он совпадает с орнаментом, который украшает забайкальские и прибайкальские бронзовые ножи, карасукские по типу.

Карасукские по типу бронзовые изделия в Забайкалье по аналогиям с северокитайскими бронзами из Аньяна следует датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. и самым началом I тысячелетия до н. э. Возможно, что к тому же времени относятся и некоторые плиточные могилы. По крайней мере, в могилах такого типа, называемых иногда «гробничными захоронениями», найдены были предметы, которые С. А. Теплоухов считал возможным относить к карасукскому времени. Нужно думать, что такой же была могила, «обложенная камнями», из которой происходит известный бронзовый нож с головой барана, хранящийся в Британском музее [9].

Бо́льшая же часть плиточных могил, а вместе с тем и найденные в них остатки триподов относятся к эпохе развитой культуры бронзового века, вероятнее всего к X—V вв. до н. э.

Обряд погребения в плиточных могилах существовал в степях Монголии и Забайкалья и в начале железного века, вплоть до распространения гуннов. Железо проникло сюда примерно в V—IV вв. до н. э., почти одновременно с появлением его в Китае, где оно впервые становится известным в эпоху Чжаньго, в VI—V вв. до н. э. Таким образом, время существования глиняных триподов в Забайкалье охватывает несколько более тысячи лет — с конца II тысячелетия до н. э. и до V—IV вв. до н. э.

Для более полного освещения культурно-исторического значения и условий появления в Забайкалье этих оригинальных по форме, сложных по конструкции глиняных сосудов (столь непохожих на керамику бронзового и раннего железного веков всех соседних западных областей Европы и Азии), необходимо сравнить их с древней керамикой Китая.

Китай — единственная в мире страна, где такие глиняные сосуды были не только широко распространены, но вместе с тем представляли собой один из самых характерных для древней ее культуры признаков, ее специфический элемент [10].

Возникновение триподов ли и дин обусловлено было самой основой жизни древних китайцев — земледелием. В таких триподах варилась пища из зерен злаковых растений. Приготовлялась в них, очевидно, и мясная пища. Глиняные треноги появились в Китае еще в неолите и продолжали существовать здесь почти два тысячелетия.

Треноги ли соединяют, по словам И. Г. Андерсона, культуру протокитайцев каменного века и историческую культуру китайцев [11]. Поэтому он с полным основанием назвал треноги символом древнекитайской цивилизации, начиная с первого их появления в поселениях культуры яншао и до настоящего времени [12].

И. Г. Андерсон детально описывает несколько триподов ли, которые, по его мнению, относятся ко «времени яншао — Бучжаочжай» [13]. Для поселения Бучжаочжай, предшествующего, по И. Г. Андерсону, поселениям развитой культуры яншао, крашеная керамика не характерна, обломки же триподов найдены там в значительном количестве.

Вопрос о наличии триподов в поселениях собственно культуры яншао

---

[9] Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. ПИМК, № 9—10, 1933, стр. 15—19.

[10] Т. И. Арне сделал попытку вывести треноги дин древнего Китая из треножников Трои I. См. T. J. Arne. Painted Stone Pottery from the Province of Honan, China. Palaeontologia Sinica, серия D, т. I, вып. 2. Peking, 1925, стр. 32—33. Однако попытка эта признана несостоятельной. См. H. G. Creel. Studies in Early Chinese Culture. 1 серия, Makefild, Massachusets, 1938. Помимо этого, нигде, кроме Китая, нет таких сложных и своеобразных по форме сосудов, какими являются треноги ли.

[11] J. G. Andersson. Preliminary Report on the Archaeological Research in Kansu. Memoirs of the Geological Survey of China, серия A, № 5, Peking, 1925, стр. 47.

[12] Его же. Researches into the Prehistory of the Chinese. RMFEA, № 15, 1943, стр. 232.

[13] Там же, стр. 232—238.

неясен. И. Г. Андерсон полагает, что они сосуществовали с расписными сосудами [14]. Г. С. Крил, напротив, пишет, что расписная керамика в неолите Китая не была автохтонной и распространилась здесь с запада. Триподы же, по его мнению, были элементом неолитической культуры Северо-Восточного Китая (в его понимании: Хэнань, Шаньдун), откуда они и распространились на запад, вплоть до Ганьсу [15].

Как пишет У Дзян-дин, в знаменитом Хоуганском поселении (Hou Kang) в Аньяне трипод дин обнаружен в самом нижнем слое культуры «красной керамики», т. е. эпохи яншао [16]. В слое с черной керамикой типа луншан найден сосуд типа ли, по его словам,— «самый ранний тип ли, какой нам известен» [17].

В Шаньси триподы дин, ли, юей найдены, по словам У Дзян-дина, в поселении Чин-цзун эпохи яншао. В Ганьсу в ранних культурах триподы отсутствуют. По мнению этого исследователя, сначала появляются триподы типа дин. На следующей ступени эволюции керамического производства развиваются сосуды с полыми ножками-резервуарами типа ли и юей [18].

Глиняные триподы типа куэй обнаружены в поселении Чэн-цзыяй, непосредственно предшествующем памятникам иньского времени.

По словам Г. С. Крила, о широком употреблении и важной роли триподов ли в иньском Китае свидетельствуют пиктографические знаки иньской письменности, где схематический рисунок такого сосуда употребляется со значением глагола «жертвовать», «приносить жертву». Жертвенные бронзовые сосуды шанского Китая, по его словам, тоже имеют именно такую форму [19].

Глиняные триподы ли и дин продолжают широко употребляться населением Северо-Западного Китая и в то время, когда там развивается генетически связанная с культурой яншао и ее расписной керамикой культура местного бронзового века (по мнению И. Г. Андерсона, в пределах VIII—V вв. до н. э.).

Глиняные триподы в долине р. Желтой исчезают после периода Чжоу, когда вместо глиняных обиходных триподов, служивших для повседневных домашних нужд, широко распространяются богато украшенные, нередко роскошные триподы, вылитые из меди и бронзы, предназначенные преимущественно для культовых целей. Как полагают китайские археологи, полное вытеснение триподов из быта объясняется переходом от простых очагов, в которые ставились такие сосуды, к настоящим печам, известным по жертвенным (погребальным) моделям ханьского времени.

Таким образом, в собственно Китае глиняные триподы характерны для каменного и бронзового веков. Для железного века позже времени Воюющих царств (Чжаньго, V—III вв. до н. э.) они не типичны.

Су Бинь-ци в своем исследовании, посвященном погребениям на террасе Доуцзи, также отметил, что появившиеся в конце неолита триподы из глины существуют вплоть до эпохи Чжаньго, особенно в Дунбэе [20]. Он впервые дал подробную типологическую характеристику различных вариантов этих сосудов и наметил последовательность эволюции их форм, разделив их на четыре группы. Первая хронологическая группа выделена им

[14] J. G. Andersson. Preliminary Report on the Archaeological Research in Kansu, стр. 37.

[15] H. G. Creel. Ук. соч.

[16] Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958, стр. 22. Фань Вэнь-лань отождествляет средний слой Хоугана и черную керамику с эпохой Ся (2033—1562 гг. до н. э.), C. D. Wu. Prehistoric Pottery in China. London, 1938, стр. 142—143.

[17] C. D. Wu. Ук. соч., стр. 142.

[18] Там же, стр. 144.

[19] H. G. Creel. Ук. соч., стр. 198.

[20] Су Бин-ци. Погребения на «участке восточнее канала» на террасе Доуцзи. Пекин. Академия наук. Институт истории. Материалы археологических раскопок в Шэньси. Серия 1, № 1, 1948. Альбом погребений на «участке восточнее канала» на террасе Доуцзи. Пекин. Академия наук. Институт археологии, 1954 (на кит. яз.).

условно, так как ранние образцы таких сосудов не обнаружены. Вторая представлена группой неолитических триподов из Бучжаочжай, опубликованных Андерсоном. Третья группа хронологически соответствует концу эпохи черной керамики (культуры луншан), а также времени от конца культуры луншан до периода Инь-Чжоу.

Последняя группа триподов включает сосуды эпохи Инь-Чжоу вплоть до Чжаньго. Общая линия эволюции триподов такова: от сосудов сравнительно высоких и узких, с большими долями резервуара, к сравнительно низким и широким, с короткими полыми внутри ножками. Затем доли резервуара — ножки редуцируются еще больше, а под конец и совсем исчезают, и сосуды приобретают шаровидную форму.

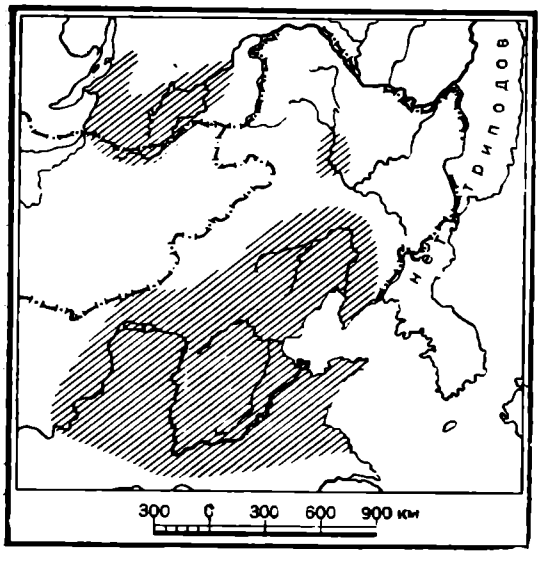


Рис. 8. Карта-схема распространения глиняных триподов в Китае и Забайкалье

Следует отметить, что забайкальские триподы обнаруживают совпадения с древнекитайскими триподами не только по общей их форме, но и в частностях. На древних китайских триподах столь же часто, как и на забайкальских, видны снаружи отпечатки тканей, что свидетельствует об одинаковых технических приемах [21]. В глине китайских триподов нередко отмечается такая же примесь мелкораздробленного камня [22]. На древних китайских триподах имеются также характерные налепы-ушки [23]. Есть на них и специальные налепные перемычки, скрепляющие друг с другом соседние доли трипода [24]. Некоторые китайские триподы, как и забайкальские, опоясаны поперечными налепными валиками, имитирующими круто свитый шнурок [25].

Интересно, что в Забайкалье представлены сосуды типа ли, по пропорциям соответствующие китайским триподам (АВ, по схеме Су Бин-ци) второй и отчасти третьей (С) хронологическим группам. Наиболее поздние триподы (группы Д-3 и Д-4, по схеме Су Бин-ци), а также сосуды с шаровидно-круглым дном у нас неизвестны. Это позволяет предположить, что эволюция триподов здесь была исчерпана на том этапе, который в Северном Китае заканчивается до эпохи Чжаньго, т. е. к V в. до н. э.

Наличие в Забайкалье триподов, аналогичных по общей форме, а в ряде случаев и по некоторым мелким, но специфическим деталям с древнекитайскими триподами, ставит также проблему о древних культурных связях и этнических взаимоотношениях забайкальских племен бронзового и раннего железного веков с Китаем и его ближайшими соседями (рис. 8).

Сущность проблемы заключается в том, что характер и направление культурных связей забайкальских племен с Востоком в рассматриваемое время, по сравнению с более ранней эпохой, коренным образом меняются.

Ранее, в неолитическое время, наблюдалась определенная активность северных племен, направленная в сторону Монголии и соседних с ней областей Северного Китая, о чем свидетельствует отмеченное выше проникновение на эти территории керамики и каменных изделий, характерных

---

[21] J. G. Andersson. Researches into the Prehistory of the Chinese, табл. 167—170, 177, 178.

[22] Там же, стр. 237.

[23] Там же, табл. 17, *1*, *3*; табл. 173, *1*; табл. 174, *1*; табл. 177, *2*; табл. 178, *1*.

[24] Там же, табл. 173, *2*; табл. 175.

[25] Там же, табл. 171, *3*; табл. 173, *2*; табл. 175; табл. 177, *1*; табл. 179, *2*.

для неолита Восточной Сибири. Начиная с глазковского времени происходит обратный процесс. Активная роль в культурных связях в Забайкалье переходит к народностям и культурам Востока. Наиболее ярким свидетельством этих перемен являются триподы.

Триподы ли и дин появляются всюду там, где были древние китайские земледельцы или непосредственно сказывалось влияние их самих и созданной ими высокой культуры.

Центральной областью распространения триподов ли и дин является колыбель китайской цивилизации — долина р. Желтой. Они хорошо известны также по соседству с Северным Китаем, к востоку от Шаньдуна, на полуострове Ляодун, т. е. в той области, где издавна, согласно китайской исторической традиции еще с конца династии Инь, оседали выходцы из Китая. На Ляодуне, в окрестностях Дальнего и Порт-Артура, сосуды типа ли встречены в поселениях, датируемых чжоуско-ханьским временем [26].

Вторая, соседняя с Китаем область, где столь же широко распространены эти сосуды в древности,— Дунбэй. Обломки таких сосудов в большом количестве найдены и опубликованы еще первыми исследователями археологических памятников бассейна рек Ляохэ и Шара-Мурена, как, например, Р. Тории. Как было установлено дальнейшими исследованиями, триподы типа ли характерны для местной культуры бронзового века, известной по захоронениям в каменных ящиках из вертикально поставленных в землю плит (Чифэн, «вторая доисторическая культура») [27].

Наличие здесь триподов К. Хамада и С. Мидзуно объясняют «китаизацией» местных племен дунху. Отмечается также, что по антропологическому облику древнее население Чифэна было очень близко к населению Ганьсу и Хэнани, оставившему могилы и поселения культуры яншао, а также (что вполне понятно) и к современным северным китайцам, потомкам людей культуры яншао. Антропологи Мияке, Т. Иосими и М. Намба пришли также к выводу, что древний народ хань, т. е. китайцы, отличал от себя свою ветвь, обитавшую на севере, как «дунху», только лишь на основании различий в культуре, а физически они были одинаковы.

Две ножки глиняных триподов выделяет среди находок Ф. Бергмана из Внутренней Монголии И. Маринге р [28].

Самые северные образцы сосудов (ножки) триподов отмечены в сборах с выдувов около Ананци (Цицикар) в Дунбэе, поблизости от Амура. В бассейне Амура и в Советском Приморье их нет. Нет их и в соседних районах Северо-Восточного Китая.

По данным, собранным китайским исследователем Тун Чжи-чэном, сосудов типа дин и ли нет как в долине р. Туманцзян, так и на всем пространстве к востоку от хребта Ваньда-Шаньмяо, вплоть до границ Китая с Кореей [29]. Нет их и на территории Кореи. На пути распространения триподов к северным берегам Тихого океана встала как бы незримая стена.

Таким препятствием были, должно быть, мощные массивы как древнекорейских племен, создавших собственное государство когурё, так и племен тунгусо-маньчжурских, или палеоазиатских (древних фуюй и илоу), которые, согласно китайским известиям, отличались воинственным характером. В этих областях, где отсутствуют триподы, не было, очевидно, и ранней китайской колонизации.

Не встречено пока глиняных триподов и к западу от Ганьсу, в древних оазисах среди пустынь Центральной Азии, через которые пролегал вели-

---

[26] P'itzu-wo. Prehistoric Sites by River Pi-liu-no. South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. I. Tokyo — Kyoto, 1929, табл. XXXIX, XL, XLI.

[27] Archaeologia Orientalis, серия А, т. VI, 1938.

[28] J. Maringer. Contribution to the Prehistory of Mongolia, стр. 197.

[29] Тун Чжи-чэн. Три типа неолитической культуры в провинции Гирин. КС, № 1, 1957.

кий трансконтинентальный «шелковый путь». Отсутствие здесь триподов объясняется тем, что экспансия Китая в «западный край» тоже началась позднее, лишь в циньское и ханьское время.

В свете всех этих фактов становится ясным, что появление и неожиданно широкое распространение глиняных триподов, аналогичных древнекитайским триподам ли, в Забайкалье (и при этом не только на юго-востоке, но и далеко на севере и на западе, вплоть до севера Байкала и низовьев р. Селенги) не было случайностью и свидетельствует о важных для Забайкалья исторических событиях.

Конечно, вряд ли можно объяснить появление триподов проникновением в эти местности самих китайцев. Триподы древнекитайского типа за Байкалом употребляли местные племена бронзового и раннего железного веков, строившие для своих умерших сородичей монументальные плиточные могилы. Они, несомненно, выделывали их здесь же, в степях Забайкалья, так как трудно предположить, что столь громоздкие, неуклюжие, а вместе с тем хрупкие глиняные сосуды могли доставляться из далеких областей и стран, на расстоянии сотен и тысяч километров.

Глиняные триподы Забайкалья были не только изделиями местных племен, но и отражали их своеобразные художественные вкусы и быт. Они явно прошли в забайкальских степях свой собственный путь развития, получив в результате особые, своеобразные формы. Об этом наглядно свидетельствуют и некоторые их детали. В отличие от подавляющего большинства глиняных триподов, найденных на территории Северного Китая, венчики-воротнички забайкальских триподов, исключая один случай (трипод из района Селендумы) не отогнуты наружу, а совершенно прямые, вертикально поставленные на круглые плечики сосуда. В Китае же прямые венчики представляют исключение.

В Забайкалье на триподах нет дугообразных ручек, похожих на боковые ручки древнекитайских триподов. Зато определенно местной, автохтонной, изначально чуждой Китаю чертой является широко распространенный в Забайкалье обычай украшать венчики и ножки триподов гребенчатыми оттисками. Этот обычай уходит в далекую историю племен Восточной Сибири, в орнаментику неолитического времени.

Местное изготовление триподов в Забайкалье подтверждается и композиционными особенностями их орнамента из налепных валиков, подражающих шнуркам, которые свисают подобно кистям с шейки сосуда на его плечики и туловище.

Происхождение этого орнамента становится ясным при сопоставлении забайкальских триподов с якутскими деревянными сосудами-чоронами. На последних точно так же свисают с волосяного шнурка, опоясывающего сосуд, такие же волосяные шнурки. Чороны, высокие кубковидные сосуды, украшенные богатой орнаментальной резьбой, употреблялись в прошлом якутами во время праздника плодородия — ритуального кумысного пира ысыаха во славу божеств земли и неба. Ысыах устраивался весной или в начале лета, когда больше всего имелось молока и кумыса.

Употребление шнурков из конского волоса для украшения чоронов тоже было связано у якутов с культом плодородия и конного скота, который отражен в их мифологии и обрядах. Среди божеств древних якутов видное место занимали образы небесного божества, громовержца Джесегея и богини Айыгыт — покровительницы конного скота, которую эпические сказания якутов представляли в облике кобылицы [30].

И. Г. Андерсон уже высказал догадку, что форма резервуаров древнекитайских триподов ли, напоминающих женскую грудь с соском, находилась в связи с земледельческим культом архаического Китая. Этот символ

[30] А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутии, т. I, М.—Л., 1955, стр. 290; W. Yochelson. The Yakut. Anthropological Papers of the Amer. Mes. of Natural History, т. XXXIII, ч. II, N. Y., 1933; его же. The Kumiss Festivals of Yakut and the Decoration of Kumiss Vessels. N. Y., 1906.

женского плодородия мог способствовать также плодородию полей и благополучию мертвых «на том свете» [31].

Аналогичные магические в своей основе представления, связанные с культом плодородия, существовали и у древних племен Забайкалья, употреблявших триподы. Однако, как свидетельствует аналогия с якутскими чоронами, характер их был существенно иным. Это был культ плодородия не земледельцев, а скотоводов, культ изобилия молочных продуктов и плодородия конного скота.

Забайкальские племена, очевидно, находились в живой, особо близкой и тесной связи с древнекитайскими племенами, благодаря чему усвоили такую важную и специфическую черту их культуры, какой были триподы. Выше мы уже отмечали, что у наиболее близких к Китаю обитателей Кореи, Приамурья конца II— начала I тысячелетия до н. э., так же как и у карасукских племен Южной Сибири, несмотря на наличие у последних ряда вещей, сходных с китайскими эпохи Инь (например, коленчатых ножей с рукоятками в виде голов животных), не было ничего похожего на триподы, а керамика их в целом не имеет ничего общего с собственно китайской керамикой.

В то же время у забайкальских племен были в употреблении металлические изделия, не только близкие к древнекитайским, но в ряде случаев непосредственно развившиеся под влиянием китайских образцов эпохи Инь и Чжоу. Таковы некоторые бронзовые «клевцы» Забайкалья и Южной Сибири, которые имеют ближайшие параллели в древнекитайских бронзовых алебардах ко, т. е. в столь же специфических для архаического Китая предметах вооружения, какими в керамике являются глиняные триподы ли и дин [32].

Алебарды ко были самым распространенным в иньском и позже в чжоуском Китае видом оружия [33]. Они встречаются чуть ли не в каждой мужской могиле того времени, вместе с одним-двумя сосудами, в том числе триподами [34]. Тот факт, что именно эти алебарды ко вместе с триподами нашли доступ в Забайкалье и дали здесь начало карасукскому клевцу, еще сильнее подчеркивает глубину и жизненную силу связей забайкальских племен того времени с Китаем.

Чтобы понять конкретные условия, в которых происходил контакт между забайкальскими племенами и древними китайцами бронзового века и начала железного века, нужно иметь в виду, что культура плиточных могил Забайкалья вовсе не представляет собой какое-то изолированное и узко локальное явление.

Культура плиточных могил охватывает обширные пространства к востоку от верховьев Селенги. Плиточные могилы забайкальского типа я видел в горах Гобийского Алтая в 1949 г. Могилы этого рода, а также могилы фигурные, в виде прямоугольников с вдавленными внутрь боками, отмечены И. Маринге ром, а также Ф. Бергманом во Внутренней Монголии [35].

---

[31] J. G. Andersson. Researches into the Prehistory of the Chinese, стр. 235.

[32] О клевцах карасукского времени в Южной Сибири и их связи с иньскими (и чжоускими) секирами ко см. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 124—125.

[33] Крил приводит имеющийся на гадательных костях иероглиф «фа», который изображает, по мнению Шуо Вена и других авторов, «человека, держащего ко». Крил считает, что вернее видеть в этом иероглифе изображение человеческой жертвы, человека, убиваемого ударом ко в шею.

[34] Су Бин-ци. Ук соч.

[35] F. Bergman. Travels and Archaeological Field-Work in Mongolia and Sinkiang. A Diary from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under Leadership of d-r S. Hedin. History of the Expedition in Asia 1929—1935, ч. IV. General Reports of Travels and Field-Work. Stockholm, 1945; J. Maringer. Contribution to the Prehistory of Mongolia; его же. Gräber und Steindenkmäler in der Mongolia. Monumenta Sinica, т. XIV, 1949—1955, стр. 303—339, табл. V, *1, 2*; табл. VII, *1, 2*; стр. 14, рис. 2, табл. 1—2; А. П. Окладников. Новые данные по древнейшей истории Внутренней Монголии. ВДИ, 1951, № 4, стр. 162, 163, рис. 1, 2.

Широкое распространение плиточных могил в Монголии прослежено С. В. Киселевым. Им же отмечено и широкое распространение по территории Монголии «оленных камней». С. В. Киселев справедливо подчеркнул «полное сходство плиточных могил Монголии и Забайкалья» [36].

Могилы, близкие к забайкальским по формам, есть как будто бы, судя по данным Н. К. Рериха, в Тибете. И, наконец, культура бронзового века Дунбэя («вторая доисторическая культура Чифэна») также характеризуется захоронениями в каменных ящиках, хотя последние находятся в земле, а не возвышаются над ее поверхностью. В таких каменных ящиках Дунбэя вместе с бронзовыми изделиями, близкими по типу к иньско-чжоуским, имеются и глиняные триподы.

Люди культуры плиточных могил Забайкалья, столь близко знакомые с древними китайцами и их оригинальной высоко развитой цивилизацией, принадлежали, следовательно, к одному и тому же большому этническому массиву, простиравшемуся в бронзовом и железном веке от Северного Китая, Ордоса и Дунбэя до Байкала. Единство этой культуры, бесспорное сходство характерных для нее погребальных памятников, искусства и быта на всем этом пространстве может рассматриваться прежде всего как свидетельство о единстве ее происхождения.

Не исключена, далее, и такая возможность, что эти многочисленные и широко расселенные племена уже образовывали какое-то межплеменное объединение, что-то вроде прообраза и предшественника позднейшего племенного союза, кочевого государства гуннских племен II в. до н. э.— II в. н. э. В любом случае ясно, что они так или иначе соприкасались с древними китайцами, находились с ними в тесной связи. Это были, очевидно, представители варварских племен, наиболее близких по культуре китайцам эпохи Инь и Чжоу. Может быть, именно они и были ранними динлинами, вытесненными, согласно китайским письменным источникам, в свое время из бассейна р. Желтой на север в результате консолидации древнекитайских племен и образования у них государственности. И в таком случае становится понятным, почему именно у них, в Забайкалье, а не в Минусинской котловине и не на Алтае, оказались глиняные триподы — этот настоящий символ древнекитайской цивилизации, характерный для нее, по крайней мере, в течение трех тысячелетий.

---

[36] С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН, сер. истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 362—363.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

БРОНЗОВЫЙ МЕЧ ИЗ ЯКУТИИ

Одной из самых больших неожиданностей, встретившихся при первых же систематических археологических исследованиях Ленской археологической экспедиции в Якутии в 1940—1946 гг., был тот факт, что здесь, в долине р. Лены, на всем ее протяжении, вопреки господствовавшему ранее среди ученых мнению, существовала в глубокой древности, около двух с половиной тысяч лет тому назад и ранее, собственная культура бронзового века [1]. Теперь мы знаем, что и в Якутии во II—I тысячелетиях до н. э. жили племена, знакомые с медью и бронзой, что там существовало собственное бронзо-литейное производство, выделывались и употреблялись различные орудия труда и предметы вооружения из меди и бронзы, в том числе наконечники копий, мечи и кинжалы, а также топоры-кельты.

Вместе с тем, как мне уже не раз приходилось отмечать, памятники культуры бронзового века Якутии свидетельствуют, что население ее не только прошло, как и различные другие племена Старого Света, этот культурно-исторический этап, но и находилось при этом в неожиданных иногда по масштабам связях с населением других областей. Одним из важнейших направлений этих связей оказалось то, которое вело из долины р. Лены на далекий Юго-Восток, в Китай. Во всяком случае ясно, что среди найденных в Якутии древних бронзовых вещей большая часть так или иначе обнаруживает сходство именно с теми изделиями, которые характерны для архаического Китая. Особенно интересно и важно, что с древнекитайскими бронзовыми изделиями сходны такие вещи, которые сближаются по своей форме и орнаменту с самыми древними, известными сейчас, и вместе с тем высокосовершенными по технике изготовления образцами бронзолитейного искусства Китая — с бронзовыми изделиями эпохи Шан-Инь. Это, в первую очередь, замечательные втульчатые топоры-кельты, повторяющие по форме иньские кельты, орнамент которых тоже является лишь видоизменением типичной иньской и чжоуской орнаментации в виде маски мифического чудовища тао-тье и «цикад» [2].

Так стало ясным, что неожиданно раннее появление местной металлургии меди и бронзы в Якутии (если не в середине II тысячелетия до н. э., то, во всяком случае, уже на рубеже II и I тысячелетия до н. э., в конце иньского и в начале чжоуского времени, по китайской хронологии), а также и относительно высокий уровень развития производства металлических изделий в значительной мере объясняются связями древних племен Якутии с архаическим Китаем, с культурой бронзового века Китая. Оттуда, из далекого Китая, при посредстве других племен, обитавших на промежуточных территориях, очевидно, проникли на Среднюю и Нижнюю Лену навыки обработки металла; оттуда попадали на север те ме-

---

[1] А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 137—185.

[2] Там же, стр. 179—183.

таллические изделия, которые затем становились образцами для подражания у местных мастеров литейного дела. Среди таких бронзовых вещей, которые сближаются с архаическими древнекитайскими предметами, мною отмечен и резко отличающийся от изделий степных литейщиков короткий бронзовый меч или кинжал.

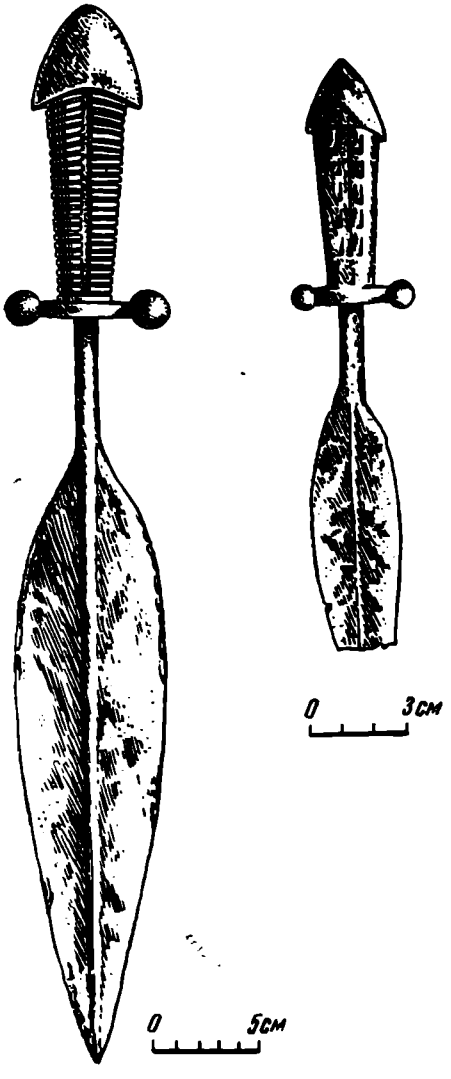


Рис. 1.

Слева—укулаанский меч; Справа —харбинский меч

Меч найден на северном краю поселка Укулаан, расположенного на правом берегу р. Алдана при устье р. Укулаан вблизи шоссе Алдан — Томмот [3].

Укулаанский меч отлит из превосходной бронзы. С обеих сторон он сплошь покрыт ровной, редкой по глубине тона и эмалевому блеску, благородной патиной зеленовато-голубого цвета. После отливки меч был отшлифован сплошь по всей поверхности, и особенно по обеим широким плоскостям клинка. В техническом отношении литье превосходное. Характерная особенность техники изготовления изделия заключается в том, что оно сделано из двух частей — клинка и рукоятки, отлитых отдельно, а затем соединенных. Общая длина меча — 49,8 *см* (рис. 1).

Клинок по своим очертаниям совершенно необычен для изделий данного рода. Клинки мечей и кинжалов обычно плавно расширяются от острия к рукоятке и достигают наибольшей ширины у эфеса. Здесь же широкий клинок отделен от рукояти длинным и узким стержнем — насадом. По форме он представляет собой листовидный наконечник копья с округлым в сечении нормальных размеров срединным стержнем. Стержень начинается с самого острия и, постепенно расширяясь, проходит дальше, за пределы клинка. В отличие от обычных бронзовых наконечников копий, стержень этот, однако, далее не расширяется и не образует втулки. Он остается сплошным и утолщается лишь в незначительной степени, достигая на конце всего лишь 1,1 *см* в диаметре. Лезвия клинка симметрично и полого сточены с обеих сторон.

Рукоять меча массивная и тяжелая. Она начинается перекрестьем в виде массивной перекладины, прямоугольной в вертикальном сечении и овальной в горизонтальном, с шариками на концах. На верхней и нижней плоскостях перекрестья имеются следы полустертых литейных швов. Рукоять слегка расширяется кверху. В поперечном сечении она овальная, в продольном — плоско-выпуклая. Она увенчана полулунно-треугольным навершием с обращенными вниз массивными шипами. В поперечнике навершие имеет форму двояковыпуклой линзы.

Вдоль рукояти, во всю ее длину, проходит сквозная щель шириною 2 *мм*. Вся поверхность рукояти рассечена на глубину около 1 *мм* попереч-

[3] Меч найден случайно при пахоте Галиной Горяновой и передан в Якутский музей в 1943 г.

ными узкими желобками в количестве 26. Около перекрестия желобки прямые, в верхней части рукояти — дугообразно выгнутые, в соответствии с полулунным краем навершия. Желобки и сквозная срединная щель рукояти были сплошь заполнены плотной блестящей массой черного цвета, выкрашивающейся маленькими кусочками, похожими на кусочки каменного угля-богхеда или, скорее, застывшей смолы. Материалом для этой оригинальной инкрустации должно было послужить какое-то пластическое вещество органического происхождения, по всем признакам — березовый вар. Можно предполагать, что стержень-насад клинка был закреплен в гнезде рукояти припаем из меди или олова.

Сохранность орудия в общем хорошая, но на нем все же имеются разнообразные следы новейших повреждений: стержень сломан, оба лезвия зазубрены ударами о какой-то твердый предмет, продольная жилка на середине своей длины смята и расплющена, а с одной стороны даже треснула, кончик острия обломан, у основания стержня имеется глубокая боковая насечка.

До последнего времени были известны лишь довольно далекие аналогии укулаанскому мечу среди древнекитайских бронзовых изделий, а именно — среди изделий иньских мастеров XIV—XII вв. до н. э. Но по сравнению с парадными иньскими кинжалами укулаанский меч не так роскошен. Он отлит весь из бронзы, тогда как те сделаны из разных материалов, редких и драгоценных: клинок — из нефрита, рукоять орнаментирована бирюзой. Укулаанский меч еще больше отличается от иньских и своим более развитым обликом; он как бы представляет дальнейшую ступень в эволюции этой простейшей исходной формы. Простой листовидный клинок без срединной жилки сменяется клинком с жилкой и особым длинным цилиндрическим насадом. Рукоять заканчивается теперь навершием характерной формы, и, самое главное, на ней вырастают поперечные выступы перекрестья, заканчивающиеся шариками.

Поскольку в степях Сибири и Восточной Европы среди сотен бронзовых кинжалов и мечей не было известно ни одного предмета, напоминающего укулаанский меч, следовало ожидать, что более или менее точные аналогии ему найдутся там же, где нашлись единственные, хотя и более архаичные, параллели,— в бронзовом веке Китая. И вот, наконец, спустя 13 лет после находки меча на Укулаане, такая аналогия в Китае, действительно, нашлась.

Музей древностей и естественных наук провинции Хэйлуньцзян получил в 1956 г. небольшой бронзовый меч, найденный на склоне виноградника местного жителя Чжан Фаня в местности Шанчжитан, в 175 *км* к юго-востоку от г. Харбина.

Изданный рисунок (рис. 1) [4] недостаточно отчетлив, чтобы иметь полное представление об орнаменте на мече. Но общий характер изделия совершенно ясен. Достаточно одного взгляда на рисунок, чтобы убедиться в том, что перед нами — ближайшая аналогия укулаанскому мечу, почти двойник его. У харбинского экземпляра такой же листовидный клинок; его срединная жилка также переходит в цилиндрический стержень насада. Одинакова и форма рукояти с резным узором и с таким же навершием, как у нашего экземпляра из Якутии. Одинаковы и общие пропорции обоих изделий. Различия заключаются только в размерах (длина харбинского меча 21 *см*) и характере орнамента, который на харбинском экземпляре имеет вид П-образных фигур.

Харбинский меч найден в той области, которая издавна входила в территорию, непосредственно связанную с соседним Китаем, с главным центром китайской государственности и культурного развития в районе р. Хуанхэ. Здесь всегда так или иначе отражались крупные исторические события, происходившие в собственно Китае. Культура же местных пле-

[4] ВЦЦ, 1956, вып. 10, стр. 75.

мен, начиная с неолита (как это видно из находок в гроте Шагодун в Фынтяне), имела определенный отпечаток связей с Китаем. В ней легко могут быть обнаружены разнообразные черты, которые были заимствованы из культурного достояния неолитических земледельцев Китая. Так, вместе с туземной по происхождению керамикой в виде плоскодонных сосудов «воронкообразной» формы в гроте Шагодун найдены обломки расписных сосудов, подобных расписной керамике яншао [5].

Такое же влияние Китая обнаруживается в более поздних памятниках Дунбэя, в частности в могилах бронзового века и отчасти, может быть, начала железного века. Могилы эти имели вид каменных ящиков, сложенных из вертикально поставленных плит, иногда покрытых плитами и сверху [6]. Они оставлены были скотоводческим племенем, разводившим крупный и мелкий рогатый скот. В могилах оказались глиняные сосуды, в том числе типично китайские триподы типа ли для варки пищи. Из металлических изделий выделяются наконечники стрел с листовидным пером и черешком для насада, близкие по типу к найденным в могилах иньского времени. Из находок на поселениях отмечаются литейные формы для кельтов, близкие по типу к обычным карасукским, а также каменные топоры-молоты со сверленым отверстием. К числу таких находок, датируемых иньско-карасукским или непосредственно следующим за ним временем (около XII—VII вв. до н. э.), и следует, очевидно, отнести замечательный харбинский меч.

---

[5] I. G. Andersson. The Cave Deposit at Sha Kuo T'un in Fengtien. Palaeontologia Sinica, серия D, т. I, ч. 1, 1923.

[6] K. Hamada. Hung-Schan-Hou, Ch'ih-Fêng. Archaeologia Orientalis, серия A, т. IV, 1938.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ЖЕЛЕЗНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ БОСПОРА в III в. н. э.

В 1957 г. при раскопках небольшого боспорского поселения у дер. Семеновки на берегу Азовского моря, в помещениях, погибших от пожара в конце III в. н. э., найдены два железных лемеха от плугов и пять железных кос. В 1953 г. у дер. Ново-Отрадное при раскопках другого поселения, также расположенного на берегу Азовского моря и, по-видимому, одновременного с первым поселением, нашли массивную железную мотыгу. Эти сельскохозяйственные орудия, не имеющие пока еще аналогий на Боспоре, существенно дополняют наши представления о боспорском земледелии в первые века нашей эры.

В единственной обобщающей и очень интересной работе В. Д. Блаватского по земледелию в античных городах Северного Причерноморья автором посвящено лишь несколько страниц сельскохозяйственным орудиям. В его распоряжении, кроме серпов из Нимфея, Киммерика и Семибратнего городища, виноградных ножей из Пантикапея и Мирмекия и маленького «тяпкообразного» орудия из Семибратнего городища [1], не было других орудий, происходящих с Боспора. Сельскохозяйственный инвентарь из раскопок поселений на Боспоре за последние годы позволяет значительно расширить этот список.

Из найденных у дер. Семеновки лемехов полностью удалось восстановить лишь один (из помещения «К») [2]. Он небольшого размера: общая длина — 28,5 *см*, длина режущей части — 8,8 *см*, ее ширина — 9 *см* (рис. 1). Нижний режущий конец уплощен в виде лопаточки и слегка выгнут. Верхний конец оканчивается загибающимся в виде крючка небольшим шипом для прикрепления лемеха к деревянному основанию плуга. Лемехи типа найденных в Семеновке до настоящего времени в Северном Причерноморье неизвестны. Вместе с тем применение плуга при обработке почвы на Боспоре засвидетельствовано изображениями на пантикапейских бронзовых монетах конца III или начала II в. до н. э. На них представлен типичный греческий плуг с подошвой в виде деревянного бруса, на передний конец которого надевался железный сошник или лемех [3]. Судить по этим изображениям о форме лемеха трудно. Возможно, здесь изображен плуг такого же типа, как на статуэтке из Чивите Кастеляна

---

[1] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 105—115.

[2] Хранится в Государственном Историческом музее. Из-за того, что железо сильно испорчено коррозией и растрескалось, толщину лемеха установить не удается. Распадающиеся куски пришлось скрепить воском, заполнившим щели, поэтому толщина лемеха стала значительно большей, чем первоначально.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 97, рис. 8; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 106.

(Этрурия), также относящейся к III или II в. до н. э.[4]. Плиний называет такой тип плуга «обычным плугом, состоящим из лесины с загнутым наподобие клюва концом» («alterum genus est volgare rostrati vectis») [5]. Лемехи, заостренные в форме клюва, известны в Египте греческого времени [6] и в Европе в эпоху латена [7]. Они надевались на передний конец подошвы

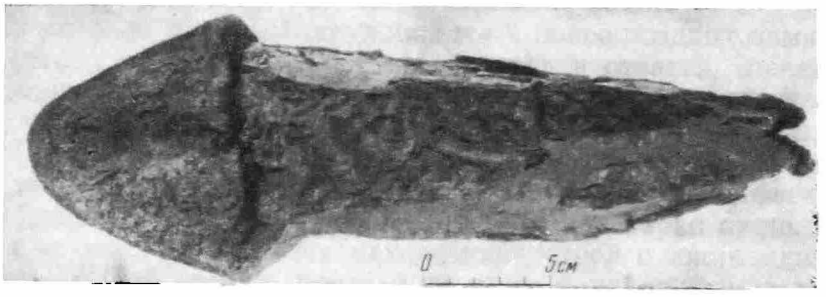


Рис. 1. Лемех плуга из Семеновки

плуга. О них, вероятно, говорил Катон во II в. н. э., рекомендуя съемный лемех как наилучший [8]. Лемех такой формы мог применяться и как наконечник сохи, и как наконечник плуга. Известно, что соха и плуг появились почти одновременно и долго сосуществовали. Примитивный плуг, хотя и имел перед сохой преимущество в том, что он переворачивает пласты зем-

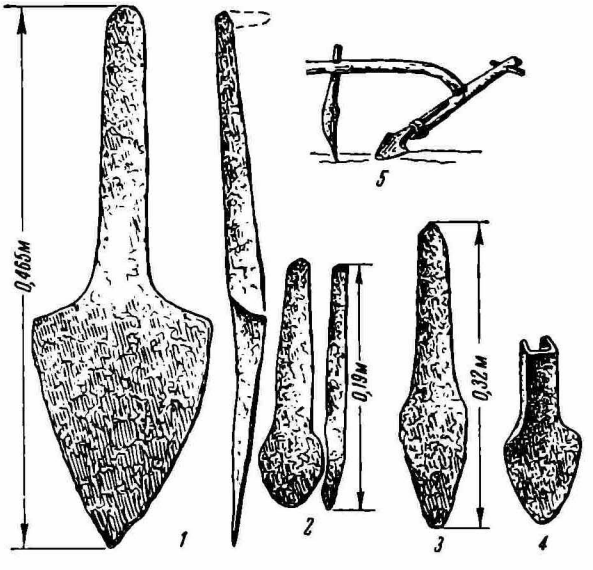


Рис. 2. Лемехи плугов

1 — из Мангалии; *2* — из Тиносуля; *3* — из Пояны; *4* — из римской виллы вблизи Сармицегутузы; *5* — общий вид плуга с лемехом типа найденного в Семеновке

ли, тогда как соха лишь разбивает землю на куски, был неудобен для вспахивания каменистых, жестких, земель, имеющих корни и пни [9]. К I в. н. э. с развитием земледельческой техники совершенствуется форма плу-

[4] М. Е. Сергеенко. Пахота в древней Италии. СА, VII, 1941, стр. 223, рис. 2.
[5] Plin., NH, XVIII, 171.
[6] W. M. Flinders Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, стр. 55, табл. LXVII, *37*.
[7] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, IV, Paris, 1927, стр. 885, рис. 610, *1, 4, 7*.
[8] Cato. De agri cultura, 135, 2.
[9] А. В. Арциховский. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. Тр. социологической секции РАНИОН, т. I, 1927, стр. 129.

та. Плиний пишет о многочисленности различных видов плугов в это время. Он сообщает также, что в его время в Реции появился усовершенствованный плуг с колесами, называемый «plaumoratum». Лемех этого плуга имел форму лопаты и переворачивал дерн. Такой плуг применяли для поднятия нови [10]. Его изображение выгравировано на греко-римском амулете из яшмы [11]. Близкой формы лемех в виде равнобедренного треугольника с двумя заостренным сторонами и острым концом изображен и у плуга на барельефе базы статуи Цереры с полуострова Магнезии [12]. Он принадлежит к четвертому типу плугов, описываемому Плинием, который сообщает, что у этого типа лемех более широкий и острый, заканчивающийся острием, как у меча. Он одновременно и прорезает землю, и подрезает своими острыми сторонами корни трав [13]. Лемех, найденный в Семеновке, по-видимому, надо отнести к этому типу, хотя его малые размеры заставляют скорее считать его вариантом типа, описанного Плинием. Близкий ему по форме лемех [14] найден в Румынии при раскопах поселения Тиносуль, прекратившего свое существование в середине I в. н. э. (рис. 2,*2*), три лемеха, также датируемые периодом не позднее I в. н. э., были найдены в районе Мангалии. Массивные железные наконечники плугов из Мангалии со «стреловидными концами» имели, впрочем, большие размеры (длина — 0,465 *м*), но у них, так же как и у найденных в Семеновке, на конце стержня был загибающийся крючок (рис. 2, *1*) [15]. Аналогичный им римский лемех был найден в Сухополье [16] и при раскопках виллы II в. н. э. в древнем Авритусе (совр. Розград, Болгария). Близок семеновскому по форме и наконечник римского плуга, найденный в 1950 г. при раскопках гетского поселения Пояны на р. Серет, существовавшего до III в. н. э. (рис. 2, *3*) [17], а также лемех плуга из загородной виллы второй половины II — первой половины III в. н. э., открытой в Трансильвании вблизи древней Сармицегетузы (рис. 2, *4*) [18]. Однако в верхней части, прикрепляемой к подошве плуга, этот наконечник, в отличие от семеновского, не имеет стержня, а, как и большинство сошников, встреченных в Северном Причерноморье [19] и вообще в Европе [20], имеет боковые выступы, охватывающие деревянное основание подошвы плуга. Лемех типа семеновского мог прикрепляться к плугам различной конструкции, как с колесами, так и без них (рис. 2, *5*) [21]. Подобные лемехи были удобны для обработки твердых, каменистых почв и для целинных земель.

Еще в IV в. до н. э. Феофраст, повествуя о способах обработки почвы для посева, писал, что «все зависит от места». «В некоторых местах, например, в Сирии, нехорошо пахать глубоко, почему там и пользуются маленькими плужками» [22]. По-видимому, для некоторых почв Северного

---

[10] Plin., NH, XVIII, 172—173, т. I, рис. 438.

[11] Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1879, т. I, рис. 438.

[12] Там же, рис. 435.

[13] Plin, NH, VIII, 172.

[14] Длина его — 19 *см*, наибольшая ширина — 4,8 *см*. R. et E. Vulpe. Les fouilles de Tinosul. Dacia, I, 1924, стр. 218—219, рис. 47—48.

[15] V. Canarache. Unelte agricole pe teritorul Republicii Populare Române in epoca veche. SCIV, 1950, II, стр. 101, рис. 16. Вместе с тремя наконечниками плугов здесь были найдены косы, серп, мотыга, заступ.

[16] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 312, рис. 66, *19*.

[17] SCIV, 1951, I, стр. 201, рис. 21. Его длина — 32 *см*, наибольшая ширина — 6,8 *см*.

[18] Octavian Floca. Ferma (villa rustica) din epoca sclavagista romana. Materiale archeologice privind istoria veche a RPR, т. I, Bucureşti, 1953, стр. 751, рис. 9.

[19] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра. КСИИМК, вып. XXV, 1950, стр. 33, рис. 20.

[20] J. Déchelette. Ук. соч., стр. 885, рис. 610; W. M. Flinders Petrie. Ук. соч., стр. 55; табл. LVXII, *34*, и др.; V. Canarache. Ук. соч., стр. 97—100, рис. 13—15; Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 312, рис. 66.

[21] Рисунки плугов см. V. Canarache. Ук. соч., стр. 94—95, рис. 9, 10, 12.

[22] Феофраст. Исследование о растениях, VIII, 6, 3. Перевод М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1951, стр. 258.

и Западного Причерноморья глубокая вспашка также не приносила пользы. Вероятно, поэтому жители поселения у Семеновки употребляли лемехи небольших размеров. Также и в Придунавье, наряду с более крупными лемехами типа найденных в Мангалии, имелись маленькие лемехи типа орудия из Тиносуля, имеющего всего 19 *см* в длину и наибольшую ширину — 4,8 *см*.

Вместе с тем в связи с находками в Семеновке интересно вспомнить замечание Катона, повторенное Плинием, о том, что ячмень надо сеять на нови и на поле, которое можно не оставлять под паром, что ячмень можно сеять на легкой почве, так как корням его требуется меньше питания [23].

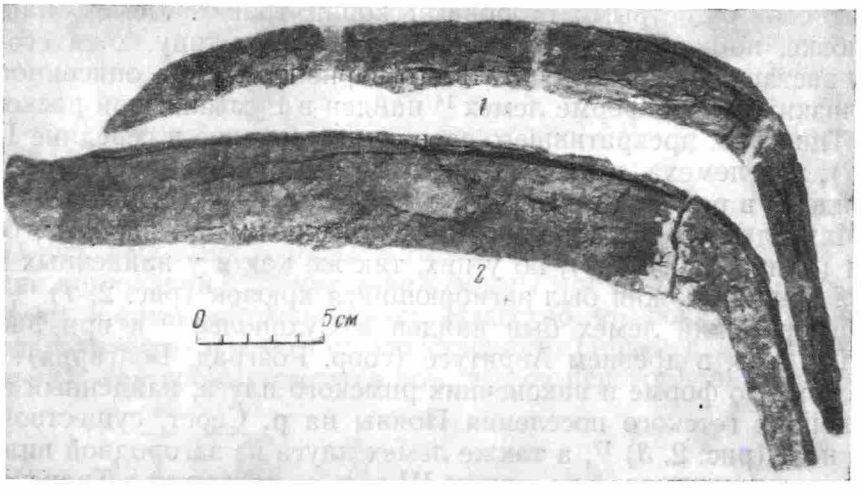


Рис. 3. Косы

1 — тип I; *2* — тип II

При раскопках Семеновки было найдено очень большое количество ячменя, хранившегося в корзинах, глиняных сосудах, каменных закромах. Вероятно, для его посева и обрабатывали поле с помощью найденных там лемехов. Плиний сообщает, что греки любили ячменную кашу [24], и описывает способы приготовления и сохранения ячменной крупы. Например, он пишет, что, вышелушив молодой ячмень из еще зеленых колосьев, его очищают, влажным обталкивают в ступе, промывают в корзинах, просушив на солнце, снова обталкивают и очищенный перемалывают. В Италии ячмень поджаривают и перемалывают, с прибавлением льняного семени, кориандра, соли и проса [25]. Интересно, что в Семеновке вместе с ячменем также было найдено просо и что большое количество ячменя находилось в корзинах; обуглившиеся прутья, из которых они были сплетены, найдены вперемежку с обуглившимися зернами ячменя. Наличие во всех помещениях каменных ступ и зернотерок позволяет предположить, что жители Боспорского царства пользовались теми же приемами приготовления ячменной крупы и муки, какие описывает Плиний.

Косы — другой вид сельскохозяйственных орудий, найденных в Семеновке,— также до сих пор почти не встречались на Боспоре [26]. Все пять кос, найденные в 1957 г., лежали вместе в помещении «Ж». По своей форме они делятся на два типа. К первому типу относятся две косы с широким лезвием, закругляющимся и слегка загнутым вверх концом (рис. *3*, *2*), ко второму типу принадлежат три косы с узким, более тонким лезвием и

[23] Plin., NH, XV—XVIII, 164—165.
[24] Там же, XVIII, 72.
[25] Там же, 73—74.
[26] Железная коса, как мне любезно сообщил В. Ф. Гайдукевич, была найдена в 1954 г. при раскопках Илурата.

заостренным, как у серпа, концом (рис. 3, *1*). И тот и другой типы имеют рукоятки в виде удлиненного округлого стержня с крючком на конце (длиной 1,3 *см*), расположенным под прямым углом к плоскости лезвия. У некоторых из кос стержень, к которому прикреплялась деревянная рукоять, находится под углом от 20 до 35° по отношению к плоскости лезвия. Хотя не все косы восстанавливаются полностью, форма их ясна. Длина лезвия у кос первого типа — 28,5 *см*, общая длина со стержнем по по обушку — 45 *см*. Длина лезвия у кос второго типа — 26 *см*, общая длина по обушку 42 *см*. Коса, найденная в Илурате, относится ко второму типу. Общая ее длина — 46 *см*, а длина лезвия — 29 *см*. До настоящего времени из боспорских орудий, применявшихся при уборке урожая, в литературе упоминались только серпы. Их неоднократно находили в поселениях Северного Причерноморья [27]. Бóльшая часть серпов по размерам меньше кос, найденных в Семеновке. Но длина некоторых серпов бывает почти равна длине семеновских кос. Так, например, найденный в 1956 г. в Танаисе железный серп II в. н. э. имеет по обушку длину — 42 *см*, а по прямой от конца острия до конца ручки — 32,5 *см*. Однако, несмотря на близость размеров, найденные в Семеновке орудия надо считать косами, а не серпами, хотя в некоторых работах все эти виды орудий называются серпами [28].

Серпы, применяемые при жатве колосьев для захвата их в сноп, имеют значительный выгиб стенки и загибающийся вниз край. Их рукоять расположена в одной плоскости с лезвием серпа. Косы же, применяемые для срезания травы или колосьев под корень, наоборот, должны иметь удлиненное лезвие, чтобы охватить по возможности бóльшую площадь. Кроме того, стержень, к которому должна прикрепляться удлиненная деревянная рукоять, находится под углом к плоскости лезвия. Эти два признака характерны для кос обоих типов из Семеновки [29].

Плиний называет два типа кос: италийские, более короткие, с которыми можно работать и в чащах кустарника, которыми можно косить одной правой рукой (по-видимому, под корень), и галльские, более длинные косы, срезающие траву до середины ее высоты [30]. Действительно, при раскопках галльских поселений Латена и Тьелла были найдены косы длиной в 50—75 *см* [31], а коса из некрополя Идрии имела даже 81 *см* длины [32]. Косы же из Семеновки ближе к первому из описанных Плинием типов. Косы с массивным лезвием и закругленным краем, предохраняющим от зацепов за ветки кустарников, не требуют большого размаха при работе; они особенно удобны при выкашивании травы между кустами и выступами скал, т. е. в условиях окрестностей позднеантичных поселений европейского Боспора. Второй тип кос из Семеновки, с заостренным лезвием, возможно, применялся при выкашивании лугов, а также хлебных и ячменных полей. Укороченные, с выпрямленными лезвиями косы позволяли срезать колос под основание и сохраняли длинные стебли, употреблявшиеся для покрытия крыш и на подстилку скоту.

На сельских поселениях первых веков нашей эры крыши построек, по-видимому, были соломенными, а не черепичными, так как на раскапывавшихся нами поселениях у деревень Семеновки, Ново-Отрадного, Золотого и Мысовки в завалах помещений черепица отсутствует. Форма кос из Семеновки ближе всего к косам, найденным в Стемсбурге (Саксония), в

[27] П. Д. Либеров. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э. Сборник материалов по истории земледелия в СССР, М., 1952, т. I, стр. 82—83.

[28] W. M. Flinders Petrie. Ук. соч., табл. LIV.

[29] Впрочем, одна из кос имеет очень незначительный угол отклонения ручки, которая находится почти в одной плоскости с лезвием. Славянские косы-горбуши тоже часто имеют стержень рукояти в одной плоскости с лезвием.

[30] Plin., NH, XVII, 261—262.

[31] Victor Gross. La Tène — un oppidum helvète. Paris, 1887, стр. 40, рис. 20. Флиндерс Петри приводит косу такой же формы из Швеции. См. W. M. Flinders Petrie. Ук. соч., табл. LIV, *20*.

[32] J. Déchelette. Ук. соч., стр. 886.

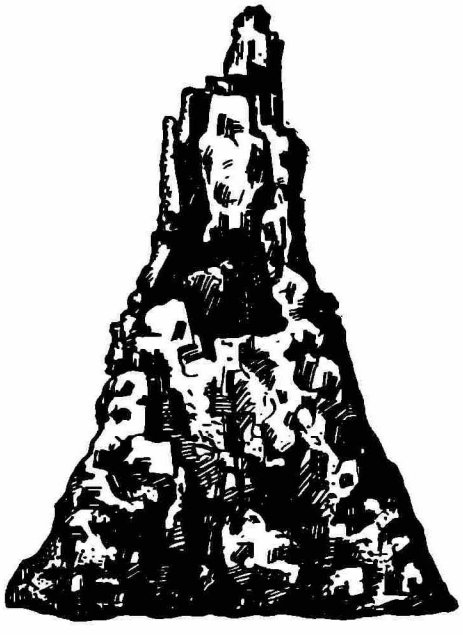


Рис. 4. Сельскохозяйственное орудие из Семеновки

Страдоницах (Чехия) и в Латене [33]. Флиндерс Петри считает, что этот тип происходит от серпов скифского типа [34]. Пока нет достаточных материалов, чтобы решить этот вопрос. Из серпов к семеновским косам, пожалуй, ближе всего формы серпов из Прикубанья [35], но последние малы по размерам и не имеют особенностей, свойственных косам.

Кроме лемехов плугов, серпов и кос, при раскопках боспорских поселений найдены мотыги, являющиеся широко распространенным видом античных сельскохозяйственных орудий, применявшихся для обработки земли. Согласно Феофрасту, мотыгой разрыхляли крупные комья земли после пропашки плугом [36]. По словам Гесиода, пользуясь мотыгой, присыпали семена при посеве [37]. Мотыгами окапывали виноградники, фруктовые деревья, иногда, если нельзя было пользоваться плугом, ими целиком обрабатывали поле [38]. В. Д. Блаватский считает мотыгой железное земледельческое орудие I—III вв. н. э. из Семибратнего городища [39], так же как и аналогичные ему орудия с городища № 2 у станицы Пашковской [40]. Н. В. Анфимов называл их «тяпкообразными земледельческими орудиями», М. В. Покровский — «лемехообразными» орудиями [41]. Всем этим определениям не соответствуют малые размеры орудий. Их длина 0,19 — 0,23 *м*, ширина рабочей части — 0,08—0,09 *м*. Они сделаны из железных пластинок 1 *см* толщиной, нижняя рабочая часть имеет лопатообразную форму, в верхней части — боковые загнутые выступы для укрепления рукояти. По конструкции верхней части они ближе к лемехам и даже к лопатам, чем к «тяпкообразным» орудиям или мотыгам. Их форма напоминает небольшие лопаточки-соскребы, называвшиеся римлянами «rallum», служившие для очистки наконечника плуга от травы и земли. О таком приспособлении говорит Плиний [42]; они имеются в музеях среди собраний римских древностей [43].

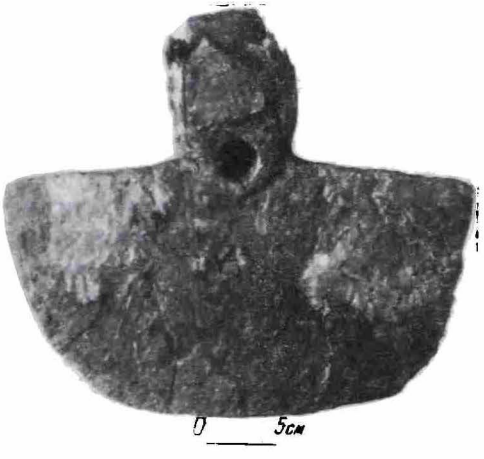


Рис. 5. Мотыги из Ново-Отрадного

[33] J. Déchelette, стр. 888, рис. 613, *3—5*.
[34] W. M. Flinders Petrie. Ук. соч., стр. 46 сл.
[35] Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 150, рис. 1, *1—2*.
[36] Феофраст. Ук. соч., III, 20, 8; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 109.
[37] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 109.
[38] Plin, NH, XVIII.
[39] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 109.
[40] Там же, стр. 108; Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 262, рис. 6.
[41] М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодарского Гос. Педагогического института, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 7.
[42] Plin., NH, XVIII, 179.
[43] Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 313, рис. 67.

«Rallum» имеет вертикальную ручку и верхнюю часть в виде втулки. По-видимому, такой «rallum» найден в Семеновке в помещении «Я» в 1958 г. Ширина его рабочей части — 0,06 *м*, высота лопаточки — 0,08 *м*, втулка не сохранилась (рис. 4). Возможно, к аналогичному орудию относится железный обломок, найденный в Семеновке в помещении «Г». Он имеет вид небольшой треугольной лопаточки с заостренной нижней гранью, длина которой 7 *см*. Длина сохранившихся боковых сторон по 6 *см*. К сожалению, верхняя часть орудия утрачена. Подобные же орудия хранятся в Государственном киевском историческом музее и, по-видимому, происходят из Ольвии. Их верхняя часть представляет собой обычную втулку, в нижней части оно имеет лопатообразную форму (инв. № Б-5062), второе — форму треугольника, обращенного основанием вниз (инв. № Б-5061).

Настоящая железная мотыга найдена при раскопках боспорского поселения III в. н. э. у дер. Ново-Отрадное [44]. Ее длина — 32 *см*, ширина рабочей части — более 30 *см*. Нижняя ее часть в виде листа напоминает форму современной тяпки или кетменя. Верхняя часть очень массивная (шириной ок. 8 *см*, толщиной ок. 6 *см*), поднимается почти на 10 *см* выше сквозного отверстия, сделанного для укрепления деревянной рукояти (рис. 5). Это специальное утяжеление мотыги способствовало большей глубине рыхления. Тяжеловесные кирки и увесистые лемехи в числе лучших земледельческих орудий называет Плиний, говоря о хорошем сельском хозяине Гае Фурии Кресиме [45]. Тяжелые широкие мотыги употреблялись в Помпеях, на золистых почвах Кампании, у римлян, в Египте и др. местах [46]. Флиндерс Петри считал, что тяжелые мотыги делались специально для рабов латифундий, более легкие — для свободных земледельцев [47]. Полной аналогии мотыге из Ново-Отрадного пока мне найти не удалось, но наиболее близки ей мотыги с утяжеленной верхней частью из Неаполитанского музея [48], в том числе мотыги, найденные в усадьбе около Боскореале (вблизи Помпей) [49]. Находки лемехов, кос, мотыги, серпов и других сельскохозяйственных орудий в жилых помещениях III в. н. э. позволяют, мне, кажется, высказать соображения и о характере земледельческого хозяйства этого времени. В поселении у деревни Ново-Отрадное мотыга найдена в помещении, где находилась большая глинобитная печь, стояла каменная ступа, имелись две зернотерки, принадлежности для рыбной ловли (крючки, сети и др.), было много сосудов с обуглившимися зернами ячменя и пшеницы, хранились деньги, украшения, стояли светильники и т. д. В Семеновке лемех найден в помещении, где стояли две ступы, зернотерка, два каменных ларя, были грузила, иглы для вязания сетей, много посуды (в том числе амфор и лепных горшков). Косы найдены в другом помещении, соскреб — в третьем. По-видимому, владельцы этих сельскохозяйственных орудий были свободными или полусвободными земледельцами, занимавшимися, кроме земледелия и животноводства, также рыболовством. Продукты своего хозяйства они продавали. Хозяйства их не имели усадебного характера. Жили они все в укрепленных небольших поселках и обрабатывали окрестные земли. Сельскохозяйственная техника на Боспоре в III в. н. э., по-видимому, стояла на том же уровне развития, что и в римских провинциях Европы. Железные орудия и плуг прочно вошли в быт населения.

---

[44] И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 241, рис. 4, *1*.

[45] Plin. NH., XVIII, 42.

[46] W. M. Flinders Petrie. Ук. соч., стр. 54, табл. LXVII, *1, 6, 8, 9*.

[47] Там же, стр. 55.

[48] Там же, табл. LXVII, *1, 8, 9*.

[49] Марк Порций Катон. Земледелие. М., 1950, стр. 164 (рис.).

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

О ДРЕВНЕЙШИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ АРХЕОПОЛИСА-НОКАЛАКЕВИ

Археополис являлся главным городом древнего Западно-Грузинского царства, существовавшего в IV—VII вв. н. э. и описанного под именем Лазики византийскими историками Прокопием и Агафием. Местоположение этого города благодаря точным сведениям византийских источников давно установлено, поэтому вопрос о его локализации, никогда не вызывавший у исследователей разногласий, здесь не разбирается [1]. Археополис находился приблизительно в центре Западной Грузии, на левом берегу р. Техури (северный приток р. Риони), на территории современного с. Нокалакеви (Цхакаевский район, ГрузССР), в 17 *км* к северо-востоку от районного центра. Пункт этот, кроме сообщаемого византийскими историками названия, сохранил также и свое древнегрузинское название — Цихе-Годжи [2].

О строительных памятниках Археополиса-Нокалакеви издавна существует обширная литература, но в отношении его древнейших сооружений более глубокие исследования могли быть предприняты только после 1931 г., когда здесь были произведены под руководством А. М. Шнайдера археологические раскопки, которые хотя и не были закончены по не зависящим от экспедиции обстоятельствам, тем не менее дали очень интересные результаты. Так как существующая литература об итогах археологических раскопок в Нокалакеви носит весьма краткий и предварительный характер [3], а обнаруженный интересный материал остается до сих пор почти не опубликованным, настоящая статья ставит своей целью рассмотрение некоторых оказавшихся доступными данных, касающихся древнейших оборонительных сооружений Археополиса. Хотя последнее слово о затрагиваемом здесь вопросе может быть сказано только после проведения окончательных раскопок, тем не менее публикация разрушающихся нокалакевских памятников, не скрытых в настоящее время под землей, не кажется лишней.

В августе 1956 г. я был командирован Гос. музеем Грузии им. акад. С. Н. Джанашия АН ГрузССР в ряд районов Западной Грузии для ознакомления с памятниками строительства эпохи Лазского царства. В Нокалакеви была заново расчищена, обмерена и сфотографирована часть вы-

---

[1] Впервые идею об идентификации Археополиса с с. Нокалакеви высказал Ф. Дюбуа де Монпере, см. F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase..., т. II, Paris, 1839, стр. 104.

[2] Вахушти. Описание царства Грузинского (география Грузии). Тбилиси, 1941, стр. 166—167 (на груз. яз.).

[3] См. А. М. Schneider. Archaeopolis (Nokalakewi). Forschungen und Fortschritte, т. VIII, № 27, Berlin, 1931, стр. 354—355; А. М. Шнайдер. Отчет Нокалакевской археологической экспедиции 1930—1931 гг. (так здесь условно названы материалы, касающиеся результатов раскопок и опубликованные в виде приложения в книге проф. С. Г. Каухчишвили «Лекции по истории Византии», Тбилиси, 1928; на груз. яз.).

явленных в 1930—1931 гг. строительных объектов, некоторые же из памятников были зафиксированы впервые [4].

Как уже сказано выше, Археополис был расположен в центре Лазского царства (включая и бывшие в вассальной зависимости от лазского царя области: Скимнию, Сванию, Абазгию и Мисимию), однако его местоположение не было обусловлено экономическими факторами, так как наиболее плодородная и густонаселенная область Лазики — Мохерезис — лежала в стороне от Археополиса [5]. Скорее всего, лазы при выборе места для своей столицы руководствовались интересами безопасности и поэтому выстроили Археополис вдали от восточных и южных границ Лазики, откуда стране угрожали персы и где был расположен упомянутый Мохерезис. В то же время город был удален и от контролируемого римлянами побережья Черного моря. О том, что вопросы безопасности играли у лазов первостепенную роль, прекрасно свидетельствуют сообщения Прокопия о судьбе двух лазских городов — Кутаиса и Родополиса, которые были разрушены самими лазами ввиду того, что доступ к обоим городам, расположенным в Мохерезисе на равнине, был очень легок и, по мнению местных жителей, их свободно можно было завоевать [6].

Безопасность Археополиса обеспечивал также и выбор самой территории для города, рельеф которой весьма способствовал его обороноспособности. Так, нижняя часть города, в плане близкая к треугольнику, была защищена с двух сторон рекой Техури, образующей резкий изгиб в этом месте. Этот мыс представляет собой конец хребта, северо-западный склон которого отвесно обрывается в ущелье р. Техури, а юго-восточный склон постепенно переходит в высокую (5—8 *м* высоты) надпойменную террасу. Третья же сторона нижнего города, хотя и не имела природных преград, но зато хорошо фланкировалась верхней частью города, занимавшей неприступную вершину хребта, господствующую над всей окрестностью (рис. 1).

Среди многочисленных и разновременных развалин Археополиса-Нокалакеви самым грандиозным сооружением, несомненно, являлась древнейшая городская стена, с самого начала определившая очертания города (все более поздние стены и постройки сооружены были внутри древнейшей стены). Стена эта охватывала нижнюю часть города с двух сторон. В южной прибрежной полосе сохранился лишь небольшой ее отрезок, с восточной же стороны была выявлена бóльшая ее часть. Но лучше всего стена сохранилась в верхней части Археополиса, вытянутая территория которой связывала нижний город с вершиной хребта. Вся северо-западная сторона обеих частей города не имела древнейшей стены, так как в этом месте Археополис был защищен обрывом. Таким образом, планировка городища, с первого взгляда выглядевшая некомпактной, в действительности оказывалась наиболее верно решенной строителями, которые в своем стремлении обеспечить городу наибольшую обороноспособность максимально использовали все выгоды рельефа.

Для древнейшей стены верхней части Археополиса, расположенной на крутом и скалистом склоне хребта, предварительно вырубалось «ложе» с горизонтальной поверхностью, причем ее неровности заполнялись бутовой кладкой. После этого на подготовленной площадке возводилась стена [7]. Там, где стена стояла на мягкой почве, у нее выступал вперед на

---

[4] Общий план Археополиса был составлен во время раскопок 1930—1931 гг. топографом Г. Кавтарадзе. Впервые он был опубликован А. М. Шнайдером в вышеупомянутой статье «Archaeopolis (Nokalakewi)». В настоящей статье этот план приводится с некоторыми изменениями. План башни «В» помещен здесь по обмерам архитектора В. Цилосани.

[5] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, VIII (IV), 14 (46).

[6] Там же, VIII (IV), 13 (21, 22) и 14 (47, 48).

[7] Аналогичная предварительная обработка скалистого материка перед постройкой стены, очевидно, производилась и в Пантикапее. См. В. Д. Блаватский. Новые данные о строительстве Пантикапея. СА, XVII, 1953, стр. 168, 172.

0,10—0,20 *м* нижний ряд кладки, образующий обычное для античных стен подобие цоколя. В тех же случаях, когда древнейшая стена поднималась вверх по склону, ложе ее должно было иметь, по всей вероятности, ступенчатый профиль, как это обычно наблюдается в древних укреплениях, расположенных в горных местностях [8].

Сама же древнейшая стена представляет собой громоздкое сооружение толщиной от 2,5 до 3,5 *м*, состоящее как бы из трех частей: из двух наружных панцирей-облицовок, играющих чисто конструктивную роль, и

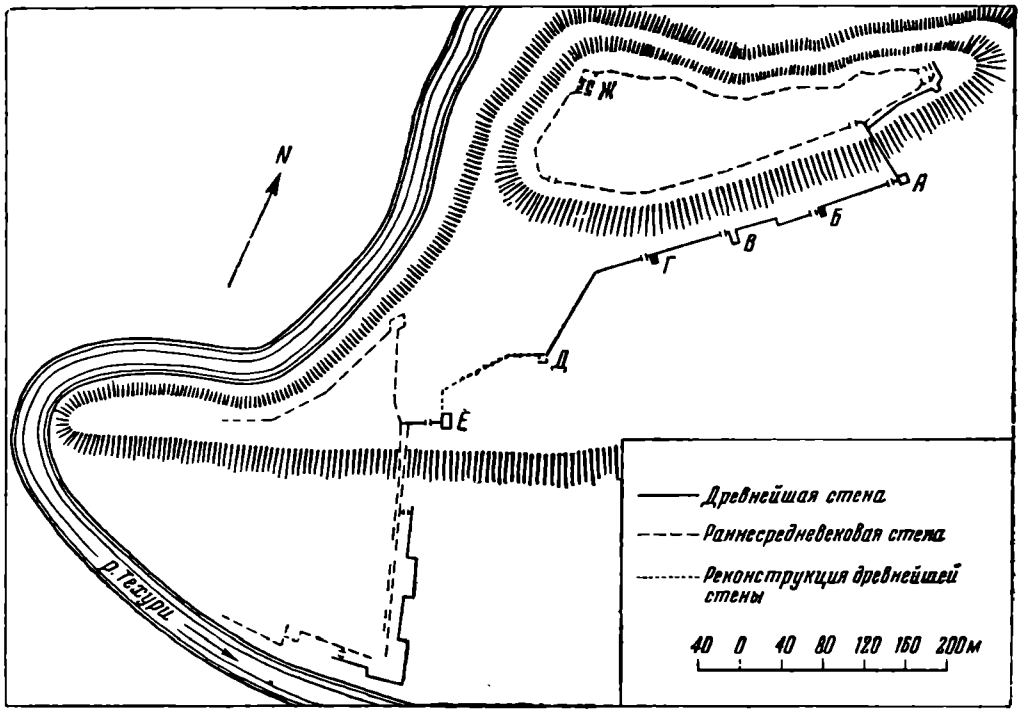


Рис. 1. Общий план древнейших оборонительных сооружений Археополиса
А, Б, В, Г, Д, Е — башни; *Ж* — «здание с арками»

из промежуточной между ними забутовки, состоящей из ломаного камня, залитого известковым раствором. Облицовки же сложены из тщательно отесанных крупных прямоугольных блоков различного размера. Наибольшие из них достигают в длину 2 *м*, а в высоту 1,5 *м*. Несмотря на различную величину блоков, в облицовке строго соблюдена горизонтальность швов, хотя ряды камней при этом не были одинаковой высоты. Толщина панцирей-облицовок не была равномерной: некоторые блоки глубже уходили в забутовку, благодаря чему связь с ней была более надежной. Процесс строительства стены, очевидно, выглядел следующим образом: сперва возводили на определенную высоту насухо облицовки, после чего промежуток между ними заваливался балластом, и уже затем все заливалось раствором. Часто благодаря тщательной отеске постелей квадров раствор не проникал в швы облицовки, в связи с чем интересно вспомнить точку зрения одного из виднейших исследователей истории архитектуры О. Шуази, который считает, что древние строители за известковым раствором признавали только роль вяжущего и скрепляющего элемента и недооценивали его значение как распределителя давления [9].

---

[8] Например, в укреплениях Вана (см. Н. Марр, И. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Птрг., 1922, стр. 10, табл. V, VI) или же в укреплениях античного южноитальянского города Велии (см. W. Schleuning. Velia in Lucanien. Archäologischer Anzeiger, 1889, т. IV, ч. 2, Berlin, 1889, стр. 182—183, рис. 14).

[9] О. Шуази. Строительное искусство древних римлян. М., 1938, стр. 91.

Сравнивая толщину древнейшей стены Археополиса (2,5—3,5 *м*) с античными фортификационными нормами, можно убедиться в том, что лазская столица для своего времени была весьма мощным укреплением. Так, анонимный автор тактики, изданной Кёхли и Рюстовым, предписывал строить стены укреплений толщиной в пять локтей [10], что соответствует приблизительно 2,2—2,4 *м*. Витрувий же указывает, что толщина стен «должна делаться такой, чтобы двое вооруженных, идущие по ним навстречу друг другу, могли бы беспрепятственно разойтись» [11], а для этого вряд ли была необходима ширина более двух метров. Относительно толщины крепостных стен, правда, существует и бóльшая норма; например, в труде по фортификации, написанном александрийским механиком Филоном Византийским в III в. н. э., предписывалось строить стены толщиной не менее десяти локтей, что равняется приблизительно 4,8 *м* [12]. Однако здесь надо учесть, что в III в. до н. э. известковый раствор не имел еще широкого употребления и прочность оборонительных стен достигалась в основном за счет непомерной их толщины.

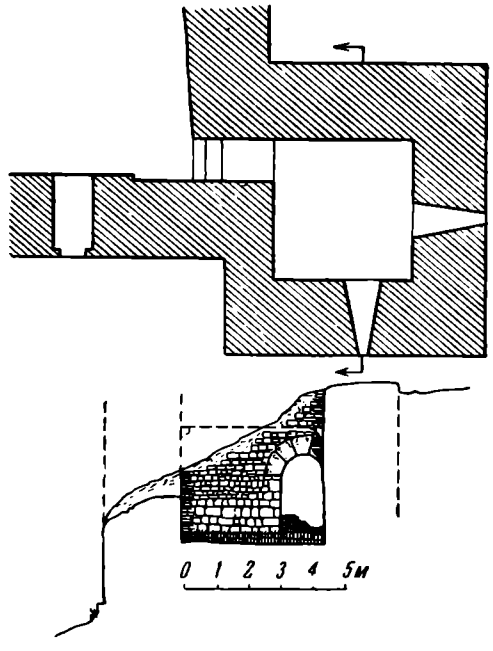


Рис. 2. План и разрез башни «А»

Древнейшая городская стена Археополиса, как и все другие сооружения города, строилась из местного строительного материала — известняка. Раскопками 1930—1931 гг. на территории верхней части города почти в самой высокой его точке была обнаружена одна из каменоломен, расположение которой весьма облегчало доставку добытого в ней камня к месту строительства [13].

Вышеописанная конструкция древнейшей стены была общей для всех древнейших оборонительных сооружений Археополиса. Сама же оборонительная система города не была столь единой. Между фортификационными сооружениями верхней и нижней частей города имелись существенные различия, требующие отдельного рассмотрения каждой из них.

Верхняя часть Археополиса была защищена стеной, представлявшей собой в плане ломаную линию, каждый прямой отрезок которой или следовал горизонталям хребта, или же пересекал их большей частью под прямым углом. Особенности конструкции стены (крупные, гладко отесанные прямоугольные блоки без щелей в швах), не допускавшие в плане кривых линий, только приблизительно позволяли ей следовать рельефу хребта, сильно увеличивали ее протяженность и определили общую изломанность ее плана.

Стена верхней части города была укреплена шестью башнями, имевшими, кроме боевого, также и конструктивное назначение: башни служили внешними контрфорсами стены, стоящей на крутом склоне. Расстояния между башнями равнялись приблизительно 75, 80, 70, 125 и 95 *м*. В первых трех случаях в междубашенных промежутках наблюдается некоторая

---

[10] Köchli und W. Rüstow. Griechische Kriegsschriftsteller. Leipzig, 1853, II, 2.
[11] Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936, кн. I, V, 3.
[12] Philo, 2, 3. (Ссылка по книге В. Д. Блаватского «Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья». М., 1954).
[13] А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 194.

ритмичность, в двух же последних расстояния увеличены в связи с тем, что стены здесь образуют внутренние углы, стороны которых взаимно фланкировались и без башен.

Угловая башня «А» (рис. 2 и 3) сохранилась лучше остальных. В плане она почти квадратная, нижняя ее часть на высоту 1,70 *м* (по юго-восточному фасаду) массивна [14], уровень же пола, расположенного выше помещения, совпадал, по-видимому, с уровнем прилегающей изнутри территории города. В башне сейчас сохранились вход, перекрытый аркой, под аркой — остатки позднее выстроенной невысокой тонкой перегородки, которая, очевидно, препятствовала проникновению внутрь башни во-

Рис. 3. Внутренний вид нижнего помещения башни «А»

ды, собиравшейся после дождя возле стены. Сохранились также и остатки помещения нижнего этажа с двумя бойницами. Из наиболее хорошо сохранившейся стены башни на высоте 3 *м* от уровня порога выступают внутрь два профилированных блока, которые поддерживали некогда деревянное перекрытие первого этажа. Снаружи башня «А» сложена так же, как и панцири облицовок куртин, из крупных хорошо отесанных блоков, изнутри же облицовка башни выполнена из более мелких и грубее отесанных квадров с толстым слоем раствора в швах. Наличие здесь такой кладки, применявшейся в Археополисе в раннесредневековую эпоху [15], говорит о позднейших переделках башни «А» и о том, что древнейшая линия укреплений верхней части города использовалась длительное время наряду с позднее выстроенными оборонительными сооружениями. В специальной же литературе, посвященной нокалакевским памятникам строительства, высказано ошибочное мнение о том, что раннесредневековые оборонительные стены города были построены только после разрушения всей древнейшей оборонительной системы [16].

Башня «А» пристроена была к углу, образуемому куртинами, асимметрично, т. е. примыкала она не к самому углу, а как бы к одной из его сторон. Такое расположение угловых башен, нередко встречаемое в древних укреплениях [17], обусловлено было, по-видимому, стремлением строителей упростить в них устройство входов — дверной проем устраи-

[14] Измерения нижних массивных частей башен производились от цоколя.

[15] См. А. М. Schneider. Ук. соч.; А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 193, 194.

[16] А. М. Schneider. Ук. соч.; А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 194, 195.

[17] Например, в укреплениях римской эпохи города Афин (см. F. Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne. Paris, 1907, т. I, 2, стр. 3041—3042. D'après Butler. The Story of Athens) или же в ранневизантийской африканской крепости Мадаури (см. Ch. Diehl. L'Afrique byzantine. Paris, 1896, стр. 154, 204).

вался в той части стены башни, которая примыкала к одной из сторон угла (здесь идет речь только о тех угловых квадратных башнях, которые были целиком вынесены наружу за ограду). Симметричное же располо-

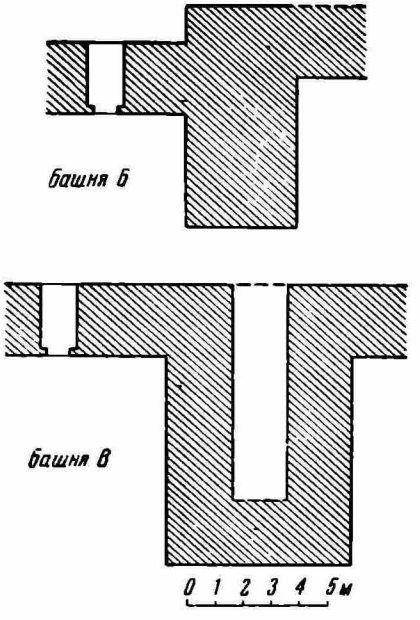


Рис. 4. Планы башен «Б» и «В»

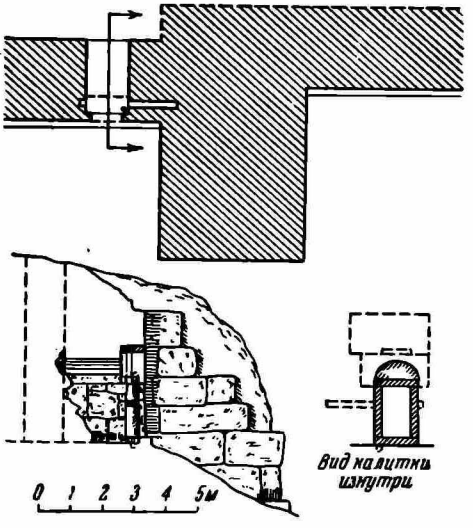


Рис. 5. План башни «Г» и устройство калитки

жение угловых башен связано было со входами, направленными по биссектрисе угла, что противоречило строительным традициям и нарушало в то же время продиктованную особенностями кладки прямоугольность

Рис. 6. Развалины башни «Г» и калитка

плана башни (нужно было заготовлять блоки усложненной формы для тупых углов), но зато позволяло выдержать в плане крепости столь излюбленную римлянами симметрию.

Башни, обозначенные на плане Археополиса буквами «Б», «В» и «Г» (рис. 4, 5 и 6), являлись более примитивными сооружениями. В плане они

имели форму прямоугольников, вытянутых поперек склона; это придавало им особую устойчивость. Сохранившиеся нижние части башен «Б» и «Г» заполнены бутом; верхние, несохранившиеся их части, несомненно, также были массивными, о чем свидетельствуют небольшие размеры самих сооружений.

Башня «В», в отличие от двух вышеописанных, над нижней массивной частью имела ограниченное стенами лишь с трех сторон узкое помещение, которое могло служить только подходом к несохранившимся бойницам.

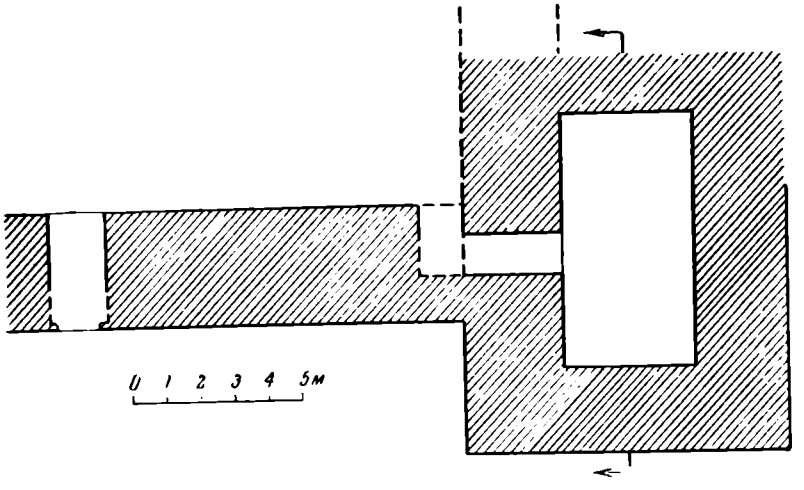


Рис. 7. План башни «Е»

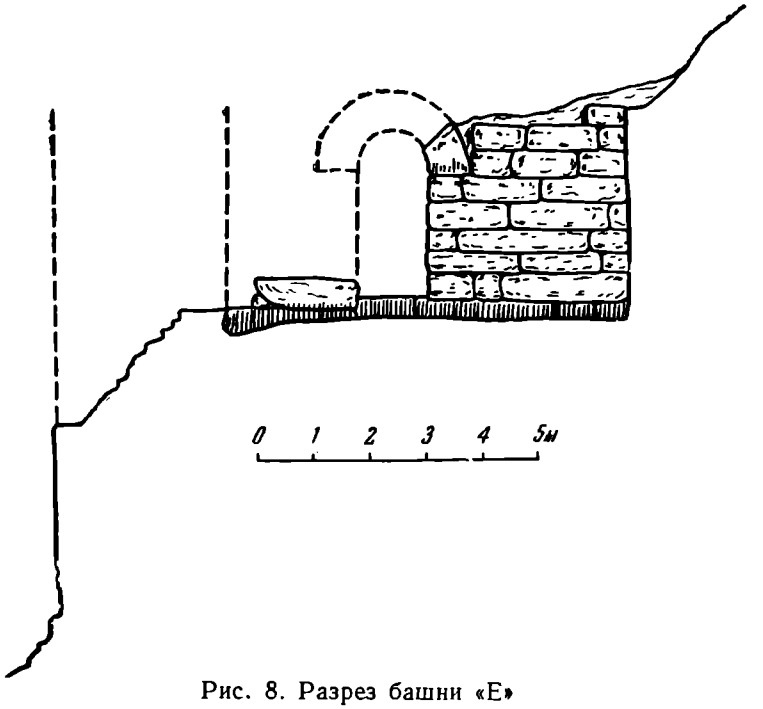


Рис. 8. Разрез башни «Е»

Для всех трех башен можно найти много аналогий среди древнейших оборонительных сооружений. Однако здесь мы ограничимся только упоминанием позднеантичных укреплений Истрии [18], где, как и в Археополисе, встречаются оба типа вышеописанных башен.

Мы пропускаем описание башни «Д», так как она нами не была обнаружена. Однако несомненное ее существование подтверждается топогра-

[18] Histria, т. I, Bucureşti, 1954, стр. 64.

фическим планом Археополиса, составленным в 1931 г., на котором эта башня отмечена. Башня «Д», как угловая, по-видимому, не была массивной.

Самой большой и интересной башней Археополиса являлась башня «Е» (рис. 7, 8). Мощность ее была обусловлена тем, что она расположена была в наиболее ответственном пункте оборонительной системы — там, где территория Археополиса, сильно суживаясь, являлась соединительным звеном между двумя частями города. Характерно, что куртины в этом месте также являются наиболее мощными, их толщина достигает здесь 3,5 *м*.

Башня «Е», так же как и башня «А», являлась угловой и, так же как и последняя, пристроена была не к самому углу, а к одной из его сторон. Однако о несимметричности ее расположения говорить здесь не приходится, так как она имела в плане прямоугольную форму. В нижней своей части, если измерять по южному фасаду, башня «Е» приблизительно до высоты 6,5 *м* массивна. Выше же можно видеть остатки входа и помещения. От арки, перекрывавшей вход, сохранился только один клин.

Оригинальной особенностью башни «Е» является «саклеобразность» ее нижнего помещения, которое из-за большой крутизны здесь склона своей задней стеной полностью примыкало к скале, вертикально стесанной строителями. Боковые стены этого помещения также были наполовину скрыты снаружи стеной.

Башня «Е» обладает еще одной особенностью, сравнительно редко встречающейся в древних крепостях. Здесь имеется в виду устройство Г-образного в плане башенного входа, пролегающего частично в толще куртины, которая примыкала как раз к тому месту башни, где был устроен дверной проем. В известных нам аналогичных случаях [19] входы описанного типа были обусловлены, по-видимому, тем, что строители во время сооружения угловых башен старались избегать устройства дверных проемов, направленных по биссектрисе угла. Описанное же устройство входов давало возможность выдержать в плане ту прямоугольность, о преимуществе которой говорилось выше при рассмотрении башни «А». В нокалакевском случае наличие Г-образного в плане башенного входа не может быть объяснено вышеуказанной причиной, так как в башне «Е» ничто не мешало устройству обычного дверного проема в одной из ее стен. Возможно, что здесь строители просто отодвинули вход от того места башни, на которое напирала отходящая вверх куртина.

В стенах верхней части города имелись калитки, которые, как наиболее уязвимые места обороны, расположены были вблизи от вышеописанных башен, по левую их сторону. Калитки эти имели в основном боевое назначение: через них предпринимались вылазки против неприятеля, штурмующего город. Экспедицией 1930—1931 гг. было выявлено пять таких калиток [20]. Одна из них, находящаяся возле башни «Г» (см. рис. 5, 6), оказалась полностью сохранившейся. Калитка имеет условно названное здесь «смешанное перекрытие». Внутренняя, бо́льшая ее часть перекрыта полуциркульным сводом. Внешняя же часть ее, шириной 0,70 *м*, перекрыта архитравом, состоящим из трех сложенных и поставленных на ребро плоских плит. Архитрав такой конструкции, типичный для античных сооружений, в смысле прочности являлся более надежным, так как одна плита при малейшей трещине могла разрушиться. При замене же одной каменной плиты тремя сложенными плитами можно было надеяться, что если одна из них треснет, то две другие устоят [21]. Над описанным архитравом лежит крупный блок с разгрузной щелью, освобождающей середину

---

[19] Резиденция императора Диоклетиана в Сплите (Югославия), ранневизантийская африканская крепость в Лемсе (см. Ch. Diehl. Ук. соч., стр. 208, 209), византийская крепость в Абде (см. Th. Wiegand. Sinai. Berlin — Leipzig, 1920, стр. 86, 87, рис. 85).

[20] A. M. Schneider. Ук. соч.

[21] О. Шуази. История архитектуры, т. I, М., 1937, стр. 232.

нижележащих плит от излишней тяжести давления [22]. Подобное устройство перекрытия калитки говорит о том, что в оборонных целях дверные проемы прямоугольных очертаний были более целесообразными, чем арочные.

По бокам в стенах калитки возле наружной облицовки куртины имеются два расположенных друг против друга отверстия различной глубины: в глубокое отверстие вдвигался засов калитки, когда она была открыта, второе же отверстие служило только упором задвинутого засова [23]. Щели между деревянным полотнищем калитки и стеной прикрывались снаружи специальным выступом, обрамлявшим дверной проем. С одной стороны калитки сразу же за предщельным выступом имелись две лунки: одна наверху, в архитраве, а другая внизу, напротив, в пороге. В эти лунки вставлялся стержень, на котором поворачивалась дверь.

Точно так же, несомненно, были устроены и остальные четыре калитки верхней части города. От трех из этих калиток сохранились только их нижние части с выступами, а от одной (возле башни «Е») осталась внутренняя часть, перекрытая аркой.

Вышеописанное устройство входов со «смешанным» перекрытием, с предщельными выступами, с отверстиями для засовов и для стержней, на которых поворачивалась дверь, встречается в крепостном строительстве с очень древних времен [24]. Способы устройства указанных перекрытий были различными в зависимости от уровня строительного искусства в данный момент. Так, например, в раннеантичных укреплениях Ассоса и Акарнании внутренняя арочная часть перекрытия ворот образовывалась с помощью напуска кладки [25]. Наиболее же усовершенствованные виды таких перекрытий можно видеть у ворот, в которых внешняя архитравная часть имеет над собой в стене конструктивную арку [26].

Вполне возможно, что аналогично вышеописанной калитке были устроены также и ворота нижней части Археополиса, плохая сохранность которых позволяет судить лишь о способе их расположения, весьма своеобразном и редко встречающемся в крепостном строительстве.

Выявленная в 1931 г. древнейшая стена в нижней части Археополиса имела двое ворот [27]. Одни были устроены в восточной стене города, а другие в южной прибрежной, где, очевидно, в древности был мост или же брод. Ворота эти, употребляя термин из «Отчета» о раскопках, расположены были «поперек» стены [28], образующей небольшие специальные отступы, в которых собственно и были устроены проемы входов, фланкируемые, таким образом, с одной стороны самой стеной. С наружной же, незащищенной стороны они прикрывались небольшим массивным

---

[22] Подобные блоки с разгрузными щелями зафиксированы на территории Грузии в двух древнейших церквах в Болниси и в Акаурта. См. Л. Рчеулишвили. Три неизвестных памятника грузинской архитектуры. Ars Georgica, т. II, Тбилиси, 1948, стр. 31 (на груз. яз.).

[23] Подобные отверстия для засовов имели в Грузии очень длительное и широкое применение.

[24] Так, например, отверстия для засовов и для стержней, на которых поворачивалась дверь, а также и предщельные выступы были, очевидно, впервые зафиксированы в сооружениях конца II тысячелетия до н. э. в Тиринфе. См. J. Durm. Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, стр. 39, рис. 21.

[25] J. Durm. Ук. соч., стр. 211—212. Автор этой книги называет внутреннюю часть ворот, перекрытую аркой, «воротной нишей».

[26] H. Lietzmann. Die Landmauer von Konstantinopel. Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse, 1929, № 2, стр. 13, рис. 12.

[27] На основании общего плана Археополиса, составленного в 1931 г., и наших личных наблюдений при исследовании древнейшей стены нижнего города удается установить только двое ворот; в указанной же выше статье А. М. Шнайдера, а также и в «Отчете» сказано, что здесь имелось трое ворот, одни из которых, главные, были шириною в 3,4 *м*. Нам кажется, что за третьи древнейшие ворота шириною в 3,4 *м* были приняты А. М. Шнайдером ворота более поздних сооружений, действительно имеющие указанную ширину и хорошо видимые сегодня.

[28] А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 192.

и прямоугольным в плане выступом-заслоном, являющимся продолжением внешней (по отношению к входу) куртины (рис. 9).

Описанный способ расположения ворот в горных оборонительных сооружениях, по-видимому, не должен был представлять собой большую редкость, так как в них он был обусловлен крутизною склонов, из-за которых наиболее удобный подход к крепости мог быть обеспечен лишь в том случае, если направление его было параллельным оборонительным стенам (здесь имеются в виду стены, расположенные вдоль горизонталей возвышенности). В оборонительных же сооружениях, выстроенных

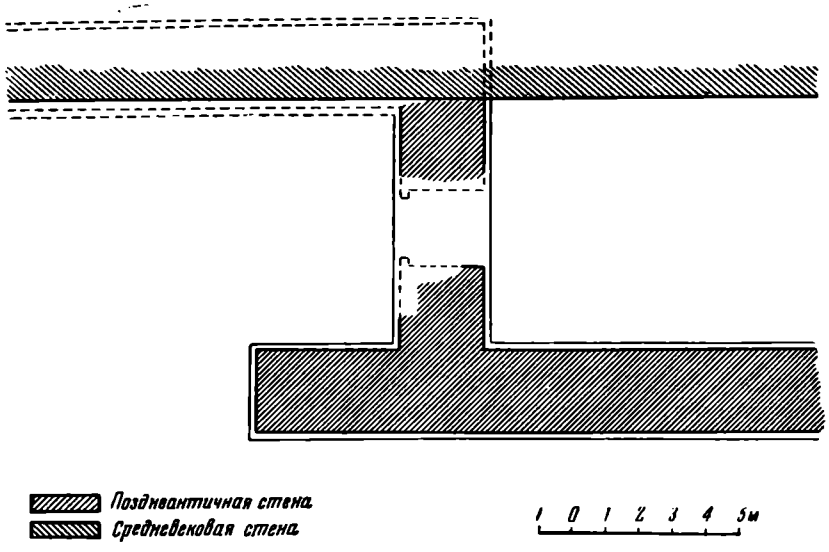


Рис. 9. План расположения древнейших ворот, находящихся на берегу р. Техури

на равнине (к этой категории укреплений относится нижняя часть Археополиса), такие входы должны быть весьма редким явлением, и в качестве наиболее близкой аналогии нокалакевским нижним воротам мы можем назвать только лишь вылазные калитки раннеантичных укреплений Магнесии, где можно видеть не только указанное расположение ворот, но также и вышеописанные выступы-заслоны [29], придающие обоим названным памятникам несколько архаичный колорит, ввиду того, что они сильно напоминают собой аналогичные детали у ворот Микен и Тиринфа (II город), выстроенных в XIV—XIII вв. до н. э.[30]. В некоторой степени аналогичными нокалакевским нижним воротам могут считаться также и многочисленные ворота в оборонительных стенах Мантинеи (V—IV вв. до н. э.). Однако здесь вышеописанные выступы-заслоны заменены башнями [31]. Во всех трех перечисленных укреплениях, выстроенных на равнине, указанное расположение ворот являлось, разумеется, чисто оборонительным приемом.

Нам неизвестны укрепления позднеантичной эпохи, в которых бы имелись такие же входы, как ворота нижней части Археополиса [32], выстроенного в III или IV в. н. э. (вопросы датировки рассматриваются ниже),

[29] C. Humann. Magnesia am Meander. Berlin, 1904, стр. 19, рис. 4.

[30] Всеобщая история архитектуры, т. I, М., 1944, табл. 138, *1*; табл. 139, *2*.

[31] G. Fougères. Mantinée et l'Arcadie orientale. Paris, 1898, стр. 130—161.

[32] Здесь имеются в виду только укрепления, выстроенные на равнине. В горных же крепостях римской эпохи, которые, кстати сказать, лично нам почти неизвестны, устройство ворот в выступах стен, по-видимому, могло применяться. Примером этому могут служить одни ворота в ограде глоучестерширского святилища (Британия), сооруженного в римскую эпоху (G. Macdonald. Forschungen im römischen Britannien 1914—1928. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, т. XIX, 1929, Frankfurt a. M., 1930, стр. 77, рис. 55). Вышеупомянутые же выступы, как нам кажется, уже не должны встречаться в римских крепостях.

поэтому характер расположения последних, а также и их боковые заслоны показались нам весьма необычным явлением для указанного времени.

Кроме расположения ворот и наличия у них заслонов, нижняя часть Археополиса отличалась от верхней также и тем, что стены ее не имели башен. Роль последних здесь выполняли широкие (30—35 *м*) прямоугольные в плане выступы, образованные самой оградой. Они фланкировали расположенные между ними в глубине отрезки стен. Выступы подобного типа нередко встречаются в древних крепостях, и размеры их большей частью приближаются к размерам обыкновенных башен. Ширина же нокалакевских выступов кажется нам непомерно увеличенной и нерациональной, так как в крепостном строительстве всегда старались допускать в линии обороны как можно меньше участков стен, лишенных фланковой защиты: здесь же такими незащищенными местами оставались передние стороны этих выступов.

Весьма интересным является следующее обстоятельство: когда римляне хотели устроить в своих равнинных укреплениях ворота (или калитки), расположенные «поперек» стены аналогично воротам нижней части Археополиса, то они использовали для этой цели боковые стороны выступов вышеописанного типа (иногда для этой цели использовали и боковые стороны прямоугольных башен) [33].

В Археополисе же, несмотря на наличие здесь таких выступов, к указанному приему не прибегли, и этот момент только подчеркивает необычность ворот нижней части укреплений лазской столицы.

Все вышеизложенное говорит о том, что характер оборонительных сооружений нижней части Археополиса имеет своеобразные для описываемого времени особенности, наличие которых, как нам кажется, должно свидетельствовать о том, что указанные сооружения не строились римскими архитекторами; поэтому вполне возможно, что здесь работал местный зодчий-лаз, использовавший при устройстве ворот прием, связанный с весьма архаическими традициями крепостного строительства, которые, возможно, уже давно укоренились в Западной Грузии и продолжали здесь существовать и в позднеантичное время.

Укрепления же верхней части Археополиса ничем не отличаются ни по своему характеру, ни по качеству от обычных образцов римского крепостного строительства, и поэтому здесь труднее решить вопрос о том, кто их строил — приглашенный ли архитектор иноземец, или же лаз, хорошо изучивший искусство крепостного строительства римлян.

Обе части укреплений Археополиса строились не одновременно. Нижняя часть укреплений, вероятно, была сооружена раньше, так как вряд ли архитектор при их сооружении не использовал бы за образец более совершенные укрепления верхней части города, если бы последние уже существовали.

Заканчивая описание отдельных объектов укреплений Археополиса, надо упомянуть еще об одних остатках сооружения, нынешнее состояние которого если и не позволяет восстановить его былой облик, то представляет интерес в смысле конструкции и датировки всех древнейших сооружений Археополиса.

Внутри донжона акрополя ранневизантийской эпохи, расположенного в самой высокой точке Археополиса, сохранились остатки постройки, кладка которой полностью аналогична стенам вышеописанных оборонительных сооружений (рис. 10 и 11). Здесь так же, как и в оборонитель-

---

[33] Так, например, были устроены ворота в позднеримских крепостях в Хан-Анейбе (см. P. A. Poidebard. Recherches sur le limes romain. Syria, т. XII (3), Paris, 1931) и в Айнинге (см. Ed. Anthes. Spätrömische Kastelle und feste Städte im Rhein- und Donaugebiet. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, т. X, 1917, Frankfurt a. M., 1918, стр. 146, рис. 24). Аналогичны до некоторой степени указанным примерам также и ворота среднеазиатских древних крепостей в Калалы-Гыр и Аяз-Кала (см. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 92, 156).

ных сооружениях, имеется характерный цоколь, помешавший, очевидно, пристроить вплотную к этим остаткам стены более позднего сооружения, фундамент которого заложен глубже древней постройки.

Сами остатки описываемого древнейшего сооружения представляют собой две параллельные аркады, каждая из которых состоит из двух больших полуциркульных арок с невысокими устоями — столбами. Южные концы обеих аркад сохранились в целости и хорошо прослеживаются благодаря имеющейся здесь щели. Северные же концы аркад уходят в толщу стены башни, построенной позднее, и не могут быть прослежены, так как последняя завалена изнутри своими же обломками.

Местонахождение рассматриваемых остатков на самом краю города, не защищенном древнейшей стеной, говорит о том, что древняя постройка, так же как и выстроенное на ее месте позднейшее сооружение, не была открытой. Поэтому в описанных параллельных аркадах надо видеть, скорее всего, промежуточные опоры сооружения, которое, возможно, имело базиличную композицию и у которого продольные и торцовые стены были разрушены или же, вернее, были разобраны при строительстве более поздней постройки. Арки же, если судить по их мощности, должны были поддерживать своды нефов.

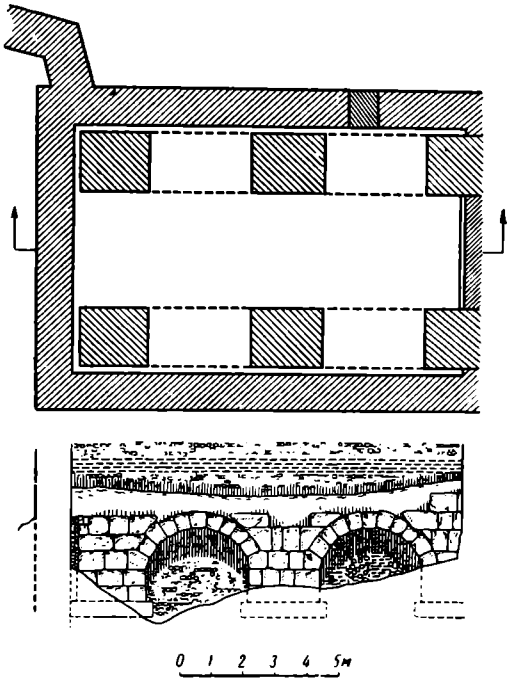


Рис. 10. План и разрез «здания с арками»

Относительно датировки Археополиса были высказаны приблизительные, но верные предположения еще до его раскопок. В 1903 г. К. Ган опроверг мнение Ф. Дюбуа де Монперё о том, что нокалакевские развалины являются остатками мифической Эи. К. Ган отклонил также, как неверное, сообщение «Картлис Цховреба» («Летопись Грузии») о том, что Цихе-Годжи (древнегрузинское название Археополиса) был выстроен в III в. до н. э.; при этом названный исследователь исходил из того, что греческие и римские писатели, осведомленные о городах античной Колхиды лучше древнегрузинских летописцев, ничего не сообщают об описываемом здесь пункте, но зато обнаруживают знакомство с более отдаленными и менее значительными городами, как, например, Котаис и Сарапана (Шорапани) [34].

Г. Н. Чубинашвили, осмотревший единственное доступное для обозрения до раскопок древнейшее сооружение Археополиса — только что описанное выше «здание с арками» — сопоставил его с постройками римской эпохи [35].

Более же точная датировка памятников Археополиса, и в частности его древнейших сооружений, могла быть предпринята только после археологических раскопок. В существующей литературе, касающейся результатов раскопок, древнейшие сооружения Археополиса на основании «архитектурных и керамических остатков» датируются IV в. н. э. [36]. Однако вы-

[34] К. Ган. Экскурсия в Нокалакеви. Изв. Кавказск. отд. Московск. археологич. общ-ва, вып. II, Тифлис, 1907.

[35] Г. Н. Чубинашвили. К вопросу о Нокалакеви. Вестник Тбилисск. Гос. ун-та, т. XI, 1931, стр. 125.

[36] A. M. Schneider, Ук. соч.; А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 194, 195.

явленная экспедицией 1930—1931 гг. в 22 раскопах керамика, датируемая в указанной литературе IV—VIII вв. н. э., не была подробно исследована, и в настоящее время она нам недоступна; поэтому мы не можем принимать ее во внимание при рассмотрении вопроса датировки древнейших сооружений. С сообщаемыми же в «Отчете» соображениями архитектурного порядка, на основании которых датировались древнейшие сооружения Археополиса, согласиться нельзя. В связи с этим мы, полностью разделяя мнение о том, что древнейшие сооружения Археополиса могли быть выстроены в IV в. н. э., считаем необходимым рассмотреть здесь вопрос о датировке несколько подробнее.

Рис. 11. Внутренний вид «здания с арками»

В нижней части Археополиса имеется одно квадратное в плане башнеобразное сооружение, от которого сохранился только первый этаж, перекрытый куполом. Переход к последнему от квадратного основания осуществлен с помощью парусов. Для облегчения массивных частей купола в толщу его по углам башни были вставлены четыре полых сосуда [37]. В башне, как сообщает статья А. М. Шнайдера, а также и его «Отчет», был устроен вход в агору. Кладка описанной постройки очень похожа на кладку древнейших памятников города. На основании этого А. М. Шнайдер относит башню к древнейшим сооружениям Археополиса, а на основании наличия в ней облегчающих сосудов, как говорится в «Отчете», все древнейшие сооружения города не могли быть выстроены ранее IV в. н. э., так как впервые такой строительный прием использован был в цирке Максенция, выстроенном в 306—310 гг. [38].

В действительности же описанная постройка ни в коем случае не может служить нижней вехой при датировке древнейших памятников, так как она сама является гораздо более поздним сооружением. Об этом говорит наличие в ней сферического купола на парусах, который не мог быть применен в Грузии в IV в., а в Риме являлся еще большой редкостью. О позднейшем происхождении описанной постройки говорил, между прочим, еще Дюбуа де Монперё, а также Г. Н. Чубинашвили, называя ее колокольней [39].

Сходство же наружной облицовки этой постройки с древнейшей кладкой надо объяснять тем, что строители использовали в ней материалы со

[37] Планы и разрезы описываемого сооружения хранятся в архиве Института истории грузинского искусства Академии наук ГрузССР.

[38] А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 199, 200.

[39] F. Dubois de Montpéreux. Ук. соч., т. III, стр. 57; Г. Н. Чубинашвили. Ук. соч., стр. 121.

старых развалин. Кстати сказать, внутренняя облицовка постройки выполнена частично мелкими квадрами, совершенно не характерными для древнейших построек.

Строительные памятники Археополиса при современном состоянии их изученности могут дать только верхнюю дату древнейших сооружений. Дело в том, что описанная в начале статьи конструкция древнейшей стены со временем была вытеснена более усовершенствованными способами кладок. Время введения одного из них можно установить. Здесь имеется в виду смешанная римско-византийская кладка «opus mixtum», представляющая собой чередование горизонтальных слоев камня и кирпича. Кладка этого рода зафиксирована была в Археополисе в стенах постройки, возведенной над вышеописанным «зданием с арками» (рис. 10), среди же остальных памятников лазского строительства ее можно видеть в остатках укреплений в Шорапани (Сарапанис у Прокопия), в Сканде и в Вардцихе (Родополис) [40]. Как установлено последними исследованиями, количество рядов кирпича в кирпичном слое смешанной кладки до VII в. н. э. со временем постепенно и закономерно увеличивалось [41], а так как все вышеперечисленные лазские укрепления упоминаются Прокопием Кесарийским в начале VI в., то у нас не остается оснований для исключения их из общего правила. В перечисленных пунктах количество рядов кирпича в слое колеблется от трех до пяти, наиболее же обычны слои из четырех рядов [42]. Последнее число, как установил болгарский исследователь С. Бобчев, является характерным для IV—V вв. н. э. Таким образом, верхней вехой времени сооружения древнейших памятников Археополиса будут III—IV вв. Широкое же применение в них известкового раствора говорит о том, что мы имеем здесь дело с памятниками нашей эры. В этом можно убедиться, если вспомнить то обстоятельство, что известковый раствор впервые зафиксирован на территории Грузии во Мцхета в сооружениях II—III вв. н. э. [43], а в античных городах Северного Причерноморья он начинает фактически входить в употребление в I—II вв. н. э. [44].

Для более же точной датировки древнейших сооружений Археополиса, к сожалению, пока могут быть использованы только данные исторического порядка. Здесь имеется в виду сообщение Арриана Флавия о том, что Западная Грузия во II в. н. э. была раздроблена на четыре независимых друг от друга и, по-видимому, приблизительно равносильных княжества: Лазику, Абазгию, Апсилию и Сванию [45]. Но четырех Археополисов не существует. Есть только один большой город, постройку которого ни одно из упомянутых княжеств не смогло бы осуществить; поэтому сооружение вышеописанных памятников надо относить к более позднему времени, когда Лазика усилилась и стала подчинять себе остальные княжества Колхиды. К сожалению, источники сообщают нам только дату покорения лазами сванов (конец IV в.) [46], время же подчинения абазгов и апсилов нам неизвестно.

Таким образом, III—IV вв. оказываются наиболее подходящим време-

---

[40] С. Каухчишвили. Крепости византийской эпохи в Лазике. Georgica, т. III, Тбилиси, 1936, стр. 301—320 (на груз. яз.).

[41] P. Lemerle. A propos des basiliques paléochrétiennes de Grèce. BCH, т. XX, 1946, стр. 327; С. Н. Бобчев. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи. София, 1952.

[42] Трехрядный кирпичный пояс был зафиксирован нами только в Вардцихе. Здесь вместо кирпича часто в слое встречается трапециевидная черепица. Это, по-видимому, свидетельствует о недостатке кирпича, так что количество его рядов, возможно, здесь не подчинялось вышеупомянутой закономерности.

[43] И. Н. Цицишвили. Истоки грузинского зодчества. Тбилиси, 1955, стр. 25.

[44] А. Н. Карасев. Архитектура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, М.— Л., 1955, стр. 189.

[45] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 270.

[46] С. Каухчишвили. Ук. соч., стр. 224—225.

нем, когда могли быть построены древнейшие оборонительные сооружения Археополиса.

В специальной литературе, посвященной нокалакевским памятникам, относительно продолжительности существования древнейших оборонительных сооружений высказано мнение, что они были разрушены полностью в VI или в начале VII в. [47]. Это мнение базируется на том, что в одной из башен древнейших укреплений верхней части Археополиса был найден клад золотых монет императора Маврикия (582—602 гг.) [48], зарытых здесь, по-видимому, после разрушения башни.

Нам же кажется, что в нижней части Археополиса древнейшая стена была разрушена до середины VI в., так как на ее месте в восточной стороне города выстроена двойная стена, упоминаемая Прокопием при описании событий 50-х годов VI в. [49]. Древнейшие же сооружения верхней части города должны были функционировать вплоть до взятия и разрушения Археополиса в начале VIII в. арабским полководцем Мурваном-Кру, о чем сообщает нам «Картлис Цховреба» [50]. Это мнение мы обосновываем, во-первых, тем, что на месте древнейших стен верхней части города не были выстроены раннесредневековые стены, и, таким образом, если бы первые не существовали, то нижняя часть города оставалась бы беззащитной, а во-вторых, тем, что древнейшая стена верхней части Археополиса на стыке с раннесредневековой двойной стеной нижнего города не была разобрана, благодаря чему она могла служить удобной «лестницей», с помощью которой осаждающие могли бы легко взобраться на стены. Кроме того, как уже упоминалось выше, одна из древнейших башен (башня «А») верхнего города носит следы ремонта, выполненного кладкой, типичной для раннесредневековых сооружений Археополиса.

Вышеупомянутый же клад мог быть зарыт здесь спустя много времени после выхода в обращение содержащихся в нем монет.

Надо выяснить еще одно недоразумение, допущенное в отношении Археополиса. Последний рассматривается А. М. Шнайдером ни более, ни менее как римская крепость, главное назначение которой было задержать продвижение персов по р. Риони; и лишь во вторую очередь город предназначался якобы для защиты местного населения, «сохранение дружественного расположения которого было необходимым для империи» [51]. Эта версия ни в коей степени не соответствует действительности, так как римляне даже в лучшую пору своего господства в Западной Грузии (I—II вв. н. э.) строили свои крепости только по побережью Черного моря, внутренние же районы страны оставались для них недосягаемыми. Кроме того, войны персов с римлянами на территории Лазики начались лишь в VI в., в то время как Археополис был выстроен в III или IV в. Версия А. М. Шнайдера не согласуется и с данными Прокопия Кесарийского, явно более осведомленного и имевшего больше оснований быть тенденциозно настроенным в пользу «империи», чем А. М. Шнайдер. Прокопий при перечислении пунктов, расположенных в Западной Грузии, всегда указывает, имеем ли мы дело с римско-византийской военной базой или же с лазским городом (или крепостью). В отношении же рассмотренного здесь пункта он определенно заявляет: «Археополь... был первым и самым значительным городом у лазов» [52].

В заключение мы хотели бы воспользоваться случаем выразить нашу глубокую благодарность участнику Нокалакевской археологической экспедиции проф. Г. К. Гозалишвили, чьими консультациями мы пользовались при подготовке настоящей статьи.

[47] См. A. M. Schneider, Ук. соч. В «Отчете» разрушение древнейшей стены датируется концом VI в. (см. А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 196).
[48] А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 194.
[49] Прокопий из Кесарии. Война с готами, VIII (IV), 14; 1—3.
[50] Картлис Цховреба, список царицы Анны. Тбилиси, 1942, стр. 149 (на груз. яз.).
[51] А. М. Шнайдер. Ук. соч., стр. 190.
[52] Прокопий из Кесарии. Война с готами, VIII (IV), 13, 3.

С. В. КИСЕЛЕВ

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЧЕРЕПИЦЫ

(В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока)

В китайской архитектуре с глубокой древности, по крайней мере с эпохи Чжоу, и до настоящего времени огромное значение имела и имеет черепица.

Многоярусные кровли, причудливо изогнутые и приподнятые по углам, блещущие яркими красками веками не меркнущей глазури, представляют характернейшую особенность китайского пейзажа. Издавна их воспевают поэты [1], запечатлевают в картинах художники и искусные вышивальщицы Сучжоу. Особым разнообразием отличается оформление концевых китайских черепиц, образующих узорчатый нижний край кровли.

Еще в эпоху Чжоу и Западных Хань китайские архитекторы обратили внимание на концевое завершение полуцилиндрических «верхних» черепиц, перекрывающих продольные швы между широкими вогнутыми «нижними» черепицами, образующими кровельное полотно. Эти «нижние» черепицы укладываются своими боковыми краями на деревянные слеги решетника, спускающиеся сверху вниз и являющиеся важнейшей частью несущей конструкции кровли. Нижние торцы этих слег всегда видны из-под выпуклых «верхних» черепиц. Там они сильнее всего подвергаются воздействию влаги и температурных колебаний и быстрее трескаются и загнивают. Отсюда и возникла необходимость прикрыть нижний торец слеги решетника специальным налепом, завершающим нижний обрез крайней полуцилиндрической выпуклой черепицы. В эпоху Чжоу эти налепы были полукруглыми, а позднее — дисковидными. При этом сразу же появилось стремление украсить эти налепы, свешивающиеся с нижнего края кровли и образующие ритмический бордюр [2].

В циньское и ханьское время их стали украшать различными орнаментами, чаще всего располагаемыми вокруг центральной округлой выпуклины. Выполнялись рисунки путем оттиска штампа. Именно так украшены концевые диски черепиц, обломки которых были найдены при исследовании поселений эпохи Цинь и Хань у подножия гор Лао-Тье близ Порт-Артура и возле с. Пей-ша-чен и Хуэй-ньян в районе Ванган Внутренней

---

[1] «Дворец императора пышен:
Здесь комнат идут анфилады,
Летящие кровли, как птицы,
Парят в голубых облаках».
Цзо Си (250—300 гг.) «Стихи на исторические темы».

[2] Ритмичность эта была использована и в орнаменте, например, при украшении стен ханьских склепов, по верхней части которых высекался фриз — чередование дисков и лежачих скобок — схематических изображений широких вогнутых черепиц. См. «Альбом рисунков эпохи Хань из Сычуани». Пекин, 1956, табл. 57, 58 (на кит. яз.). Об украшении чжоуских черепиц изображениями, главным образом Тао-Тье, см. КТ, 1957, № 6, стр. 23—26, табл. III—VII; E. Consten. Das Alte China. Stuttgart, 1958, табл. 42.

Монголии [3]. В этих коллекциях встречены такие диски, среди елочных или спиральных узоров которых были расположены и иероглифы. В ханьское время концевые черепичные диски часто украшаются и одними иероглифами [4].

На развалинах одного из ханьских дворцов китайские археологи и коллекционеры собрали еще в прошлом веке большую коллекцию черепичных дисков с надписями, которые и были опубликованы известным синологом Ф. Форке [5]. За последние годы в Китае собраны при раскопках зданий эпохи Хань новые коллекции концевых черепиц с орнаментированными дисками. Чаще всего диски украшены парно-спиральными и скобкообразными узорами, размещенными в четырех секторах вокруг центральной выпуклины (рис. 1, *1—4, 8, 9*) [6]. Изредка выпуклина отсутствует [7]. Один раз ее заменила рельефная свастика в круге жемчужника [8]. Иногда в сектора вписаны вместо узора иероглифы (рис. 1, *5, 7*) [9]. Встречаются также черепицы, у которых архаические иероглифы занимают всю площадь диска (рис. 1, *6*) [10].

Совершенно исключительную художественную ценность представляют собой диски черепицы, найденные в 1955—1956 гг. при раскопках ханьского здания на западной окраине г. Сиань. Они украшены оттиснутыми в высоком рельефе изображениями фантастических хищников, драконов, фениксов и черепах (рис. 2). Все детали фигур — глаза, оскаленные морды, клыки, когти, шерсть, перья, рисунок панциря черепахи выполнены с необыкновенной тщательностью. В центре каждого диска помещена полушарная выпуклина. Иногда фигура зверя как бы обвивается вокруг нее, иногда она прикрывает собой крыло или часть панциря [11].

Все эти разновидности концевых дисков, окончательно сложившиеся не позднее начала эпохи Западных Хань, были широко распространены китайцами-строителями и за пределы собственно Китая. Так, на территории Монгольской Народной Республики такие черепицы обнаружены на развалинах гуннских укрепленных городков. Археолог Х. Пэрлээ нашел диск, украшенный фигурами двойной спирали, на гуннском городище Бурхийн дэрвэлжин в Центральном аймаке МНР [12] и диски ханьского типа

[3] Mu Yang-ch'eng. Han and Pre-Han Sites at the Foot of Mount Lao-Tieh in South Manchuria. Archaeologia Orientalis, серия A, т. II, Tokyo — Kyoto, табл. XXXIII—XXXV; Archaeologia Orientalis, серия B, т. V, 1946, табл. XLIII, *1, 2*.

[4] O. Münsterberg Chinesische Kunstgeschichte. Esslingen, т. I, 1910, рис. 73—75; т. II, 1912, рис. 231, табл. 376. Селище периода западно-ханьской династии в Шэнтаохэ близ Ляояна, провинция Ляонин. КС, 1957, № 1, стр. 122, рис. 3 (на кит. яз.).

[5] F. Forke. Die Inschriftenziegel aus der Chin- und Hanzeit. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprache, 1899, т. 7, вып. I, табл. 4.

[6] КТ, 1956, № 2, стр. 50, рис. 3; 1957, № 6, стр. 29, рис. 1, *3, 9*; ВЦЦ, 1958, № 7, стр. 65, рис. 19 и 20. Каогу, 1959, № 4, стр. 206.

[7] КТ, 1957, № 6, стр. 29, рис. 2, 4, 8.

[8] КТ, 1958, № 6, табл. IV, *4*.

[9] КТ, 1956, № 5, стр. 9, рис. 1 и 2; 1957, № 6, стр. 29, рис. 7 и 8. Каогу, 1959, № 4, стр. 206.

[10] Су Бин-чи. Отчет об археологических раскопках в провинции Шанси. Шанхай, 1957, стр. 256, рис. 120, *2*; КТ, 1957, № 6, стр. 29, рис. 6.

[11] Ло Чжун-жу. Остатки построек эпохи Хань, обнаруженные на западной окраине г. Сиань. КТ, 1957, стр. 26 и сл., табл. VII, *1—4*.

Не могу не отметить здесь ту популярность, которой пользуются до сих пор в Китае орнаментированные диски ханьских черепиц. Эстампажи с них хранят наряду с эстампажами с надписей прославленных каллиграфов древности. Их изображения украшают различные бытовые вещи вплоть до... термосов. В моей китайской коллекции имеется вышивка на подушку, на которой цветным шелком, в сопровождении пояснительных надписей изображено: воспроизведение надписи на чжоуском бронзовом сосуде «Дуси сделал этот драгоценный Дин»; «конец черепицы ханьского дворца», украшенный орнаментами и стилизованными иероглифами; другой «конец черепицы из киоска белого оленя и лося», на котором вокруг центральной выпуклины изображены олень, лось и два иероглифа. Последним вышит «Кирпич из княжества У» (220—280 гг.). Целый музей на шелковой подушке!

[12] Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 45, рис. 4, *А*.

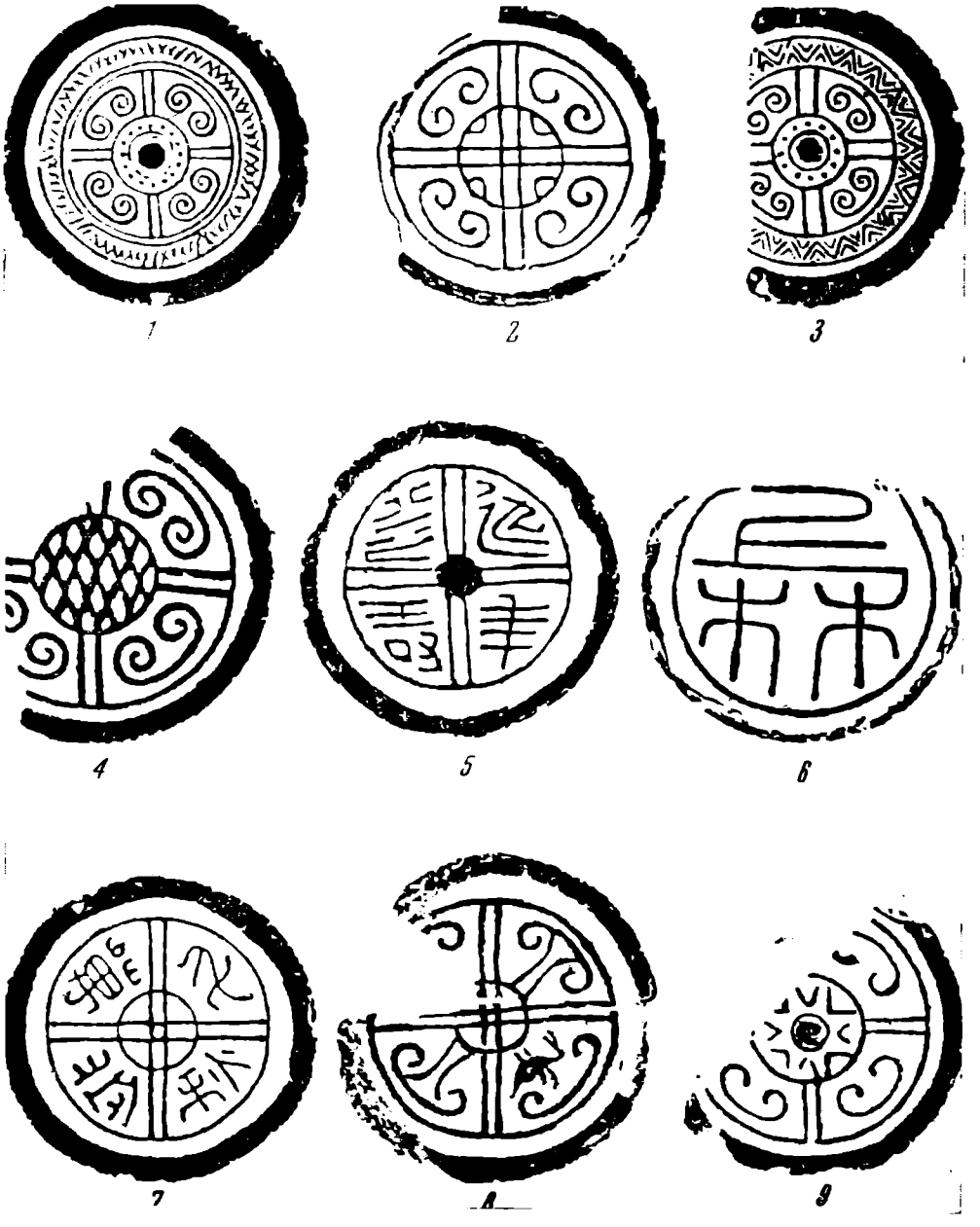


Рис. 1. Эстампажи с концевых дисков ханьских черепиц. Сиань

при раскопках гуннского городища Гуа-Дов в Хентейском аймаке [13].

Кроме этих памятников, в музее в Улан-Баторе хранятся типично ханьские черепицы, найденные акад. Б. Я. Владимирцовым при раскопках в Баин Дабанэ аман на р. Толе близ Налайхских копей. Как известно, Б. Я. Владимирцов раскопал там погребальное сооружение тюркского времени (VIII в.). Однако среди черепиц, там собранных и представляющих собой, несомненно, более поздние образцы, оказалось два обломка плоской и широкой черепицы, покрытой изнутри и снаружи продольной штриховкой, нанесенной крупной гребенкой. На одном из обломков вдоль верхнего края идут две параллельные линии [14]. Все эти

[13] Там же, рис. 4, *б* и *г*. В Монгольском краеведческом музее в Улан-Баторе хранится еще несколько концевых дисков из Гуа-Дов с весьма разнообразным орнаментом в виде сложных завитков, иногда приближающихся к меандру. Однако все эти варианты объединяет в одну группу наличие в центре диска выпуклины и расположение узоров вокруг нее по четырем секторам.

[14] Коллекция краеведческого музея в Улан-Баторе, №№ 133 и 134.

Рис. 2. Концевые диски ханьских черепиц с изображением фантастических зверей. Сиань

особенности характерны для ханьской черепицы. Справедливость этого определения подтверждает наличие в этой же коллекции обломка концевого диска с типично ханьским орнаментом в виде выпуклых парных спиралей, расположенных по четырем секторам, разграниченным рельефными валиками [15]. Нужно думать, что эта ханьская черепица была употреблена вторично при сооружении тюркского погребения. Ее могли собрать на каком-нибудь близлежащем поселении гуннского времени.

Значение этих открытий в МНР очень велико. Они опровергают широко распространенное мнение об исключительно кочевом быте древних гуннов [16]. Здесь важно подчеркнуть, что при определении времени и культурно-исторической принадлежности этих городищ решающую роль, наряду с обломками посуды типично гуннских форм и орнаментации, сыграла именно черепица, и прежде всего типично ханьские концевые диски.

Остается вспомнить о находке огромного количества ханьской черепицы, и в том числе многих концевых дисков, при исследовании В. П. Левашовой и Л. А. Евтюховой многокомнатного здания (предполагаемого дворца Ли-Лина) около г. Абакана в Хакасской автономной области [17]. Черепица там была двух типов — широкая, вогнутая (шириной 40—42 *см*

[15] Коллекция краеведческого музея в Улан-Баторе, № 135. О раскопках в Баин Дабанэ аман. См. сб. «Северная Монголия», вып. II, Л., 1927, стр. 38—41.

[16] См. С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2.

[17] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII, 1946; Л. А. Евтюхова. Древнекитайское здание на

и длиной 57—58 *см*) и узкая, в виде выпуклых полуцилиндров с шейками для плотной пригонки друг к другу. Размеры узких черепиц — 62 *см* в длину и 18 *см* в ширину (рис. 3). И узкие, и широкие черепицы формовались на твердой основе. Снаружи (по выпуклой стороне) черепицы заглаживались зубчатой лопаточкой, образовывавшей характерные продольные штрихи. С внутренней стороны наносились иногда узоры или счетные знаки. Последние больше всего похожи на буквы орхонского алфавита, получившего на Среднем Енисее широкое распространение позднее, в VI—VIII вв. н. э.[18].

Штрихованная поверхность абаканской черепицы представляет собой характерную особенность черепиц ханьского времени не только в Южной Сибири, но и в Монголии. Так, совершенно аналогично отделанная черепица была найдена на гуннском городище Гуа-Дов. Она отличается от абаканской лишь тем, что ближе к верхнему краю штриховка прекращается и там располагается орнаментальный пояс в виде идущих поперек всей черепицы двух параллельных углубленных линий и заключенной между ними волны[19]. Этот орнамент целиком повторяет украшение гуннской глиняной посуды. Гуннские горшки часто имеют вдоль шейки волнистую линию, заключенную между двумя параллельными, а вниз от этого пояска по всему тулову идет характерная штриховка зубчатым правилом[20].

Аналогичная черепица собрана К. В. Вяткиной в МНР на гуннском городище Харальчи Хэрмгийн-Балгас, расположенном на левом берегу р. Терельжин-Гол[21].

Рис. 3. Верхняя (выпуклая) черепица ханьского типа из китайского здания близ г. Абакана

среднем Енисее. ВДИ, 1946, № 1; ее же. Развалины дворца в «земле Хягас». КСИИМК, вып. XXI, 1947. См. также полемику между Л. А. Евтюховой и А. Н. Бернштамом о датировке этого дворца (ИАН СССР, серия истории и философии, М., 1946, т. III, №№ 5 и 6), в ходе которой подтвердилось исключительно важное значение правильного понимания хронологии типов китайских черепиц.

[18] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XLV, *1, 2, 4, 5*.

[19] Монгольский краеведческий музей в г. Улан-Баторе. Зал «Культура гуннов» (размеры черепицы 40 × 50 *см*).

[20] Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в «земле Хягяс», стр. 85, рис. 27; Ю. Э. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицкосавского округа Забайкальской обл., М., 1889, табл. 17 и 18; Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия». Л., 1957, вып. 2, табл. III; А. В. Давыдова. Раскопки Иволгинского городища в 1955 г. Зап. Бурят-Монгольского НИИ культуры. Улан-Удэ, 1956, вып. XXII, стр. 70, рис. III; ее же. Иволгинское городище. СА, 1956, вып. XXV, стр. 276, рис. 8, стр. 279, рис. 11, стр. 28, рис. 12.

[21] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 92—93; К. В. Вяткина. Археологические памятники в МНР. СЭ, 1959, № 1, стр. 99, 100.

Рис. 4. Диск от черепицы из здания ханьского времени близ г. Абакана

Среди абаканской черепицы значительно количество полуцилиндрических узких черепиц, заканчивающихся дисками. Как и большинство концевых дисков ханьского времени, они украшены в центре округлой выпуклиной, вокруг которой расположена китайская надпись: «Сыну неба 10 000 лет мира, а той которой (императрице.— *С. К.*) мы желаем 1000 осеней радости без горя» (рис. 4) [22].

Таким образом, устанавливается поразительное единообразие характерных особенностей черепицы ханьского времени как из собственно Китая, так и из Монголии, Кореи [23] и Южной Сибири. Вся она из серой хорошо отмученной глины, покрыта штриховкой, а концевые диски орнаментированы узорами, чаще всего расположенными по секторам вокруг центральной выпуклины, или изображениями животных и надписями.

* * *

Дальнейшее развитие форм черепицы, выработанных в эпоху Хань, недостаточно ясно из-за малого числа находок. Поэтому представляется весьма ценным сообщение Чжан Юя о находках, сделанных на развалинах укрепленных городов в окрестностях столицы автономного района Внутренней Монголии, города Хух-Хото (б. Гуйсуй). Города эти относятся к эпохе Северных Вэй (386—535 гг.) [24].

При исследовании одного из них, города Улан-Булан, расположенного к северо-западу от Хух-Хото, найдена черепица, на концевом диске которой мы видим как бы дальнейшее развитие характерной ханьской схемы орнамента. В центре — традиционная выпуклина, окруженная валиком. Все остальное поле диска разделено на восемь секторов пересекающимися парами параллельных выпуклых линий. В образованных таким образом четырех подквадратных секторах справа и слева, выше и ниже центральной выпуклины помещены рельефные изображения четырех иероглифов. В четырех же подтреугольных секторах размещены небольшие округлые выпуклины, окруженные рельефными кружками. Они как бы отделяют иероглифы друг от друга [25].

Совершенно иной орнамент оказался на диске черепицы, найденной при исследовании северновэйского городка Улан-Хуа, расположенного к северо-северо-востоку от Хух-Хото. На этом диске вокруг центральной небольшой выпуклины, обведенной рельефным кружком, расположены, чередуясь, узкие и широкие выпуклые лепестки розетки [26].

Если, как сказано выше, в украшениях диска из Улан-Булана можно видеть дальнейшее развитие традиционной орнаментации дисков ханьских черепиц, то в розетке, украшающей концевой диск из Улан-Хуа

[22] Надпись прочел и перевел ныне покойный академик В. М. Алексеев, считавший характер знаков и грамматические особенности надписи типичными для эпохи Хань. См. Л. А. Евтюхова. Древнекитайское здание на среднем Енисее, стр. 109.

[23] Культурные памятники Кореи. Пхеньян, 1957, табл. 55, верхний левый рисунок.

[24] Чжан Юй. Исследование древних остатков поселений эпохи Хань и Сев. Вэй во Внутренней Монголии. КТ, 1958, № 3, стр. 14—22, стр. 15, рис. 1.

[25] Там же, стр. 21, рис. 7.

[26] Там же, стр. 19, рис. 5.

перед нами предстает новый вид узора, который станет господствующим в следующую эпоху, Тан [27].

Окончательное сложение нового типа китайской черепицы относится к эпохе Тан (618—906 гг.). Недавно богатая коллекция черепиц этого времени была собрана при исследовании слоев г. Сиань и на юге Китая в провинции Юннань, в местности Вэйшань [28].

Вся она неглазурованная, с выпуклой стороны гладкая, а с вогнутой имеет отпечатки ткани, которой был обернут шаблон. Концевые полуцилиндрические верхние черепицы имеют такие же дискообразные налепы,

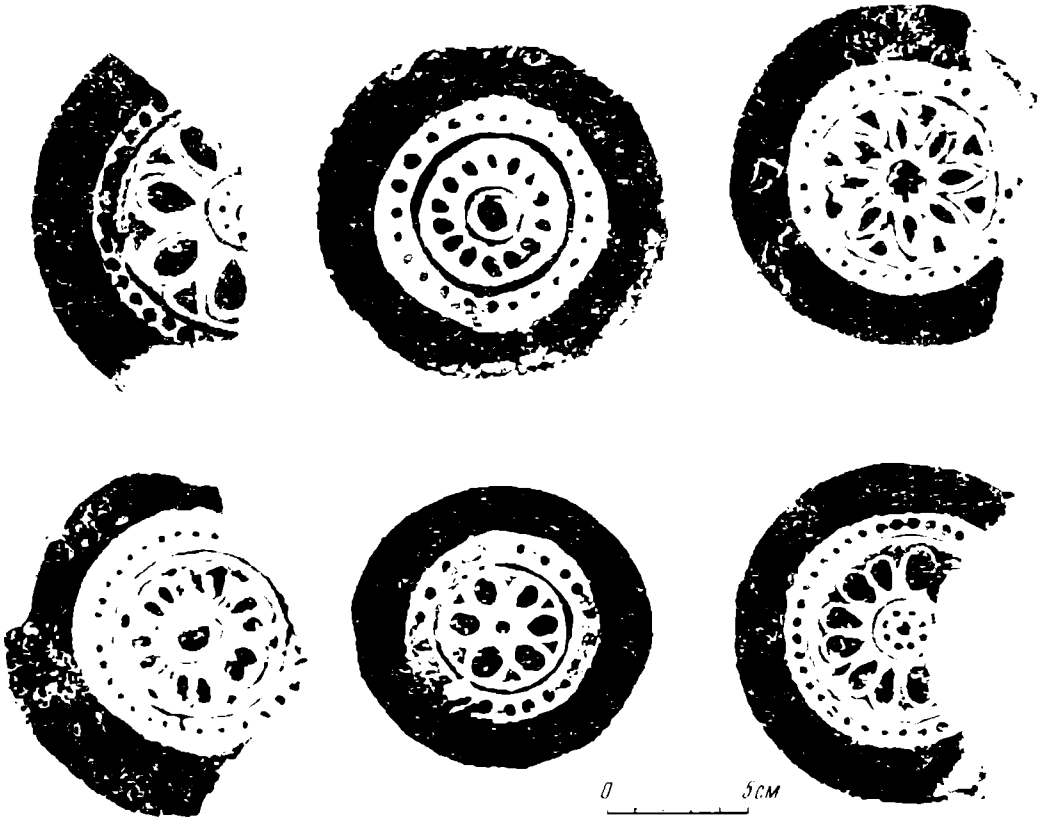


Рис. 5. Эстампажи с концевых дисков танских черепиц. Сиань

как и ханьские, однако орнаментация их совершенно иная. Центральную выпуклину заменяет округлая же сердцевина, состоящая из нескольких жемчужинок, расположенных вокруг одной средней, или выпуклость, покрытая наколотыми углублениями. Почти всегда такая сердцевина окружена выпуклым валиком. Вокруг сердцевины располагается розетка, лепестки которой образуют или заостренные к концам выпуклости, окруженные валиком, или просто овальные выпуклости. Между лепестками розетки по внешнему краю часто расположены подтреугольные выпуклости, а все в целом окружено еще одним рельефным кругом и обрамлением жемчужника (рис. 5).

Этот танский тип черепицы китайские мастера широко распространили по странам Востока и Центральной Азии.

[27] Аналогичную картину развития орнаментации концевых дисков можно проследить и по черепице с крыш зданий эпохи царств Когуре, Пякте и Силла (III—IV вв.). См. «Культурные памятники Кореи», табл. 55, рисунки — верхний левый и оба средних.

[28] Комиссия по охране памятников культуры провинции Шэньси. Предварительная разведка основания города Чанчань во время династии Тан. КС, 1958, № 3, стр. 88, рис. 3—10, и табл. II, *3—10*. Доклад о раскопках древних развалин в провинции Юннань. Каогу, 1959, № 3, стр. 157—160, табл. II.

В МНР ее образцы найдены, прежде всего, в сооружениях над могилами орхонских тюрок VI—VIII вв. В 1925 г. их обнаружил Г. И. Боровка при исследовании тюркской «княжеской могилы» VII—VIII вв. в урочище Унгету, на правом берегу р. Толы, примерно в 120 *км* ниже Улан-Батора.

Найденные здесь концевые диски черепицы украшены центральной выпуклиной, валиком и жемчужником; дальше идет обрамление из многих оттиснутых лепестков, окруженных внешним кругом жемчужника. Диаметр диска 12 *см* [29].

В Улан-Баторе хранятся теперь аналогичные концевые диски из раскопанных в 1958 г. сооружений, воздвигнутых в 732 г. в урочище Кошо Цайдам на р. Орхон в память тюркского принца Кюль-Тегина (685—731).

Несколько иной тип орнамента украшает четыре диска черепицы, найденной в 1925 г. акад. Б. Я. Владимирцовым при исследовании другой тюркской «княжеской могилы» в местности Баин Дабанэ аман около Налайхских копей близ Улан-Батора. Украшавший диски рельефный ромб, вписанный в окружность, был оттиснут одним штампом. Этот узор близок к ханьским, особенно в приеме передачи орнамента выпуклыми валиками и в разделении круглого поля диска на четыре сектора [30]. Такие же ромбические узоры украшают и концевые черепицы сооружений, построенных в память «мудрого Тоньюкука», прославленного тюркского полководца и ближайшего советника Гудулу-кагана (ум. в 693 г.). Они раскопаны монгольскими учеными в 1957 г. в урочище Баин Цзокто близ Налайхи.

Совершенно аналогичны сианьским концевые диски, найденные при исследовании Орду-балыка — столицы уйгурского ханства, построенной Моюн-Чуром в 750—751 гг. и разрушенной енисейскими киргизами около 840 г. [31]. Ее развалины, остатки грандиозной крепости, храмов и обширного города, теперь называемые Хара-Балгас, до сих пор высятся на левом берегу Орхона, в 18 *км* к северу от древнемонгольского Каракорума [32].

Здесь при раскопках в 1949 г. здания на вершине цитадели (в юго-восточном углу крепости, раскоп I) при раскопках дворцового здания в центре крепости (раскоп III) было обнаружено 16 концевых дисков (целых и в обломках; рис. 6). Все они сделаны из серой или серо-коричневой глины и имеют диаметр 12,5 *см*. На них оттиснут рельефный узор, весьма близкий к сианьскому. В центре — небольшая полушарная выпуклина, окруженная семью (изредка шестью) жемчужинами. Эта центральная часть орнамента заключена обычно в рельефный кружок. Вокруг нее расположены или округлые выпуклины, чередующиеся с подтреугольными, или трехлопастные выпуклины, каждая из которых заключена между двумя выпуклыми дугообразными «скобками». Эта орнаментальная зона также заключена в рельефный круг, за которым идет мелкий жемчужник.

Украшенные таким узором концевые диски черепицы китайские кровельщики занесли и дальше на запад. В Чуйской долине на развалинах зданий VIII в. городища Ак-Бешим (расположенного в 8 *км* к юго-западу от г. Токмак Фрунзенской области Киргизской ССР) А. Н. Бернштамом,

---

[29] Сб. «Северная Монголия», вып. II, стр. 78, рис. 10.

[30] Там же, стр. 38. Исследованная черепица хранится в музее в г. Улан-Баторе, колл. №№ 126, 127, 128 и 130.

[31] В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Приложения к XXII тому «Записок Академии наук». СПб., 1894; C. J. Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nordmongolei. Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, т. XXX, 1913, стр. 1—9; Г. И. Рамстедт. Перевод надписи селенгинского камня; его же. Как был найден селенгинский камень. Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд. РГО, т. XV, вып. I, СПб., 1914; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр 76—77.

[32] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 93—95.

Рис. 6. Концевые диски из Орду-Балыка — уйгуской столицы на р. Орхон

Л. Р. Кызласовым и Л. П. Зяблиным найдены концевые диски черепиц этого типа [33]. Одни из них совершенно аналогичны найденным на уйгур-

[33] А. Н. Бернштам считал Ак-Бешим остатком Баласагуна и относил его памятники к кара-киданьской эпохе, XI—XII вв. (см. «Тр. Семиреченской археологической экспедиции». МИА, № 14, 1950, стр. 7—9, 47—54, 71 и сл.). Однако это определение не подтвердилось. В результате обширных раскопок Л. Р. Кызласова и Л. П. Зяблина

ском Хара-Балгасе в Монголии. Другие представляют собой точную копию сианьских дисков (рис. 7). Как и сианьские, они выделяются наличием рельефной обводки вокруг лепестков розетки, так же как и в Китае разделенных подтреугольными выпуклинами [34]. Это свидетельствует о связях чуйских центров с кровельщиками танского Китая. Связи эти шли через Синцзян, где такие черепицы найдены на развалинах Цзяохе [35].

Близкая к описанной черепица найдена и на северо-востоке Китая близ г. Дунцзинчэна на р. Муданцзян, в провинции Сунцзян, на развалинах обширной столицы царства Бохай (VIII—X вв.) [36]. Найденные здесь концевые черепичные диски украшены в основном теми же узорами в виде розетки, какие мы видели в Сиани, в Хара-Балгасе и в Ак-Бешиме [37]. Здесь, как в Сиани и в Ак-Бешиме, применяется прием обводки выпуклых лепестков розеток рельефной линией. Отличием от вышеописанных является частая замена центральной части узора простой выпуклиной, а также помещение между лепестками розетки вместо подтреугольных выпуклостей парных спиралей, линий, горизонтально расположенных скобок. Здесь чаще встречается четыре — шесть лепестков розетки, а не семь, как это обычно в Монголии и в долине Чу. Существенным отличием является также отсутствие на дисках из Дунцзинчэна внешнего обрамления узора жемчужинами. Наконец, резко отличает эту черепицу наличие на многих частях, в том числе и на дисках, зеленой поливы. Если учесть, что поливные черепицы в собственно Китае стали вырабатываться в эпоху Сун (т. е. после 960 г.), то наличие поливы на черепицах из Дунцзинчэна может быть принято во внимание при уточнении ее датировки.

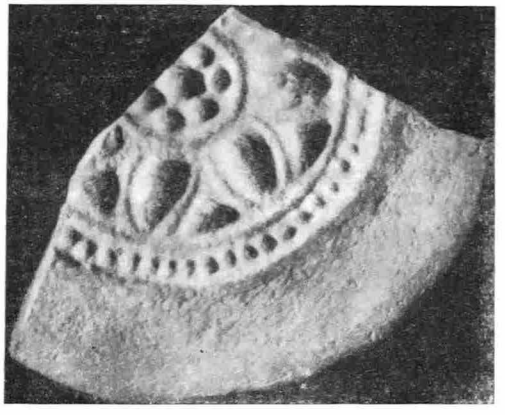


Рис. 7. Обломок концевого диска из городища Ак-Бешим (VIII—X вв.)

На нашем Дальнем Востоке в 1958 г. Э. В. Шавкунов при раскопках бохайского здания VIII—X вв. на холме «Копыто» в Славянском районе Приморского края нашел совершенно аналогичные диски черепиц с розеткой, но, как и уйгурские, без поливы. Вместе с ними обнаружены отливы нижних черепиц в виде простого отгиба края, орнаментированного защипами, ямками, елочкой, крестиками и колечками. Эти нижние черепицы весьма близки к ляоским X—XI в. и к позднейшим чжурчженьским и западноляоским XII в.

В богатом собрании памятников Бохайского царства, хранящихся во Владивостокском музее, мы нашли только один концевой диск. Он сделан

большинство сооружений Ак-Бешима датируется VIII—X вв., а некоторые части города даже VI—VII вв. (См. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 88—96; его же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Кирг. археолого-этнограф. экспедиции, т. II, М., 1958; его же. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим Киргизской ССР в 1953—1954 гг. Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVI, М.— Л., 1958, стр. 514—526). Приведенные нами сопоставления черепиц только подтверждают выводы Л. Р. Кызласова и Л. П. Зяблина. Пользуюсь случаем поблагодарить их за предоставленные мне материалы.

[34] Тр. Семиреченской археологической экспедиции, табл. XXV, рис. 4.

[35] Гуань Мин. Разведка древнего города Цзяохэ. Каогу, 1959, № 5, стр. 237, рис. 3.

[36] Tung-ching-cheng. Archaeologia Orientalis, серия A, т. V, Tokyo — Kyoto, 1939.

[37] Чжэн Чжэнь-до. Картины по китайской истории, вып. III, табл. XXXVI, рис. 4 (на кит. яз.); см. также А. П. Окладников. Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян. СА, 1957, № 3, стр. 208, рис. 8.

из серой глины и имеет около 15 *см* в диаметре. На его поверхности оттиснут сложный рельефный узор, в котором можно угадывать линейное изображение двух противостоящих друг другу животных со спирально загнутыми хвостами. Их головы сливаются со стволом стоящего между ними, разветвляющегося вверху дерева (рис. 8, *1*). Этот дальневосточный диск остается пока единственным, сохраняющим в орнаменте какие-то архаические ханьские черты. Вместе с ним в той же коллекции находок бохайского времени хранятся черепичные подтреугольные пластинки, украшенные растительным узором. Края их обрезаны по извилистой линии совершенно так, как обрезались в более позднее время подтреугольные концевые отливы черепиц, которыми покрывались, например, древнемон-

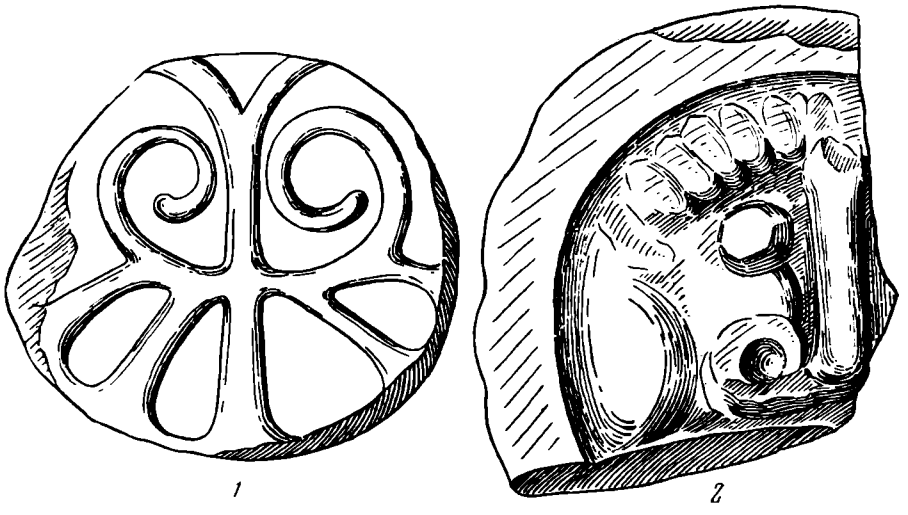


Рис. 8

1 — диск черепицы времени Бохай; *2* — диск черепицы чжурчженьского времени с Николаевского городища (Владивостокский музей)

гольские дворцы XIII—XIV вв. Однако в собственно Китае такие пластинки от эпохи Тан не известны ни по изданиям, ни по коллекциям музеев [38].

Время, когда стали выделывать подтреугольные узорчатые отливы с характерно изогнутым краем, остается неясным.

Р. Тории издал подобные отливы, найденные в развалинах замка в окрестностях Цинь-чжоу. Но они имеют уже иной орнамент — в виде извивающегося дракона и покрыты голубой поливой. Р. Тории датирует их временем Ляо (916—1124 гг.), равно как и концевые диски, украшенные драконами и покрытые красной поливой [39]. Однако такая датировка представляется сомнительной. Правда, покрытие черепицы поливой стало практиковаться в эпоху Сун (т. е. после 960 г.), но нам неизвестны раннесунские отливы и диски, украшенные драконами [40]. Если же обратиться к сохранившимся восточноляоским зданиям, то все сохранившие древнюю кровлю, не имеют подтреугольных отливов. Их концевые вогнутые черепицы заканчиваются простым отгибом края [41]. Нет подтреугольных отливов с драконами и на чжурчженьских и западноляо-

[38] Однако изогнутый обрез этих пластинок, безусловно, связан с характерным танским обликом, например, бронзовых зеркал. См. «Изобразительное искусство Китая». М., 1956, табл. 31; L. Ashton and B. Gray. Chinese Art. London, 1935, стр. 147, рис. 45, *a*.

[39] R. Torii. Illustrations of Archaeology, т. II, Tokyo, 1936, табл. 137, 138, 140, 141.

[40] Отлив с драконами из Сиани, недавно изданный как танский, настолько совпадает с древнемонгольскими, что не может служить опорой столь ранней датировки. КС, 1958, № 3, табл. II, рис. 11.

[41] Китайская архитектура. Пекин, 1958, табл. 50, 53, 55, 56 (на кит. яз.). Это же подтверждается и новыми японскими данными. См. Archaeologia Japonica, т. 4, Tokyo, 1951, стр. 144—159; т. 5, 1952, стр. 111—128.

ских черепицах XI—XII вв. Поэтому приходится полагать, что кровли зданий, черепицу из которых издал Р. Тории, относятся к несколько более позднему времени. Может быть, это результат перестройки или ремонта.

* * *

В предмонгольский период, в XI—XII вв., в Центральной Азии и на Дальнем Востоке распространяется новый вид украшений кровельной черепицы.

При изучении постройки XI в., стоявшей над могилой в местности Зуун Бурэнуул Саин-Уалаанского сомона, Средне-Гобийского аймака (МНР), Х. Пэрлээ обнаружена очень интересная черепица. На концевых дисках были оттиснуты окруженные жемчужником бородатые оскаленные личины демонов. Концевые вогнутые широкие черепицы имели отливы в виде отогнутого вниз края. Внешняя сторона отлива была украшена продольным желобком, вдоль которого сверху и снизу шли в ряд оттиски округлого штампа с крестиком внутри [42].

В северо-восточной части МНР на р. Керулен при раскопках города XI—XII вв. Х. Пэрлээ обнаружил диски концевых верхних черепиц, украшенные такими же личинами демонов, как и в Зуун Бурэнуул. Они также были окружены жемчужником и отличались только большей примитивностью лепки лица, напоминающего каменные бабы [43]. Отливы вогнутых черепиц имели вычурную подтреугольную форму. Но и они не имели украшения в виде дракона, а были орнаментированы изображением цветка лотоса [44].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в XI—XII вв. в Монголии применялся новый тип украшения черепичных дисков — личинами, а отливы вогнутых черепиц имели двоякую форму — простых отгибов края черепицы вниз, украшенных чеканным орнаментом, и свисающих вниз подтреугольных козырьков, украшенных растительным узором. По-видимому, это и была исходная форма развития подтреугольных отливов.

Близкую аналогию таким украшениям черепицы из Монголии представляют собой диски и отливы, обнаруженные Дальневосточной экспедицией Академии наук СССР при раскопках здания на р. Суйфуне близ Ворошиловска-Уссурийского, произведенных под руководством А. П. Окладникова [45]. Диски здесь были украшены такими же рельефными личинами демонов, окруженными жемчужником. Отливы — простые отгибы края концевой черепицы — были орнаментированы оттисками чекана. В одном случае это были парные ряды ямок, расположенные выше и ниже продольной резной бороздки; в другом — ряд углубленных восьмилучевых звездочек, нанесенных палочкой, имевшей соответствующую вырезку на торце.

Изучение коллекций Владивостокского музея показало, что во время расцвета культуры Чжурчженьского царства на Дальнем Востоке (XII и самое начало XIII в.) там был распространен почти тот же декор черепицы, что и описанный из Суйфуна.

Особенно разнообразны украшения отливных отгибов широких черепиц, найденных Н. Г. Харламовым и Э. В. Шавкуновым на Николаевском городище близ пос. Сучан. Нижний срез отгиба здесь иногда как бы гофрирован посредством ритмических вдавлений «гусеничного» штампа [46]. Самый отгиб обычно украшен оттиском мелко- или крупно-

[42] Х. Пэрлээ. Древние стоянки и могилы XI века, КТ, 1957, № 2, стр. 119, рис. 3 и 4 (на кит. яз.).

[43] Его же. К истории древних городов..., стр. 48, рис. 7, *Б*.

[44] Там же, рис. 7, *А*.

[45] А. П. Окладников. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 114—115, рис. 37, *1*. Диск с личиной демона А. П. Окладников неверно издал среди бохайских памятников. Ср. А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 193, рис. 62.

[46] Владивостокский музей, колл. № 553-2 и 575-1.

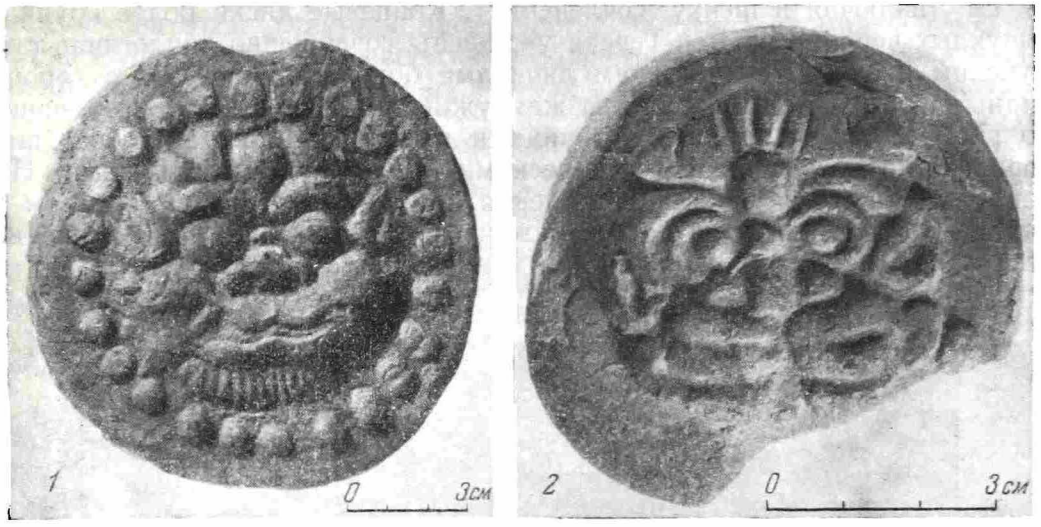


Рис. 9.

1 — диск из киданьского города Дён-Терек (Тувинская автономная обл.); *2* — меньший диск из города Дён-Терек

зубчатого чекана [47], иногда образующего елочку [48]. Особенно богато украшен гофрированный отгиб черепицы из сборов Н. Г. Харламова в 1931 г. По всему отгибу здесь идут два параллельных желобка. Ниже спускаются по четыре квадратных ямки [49].

Диски Николаевского городища украшены личинами, выполненными гораздо грубее суйфунских. Нос, например, передается вертикальным валиком, внизу разделяющимся на две закрученные вверх спирали; глаза отмечены простыми полушарными выпуклинами (рис. 8, *2*). Однако главным отличием николаевских дисков с личинами от всех ранее описанных является отсутствие у них обрамления жемчужником [50].

Как мы увидим ниже, концевые диски черепиц, изготовленных накануне монгольского возвышения, уже не все имеют жемчужное обрамление. По-видимому, где-то во второй половине XII в. этот прием, возникший еще в Танскую эпоху как почти универсальный вид орнаментации всевозможных материалов, перестает применяться для украшения черепицы.

Черепицы описываемого времени, весьма сходные с чжурчженьскими из Приморья, за последние годы в большом количестве найдены при исследовании Л. Р. Кызласовым киданьского города в местности Дён-Терек на р. Элегест в Тувинской автономной области. Город этот существовал в период Си-Ляо. При его раскопках было найдено восемь чжурчженьских монет типа «Да дин Тунбао» (1161—1189 гг.). Л. Р. Кызласов полагает, что город был основан при императрице Чень-тян (около 1167 г.) и просуществовал до разгрома монголами царства последнего гурхана в 1211 г. [51]. Здесь при раскопках административных и дворцовых зданий были найдены концевые черепицы как верхние, выпуклые, так и нижние, вогнутые. И те и другие сделаны из серо-коричневой глины на болванках, обернутых материей, хорошо отпечатавшейся на черепице. Диаметр верхних, полуцилиндрических черепиц 12 — 14 *см;* более узких — 6,2 *см.* Длина соответственно — 26—31 *см* и 18,5—

[47] Владивостокский музей, колл. № 414-57 и 512-39.
[48] Там же, колл. № 575-1.
[49] Там же, колл. № 553-2.
[50] Там же, колл. № 533-3, 3438-57 и 58.
[51] См. статью Л. Р. Кызласова «Средневековые города Тувы» в этом номере журнала. Черепица хранится в Музее кафедры археологии МГУ и воспроизводится здесь по образцам, любезно предоставленным Л. Р. Кызласовым, за что приношу ему глубокую благодарность.

19 *см* (включая и шейку сочленения). Концевые диски более крупных выпуклых черепиц из Дён-Терека украшены совершенно аналогично суйфунским и зуун-бурэнуульским личинами бородатых демонов с хорошо видными рогами. Они окружены жемчужником (рис. 9, *1, 2*) [52]. Меньшие по размеру диски украшены личинами несколько иного типа, без подбородка, но с усами, с человеческими, а не звериными ушами. Нет вокруг них и жемчужного обрамления (рис. 9, *2*) [53]. Таким образом, и киданьские черепицы, как и чжурчженьские, указывают на начало исчезновения жемчужного украшения концевых дисков.

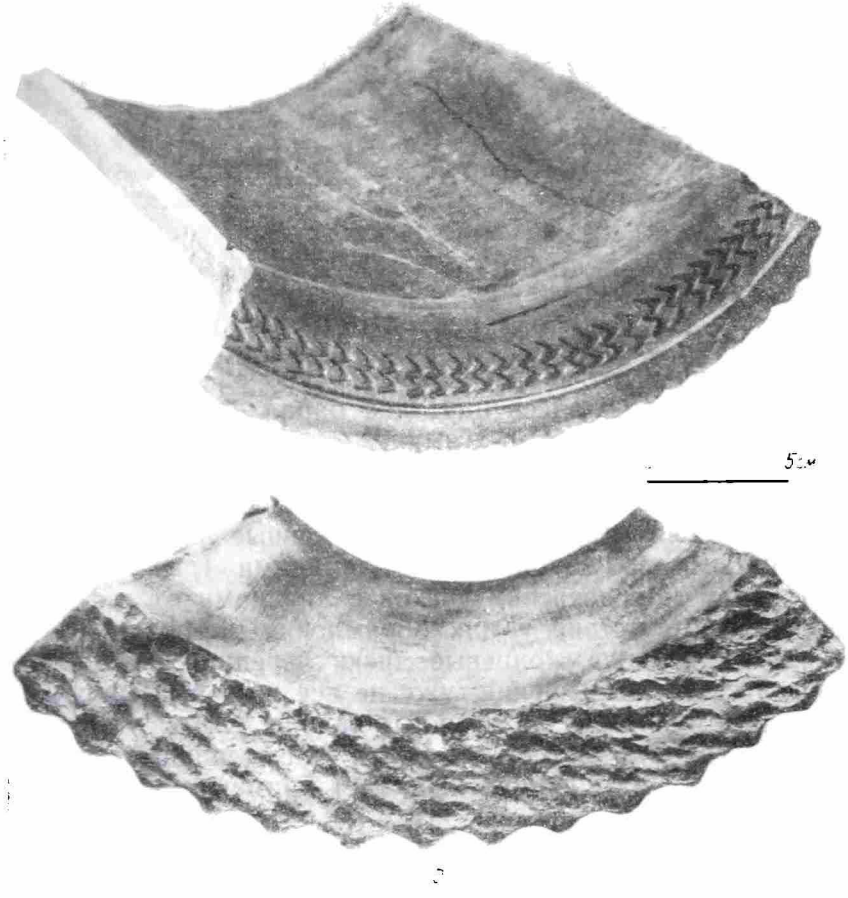


Рис. 10. Отливы нижних черепиц из Дён-Терека

Что касается концевых широких вогнутых черепиц, то они в Дён-Тереке имеют отливы в виде отогнутых вниз бортиков, совершенно аналогичных зуун-бурэнуульским и николаевским. Ширина их — 15, 18,5 и 20,5 *см*, а длина — 28, 29 и 39 *см*. Обрез нижнего края у них обычно гофрированный. Сам отлив украшен чеканным елочным (рис. 10, *а*) [54] или гусеничным узором (рис. 10, *б*) [55].

Таковы особенности форм черепицы накануне сложения государства Чингизидов. Как в ханьское, так и в танское время и в этот период, наряду с некоторыми своеобразными местными чертами, обнаруживается значительное сходство комплекса в целом на огромном пространстве от Приморья и Северо-Восточного Китая до Центральной Монголии и Тувы.

[52] Музей кафедры археологии МГУ, Дён-Терек, раскопки 1956 г., здание № 4.
[53] Там же, раскопки 1957 г., здание № 8.
[54] Там же. Ср. с бохайскими с горы «Копыто».
[55] Там же, раскопки 1957 г., здание № 8. Ср. также с бохайскими с горы «Копыто».

Всюду на этом огромном пространстве работали скромные гончары, создавая удивительные по своему совершенству и столь сходные по стилю кровли эпохи Сун. Замечательно, что как раз в это время китайский поэт Май Яо-чень (1002—1060 гг.) создал наполненное глубоким социальным смыслом стихотворение «Гончар»:

Обжег немало черепиц!
Гончар за век свой длинный,
А крыша у него стара —
Сквозь гниль вода сочится.
Богатых пальцы никогда
Не знали влажной глины,
А ведь богатые живут
В домах под черепицей!

(Перевод Л. Черкасского).

* * *

Укрепление монгольского государства при Чингисхане вызвало известный подъем градостроительства в той части Центральной Азии, которая стала ядром огромного политического объединения. Выяснено, что еще при жизни самого Чингиса, в 1220 г., была основана столица нового государства — Каракорум. Остатки ее в виде холмов от зданий, валов от городских стен и следов улиц и переулков большого города видны сразу же к северу от знаменитого монастыря XVI в. Эрдэни-Цзу, на правом берегу р. Орхон, в юго-восточной части Арахангайского аймака (МНР).

При раскопках Каракорума Монгольско-Советской экспедицией в 1948 и 1949 гг. были изучены городские кварталы (особенно широко на перекрестке двух центральных улиц — северо-южной и восточной), а также остатки дворца Угедея, его главного здания, парадных ворот и павильонов, видных на юго-западной окраине городища.

При этих раскопках удалось установить чрезвычайную интенсивность строительной жизни города. До 1220 г. на месте будущего Каракорума, может быть, существовало незначительное поселение, тяготевшее к монастырю, построенному еще в XI в. на месте будущего дворца Угедея. Таким образом, весь культурный слой принадлежит к древнемонгольскому времени, в основном к 1220—1380 гг. Около 1380 г. войска освободившегося Китая разрушили Каракорум; правда, город частично продолжал существовать и позднее в виде поселка при монастыре Эрдэни-Цзу. Однако остатки столичного города ко времени постройки в 1586 г. древнейших храмов Эрдэни-Цзу определенно представляли собой мертвые развалины, из которых мастера Абатай-хана спокойно извлекали наиболее ценный строительный материал, особенно гранитные плиты цоколей и базы колонн, совершенно так же, как это делали ламы в начале XX в. для ремонта монастырских зданий и стен.

Таким образом, выясняется, что наиболее интенсивно жизнь Каракорума протекала на протяжении всего 160 лет и за это время в центральной части города от частых перестроек глинобитных и сырцовых зданий и от пожаров накопился культурный слой в 5 *м*, а местами и больше [56].

Здания в городе покрывали черепицей. Однако количество находок ее не так уж велико; достаточно сказать, что на центральном I раскопе, охватившем площадь свыше 7000 $м^2$ при мощности слоя местами до 6 *м*, найдено 12 концевых дисков и всего один целый отлив вогнутой черепицы. При этом диски, близкие по технике, глине и по типу рисунка, встретились во всех слоях раскопа, начиная с I и до XI [57]. Эти особенности на-

[56] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 97 и сл.

[57] Каракорум, слой I, кв. Д5, раск. 1948 и Л10 и Н3 раск. 1949, слой III, кв. Г3, раск. 1949, М8 раск. 1949; слой IV, кв. Б2, раск. 1948; слой V, кв. З1, раск. 1948; слой VI, кв. З3, раск. 1948, слой XI, кв. Л13, раск. 1949. Опись 1948, № 757, 1100, 1104; 1949, №№ 41, 525, 526.

ходок отражают бережное отношение жителей к черепице при перестройке и даже пожарах. Вся пригодная черепица от старых построек укладывалась на новую кровлю, как это делается и сейчас всюду, где перекрывают черепичные кровли. Но все же сравнительно небольшое количество находок черепицы на раскопе центрального городского квартала Каракорума заставляет полагать, что часть зданий была крыта обмазанной глиной соломой, камышом или тонко колотыми досками и лишь края кровли делались черепичными [58].

Рис. 11. Диски черепицы из центрального городского квартала Каракорума

Концевые диски, найденные в городском квартале Каракорума, все имеют диаметр 12—12,5 *см* и сформованы из серой глины. Большинство не имели поливы. Только диск, найденный в XI слое (т. е. на глубине 5,5 *м*), имел значительные остатки зеленой поливы.

Все диски украшены бородатыми личинами демонов двух основных представленных здесь видов (рис. 11). Обращает внимание отсутствие жемчужного обрамления. Его заменяет иногда выпуклая окружность.

Единственный найденный при раскопках центрального городского квартала Каракорума отлив вогнутой черепицы (раскоп I, кв. ДГ11, слой II, 1948) представляет собой ближайшую аналогию отливам из дальневосточных чжурчженьских и тувинских киданьских городов. Ширина черепицы — 17 *см*. Отлив образует отгиб ее края, украшенный так же традиционно: посередине продольный желобок, ниже его — косые вдавления, придающие нижней поверхности отлива некоторую гофрированность; выше вдоль желобка идут овальные ямки (рис. 12, *а*).

Следует, таким образом, подчеркнуть, что черепица из городских кварталов Каракорума XIII—XIV вв. теснейшим образом связана с теми формами дисков и отливов, которые были характерны и для предмонгольского времени, для архитектуры чжурчженьской, западнокиданьской и несколько более ранних — Ляо и Бохай.

Совершенно иной вид имеет черепица, найденная в 1949 г. при раскопках главного здания и парадных ворот дворца Угедея [59]. Здесь почти

[58] То же было замечено и при обследовании древнемонгольского города, принадлежавшего племяннику Чингисхана Исункэ, расположенного при впадении в р. Урулюнгуй р. Хир-Хира в Быркинском районе Читинской области. См. С. В. Киселев. Древние города Забайкалья. СА, 1958, № 4, стр. 111.

[59] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 97—98.

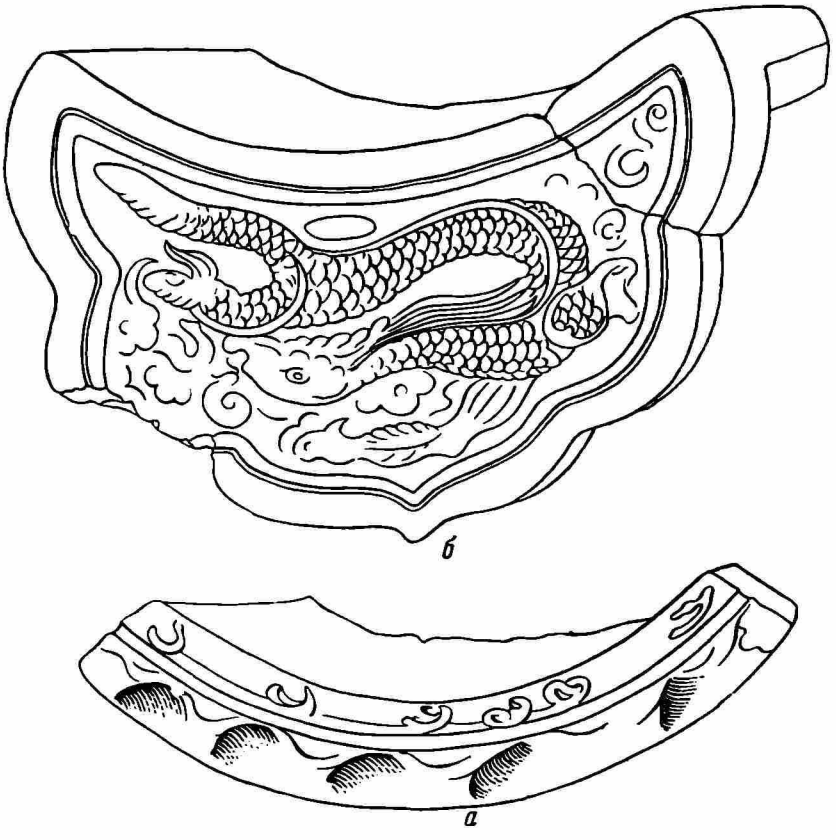


Рис. 12.

а — отлив нижней черепицы из центрального городского квартала Каракорума; *б* — отлив нижней черепицы из дворца Угедея в Каракоруме

вся черепица оказалась глазурованной. Больше всего зеленых и золотисто-желтых расцветок, но отдельные фрагменты имеют красную поливу, которой и позднее расцвечивались в Китае кровли императорских зданий [60].

Концевые диски верхних черепиц дворцо[вых] кровли были украшены рельефными изображениями извивающегося [дракона], стоящи-

мися на зеленом фоне блестящей золотистой расцветкой. Различие диаметров дисков (13 или 15 *см*), вероятно, зависит от размещения их в различных ярусах кровли [61]. Совершенно аналогичные диски сохранились и

[60] На кровлях Гугуна — бывш. Императорского дворца в Пекине — красной черепицей выложены большие ромбы, ярко выделяющиеся на зеленом фоне.

[61] Опись 1949 г., № 133 и 682, 683.

от кровли южных ворот дворца, выходивших к обширному искусственному озеру [62].

В северной, непарадной части каракорумского дворца был найден один диск, украшенный личиной бородатого демона, окруженный жемчужником. Поливы на нем не было [63].

Концевые широкие, вогнутые черепицы дворца Угедея имеют узорчатые подтреугольные отливы, также украшенные рельефными изображениями свившегося дракона, золотисто-желтого на зеленом фоне (рис. 12, *б*) [64].

Рис. 14. Отливы нижней черепицы и концевой диск из буддийской кумирни XII в. в Мерве

Этот вид украшений, очевидно, в эпоху Чингизидов стал традиционным для построек монгольской знати. Почти полную аналогию черепице дворца Угедея в Каракоруме представляет собой черепичная кровля богатой дворцовой усадьбы XIV в., исследованной Монгольской экспедицией АН СССР в 1957 и 1958 гг. около с. Кондуй Борзинского района Читинской области [65]. Здесь в огромном количестве найдены зеленые концевые диски, украшенные рельефной золотистой фигурой дракона (цв. табл. I, *2*) [66]. Размеры дисков Кондуйского дворца более однообразны. Их диаметр 12—12,5 *см*.

Концевые вогнутые черепицы кондуйского дворца украшают такие же, как и в Каракоруме, узорчатые подтреугольные отливы. Они также украшены изображением золотисто-желтого дракона. Отличаются они лишь тем, что голова дракона здесь находится в верхней части орнаментального поля отлива, а не посередине, как в Каракоруме [67]. Размеры отливов кондуйских черепиц несколько различаются друг от друга по ширине и по высоте отлива, что так же, как в Каракоруме, вероятно, было обусловлено размещением их в разных ярусах кровли (цв. табл. I, *1*) [68].

В украшении кровель кондуйской дворцовой усадьбы употреблялись и другие виды отливов, более древние, особенно широко применявшиеся в

---

[62] Опись 1949 г., № 244.

[63] Там же, № 413. Диаметр — 12 *см*. Диск этот более сходен с дисками предмонгольского периода, чем с украшениями дисков из зданий городского квартала Каракорума. Может быть, он сохранился от убранства кровли того буддийского храма XI—XII вв., который, судя по найденным там же фрагментам фресок, стоял прежде на месте дворца Угедея.

[64] Опись 1949 г., №№ 243 и 243 а.

[65] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья. СА, № 4, 1958, стр. 113—119.

[66] Опись 1957 г., № 1746.

[67] Там же, №№ 1228, 1734, 1837, 1747 и т. д.

[68] Опись 1957 г. Например, № 2175, ширина черепицы — 21,5 *см*, высота отлива — 11,5 *см*; №№ 1537, 1908, ширина черепицы — 25 *см*, высота отлива — 13 *см*.

Табл. I

К статье С. В. Киселева:

1 — отлив нижней черепицы кондуйского дворца; *2* — концевой диск черепицы кондуйского дворца.

К статье Л. А. Евтюховой. Сосуды типа ляо. Каракорум:

3 — часть блюда с персиком; *4* — надпись на кольцевом поддоне блюда с персиком; *5* — часть блюдца с цветами; *6* — часть блюдца с уткой; *7* — часть блюда с росписью

предшествующее время. Так, в 1957 г. был найден обломок широкой вогнутой черепицы, отлив которой представляет собой простой отгиб нижнего края. Его нижний обрез был традиционно гофрированным, а по его поверхности был оттиснут штампом вьющийся растительный узор (рис. 13) [69].

Насколько широко были распространены в монгольское время украшения черепицы типов Каракорума и Кондуя, ярко показывают две серии находок. Прежде всего, это диски от черепиц из Хара-Хото, найденные при раскопках П. К. Козлова и хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Они неполивные, украшены рогатыми личинами демонов, близкими каракорумским из городских кварталов [70].

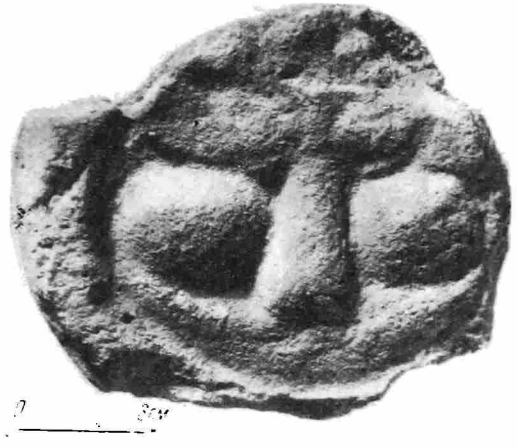


Рис. 15. Диск от верхней черепицы из городища Барс-хот III на р. Керулен

Другая серия черепиц происходит из развалин буддийской часовни, построенной в Мерве (Туркменская ССР) монгольским наместником Аргуном около 1250 г. и разрушенной около 1295 г. в связи с переходом в ислам его сына Газанхана [71]. Эти среднеазиатские черепицы сохраняют формы каракорумских, хотя и отражают местные особенности. Прежде всего это видно на узорчатых подтреугольных отливах, боковые края которых вырезаны в виде извилистой линии, скорее напоминающей обрезы реберчатых тимпанов мусульманской архитектуры, чем плавный изгиб отливов китайской черепицы, выдержанной в традициях изящной простоты эпохи Тан. Так же своеобразны и личины, украшающие диски выпуклых черепиц мервской кумирни. Они выполнены в линейной манере и свидетельствуют о стремлении воспроизвести общую схему восточных образцов (рис. 14).

В итоге изучения черепиц нельзя не согласиться с выводом Г. А. Пугаченковой о том, что буддийская кумирня в Мерве «является своеобразным, единственным пока в своем роде памятником среднеазиатского строительства XIII в., в котором сочетаются элементы зодчества Среднего и Дальнего Востока» [72].

Ослабление монгольского могущества, закончившееся распадом империи Чингизидов и освобождением Китая, Руси и многих других стран из-

---

[69] Опись 1957 г., № 2935.

[70] Как известно тангутский Хара-Хото, после взятия его войсками Чингисхана в 1226 г. стал важным опорным пунктом монголов на путях в Ордос. Очевидно, именно поэтому в 1360 г. он был разрушен китайскими войсками, лишившими весь оазис воды и превратившими его в пустыню.

[71] Г. А. Пугаченкова. Буддийская кумирня в Мерве. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 140—146, рис. 65; ее же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 351—357.

[72] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, стр. 357. К этому нужно прибавить, что орнаментация дисков черепиц личинами демонов, столь широко распространенная в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, возникла, вероятно, в Средней Азии. Нам уже приходилось указывать на эллинистическо-египетские основы древнейших среднеазиатских личин, совмещающих образ Геракла и Беса (см. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 373—374, табл. XXXIII, *10*). Пенджикентские (VI—VIII вв.) глиняные украшения оссуариев в виде личин, особенно близкие и к эллинистическим и к восточным образцам, представляют собой перевод этого изображения в глиняный рельеф (см. «Очерки истории СССР». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 366). Отсюда уже один шаг до украшения подобными личинами дисков черепиц.

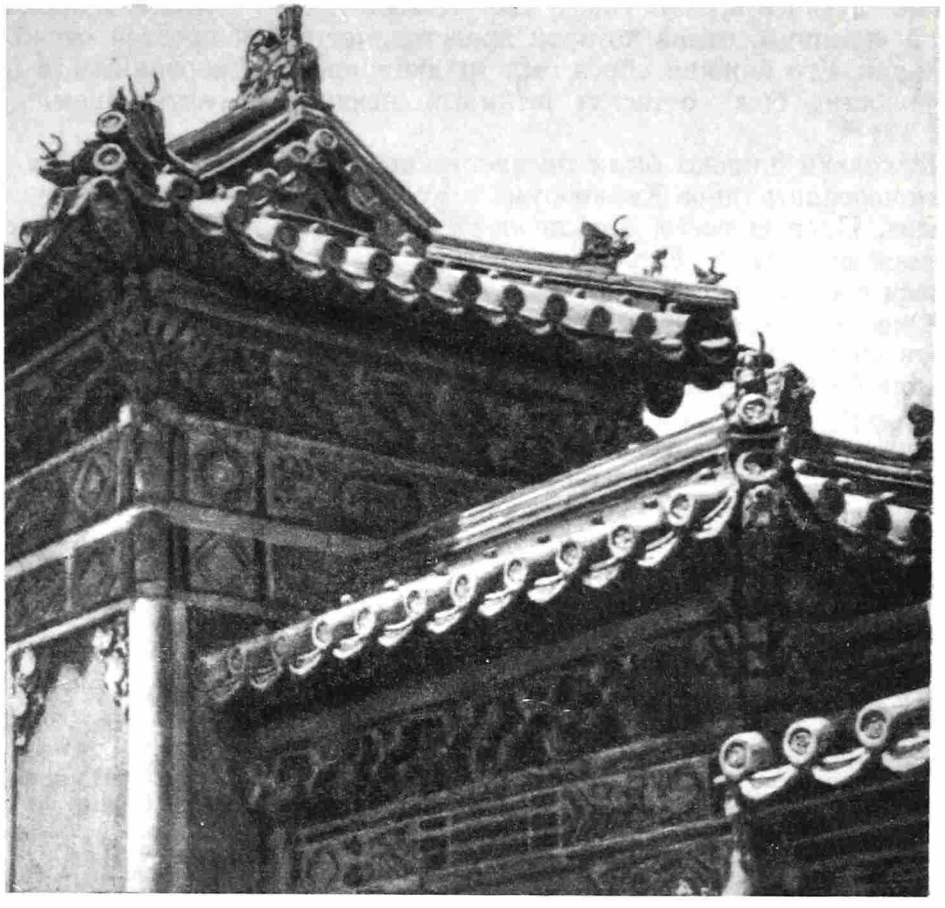


Рис. 16. Кровли Ворот Долголетия в Гугуне. Пекин

под власти монгольских ханов, сказалось и в упадке строительства в Монголии, в огрубении украшений черепицы. Это ярко продемонстрировали находки на городище Барс-Хот III, в котором монгольские ученые видят остатки г. Барс, построенного Тогон Темуром в 70-х годах XIV в. [73]. Наряду с разноцветными поливными украшениями крыш, выполненными в старой юаньской манере, здесь найдены концевые диски черепиц, отличающиеся крайней небрежностью и примитивизмом (рис. 15).

Однако уже в эпоху Мин Китай вновь становится центром подъема строительной культуры Дальнего Востока. Развивается и совершенствуется и мастерство изготовления кровельной черепицы. Изящные завершения кровель чередованием дисков и отливов, разработанные древнекитайскими мастерами, и в последующие столетия сохраняются как характернейший прием украшения китайских зданий (рис. 16).

Как и прежде, достижения китайских зодчих служат образцом для строителей других стран Центральной и Восточной Азии. И всюду удивляют взор сказочным сверканием красок, легкостью форм и разнообразием украшений черепичной кровли.

---

[73] Х. Пэрлээ. К истории древних городов..., стр. 49 и рис. 11. Публикуемая здесь черепица найдена на городище Барс-Хот III начальником этнографического отряда историко-этнографической экспедиции АН СССР и КН МНР К. В. Вяткиной в 1949 г. (К. В. Вяткина, Ук. соч., стр. 104—105).

Л. А. ЕВТЮХОВА

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ КАРАКОРУМА

С древнейших времен руками мастеров-ремесленников Китая создавалась прекрасная глиняная посуда.

Это мастерство прошло многовековой путь накопления опыта и познания технологического процесса. В эпоху Сун многочисленные мастерские в разных областях Китая вырабатывали множество сосудов разных форм и назначения, отдельные мастерские, специализированные по выделке определенных типов посуды, совершенствовали свое производство. Развитие технологии производства поливных (глазурованных) изделий в это время дало возможность украшать их не только росписью, но и включением в саму поливу разноцветных пятен и вкраплений, создававших своеобразные, удивительные по красоте сочетания. Применением подглазурной монохромной и полихромной росписи и гравировкой контуров рисунка на чашах, вазах и других сосудах достигалась большая художественная выразительность.

Посуда, созданная в мастерских как предыдущих эпох, так и эпох Сун и Юань, высоко ценится как произведения подлинного искусства и до настоящего времени. Она украшает собрания современных музеев и коллекций всех стран мира.

Большинство этих собраний составляют антикварные вещи, не связанные друг с другом по условиям находки, поэтому для изучения посуды эпохи Сун и Юань особенное значение имеет обширный комплекс одновременных типов посуды, обнаруженный при раскопках древнемонгольской столицы Каракорум, основанной Чингисханом в 1220 г.

Этот город расположен в 400 *км* к юго-западу от современной столицы Монголии Улан-Батора, в просторной степи у подножия Хангайских гор, на правом берегу р. Орхон, возле построенного в XVI в. монастыря Эрдени-Цзу. Археологические раскопки Каракорума [1] дали обширный новый и интересный материал для изучения многих сторон жизни городского населения центральноазиатских степей XIII—XIV вв. в условиях широкого развития ремесленного производства и торговли [2]. Раскопы, заложенные в центре города, где были сосредоточены ремесленные кварталы, у восточных городских ворот и во дворце, возведенном ханом Угедеем, показали, что особенно интенсивно жизнь в этом городе протекала в его центральной части, где мощность культурного слоя достигала свыше 6 *м* и содержала несколько наслоений развалин домов китайской архитектуры. Культурный слой был насыщен самыми различными предметами. Среди них особое место занимают остатки посуды, найденной как в обломках, так и отдельными целыми экземплярами. Наряду с простыми сосудами из темно-серой глины в быту населения Каракорума широко употреблялась красивая, нарядная посуда, покрытая цветными поливами.

---

[1] Раскопки производились Монгольской историко-этнографической экспедицией Академии наук СССР и Комитета наук Монгольской Народной Республики, под руководством чл.-корр. АН СССР С. В. Киселева.

[2] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 97—101.

При сравнении поливных сосудов из Каракорума с образцами из собственно Китая становится очевидным происхождение большинства из них из печей разных провинций Китая времени Сунской и Юаньской династий. В них наличествуют все особенности, характеризующие древнекитайские изделия той эпохи.

В настоящей статье, естественно, нет возможности опубликовать исследование охватывающее все богатство и многообразие видов китайской керамики, найденной при раскопках Каракорума, это будет сделано особо. Здесь детально рассматриваются лишь некоторые типы, представляющие большой интерес. Их изданию предпосылается лишь краткая характеристика каракорумской коллекции в целом.

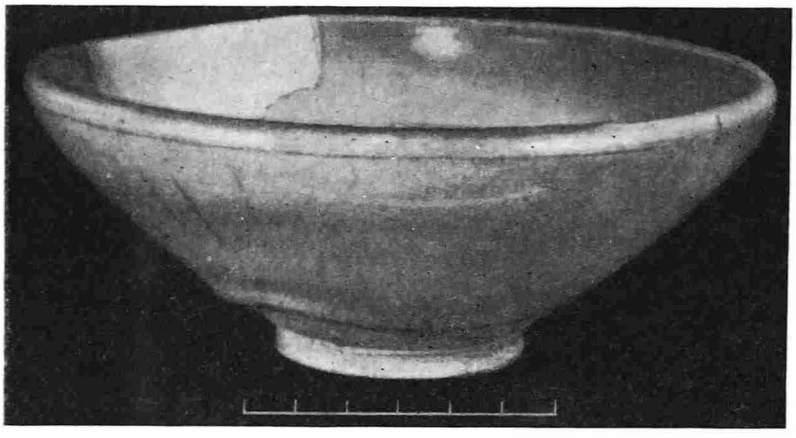


Рис. 1. Чаша цзюнь-яо. Каракорум

Древнекитайские мастерские сунского и юаньского времени поставляли почти все типы керамических изделий для населения Каракорума. Здесь больше всего были распространены чаши типа цзюнь-яо (рис. 1), с синей и голубой поливой разных оттенков, часто украшенные характерными лиловыми пятнами в виде потеков. Встречаются чаши и других цветов — зеленые, желтые и т. д. Эти изделия производились в провинции Хэнань и названы по местности Цзюньчжоу.

В нашей коллекции различаются более ранние и более поздние чаши, это в известной степени можно определить по способу нанесения поливы. Выяснено, что в сунское время чаши снаружи покрывались поливой до кольцевого поддона, в то время как юаньские покрыты меньше чем наполовину.

В Каракоруме найдено много селадоновых изделий типа лунцюань-яо, изготовлявшихся главным образом в Лунцюане (провинция Чжэцзян). Только в одном первом раскопе (на перекрестке двух улиц в центре города) найдено свыше 100 экземпляров сосудов. Некоторые из них собраны нами из обломков почти целиком, по другим, найденным в обломках, можно составить вполне ясное представление о бесконечном разнообразии форм, размеров и декоровки. Чаши, чашечки, блюда и блюдца, вазы и прочие изделия, покрытые зеленой или голубоватой поливой всех оттенков, необычайно красивы. Бесконечно разнообразны и часто их украшающие подглазурные резные или слегка рельефные рисунки и узоры: это цветы, фениксы, драконы и рыбы, геометрические или растительные орнаменты или иероглифы. Встречаются сосуды с сеткой из трещин (так называемый цек или краклэ), что особенно ценилось в селадоне как прием украшения поверхности.

Имеется несколько темно-зеленых с оливковым оттенком чаш, цвет которых определяет их северное происхождение.

Рис. 2. Сосуд цычжоу. Каракорум

Рис. 3. Сосуд цычжоу с коричневой росписью. Каракорум

Более плотный, толстый слой поливы и другие признаки указывают на выделку большой части селадоновых сосудов в эпоху Сун, а более тонкая и прозрачная полива некоторых из них может указывать на юаньское время изготовления.

Сравнительно редки в этой коллекции глубокие чаши и вазочки на ножках типа ин-тин, с нежно голубой поливой, белыми цветами и узорами.

Тончайшие блюдечки цвета слоновой кости или сливок, типа дин-яо (эпоха Сун) гладкие или украшены изящными рельефными стилизованными цветами. Есть также голубые и голубовато-серые дин-яо.

Также немногочисленны обломки фарфоровых чашечек и ваз с подглазурной росписью кобальтом.

Главным образом в нижних слоях города найдено много китайской керамики хэнаньского типа (или цзянь-яо) [3]. Основная масса сосудов покрыта черной, коричнево-черной или зеленоватой поливой, то более блестящей, то более матовой разных оттенков с крапинками или пятнами, что является особым приемом декоровки, придававшим сосудам характерную особенность и живописность. Внутри сосуды также покрыты поливой (но всегда другого цвета — чаще коричневато-зеленоватой, разных оттенков).

Формы этих сосудов разнообразны — от чаш до бутылей, ваз и кувшинов с шаровидным или удлиненным туловом и ручками, отходящими от горла к плечам.

Особое место в керамике этого типа занимают найденные в Каракоруме красивые чаши типа у цзин-ю, украшенные характерными золотисто-коричневыми пятнами, потеками, вертикальными полосками и крапинками, включенными в черную или черную с зеленоватым или синеватым отливом, или в сине-зеленую, или светло-зеленую поливу с ярким блеском. Этот способ декоровки известен под названием «заячий мех» или «грудь куропатки». Этих чаш найдено 39. Они разного размера, есть почти целые экземпляры. У некоторых чаш из Каракорума, покрытых темно-зеленой поливой с золотистыми потеками, верхний край обведен белым ободком. Очень красивы и оригинальны небольшие черные чашечки, украшенные вкрапленными в черную поливу мелкими темно-лиловыми, зеленоватыми или серыми круглыми пятнышками.

Большой опыт и глубокое познание технологических приемов изготовления этого типа, как и многих других типов керамики, создавали основу для изощренности в декоровке даже таких, казалось бы, простых изделий.

Изделиями хэнаньского типа являются также каракорумские чаши, внутри и снаружи покрытые коричнево-черной, темно- или светло-коричневой (шоколадного цвета), или же блекло-зеленой поливой разных оттенков. Их особенность заключается в том, что часто внутри на дне, вокруг круглого «островка» полива счищена до глины. Кроме чаш, с такой же поливой есть и сосуды разных форм.

Среди посуды эпохи Сун, происходящей из Китая, имеется много аналогий для этих типов из Каракорума.

Интересны два небольших обломка от разных чаш из светло-серой глины, сделанные из так называемого «мраморного» теста. При их выделке применялись два разноцветных теста, и более темное при промешивании создавало узор в виде тонких волокнистых прожилок. В изломе черепка видно, как они пронизывают его насквозь и с обеих сторон стенки образуют своеобразный узор. Такая техника выделки началась еще в танское время. Фрагменты таких изделий были найдены А. Стейном в городах Китайского Турфана (Синцзян) сунского и юаньского времени и П. К. Козловым в развалинах Хара-Хото.

Для различных хозяйственных надобностей изготовлялись уже, вероятно, в самом Каракоруме сосуды типа хумов, достигающие иногда очень больших размеров. Большие хумы покрыты коричневой или зеленой поливой, малые часто без поливы.

[3] Японское название — «теммоку».

Рис 4. Кувшин цычжоу с коричневой росписью. Каракорум

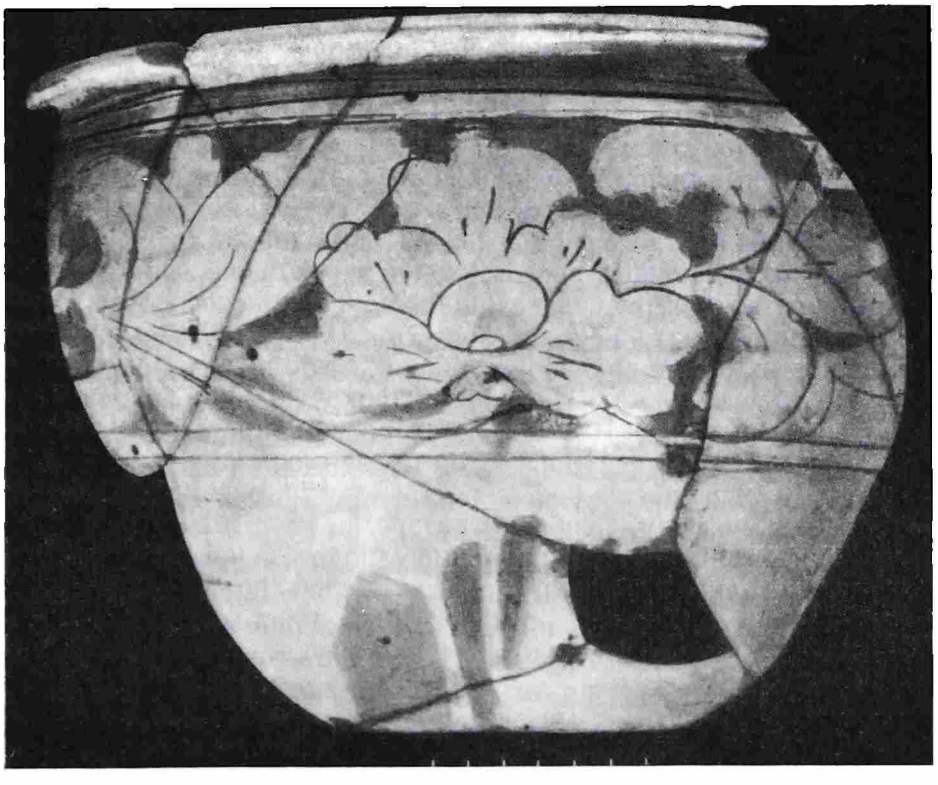


Рис. 5. Сосуд цычжоу (на зеленоватом фоне белые цветы). Каракорум

Хорошо представлена в коллекции Каракорума обширная по составу форм и способам декоровки посуда, объединенная общим названием типа цычжоу-яо. Она производилась в печах в провинции Хэбей, свое название она получила по местности Цычжоу. В эту группу входят сосуды из крепкого фарфоровидного глиняного теста звонкого обжига. По белой поверхности глины они покрыты поливой разных оттенков — молочного, кремового, сероватого, зеленоватого. Часто на них имеется коричневая, черная или серая подглазурная роспись. Реже встречается полихромная (зеленая, красная и желтая) роспись. В эту же группу входят сосуды с коричневой или черной поливой, украшенные гравированным узором. Для декоровки применялось также двукратное покрытие поливой разных цветов или счистка фона вокруг узора.

В коллекции керамики из Каракорума есть почти все образцы посуды типа цычжоу, по количеству находок стоящей на втором месте после цзюнь-яо. Простые белые чаши цычжоу покрыты поливой по всей внутренней поверхности. Снаружи они обычно покрыты поливой более чем наполовину, но встречаются чаши с поливой, покрывающей наружную поверхность до одной трети. Кольцевой поддон никогда поливой не покрыт.

Кроме чаш, есть также блюдца, глубокие миски, флаконы, вазочки на ножках, вазы, сосуды баночной формы, бутыли, кувшины с ручками, отходящими от горла на плечи и т. д.

Простейшим украшением чаш и сосудов являются пояски из тонких линий, главным образом коричневого цвета (рис. 2).

Наиболее массовый прием украшения чаш и сосудов — это сочетание линейных поясков с элементами растительного узора, листьев или цветов, нанесенных кистью широкими, свободными мазками на внутреннюю поверхность чаш и наружную поверхность сосудов (рис. 3). Ручки на сосудах обычно украшались коричневыми пятнами. Приведенный на рис. 4 кувшин для вина с четырьмя ручками расписан стилизованными растительными узорами. Он похож и на сосуд эпохи Цзинь (1115—1264 гг.) из провинции Ляо-Нин [4], и на такой же сосуд с иероглифами, найденный в могиле № 82 эпохи Юань в окрестностях Таншань провинции Хэбей [5]. В материалах из Каракорума также есть обломки белого кувшина с иероглифами.

Часто белые вазы типа цычжоу из Каракорума расписаны по всему тулову коричневыми или черными крупными стилизованными цветами, напоминающими пионы с листьями, или же покрыты свободными узорами, нанесенными смелой рукой художника.

Другие искусные приемы декоровки сосудов и ваз типа цычжоу также отражены в изделиях, найденных в Каракоруме. Есть сосуды, тулово которых вначале покрывалось серо-зеленоватой поливой. Затем на нее белой поливой наносился рисунок цветов, отделанный прочерченным контуром, а белая полива вокруг рисунка счищалась. Таким способом изображены белые пионы на серовато-зеленом фоне (рис. 5). У других сосудов тулово вначале покрывалось коричневой поливой, затем по ней прочерчивался контур узора (цветы и листья), после этого окружающий фон срезался, обнажая поверхность глины. Иногда контур рисунка прочерчен по сырой еще глине. Такие сосуды покрывались затем белой или коричневой поливой.

Чрезвычайно живописны вазы из Каракорума, расписанные серым рисунком по белому фону. Особенно интересна ваза высотой около 70 *см*, украшенная узкотелыми драконами причудливо извивающимися среди облаков. Эта ваза вначале была покрыта белой поливой, после обжига на нее была нанесена серая роспись, отделанная штриховкой деталей, и после этого она подвергалась второму обжигу.

---

[4] Иллюстрированный каталог выставки культурных находок, обнаруженных в ходе капитального строительства по всему Китаю. Пекин, 1954, табл. 45 (на кит. яз.).

[5] КТ, № 3, 1958, табл. III, *б*, левый нижний сосуд. Статья Комитета по делам материальной культуры провинции Хэбей. Иероглифы на тулове: цзю сэ цайцы (вино, сорт, удача в делах).

Сравнительно немногочисленны в Каракоруме небольшие чаши типа цычжоу с полихромной росписью [6], отличающейся большой художественной выразительностью. Для изображения цветов применялись красная, зеленая и иногда желтая краска. Всю эту группу изделий объединяет одинаковая манера рисунка, тона красок и художественный стиль. Для примера мы воспроизводим рисунки росписи двух чаш [7]. На одной из них нарисован цветок лотоса в традиционной китайской манере (цв. табл. II, *1*) [8].

Рис. 6. Надписи на сосуде типа люли. Каракорум

Кончики лепестков и контур цветка красные, листья зеленые, обведенные красным контуром. Цветок занимает все дно чаши и заключен в двойной красочный круг и полоски. На оборотной стороне чаши полива нанесена неширокой каймой.

На другой чаше (цв. табл. II, *2*) изображена композиция из двух цветов с мелкими красными лепестками (очевидно, хризантемы), окруженных зелеными листьями с красной обводкой и узорной зеленой каймой, тоже обведенной красным контуром. Весь рисунок заключен в тройной красочный круг и полоски. У обеих описанных чаш красной краской вдоль красочного круга нарисованы виньетки. На внешней стороне второй чаши белая полива доходит до средины тулова (рис. 7, *5*) и на ней нарисована кайма из красных стилизованных цветов с зелеными листьями (цв. табл. II, *3*).

[6] Образцы полихромных чаш эпохи Сун см. У Жэнь-цзинь, Синь Ан-чао. История китайской керамики. Шанхай, 1954, рис. 23 и 36 (на кит. яз.).

[7] Все цветные рисунки в настоящей статье выполнены ее автором.

[8] Диаметр чаш: 1) 15,8 *см* (1 Л-11, сл. 8, инв. № 6); 2) 15 *см* (1К 3, сл. 6).

На двух чашах этого же стиля изображены многолепестковые цветы (может быть, простые хризантемы) [9], на одной большой чаше нарисованы крупные махровые хризантемы, другую украшают красные пионы [10]. В росписи последних двух чаш применена, кроме того, желтая краска для отделки деталей рисунка и в виде круглых пятен (жемчужника) по красному пояску вокруг цветов.

Принадлежность найденных в Каракоруме чаш с полихромной росписью в основном к эпохе Сун подтверждается и сходством с опубликованными в обстоятельном каталоге Г. Эморфопулоса, где в разделе сунской посуды приведены образцы чаш, также украшенных пионами, лотосами и другими цветами [11].

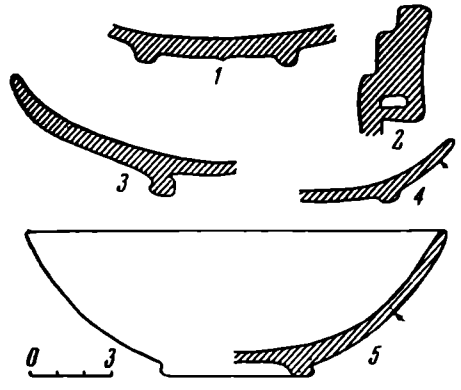


Рис. 7. Профили сосудов, изображенных на цветных таблицах

1 — блюдо с персиком (табл. I, *6*, *7*); *2* — ручка светильника (табл. III, *2*); *3* — блюдо с росписью (табл. I, *5*); *4* — блюдце с белыми цветами (табл. I, *3*); *5* — чаша с хризантемами (табл. II, *2*). Стрелки указывают нижнюю границу поливы

Большое сходство с нашими имеет сунская чаша, опубликованная в «Альбоме выдающихся памятников искусства Китая» [12]. При исследовании Хара-Хото П. К. Козловым также были найдены обломки подобных чаш [13].

Здесь мы отметим, что из всей описанной нами группы сосудов типа цычжоу из Каракорума большинство по ряду признаков может быть отнесено к эпохе Сун, но есть экземпляры и времени Юаньской династии. Многие аналогии нашим сосудам имеются в каталоге коллекции Эморфопулоса, собраниях музеев и т. д.[14]. На дне многих чаш этого типа с белой поливой сохранились остатки маленьких комочков глины, употреблявшихся в качестве прокладки под кольцевой поддон при установке их стопкой (одна на другой) в обжигательной печи. Благодаря этому приему чаши во время обжига не спекались друг с другом.

Большой интерес представляют остатки от блюдец и чаш довольно редкой посуды типа ляо, найденные в Каракоруме в нижних горизонтах культурного слоя всего в нескольких экземплярах. Они сделаны из серовато-белой глины и украшены росписью в несколько красок по прочерченному контуру рисунка. Примером из находок Каракорума может служить часть плоского блюдца диаметром около 15 *см*, покрытого по краю ярко-зеленой поливой, заходящей на внешнюю сторону на 1 *см* [15]. Вдоль зеленого края внутри расположен желтый ободок, окаймляющий белый фон, на котором были изображены желтые цветы с зелеными листьями (цв. табл. I, *3*). Приблизительно того же размера было другое блюдце [16], где в середине на желтом фоне изображена белая утка (или гусь?) среди больших острых листьев (цв. табл. I, *4*). Цвет глазури и ее распределение на внешней сто-

[9] Диаметр чаш: 1) 16,2 *см* (1 МН-9, сл. 6 и уч. 10, сл. 8); 2) 17 *см* (1—11, сл. 8, инв. № 7).

[10] Диаметр — 23—24 *см* (1 Л-1, сл. 9, № 53); диаметр — 22 *см* (1М-3 и 1Л—11, сл. 7 и 8, № 1881—85). Кроме упомянутых, найдены обломки еще от восьми-девяти чаш с подобной же росписью.

[11] R. I. Hobson. The George Eumorfopoulos Collection Catalogues. London, 1926, т. III, табл. LI, *339, 340;* табл. LIV, *342, 343.*

[12] Альбом выдающихся памятников искусства Китая. Шанхай, 1951, т. II, табл. XIII, *12* (на кит. яз.)

[13] Хранятся в Гос. Эрмитаже; инв. № Х-1350, Х-1357.

[14] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III; Художественная выставка Китайской Народной Республики. Каталог, М., 1950, стр. 33 и таблицы. См. также коллекции Гос. Эрмитажа и Музея восточных культур в Москве.

[15] 1И-10, сл. 6.

[16] 1Е-1, сл. 6, инв. № 1111.

Табл. II. Полихромные чаши цычжоу. Каракорум

1 — чаша с лотосом; *2* — чаша с хризантемами; *3* — поясок на внешней стороне чаши с хризантемами

роне те же. Здесь можно отметить большое сходство этих двух блюдец с чашей того же типа ляо, опубликованной Ли Вэнь-синем [17].

В кратком обзоре, посвященном публикации памятников этого типа, автор отмечает, что чаще всего на чашах изображались цветы, а на приведенной им иллюстрации изображена чаша с редким сюжетом — летящей птицей среди облаков. Посуда этого типа производилась, как пишет Ли Вэнь-синь, на территории государства Ляо (916—1124 г.), а изделия были найдены в районах Хэбей, Шаньси и во Внутренней Монголии. Можно добавить, что и в Хара-Хото были найдены подобные же изделия [18]. Очень красивым было плоское блюдо типа ляо, от которого в Каракоруме найдена средняя часть [19]. На ней изображен плод персика, окрашенный в желтый цвет, с зелеными листьями (цв. табл. I, *6*). Внутри кольцевого поддона тушью написан знак «чжи» («принадлежит мне», «моя вещь»). Вокруг поддона была длинная надпись, но, к сожалению, сохранившиеся части знаков не читаются (цв. табл. I, *7*).

Еще одно блюдо, диаметром около 26 *см*, было сделано из серой глины с желтым оттенком и внутри украшено многоцветным узором [20]. Зеленые острые листья, вписанные в желтый ободок, перемежаются с коричневыми пальметками. В центре, по-видимому, было какое-то изображение, окруженное белыми фигурными завитками в виде облаков (цв. табл. I, *5*). Основным фоном служит зеленая полива. На оборотной стороне блюда, на свободной от поливы поверхности, есть слабо различимая надпись.

Специальным типом оригинальных изделий гончарных печей цзечжоу (или пучжоу), на юге Шаньси, являются сосуды типа люли 瑠璃. В Каракоруме найдено несколько обломков от разных сосудов этого типа с голубой и зеленой поливой и один почти целый. По всей вероятности, они относятся как к сунскому, так и к юаньскому времени.

Собранный из обломков почти целый сосуд с тремя налепными ножками сделан из желто-розовой глины [21]. На тулове он украшен сложными рельефными изображениями переплетенных тел драконов среди цветов и листьев, на горле вылеплены отдельные рельефные цветы (цв. табл. III, *1*). На четырехугольном щитке ручки также изображен дракон (цв. табл. III, *2*). Снаружи весь сосуд покрыт темно-бирюзовой поливой; внутри и на дне поливы нет. На дне тушью написана иероглифическая надпись: «Тянь чан гуань чан чжу» (что в переводе означает: «Старший монах храма Тянь чан гуань») 天長觀長住 и другие знаки (рис. 6).

На обломке бока другого такого же сосуда с голубой поливой сохранилась часть прекрасно вылепленного рельефного дракона (цв. табл. III, *3*) [22]. Очень эффектным был сосуд, украшенный поясками из рельефного жемчужника, цветами и листьями. Его лепные ножки (по-видимому, три) оформлены в виде львиных морд, заканчивающихся лапами (цв. табл. III, *4*). Такого рода сосуды известны под названием светильников; один, очень сходный с нашими, найден в Хара-Хото [23], он сделан из ярко-красной глины, украшен рельефными драконами и покрыт зеленой поливой. Известны и другие светильники, покрытые зеленой поливой; они, очевидно, не китайского происхождения, несколько иных форм, но их ручки похожи на описанные нами [24].

Помимо светильников, произведениями того же типа цзечжоу или

---

[17] Ли Вэнь-синь. Краткий обзор фарфора ляо. ВЦЦ, 1958, № 2 (таблица к статье, левый нижний рисунок).

[18] Гос. Эрмитаж, инв. № Х-1867.

[19] 1Ж-6, сл. 5.

[20] 1Л-4, сл. 7, инв. № 141.

[21] 1Л-10, сл. 8—9, № 687.

[22] 1D-7, сл. 6.

[23] Гос. Эрмитаж, инв. № Х-1899.

[24] Например, из раскопок А. Н. Бернштама в Тарасе, Киргизской ССР; Гос. Эрмитаж, СА-5776 и СА-5784.

пучжоу являются три довольно массивные тарелки с зубчатым краем, сделанные из желтовато-розовой глины, с рельефными цветами и листьями мелких хризантем посредине. У двух тарелок по борту в полуовалах расположены завитки[25], а у третьей на борту — зубчатый поясок[26]. Тарелки покрыты темно-голубой поливой.

Наряду с посудой, поступавшей в Каракорум извне, имелась посуда местного изготовления. Несомненно, местным изделием является посуда из серой глины без поливы. Грубая посуда с поливой также выделывалась в Каракоруме. Громадные поливные хумы, не пригодные для транспортировки, конечно, также продукт местного производства. Наряду с этим, у нас имеются свидетельства того, что некоторые сорта посуды, подражающие чисто китайским образцам, также выделывались в Каракоруме. Присутствие брака среди обломков чаш типа цзюнь-яо и цычжоу и бутылей с реберчатым туловом хэнаньского типа и обломки испорченной грубой чаши с разрисовкой, подражающей китайскому мраморовидному черепку, убеждают нас в этом. Если брикеты из стекловидной массы, найденные в культурном слое первого раскопа, являются фриттой[27], то их наличие также указывает на изготовление в Каракоруме поливной посуды.

Наше предположение, подтвержденное упомянутыми находками, вполне допустимо, так как изготовлением посуды в Каракоруме, судя по всем признакам, занимались специалисты-китайцы, привлеченные в Каракорум спросом на эти изделия. Могли использоваться для этого и мастера, попавшие сюда принудительно, в качестве пленников.

В каракорумской посуде много типов, сходных с найденными П. К. Козловым при обследовании развалин Хара-Хото. Однако те находки были сделаны главным образом на дневной поверхности территории города и не могут служить опорой для стратиграфии. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие примеры: все обломки фарфоровой посуды, расписанной кобальтом в Каракоруме, найдены в культурном слое при раскопках; этим объясняется большая разница в количестве находок кобальтового фарфора в обоих городах. Найденные в Хара-Хото в незначительном количестве обломки такого фарфора и селадона относятся к позднему времени; они преимущественно юаньские. Находки в нижних слоях культурного слоя Каракорума указывают на распространение фарфора с кобальтовой росписью и в более раннее время.

В коллекции предметов из Хара-Хото очень мало обломков посуды типа цычжоу сунского времени с прорезью по коричневой глазури. Между тем в Каракоруме она находилась главным образом в нижнем горизонте культурного слоя.

Как видно из рассмотренного нами материала, население древнемонгольской столицы Каракорума широко пользовалось собственно китайской посудой, в таком изобилии найденной при раскопках. Основная масса этой посуды относится к эпохе Сунской династии, к Юаньской — значительно меньше. Большая ценность этой коллекции заключается и в том, что составляющие ее различные типы посуды, происходящие из раскопок культурного слоя и хорошо определяющиеся стратиграфически, позволяют производить проверку хронологических определений, основанных обычно лишь на сравнении с антикварными образцами.

Особенно большое значение эти стратиграфические данные будут иметь для дальнейшего изучения столь разнообразных видов керамики эпохи Сун.

В дальнейшем мы рассчитываем сделать подробное описание китайской керамики из Каракорума. Исследование технологического процесса

[25] 1Г-1, сл. 6, диаметр — около 25 *см*; 1Ж-1, сл. 4, диаметр — около 22 *см*.

[26] 1В-4, сл. 5—6, диаметр — 13,5 *см*.

[27] Сплавленный состав из истолченных минералов со щелочами и пр., заготовлявшийся для приготовления глазури.

ее производства облегчается наличием пригодных для анализов многочисленных обломков от сосудов разных типов, ибо такое определение труднее производить по целым музейным экземплярам.

Возникает вопрос, чем объяснить наличие большого количества разнообразной и зачастую ценной китайской посуды в степях Монголии.

Нам представляется, что основная масса посуды поступала в Каракорум благодаря оживленным торговым связям, осуществлявшимся между Монголией и Китаем. Однако немалую роль играло и то обстоятельство, что во время завоевательных походов монголов в Китай имущество дворцов и монастырей захватывалось в качестве военных трофеев и свозилось в Каракорум. Этим, очевидно, можно объяснить находки в культурном слое этого города XIII—XIV вв. более ранних бронзовых зеркал и других предметов танского времени и употребление в быту рядового населения города Каракорума, возникшего в 1220 г., ранних и редких керамических изделий государства Ляо (916—1124 гг.). Этим же объясняется и бытование у рядовых жителей Каракорума значительного количества ценных сортов китайской посуды, среди которой встречались даже сосуды с надписью «Гуань», т. е. «государственный», «казенный».

* * *

Интересной особенностью керамики Каракорума являются нанесенные черной тушью при помощи кисти китайские иероглифические надписи и клейма, сделанные главным образом на чашах; на других видах посуды надписи встречаются редко. Они обычно расположены на наружной придонной стороне чаш на глине, не покрытой глазурью, или в центре дна кольцевого поддона.

Большинство надписей читается хорошо, но кроме них есть много стертых и неразборчивых или сохранившихся лишь частично на расколотых частях сосудов. Надписи, достаточно хорошо поддающиеся прочтению, обнаружены на 59 чашах цзюнь-яо и на 45 чашах типа цычжоу[28]. На многих чашах написаны китайские имена, и есть случаи, когда одно и то же имя стоит на нескольких разных по технике выделки чашах.

Так, фамилия Го 郭 стоит на десяти чашах, из которых восемь типа цзюнь-яо и две хэнаньского типа (одна из них покрыта оливковой глазурью и другая черная, с коричневыми пятнами типа у цзин-ю). Из одиннадцати чаш с фамилией Го, семь имеют знак только фамилии, две — фамилии и имя — Го Сян 郭 ...? Го Пей 郭 ...?, на третьей написано Го да, 郭大, т. е. старший брат семьи Го. Интересно отметить, что четыре чаши, принадлежавшие фамилии Го, найдены в северной части раскопа на одном и том же участке и в одном слое; три из них помечены только фамилией, а четвертая с прибавлением имени — Го Пей. Таким образом, мы имеем основание предполагать, что все четыре чаши принадлежали Го Пею. Эти четыре чаши из одного пункта помогают нам определить значение надписей на посуде. Учитывая то обстоятельство, что упомянутые четыре чаши разных типов изделий (три цзюнь-яо и одна хэнаньского с оливковой поливой), нет оснований считать надписи на них метками мастеров, изготовивших эту посуду. Очевидно, здесь мы имеем имя владельца чаши. Анализируя далее находку 11 чаш с фамилией Го, можно сделать еще одно заключение: все они найдены в одном горизонте культурного слоя (пласт 4 — шесть чаш, а в пластах 5

[28] Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность хранителю Пекинского музея Гу-Гун Ли Хун-цину, сотруднику Пекинского Исторического музея Тун Джу-чену, профессору Ван Е-цзю, Чжан Чен-сину и другим, оказавшим мне большую помощь как в определении керамики, так и в прочтении надписей на сосудах, а также Н. Н. Тереховой, которой я обязана транскрипцией надписей, приведенных в этой статье.

и 6 — пять) [29], следовательно они бытовали одновременно и, приняв во внимание, что на одной чаше написано «Го да», т. е. «старший брат семьи Го», можно думать, что в этой части города XIII в. жили, по крайней мере, три брата семьи Го.

Фамилия Ван 王 встретилась в надписях семь раз, и все чаши с этой фамилией были сосредоточены также в одном, южном районе первого раскопа. При этом и здесь чаши также были разных типов. Две чаши типов цзюнь-яо и цычжоу найдены на одном участке в 9-м слое [30], причем на одной из них к фамилии Ван прибавлено имя Фо (Ван Фо?) 王 и часть иероглифа; через четыре метра от них, в этом же слое, найдена третья чаша Вана типа цзюнь-яо [31], с дополнительной надписью на придонной части «Да цзи ли» 大計利 — «Большое счастье». Можно предполагать, что все три чаши принадлежали Ван Фо — отцу четырех детей, у одного из которых на чаше было написано: «Ван сы», т.е. «четвертый сын Вана». Четыре чаши этих сыновей найдены в более поздних слоях на этой же территории [32] и у одного из них, кроме фамильного иероглифа, на чаше был написан иероглиф «шоу» (壽) (долголетие) и число 10(+). Эти надписи можно понять так, что пожелание долголетия относилось к хозяину чаши или к ней самой, а число 10 указывало на то, что это десятая чаша владельца. Чашу № 561 с фамилией Вана из четвертого слоя следует особо отметить: она очень редкого типа изделий хэнаньского завода, покрытая снаружи черной, а внутри белой глазурью [33].

Обломки четырех чаш с фамильным знаком «Цзи» [34] были сосредоточены в южной части раскопа, и все они найдены в слоях с пятого по одиннадцатый. Таким образом, эти «соседи» семьи Ван жили с ними в одно время. На одной из чаш типа цзюнь-яо (№ 509), кроме фамильного знака «Цзи» сбоку прибавлен иероглиф «Вань» 姬萬 — «10 тысяч».

Фамилия Ли начертана на четырех чашах, найденных в разных пунктах первого раскопа [35]. Чаши все разных типов: одна хэнаньского типа (черная с коричневыми пятнами), две — цзюнь-яо и одна цычжоу (с коричневой росписью). На первой из них (№ 1223) надпись «Ли ча цзи» 李茶記 говорит о том, что этот Ли был хозяином чайной. На чаше № 41 стоит «Ли Син» 李興 (имя). Три чаши из близлежащих участков, может быть, принадлежали одному хозяину — содержателю чайной.

В первом раскопе две чаши типа цзюн-яо помечены фамилией Ян 楊 [36]. Эта фамилия встретилась и во втором раскопе (на месте Восточных Ворот) на каменной «чернильнице» для растирания туши [37].

Две чаши типа цзюнь-яо (голубая и синяя), найденные в одном слое и на одном участке, на придонной части снаружи, имеют фамилию владельца Фу-Цзи 付記 и на дне кольцевого поддона у каждой имеется знак «Ча» 茶 — чай [38].

---

[29] 1) 1А-8, сл. 4, № 1083, цзюнь-яо (Го-да); 2) 1В-8, сл. 4, № 839, цзюнь-яо (Го-Сянь); 3) 1Л-7, сл. 5, цзюнь-яо (Го); 4) 1В-II, сл. 4, № 1088, цзюнь-яо (Го-Пэй); 5) 1В-II, сл. 4, № 1087, цзюнь-яо (Го); 6) 1В-11, сл. 4, № 1091, хэнаньского типа с оливковой поливой (Го); 7) 1В-11, сл. 4, № 1086, цзюнь-яо (Го); 8) 1Д-12, сл. 6, № 1107, хэнаньского типа — черная с коричневыми пятнами (Го); 9) 1М-7, сл. 5, № 1236—1237, цзюнь-яо (Го); 10) № 834, цзюнь-яо (Го); 11) 1Л-4, сл. 6, цзюнь-яо, синевато-серая.

[30] 1МН-7, сл. 9, № 520 и 1МН-7, сл. 9, № 1235.

[31] 1Л-10, сл. 9, № 602; от третьего иероглифа сохранилась часть.

[32] 1) 1МН-6, сл. 6, цзюнь-яо (Ван); 2) 1Д-10, сл. 5 цзюнь-яо (Ван, ши, шоу); 3) 1М-13, сл. 4, № 561 хэнаньского завода, черная снаружи и белая внутри (Ван); 4) 1МН-3, сл. 4, № 34, цзюнь-яо (Ван-сы — «четвертый сын Вана»), сбоку клеймо.

[33] Ср. R. I. Hobson. Ук. соч., т. II, табл. XXV, *303*.

[34] Три типа цзюнь-яо и одна цычжоу: 1) 1МН-6, сл. 5, № 1260; 2) 1МН-7, сл. 6, № 509; 3) 1Л-10, сл. 7, № 829; 4) 1Л-4, сл. 9, № 515.

[35] 1) 1МН-6, сл. 4, № 1223; 2) 1Д-2, сл. 5; 3) 1Л-10, сл. 8, № 391 и 4) 1М-2, сл. 5, № 41.

[36] 1) 1Л-7, сл. 3, № 1263 и 2) 1Д-12, сл. 6, № 831.

[37] IIБ 10, сл. 4.

[38] 1) 1В-3—4, сл. 4; 2) 1В-3—4, сл. 4 (№ 977).

Табл. III. Сосуды (светильники) цзечжоу или пучжоу (типа люли). Каракорум

Фамилия Чжао 趙 стоит на дне двух чаш типа цычжоу, и на одной из них сбоку еще написано «Нюй чан» 女昌 — «счастье женщины»[39].

Фамилия Ши 石 стоит на двух чашах цзюнь-яо, найденных на соседних участках, но в разных слоях (6 и 9)[40]. Обломки, из которых склеена часть чаши, несмотря на то что они были найдены на разных участках и в разных слоях, подошли друг к другу и оказались от одной чаши. Следовательно, и в других случаях одинаковые имена на чашах, найденных также не в одном и том же слое, могли быть одновременными и могли принадлежать одному и тому же лицу. Это объясняется перемешанностью слоев во время перестроек.

Приводим также фамилии и имена, встреченные в первом и втором раскопах по одному разу. В первом раскопе: Гао 郜[41], Лу (?)[42], Пин 平[43], Се 謝[44], Сюй 徐[45], Цзин 金[46], Кау (?)[47], Чжао 趙[48], Мэнь 門[49] и Тянь хэ 天和[50]; во втором раскопе: Фан су 方 (?)[51], Цинь 秦[52], Чжан 張[53].

Надпись Цзи 記 (метка) на чаше цзюнь-яо, по-видимому, является добавлением к фамильному знаку[54], так же как это было на примере фамилии Фу цзи.

Надпись «Гуань» 官 на чаше типа цычжоу[55] с темно-коричневой росписью может иметь два значения: во-первых, фамильный знак, во-вторых, может означать, что эта чаша относилась к так называемой «казенной керамике» («гуань», в переводе — правительственный, государственный, казенный). Известен сорт селадона с такой меткой, производившейся с 1107 г. в г. Кайфэне для поставки ко двору[56]. Кроме того, такие же метки делались на сосудах и других типов. Так, на узком длинном реберчатом сосуде в форме бутыли, найденном в окрестностях Таншаня, в могиле № 85, относящейся к эпохе Динь (1115—1264 гг.), также имеется надпись «Гуань», очевидно, в значении «государственный»[57]. Кстати, можно отметить, что и в раскопках Каракорума найдены сосуды такой же формы.

Надпись «Чжи» 置 в кольцевом поддоне чаши Ляо с изображением персика[58] означает «принадлежит мне», «моя вещь», что прямо указывает на то, что все надписи на посуде из Каракорума отнюдь не являются метками мастеров и свидетельствуют о принадлежности сосудов владельцам.

Знаками собственности владельцев также следует считать клейма на сосудах. Они также написаны тушью и по написанию подражают китайским иероглифам. Из всей серии в 39 экземпляров имеющихся у нас клейм на посуде Каракорума, только два клейма одинаковы на чашах типа цычжоу, покрытых разной по цвету поливой[59]. Этот признак говорит

---

[39] 1МН-13, сл. 4, № 1270 и 1Л-10, сл. 3.

[40] 1МН-9, сл. 6, № 1232—33 и 1М-6, сл. 3 + 1Л13, сл. 9. Как видно из шифров, эта часть чаши склеена из обломков, найденных на разных участках и в разных слоях.

[41] № 392, цычжоу.

[42] 1-ИЗ, сл. 6, цычжоу с красными цветами и зелеными листьями.

[43] 1МН-4, сл. 9, № 3150, цзюнь-яо (голубая с лиловыми пятнами).

[44] 1МН-7, сл. 5, цзюнь-яо, светло-зеленая (на придонной части есть вторая, но обломанная надпись).

[45] 1МН, сл. 5 (№ 29), цзюнь-яо (голубая с лиловыми пятнами).

[46] 1М6, сл. 6—7 (№ 353), цзюнь-яо (светло-зеленая).

[47] 1Л-7, сл. 5, № 512 (знак не вполне ясен).

[48] 1МН-6, сл. 6, № 1281, цычжоу, эпохи Юань.

[49] 1Л-10, сл. 6, № 506, цзюнь-яо (серовато-голубая с цеком).

[50] № 1249, цычжоу.

[51] 1ВВ-I, сл. 5, голубая цзюнь-яо.

[52] II, № 1140—628, цычжоу.

[53] 1ИА-12, сл. 4, цычжоу.

[54] 1Н-11, сл. 10—11, № 1273.

[55] 1Л-1, сл. 9, № 830.

[56] С. М. Кочетова. Фарфор и бумага в искусстве Китая. М.—Л., 1956, стр. 27.

[57] КТ, 1958, № 3, ук. статья, табл. III, рис. 6, правый нижний сосуд.

[58] 1Ж-6, сл. 5.

[59] 1Н-12, сл. 10—11, № 1244—47 и 1Н-11, сл. 10—11, № 1266.

о том, что чаши были сделаны в разных мастерских, но принадлежали одному владельцу.

На самой большой чаше типа цычжоу диаметром 33 *см* с коричневой росписью на дне и вокруг него расположено 11 знаков, подражающих иероглифам [60].

Есть еще несколько днищ от чаш, на которых есть следы неразборчивых надписей или клейм. На дне одной чаши типа цзюнь-яо имеется надпись, нанесенная знаками, похожими на монгольское квадратное письмо [61], что является еще одним доказательством наличия меток владельцев. Несколько надписей указывают на время употребления в быту некоторых чаш. Так, например, на чаше типа цычжоу с коричневой росписью написано на дне — «Чжао Сун»趙宋и сбоку четвертый год 21 второго месяца царствования Чжи-чжен(император Шун Ди, Юань, 1344 г.); 至正四年二月二十一日 [62]. На другой большой чаше цычжоу, с коричневым рисунком, на дне написан знак династии Юань [63]. Встреченные надписи «Юань Хэ» [64] 元和, «Тун хэ» 通和, «Тянь-хэ» 天和, по всей вероятности, обозначают названия царствования [65].

Интересна большая надпись, сделанная на дне описанного выше светильника (рис. 6) с темно-голубой глазурью типа цзечжоу или пучжоу [66]: «Тянь чан гуань чан чжу», что в переводе означает «Старший монах храма Тянь чан гуань». По всей вероятности, этот светильник попал в Каракорум в качестве трофея из одного из храмов Китая (?). Внутри светильника, в центре, начертан знак «Шоу» 壽 (долголетие), вокруг него пять знаков — это или клейма или подражание китайским иероглифам.

Вероятно, такого же происхождения, что и светильник, была чаша типа цычжоу с подглазурной надписью, сделанной красной краской на дне внутри чаши [67]. На ней написано: «Фэн мин юэ ши сань» 風明月室三 (ветер..., светлая луна, помещение, три...), т.е. «третья чаша из павильона светлой луны»; разница лишь в том, что эта чаша, очевидно, принадлежала какому-то дворцу. Как известно, в Китае такими надписями отмечались ценные изделия [68].

На придонной части чаши типа цычжоу [69] имеется надпись, по-видимому обозначающая географическое название местечка«Хэ дянь цзы»和店子.

О существовании в Каракоруме китайского обычая сдачи экзаменов «на должность» говорит нам надпись на дне чаши типа цычжоу:«Сю цай»秀才 — «уездный ученый четвертого разряда» или «человек, державший уездный экзамен» [70].

Надпись «Хуэй»會 (собрание, общество) на дне чаши типа цзюнь-яо; может быть, здесь подразумевается «артель ремесленников» [71].

Четыре знака «шоу» (долголетие) [72], «нюй чан» (счастье женщины) [73], «Да цзи ли» (большое) счастье [74] и «вань» (10 000)—на чаше с фамильным знаком «Цзи» [75] относятся к разделу так называемых «добрых пожеланий».

---

[60] 1Ж-10, сл. 5.
[61] 1Е-5, сл. 6, № 179.
[62] 1МН-6, сл. 6, № 1281.
[63] 1И-12, сл. 6 (династия Юань, 1280—1368 гг.).
[64] 1МН-1, сл. 2—3, № 351; на дне сосуда типа цычжоу.
[65] 1) 1В-8, сл. 4 (голубая цзюнь-яо); 2) 1А-14, сл. 4, № 911 (цычжоу); 3) 1 № 1249, (цычжоу).
[66] 1Л-10, сл. 8—9, № 687.
[67] № 103.
[68] С. М. Кочетова. Ук. соч., стр. 48.
[69] 1Л-6, сл. 2, № 282.
[70] 1Ж-11, сл. 5, № 818.
[71] 1М-6, сл. 7, № 349.
[72] На чаше голубого фарфора надпись подглазурная, 11Г-6, сл. 4; 1МН-6, сл. 4, № 37 на чаше типа цычжоу; 1Д-10, сл. 5 и на голубом светильнике.
[73] На чаше типа цычжоу 1Л-10, сл. 3.
[74] На чаше типа цзюнь-яо 1Л-10, сл. 9, № 602.
[75] № 509.

На чаше типа цзюнь-яо[76] написано: «Ми ши эр» 靡食兒, что означает «человек, ищущий покушать», на таких же чашах написан иероглиф «ню» 牛т.е. «корова»[77] и «нюй» 女 — женщина (?)[78]. Цифры имеются на чаше типа цычжоу (эр), т.е. 二 «два»[79].

Таким образом, надписи на каракорумской посуде раскрывают нам целый ряд дополнительных деталей и сведений о жизни жителей города, что не всегда можно узнать по вещественным находкам. Надписи с датами помогут в дальнейшем точнее определять время существования того или иного типа посуды; другие надписи помогают точнее вскрыть социально-экономические отношения, а имена воскрешают перед нами имена людей, действительно живших в этом городе.

В заключение можно отметить, что все надписи на посуде сделаны разными почерками. Имевшийся в Каракоруме обычай надписывать посуду тушью на местах, не покрытых глазурью, был, по-видимому, местным, так как среди просмотренных нами образцов керамики из собственно Китая подобного рода надписи нам не встретились. В коллекции Эморфопулоса, описанной Хобсоном, также нет надписей, выполненных тушью. Там есть лишь несколько надписей, сделанных или тиснением в глине или подглазурных, относящихся к сунской и более поздним эпохам[80]. Нам кажется возможным предположить существование в Каракоруме своей собственной традиции надписывания сосудов владельцами или для них.

Среди просмотренного нами большого количества обломков керамики, собранных П. К. Козловым в Хара-Хото и хранящихся в Гос. Эрмитаже, мы обнаружили несколько остатков надписей тушью на донышках чаш. По-видимому, этот обычай существовал и там, но так как в Каракоруме посуда с надписями встречалась нам в основном только с середины толщи культурного слоя и глубже, то и в Хара-Хото ее залегание следует ожидать на некоторой глубине, а не на поверхности, где в основном производились сборы при исследовании этого города.

---

[76] 13, сл. 3 светло-голубая с цеком.
[77] 1МН-6, сл. 5, № 33 синевато-серая чаша с лиловыми пятнами.
[78] 1МН-7, сл. 7, № 837, голубая.
[79] 11Б-10, сл. 4.
[80] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, стр. 63.

М. В. ВОРОБЬЕВ

СТАРИННЫЕ КИТАЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ СОБРАНИЯ ХАБАРОВСКОГО МУЗЕЯ

В Хабаровском краеведческом музее находится большое собрание монет стран Дальнего Востока. Подавляющее количество монет приходится на долю Китая. Почти все китайские монеты относятся к XVII — началу XX в., т. е. ко времени правления в Китае династии Цин. Старинные монеты Китая в этом собрании немногочисленны, но именно они наиболее интересны с точки зрения нумизматики. Коллекция старинных китайских монет, которой посвящена эта статья, состоит из 190 экземпляров монет, принадлежащих к 65 типам и относящихся к периоду с середины IV в. до н. э. до конца XVI в. н. э.

Перед тем как перейти к описанию монет[1], необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Как правило, все монеты круглые, с квадратным отверстием в центре, с ободком по краю монеты и по краю квадратного отверстия, все надписи рельефные, а гурт повсюду гладкий; все эти черты в описании монет специально не отмечаются, оговариваются лишь отклонения от нормы. Все мелкие особенности во внешнем виде монет, отнесенных к одному типу, которые явились следствием особенностей техники изготовления китайских монет — отливки, не принимались нами за основание для выделения этих монет в качестве самостоятельного типа. Перевод легенды в тех случаях, когда он полностью совпадает с наименованием монеты, помещенным перед описанием, в описании не повторяется.

За несколько тысячелетий своего существования китайская иероглифика развивалась и в графическом отношении. Появился ряд почерков, многие из которых сосуществовали. Эти почерки различались хронологически, по их назначению, по материалу, который использовался для письма. В нашей работе мы имеем дело со следующими почерками в порядке их древности: гувэнь — древнейший китайский почерк; дачжуань или чжуань — более унифицированный почерк; сяочжуань — более упрощенный почерк; бафэнь («восемь десятых») — слегка видоизмененный сяочжуань; лишу («деловой почерк»), чжэньшу («настоящий почерк») — современный почерк; синшу («ходовой почерк»), т. е. курсив; цаошу — скоропись. Вследствие особенностей развития китайской денежной системы Китай только в новое время смог выпускать монеты с твердым фиксированным паритетом. Вначале монетного обращения практически (а часто и юридически) монеты обращались не по паритету, а по весу («монета в 5 шу», т. е. в 5 весовых единиц). Только династия Тан решительно ввела единую и единственную монету, и с тех пор собственным именем всех монет этого типа (круглых с квадратным отверстием) становится термин «цянь», в переводе означающий «монета».

---

[1] Монеты определены и описаны по следующим источникам: Дин Фу-бао. Энциклопедия древних монет. Шанхай, 1938 (на кит. яз.; ниже принято сокращение — Д.); Дин Фу-бао. Альбом древних монет по эпохам с объяснениями. Шанхай, 1940 (на кит. яз.; ниже принято сокращение — Дин); Пэй Синь-вэй. История денежного обращения Китая. Шанхай, 1954 (на кит. яз.; ниже принято сокращение — П.).

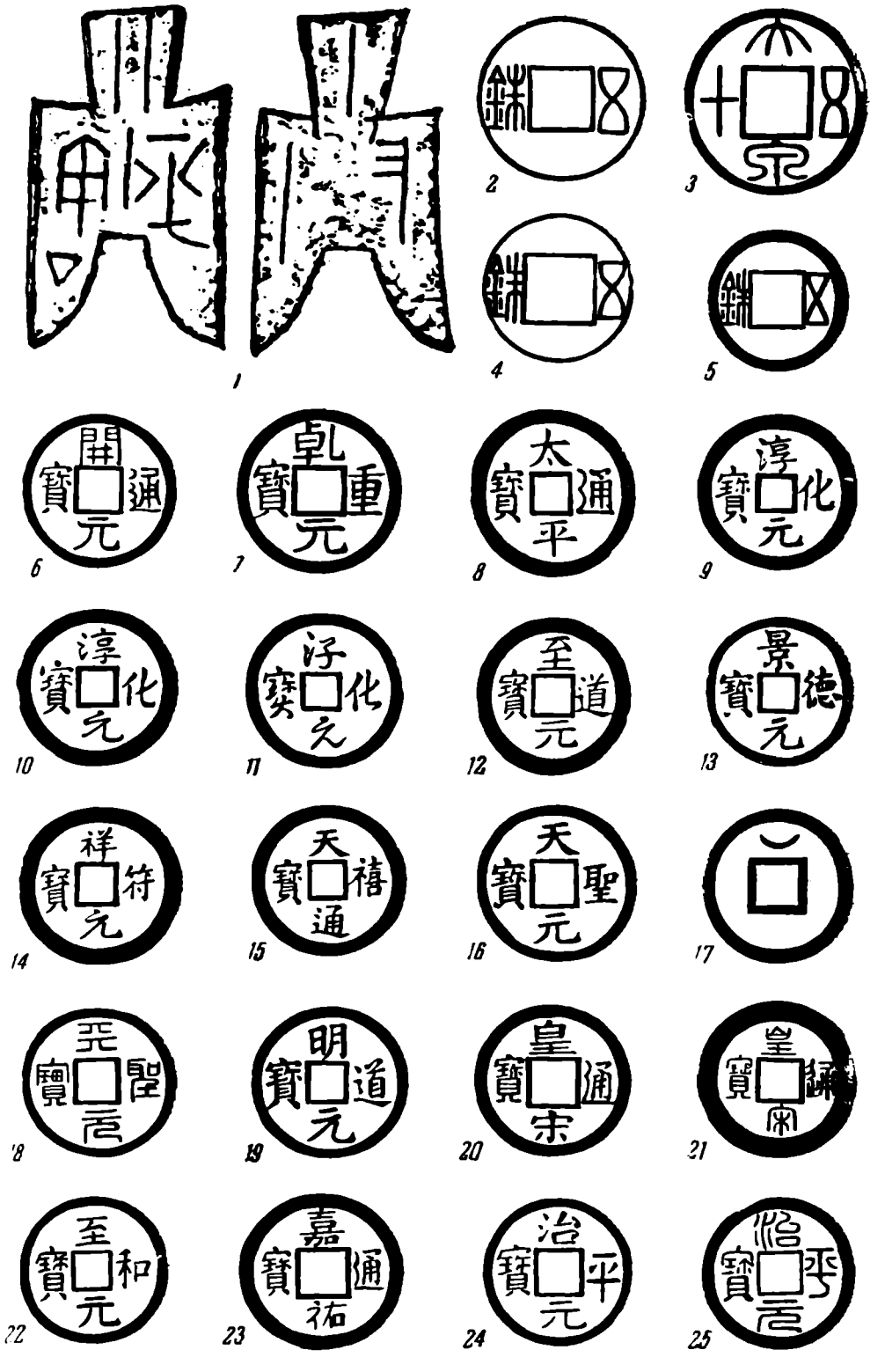


Рис. 1. Китайские монеты с IV в. до н. э. до середины XI в.

Когда в начале династии Сун стали выпускать монеты иного достоинства, то их приравнивали к некоей единице «цянь» (вес и паритет которой, естественно, менялся все время) и такие монеты назывались «монетами в 2 цянь» и т. п. В старой русской литературе вместо «цянь» чаще употреблялся термин — «чох» (с манегрского), а в европейской — «кэш» (с санскритского). Мы специально отмечаем достоинство такого рода монет, если в литературе есть указания об их фиксированном паритете (на самых монетах такие указания, как правило, не делались).

Монета пу, медь

1. Л. ст. Характерная лопатовидная плоскость монеты разбита пополам вертикальной линией. Справа и слева от линии по иероглифу (пинчжоу) [2]. Иероглифы исполнены почерком гувэнь, а именно той его разновидностью, которая встречалась в надписях на металле. По краю монеты — ободок.

Об. ст. Почти в центре монеты знак «ши» — десять. По краю монеты ободок. Ближе к наружным сторонам «ножек» и по середине «рукоятки» — три рельефные вертикальные линии. «Ножки» имеют специфичную заостренность. Общая длина монеты 5 *см* (Дин, № 373; Д., л. 19—2; рис. 1, *1*).

Дин Фу-бао приводит целый ряд выдержек из нумизматических трудов и исторических хроник, поясняющих обстоятельства, при которых были выпущены этого типа монеты. Монеты типа «пу» весьма характерны для эпохи Чжоу. Ключ к выяснению места и времени изготовления монеты вышеописанного типа дает надпись на лицевой стороне. По Шицзи, царь государства Цинь в 306 г. до н. э. напал на государство Восточных Вэй и в числе других территорий, принадлежавших Вэй, захватил Пинчжоу. По «Бамбуковой летописи», это событие датируется 320 г. до н. э. Через несколько лет в государстве Вэй была выпущена монета типа «пу». Таким образом, данный экземпляр является нумизматическим памятником не центрального правительства, а одного из многих государств эпохи «Борющихся царств» — государства Восточных Вэй, находившегося в провинции Шаньси и на севере провинций Хэнань и Шэньси — в их современных границах.

Монета ушу (монета в «5 шу»), медь.

2—5. Л. ст. По бокам вплотную к отверстию — два иероглифа, четко выполненные почерком сяочжуань. Левый иероглиф имеет четкие, прямоугольные очертания, у правого верхние и нижние черты прямые, на концах сливающиеся с изогнутыми пересекающимися линиями. Внешний ободок сравнительно широк, внутренний представлен одной прямой рельефной чертой по верхнему краю отверстия. Об. ст. Гладкая. Отверстие без ободка. Д-26, д-9[3] (Дин, л. 217—2; рис. 1, *2*).

Вышеотмеченные эпиграфические особенности легенды и наличие черты над отверстием на лиц. ст. позволяют довольно точно определить время выпуска этого рода монет. Такие монеты выпускались в 73, 63, 60 гг. до н. э. при императоре Сюань-ди из династии Ранняя Хань.

Монета дацюань уши («Великое обращение, пять десятков»), медь.

6. Л. ст. На поле четыре иероглифа, читающиеся крестообразно (дацюань уши). Почерк сяочжуань. Об. ст. Гладкая. Д-26, д-9. (Д., л. 218—1; рис. 1, *3*).

Монеты этого типа были выпущены императором Ван Маном в 9 и 10 гг. н. э.

Монета ушу.

7—10. Л. ст. По бокам отверстия, у самого его края два иероглифа (см. №№ 2—5). Правая нижняя часть левого иероглифа имеет не со-

[2] Здесь и далее в скобках или кавычках дается транскрипция иероглифических надписей.

[3] Размер монет указан в *мм*.

всем прямоугольные очертания. Верхняя и нижняя части правого иероглифа слегка выступают за края пересекающихся линий. Есть только внешний ободок, причем он сравнительно узкий. Об. ст. Гладкая. Д-25, д-9 (П., табл. XXIV—3; Дин, л. 214—2, рис. 1, *4*).

Монеты с вышеописанными эпиграфическими особенностями легенды были выпущены в 40 и 44 гг. н. э. в правление императора Гуан-у-ди из династии Поздняя Хань.

11. Л. ст. По бокам отверстия два иероглифа (см. №№ 2—5). Левый иероглиф имеет очень четкие прямоугольные очертания, слегка вытянут в вертикальном направлении и помещен вплотную к краю отверстия. Правый иероглиф имеет две особенности: прямые пересекающиеся линии иероглифа и тонкий внутренний ободок как бы составляют одно целое. Внешний ободок сравнительно широк, внутренний очень тонок. Об. ст. Гладкая. Д-23, д-8 (Дин, л. 215—2, рис. 1, *5*).

Монеты этого типа были отлиты в 589 г. при вступлении на престол императора Вэнь-ди — родоначальника династии Суй.

Монета кайюань тунбао («Ходячая монета годов правления кайюань»), бронза.

12—13. Л. ст. Четыре иероглифа легенды, читаются крестообразно (кайюань тунбао). Почерк бафэнь. Об. ст. Сверху над отверстием резкий дугообразный знак. Д-25, д-7 (П., табл. XXVIII—2, 3; Дин, л. 328, рис. 1, *6*, ср. рис. 1, *17*).

Наличие дугообразного значка — по преданию, воспроизведения оттиска ногтя члена династии — является специфичным признаком первого выпуска монет этого рода, имевшего место в 621 г., т. е. в четвертом году царствования Гао-цзу — основателя династии Тан.

14—21. Л. ст. Та же, что в № 12. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., табл. XXVIII—1; Д., л. 68—1).

Монеты с легендой «кайюань тунбао» отливались в Китае в течение 287 лет. Эти неоднократные отливки, разумеется, не могли не сказаться на внешнем виде монет. Монеты претерпевали отдельные изменения, проявлявшиеся в особенностях начертания тех или иных элементов легенды, в появлении иероглифических и иных надчеканов на оборотной стороне и т. п. Китайская нумизматика насчитывает большое число вариантов этой монеты, но определение времени появления этих вариантов разработано значительно слабее. Судя по общему облику иероглифов легенды наших экземпляров, весьма схожему с обликом монет № 12—13, по четкому начертанию иероглифов и ободка, а также по отсутствию на оборотной стороне надчеканов и иных знаков, в том числе и отпечатка «ногтя», эта серия монет изготовлена не намного позже №№ 9—10 и может быть отнесена к циклу монет, характерных для периода 666—712 гг.

Монета цяньюань чжунбао («Тяжелая монета годов цяньюань»), медь.

22. Л. ст. Четыре иероглифа легенды читаются крестообразно (цяньюань джунбао). Почерк чжэньшу. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., табл. XXVIII—6; Д., л. 69—2; рис. 1, *7*).

Эта третья по счету танская монета выпущена в 758 г., т. е. в 1-м году цяньюань при императоре Су-цзуне из династии Тан.

Монета тайпин тунбао («Ходячая монета годов тайпин»), бронза.

23—30. Л. ст. Вокруг отверстия четыре иероглифа, исполненные почерком чжэньшу и читающиеся крестообразно (тайпин тунбао). Внешний ободок сравнительно широк. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., табл. XXXII—*2*; Д., л. 84—2; рис. 1, *8*).

Такие монеты выпускались во время годов правления Тайпин синго (976—983) при императоре Тай-цзуне из династии Сун. Это первая мо-

нета с обозначением годов правления на легенде, выпущенная династией Сун.

Монета чуньхуа юаньбао («Основная монета годов чуньхуа»), бронза.

31. Л. ст. Надпись из четырех иероглифов читается крестообразно (чуньхуа юаньбао). Почерк чжэньшу. Внешний ободок сравнительно широк. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-5 (П., табл. XXX—3; Д; л. 85—1; рис. 1, *9*).

32. Л. ст. Та же, что у № 31, но почерк синшу. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-5 (П., табл. XXXII—4; Д., л. 85—1; рис. 1, *10*).

33—34. Л. ст. Та же, что у № 31, но почерк цаошу. Об. ст. Гладкая. Д-25, д-5 (П., табл. XXXII—5; Д., л. 85—1; рис. 1, *11*).

Этой монетой открывается серия китайских монет, легенды которых, по преданию, воспроизводят императорский автограф. Монеты №№ 31—34 отлиты в 990 г., в 1-й год чуньхуа в правление императора Тай-цзуна династии Сун.

Монета чжидаоюаньбао («Основная монета годов правления Чжидао»), бронза.

35. Л. ст. Надпись из четырех иероглифов, читающихся по кругу (чжидао юаньбао). Почерк чжэньшу. Внешний ободок весьма широкий. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., табл. XXXII—6; Д.; л. 85—1; рис. 1, *12*).

Эта монета, продолжающая серию монет с императорскими автографами, отливалась в годы чжидао (995—997) при императоре Тай-цзуне из династии Сун.

Монета цзиндэ юаньбао («Основная монета годов цзиндэ»), бронза.

36—37. Л. ст. Надпись из четырех иероглифов, исполненных почерком чжэньшу, читается по часовой стрелке (цзиндэ юаньбао). Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., табл. XXXII—10; Д., л. 86—1; рис. 1, *13*).

Эти монеты отливались в 1004 г.— в 1-м году девиза цзиндэ при императоре Чжэнь-цзуне династии Сун.

Монета сяньфу юаньбао («Основная монета годов сяньфу»), бронза.

38—45. Л. ст. Надпись на поле из четырех иероглифов, написанных почерком чжэньшу, читается по часовой стрелке (сяньфу юаньбао). Об. ст. Гладкая. Д-25, д-6 (П., табл. XXXII—11; Д., л. 86—1; рис. 1, *14*).

Монеты №№ 38—45 выпускались в годы сяньфу (1008—1016) при императоре Чжэнь-цзуне династии Сун.

Монета тяньси тунбао («Ходячая монета годов тяньси»), бронза.

46—49. Л. ст. Четыре иероглифа легенды, исполненные почерком чжэньшу, читаются по часовой стрелке (тяньси тунбао). Внешний ободок сравнительно широк. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., табл. XXXII — 13; Д., л. 86—2, рис. 1, *15*).

Монеты №№ 46—49 выпущены в годы тяньси (1017—1021) в правление императора Чжэнь-цзуна династии Сун.

Монета тяньшэн юаньбао («Основная монета годов тяньшэн»), бронза.

50—54. Л. ст. Четыре иероглифа, исполненные почерком чжэньшу, читаются по часовой стрелке (тяньшэн юаньбао). Об. ст. Гладкая. Д-24, д-7 (П., табл. XXXIII—1; Д., л. 87—1; рис. 1, *16*).

55. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 50—54, но на об. ст. над отверстием коммаобразный резной знак (рис. 1, *17*).

56—57. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 50—54, но надпись на л. ст. исполнена почерком чжуань (рис. 1, *18*).

Эти монеты отливались в 1023 г., в 1-м году тяньшэн императора Жэнь-цзуна из династии Сун.

Монета миндао юаньбао («Основная монета годов миндао»), бронза.

58. Л. ст. Легенда из четырех иероглифов, написанных почерком чжэньшу, читается по часовой стрелке (миндао юаньбао). Об. ст. Гладкая. Д-23, д-7 (П., табл. XXXIII — 3; Д., л. 87 — I; рис. 1, *19*).

Монета выпущена в 1032 г.— 1-м году миндао императора Жэньцзуна династии Сун.

Монета хуансун тунбао («Императорская сунская ходячая монета»), бронза.

59—64. Л. ст. Четыре иероглифа легенды, начертанные почерком чжэньшу, читаются крестообразно (хуансун тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-24, д-7 (П., табл. XXXIII—7; Д., л. 87—2; рис. 1, *20*).

65—73. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 59—64, но почерк чжуань. (П., табл. XXXIII — 8; Д., л. 87—2; рис. 1, *21*).

Монеты этого типа выпущены в 1039 г., т. е. во 2-м году баоюань при императоре Жэнь-цзуне династии Сун. Они просуществовали до 1053 г. и относятся к категории монет, легенда которых не содержит в себе наименования годов правления. Появление этих монет некоторыми авторами объясняется неудобством помещения на поле названия годов правления, пишущихся почти так же, как термины, принятые для обозначения названия монеты (баоюань) [4]. Однако годы правления баоюань охватывают период 1038—1039 гг., а монеты обращались и, возможно, отливались значительно дольше.

Монета чжихэ юаньбао («Основная монета годов чжихэ»), бронза.

74. Л. ст. По часовой стрелке надпись четырех иероглифов (чжихэ юаньбао), написанных почерком чжэньшу. Об. ст. Гладкая. Д-23, д-6 (П., табл. XXXIII—12; Д., л. 88—2; рис. 1, *22*).

Изготовлена в 1054 г., т. е. в 1-м году чжихэ при императоре Жэньцзуне династии Сун. Этой монетой продолжается непрерывный ряд бронзовых монет с годами правления в легенде.

Монета цзяю тунабао («Ходячая монета годов цзяю), бронза.

75. Л. ст. На поле надпись из четырех иероглифов почерком чжэньшу, читающихся крестообразно (цзяю тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-25, д-7 (П., табл. XXXIII—14; Д., л. 87—1, рис. 1, *23*).

Монета отлита в 1056 г.— в 1-м году цзяю императора Жэнь-цзуна династии Сун.

Монета чжипин юаньбао («Основная монета годов чжипин»), бронза.

76—80. Л. ст. Надпись на поле читается по часовой стрелке и состоит из четырех иероглифов, написанных почерком чжэньшу (чжипин юаньбао). Об. ст. Гладкая. Д-24, д-7 (П., табл. XXXIV— 1; Д., л. 89—2, рис. 1, *24*).

81—82. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 76—80, но почерк чжуань. (П., табл. XXXIV — 2; Д., л. 89—2, рис. 1, *25*).

Монеты изготовлены в 1064 г.— в 1-м году чжипин в правлении императора Ин-цзуна из династии Сун.

Монета синин юаньбао («Основная монета годов синин»), бронза.

83—86. Л. ст. Надпись, состоящая из четырех иероглифов, исполненных почерком чжэньшу, читается по часовой стрелке (синин юаньбао). Об. ст. Гладкая. Д-23, д-8 (П., табл. XXXIV — 4; Д., л. 90—1, рис. 1, *26*).

87—89. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 83—86, но почерк чжуань. Д-25, д-7 (П., табл. XXXXIV — 5; Д., л. 90—1, рис. 1, *27*).

Монеты обоих типов выпущены в 1068 г. — 1-м году синин в правление императора Шэнь-цзуна из династии Сун.

[4] St. J. Lockhart. The Steawart Lockhart Collection of Chinese Copper Coins. 1915, стр. 433.

Монета синин чжунбао («Тяжелая монета годов синин»), бронза, один цянь.

90—91. Л. ст. Иероглифы на поле, исполненные почерком чжэньшу, читаются по часовой стрелке (синин чжунбао). Об. ст. Гладкая. Д-30, д-7 (П., табл. XXXIV—6; Д., л. 90—1, рис. 2, *28*).

92—96. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 90—91, но нижний иероглиф имеет четкие прямоугольные очертания. Сами монеты крупнее. Д-32, д-8 (Д., л. 90—2, рис. 2, *29*).

97—99. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 90—91, но почерк чжуань. Д-30, д-7 (П., табл. XXXIV — 7; Д., л. 90—2, рис. 2, *30*).

Монеты 90—99 изготовлены в 1071 г., т. е. в 4-м году Синин.

Монета юаньфэн тунбао («Ходячая монета юаньфэн»), бронза, два цянь.

100—105. Л. ст. Надпись из четырех иероглифов исполнена стилем чжуань и читается по часовой стрелке (юаньфэн тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-28, д-8 (Д., л. 91—2, рис. 2, *31*).

106—107. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 100—105, но внизу под отверстием рельефная точка.

108—109. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 100—105, но почерк цаошу (Д., л. 91—2, рис. 1, *32*).

Монета юаньфэн тунбао, бронза, один цянь.

110—114. Л. ст. Та же, что в №№ 100—105, но почерк лишу. Об. ст. Гладкая. Д-25, д-7 (П., табл. XXXIV — 9; Д., л.91—1, рис. 1, *33*).

115—118. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 100—105, Д-24, д-6 (П., табл. XXXIV — 8, Д., л. 91—1).

119—125. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 108—109. Д-24, д-7 (П., табл. XXXIV — 10; Д., л. 91—1).

126. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 119—125, но на об. ст. под отверстием рельефный полулунный значок (ср. рис. 1, *17*).

Монеты №№ 100—126 отлиты в 1078 г. — в 1-м году юаньфэн в правление императора Шэнь-цзуна династии Сун. Монеты типа №№ 110—114 принадлежат к наиболее многочисленному монетному выпуску за все время существования династии.

Монета юаньюй тунбао («Ходячая монета годов юанью»), бронза, два цянь.

127. Л. ст. На поле четыре иероглифа, исполненные почерком чжуань и читающиеся по часовой стрелке (юанью тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-30, д-8 (Д., л. 92—1, рис. 2, *34*).

Монета юаньюй тунбао, бронза, один цянь.

128—132. Л. и об. ст. Те же, что в № 127, но почерк синшу. Д-24, д-7 (Д., л. 92—1, рис. 2, *35*).

133—137. Л. и об. ст. Те же, что в № 127. Д-24, д-7 (П., табл. XXXV—5; Д., 92—1).

Монеты №№ 127—137 были выпущены в годы юанью (1086—1093) при императоре Чжэ-цзуне династии Сун. По преданию, образец надписи на них изготовлен историком Сыма Гуанем.

Монета шаошэн юаньбао («Основная монета годов шаошэнь»), бронза, два цянь.

138. Л. ст. Четыре иероглифа, исполненные почерком чжуань, читаются по часовой стрелке (шаошэн юаньбао). Об. ст. Над отверстием рельефный полумесяц, под отверстием — такая же точка. Д-30, д-9 (Д., л. 93—1, рис. 2, *36*).

Монета шаошэн юаньбао, бронза, один цянь.

139—140. Л. ст. Та же, что в № 138, но надпись почерком синшу. Об. ст. Гладкая. Д-24, д-6 (П., XXXV — 4, д. 92—2, рис. 2, *37*).

Монеты №№ 138—140 отливались в годы шаошэн (1094—1097) при императоре Чжэ-цзуне династии Сун.

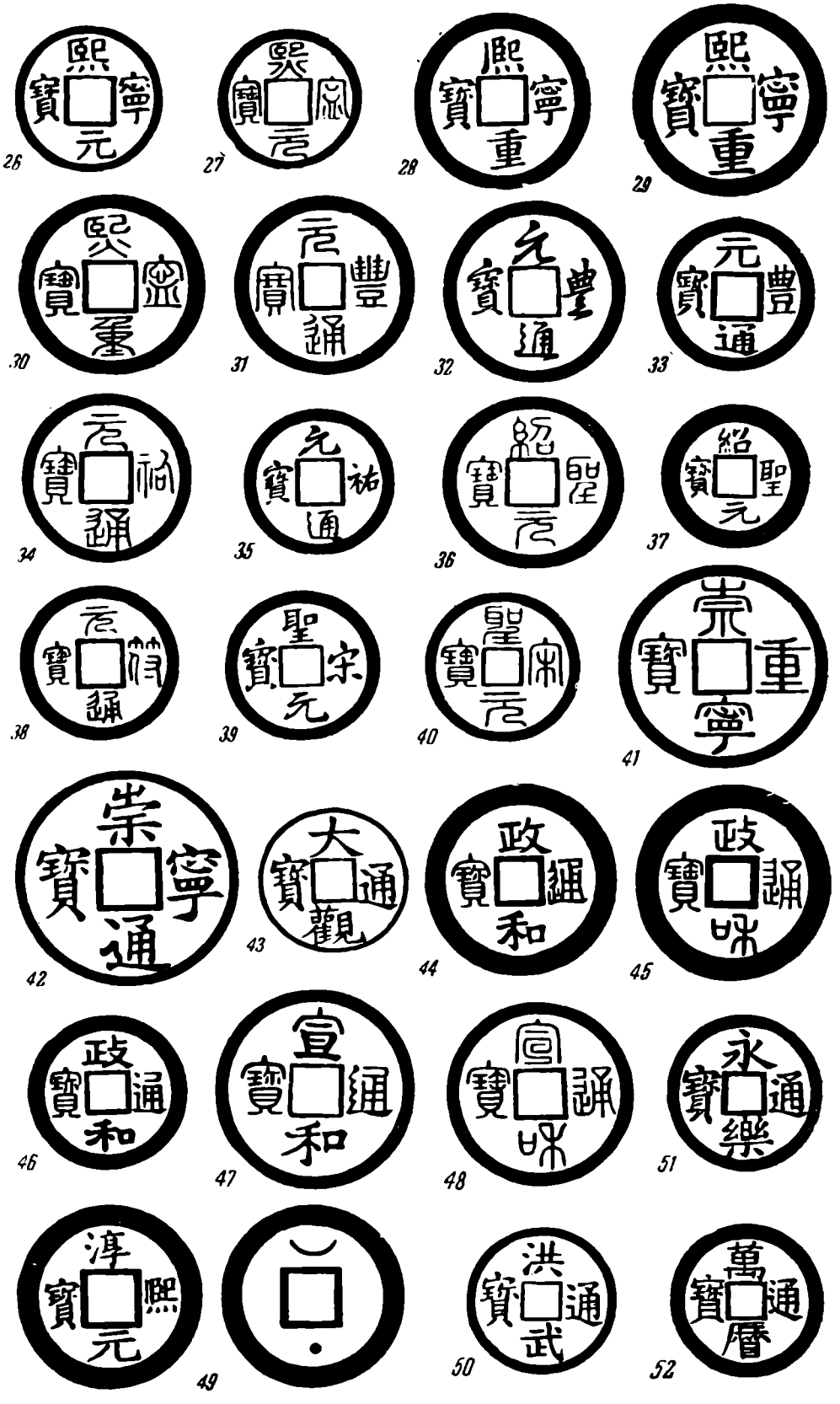


Рис. 2. Китайские монеты с середины XI в. до XVI в.

Монета юаньфу тунбао («Ходячая монета годов юаньфу»), бронза, один цянь.

141. Л. ст. На поле по часовой стрелке читаются четыре иероглифа, исполненные почерком чжуань (юаньфу тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-25, д-7 (Д., л. 93—2, рис. 2, *38*).

Монета изготовлена в 1098 г.— в 1-м году юаньфу в правление императора Чжэ-цзуна из династии Сун.

Монета шэньсун юаньбао («Основная монета священной Сун»), бронза, один цянь.

142—143. Л. ст. На поле четыре иероглифа, исполненные почерком синшу, читаются по часовой стрелке (шэньсун юаньбао). Об. ст. Гладкая Д-23, д-6 (П., табл. XXXVII—4; Д., л. 94—2, рис. 2, *39*).

144. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 142—143, но почерк чжуань (П., табл. XXXVIII—3; Д., л. 94—2, рис. 2, *40*).

Монеты №№ 142—144 в своей легенде не имеют указания на годы правления. Монеты такой легенды впервые были отлиты в 1101 г., т. е. в 1-м году цзяньчжун цзинго, в правление императора Хуэй-цзуна из династии Сун. Некоторые источники указывают, что их продолжали выпускать и в последующие годы, примерно до 1110 г.[5]. Эпиграфические особенности наших экземпляров (длинная «крышка» над правым иероглифом и короткая — над левым) позволяют отнести эту монету к раннему выпуску.

Монета чуннин чжунбао («Тяжелая монета годов чуннин»), бронза, 10 цянь.

145—163. Л. ст. На поле крестообразная надпись, исполненная почерком лишу (чуннин чжунбао),— по преданию, воспроизведение императорского автографа. Об. ст. Гладкая. Д-32, д-8 (П., табл. XXXVI—5; Д., л. 96—2, рис. 2, *41*).

Монета чуннин тунбао («Ходячая монета годов чуннин»), бронза, 10 цянь.

164. Л. ст. На поле по часовой стрелке расположена надпись из четырех иероглифов, исполненных стилем чжуань (чуннин тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-32, д-8 (П., табл. XXXVI — 4; Д., л. 26—1, рис. 2, *42*).

165. Л. и об. ст. Те же, что у № 164, но на об. ст. слева от отверстия рельефная точка.

Монеты №№ 145—165 выпускались в течение годов чуннин (1102—1106) в правление императора Хуэй-цзуна династии Сун.

Монета дагуань тунбао («Ходячая монета годов дагуань»), бронза, 1 цянь.

166—167. Л. ст. Четыре иероглифа легенды исполнены почерком чжэньшу (по преданию, рукой Хуэй-цзуна) и читаются крестообразно (драгуань тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-25, д-7 (П., табл. XXXV 1—7; Д., л. 97—1, рис. 2, *43*).

Изготовлены в 1107 г.— в 1-м году дагуань при императоре Хуэй-цзуне из династии Сун.

Монета чжэнхэ тунбао («Ходячая монета годов чжэнхэ»), бронза, 2 цянь.

168—170. Л. ст. Надпись из четырех иероглифов почерком чжэньшу, читается крестообразно (чжэнхэ тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-30, д-7 (Д., л. 99—1, рис. 2, *44*).

171. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 168—170, но на об. ст. справа от отверстия рельефная точка.

172. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 168—170, но почерк чжуань. Внешние ободки широки (Д., л. 99—1, рис. 2, *45*).

Монета чжэнхэ тунбао, бронза, один цянь.

173—176. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 168—170, но начертание верх-

[5] Дин Фу-бао. Энциклопедия..., л. 419—1.

него знака на л. ст. иное. Д-24, д-7 (П., табл. XXXVII—8; Д., л. 98—2; рис. 2, *46*).

177. Л. и об. ст. Те же, что в № 172. Д-25, д-7 (П., табл. XXXVII—7; Д., л. 98—2).

Монеты №№ 168—177 выпущены в 1111 г., т. е. в 1-м году чжэнхэ в правление императора Хуэй-цзуна из династии Сун.

Монета сюаньхэ тунбао («Ходячая монета годов сюаньхэ»), бронза, 2 цянь.

178. Л. ст. На поле надпись из четырех иероглифов, исполненных почерком лишу (сюаньхэ тунбао). Чтение крестообразное. Об. ст. Гладкая. Д-30, д-8 (Д., л. 101—1; рис. 2, *47*).

179—181. Л. и об. ст. Те же, что в № 178, но почерк чжуань (рис. 2, *48*).

Монеты №№ 178—181 отлиты в 1119 г.— в 1-м году сюаньхэ при императоре Хуэй-цзуне династии Сун.

Монета чуньси юаньбао («Основная монета годов чуньси»), бронза, 2 цянь.

182. Л. ст. На поле надпись, читающаяся по часовой стрелке (чуньси юаньбао). Почерк чжэньшу. Об. ст. Над отверстием рельефный полумесяц «рожками» вверх, под отверстием — точка. Внутренний ободок широк, внешний — имеет неодинаковую ширину. Д-29, д-9 (П., табл. XXXIX—5; Д., л. 107—2, рис. 2, *49*; ср. рис. 2, *36*).

Монета изготовлена в 1184 г.— в 1-м году чуньси при императоре Сяо-цзуне из династии Сун.

Монета хунъу тунбао («Ходячая монета годов хунъу»), бронза, один цянь.

183. Л. ст. Надпись из четырех иероглифов, читается крестообразно (хунъу тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-23, д-5 (П., табл. LII—1/2; Д., л. 155—1, рис. 2, *50*).

Монетой № 183 открывается выпуск монет династии Мин после прихода ее к власти. Эта монета была выпущена в первые годы хунъу (1368—1398) при императоре Тай-цзу династии Мин.

Монета юнло тунбао («Ходячая монета годов юнло»), бронза.

184—186. Л. ст. Крестообразно читающаяся надпись из четырех иероглифов выполнена почерком чжэньшу (юнло тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-26, д-6 (П., табл. LIII-1; Д., л. 161—1, рис. 2, *51*).

Монета выпущена в 1408 г.— в 9-м году юнло при императоре Чэн-цзу династии Мин.

Монета ваньли тунбао («Ходячая монета годов ваньли»), бронза, один цянь.

187—189. Л. ст. Четыре иероглифа, составляющие надпись, читаются крестообразно (ваньли тунбао). Об. ст. Гладкая. Д-25, д-5 (П., LIII—11; Д., л. 162—1, рис. 2, *52*).

190. Л. и об. ст. Те же, что в №№ 187—189, но монета меньше. Д-20, д-5.

Монеты №№ 187—190 выпущены в 1576 г.— в 4-м году ваньли при императоре Шэнь-цзуне из династии Мин.

Некоторые из монет коллекции представляют немалый интерес по тому месту, которое они занимали в истории монетного обращения Китая Монета «пу» (№ 1) — древнейшая в коллекции (IV в. до н. э.). Она принадлежит к одному из трех древнейших знаков металлического обращения Китая: монеты «пу», или лопатовидные, монеты «дао», или ножевидные, монеты «хуань», или кольцевые. Все три типа относятся к одному большому историческому периоду — к династии Восточная Чжоу (VIII—III вв. до н. э.), к эпохе возникновения денежной экономики в Китае [6]. Из

[6] Пэй Синь-вэй. Ук. соч., стр. 21—26.

трех этих типов «пу», пожалуй, наиболее древний и обладал самым широким диапазоном распространения. В форме этой монеты еще сохранился след былого использования металлических лопат и мотыг в качестве эквивалента обмена. На этом образце древнейшего нумизматического искусства Китая можно уже наблюдать основные особенности, характерные для древних китайских монет: свободный стиль обработки поля, помещение изображений на обеих сторонах монеты, отсутствие фигурных изображений при обязательном использовании иероглифических знаков. Многие из этих особенностей совершенно не характерны для других древних монетных систем (греческой и др.).

Монеты типа «ушу» (№№ 2—5, 7—10) занимали одно из первых мест среди монет мира и первое среди монет Китая по длительности обращения — свыше 700 лет [7]. Столь долгий срок их существования объясняется легкостью изготовления и удачным весовым содержанием металла, привычным для населения. Монета «дацюань» (№ 6) — одна из монет, выпущенных Ван Маном, пытавшимся провести ряд реформ, в том числе в экономике и в денежном обращении страны. Монеты типа «кайюань тунбао» (№№ 12—21) отливались в Китае почти 300 лет (и, возможно, еще дольше) [8]. Это первая монета, положившая начало новой монетной системе раннего средневековья Китая и сменившая все более ранние типы монет. Начиная с этой монеты, размер монеты, количество и расположение иероглифов в поле, обязательное указание годов правления и отсутствие пометки о достоинстве или о весе монеты были много веков неизменными и постоянными и составляют особенность китайских монет. Монета «чуньхуа юаньбао» открывает собой серию монет с легендой, исполненной по императорскому автографу (№№ 31—34, ср. №№ 35, 145—163, 166, 167). Монеты «хаунсун тунбао» (№№ 59—64) и «шэньсун юаньбао» (№№ 142—144) являются своеобразным исключением из потока монет китайского средневековья: их легенда не содержит годов правления [9].

Точное происхождение китайских монет из коллекции музея неизвестно. Это сильно снижает их значение как исторического источника. Вместе с тем коллекция, судя по инвентарным книгам, не была приобретена целиком или крупными партиями у местных любителей, а составлялась постепенно, путем случайных поступлений из разных мест Хабаровского края. Поэтому если отдельные монеты не могут характеризовать конкретные памятники, то в целом коллекция древних монет Китая в музее подтверждает общий ход развития культурных связей между Китаем, его владениями в Маньчжурии и государствами Маньчжурии — с одной стороны, и между обитателями левого берега среднего и нижнего течения Амура — с другой.

С этой точки зрения все китайские монеты, описанные нами, распадаются на пять групп по времени их выпуска. Первая группа состоит из единственной монеты IV в. до н. э. В это время собственно китайские владения не простирались далее Великой китайской стены, построенной около 290 г. до н. э., хотя вассальное государство Янь занимало территорию до северных берегов Печилийского залива. Всю остальную территорию современных Маньчжурии и Монголии занимали племена державы Сюнну [10]. Последние находились в постоянном общении с Китаем, и к ним могла попасть эта монета, а от них — далее на север; но о связях в это время между сюнну и Приамурьем или между Китаем и Приамурьем мы мало знаем. Известно, что именно тогда сушэни были вынуждены переселиться на Сунгари и Амур, по-видимому, под давлением других племен, возможно родственных китайцам или воспринявшим элементы их культу-

[7] Пэй Синь-вэй. Ук. соч., стр. 57—60.
[8] Там же, стр. 175—177.
[9] Там же, стр. 248—249.
[10] A. Herrmann. Historical and Commercial Atlas of China. Cambr. Harv. Univ., 1935, стр. 16.

ры, о чем свидетельствует археологический инвентарь (топоры северокитайского типа, полулунные ножи и пр.). Непосредственную связь сушэней с Китаем подтверждают китайские летописи [11].

Монеты второй группы (№№ 2—6) выпущены в I в. до н. э. Сюнну по-прежнему отделяли китайцев от Сибири, но китайцы уже проникли в Центральную Маньчжурию и Северную Корею (поход У-ди в 108 г. до н. э.) и вступили в прямые сношения с племенами этих районов, известными в летописях Китая под общим наименованием «дунху», в число которых входили илоу, фуюй и сильное племя сяньби. Затем наступило ослабление внешних связей, вызванное внутренними смутами.

Археологические памятники этого времени многочисленны, но совершенно не изучены; имеются свидетельства о находках на них китайских монет. Это подтверждает мнение о проникновении китайской культуры в район Приамурья [12].

Третий период приходится на династии Суй и Тан (№№ 11—22). В VI—VIII вв. к китайским владениям присоединилась Центральная Маньчжурия. Отсюда китайцы сносились с государством Бохай, на памятниках которого найдены китайские монеты. Чернореченские мохэ, жившие на Среднем Амуре, находились в тесных связях в Бохаем и с Китаем [13]. К концу Тан наметилось некоторое ослабление активности внешней политики Китая, вызванное кризисом Танской империи.

Расцвет связей народов Приамурья с империями киданей — Ляо и чжурчженей — Цзинь в Маньчжурии, а через них в какой-то мере и с Китаем наступает в X—XII вв. Амур становится северной границей обеих этих империй (4 период — № 23—182). По Маньчжурии и отчасти по Приморью раскиданы города и крепости киданей и чжурчженей: где-то у Чаньчуня был крупный город Хуанлунфу, в районах Владивостока — г. Шуай-бао-фу. По правому берегу Амура в его среднем течении жили чжурчжени, у Хабаровска — племена удигай, здесь же по Уссури — уго, входившие в империю Цзинь, и т. д. Форпосты чжурчженей находились и в Приамурье. Остатки поселения китайско-чжурчженьского типа обнаружены в пади Большой Дурал [14].

Монгольское нашествие порвало эти связи. Только после свержения монгольского владычества в Китае происходит некоторое восстановление прежних отношений, но уже на иной базе. Если в предыдущий период народы Приамурья в основном знакомились с китайской культурой через чжурчженей, то теперь устанавливается прямой контакт. Однако он был значительно слабее более раннего опосредствованного контакта. Теперь он осуществлялся между солонами и другими племенами — обитателями Среднего Амура, и редкими китайскими опорными пунктами вроде застав Ежэнь выше Хабаровска и Хайси у Владивостока, кумирни на Тырском утесе, и т. п. [15]. К этому времени (XIV—XVI вв.) относится последняя, пятая группа монет (№№ 183—190).

---

[11] А. В. Гребенщиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Юбилейный сборник XXV. Музей ОИАК, Владивосток, 1916, стр. 51—52.

[12] Там же, стр. 52; М. К. Азадовский. Археологические древности по реке Амуру. ИАК, 1914, Прибавл. к вып. 56, стр. 124—126; А. Herrmann. Ук. соч., стр. 17, 23.

[13] А. П. Окладников. Дальний Восток в период Бохайского, Киданьского и Цзиньского государств. История СССР (макет). 1939, вып. IV, стр. 500, сл.; А. Herrmann. Ук. соч., стр. 35, 39.

[14] А. П. Окладников. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. СА, XV, стр. 299—301; А. В. Гребенщиков. Ук. соч., стр. 58—60.

[15] В. Л. Васильев. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр, близ устья Амура. Изв. АН, СПб., 1896, сер. V, т. IV, вып. 4, стр. 365—367; А. Herrmann. Ук. соч., стр. 55.

ЗАМЕТКИ

П. И. ХАВЛЮК

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ В ТРИПОЛЬЕ

В 1954 г. во время археологической разведки в бассейне р. Соб (левый приток Южного Буга в среднем его течении) автор обследовал выявленное им в 1953 г. трипольское поселение около с. Вербивки, Дашевского района, Винницкой области.

Поселение Вербивка I занимает поверхность длинного мыса с крутыми склонами. На юго-восточном склоне на площади 100 × 150 *м* заметны остатки глинобитной обмазки от 30 площадок трипольских жилищ.

Среди керамики, собранной на поверхности поселения, имеются обломки сосудов большого размера с углубленным спиральным орнаментом (рис. 1, *1*, *2*), из беловатой глины с примесью мелкого песка. Подобные сосуды употреблялись для хранения пищи. Многочисленными на поселении являются сосуды другой группы — из коричневой глины, с углубленным орнаментом и со следами полосчатого сглаживания по краю (рис. 1, *3*, *5*, *6*).

Наибольшее количество керамики состоит из расписной тонкостенной посуды различных размеров. Роспись наносилась по всей поверхности, по красному фону черной или коричневой краской, но чаще всего — по натуральному желтому фону глины сосуда черной или коричневой краской (рис. 1, *7*, *8*). Среди форм сосудов следует отметить биноклевидные сосуды. Из керамических изделий найдены также ложка, черпак с ручкой, оканчивающейся головкой животного, и фигурка свиньи. На одной из площадок найдены четыре женские статуэтки. Одна из них не имеет головы, в нижней части сомкнутые ноги переходят в коническое окончание. На поселении обнаружены скребки, треугольные, с выемкой у основания, наконечники стрел, клиновидный шлифованный топор.

Характеристика керамического и другого материала не вызывает сомнения в том, что трипольское поселение у с. Вербивки относится ко второй ступени среднего этапа триполья (В/2, по периодизации Т. С. Пассек [1]).

Особое внимание было обращено на стенки большого углубления, образовавшегося от выемки земли при строительстве пруда и вклинившегося на 15 *м* в западную часть мыса, где находится поселение. В настоящее время углубление имеет пологие обвалившиеся стенки, в которых резко заметны культурные остатки, в том числе скопление глиняной плитчатой обмазки от площадки трипольского жилища. В северной стенке углубле-

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; ее же. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953.

ния в культурном слое на глубине 1,65 *м* была сделана находка округлого основания глиняной фигурки, похожей на птицу. С целью выяснения обстоятельств залегания этой находки здесь были проведены небольшие раскопки, давшие следующие результаты.

Под дерновым слоем находился слой дерново-подзолистой рыхлой почвы толщиной до 1,65 *м*. В нижней части этого слоя обнаружены трипольская керамика, фрагменты кремневых орудий, кости животных. В стенках обрыва можно было проследить четкие контуры углубления с пологими стенками, возможно, землянки. Здесь, на глубине 1,65 *м* от поверхности (на уровне находки первой фигурки), найдены вместе с фрагментами трипольского сосуда, с отогнутым венчиком и со следами полосчатого сглаживания по всей поверхности, еще четыре глиняные фигурки. Они, как и

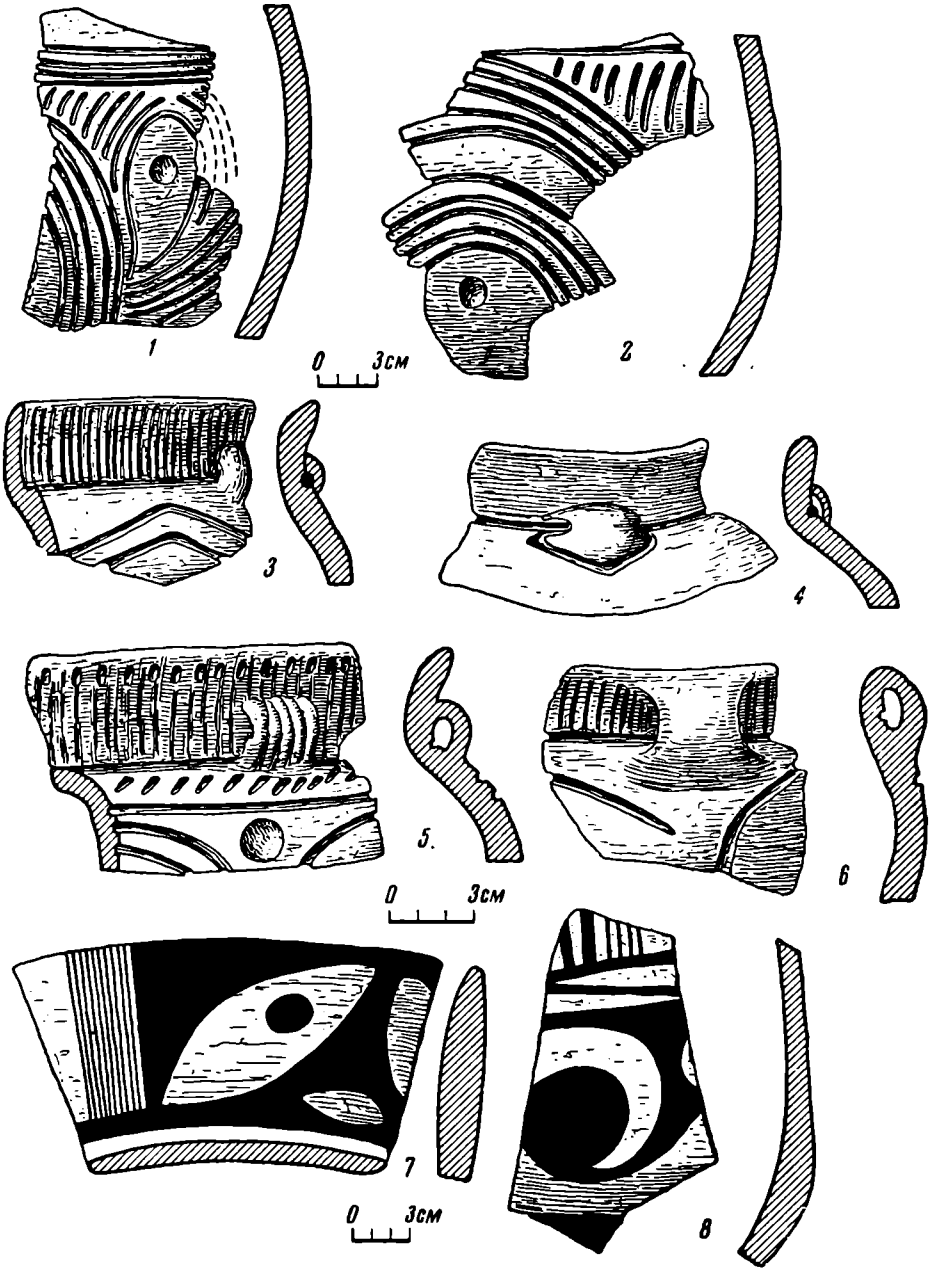


Рис. 1. Поселение Вербивка I. Обломки сосудов

первая, лежали близко друг к другу (на расстоянии 0,10—0,12 *м*), головами на север.

Все эти фигурки (рис. 2) имеют расширенное основание неправильной округлой формы и почти цилиндрическое туловище, слегка утолщенное в средней части. В верхней части фигурок имеются два продолговатых отростка, направленных в противоположные стороны и похожих на уши или рожки. Между ними защипом сделаны нос и углубления глаз. По спинке первой фигурки от головы до основания проходит круглый валик; нечто подобное имеется и у четвертой фигурки. На поверхности третьей видны остатки темно-коричневой краски. Высота фигурок не совсем одинаковая (4,2 *см*; 3,9 *см*; 3,3 *см*; 4 *см*; 3,7 *см*).

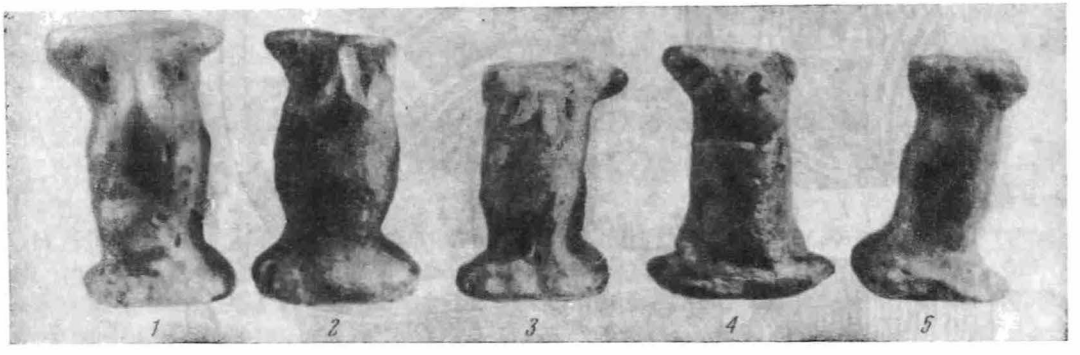


Рис. 2. Поселение Вербивка I. Глиняные изображения птиц

Очевидно, эти изображения стояли в жилище и имели определенное культовое значение. Они остались в нем и после его разрушения и попали в культурный слой не случайно. Эти глиняные фигурки, очевидно, изображают птицу, похожую на филина.

Среди известных нам зооморфных изображений в трипольской культуре изображения птиц крайне редки. Имеются ковшик-черпачок, фигурки птиц на столбчатой ножке, найденные в Луке-Врублевецкой [2] и на других памятниках.

Изображения птиц в виде глиняных фигурок, найденные на трипольском поселении Вербивка I, пока не имеют аналогий в трипольской культуре. Их следует рассматривать как изображения птицы-филина, имевшие, видимо, особое культовое значение среди других трипольских изображений из глины.

Можно согласиться с мнением П. П. Ефименко, который указывает на значение изображений животных и человека еще в позднем палеолите [3].

Очевидно, и в эпоху триполья человек считал, что, имея в своем распоряжении изображение страшной птицы-филина, он посредством выполнения обрядовых действий сможет влиять на него по своему желанию.

---

[2] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 39, 1953, табл. 46; табл. 52, *41*.

[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 302.

Э. Р. РЫГДЫЛОН, П. П. ХОРОШИХ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ У оз. АЛЯТ (ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Озеро Алят расположено среди холмистой лесостепной местности в истоке р. Аларь (левый приток р. Голуметь), приблизительно на половине расстояния между отрогами Восточного Саяна с одной стороны и Сибирской железнодорожной магистралью — с другой. Озеро находится в 50 *км* на юго-запад от ст. Кутулик и в 30 *км* от с. Голуметь.

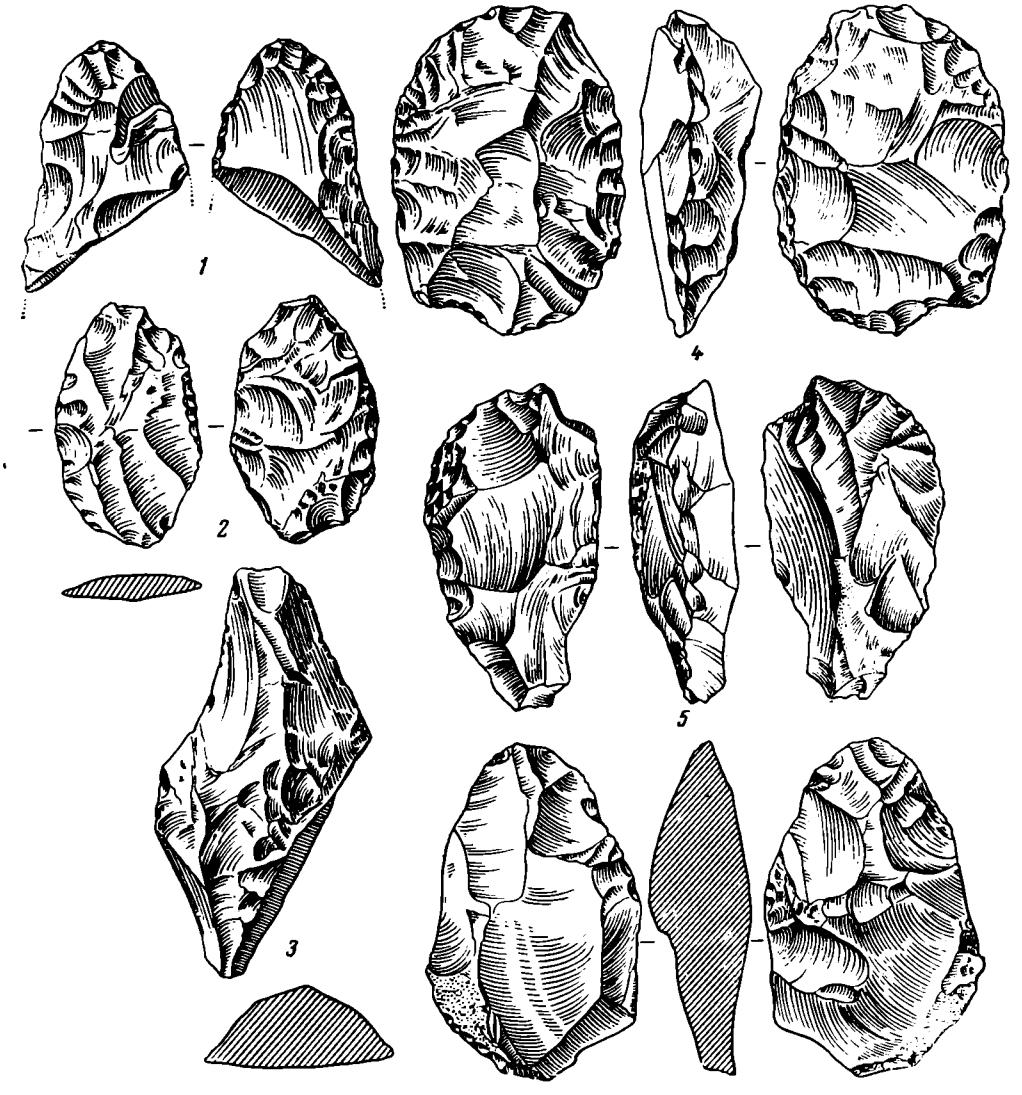


Рис. 1. Позднепалеолитические орудия

Озеро вытянуто с северо-запада на юго-восток и имеет длину около 5 *км*, ширину от 700 *м* до 1,5 *км*. Максимальная глубина озера — 8 *м*. В северо-западную часть озера впадают две небольшие речки — Мардай и Бабагай. Значительная часть озера опоясана прибрежными зарослями камыша, аира, рогоза и др. [1]. Озеро богато рыбой. Берега оз. Алят посе-

[1] М. Г. Асхаев. Озеро Алят. Изв. Биолого-географического научно-иссл. ин-та при Иркутском гос. университете, т. X, вып. 4, 1950, стр. 3.

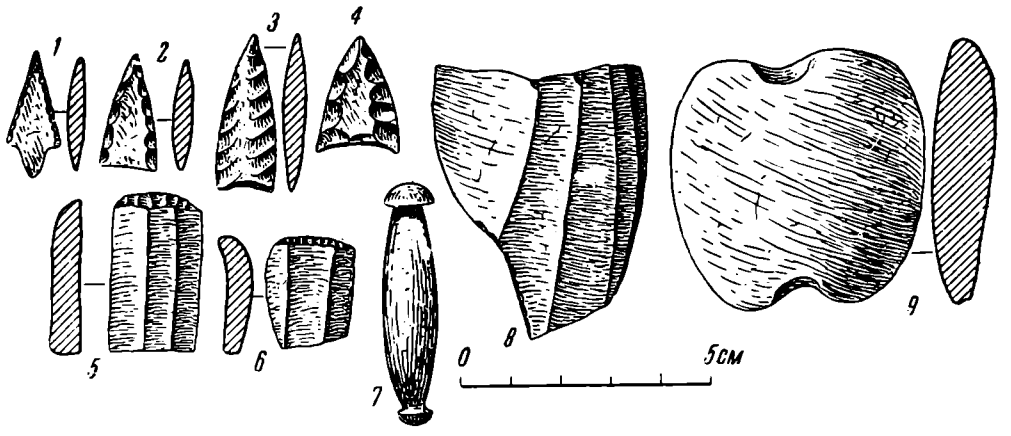


Рис. 2. Неолитические орудия

щались авторами статьи неоднократно. Накопленный археологический материал дает возможность установить, что озеро было обитаемо начиная с эпохи позднего палеолита.

Остатки культуры палеолита были обнаружены на 10-метровой террасе юго-западного берега озера, в том месте, где колхозом производилась раскорчевка в связи с подготовкой целины для пахоты, в 150 *м* от

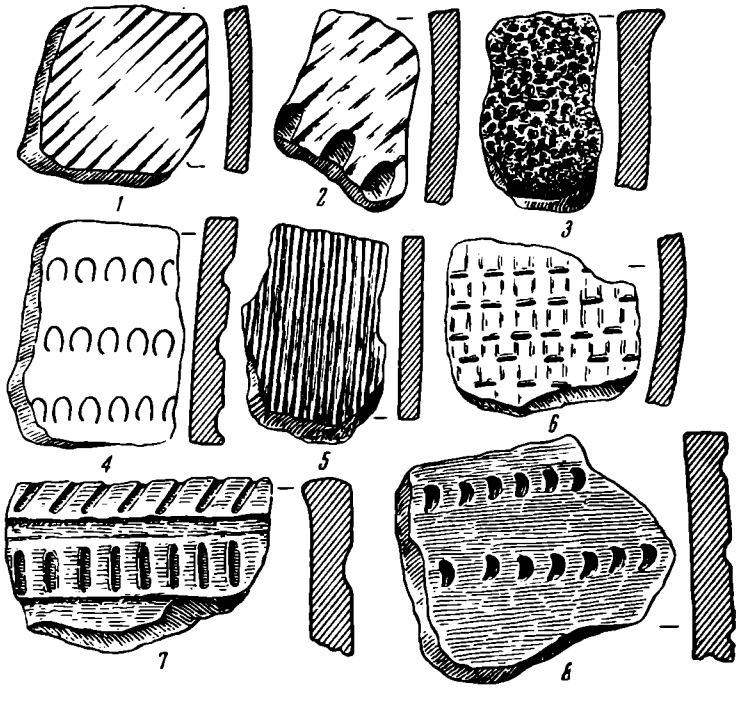


Рис 3. Обломки глиняных сосудов

озера. Трактором был перевернут гумусный слой толщиной 0,20—0,30 *м* и подстилающий его красно-бурый суглинок на 0,10—0,15 *м*. Ниже красно-бурого суглинка (мощностью 0,50 *м*) залегает лёссовидный суглинок, в котором на глубине около 2 *м* найдены остатки четвертичных животных: зуб дикой лошади, первый шейный позвонок дикого бизона и плечевая кость носорога [2].

На пахотном поле найдены следующие предметы эпохи позднего палеолита: обломок скребловидного орудия из светло-серого кремня

[2] Определение Л. Н. Иваньева. По словам местных жителей, в результате размыва почвы на оз. Алят часто находят кости мамонта.

(рис. 1, *1*); небольшой плоский скребок из светло-серого кремня (рис. 1, *2*); обломок массивного скребловидного орудия из серого кремня (рис. 1, *3*); заготовка скребловидного орудия из толстого серого жевлака дисковидной формы (рис. 1, *4*); скребловидные заготовки из серого с прожилками плохого качества кремня, грубой обработки (рис. 1, *5*, *6*); несколько десятков отщепов со следами обработки и ударов и масса кварцитовых и кремневых отщепов. Возможно, что на месте находок была мастерская по изготовлению палеолитических орудий.

Остатки неолитической культуры обнаружены также на юго-западном берегу оз. Алят, на береговой террасе высотой 3—4 *м*, примерно в 700 *м* к северо-западу от построек пионерского лагеря. Место, где находится неолитическая стоянка, носит название «Тайлагатэ», т. е. «место для жертвоприношений». Здесь в старину местное бурятское население устраивало жертвоприношения духу-покровителю озера.

Современная стратиграфия террасы следующая: 1) почвенный слой черной земли (0,30—0,40 *м*); 2) слой красно-бурого суглинка (0,30—0,40 *м*); 3) слой буро-желтого суглинка с песчано-илистыми прослойками; в этом слое местами встречается мелкая галька.

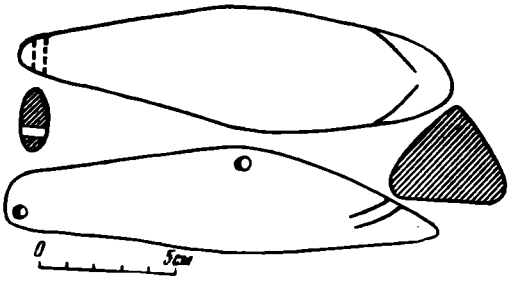


Рис. 4. Каменная рыбка-приманка

Пробными шурфами, заложенными в 1925 и 1948 гг. в разных местах террасы, установлено, что стоянка тянется вдоль террасы немного более чем на 100 *м* и имеет ширину от 15 до 30 *м*.

Остатки неолитической культуры обнаружены в слое красно-бурого суглинка, на глубине от 0,45 до 0,65 *м* от поверхности. Резко выраженного культурного слоя на стоянке не наблюдается. Культурный слой встречается тонкими прослойками и небольшими гнездами; местами он нарушен при строительстве кирпичного завода.

На стоянке найдены кремневые наконечники стрел различной формы (рис. 2, *1*—*4*); ножевидные пластинки из серого кремнистого сланца; небольшие скребочки (рис. 2, *5*, *6*); проколки из серого кремня; резцы для резьбы по кости; дриль из серого кремнистого сланца; нуклеус из серого кремнистого сланца; грузило из плоской гальки с выемками по бокам (рис. 2, *9*).

Остатки глиняной посуды, найденной в верхних горизонтах культурного слоя, имеют орнамент штриховой, линейный, гребенчатый и ямочный (рис. 3, *1*, *2*, *4*—*6*). В нижних горизонтах культурного слоя, на глубине 0,60—0,65 *м* от поверхности, найдены два фрагмента глиняной посуды серовского времени с отпечатками плетения (рис. 3, *3*).

В центре стоянки, на глубине 0,65 *м* от поверхности, обнаружено очажное пятно размером 0,79 × 0,90 *м*.

У края стоянки, на глубине 0,53 *м*, найден небольшой круглый очаг, сложенный из округлых камней. Наружный диаметр очага 0,45 *м*, внутренний — 0,19 × 0,25 *м*. Размеры камней 0,25—0,32 *м*. Глубина очажного слоя 0,18 *м*. Камни очага сильно потрескались. Внутри очага залегал плотный слой золы. В нем находились угли и сильно обожженные кости дикой козы. Около очага найдены кремневые ножевидные пластинки, кремневые вкладыши от костяного кинжала, нуклевидное орудие (рис. 2, *8*), мелкие кремневые отщепы, небольшие отщепы зеленого нефрита, несколько обломков глиняной посуды со штриховым орнаментом; грушевидные бусины-подвески из резцов марала с просверленными отверстиями, резцы бобра. Рядом с очагом находилась большая плита из мелкозернистого серого песчаника (0,50 × 0,73 *м*), служившая, по-видимому, для очистки

рыбы. На поверхности плиты заметны продольные и поперечные царапины. На плите лежали: зуб кабарги, стерженек из шиферного сланца от рыболовного крючка (рис. 2, 7), обломки глиняной посуды со штриховым орнаментом.

Незначительные остатки неолитической культуры обнаружены также в борту террасы на восточном берегу оз. Алят, за постройками колхоза. Здесь были найдены ножевидные пластинки из темно-серого кремнистого сланца, фрагменты глиняной посуды со штриховым орнаментом и обломок грузила из плоской гальки.

В 1925 г. на берегу оз. Алят около устья р. Бабагай П. П. Баторовым была найдена каменная рыбка-приманка, сделанная из шиферного сланца (рис. 4).

Находки на стоянке можно отнести к серовской и китойской культурам ангаро-байкальского неолита.

Т. М. МИНАЕВА

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ БЛИЗ СТАНИЦЫ ДУРНОВСКОЙ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1935 г. мы произвели обследование археологических памятников по течению р. Бузулук в Сталинградской области. Обследовалась левая сторона реки от станицы Филоновской до впадения Бузулука в р. Хопер.

Река Бузулук на указанном отрезке своего течения имеет весьма извилистое русло и местами, то с левой, то с правой стороны, образует широкую пойму, поросшую кустарником и лесом. С правой стороны реки пойму ограничивает высокая береговая терраса, с левой стороны терраса эта значительно ниже.

На обследованном участке было обнаружено большое количество археологических памятников. Курганы и курганные группы встречались на всем протяжении левого берега реки. Особенно много их между станицами Яменской и Алексеевской. Местами на пойме встречались следы древних поселений разных эпох. Вблизи станиц Яменской и Дурновской были обнаружены поселения эпохи бронзы.

Поселение близ станицы Дурновской располагалось в северном конце станицы, на краю надпойменной террасы. Берег в этом месте разрушается водами протока, отделившегося от главного русла р. Бузулука. В верхних горизонтах отвесного обреза берега четко обозначались профили четырех землянок. В осыпях берега вдоль протока мы собрали большое количество керамики из культурного слоя землянок. Вблизи одной из землянок на глубине 0,4 *м* от дневной поверхности найдена зернотерка в виде довольно большой каменной плиты со слегка вогнутой и отшлифованной рабочей стороной. Следы других двух землянок обозначались на расстоянии нескольких метров от берега, на площади, занятой вишневым садом.

На расстоянии около 0,5 *км* от указанного поселения, на окраине станицы, располагалась курганная группа из шести насыпей. Некоторые из насыпей были совсем низкие, едва заметные.

Наиболее хорошо сохранившийся курган, раскопанный нами, имел высоту 0,75 *м* и диаметр 16 *м*. По снятии слоя насыпи на глубину 0,4 *м* в центральной части кургана оказались следы деревянного помоста или настила. От него сохранились куски тонких деревянных плах и тлен дерева, лежавшие в направлении с севера на юг на площади 3 × 4 *м* (рис. 1). На помосте в беспорядке было разбросано небольшое количество костей овцы и коровы. С северной стороны настила стояли три горшка. Один из них был баночной формы, высотою 16 *см*, без орнамента (рис. 2, *1*); вто-

рой — такой же формы, но стенки его вдоль края были украшены резным орнаментом в виде косых крестов (рис. 2, *2*); третий горшок имел округлое плечо и по нему штампованный крупнозубчатый орнамент (рис. 2, *3*); он был крупнее первых двух. Все горшки вылеплены из грубо промешанного и слабо обожженного глиняного теста. Создавалось впечатление, что они не употреблялись в быту, а были изготовлены специально для погребальных целей. Следы помоста, кости животных и сосуды, несомненно, являлись остатками тризны, совершенной после того, как насыпь кургана была воздвигнута на половину своей высоты.

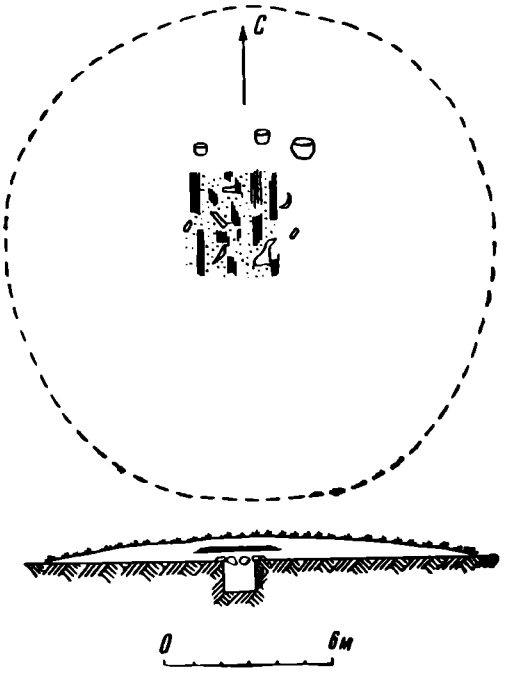


Рис. 1. Следы настила в насыпи кургана и разрез кургана

На древнем горизонте в центре кургана обнаружилось могильное пятно прямоугольной формы, ориентированное с северо-востока на юго-запад. Северо-восточная половина пятна была прикрыта крупными кусками известняка. Возле юго-западного конца пятна, на древнем горизонте (без каких-либо признаков могильной ямы) обнаружен сильно скорченный скелет как бы брошенного на землю человека (рис. 3). Никаких вещей при костяке не найдено.

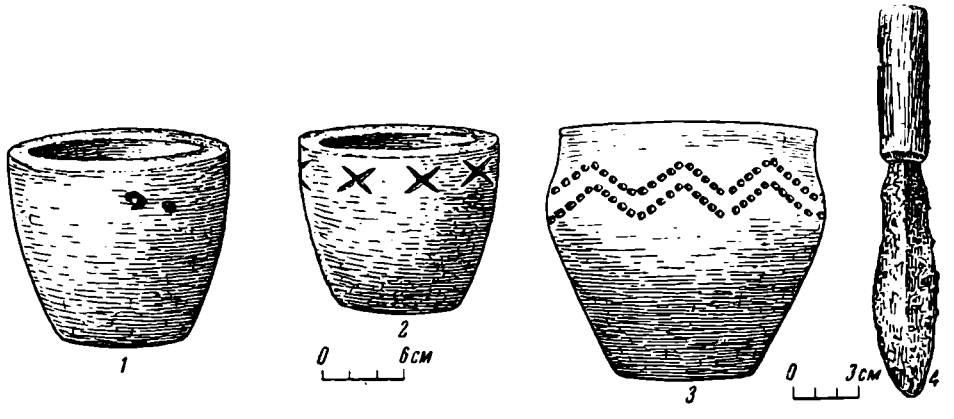


Рис. 2. Вещи из кургана

1—3 — горшки; *4* — бронзовый нож с деревянной ручкой

После очистки могильной ямы от засыпи оказалось, что могила имела длину 1,8 *м*, ширину 1,4 *м* и глубину 1,2 *м*. На дне ее лежал мужской костяк головой на северо-восток, на правом боку, с согнутыми в коленях ногами (рис. 4). В кисти правой руки погребенный держал листовидный бронзовый нож с короткой деревянной рукояткой. Нож имел небольшие округлые выступы в верхней части. Длина лезвия ножа — 11 *см* (см. рис. 2, *4*). Хорошо сохранившаяся цилиндрическая рукоятка была косо срезана у черенка и округла в верхнем конце. Недалеко от правого предплечья оказался костяк свернувшейся в кольцо змеи. Второй точно такой же костяк змеи лежал за спиной погребенного и третий — у ступней ног, возле пяточных костей (рис. 4). С правой стороны черепа лежали доволь-

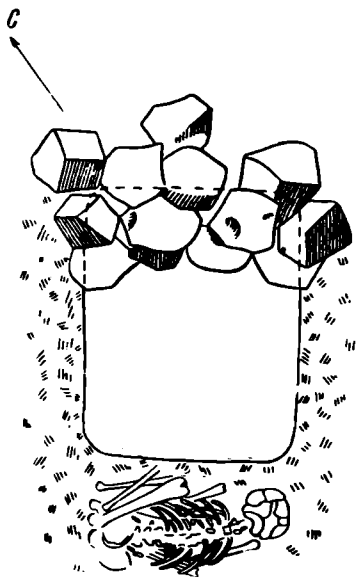


Рис. 3. Могильное пятно и погребение на древнем горизонте кургана

но крупные куски охры и мела; куски охры найдены, кроме того, за спиной костяка и у ступней ног.

Датировать данное погребение, на наш взгляд, можно временем срубной культуры. За такую датировку говорят характер керамики, форма бронзового ножа, положение костяка, наличие кусков красной краски в могиле (в отличие от посыпания погребенного охрой, что характерно для более раннего времени). Погребение, по-видимому, синхронично вышеописанному поселению на краю террасы.

Данное погребение многими чертами отличается от одновременных с ним погребений Нижнего Поволжья. Этот факт может быть объяснен тем, что в кургане близ станицы Дурновской был погребен не рядовой член общества.

Остатки погребальной тризны — явление не частое для нижневолжских курганов срубной эпохи. Человеческий костяк, лежавший на краю могилы, по всей вероятности, был связан с основным погребением кургана, и в нем можно усматривать погребение раба, сопровождавшего хозяина в «загробный мир». Что такое понимание данного погребения не лишено основания, подтверждает курган № 23 близ с. Кайбелы в Ульяновской области, раскопанный Н. Я. Мерпертом в 1954 г. В нем исследовано погребение в срубе. Под накатником сруба лежал обожженный костяк, в то время как основное погребение могилы оказалось в непотревоженном положении на дне сруба [1].

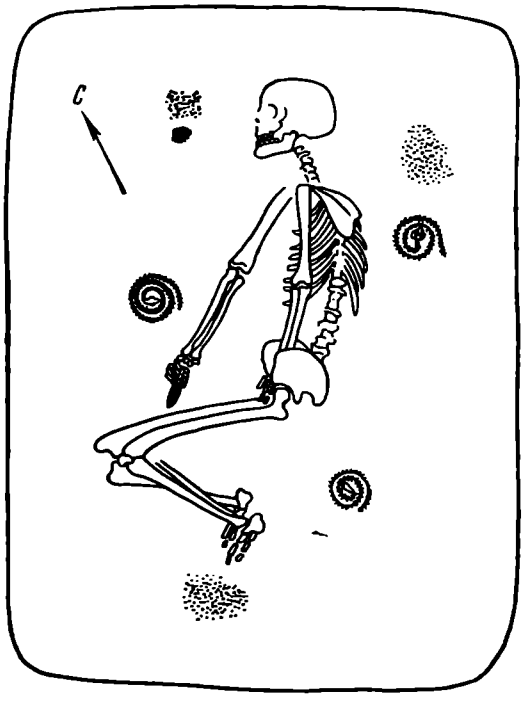


Рис. 4. Основное погребение кургана в грунтовой яме

[1] Сведения об этом погребении сообщены мне Н. Я. Мерпертом, за что приношу ему благодарность.

Наличие костяков змей в могиле также отличает описанное погребение от ряда обычных нижневолжских погребений эпохи бронзы. Нам известен еще только один случай, когда в погребении эпохи бронзы обнаружены скелеты змей. Это курган № 9 в курганной группе «Три брата» близ г. Элисты [2].

В той же курганной группе, в кургане № 17, погребение № 5, найдена бронзовая булавка-застежка с изображением змей [3].

Характерно, что в урочище «Три брата» змеи оказались тоже в погребении срубной культуры.

Культ змеи, как известно, нашел весьма широкое отражение в археологических памятниках. Ярче всего он отражен в памятниках Кавказа. Одной из самых замечательных находок является бронзовый шлем Сардура из Кармир-Блура с изображениями змей с головками собак [4].

Наиболее ранней из известных в настоящее время на Северном Кавказе находок с изображением змей является пластинка из клыка кабана из погребения № 53 Нальчикского могильника. По округлым концам пластинки вырезаны две свернувшиеся в кольцо змеи [5].

Изображениями змеи в эпоху бронзы на Северном Кавказе украшались бронзовые литые топоры, булавки, медальоны, поясные пряжки. Наиболее натуралистические изображения змеи мы имеем на поясной пряжке из могильника Кумбулты [6], «маленькая бронзовая, весьма тонкая и изящная змейка» из могильника Чми [7] (хранится в Эрмитаже), литые бронзовые браслеты с головками змей были найдены в могильнике у с. Тли [8]. По сообщению К. Ф. Смирнова, скелет змеи оказался в гробнице близ с. Кяхулай в Дагестане. Известны изображения змеи и в памятниках раннескифского времени, например на глиняных сосудах из Нестеровского могильника и Нестеровского поселения [9]. Змейка опоясывала шейку сосуда на обломке из поселения раннескифского времени на южном склоне горы Бештау [10]. Налепной орнамент в виде спускающихся вниз змей имеется на кувшине из погребения № 17 Таркинского могильника [11]. Число этих примеров можно было бы увеличить. Изображения змей в памятниках Северного Кавказа встречаются и в более позднее время. Например, в могильнике III—IV вв. н. э. в устье р. Узун-Кол изображение свернувшейся змеи украшает подвесное зеркальце, бронзовые браслеты заканчиваются головками змей [12].

А. С. Уваров объяснил изображения змей на кобанских древностях влиянием Востока [13]. Такая точка зрения, разумеется, имеет немало оснований, так как культ змеи на древнем Востоке был широко распространен, а влияние культур древнего Востока на Кавказ засвидетельствовано многими археологическими данными. Погребения у станицы Дурновской и в урочище «Три брата» дают основание предполагать, что культ змеи был известен и в степных областях юго-востока Европы. Это указывает на некоторые общие черты в идеологии племен Северного Кавказа и степного Поволжья.

---

[2] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 153.

[3] Там же, стр. 158, 159, рис. 6.

[4] Б. Б. Пиотровский. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 5, рис. 4 и 5.

[5] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1949, стр. 91, рис. 38.

[6] МАК, вып. VIII, 1900, табл. XXXVIII, *1*.

[7] Там же, стр. 118, табл. CXXIV, *3*.

[8] Там же, стр. 336.

[9] Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 31, рис. 2, *3*.

[10] Там же, стр. 30.

[11] К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 118.

[12] Раскопки Т. М. Минаевой в 1956 г.

[13] МАК. вып. VIII, стр. 364.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

АШКАЛ-ТЕПЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФЕРГАНЕ

В последние годы особое внимание археологов, изучающих культуру бронзового века Средней Азии, привлекли раскопки на Чустском поселении в Северной Фергане [1]. Этот памятник дал чрезвычайно интересные материалы, свидетельствующие о существовании в Ферганской долине крупного центра культур крашеной керамики эпохи бронзы. Вслед за Чустским поселением, начиная с 1954 г., развернулись исследования второго поселения чустского типа — Дальверзинского, расположенного в восточной части Ферганской долины [2]. В 1957 г. Андижанский краеведческий музей провел небольшие раскопки на Заргулдак-Тепе — третьем поселении бронзового века, находящемся в Юго-Восточной Фергане [3]. Помимо раскопочных работ, проводятся регистрация случайных находок и поиски новых памятников.

В 1957 г. автором, благодаря содействию местных жителей, было обнаружено еще одно поселение эпохи бронзы— Ашкал-Тепе, в 5—6 *км* к северо-востоку от Дальверзина [4]. Оно занимает возвышенный участок (холм) первой надпойменной террасы левого берега р. Кара-Дарьи площадью около 400 × 320 *м* и вытянуто с севера на юг. Северный и западный края поселения проходят по обрывистому берегу реки, возвышающемуся над уровнем воды и поймы примерно на 5—6 *м*. Очень четко прослеживается восточный край, совпадающий с естественной границей холма. Границы поселения с южной и юго-западной сторон трудно определить вследствие запашки под хлопок и застройки этого участка (рис. 1). Берег здесь образует небольшой мыс, к югу и востоку от которого расположена болотистая низина. Восточнее Ашкал-Тепе р. Кара-Дарья широко разливается на несколько потоков и становится мелководной. На противоположном, правом, берегу Кара-Дарьи к ее пойме вплотную подходят отроги горного хребта Кара-Кия-Кыр.

По своему местоположению на берегу большой реки поселение Ашкал-Тепе несколько отличается от поселений Чуста и Дальверзина, расположенных на значительном расстоянии от реки. Но по существу все эти поселения находятся в одинаковых природных условиях — на низких террасах среди болотных низин.

Поселение сильно разрушено: почти вся его площадь занята современным кладбищем, в северо-восточном углу находятся современные обжигательные печи, а в северной части холма проходит дорога. Все это сильно затруднит проведение здесь больших раскопок. Несмотря на разрушения, на поверхности поселения встречено очень мало находок. Только на северо-

---

[1] М. Э. Воронец. Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области. ИАН УзССР, 1951, № 5, стр. 93—97; его же. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Тр. Музея истории УзССР, т. II, 1954, стр. 53—58; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года). СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 40—49; его же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. ИАН УзССР, серия обществ. наук, 1957, № 1, стр. 65—72; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. (Раскопки 1955 г.). КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 86—98; его же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. ИАН УзССР, серия обществ. наук, 1958, № 6, стр. 69—71.

[2] Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 50—57.

[3] Об открытии поселений Заргулдак-Тепе и Шор-Тепе см. В. И. Козенкова. Археологические работы Андижанского областного краеведческого музея в 1956 г. СА, 1957, № 4, стр. 295.

[4] Работа велась Ферганским отрядом Узбекистанской археологической экспедиции (начальник Я. Г. Гулямов)

западном склоне холма удалось собрать некоторое количество керамики. Здесь, в обрезе, над мощным галечным пластом материкового грунта виден культурный слой с зольными прослойками, обломками костей животных и глиняной посуды.

По своему местоположению, внешнему виду, размерам и характеру культурных напластований Ашкал-Тепе сходно с Дальверзином и Чустом. Керамика, собранная на поверхности поселения, по своей фактуре, способу изготовления, формам и орнаментации совершенно аналогична чустской. Здесь найдены обломки посуды с красной облицовкой и с расписным орнаментом, исполненным черной краской, а также образцы кухонной посуды. Различается посуда с плоским дном и на поддоне.

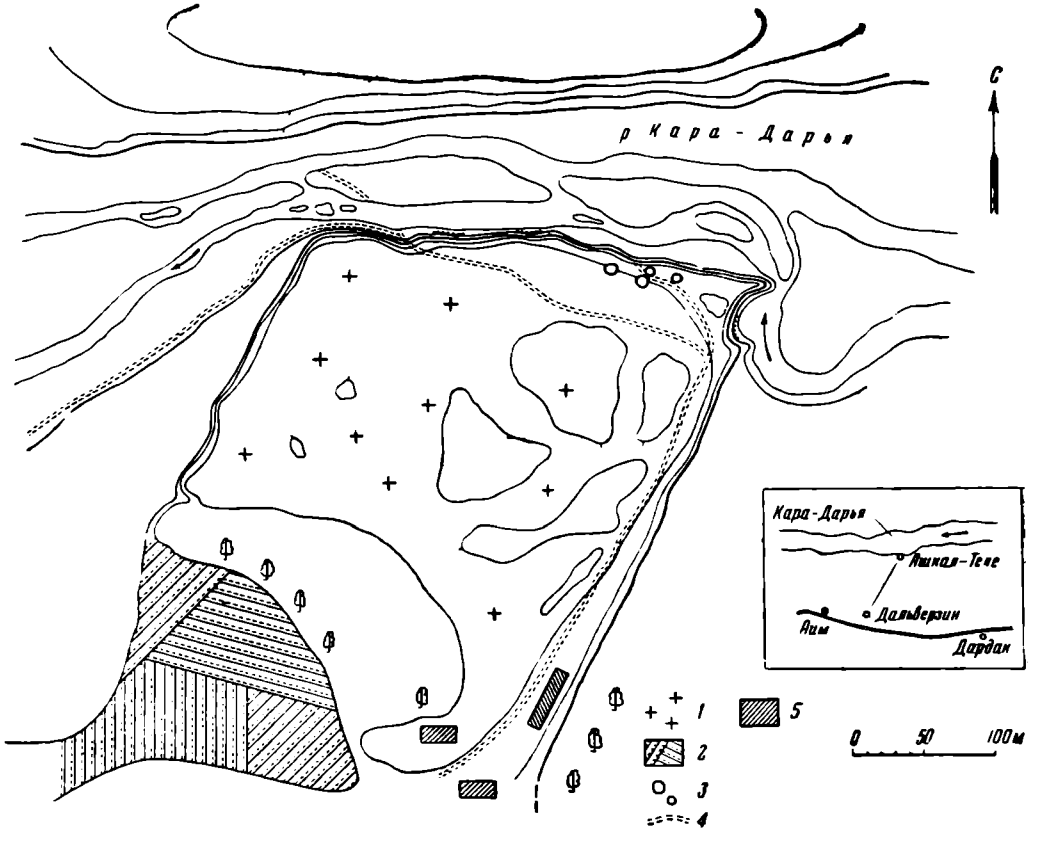


Рис. 1. План поселения Ашкал-Тепе

1 — современное кладбище; *2* — хлопковое поле; *3* — современные обжигательные печи; *4* — дорога; *5* — современные постройки

На Ашкал-Тепе собрано более 20 фрагментов с росписью, среди которых имеются оригинальные образцы. Наибольший интерес представляет богато и сложно орнаментированная глубокая чаша (диаметр горловины — 20 *см*). Орнамент ее состоит из вертикальных полос, заштрихованных сеткой, чередующихся с рядом узких клиньев, свисающих вершинами вниз, а также с вертикальными полосами, составленными из треугольников, образующих ромбовидные просветы (рис. 2, *1*). На обломке нижней части одного из сосудов изображена окаймленная прямыми линиями цепочка ромбов, заштрихованных сеткой (рис. 2, *9*). На других фрагментах встречаются треугольники, заштрихованные сеткой, ряды узких клиньев и другие элементы, типичные для керамики чустской культуры. Кухонная посуда представлена обломками сосудов с шаровидным туловом и низким широким горлом (рис. 2, *12*).

Приведенные материалы дают основание отнести Ашкал-Тепе к числу поселений чустской культуры.

Нахождение второго большого поселения (площадью около 13 *га*) на столь близком расстоянии от Дальверзина и в одинаковых с ним условиях заставляет поставить вопрос о природной среде, окружавшей эти поселения в эпоху бронзы, и в частности — вопрос о том, существовал ли в то время болотистый ландшафт, характерный для настоящего времени [5]. На

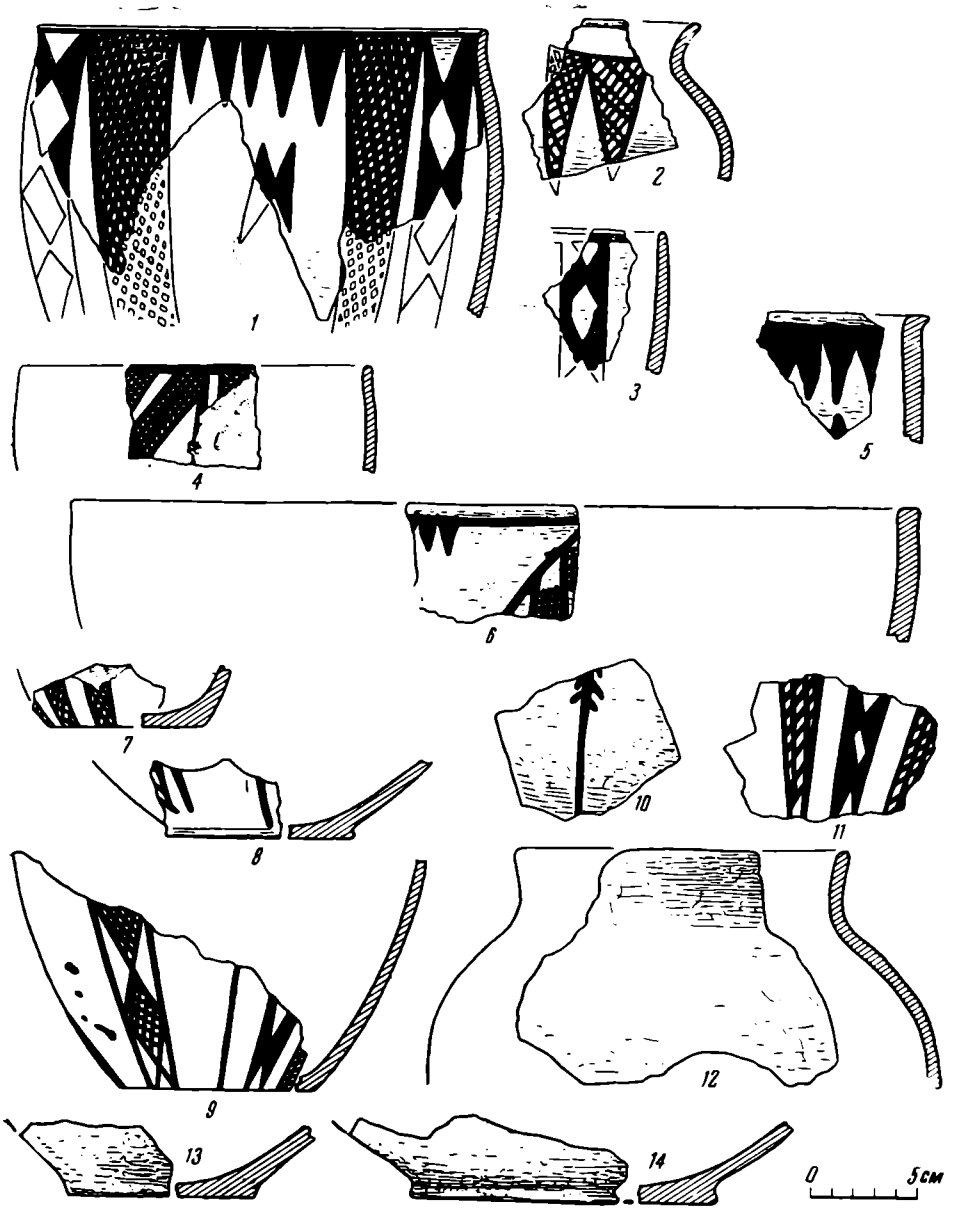


Рис. 2. Керамика поселения Ашкал-Тепе

1—11 — расписная керамика; *12—14* — керамика без росписи

большом участке первой надпойменной террасы на левобережье Кара-Дарьи к северу и к востоку от Аима, кроме двух рассматриваемых поселений эпохи бронзы, не обнаружено памятников других эпох. Памятники более позднего периода (тепе и городища с красноангобированной керамикой последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, а также средневековые поселения) находятся значительно южнее, на более воз-

[5] О развитии примитивного земледелия на заболоченных участках поймы см. Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 18.

вышенных местах — в начале второй надпойменной террасы, севернее с. Курган-Тюбе и в с. Дардак. Следовательно, можно полагать, что условия жизни в районе Дальверзина были благоприятными именно в эпоху бронзы. Показательно в этом отношении также отсутствие следов более позднего заселения и Дальверзина, и Ашкал-Тепе, жизнь на которых, очевидно, одновременно прекратилась примерно в VIII—VII вв. до н. э. и позже не возобновлялась. Аналогичная картина засвидетельствована и на Чустском поселении [6]. Можно предполагать, что изменения физико-географической среды, которые привели к усилению заболачивания этого района, вследствие чего земледелие здесь стало невозможным, произошли в конце существования поселений чустской культуры, в первой четверти I тысячелетия до н. э.

Изменение топографии поселений Аимского района в последующие периоды, однако, может быть объяснено не только изменением природных условий. В этом процессе, очевидно, определяющее значение имело изменение форм хозяйственной деятельности населения в связи с переходом на грани бронзового и железного веков к более развитым формам ирригационного земледелия.

С обнаружением Ашкал-Тепе расширяется круг известных в Фергане поселений культуры расписной керамики бронзового века. Всего в настоящее время в Ферганской долине зарегистрировано 18 памятников чустской культуры: десять поселений (Чуст, Дальверзин, Ашкал-Тепе, Шор-Тепе и Заргулдак-Тепе, Тергаучи, Гурмирон, Яз-Тепе, и Тюря-Курган, а также Чакан на трассе БФК) и восемь отдельных мест находок керамики в разных пунктах долины. Памятники этой культуры встречаются в северной, южной и восточной частях долины. Но большинство известных сейчас памятников находится в восточной части Ферганской долины, где расположены пять поселений и четыре пункта находок керамики. Такая концентрация поселений и отдельных находок культуры расписной керамики в Восточной Фергане позволяет предполагать там значительное развитие земледельческой культуры бронзового века. Вполне возможно, что здесь в силу особых благоприятных физико-географических условий сложился в бронзовом веке крупный центр оседло-земледельческого населения Ферганы, создателей чустской культуры.

Находки керамики чустского типа в Узгене и Дунбулаке, в Кара-Дарьинском оазисе и в Шалтаке свидетельствуют о проникновении земледельческой культуры эпохи бронзы в районы, входящие ныне в состав Южной Киргизии. Сосредоточение памятников чустской культуры на востоке Ферганской долины, очевидно, не случайно и, может быть, находит объяснение в существовании связей между населением Ферганы бронзового века и населением соседнего Синьцзяня (Китай) [7]. Однако оснований для утверждения о китайском происхождении чустской культуры (от культуры яншао) равно как и о непосредственной преемственности от культуры Анау в Южном Туркменистане, у нас нет. Наоборот, имеющиеся материалы позволяют говорить о своеобразии чустской культуры и об определенной самобытности ферганского очага культур крашеной керамики.

---

[6] Исключение составляет стратиграфическая картина, обнаруженная на 13 участке БФК, где возле с. Чакан были вскрыты остатки поселения с культурой чустского типа. В нижних слоях его находилась керамика чустского облика, а в верхних слоях — керамика с красным ангобом времени рубежа нашей эры. См. Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве БФК. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1951, стр. 32—33.

[7] О связях чустской культуры с Синьцзяном и о значении их см. «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1956, стр. 30; С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 39—40; В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 53.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ЗЕМЛЯНОЙ СКЛЕП НА ГОРЕ МИТРИДАТ

В 1956 г. при рытье экскаватором траншеи для водопровода в г. Керчи на 1-й Предельно-Нагорной улице против дома № 13 был обнаружен вход в склеп.

Пантикапейская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР произвела исследование этого склепа (рис. 1).

Экскаватором была разрушена верхняя часть входного колодца, шириной 0,57—0,62 *м* и длиной более 1,5 *м*, вырытого отвесно до глубины 3 *м*.

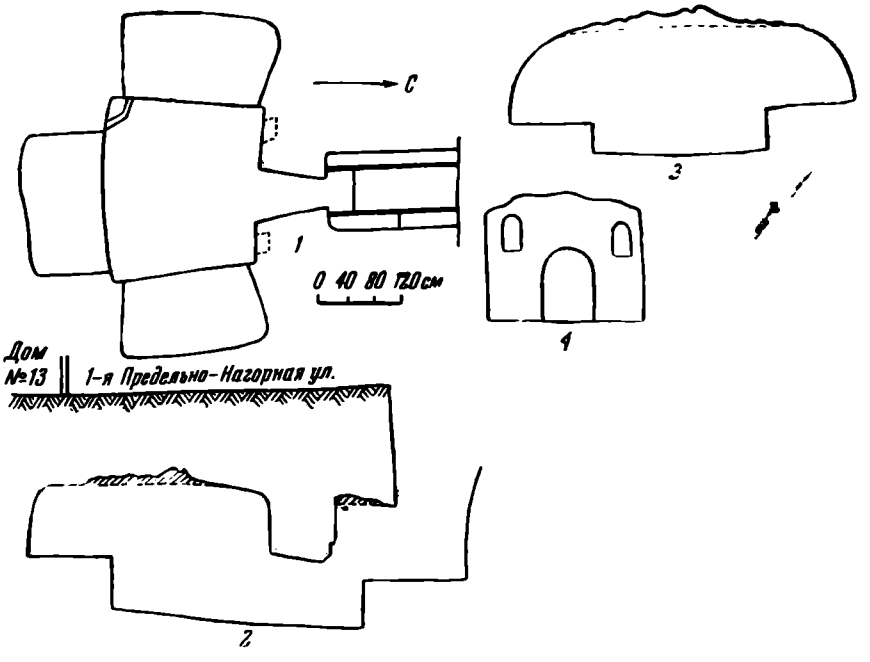


Рис. 1. Земляной склеп на горе Митридат

1 — план; *2* — разрез по оси с севера на юг; *3* — разрез по оси с востока на запад; *4* — фас северной стены камеры

Боковые стенки его обложены большими плитами мягкого песчаника для предотвращения обвала рыхлых верхних слоев грунта [1]. Внизу у южной стороны колодца сделан подбой высотой 1 *м*, а затем уступ вниз (0,72 м), создающие небольшую площадку перед входом в склеп. Вход имеет, как обычно, полуциркульный свод. По направлению к камере вход расширен, его длина — 1,06 *м*, ширина со стороны камеры — 0,80 *м*, со стороны колодца — 0,53 *м*, высота — 1,05 *м*. Обычной закладной плиты с наружной стороны входа не оказалось; она, видимо, вынута грабителями, вследствие чего в склеп засыпалась в небольшом количестве земля, лежавшая главным образом у входа. Вход ведет в четырехугольную камеру с тремя лежанками, раскинутыми веером по трем ее сторонам, за исключением северной, где находился вход.

Склеп высечен в материковом твердом глинисто-песчаном грунте желто-серого цвета. Для устройства применена была кирка, следы которой хорошо сохранились на стенах, особенно над входом; кирка имела заостренный граненый конец.

---

[1] Укрепление стенок колодца камнем встречается не часто. Такой прием имел, например, место в расписных склепах Сорака Соракова (АДЖ, стр. 245) и Стасовском 1872 г. (АДЖ, стр. 294).

В целом сохранность сооружения оказалась хорошей, только от потолка отслоилась часть грунта и упала на пол и лежанки, обнаружив проходящий над склепом пласт рыхлой скалы. Этот факт хорошо объясняет расчет строителей: пласт каменисто-скального происхождения предохранял на тысячелетия потолок от обвала. Потолок, единый для камеры и лежанок, был почти плоским и скругленным по углам; пол довольно ровный, поднимающийся под углом 4—5° с севера (от входа) и на юг (к задней стене). Пол в своей наиболее низкой части (у входа) лежит на глубине 3,40 *м* от поверхности современной улицы. Южная (задняя) часть камеры оказалась лежащей под домом № 13 по 1-й Предельно-Нагорной ул.

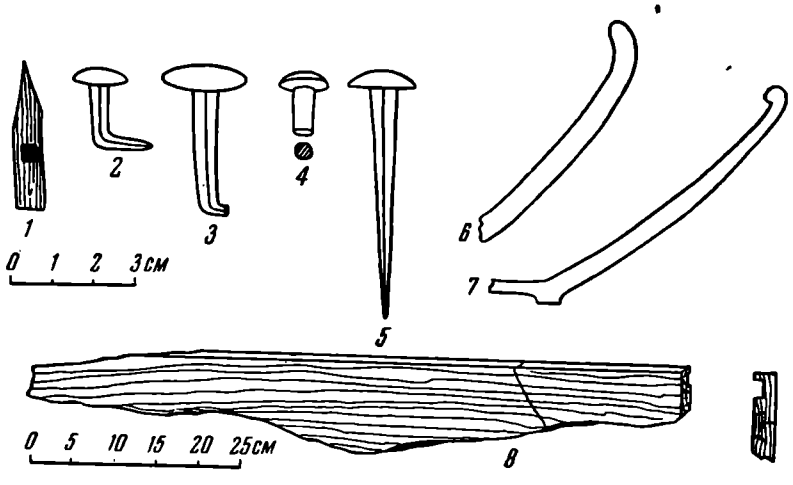


Рис. 2.

1 — кусочек доски от гроба с гнездом от гвоздя; *2* — *5*— железные гвозди; *6*, *7* — фрагменты краснолаковых мисок; *8* — доска от гроба с восточной лежанки

Стены камеры не оштукатурены, не покрашены и не имеют никаких надписей. Размеры камеры (без лежанок): высота — 1,90 *м* ширина (с севера на юг) — 2,15 *м*, длина (с запада на восток) — 2,55 *м*. Как камера, так и лежанки не имеют правильных геометрических форм.

Восточная и западная лежанки, подобно полу, имеют небольшой наклон с юга на север, южная немного наклонена с запада на восток. Размеры лежанок: восточной — длина 1,93 *м*, ширина 1,25 *м*; западной — длина 1,92 *м*, ширина 1,27 *м*; южной — длина 2,05 *м*, ширина 1,13 *м*. Лежанки расположены выше уровня пола: восточная — на 0,45—0,52 *м*; западная — на 0,89 *м*; южная — на 0,70—0,95 *м*.

По обеим сторонам от входа в стене вырублены две ниши со скругленным верхом; восточная — на высоте 0,94 *м* от пола, западная — на 1,02 *м*; ширина их — 0,30 *м*, высота — 0,48 *м*; глубина восточной — 0,18 *м*, западной — 0,23 *м*. В обеих нишах найдены мелкие осколки тонких стеклянных бальзамариев. Ниши служили для установки светильников, как об этом свидетельствует копоть, сохранившаяся на задних стенках и потолках их.

Особенностью устройства камеры является наличие в юго-западном ее углу тупоугольного в плане выступа высотой 0,91 *м* от пола. Поверхность выступа ровно срезана, образуя площадку-столик (0,26 × 0,35 *м*). На высоте 0,41 *м* выступ имеет уступ шириной 0,02—0,05 *м*. По-видимому, площадка на выступе служила для постановки предметов, следовавших за покойником в могилу, вместо столиков-треножников, иногда помещаемых в гробницах.

Склеп найден разграбленным. Ограбление произведено, надо полагать, в недавнее время, поскольку через открытый вход земли набралось немного.

На полу найдено несколько железных гвоздей, осколков стекла и маловыразительных фрагментов керамики позднеантичного времени. Некоторые из них, лежавшие близко от входа, возможно, упали сверху. На восточной лежанке обнаружена часть человеческого черепа, большой кусок доски от гроба (рис. 2, *8*), фрагменты стеклянных сосудов, краснолаковых мисок и большое количество железных гвоздей. На южной лежанке — большая берцовая кость погребенного, два куска доски от гроба, желез-

Рис. 3.

1, 2 — стеклянные флаконы из склепа; *3* — железная скоба; *4* — железный гвоздь с остатками доски

ные гвозди и мелкие фрагменты стеклянных сосудов; на западной — такие же находки, но в меньшем количестве, а также некоторое количество мелких камней.

В северо-западном углу комнаты на полу находилась куча мелких необработанных камней (известняк). Происхождение их непонятно; возможно, они служили подстилом гробам [2].

Судя по размерам лежанок, они были амфикефальными (для двух гробов). Гробы сделаны из кипарисовых досок [3], покрашены (цвет краски трудно определить) и сбиты железными гвоздями. Сохранившийся большой фрагмент доски толщиной 2,5 *см* имеет паз, в который вставлялись доски дна. Доски продольных сторон на концах подтесаны до толщины 1,4 *см* для лучшего скрепления гвоздями. Все гвозди железные, кованые, средних размеров, но не стандартные; в большинстве случаев они четырехгранные, но есть и со скругленными гранями; шляпки широкие, выпуклые. У некоторых гвоздей концы немного согнуты, у других — под прямым углом. На восточной лежанке найден фрагмент железной скобы

[2] Имеются примеры, когда гробы в катакомбах стояли на камнях. (См. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1908 г. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 79, № 33). В близкой нашей по форме, времени и расположению катакомбе на 2-й Нагорной улице гробы также стояли на камнях (ИАК, вып. 30, 1909, стр. 23—24, № 83).

[3] Древесина определена Г. Н. Лисицыной.

ст гроба (рис. 3, *3*). На восточной же лежанке найден кусок железного черенка рукоятки меча, скованный из двух полос. Черенок принадлежал большому массивному мечу, какие применялись на Боспоре в III—IV вв. н. э. [4].

В гробнице, видимо, было много стеклянных сосудов. По сохранившимся фрагментам можно насчитать шесть-семь экземпляров. Один флакон почти полностью склеен; его форма характерна для позднеантичного времени, как и форма некоторых других фрагментов стеклянных сосудов (рис. 3, *1, 2*). Фрагменты керамики, найденные на лежанках и на полу около них (несомненно, от сосудов, входивших в состав погребального инвентаря), к сожалению, дробны и маловыразительны. Края краснолаковых мисок (рис. 2, *6, 7*) относятся к III—IV вв. н. э.

Таким образом, погребения в склепе и устройство самого склепа следует отнести к позднеантичной эпохе — III—IV вв. н. э. Этой дате не противоречит и форма самого склепа.

Несмотря на то, что количество пантикапейских земляных склепов, представляющих значительный культурно-исторический интерес, огромно, они в достаточной степени не изучены. Тем не менее на основании датированных памятников можно сделать заключение о том, что в Пантикапее на протяжении I—IV вв. н. э. сосуществовали безлежаночные склепы и склепы с одной или несколькими лежанками. Однако до середины II в. н. э. преобладали склепы безлежаночные или с одной и двумя лежанками [5].

В III—IV вв. н. э. начали преобладать трехлежаночные склепы. Этот тип становится почти каноническим [6]. Иллюстрируя это положение, укажем, что из 36 склепов, открытых В. В. Шкорпилом в 1904 г. на Госпитальной улице [7] и датированных им III—IV вв. н. э. [8], 30 склепов имели по три лежанки.

---

[4] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 162.

[5] Для примера укажем хорошо известные ранние расписные склепы: без лежанок — склеп Алкима Гегисиппова (АДЖ, стр. 161, рис. 30), Анфестерия (АДЖ, стр. 170, рис. 31), склеп 1891 г. (АДЖ, стр. 183, рис. 32); склепы с одной лежанкой I—II вв. н. э.: склеп 1873 г., Стасовский склеп 1872 г., склеп, раскопанный А. Ашиком в 1841 г. (АДЖ, стр. 227, рис. 49; стр. 295, рис. 58; стр. 346, рис. 65 и 66), и др.

[6] АДЖ, стр. 228.

[7] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 32—57.

[8] Его же. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 1.

И. П. БОГАТОВ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ г. МУРОМА

Существует мнение, будто первое летописное упоминание города Мурома в 862 г. «отнюдь не означает, что Муром, как русский город, уже существовал в середине IX века» и что «русский город Муром возник в конце X, а вернее, в начале XI века» [1].

Главным основанием для такого утверждения являются якобы данные археологических раскопок в г. Муроме. По мнению Е. И. Горюновой, раскопки показали, что: 1) «в IX в. и даже в начале XI в. на месте Мурома был ряд муромских деревенских поселков», 2) «наличие языческих кладбищ муромы (муромский могильник, курганы около него, упомянутые в

---

[1] Е. И. Горюнова. К истории городов Северо-Восточной Руси. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 12—14. Еще раньше это утверждение высказано в ее же статье «Муромский могильник». КСИИМК, вып. 52, 1955, стр. 33—42.

писцовой книге г. Мурома 1637 г., и курганы на Богатыревой горе.— *И. Б.*) в центре современного города является очевидным свидетельством того, что до конца X или даже до начала XI века Муром не был ни в какой мере русским городом»; 3) «только с начала XI века в культурном слое города (точнее, Николонабережного селища.— *И. Б.*) появляются вещи, которые бесспорно могут быть связаны со славянским населением, появившимся не ранее этого времени» [2].

Однако более детальное ознакомление с материалами археологических исследований в г. Муроме никак не подтверждает таких выводов, а следовательно, и утверждения Е. И. Горюновой о появлении русского города Мурома в XI в. Так, список деревенских поселков муромы на месте Мурома включает только Кремлевскую гору, Николонабережное селище и Пятницкое селище. Но Пятницкое селище являлось местом обитания славян XI—XII вв., а не муромы, так как керамика с этого селища на 80% состоит из посуды курганного славянского типа [3]. Муромским около селища был Пятницкий могильник, раскопанный Ф. Я. Селезневым (1924—1925 гг.) и К. Я. Виноградовым (1937 г.).

Следует отметить, что славянское селище и могильник муромы не входили в черту раннего города Мурома, о происхождении которого идет разговор, и были отделены от него большой береговой полосой, лишенной культурного слоя.

На Кремлевской горе и Николонабережном селище, отделенном от первой только оврагом, при раскопках в 1946 г. обнаружен нижний слой с лепной керамикой муромского типа, большим количеством костей домашних животных и единичными вещевыми находками.

Но это говорит о том, что археологические раскопки 1946 г. открыли не «ряд деревенских поселков», а одно селище муромы, расположенное по обоим берегам оврага. Это же не только не опровергает летописного упоминания о русском Муроме в 862 г., а, наоборот, подтверждает точность сообщения летописца: «...и по тем городам суть находницы Варязи (т. е. Русь.— *И. Б.*), а первими насельници... в Муроме — мурома» [4].

Не более убедительно и второе доказательство Е. И. Горюновой. Наличие языческих кладбищ муромы в центре современного г. Мурома не являлось бы «очевидным свидетельством» правильности этого доказательства даже в том случае, если бы было твердо установлено, что на этих кладбищах мурома хоронила своих покойников вплоть до XI в. Оно означало бы, что на Николонабережном селище люди из племени мурома долгое время жили совместно с русскими, что подтверждается находками в русском слое не только курганной, но и лепной керамики. Тем менее убедителен этот довод, что датировку Муромского кладбища XI веком надо признать неправильной. Эту дату Е. И. Горюнова определила по женским погребениям №№ 1 и 2 [5]. Ориентировка же головы обоих этих погребений на север характерна для VIII—X вв., а не для XI в. Среди могильного инвентаря мы находим бронзовый косник, спирали от дуги головного убора, височные кольца с щитковым запором, обоймицы от широкого ремня, характерные для женских погребений муромы второй половины IX—X вв. Ничего напоминающего курганный могильный инвентарь в нем нет; а для XI в. характерно обеднение инвентаря в погребениях, сходство его с инвентарем «русских» курганов XI в. Женские погребения Муромского мо-

---

[2] Е. И. Горюнова. К истории городов..., стр. 13.

[3] См. отчеты Д. Н. Эдинга и Ю. Медведева, И. П. Богатова о раскопках Пятницкого селища (Научный архив Муромского краеведческого музея, № 132); см. также А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 151. Ссылка Е. И. Горюновой на «Археологические исследования в окрестностях Мурома» Ф. Я. Селезнева (Тр. Владимирского гос. обл. музея, вып. II, 1925, стр. 18) неверна. Он ничего не знал о Пятницком селище и в своей статье ничего о селище не пишет.

[4] Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 19.

[5] Е. И. Горюнова. Муромский могильник, стр. 40.

гильника относятся именно к стадии «F», датируемой второй половиной IX—X веков, а не к XI в.[6].

Другие вещи — бронзовые шейные гривны с грибовидным запором, бронзовые браслеты, спиральные нарукавники и кольца, шумящие подвески на груди, на поясе, на обуви, серебряные лунницы и др.— тоже не дают никакого права датировать погребение XI веком.

Племя муромы было не уничтожено славянами, а ассимилировано ими. Это произошло не сразу. Что же удивительного в том, что мурома, продолжавшая жить на своем селище, долгое время и после появления славян хоронила своих покойников на старом своем кладбище. Надо еще добавить, что могильник в VIII—X вв., по-видимому, находился вне (а не в центре) древнего города Мурома, «за осыпью» (как говорится в писцовой книге г. Мурома 1637 г.). Также вне древнего города (за оврагом, на юг от него) лежали и курганы на Богатыревой горе, где, кроме них, не было никакого могильника[7]. Смешанная коллекция вещей, найденных не только на Богатыревой горе, не может быть археологическим источником.

Остается третий аргумент Е. И. Горюновой — датировка русского слоя на Николонабережном селище XI—XIII веками.

Вообще говоря, трудно давать такую датировку на основе раскопа на 25 *м*^{2} и 3,5 *м* глубиной[8] для того, чтобы опровергнуть летописную дату.

Просматривая «Отчет» Н. Н. Воронина и Е. И. Горюновой и «Опись материалов раскопок 1946 г. у Николонабережной церкви», мы видим, что авторы отчета выделяют на основе анализа керамики три слоя:

Слой	Глубина в *см*	Муромская	Курганная	Красная	Поздняя
Перекопанный	0—130	24	432	95	93
Русский	130—350	226	708	63	—
Муромский	250—350	74	—	—	—

Характерно, что «русский» слой от выше- и нижележащих слоев отделяется прослойками золы и угля (результат былых пожаров). Нас интересует главным образом «русский» слой. На основании тех же источников разбиваем его на отдельные горизонты:

Глубина слоя в *см*	Муромская	Курганная	Красная	Поздняя	Булгарская
130—190	89	511	39	—	1
190—210	57	69	11	—	5
210—230	25	81	13	—	—
230—250	55	47	—	—	—

Выделяется горизонт (глубина 190—210 *см*), в котором представлена булгарская керамика. И нельзя не согласиться с мнением авторов «Отчета», что этот горизонт «отвечает периоду мирных связей с булгарами после Владимирова договора», т. е. после 1006 г. и до 1088 г.— времени первого нападения булгар на Муром.

Материал, обнаруженный в этом горизонте, вполне подтверждает его датировку XI в. Из этого горизонта извлечены четыре бусины, из которых синяя битрапецоидная и золоченая боченкообразная подтверждают датировку XI в. (точнее, X—XII вв.). Находки в этом горизонте четырех шиферных пряслиц (из восьми, найденных в раскопе) и одного костяного гребня тоже как будто не противоречат датировке горизонта (глубины 190—210 *см*) XI в.

---

[6] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. СА, II, 1937, стр. 53, 55.

[7] К. Тихонравов. Археологические исследования во Владимирской губ. Тр. Владимирского губернского статист. комитета, вып. II, Владимир, 1864.

[8] Отчет Н. Н. Воронина и Е. И. Горюновой хранится в научном архиве Муромского краеведческого музея под № 343.

Но ведь под этим горизонтом XI в. лежат еще два, из которых один (глубина 230—250 *см*) явно переходного характера (керамика наполовину лепная и наполовину «русская»); вещи в нем отсутствуют, и горизонт от муромского слоя отделен следами пожара. Таким образом, русский слой следует датировать не XI—XII вв.

Е. И. Горюнова пытается в качестве доказательства своего утверждения о появлении русского города Мурома в XI в. использовать и ряд исторических данных. Она считает, что князь Глеб Владимирович в 988 г. получил в удел якобы не город Муром, а муромскую землю. Однако Е. И. Горюнова ссылается при этом на типичное житие XVI в., не являющееся источником о событиях X в.

Дату основания русского Мурома в начале XI в. трудно примирить с тем фактом, что Муром с 1097 г. занял во вновь образованном мурорязанском княжестве положение главного города, где на княжеский престол садились старшие ярославичи (муромские).

По исследованию А. Л. Монгайта [9], Рязань, занимавшая в княжестве «младшее место», стала русским городом в XI в.

Едва ли десяток лет разницы в возникновении Мурома и Рязани (если признать утверждение Е. И. Горюновой, что Муром основан в XI в). мог послужить основанием для различия в их политическом положении в конце XI в.

Таким образом, ни археологические, ни исторические данные не дают основания оспаривать дату (862 г.) первого летописного упоминания Мурома как русского города.

[9] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 194.

А. Г. ВЕКСЛЕР

МАЙОЛИКОВАЯ ПЛИТКА XII в. ИЗ СОБРАНИЯ СМОЛЕНСКОГО МУЗЕЯ

В коллекции Смоленского музея из раскопок 1908 г. имеется обломок декоративной поливной плитки (рис. 1) [1]. Она поступила в Смоленский областной краеведческий музей из Смоленского историко-археологического музея, где она значилась как «плиточный кусок XII века из раскопок Борисоглебского монастыря на Смядыни в городе Смоленске» [2]. В эту же коллекцию входят плинфы с клеймами, куски штукатурки с остатками фресок, голосники, гвозди и куски свинцовых листов от кровли.

Развалины храма на Смядыни раскапывались неоднократно: в 1883 г.— А. С. Уваровым, в 1907 г.— Н. В. Никитиным и В. А. Поповым, в 1908 г.— А. В. Милеевым. Открытые руины были названы остатками Борисоглебского храма, построенного в 1145 г. князем Ростиславом Мстиславовичем «на крови князя Глеба» [3].

О находке в 1908 г. А. В. Милеевым цветных «поливанных» плиток сообщает участник раскопок И. И. Орловский [4].

Роспись публикуемой плитки носит уникальный характер. На желтую и коричневую матовую фоновую поливу нанесена блестящая полива темно-красного, белого глухого и бирюзового цветов (последний совершенно не

[1] Инв. № СОМ 7086.

[2] Научный архив Смоленского музея, д. 186, стр. 44.

[3] Летописи Тверская, Новгородские 1-я и 4-я, Никоновская.

[4] И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. Смоленская старина, вып. I, ч. 1, Смоленск, 1909, стр. 294. Отчет самого А. В. Милеева не опубликован.

типичен для древнерусской керамики и встречен впервые). Полива на плитке разлита ровно, толщина ее в разных участках 4—7 *мм*. Оригинален растительный орнамент. Это не просто стилизованные цвета, характерные для древнесмоленского искусства, а вполне конкретные, декоративно раскрашенные бутон колокольчика, цветы раскидистого колокольчика (Campanula patula) и анютины глазки (Viola tricolor) со стеблями и листьями. Рисунок ярок и свеж по краскам, сделан в живописной манере. Живописная тонкость колорита и мастерство поливной рецептуры соединяются с тонкой техникой самой окраски.

Рис. 1. Майоликовая плитка из Смоленского музея

Тесто плитки розовое, очень плотное, без примесей, хорошего обжига. Совершенно необычен ее размер, близкий плинфовому кирпичу. Толщина ее 3,5 *см*, ширина ее была около 23 *см*. Сохранившийся борт подтесан и имеет небольшой (около 35°) скос к оборотной стороне.

Такими плитками, вероятно, были декорированы стены в важнейших частях храма и местах, где были замурованы княжеские гробницы. Одна из гробниц, выдолбленная из целого известкового камня и приписываемая князю Давиду Ростиславовичу, была найдена в 1835 г. в развалинах Борисоглебского храма и в настоящее время находится в Смоленском музее.

Публикуемая находка свидетельствует о высоком расцвете смоленского прикладного искусства XII в. и указывает на развитое ценинное дело в Смоленске — крупном ремесленном центре домонгольской Руси.

В. Б. ГИРШБЕРГ

НАДПИСЬ 1501 г. ИЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

В архиве Московской областной научно-реставрационной мастерской хранится фотоснимок[1] верхней части белокаменной надгробной плиты 1501 г. Надпись на нем гласит: «В лето 7010-е месяца ноября 21 на память святыя великомученицы Екатерины преставися раб божий благоверный князь Александро [Василь]евичь Оболенскы» (рис. 1).

[1] Инв. № 1225. Фото 13. VI 1940 г.

Характерный для начала XVI в. орнамент из мелких равнобедренных треугольников, составляющих обводную рамку плиты, полукруглое клеймо с таким же узором, палеографические особенности надписи — все подтверждает начертанную на камне дату.

Отчество умершего — «Васильевич» — устанавливается Софийской и Воскресенской летописями [2]. Сохранившаяся в шестой строке часть отчества этому не противоречит. В Псковской I летописи отчество не названо,

Рис. 1. Верхняя часть надгробия кн. А. В. Оболенского

но гибель кн. А. В. Оболенского описана языком, близким к былинному: «И ouслышавши воеводы великих князей, что под Гельменем городком сила немецкая юрьевская, и изъясачившася и поидоша на них и начаша с Нѣмцы битися: и на первом сступе оубиен бысть господинъ князь Александръ Оболеньскои, за святыя церкви, и за псковскую обиду. И биша поганых Немец на 10 верстах, и не оставиша ни вестоноши; а не саблями свѣтлыми сѣкоша их, но биша их москвичи и Тотарове, аки свинеи, шестоперы» [3].

Во всех летописях днем гибели кн. А. В. Оболенского показано 24 ноября, а на надгробной плите — 21 ноября. Это незначительное расхождение объясняется, вероятно, ошибкой резчика.

Летописи называют трех князей Александров Оболенских, живших в XV—XVI вв.

1. Князь Александр Васильевич Оболенский, воевода Ивана III, участник его новгородских походов и взятия Казани; в 1493 г. он взял Серпейск и Опаков, в 1501 г. был послан в Ливонию и погиб под Гелменом [4].

---

[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 24, 47, 243; т. VIII, стр. 241.

[3] Псковские летописи, вып. I, М.— Л., 1941, стр. 86—87; ПСРЛ, т. IV, стр. 275.

[4] ПСРЛ, т. IV, стр. 135, 156, 161, 275; т. VI, стр. 24, 36, 47, 207, 209, 211, 212, 240, 243; т. VIII, стр. 185, 187, 189, 190, 217, 225, 241; т. XXV, стр. 313; Иоасафовская летопись. М., 1957, стр. 99, 101, 104, 106, 126, 143, 185,

2. Князь Александр Васильевич Оболенский-Кашин, боярин, в 7049 г. был послом Ивана IV в Крыму [5].

3. Князь Александр Оболенский-Стрига, наместник Козельский, в 7015 г. был послан к Белеву для предупреждения татарского набега, совместно с другими воеводами разбил татар [6].

Кашин и Стрига отпадают, так как пережили 7010 г.

Род Оболенских погребался в Троице-Сергиевой лавре. Старец Варлаам, певший на левом клиросе Троицкого собора, умерший в 1526 г. и похороненный в лавре, был сыном князя Александра Васильевича, погибшего в 1501 г. [7] Князь А. В. Оболенский входил в состав боярской думы Ивана III [8]. Но боярский чин Оболенского не отмечен его надгробной надписью. Однако в ней термином «благоверный князь» подчеркнуто происхождение погребенного от независимых владетельных предков [9].

Для XVI в. в Москве и Подмосковье нам известны 34 надписи представителей княжеских фамилий. Надписи называют имена 44 человек [10]. Княжеское достоинство отмечено для каждого мужчины, а служебный чин их ни разу не показан [11]. Объяснять это следует отсутствием традиции упоминать в надгробиях крупных феодалов московскую службу. Вероятно, создание подобной традиции встречало сопротивление со стороны княжеских родов, среди которых были еще очень свежи воспоминания о былой самостоятельности. Перелом наступает в начале XVII в., с этого момента надписи княжеских надгробий указывают чины московской службы.

Надгробие 1501 г.— старейший в Подмосковье могильный камень, в надписи которого замалчивается думный чин погребенного. Подобный факт — проявление далеко не заглохших воспоминаний княжат о своем владетельном происхождении, о былой независимости. Здесь видно явное желание не признавать великого князя московского своим единственным законным сюзереном, сохранить свободу выбора господина, а в случае размолвки с последним — право на «отъезд».

---

[5] ПСРЛ, т. VIII, стр. 295.

[6] ПСРЛ, т. VI, стр. 246.

[7] Список погребенных в Троице-Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 г. М., 1880, №№ 808б—811, 813, стр. 75—76.

[8] А. А. Зимин. Состав боярской думы в XV—XVI веках. Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 45.

[9] Термин «благоверный» в титуле московских великих князей и царей употреблялся до 1721 г.

[10] Из них лиц мужского пола — 22, женского — 22; Владимир Андреевич Старицкий упомянут шесть раз, князья И. Д. Бельский, И. М. Воротынский и Ф. И. Мстиславский — по два раза.

[11] 1) 7010 (1501) г.— благ. кн. А. В. Оболенский; 2) 7016 (1508) г.— кн. В. Б. Горбатый; 3) 7043 (1535) г.— благ. кн. И. М. Воротынский; 4) 7045 (1537) г.— кн. Ульяна, жена кн. И. С. Кубенского; 5) 7046 (1537) г.— благ. княжна Екатерина, дочь кн. И. М. Воротынского; 6) 7047 г. (1538) г.— благ. кн. В. В. Шуйский; 7) 7048 (1540) г.— благ. кн. Ф. М. Мстиславский; 8) 7050 (1542) г.— кн. Ульяна, жена кн. Е. Ю. Суцкого; 9) 7054 (1546) г.— кн. И. И. Кубенский; 10) 7067 (1558) г.— кн. И. Ф. Сисеев; 11) 7069 (1561) г.— княжна Анна, дочь кн. Ф. М. Шестунова; 12) 7070 (1562) г.— кн. Глинская, жена кн. В. М. Глинского; 13) 7074 (1566) г.— кн. И. А. Мстиславская; 14) 7079 (1570) г.— кн. М. Турунтаева, жена кн. И. И. Пронского-Турунтая; 15) 7079 (1570) г.— кн. Стефанида, жена кн. М. И. Воротынского; 16) 7079 (1571) г.— княжна Агрепена, дочь кн. М. И. Воротынского; 17) 7090 (1582) г.— благ. кн. Ф. И. Мстиславский; 18) 7097 (1588) г.— благ. княгиня инока Александра княжна Владимирова Ивановича Воротынского; 19) 7099 (1591) г.— кн. Федор Андреевич, сын кн. А. И. Голицына; 20) без года (первая четверть XVI в.) — кн. Паросковие, дочь кн. И. М. Воротынского; 21) без года (XVI в) кн. М. Кубенская; 22) без года (XVI в.) — Г. М. Морозова, дочь кн. М. Кубенского; 23) без года (XVI в.) — княгиня М. Оболенская-Кашина; 24) 7024 (1516) г.— княжна Агафия; 25) 7035 (1526) г.— кн. Конст. Данилович Зьялов; 26) 7069 (1561) г.— княжна Анна, дочь кн. И. Д. Бельского; 27) 7072 (1564) г.— княжна Татьяна, дочь старицкого кн. Влад. Андр.; 28) 7076 (1568) г.— княжна Анастасия, дочь старицкого кн. Влад. Андр.; 29) 7076 (1568) г.— кн. Федор, сын кн. Ив. Бельского, вероятно, брат умершей в 1561 г. княжны Анны; 30) 7078 (1569) г.— благ. княжна Марья, дочь старицкого кн. Влад. Андр.; 31) 7078 (1569) г — княгиня Евдокея, жена старицкого кн. Влад. Андр.; 32) 7078 (1569) г.— княгиня Ефросиния, мать старицкого кн. Влад. Андр.; 33) 7079 (1570) г.— княжна Евдокия, дочь старицкого кн. Влад. Андр.; 34) 7108 (1600) г.— княжна Евдокия, дочь кн. Фед. Ив. Мстиславского.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

Н. А. ОНАЙКО, М. Г. МОШКОВА

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Недавно в шести залах ГИМ открылась новая экспозиция, посвященная истории развития древних племен эпохи железа и раннего средневековья на территории СССР.

Эпоха I тысячелетия до н. э., ознаменованная появлением железных орудий труда, представляет собой один из интереснейших периодов развития человеческого общества. На современной территории Советского Союза в это время обитали многочисленные племена, истории которых и посвящена новая экспозиция V и VI залов выставки.

В первых шести витринах зала выставлены материалы по истории племен Южной Сибири и Алтая. По сравнению с предыдущей экспозицией этот раздел подвергся довольно серьезной перестройке. Впервые в витринах музея мы видим карту, повествующую о происхождении тагарской культуры. В X—VIII вв. до н. э. из таежных областей с северо-востока, с юго-востока и, наконец, откуда-то с запада в Минусинскую котловину проникают новые племена, антропологический тип которых отличен от живших здесь ранее карасукских племен. Не только карта, но и хорошо подобранные археологические материалы (бронзовые кинжалы, ножи, сосуд), ранее не представленные, дают возможность познакомиться с наиболее ранней стадией тагарской культуры.

Далее благодаря удачной компоновке материала дается четкая характеристика развитой тагарской культуры с известными для этих племен бронзовыми кинжалами, ножами, украшениями и зеркалами.

На отдельных планшетах выставлены вещи, свидетельствующие о существовании у тагарских племен скотоводства (бронзовые удила с псалиями), земледелия (серпы), военного дела (клевцы и кинжалы), а все в целом — о богатой культуре и своеобразной бронзолитейной металлургии. Необходимо отметить наличие в витрине графической реконструкции тагарского человека, что, несомненно, оживляет экспозицию.

Выставленная в витрине № 2 карта отражает распространение тагарской культуры в III—I вв. до н. э. к северу от Минусинской котловины в Ачинско-Мариинский район и в район Красноярска. Тагарская культура этого времени, одной из характерных особенностей которой являются миниатюрные погребальные наборы бытовых предметов и вооружения, также хорошо представлена в экспозиции (вещи из курганов в районе Ачинска). Здесь же мы знакомимся с зарождением новой культуры — таштыкской, знаменующей собой господство железа.

В витрине № 3 дана галерея погребальных масок из таштыкских могил. Выраженный на них довольно ясно физический тип таштыкского человека наглядно показывает, что эти племена не связаны с обитавшими здесь ранее тагарцами, а скорее всего пришли с запада, из районов андроновской культуры. Удачно сделан планшет с таштыкским оружием (случайные находки), на котором зритель видит замену бронзового оружия железным. Очень интересен набор деревянных предметов (бочонок, сосуд, изображения оружия в ножнах и т. д.).

Связи сибирских племен с далекими восточными соседями — китайцами, особенно усилившиеся в таштыкскую эпоху, представлены теперь не только китайским зданием на Енисее, но и набором бронзовых китайских зеркал, остатками тканей и т. д.

Показ новейших достижений археологической науки характерен для экспозиции всего зала. Так, например, в числе памятников большереченской культуры племен лесного Алтая нашел свое место Томский могильник, недавно изученный М. Н. Комаровой [1]. В VII—V вв. до н. э. в верховьях Оби и Томи расселились пришельцы из таежных областей, они ассимилировали андроновские и карасукские племена, обитавшие здесь ранее, и создали свою культуру, отличную от культуры племен горно-степного Алтая. Выставленный материал (бронзовое оружие, ножи, литейные формы для кельтов) свидетельствует о господстве у них бронзолитейной металлургии. Остается только пожалеть, что музей не располагает материалами большереченской культуры позже V в.

[1] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Зап. Сибири, МИА, № 24, 1952, стр. 7; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956.

до н. э. и поэтому не может воссоздать цельную картину жизни племен лесного Алтая. На наш взгляд, этот пробел должен был быть в какой-то степени восполнен в аннотации к этой витрине.

Несколько лучше иллюстрируется история племен горно-степного Алтая. Хотя и скудно, но без хронологических разрывов представлен материал VII—I вв. до н. э., повествующий нам о постепенном вытеснении бронзы железом и, наконец, полном господстве последнего. В витрине выставлены высокохудожественные деревянные изделия и украшения.

Очень бедно представлен раздел «Народы и государственные образования Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э.— V в. н. э.». Из новых материалов по этой теме следует отметить алкинское блюдо [2], свидетельствующее о связях Средней Азии с северными соседями, и совершенно уникальные части скульптур из буддийского храма VIII в. н. э. на Ак-Бешимском городище (Киргизская ССР, Чуйский район). Жаль, что отсутствует его реконструкция.

Многообразно и полно выставлены материалы ананьинской культуры. Однако, нам кажется, что для лучшего восприятия выставляемых вещей, помимо компоновки их по погребальным комплексам, могильникам и городищам совершенно необходимо дать тематические подборки, объединив по группам оружие, орудия труда (последнее особенно важно, так как более наглядно дает представление о хозяйстве племен, о занятии их земледелием и скотоводством) и другие вещи.

К сожалению, в этих витринах не выставлены имеющиеся в музее реконструкции физического типа и костюма ананьинских племен. Это оживило бы экспозицию.

Среди памятников дьяковской культуры (витрина № 7) весьма интересны остатки древнейшей металлургической мастерской VIII—VII вв. до н. э. (селище у с. Быки, Костромская обл.), а также полностью сохранившаяся деревянная лыжа из раннедьяковского слоя на Карашском торфянике в Ярославской области.

Витрина № 10 посвящена раннему периоду существования Урартийского государства и соседним районам. Здесь выставлена новая, хорошо выполненная прорисовка бронзовых пластинок ворот с холма Балават (близ Ниневии) с изображением похода ассирийского царя Салманасара III в Урарту (860 г. до н. э.). В этой же витрине экспонируются вещи знаменитого Кызыл-Ванкского могильника, значительно пополненные из фондов музея: расписные сосуды тонкой и изящной работы, бронзовое оружие, украшения в виде разнообразных бронзовых булавок, подвесок и многочисленных каменных и пастовых наборов бус.

Полученный в дар от Академии наук АрмССР материал из раскопок урартийской крепости VII—VI вв. до н. э. Тейшебаини позволяет посетителям познакомиться с этим замечательным памятником, его историей и трагической гибелью.

Разгром Урартийского государства не останавливает и не задерживает быстрое и успешное развитие культуры местных племен, которые с освоением железа вступают в фазу стремительного роста (вещи из могильника № 1 у с. Мирзик, Азербайджан).

Очень удачно сделаны новые тематические витрины (№№ 12 и 13) по истории закавказских племен X—VI вв. до н. э. Перед нами наглядно предстают быт и нравы этих народов, торговые и культурные связи их с переднеазиатскими государствами.

Витрины с вещами кобанской культуры (№№ 14 и 15) переделаны композиционно и хронологически. Весь материал выставлен в соответствии с делением кобанской культуры на две стадии: 1) конец I тысячелетия — VII в. до н. э. и 2) VI—III вв. до н. э. [3]. Следует отметить, что в витрине № 14 появился новый раздел, в котором сосредоточены сельскохозяйственные орудия труда, псалии и удила, каменная ступка для дробления руды, медные шлаки, литейные формы, глиняные сопла, обломки глиняных тиглей, наконец, бронзовые фигурки различных животных. Этот раздел демонстрирует хозяйственно-экономическое развитие племен кобанской культуры.

В новой витрине № 17 экспонируются предметы, характерные для племен так называемой культуры полей погребальных урн (вещи из могильников II в. до н. э.—V в. н. э. на территории Белоруссии) и юхновской культуры. Однако, на наш взгляд, было бы гораздо целесообразнее и логичнее весь материал из могильников полей погребальных урн, независимо от их районов, сосредоточить в одном месте и лучше всего в VII зале, где в витрине № 14 выставлены вещи из могильников этой же культуры II в. до н. э.— V в. н. э. из Правобережного Приднепровья. Перенесение в VII зал материалов из белорусских памятников обусловлено также тематикой зала, где мы видим дальнейшее развитие славянских племен, которым, несомненно, принадлежит основная часть могильников полей погребальных урн.

Очень серьезной перестройке подверглись витрины со скифо-сарматской экспозицией. Выделение лесостепной территории из состава собственно Скифии внесло ясность в изучение скифского периода в Северном Причерноморье [4].

---

[2] А. П. Смирнов. Новая находка восточного серебра в Приуралье. М., 1957.

[3] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА. 1957, № 1, стр. 56; Е. И. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 191.

[4] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 39—93.

В экспозиции разделяются памятники лесостепи VII—V вв. до н. э. (витрина № 18) и степи того же времени (витрина № 19).

Крупнейший ремесленный и культурный центр лесостепных племен — Бельское городище — представлено разнообразным материалом (орудия производства, предметы быта, реконструкция землянки и т. д.).

Впервые в экспозиции музея выставлены вещи, характеризующие культуру собственно скифов, в состав которых входили кочевые племена, занимавшие степи от Дуная до Дона и степную часть Крыма, и оседлые земледельческие, жившие по берегам Буга и Днепра. Несмотря на свою немногочисленность, выставленный материал (из раскопок П. О. Бурачкова и Н. И. Веселовского) дает представление о вооружении, конском снаряжении и предметах быта скифов.

Территория бассейна Кубани в VII—V вв. до н. э. была занята синдо-местскими племенами, культура которых испытывала большое влияние со стороны близлежащих греческих городов. Богатейшие погребения родовой знати (Костромской и Ульский курганы) дают как греческую керамику, так и высокохудожественные изделия меотских мастеров. Бронзовые удила и псалии, колокольчики и другие изделия говорят о высоком мастерстве синдо-меотов и о богатстве их культуры.

В то же время в VII—V вв. до н. э. далекие степи Поволжья и Приуралья были заселены сарматскими племенами, родственными европейским скифам.

Перед нами резные костяные изделия, образцы звериного стиля, хотя и близкого скифскому, но все же отличного от него, каменные алтарики-жертвенники, железные мечи-акинаки, наборы бронзовых стрел и тут же рядом ольвийские зеркала, говорящие нам о торговых связях с далеким Причерноморьем.

Савроматские материалы значительно пополнены из новых раскопок в Поволжье (с. Политотдельское) и Приуралье (Тара-Бутак).

Очень приятное впечатление производит экспозиция VI зала, отличающаяся большой компактностью и систематичностью в распределении материала.

Витрина № 1, экспонирующая памятники степных скифов IV—III вв. до н. э., пополнена материалом из Каменского городища. Очень интересны наборы орудий производства скифских ремесленников-металлургов. Богатство скифской знати демонстрируют перед нами погребальные комплексы из курганов Козел и Чертомлык.

Материалы из сарматских памятников поволжско-уральских степей, представлявших собой основную территорию формирования сарматских племен[5], объединены теперь в одной витрине (№ 5). Оружие, керамика, украшения и другие находки, импорт из городов Северного Причерноморья, экспонированные по хронологическим этапам, наглядно иллюстрируют историю поволжско-уральских сарматских племен.

Очень хорошо, что новая экспозиция значительно пополнена из последних раскопок в Поволжье (Политотдельский могильник).

В витрине № 4 выставлены материалы по истории Прикубанья III в. до н. э.— III в. н. э. Они рассказывают о постепенной сарматизации этих районов и об образовании там значительных сарматских массивов. Например, здесь экспонирована Зубовско-Воздвиженская курганная группа I в. до н. э.— I в. н. э., принадлежавшая, вероятно, сарматским племенам сираков[6].

В витрине № 6 мы знакомимся с материальной культурой сарматов Северного Причерноморья, представленной рядом богатых кладов (Воронежский и Янчокракский), которые свидетельствуют о богатстве этих племен и о далеко зашедшем процессе социальной дифференциации.

Можно только приветствовать совершенно верное с исторической точки зрения разделение по отдельным витринам кубанских, поволжских и украинских сарматских памятников, представляющих собой локальные варианты одной культуры.

В связи с продвижением сарматов на запад центр скифского государства переносится в степной Крым, в Неаполь скифский. Раскопки последних лет дали богатый материал по истории позднего скифского государства (витрина № 6). Обращает на себя внимание глиняная маска человеческого лица.

Очень любопытно здание храма, где сохранились куски штукатурки с фресковой декоративной росписью конца I—II в. н. э. На некоторых из них заметны изображения животных, сделанные по сухой штукатурке, очевидно, посетителями храма.

Прекрасно выполнена реконструкция всей стены храма, которая занимает простенок между арками, ведущими в зал «В». Выставлены новейшие материалы археологических раскопок: фрагменты штукатурки стен храма, мраморный постамент статуи с греческой посвятительной надписью.

VII зал выставки посвящен истории племен Восточной Европы в I тысячелетии н. э.— славянам, аланам, предкам современных народов мордвы, мари, чувашей, удмуртов, коми, ненцев, а также истории племен Сибири и Алтая этого времени. В целом эта экспозиция не подвергалась серьезным изменениям. Произведено лишь частичное обновление экспозиционного материала. Дополнены материалы Змейского катакомбного могильника, дьяковских городищ Соколовой горы у с. Успенского, святилища «Шелом» у с. Балымер (ТатАССР).

---

[5] К. Ф. Смирнов. Итоги и задачи изучения сарматских племен. СА, XVII, 1953, стр. 133.

[6] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 311.

Совершенно новый материал выставлен в витрине № 12. Здесь помещены вещи из Большеземельской тундры, найденные на жертвенном месте и стоянках по рекам Хейбиде и Пэдара и, очевидно, связанные с предками современных ненцев и летописной самоедью. Впервые выставляются материалы из могильников эстов I—IX вв. н. э.

Экспозиция залов «А», «Б», «В» объединена в основном одной темой — Северное Причерноморье в античную и средневековую эпохи. Сложившееся в начале V в. до н. э. Боспорское рабовладельческое государство занимало территорию Керченского и Таманского полуостровов. В него входили многие греческие города, история развития которых была тесно связана с историей местных племен. Среди них особенно большую роль играли скифские племена Восточного Крыма и синдо-меотские племена Таманского полуострова. Памятникам материальной культуры Синдики VI—V вв. до н. э. посвящена первая витрина зала «В». В ней показаны карты поселений, городов, многие из которых стали крупными торгово-ремесленными центрами, особенно в IV в. до н. э., когда Синдика вошла в состав Боспорского царства. Здесь выставлены образцы местного гончарного производства (из Фанагории) и греческие сосуды VI—IV вв. до н. э. из некрополей Гермонассы, Корокондамы, близ станицы Таманской. Они свидетельствуют о широких экономических связях жителей этих городов со средиземноморскими центрами.

Благодаря раскопкам последних лет в этой витрине впервые так полно и ярко представлена Гермонасса[7]. Мы видим большое разнообразие ранней привозной керамики, позволяющей теперь без сомнения считать, что город существовал еще в первой половине VI в. до н. э. Прекрасно сохранившаяся глиняная печь, зерна пшеницы, пряслица и рыболовные грузила, железные орудия труда, в том числе такая редкость, как нож виноградаря,— убедительный материал, характеризующий хозяйство и быт жителей Гермонассы. К числу новых ценных материалов, введенных в экспозицию, относятся синдские монеты конца V в. до н. э. и оружие.

Весьма существенно пополнился экспонатами уголок зала, где демонстрируется строительное дело одного из крупных греческих городов на Таманском полуострове — Фанагории. Теперь посетитель музея может подробнее познакомиться с техникой строительства и декора общественных и частных домов богатой рабовладельческой знати Азиатского Боспора.

В витрине № 2 выставлены материалы по греческим городам Керченского полуострова в VI—V вв. до н. э. Эта витрина обновлена коллекцией монет собственной чеканки боспорских городов: Пантикапея, Мирмекия, Нимфея. Среди них — монеты Кизика, имевшие обращение в Пантикапее в это время. Мелкие монеты удачно поясняются сильно увеличенными их фотографиями.

Раскопками 1956—1958 гг. открыто значительное количество архаических домов Пантикапея. Фотография одного из них дает представление о жилых постройках в период возникновения города. Выставленная керамика говорит о торговых связях Пантикапея с Аттикой, ионийскими центрами и Коринфом (к сожалению, отсутствует карта).

Наиболее широкий размах торговля получила с IV в. до н. э., в эпоху расцвета экономики и культуры Боспора, на что указывают тщательно составленные карты и хорошо подобранные экспонаты (монеты, предметы импорта) в витринах №№ 3 и 4.

В связи с развитием виноградарства, особенно в III—II вв. до н. э., получает распространение культ бога Диониса (выставлены глиняные статуэтки с его изображением). Другие терракоты передают образы божеств земледельческих культов Деметры и Матери Богини. Большое значение сельского хозяйства и хлебной торговли нашло отражение также и в особой эмблеме на пантикапейских монетах (колос и плуг).

Следует приветствовать включение в настоящую экспозицию зала темы «Боспор I в. до н. э.— IV в. н. э.» (витрины №№ 5 и 6). Это дает возможность посетителю проследить развитие боспорских городов на протяжении всей многовековой их истории. В период с I в. до н. э. по IV в. н. э. произошли большие изменения в экономике и социально-экономическом устройстве государства. С одной стороны, имел место второй расцвет Боспора, с другой — разложение рабовладельческой системы хозяйства. Необходимо отметить, что первая проблема освещена в экспозиции сравнительно полно, в то время как вторая иллюстрируется только одним, хотя и очень важным, памятником — копией манумиссии.

Остановимся на источниках, характеризующих первую проблему. Карта и вещественный материал в указанных витринах отражают торговые связи боспорцев теперь главным образом с городами южного побережья Черного моря (Синопа, Гераклея, Амис и др.), а также с центрами Малой Азии, Сирии и Египта. В экономике Боспора попрежнему большое значение имеет сельское хозяйство. Выставлены прекрасные образцы земледельческих орудий труда (мотыга, косы, лемех, плуг)[8]. Расширение рыбного промысла иллюстрируют рисунок комплексов рыбозасолочных ванн I в. н. э. из Тиритаки и рыболовные снасти. В этих же витринах размещены предметы, свидетельствующие об оживлении деятельности различных ремесленных мастерских в I—III вв. н. э.: сосуды, зеркала, пряжки, ювелирные изделия, глиняные статуэтки. Лучшим образцом изделий из дерева является саркофаг I в. н. э. из Пантикапейского склепа 1910 г.

---

[7] И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 58.

[8] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 57; его же. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 166 сл.

Много лет лежали в фондах музея недоступными для массового посетителя гипсовые налепы и терракотовые фигурки, украшавшие когда-то деревянные саркофаги. Сейчас они выставлены в одной из описанных витрин. Среди этих украшений имеются связанные с заупокойным культом гипсовые маски медуз, театральные трагические маски, терракотовые фигурки персонажей из мифа о Ниобидах[9] и т. д. Памятники скульптуры этого зала пополнились интересным надгробием местной работы I в. н. э., найденным на Таманском полуострове[10].

На предметах последних двух витрин наглядно иллюстрируется влияние сарматов на все области культуры Боспора в первые века нашей эры (монеты и зеркала с тамгообразными знаками, появление сарматской керамики и так называемого «полихромного» стиля в сарматском искусстве).

Наряду с новыми памятниками в экспозиции этого зала использованы и широко известные вещи, такие, как мраморный саркофат из Тамани, мраморный фриз из станицы Натухайской, а также копии росписей пантикапейского склепа 1872 г.

Следующий зал, «Б», посвящен истории греческих рабовладельческих государств Северо-Западного Причерноморья и Западного Крыма. У входа в зал выставлена ионийская керамика VII—VI вв. до н. э. из раскопок поселения на о. Березани — одного из самых ранних эмпориев, основанных греками в Северном Причерноморье[11].

Далее, по левой стороне зала размещены памятники из Ольвии: мраморные плиты с текстами постановлений народных собраний, витрины с различными экспонатами, характеризующими экономику и культуру этого города. Упорядочены и расположены в хронологическом порядке ольвийские монеты (витрина № 2). Среди них появились монеты Скилура, чеканившиеся в Ольвии в период ее подчинения царству Скилура. В VI—IV вв. до н. э. Ольвия становится одним из крупных торговых и ремесленных центров в Северо-Западном Причерноморье. В трех витринах представлены образцы привозной греческой керамики V—III вв. до н. э., оружие, бронзовые изделия, статуэтки, бусы и другие предметы, выставка которых значительно пополнена в новой экспозиции материалами фондов из раскопок Б. В. Фармаковского и Ю. А. Кулаковского. Демонстрируется часть греческого меча (махайра), известного зрителю до сих пор лишь по коллекциям Государственного Эрмитажа.

К первоклассным памятникам искусства, завезенным в IV в. до н. э. в Ольвию, относятся мраморная голова Зевса, принадлежащая школе Скопаса, и мраморное надгробие аттической работы с изображением двух женщин. Позднее на этом надгробии была высечена надпись в честь Аполлона, который почитался в Ольвии.

Здесь же показаны изделия ольвийских ремесленников: бронзовые и свинцовые предметы, посуда, терракоты, светильники, предметы культа (курильницы). Прекрасным образцом косторезного искусства ольвийских мастеров является фриз вырезанных из кости пальметок для инкрустации деревянного саркофага. Как известно, ремесленные изделия Ольвии получили большое распространение далеко за ее пределами; особенно это относится к предметам из бронзы. Тем не менее на карте «Торговые связи Ольвии в VI—II вв. до н. э.» (витрина № 3) показаны только два пути, по которым шли ольвийские товары,— Буг и Днепр. Кроме Киевщины, необходимо указать и на другие места сбыта этих товаров. Они проникали в Прикарпатье, Поволжье и Приуралье. Ведь именно от Ольвии при Спартокидах начинался торговый путь на Урал к золотоносным месторождениям[12]. Очень жаль также, что в новой экспозиции зала стоит макет устаревшей реконструкции дома богатого рабовладельца города Ольвии. Имеется новая реконструкция этого дома, предложенная архитектором И. Н. Соболевым[13]. Согласно последней реконструкции, простада дома была одноэтажной, а не двухэтажной, что, на наш взгляд, в большей мере отвечало обычному характеру богатого античного дома эллинистического времени.

Экспонированные в витринах №№ 4 и 5 вещи отражают историю Ольвии после гетского разгрома. Из предметов, характеризующих ремесла и искусство Ольвии первых веков нашей эры, новыми в экспозиции являются литейные формы и бронзовые предметы, изготовленные ольвийскими бронзолитейщиками. В них сохранились традиции местных мастеров, прославивших ольвийские изделия еще в VI—V вв. до н. э.

На противоположной стороне зала размещены памятники материальной культуры таврских племен и возникшей в конце V в. до н. э. на их земле греческой колонии — Херсонеса. В конце IV—III вв. до н. э. Херсонес владел обширной сельскохозяйственной территорией в Западном Крыму, что хорошо показано на выставленной здесь карте.

В витрине № 7 находится материал IV—I вв. до н. э. из раскопок Херсонеса. Это образцы цветной штукатурки, изделия ремесленных мастерских: посуда, тара (амфоры) для хранения и перевозки продуктов. В Херсонесе работали мастерские и по выработке

---

[9] С. А. Жебелев. Пантикапейские Ниобиды. МАР, № 24, СПб., 1901.

[10] Н. И. Сокольский. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове. СА, 1957, № 1, стр. 244.

[11] В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 7.

[12] Геродот, IV, 24—27; Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? Археологія, т. I, 1947, стр. 27 и сл.

[13] Всеобщая история архитектуры, т. II, 1948, табл. 6, рис. 6; И. Н. Соболев. О реконструкции ольвийского жилого дома II в. до н. э., открытого Б. В. Фармаковским в 1902—1903 гг. ВДИ, 1953, № 1, стр. 188.

мелких художественных предметов из глины (формы и инструменты коропласта). Как видно из представленных в этой витрине материалов, херсонесцы вели активную торговлю с городами Греции и Малой Азии, а также с городами северного побережья Черного моря (карта «Торговые связи Херсонеса в IV—I вв. до н. э.»). Недостатком в этой карте является игнорирование торговых связей Херсонеса с Неаполем скифским [14] и другими городами, а также племенами Северного Причерноморья.

Пополнилась по сравнению с прежней экспозицией коллекция ювелирных изделий из могил Херсонесского некрополя III—I вв. до н. э. Наряду с предметами местного производства, среди них имеются изделия, привезенные из городов Малой Азии, Фракии или Македонии.

Между витринами №№ 7 и 8 на стене выставлен материал, иллюстрирующий политическое устройство Херсонеса (тексты гражданской присяги херсонесцев, почетного декрета в честь неизвестного гражданина и декрета в честь Диофанта), под ними — витрина с монетами, чеканенными в Херсонесе.

В витрине № 8 показан материал первых веков нашей эры. Это предметы, связанные с рыбным промыслом, и фотография рыбозасолочной цистерны. Из металлических и костяных изделий, как местных, так и привозных, отметим стеклянную посуду, ключи, пряжки, украшения и пр. Пояснительный текст об усилении экономических, политических и культурных связей Херсонеса со странами Малой и Передней Азии, Сирии и Закавказья, о тесных связях Херсонеса с Неаполем скифским и Боспором в первые века нашей эры, по нашему мнению, нуждается в карте.

Оживление в витрину внесла коллекция золотых украшений. Они дают большое разнообразие форм и стилей, что свидетельствует о широких связях Херсонеса.

Памятники изобразительного искусства представлены статуей воина в скифском кафтане с коротким мечом-акинаком, мраморным надгробием римского солдата Авреля Биатора, выполненным местным скульптором, и др.

Витрина № 9 посвящена материалам из могильника Харакса, который, по мнению некоторых исследователей, оставлен племенами культуры полей погребений.

Зал «А» представляет собой миниатюрную копию центральной части храма святой Софии в Константинополе, построенного в 532—537 гг. Его стены, купола, своды и пол передают наиболее характерные для раннехристианской символики изображения, скопированные с росписей римских катакомб II—III вв. н. э. и мозаик церкви в Равенне, в храме святой Софии (Константинополь) и в катакомбе святой Елены.

У входа в зал стоят надгробные памятники XIV—XV вв. из Малой Кабарды. На левой стороне зала показаны памятники средневекового Херсонеса V—XIV вв. Они отражают историю развития города, влияние на него Восточноримской империи, а также борьбу с кочевниками степей Восточной Европы. Хорошо прослеживаются развитие местных ремесел и взаимоотношения Херсонеса с Русью (выдержки из жития Стефана Сурожского, новгородские гривны, шиферные пряслица из русского г. Овруча и славянская керамика).

Еще в III—IV вв. н. э. в юго-западной части Крыма возникают укрепленные поселения, превратившиеся в города и феодальные замки. Здесь исследован ряд могильников сельского населения. Наиболее интересный из них — могильник у Суук-Су (V—VIII вв.). Его богатый и разнообразный материал, выставленный на витрине № 8 (серьги, пряжки, шитые золотом ткани и т. д.), свидетельствует о пришлых как с запада, так и с востока этнических элементах.

В этом же зале экспонируются небольшие коллекции различных памятников, характеризующих высокую культуру средневековой Грузии и Армении. Среди них прекрасные образцы поливной керамики — дар грузинской Академии наук.

Государственный Исторический музей с каждым годом улучшает свою экспозицию согласно новым требованиям науки. В этом отношении и данная выставка является новым вкладом в творческой деятельности музея.

Разбираемая экспозиция значительно пополнилась новыми материалами, добытыми археологическими экспедициями, путем приобретений, а также из богатого архива музея. Вместе с тем, из-за отсутствия материалов все еще остаются не освещенными такие важные темы, как Средняя Азия, лесной Алтай, раннефеодальные государства Закавказья и др. Экспозиция рассматриваемых залов построена на твердой научной основе и в то же время понятна массовому зрителю. Показ исторического процесса развития различных племен эпохи разложения первобытно-общинного строя и образования рабовладельческих и феодальных обществ осуществлен в строгой хронологической последовательности на основе достижений археологической науки. Замена многих текстов и рисунков в экспозиции вещами сделала ее более доходчивой.

Особое значение новая экспозиция приобретает в связи с мероприятиями по дальнейшему развитию системы народного образования в СССР. Тесная связь обучения с трудом, направленная на подготовку разносторонне образованных людей, потребует от учащихся самостоятельной проработки некоторых разделов истории. Чтобы помочь в этом нашему молодому поколению, историки-археологи обязаны обеспечить его всевозможными пособиями: выставками, популярной литературой, организацией кружков и других мероприятий, способствующих расширению знаний учащихся.

---

[14] И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33, стр. 71.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, 632 стр. + 258 рис.+ 19 табл. + 13 карт. Тираж 3000. Цена 30 р.

Первая часть рецензируемой книги — «Древнейшее население на территории Украины» — содержит характеристику каменного и бронзового периодов в пределах УССР. Анализ археологического материала, позволяет авторам нарисовать убедительную картину развития первобытно-общинного строя в разных районах Украины. На материалах археологических раскопок характеризуются особенности хозяйства, жилища и поселения, орудия производства и утварь, идеологические представления и пр. разных периодов и культур каменного и бронзового веков.

Текст написан доступным для неспециалиста языком, но в то же время не представляет собой набора общих фраз о палеолитических охотниках на мамонтов, о земледельцах триполья и т. д. Фактический материал в этом разделе — большой, в значительной мере новый и хорошо проработанный. Так, в книге использованы материалы новейших раскопок в Мезине, на неолитических стоянках Побужья, на поселении Михайловка. В разделе о неолите читатель впервые найдет хронологическую и культурно-историческую классификацию неолита Украины. Авторы стремятся показать не только ход развития первобытного общества на территории Украины в целом, но и специфику его развития в отдельных районах. Текст снабжен, помимо иллюстраций, картами памятников разных эпох. Все это делает первую часть книги не только хорошим популярным обзором каменного и бронзового веков Украины, но и интересной для специалистов-археологов сводной работой.

Оценивая ее в целом положительно, остановимся на некоторых недостатках. Раздел I — «Древний каменный век» — написан И. Г. Шовкоплясом и С. Н. Бибиковым в несколько ином плане, чем последующие разделы. В последних общие выводы вытекают из анализа конкретного археологического материала с территории Украины, здесь же палеолитические стоянки Украины служат лишь иллюстрацией к общей характеристике палеолита, взятой из работ, написанных по материалам всего Старого Света. Такой путь написания древней истории какой-либо страны возможен, но он кажется нам менее удачным, чем путь, найденный в других разделах книги. Вызывает возражения изложение антропологических вопросов. На стр. 10 в область очеловечивания обезьяны включаются юго-восток Азии, Африка, юг Европы, в том числе Кавказ, Украина и Молдавия. Однако Г. Ф. Дебец убедительно показал несостоятельность гипотезы о таком широком ареале очеловечивания обезьяны [1]. Нельзя так уверенно, как это делают авторы, синхронизировать питекантропа с шеллем, а синантропа — с ашелем. На стр. 13 и 15 говорится об ашельских и мустьерских памятниках в Молдавии. Между тем речь может идти об одной стоянке, Выхватинцы, с одним культурным слоем, о дате которого авторы должны были высказаться более определенно. Справедливо подчеркивая более ранний возраст росписи на костях мамонта из Мезина, чем возраст росписи на азильских гальках, авторы, однако, увлекаются, говоря о мезинской росписи как о древнейшей во всем мире (стр. 28). В более ранней, чем Мезин, стоянке Пржедмост также есть роспись на костях мамонта [2]. В пещере Сюрень II в Крыму нет верхнепалеолитических остатков, как сказано на стр. 23. Неясно, почему стоянка Журавка отнесена к мезолиту, а не к верхнему палеолиту (стр. 33). Бегло упомянув об отличиях мезолита севера и юга Украины (стр. 32), авторы, однако, не раскрывают этот тезис, а это было бы желательно, ибо дальнейшее изложение (неолит — бронзовый век) построен на показе своеобразия культуры в отдельных районах.

Раздел 2 — о неолите,— написанный В. Н. Даниленко, М. Я. Рудинским и Д. Я. Телегиным,— один из интереснейших в книге: здесь много нового материала и дана стройная концепция сложения скотоводческого хозяйства в неолите Украины. Но не всегда ясны принципы классификации неолитических памятников. Почему бескерамический нижний слой стоянки у Каменной могилы отнесен к неолиту, а не к ме-

---

[1] Г. Ф. Дебец. Территория СССР и проблема родины человека. КСИЭ, вып. 17, 1952, стр. 3—17.

[2] H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe centrale. L'Anthropologie. т. XXXIV, № 6, 1924, рис. 19.

золиту и синхронизирован с верхним слоем Шан-Кобы (стр. 39), где есть не только керамика, но и треугольные двусторонне обработанные наконечники стрел типа III тысячелетия до н. э.? Тот же тип стрел представлен в стоянке Балин-Кош, вместе с Шан-Кобой, отнесенной на карте 3 к раннему неолиту. В действительности это позднеолитические (если не энеолитические) памятники. Необоснованно и отнесение аналогичной Ат-Башу стоянки Кизил-Коба к мезолиту, а не к неолиту (стр. 32). С другой стороны, такие докерамические комплексы, как Кудлаевка и Песочный Ров, попадают почему-то в поздний неолит (карта 3), а Песочный ров даже связывается с «культурой гребенчатой керамики» (стр. 48), хотя керамики здесь нет. Видимо, классификация неолита Украины нуждается еще в существенной доработке.

В разделе 3 — «Медный век» — неудачен параграф «Поздний этап трипольской культуры». Здесь вперемешку разбираются отдельные особенности памятников усатовского, го́родского, киево-софиевского типов и памятников среднеднепровской и волынской мегалитических культур (стр. 63—69). Но две последние культуры вряд ли могут быть включены в понятие «позднее триполье». Не только характер материальной культуры, но и происхождение носителей среднеднепровской и волынской мегалитической культур было иным, чем у племен, оставивших го́родские, усатовские и софиевские памятники. В главах, посвященных эпохе раннего металла, мало места уделено Крыму. В частности, не охарактеризована хорошо изученная за последние годы кизил-кобинская культура.

А. А. Формозов

* * *

Вторая часть рецензируемой книги посвящена рабовладельческому обществу на территории Украины — скифо-сарматским племенам (разделы 5 и 6) и античным государствам Северного Причерноморья (раздел 7).

В этой части обобщены результаты огромной полевой работы украинских археологов по исследованию памятников предскифского и скифского времени, по выявлению этнического состава территории Украины того времени. Текст содержит много нового, полученного за годы Советской власти материала, позволяющего судить и об уровне развития производительных сил общества того времени, и о его культуре и быте.

Раздел 5 (авторы — В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин) начинается с характеристики железного века. Описан технологический процесс добывания железа сыродутным способом и те сдвиги в обществе, которые произошли в результате распространения железных орудий. Датировка появления железных орудий — конец II тысячелетия до н. э. — дана в соответствии с новыми археологическими материалами.

К сожалению, на протяжении нескольких страниц эта дата меняется. Так, на стр. 115 начало железного века отнесено уже к концу VII в. до н. э., а на стр. 121 — к VIII—VII вв. до н. э.

Трудно согласиться с датировкой начала железного века в Северной Европе временем после 500 г. до н. э. Все материалы (а они довольно многочисленны) заставляют сомневаться в этой дате. Так, на территории к северу от Камы в могильниках и на городищах ананьинской культуры железные вещи крупных размеров (кинжалы, копья, топоры) встречаются, начиная с VII в. до н. э. Работами Куйбышевской экспедиции установлено наличие мелких железных орудий на поволжских стоянках в районе Казани (конец II тысячелетия до н. э.) [3]. Железные изделия были открыты М. Е. Фосс в Костромской области на стоянке Умиление, мастерскую которой исследовательница датировала VIII—VII вв. до н. э.[4]. Наконец, можно вспомнить исследованный В. А. Городцовым Младший Волосовский могильник XI—IX вв. до н. э., в погребениях которого были найдены железные изделия. По-видимому, большого разрыва во времени между появлением железных орудий на юге и на севере не было.

В книге подробно изложен вопрос о киммерийцах — первом народе нашей страны, известном по письменным источникам. В связи с походами, совершенными ими в Закавказье и Малую Азию, приведен археологический материал, который может быть приписан киммерийцам, в том числе и памятники срубной культуры, что маловероятно. Это положение находится в противоречии с текстом на стр. 116, где срубная культура связывается со скифами.

Достаточно полно и всесторонне освещена этнографическая карта предскифского и раннескифского времени, составленная на основе археологических данных и сведений Геродота. Положительной оценки заслуживает параграф «Етнічний склад», содержащий подробный разбор материала и различные точки зрения на этнический состав древнего населения Северного Причерноморья. Едва ли может встретить возражения убедительное выделение протославянских племен в области правобережной лесостепи, тесно связанных с западной группой славян, племенами лужицкой культуры. Некоторые лингвистические данные, приведенные в этой главе, подчеркивают связь древних славян со скифами.

История собственно скифов (глава вторая) начинается с изложения политической

---

[3] Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. МИА, № 42, 1952, стр. 14.

[4] М. Е. Фосс. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 65.

истории, похода Дария в Северное Причерноморье и последующих событий, главным образом, внешней истории. Отмечены войны Атея с фракийцами, столкновения с Боспором, Ольвией, с племенами лесостепи. Следует заметить, что сарматы, сыгравшие большую роль во всей последующей истории наших степей, заслуживают более развернутой характеристики. Начало движения этих племен на запад относится к концу IV в. до н. э., а не к III в. до н. э., как отмечено на стр. 138.

Интересны параграфы, касающиеся хозяйства и быта, одежды и снаряжения скифов раннего времени, написанные на основе письменных и археологических данных. К сожалению, датировка некоторых предметов дана ошибочно. Так, например, для характеристики кочевого быта приведена четырехколесная повозка из Керчи, датируемая более поздним, сарматским, а не скифским временем.

Слишком категорично сказано о прекращении торговых связей скифов с савроматскими племенами и населением Северного Кавказа, которые, по существу, никогда не прекращались. Вещи ольвийского производства, в частности архаические зеркала, и скифские вещи VI—V вв. до н. э. известны в большом числе в Приуралье и на Северном Кавказе. При характеристике социальных отношений авторы не склонны признавать наличие государства в ранний период, хотя и приводят данные о наличии экономической и социальной дифференциации общества. Следует отметить, что никто еще не относил возникновение рабовладения у скифов к VII—VI вв. до н. э., как это можно понять из текста на стр. 151. Авторы справедливо отмечают развитие торговли и военную активизацию кочевых скифов. Здесь же важно было бы отметить появление таких городских центров, как Каменское городище. Этот памятник — яркий показатель больших сдвигов в области развития производительных сил скифского общества. Все остальные явления, отмеченные в тексте,— роскошь скифской знати, представление о божественном происхождении царской власти, героизация Атея, изменение состава скифского войска — все это могло быть не только в государстве, но и в эпоху военных союзов, и в родовом обществе, где нередко власть вождей обожествлялась.

В этом разделе отмечено существование некоторых норм родовых отношений. Остальные параграфы, посвященные верованиям, описанию курганов, предметов звериного стиля, дают ясное представление о высокой культуре скифов.

Одна из глав (третья) посвящена другим племенам Скифии. Характеристика хозяйства, социальных отношений, бытовых особенностей дает возможность читателю четко представить себе многоплеменной состав населения территории Украины в то время. Отмеченные в тексте реминисценции бронзового века связывают изложение с предшествующими главами книги.

Положительной оценки заслуживает характеристика племен, не входивших в собственно Скифию (глава четвертая). Здесь только, пожалуй, чрезмерно кратко описаны тавры. Не лишним было бы привести характеристику тавров, даваемую античными авторами, и коснуться вопроса о роли тавров в жизни Херсонеса. В разделе «Херсонес» этому вопросу также не уделено почти никакого внимания. Эти главы второй части книги дают представление об окружении Скифии, о племенах, находившихся под непосредственным влиянием скифов.

Отдельная глава (пятая) посвящена Скифскому царству в Крыму и на Нижнем Днепре и распаду этого государства. В ней изложены события III в. до н. э. — борьба с сарматами и новый период скифского царства, с центром Неаполем скифским.

Раздел 6 (автор М. И. Вязьмитина) посвящен сарматским племенам, расселившимся ко II в. до н. э. на территории Скифии. По данным античных источников нарисована новая для этого времени этнографическая карта. Справедливо указано, что понятие «Сарматия» является географическим понятием, что эта громадная территория была заселена различными кочевыми и оседлыми племенами, что понятие «сарматы» включало и другие племена, в том числе дако-гетские и славянские. Читатель найдет подробное описание хозяйства сарматских племен и широких торговых связей с античными государствами Причерноморья. Справедливо отмечен процесс оседания сарматских племен, в связи с чем автор останавливается кратко на характеристике поселений Нижнего Дона с их смешанным населением. Подробно описан быт сармат.

К сожалению, останавливаясь на иногда излишних в работе подобного рода деталях характерных для этого времени вещей, автор не отметил новые черты в вооружении III—IV вв. н. э.— появление стремян и сабли, которые следовало не только отметить, но и охарактеризовать связанные с ними изменения в конном бою.

Отдельный параграф характеризует социальные отношения, обычные для союза племен, и пережитки матриархата, сохранившиеся у сармат еще в римскую эпоху. Касаясь прикладного искусства, автор отметил новую черту — появление полихромного стиля и его широкое распространение в последующее время. Здесь же отмечена другая особенность искусства сармат — геометрический стиль и звериный, зародившийся еще в скифскую эпоху. Следовало бы отметить не только своеобразие этого направления в искусстве, что сделано достаточно ясно, но и его отличие от скифского, указав на некоторую близость к сибирским изделиям.

Данный параграф заканчивается оценкой исторической роли сармат и характеристикой сложной этнографической карты Северного Причерноморья в V в. н. э.

Авторы не оставили в стороне и вопроса о группах сармат, осевших на Северном Кавказе, в Крыму и на Дону, где вместе со славянскими племенами они создали сал-

товскую культуру. Следовало бы более определенно сказать об ассимиляции славянами сармат, о чем свидетельствует не только Кантемировский могильник, но и ряд других памятников. Автор справедливо отметил наличие в древнерусской культуре реминисценций сарматской культуры.

Раздел 7 (авторы Л. М. Славин, Л. Д. Дмитров, А. И. Фурманская, Е. В. Максимов) посвящен античным поселениям Северного Причерноморья. Освещены вопросы греческой колонизации Северного Причерноморья и древнейшие поселения греков. Отдельные разделы посвящены Ольвии, Тире, Боспору и Херсонесу. Эта глава написана слабее, чем страницы, посвященные скифам и сарматам. Она не дает ясного представления о замечательной греческой культуре нашего Юга. Отдельные исторические очерки рабовладельческих государств Северного Причерноморья не дали полной картины развития античности, тесно связанной со всей историей нашего Юга. Не следует забывать, что реминисценции античности через посредство скифского мира сохранились в древнерусской культуре.

Раздел 7 начинается общей главой, в которой перечислены греческие колонии на территории Украины. Следовало бы для полноты картины перечислить и колонии, разбросанные по восточному и западному берегам Черного моря. Здесь же освещен вопрос о причинах колонизации и описано раннее поселение на о. Березани.

Изложение истории Ольвии начинается кратким политическим очерком всего периода до готского разгрома. Отдельные параграфы характеризуют экономику, государственный строй, планировку. В них без излишней детализации освещены вопросы планировки, обороны, городского благоустройства и архитектуры. Характеристика культуры и религии объединена в один раздел. В нескольких фразах говорится о развитии грамотности среди населения, отмечены философ Бион, историк Посидоний; кратко остановился автор на описании прикладного искусства и внешней культовой стороны религии. К сожалению, сложность религии греков, ее синкретизм, ее истоки не раскрыты совершенно; не коснулся автор и социальной сущности античной религии. Характеристикой периферии Ольвии заканчивается изложение первого периода истории Ольвии.

Раздел, посвященный римскому периоду, включает изложение политической истории, характеристику этнического состава ольвийской периферии и рассмотрение причины гибели города.

Значительно меньше уделено внимания Тире, что находит объяснение в слабой изученности этого города. Дата возникновения города установлена по Геродоту, хотя в настоящее время археологических материалов древней IV в. до н. э. неизвестно. Приведены некоторые данные о планировке города, о строительстве. Отдельные разделы освещают экономику и государственный строй, культуру и религию. Падение Тиры, как и других колоний, связывается с активизацией местных племен.

Боспору уделено большее внимание. Периодизация принята общая: первый период — до I в. до н. э. и второй — римский. Полнота характеристики их определяется степенью изученности разбираемых вопросов. Вопросы экономики по каждому периоду объединены с политической историей. Вопросы хозяйства освещены довольно подробно. Нельзя не высказать сожаления, что вопросы ремесла и прикладного искусства остались слабо освещенными. Достаточное внимание уделено взаимоотношениям со скифами. Восстание рабов сопоставлено с аналогичными движениями в других местах. Падение Боспора связано с общим кризисом рабовладельческого мира и гуннским нашествием. В заключение характеристики Боспора дан очерк его культуры.

История Херсонеса заканчивает эту главу. Описание дано по общепринятой периодизации. При характеристике экономики Херсонеса приведены результаты исследования сельскохозяйственных усадеб, проводившегося в последние годы.

Заключение главы содержит характеристику III—IV вв. н. э.— времени кризиса рабовладельческой системы.

Знакомясь с историей греческих колоний по данному довольно краткому тексту, трудно уловить специфику истории и культуры отдельных государств. Нельзя упрекнуть авторов этой главы в ошибках или неправильной концепции. Все вопросы освещены верно. Для характеристики отдельных вопросов привлечен большой конкретный материал. Однако из прочитанного текста не получаешь впечатления о блестящем периоде истории человеческого общества. Все оказалось разбитым на отдельные вопросы, иногда мелкие. За многими фактами, чаще всего просто перечисленными, трудно понять своеобразие культуры Ольвии, Херсонеса, Боспора.

Совсем выпал вопрос о мифологии греков, которая нашла отражение в вазовой живописи. Не раскрыта сущность античной религии, ее специфические формы в Причерноморье, где синкретизм был гораздо сильней, чем в метрополии. Не чувствуется разницы между ранней и поздней религиозными системами. Крайне слабо освещен вопрос о проникновении христианства. Пожалуй, было бы лучше излагать историю греческих колоний вместе, по двум историческим периодам, принятым авторами. В этом случае можно было дать политическую историю и государственный строй раздельно, а вопросы экономики, культуры, религии — вместе. Это позволило бы показать более яркую, отчетливую картину античной культуры. Излишне в тексте перечисление отдельных, иногда мелких фактов, имеющих значение только для специалиста-археолога.

А. П. Смирнов

* * *

Значительная часть книги посвящена истории древних славян (часть третья) и Киевской Руси (часть четвертая).

Авторы третьей части книги постарались с возможной полнотой представить хозяйство, быт, культуру и социальный строй антов на протяжении всего I тысячелетия н. э.

Рассматривая важнейшие вопросы истории этой эпохи, авторы не замыкаются только в рамках Украины, а в ряде случаев дают краткие справки о том, что делалось в это время в северной половине славянства, например у кривичей или словен новгородских. Это наличие общеисторического фона значительно облегчает читателю понимание исторического процесса у всех восточнославянских племен.

К сожалению, этот принцип не применен по отношению к степям, соединявшим славянские земли с Северным Причерноморьем. История кочевников (гуннов, аваров, болгар, венгров, печенегов, половцев), занявших в степях место сарматских племен, не дана ни в плане исторических сведений о них (подчас очень богатых), ни в плане анализа степных археологических культур. Так, например, прославленная салтовская культура обрисована всего-навсего в нескольких строчках (стр. 368). Такое сокращение тематики несколько сужает историческую перспективу и затрудняет правильное понимание важных процессов. Многовековая борьба славян с кочевниками обрисована поэтому бледно.

Многие вопросы ранней истории славянства стали в последнее время дискуссионными. Главный спор ведется вокруг этнической принадлежности черняховской культуры полей погребений, славянский характер которой нередко ставится под сомнение.

Автор 8 раздела рецензируемой книги, М. Ю. Брайчевский, очень обстоятельно излагает письменные источники и археологический материал, заняв вполне определенную позицию: черняховская культура — одна из форм материальной культуры восточнославянских племен. Мы разделяем этот взгляд и считаем заслугой киевских ученых ясную и подробную аргументацию его. Но следует отметить, что исторический процесс изображен в этом разделе с излишней прямолинейностью: не сказано о смешении славян с сарматами, дако-фракийцами, балтийскими и финно-угорскими племенами, не выделены спорные вопросы и иные точки зрения, не произведен критический разбор их.

Читатель остается в неведении относительно борьбы мнений вокруг истории антов и готов, ведущейся еще с XIX в., и, увидев где-либо статью сторонников иных взглядов, может ошибочно принять ее за какой-то новый шаг в науке. К сожалению, авторы во всех случаях отказались от справочного подстрочного аппарата, и все упоминания теорий и мнений выглядят так: «некоторые пишут», «некоторые ученые думают» и т. п.

В книге остался недоказанным тезис о существовании черняховской культуры вплоть до VI—VII вв. (стр. 324—326). Нужно было дать в иллюстрациях тот материал, который, по мнению авторов, подкрепляет их точку зрения.

Недостаточно ясной представляется трактовка термина «анты». Соглашаясь с тем, что черняховская культура (в ее основных вариантах) принадлежала антам, нельзя не отметить географической неясности у авторов: северяне оказываются не принадлежащими к антам, славянские племена лесной зоны также не входят в «политический союз антов» (стр. 338 и 345).

Трудно согласиться с тем, что «зародыши феодальных отношений существовали уже в VII—VIII вв.» (стр. 341); тем более, что этот важный тезис доказывается не очень ясным местом из «Стратегикона» о выкупившихся из полона врагах. Вообще для этой эпохи лучше было бы говорить не о зародышах, а о предпосылках феодализма.

Нельзя согласиться с авторами в отношении Дулебского союза племен, который отождествлен здесь с антами, с «антским политическим объединением». В свое время с легкой руки В. О. Ключевского, правильно искавшего следы доваряжской государственности, Дулебско-Волынский союз, разбитый аварами, был отождествлен с племенем «валинана» у Масуди, племенем, некогда главенствовавшим у славян.

Дело, однако, в том, что Масуди далее говорит о стодорянах, хижанах, сербах и других балтийско-полабских племенах, соседивших с волынянами на Одере. Возможно, что его сведения о господстве «волынян» над соседями никакого отношения к восточным славянам не имеют. Вопрос требует тщательного доследования, и принимать старую гипотезу без проверки нельзя.

Вообще же раздел о социальном и политическом строе восточных славян в антское время написан интересно и богат рядом новых и смелых мыслей.

Славянское язычество показано в книге бедно, без привлечения широкого фольклорного материала. Знаменитые иванковские идолы, исследованные В. О. Довженком и М. Ю. Брайчевским, даны, к сожалению, в примитивном рисунке, не позволяющем представить себе эту новую, малоизвестную, но очень важную для науки находку.

Интересный 8-й раздел — «Древние восточные славяне» — является хорошим, полным и в основном верным введением в историю Киевской Руси. Жаль только, что в самой концовке автор раздела М. Ю. Брайчевский допустил серьезное искажение исторической перспективы, приравняв «политическое объединение антов» (какого времени?) к империи Карла Великого (стр. 355). Если можно говорить об элементах классовых отношений в III—VI вв. для очень ограниченной части южнорусских пле-

мен, то ставить знак равенства между антами и Каролингской империей абсолютно немыслимо; к тому же это и не вытекает из всего приведенного автором материала. Подобные небрежные аналогии могут подорвать доверие ко всем остальным выводам автора, где он в большинстве случаев прав.

Раздел 9-й — «Образование Киевской Руси» — написан Д. И. Блифельдом, известным исследователем южнорусских дружинных курганов IX—X вв.

Открывается раздел рассмотрением летописных известий о славянских племенах. Здесь снова повторяется гипотеза В. О. Ключевского о «валинана» Масуди.

Роменская культура обрисована здесь, к сожалению, скупо; не дано сопоставление вещей волынцевского типа с роменскими, нет такого важного памятника, как Ново-Троицкое городище на р. Ворскле, хотя предварительные публикации появились уже давно.

Очень бледно представлены поселения Правобережья. Читателям важно было бы знать о древних комплексах городищ на горах близ Сахновки и Княжей Горы. Эти комплексы горных укреплений в последующий период превратились в мощные феодальные замки, и осветить ранний период их истории было бы интересно.

Взаимоотношения славян и носителей салтово-маяцкой культуры обрисованы слишком бегло. Это большая и интересная проблема, территориально охватывающая все причерноморские степи от Тмутаракани на юго-востоке до Дуная на юго-западе. Возможно, что формирование феодальных отношений в юго-восточной части лесостепи проходило на основе салтовского дружинного элемента, этнический характер которого до сих пор недостаточно ясен.

Едва ли следует Пастерское городище так безоговорочно зачислять в разряд славянских памятников; салтово-маяцкий степной элемент, вероятно, играл существенную роль в создании памятников этого типа.

В данном разделе повторена старая ошибка П. П. Ефименко о якобы соединенных в один комплекс жилищах Боршевского городища (стр. 374). Они, конечно, разновременны и представляют собой обычные отдельно стоящие дома.

Интересно показано появление имущественного неравенства и возникновение городов и замков. Небольшой поправки требует приравнивание «хоро́м» «Русской Правды» к «граду»-за́мку: в § 17 «Русской Правды» речь идет о дворе, о городских хоромах внутри Новгорода, а не о замке.

С большим знанием дела написан параграф о возникновении феодального класса. Здесь широко использован материал дружинных курганов.

Интересно было бы поставить вопрос о причинах раннего отмирания обряда трупосожжения: не являются ли курганы IX—X вв. со срубными гробницами погребениями тех русских дружинников, которые в 860—874 гг. приняли христианство?

Без всякого критического пересмотра в книгу включено толкование «трех центров» древней Руси: «Куябия» отождествлена с Киевом, «Славия» — с Новгородом, «Артания» — с Тмутараканью (стр. 387). Если в городе Куяба действительно можно видеть Киев, то отождествление Славии (Селябе) с Новгородом очень трудно доказать. Вероятнее всего, что все три города находились в Среднем Приднепровье, в центре земли русов (Киев, Переяславль и, может быть, Чернигов?).

Некритически воспринят и тезис Б. Д. Грекова о двух объединениях — южном и северном, будто бы слившихся в единую Киевскую Русь. Этот тезис навеян тенденциозными домыслами новгородских летописцев XI—XII вв., стремившихся выдвинуть Новгород на одно из первых мест в истории Руси.

Достоинством раздела является правильное решение норманнской проблемы.

Четвертая часть книги (разделы 9—14) посвящена феодальной Киевской Руси. В написании ее принимал участие почти весь коллектив Сектора славяно-русской археологии ИА АН УССР.

Совершенно естественно, что в основу изложения положена книга Б. Д. Грекова «Киевская Русь», проложившая новые пути в понимании русского феодализма. Сельское хозяйство представлено в рецензируемой книге подробнее, чем у Б. Д. Грекова, особенно в археологической части. Ремесло охарактеризовано очень конспективно, без исторической динамики. Иллюстративный материал подобран плохо: маленькие тигельки (рис. на стр. 418) выглядят как огромные горшки, керамика (рис. на стр. 425) изображена в разных масштабах, что не дает представления об истинном виде сосудов. Вообще иллюстративная часть славяно-русских разделов значительно беднее, чем могла бы быть. В руках авторов находится великолепный новый материал по всем разделам быта и культуры, добытый ими в последние годы, а в иллюстрации книги во многих случаях попали давно известные вещи, знакомые по другим изданиям, или же плохие рисунки с невыразительных фотографий (например, на стр. 361, 414, 426 и др.).

В главе, посвященной социально-политическому строю Киевской Руси, мы, к сожалению, не видим отражения той борьбы мнений, тех споров, которые шли и идут в науке. Здесь читатель не найдет мнений Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова (хотя их выводы широко использованы) и самих авторов этого раздела — В. О. Довженка и М. Ю. Брайчевского,— писавших о времени возникновения феодализма. Читатель вынужден воспринимать книгу догматически.

Материал изложен добросовестно и подробно. Быть может, следовало бы больше остановиться на возрастании политической роли городского и земского боярства, подготовившем феодальную раздробленность.

В разделе, посвященном культуре, новгородский материал кое-где оттесняет местный, киевский. Можно было бы шире использовать бесчисленные надписи-граффити XI—XII вв. на стенах киевских церквей (заклинания, молитвы, проклятия, насмешки, рифмованные присловья, записи о смерти князей и т. д.).

Недостаточно раскрыто богатство византийской переводной литературы по философии, грамматике, истории, мирозданию и т. п., самый факт перевода которой на русский язык в XI в. уже свидетельствует о высоком развитии русской культуры.

Былины показаны довольно бледно; не раскрыта их связь с Киевом, Черниговом, половецкой степью.

В обзоре истории литературы дважды упоминается Феодосий Печерский в качестве писателя (стр. 507—509); но среди литературоведов нет единства мнений по поводу его авторства. М. Д. Приселков считал, что послание к Изяславу относится к середине XII в., написано митрополитом Феодосием Греком, и лишь впоследствии, по сходству имен, связано с Феодосием Печерским.

Говоря о южнорусском летописании, надо было остановиться на личном летописце Святослава Ольговича, писавшем сначала в Новгороде Северском, а потом в Чернигове. Все красочные описания богатства феодальных дворов взяты именно из этого летописца.

Несколько необычной является композиция последней части рецензируемой книги: рассмотрение культуры здесь предшествует обзору политической истории. Обзор этот, к сожалению, слишком краток и мало отличается по объему от беглого очерка, помещенного в «Киевской Руси» Б. Д. Грекова.

Здесь хорошо показана держава Владимира Святославича на рубеже X и XI вв., его административная реформа (стр. 546—547) и международное положение Руси.

Нельзя согласиться с трактовкой феодальной раздробленности и определением политической роли Киева в XII—XIII вв.: «Киев вплоть до татарского разгрома постоянно был общерусским политическим центром» (стр. 565). На самом же деле мы видим полную фактическую самостоятельность всех великих княжеств и феодальных республик Руси XII в. как в вопросах союзных отношений, войны, сбора дани, так и в области земельных владений и церковной политики. Даже взаимоотношения с половецкой степью каждое княжество определяло по-своему: то черниговские Ольговичи приглашают наемные войска половецких племен, то Юрий Долгорукий становится «силен и Половцы дикии с ним; а тыих золотом узводит», то Игорь Северский предпринимает сепаратный поход против «Черной Кумании» Кончака.

Считать совокупность русских княжеств после 1130-х годов каким-то политическим целым во главе с Киевом нет никаких оснований. Утрата главенствующего значения Киева видна хотя бы из того, что под давлением киевского боярства (роль которого недооценена) с 1150-х годов в Киеве устанавливается дуумвират. Дуумвирами были Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич.

Некоторое впечатление главенства Киева создается потому, что основными нашими источниками являются личные летописцы киевских князей: каждый из них, естественно, стремился показать своего князя могущественным монархом. С другой стороны, владимиро-суздальские летописи говорят о том, что судьбой Киева распоряжались владимирские князья, что тоже объясняется тенденциозностью авторов этих летописей.

Конечно, Киев, «мать городов русских», в эпоху феодальной раздробленности значил несколько больше, чем обычный великокняжеский город вроде Смоленска или Галича, но это было значение воспоминаний о былом единстве. После татарского разгрома, когда о реальной силе Киева не могло быть и речи, имя Киева постоянно связывалось с воспоминаниями о «светло светлой и украсно украшенной Русской земле» времен ее единства при Владимире Мономахе.

Автор «Слова о полку Игореве» не порицает существующего порядка; он с большим уважением обращается к князьям-правителям отдельных и вполне самостоятельных княжеств, подчеркивая могущество и полную суверенность княжеств, равнявшихся крупным европейским королевствам. И свою задачу автор рассматривал как призыв к военному союзу русских королей против «поганых».

В рецензируемой книге очень мало внимания уделено политической борьбе боярства с князьями. В связи с этим следует пожалеть о том, что из последних разделов почти полностью выпала яркая и драматическая история Галицко-Волынского княжества в XII — начале XIII в. Вся история Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича и Даниила Романовича уместилась на одной странице (стр. 561).

Последний, 14-й, раздел — «Средневековый Крым» — является довеском, написанным, очевидно, позднее и органически не слившимся со всей книгой.

Сам по себе этот раздел не вызывает сомнений; он хотя и очень краток, но содержателен. Заключать же разделом о Крыме весь том нелогично. Поскольку хронологический предел тома — середина XIII в., татарское нашествие, то особенно удивляет доведение истории Крыма до конца XV в. Книга должна была бы заканчиваться более подробным анализом самих событий 1228—1242 гг. (или даже 1250-х годов) и показом результатов татарского нашествия.

Подводя итоги рассмотрения славяно-русской части книги, следует признать, что она, безусловно, принесет пользу, знакомя украинского читателя с обильным и ярким

материалом по важному историческому периоду. Ряд основных вопросов решен авторами верно; книга написана живо.

Но совершенно естественно, что эта первая попытка исторического синтеза не может быть свободной от недостатков. Многие разделы истории древних славян и истории феодальных княжеств должны быть доследованы, некоторые взгляды — критически пересмотрены.

Надо надеяться, что хороший почин Института археологии (коллектив которого самостоятельно, без всякого участия историков справился с трудной задачей) будет поддержан Институтом истории АН СССР и «Очерки истории Украины» будут продолжены. Давно пора устаревшему и тенденциозному многотомнику националиста М. С. Грушевского противопоставить марксистский многотомник советских украинских историков. Почин археологов надо поддержать.

Б. А. Рыбаков

ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Этническая интерпретация археологических фактов продолжает составлять актуальнейшую «очередную задачу археологии, без решения которой не могут быть исследованы сложные вопросы этногенеза»[1]. Между тем, несмотря на многочисленные попытки теоретической ее постановки[2], предпринятые в нашей литературе за последние годы, и на весьма значительное число работ, содержащих опыты практического ее решения, сама проблема остается запутанной и противоречивой. В этих условиях представляется целесообразным попытаться кратко проанализировать постановку этого вопроса в современной зарубежной литературе и распространенные там методы его решения.

В чем сущность вопроса и почему он оказывается таким сложным?

Жизнь первобытно-общинного коллектива слагается из ряда элементов, одни из которых можно восстановить на основании археологических материалов непосредственно (хозяйство, жилища и т. п.), другие — косвенным образом (производственные отношения, формы общественной организации, идеологические и культовые представления и т. п.), третьи не могут быть выведены из археологического материала (язык). Объективно в жизни древнего коллектива эти элементы неразрывно связаны, образуют одно целое. Для нас же они выступают разобщенно, как объекты изучения разных дисциплин.

Для дописьменных эпох факты языка восстанавливаются сравнительным путем и оказываются, таким образом, не связанными ни с какими конкретными людьми, известными нам по другим видам деятельности. В свою очередь, материальная культура, созданная в течение дописьменных эпох, не связывается ни с какими носителями известного нам языка. Сведение воедино разнородных данных, характеризующих отдельные стороны жизни определенного древнего коллектива, воссоздание таким образом его целостного облика, отражающего его историческое бытие, и составляет суть вопроса. Его можно назвать вопросом о соотношении археологической культуры и этноса, или вопросом увязки археологических и лингвистических данных, или, наконец, условно — проблемой этнизации археологического материала. Именно в этом смысле термин «этнизация» употребляется в нашем обзоре.

Общеизвестны случаи, когда этническая характеристика народа не совпадает с его характеристикой по языку. Достаточно напомнить об американцах, которые говорят по-английски, но не считают себя англичанами и не являются ими. На этом основании иногда делался вывод о неправомерности рассматривания этнических групп как групп лингвистических[3]. Между тем очевидно, что подобные случаи являются лишь более или менее распространенными отклонениями от нормы. Типичным же и абсолютно преобладающим (особенно в пору относительно замкнутых родо-племенных организаций) остается то положение, при котором данная этническая группа характеризуется присущим ей и для нее специфичным языком. Не случайно в летописи племена и народности называются «языками». В нижеследующем обзоре поэтому под этническими группами понимаются в то же время и группы лингвистические.

---

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 16.

[2] См., например, М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952; А. Я. Брюсов. Ук. соч.; его же. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956 (и библиография в сносках к этой статье).

[3] А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 23 и 64—65. Эта мысль была повторена Х. Хенкеном. См H. Hencken. Indo-European Languages and Archaeology. American Anthropological Association. Memoir, № 84, Menasha, 1955.

Проблема этнической интерпретации археологических данных имеет в западноевропейской науке длительную историю, уроки которой нужно постоянно иметь в виду при чтении литературы, посвященной этому вопросу. На протяжении длительного времени эта проблема усиленно разрабатывалась в Германии, где с самого начала наметилась тенденция трактовать ее в реакционно-националистическом плане. Археологические культуры Центральной и Северной Германии эпохи неолита и бронзы рассматривались, с одной стороны, как созданные индоевропейцами «до разделения», а с другой — как открывающие ту линию культурного и этнического развития, которая уже не прерывалась на этой территории до рубежа нашей эры и привела к образованию исторических германцев. Отсюда пресловутая схема, согласно которой «наиболее чистые» индоевропейцы — это германцы, а все остальные носители индоевропейской речи — результат расселения индогерманского «Herrenvolk». Известно, к чему привели эти теории в руках немецко-фашистских расистов.

Всякого рода искажения и извращения, угроза реакционно-националистического использования археологических и лингвистических данных по дописьменным историческим периодам продолжает существовать и сейчас, поскольку продолжают существовать факторы буржуазной идеологии, их порождающие. Даже если не останавливаться на политической и общеидеологической стороне дела, то и в самом состоянии современной науки в странах Западной Европы и Америки такие факторы бросаются в глаза.

Сюда относятся прежде всего всевозможные методологические дефекты, касающиеся и понимания самого исторического процесса, и переоценки роли миграций, и определения целей и методов археологической и лингвистической наук. Большую опасность представляет в этом плане четко выраженная тенденция модернизировать дописьменные периоды истории и рассматривать взаимоотношения племен, например, эпохи бронзы и раннего железа, сквозь призму современной международной политики [4].

Ясно сказывается и еще один дефект, характерный для этнических истолкований археологического материала рядом зарубежных исследователей и во многом способствующий упомянутым выше ошибкам и искажениям методологического порядка. Поскольку археологические данные сплошь да рядом носят отрывочный характер, возникает возможность отождествлять те или иные культурные группы с определенным племенем или народом без достаточных оснований и аргументации, исходя не из объективной логики фактов, а из предвзятой и субъективной логики исследователя. Ниже нам придется говорить о работе испанского археолога П. Бош-Гимперы, в общей вступительной части которой проблема «этнизации» решается путем чисто произвольных отождествлений археологических и лингвистических групп. Бывают случаи, когда произвольность построений и отсутствие строгой методики в этническом истолковании данных материальной культуры приводят к совершенно фантастическим гипотезам. Примером последнего может служить книга П. Габри, носящая уже чисто анекдотический характер [5].

В ходе дальнейшего изложения эта общеметодологическая критика не повторяется в каждом отдельном случае, но читателю следует постоянно иметь ее в виду.

Увязку археологических данных с данными языка целесообразнее всего проводить на материале археологических периодов, непосредственно предшествующих письменной фиксации языков соответствующих этнолингвистических групп (в частности, индоевропейских), т. е. прежде всего на материале эпохи бронзы. Эта установка во многом определяла выбор работ, включенных в обзор.

Проблема «этнизации» давно привлекает внимание ученых. В области сопоставления определенных археологических комплексов с носителями тех или иных языков в зарубежной науке получены определенные результаты. Их учету и изложению посвящен ряд вышедших за рубежом обзоров литературы [6]. Наш обзор преследует совершенно иную цель. Его задача — проанализировать методы, с помощью которых устанавливаются связи между археологическими и этническими данными, а не результаты, достигнутые в этой области. Книги и статьи по этому вопросу рассматриваются как иллюстрация к характеристике того или иного метода «этнизации», а не монографически. Литература, не связанная с определенными методами «этнизации», не включалась в обзор, который, таким образом, не претендует на библиографическую полноту.

---

[4] См., например, G. Colombe, Vercingétorix. Paris, 1947; S. G. Brady. Ceasar's Gallic Campaigns. Harrisburg, 1947; A. Quinche. Les Helvètes. Paris, 1948. Разбор и оценку этих и некоторых других, сходных в ряде отношений работ см. Е. М. Штаерман. Древняя Галлия (обзор послевоенной буржуазной историографии). ВДИ, 1951, № 1.

[5] P.-J. Gabrys. Parenté des langues hittite et lituanienne et la préhistoire. Genève, 1944.

[6] W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954 (гл. 1. Geschichte der Forschung; гл. 2. Die Methode); V. Pisani. Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft — Indogermanistik. Wissenschaftliche Forschungsberichte, т. II, 1953. Русск. перевод в кн. «Общее и индоевропейское языкознание. Обзор литературы». М., 1956, стр. 176—193.

Рассматриваемые в обзоре приемы «этнизации» сгруппированы по трем разделам. В первом анализируются методы, носящие односторонне археологический или односторонне лингвистический характер и не предполагающие взаимодействия обеих дисциплин. Во втором излагаются археологические и лингвистические работы, предполагающие взаимную увязку и проверку результатов, полученных обоими путями. В третьем речь идет о методах, при которых не только конечные результаты, полученные лингвистом и археологом, приводятся в связь, но и в самом ходе исследования данные языка и материальной культуры берутся в постоянной и органической взаимообусловленности. Такая группировка носит не столько логический, сколько исторический характер. Несмотря на то, что все три типа методов используются в наше время, первый из них более характерен для XIX в., второй — для XIX и XX вв., третий — для последних десятилетий. Мы наблюдаем, таким образом, все более и более тесное объединение исследований археологов и лингвистов.

I

Во многих зарубежных работах (особенно английских), вышедших после войны, проблема «этнизации» понимается как узко археологический вопрос. Отправное положение здесь заключается в том, что археологическая культура и этнос рассматриваются как тождество[7]. Выявление археологических групп и связей, согласно этой точке зрения, автоматически влечет за собой определение совпадающих с ними этнолингвистических групп и связей. Последнее, таким образом, перестает быть самостоятельной научной проблемой. Поэтому считается, что археолог может и должен определить, сменялось ли население за время существования данного памятника, выяснить, одним и тем же населением создано несколько данных памятников или нет. Выяснение же этнической принадлежности этого населения признается лежащим за пределами возможностей и задач археологии[8].

Этот взгляд, приводящий к фактическому отказу от решения вопросов этно-лингвистической интерпретации археологических культур, связан со специфическим пониманием общих задач археологии, крайне типичным для английской школы в целом. Исследование материальной культуры проводится безотносительно к ее носителям и к их истории. Отсюда появляется стремление вообще освободить археологию от исторической проблематики и сблизить ее с естественными и точными науками. Немало книг по археологии, вышедших в Англии после войны, выражает это направление[9]. В них рассказывается много важного и интересного о методике раскопок и их техническом оборудовании, о геологических, ботанических, химических и иных методах датировки, о перспективном планировании раскопок, о технике учета вещей в полевых условиях, даже о расчете штатов экспедиции. Вопросы же исторического истолкования археологических данных либо отодвинуты на второй план, либо сняты совсем. Надо сказать, что такая «технизация» археологии как науки и фактический отказ от решения вопросов исторического и этнического порядка вызывает протесты и среди самих английских археологов, даже близких к охарактеризованному только что направлению[10].

---

[7] V. G. Childe. Piecing together the Past. London, 1956, стр. 111—112; его же. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo, 1950, стр. 3.

[8] «Когда я начал изучать археологию,— пишет, например, видный английский археолог О. Кроуфорд,— ранние обитатели Англии обычно обозначались по их этническим именам — иберы, кельты, пикты и скотты, гойдэлы и бритты. Люди очень утешались этими словечками и бывали совершенно удовлетворены, когда им сообщали, что длинные холмы — это могилы иберов, что курганные укрепления принадлежали кельтам, броки (один из видов доисторических круглых каменных башен, обнаруживаемых на Оркнейских и Шетландских островах, а также в Шотландии, обычно состоят из двойного кольца стен, ограждающих внутренний двор, по окружности которого расположены жилые помещения.— *Г. К.*) — пиктам, а все остальное можно отнести на счет гойдэлов и бриттов. Выражало ли это что-нибудь? Не дают ли нам археологические раскопки гораздо больше действительно важных сведений о строителях курганных укреплений, если мы узнаём, что они были земледельцами, обрабатывающими поля определенной формы (которую мы можем увидеть воочию и зачертить на плане), пользовались определенными видами керамики, жили в домах определенного облика, пользовались определенными видами утвари и оружия? Не лучше ли это, чем одно имя?» (O. G. S. Crawford. Archaeology in the Field. London, 1953, стр. 16—17). И несколько дальше этот автор пишет, что этническим наименованиям «нет места в археологии, которая не обязана заимствовать ярлыки у филологии и лучше бы никогда так и не поступала» (там же).

[9] R. J. C. Atkinson. Field Archaeology. London, 1946; M. Wheeler. Archaeology from the Earth. London, 1954; F. E. Zeuner. Dating the Past. 3-е изд., London, 1952; см. статьи английских авторов в сборнике «La découverte du passé» (Paris, 1952) и O. G. S. Crawford. Ук. соч.

[10] «С самого начала,— пишет один из них,— мы сталкиваемся с противоречием. С одной стороны, перед нами узкий специалист или, если угодно, ученый-естественник, занятый промерами и анализами, вечно перепачканный в земле, изучающий анатомию истории или доистории. С другой стороны — гуманист, анализирующий эти данные и

Односторонне археологический подход к проблеме этнизации со всеми вытекающими из него следствиями встречает в современной зарубежной науке разнообразное отношение. Одни стремятся согласовать фактический отказ от этнического атрибутирования археологического материала с постановкой и решением вопросов исторического порядка. Другие, не высказываясь по теоретической сущности проблемы, приводят материал, показывающий, что отождествление культурных групп с этническими противоречит фактам. Наконец, третьи на этом основании отказываются от односторонне археологического подхода к проблеме этнизации и настаивают на выработке новых методов, учитывающих всю сложность вопроса.

Остановимся последовательно на этих трех точках зрения.

Примером первой из них могут служить последние работы такого выдающегося археолога, как покойный В. Г. Чайлд [11].

Соглашаясь с большинством своих английских коллег в том, что вопросы этнического атрибуирования лежат за пределами как задач, так и возможностей археологии [12], и стремясь в то же время к восстановлению с помощью археологического материала социально-политической истории его создателей [13], В. Г. Чайлд считает, что последняя проблема может быть решена и без привлечения этнических данных, за счет предельной полноты и разнообразия археологического материала [14]. Если археолог сумел обнаружить материальные следы всех взаимосвязанных проявлений жизни древнего общества, то перед ним открывается возможность восстановления тех форм деятельности («the behaviour pattern»), которые обусловили эту взаимосвязь. В результате такой комплекс археологических данных начнет жить живой жизнью, и археологическое наименование, которым он обозначен, приобретет исторический смысл [15]. Все это построение, однако, носит чисто умозрительный характер и не дает решения вопроса, ибо, как показывает в той же работе сам В. Г. Чайлд, материал археолога никогда не обладает идеальной полнотой и всегда носит более или менее фрагментарный характер. Мы увидим далее, что Чайлд, в отличие от многих других зарубежных археологов, сумел преодолеть эту трудность и найти другие, несравненно более совершенные методы этнизации археологического материала.

В зарубежной литературе последних десятилетий накопился значительный фактический материал, опровергающий основное положение, на котором строится односторонний археологический подход к проблеме этнизации — положение о том, что «культурные области — это этнические области». Имеются книги и статьи, специально посвященные сбору, систематизации и анализу материала, показывающего несоответствие археологических областей и связей этно-лингвистическим. К их числу относятся в первую очередь работы итальянского археолога Г. Патрони «Экспансии и миграции» и «Этногенез в древнейшей Европе и распространение индоевропейских языков» [16]. Факты этого рода в изобилии содержатся также в книгах и статьях, посвященных другим, более частным археологическим и этногенетическим вопросам [17].

переводящий их в план живой действительности. В настоящее время существует широко распространенная тенденция идти по первому из этих путей и рассматривать археологию как естественную науку. Это направление представляет собой полезную реакцию на романтизм, столь распространенный в прошлом столетии. Но тут легко зайти слишком далеко. Я однажды уже указывал в другом месте на стремление превращать археологию в какой-то обезвоженный участок гуманитарных знаний, мумифицировать прошлое, делать из наших предков «народ боевых топоров» или «народ кубков», так что в конце концов мы начинаем подменять топорами и кубками живых людей. Эта манера выражаться отражает направление мысли, которое может вызвать только сожаление» (M. Wheeler. Archaeology from the Earth. London, 1954, стр. 229).

[11] В. Г. Чайлд. Ук. соч.

[12] «Для археолога термины «мустьерцы» или «народ Риньо» значат ровно столько же, сколько «пикты», «кельты» или любое другое наименование, найденное в книгах. Для доисторика люди — это то, что они сделали. Их культура — это их поведение, ставшее окаменелостью, и наименование культуры только на это и указывает». (V. G. Childe. Piecing together the Past, стр. 111).

[13] Там же, стр. 4.

[14] Там же, стр. 129—131; см. список тех сторон и проявлений жизни первобытного коллектива, которые, по мнению Чайлда, могут и должны быть восстановлены на основании археологического материала. Практически сюда входит все, из чего слагается жизнь общества, кроме речи.

[15] Там же, стр. 111—112.

[16] G. Patroni. Espansioni e migrazioni. Archivio glottologico italiano, т. 32, 1940, стр. 21—60; его же. La formazione dei popoli nell'Europa antichissima... Milano, 1951.

[17] В книге, А. Гренье о римской Галлии, например, приводятся данные о несоответствии археологических и этно-лингвистических изменений в этой провинции в I—III вв. н. э. (A. Grenier. Les Gaulois. Paris, 1945). См. оценку интересующей нас стороны дела в рец. Е. М. Штаерман. Древняя Галлия. ВДИ, 1951, № 1, стр. 213. Работами ряда исследователей, и в частности М. Вентриса и Дж. Чэдуика (M. Ventris, J. Chadwick. Evidence for Greek Dialects in the Mycenaean Archives. JHS, т. 73, 1953, стр. 84 сл.), можно считать, доказанным наличие сдвигов в составе населения

Вполне естественно, что в этих условиях односторонне археологический подход к проблеме «этнизации», сводящий ее решение к простому приравниванию культурных областей и групп к этническим, игнорирующий объективную сложность вопроса, вызывает все больше возражений как среди археологов, так и, в первую очередь, среди лингвистов [18].

Среди лингвистов имеется такое же «изоляционистское» направление, как и среди археологов. Предполагается, что языковед может и должен так интерпретировать данные словаря и грамматики, чтобы воссоздать по ним облик материальной и духовной жизни общества, но не может и не должен ни проверять свои выводы археологическим материалом, ни прийти на их основании к отождествлению языковой группы с археологической, т. е. ко всесторонней, реально-исторической ее характеристике.

Примером такого подхода могут служить все попытки приписать индоевропейскому обществу, т. е. коллективу, известному нам по чисто языковым данным, определенную социальную структуру, не привлекая при этом никакого историко-археологического материала. На том основании, что ряд терминов, связанных с возделыванием злаков и плодов и с непосредственной трудовой деятельностью, не дает совпадений между северо-западной и юго-восточной группами индоевропейских языков, в то время как многие термины из религиозного, культового и правового словаря, как бы вопреки этому разделению, объединяют отдельные языки северо-западной и юго-восточной групп, и, учитывая некоторые другие чисто лингвистические данные, А. Мейе пришел к категорическому выводу о том, что «единство индоевропейских языков отражает единство аристократии» [19]. В настоящее время этот взгляд разделяется отдельными языковедами (например, В. Пизани [20]).

При односторонне лингвистическом подходе отдельные характеристики этнической группы остаются разобщенными, и сведение их воедино, т. е. восстановление подлинной исторической картины жизни этнической группы, не достигается. Показательна, с этой точки зрения, вышедшая в 1952 г. книга П. Тиме об индоевропейских религиозных терминах [21].

Поставив перед собой задачу обследовать пять индоевропейских терминов («нектар», «амброзия», «гадес», «душа умершего», «гекатомба») и сущность обозначавшихся ими религиозно-культовых представлений, автор написал образцовое лингвистическое исследование, в котором, однако, языковые элементы и элементы идеологические располагаются двумя параллельными рядами и не образуют разносторонней характеристики единой этнической группы. П. Тиме, например, выводит архетипные формы *nektr̥-, *amr̥t- («нектар» и «амброзия») и тонко определяет их значения. Наличие, однако, таких религиозных представлений у того народа, для языка которого оба эти термина восстановлены, остается недоказанным. В результате, закрывая

при преемственности в материальной культуре на Крите II тысячелетия до н. э. Еще в довоенной археологической литературе было выяснено, что появление хеттов в Западной Малой Азии в начале II тысячелетия до н. э. не отразилось даже на таком чувствительном к этническим сменам материале, как керамика (см. W. Brandenstein. Die Völkerschichten in Troia. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1938, стр. 307). Г. Чайлд в цитированной выше книге о доисторических миграциях упоминает о том, что «такие бесспорные и документально засвидетельствованные миграции, как размещение паризиев в Йоркшире, не сопровождались никакими изменениями в керамике». (V. G. Childe. Prehistoric Migrations in Europe, стр. 10 и др.).

[18] Отождествление археологических материалов с лингвистическими группами, или, другими словами, с народами,— пишет, например, видный испанский лингвист Антонио Товар,— задача далеко не легкая и рискованная во многих отношениях. Тем не менее, это — единственный метод исторического проникновения в доисторию. (A. Tovar. Linguistics and Prehistory. Word, 1954, т. X, № 2—3, стр. 338). О необходимости разработки новых методов исследования, строящихся на взаимодействии археологических и лингвистических данных, писал Т. Лер-Сплавинский в автореферате своей большой работы «О происхождении и прародине славян» (ВИ, 1946, № 10, стр. 81). См. также M. Jahn. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte. Berlin, 1952, стр. 3; L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford, 1955, стр. 8; H. Hencken. Ук. соч., стр. 2, и ряд других работ.

[19] A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale, т. II, Paris, 1936, стр. 165.

[20] «Я убеждаюсь все яснее и яснее, что наиболее распространенные элементы реконструируемого индоевропейского языка принадлежали в значительной части речи определенной касты, подобной браманам в Индии или друидам у кельтов — касты, члены которой, находясь в различных районах, поддерживали контакт между собой... Язык же низших классов (воинов, хлебопашцев и ремесленников, чтобы не сказать — рабов), напротив того, должен был сильно различаться по областям» (V. Pisani. La question de l'indo-hittite et le concept de parenté linguistique. Archiv Orientální, т. XVIII, ч. 2, 1949, стр. 255).

[21] P. Thieme. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952.

книгу, мы так и не в состоянии сказать, обозначали ли выведенные автором архетипные формы религиозные представления, присущие индоевропейцам как реальному этническому коллективу, обитавшему в определенное время на определенной территории, и если да, то каково было содержание этих представлений.

II

Проведение лингвистических исследований, с одной стороны, и археологических, с другой, рассчитанное на совмещение и взаимную проверку полученных результатов, обусловливает принципиально иное, чем изложенное в предыдущем разделе, понимание этнизации — как аргументированного отождествления определенного археологического комплекса с определенной лингвистической группой. Такое отождествление дает возможность, во-первых, получить всестороннюю реально-историческую характеристику этнических групп, известных ранее лишь в крайне одностороннем освещении; во-вторых, совместить данные археологии с данными письменных источников и тем самым спроецировать последние в весьма отдаленную древность.

Методы решения этой проблемы могут быть археологическими и лингвистическими.

1. Археологические методы

Многочисленные приемы, используемые современными зарубежными археологами, для отождествления археологических комплексов с этно-лингвистическими группами, известными из письменных источников, представляют собой варианты двух основных методов. Условно первый из них можно назвать «локалистским», второй — методом «этнизирующих» признаков.

а. «Локалистский» метод. Суть его заключается в том, что на определенной территории, занятой однородным в этно-лингвистическом отношении населением, прослеживается возможный максимум археологических памятников. Если в каждый данный период инвентарь этих памятников обнаруживает единство и если нет резких смен и разрывов в преемственности материала, то можно считать, что эти археологические памятники принадлежат предкам народа, памятники которого прослеживаются в этих местах с начала исторических периодов, причем это население говорило на том же языке, что и отмечаемые позже в этом же районе их потомки [22]. «Локализм» лежит в основе подавляющего большинства этнических отождествлений, которыми оперирует современная зарубежная археология.

При всех своих достоинствах «локалистский» метод отличается большой ограниченностью. Помогая ответить на вопрос, какому народу принадлежал археологический материал, обнаруживаемый на данной территории, он оказывается бессильным перед двумя другими вопросами, встающими перед археологом: 1. Предполагает ли смена археологического материала в пределах данного района или даже данного памятника также и этническую смену; если да, то во всех случаях или только в некоторых, и в каких именно? 2. Указывают ли сходные черты в территориально разобщенных археологических комплексах на этническую связь их создателей? Любые ли черты или только определенные указывают на это и какие именно?

Для ответа на эти вопросы применяется другой метод.

б. Метод «этнизирующих» признаков. Важнейшие формы археологического материала и выводимых из него представлений зависят от развития производства. Совпадение таких форм может объясняться общим уровнем производительных сил, достигнутым коллективами, их создавшими, и не указывать на генетическую связь этих коллективов. Напротив того, важнейшие формы лингвистического материала не зависят непосредственно от характера производства, и их совпадения (если не считать в принципе легко выявляемых случаев заимствования) указывают на генетическую связь. Метод «этнизирующих» признаков и основан на выделении в археологическом материале таких особенностей, связь которых с развитием производства минимальна и независимое возникновение которых, следовательно, на базе сходных социально-экономических условий практически исключено. Предполагается, что изменение таких признаков материальной культуры должно идти параллельно развитию признаков языковых и, таким образом, указывать на этно-лингвистическую связь.

В качестве «этнизирующих» признаков в зарубежной археологии, как и в нашей, чаще всего рассматриваются обряд захоронения, характер керамики, орнаментация вообще и орнаментация сосудов в особенности, реже — форма орудий, тип жилища и некоторые другие.

Связь определенной этно-лингвистической группы с данной категорией вещей или схемой орнаментации устанавливается на основании систематического обнаружения этой категории вещей на территориях, где позже обнаруживаются представители исследуемой этно-лингвистической группы. В этом смысле метод «этнизирующих» признаков вторичен по отношению к другим методам «этнизации» (в частности, к «локалистскому») и опирается на них.

---

[22] T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946, стр. 16, 17, 95, 114; W. Schulz. Die Indogermanenfrage in der Vorgeschichtsforschung. Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, т. 62, 1935, ч. 3/4, стр. 184, 185, и многие другие работы.

Метод «этнизирующих» признаков применяется весьма широко и лежит в основе многих исторических схем современной археологии. В качестве примера можно привести распространившееся после выхода ранних работ К. Бледжена [23] отождествление создателей серой гончарной «минийской» керамики с первыми носителями греческой речи в Пелопоннесе. Это общепринятое сейчас отождествление было недавно аргументировано К. Бледженом заново [24]. Этим же методом создал свою теорию этногенеза кельтов П. Бош-Гимпера [25]. Главная мысль автора, согласно которой собственно кельтская культура полей погребальных урн («Urnenfelderkultur») генетически связана с богемской культурой лужицкого типа Knoviz — Milaveč и вместе с тем знаменует возникновение нового этнического качества, основана на эволюции форм керамики. При помощи точно тех же принципов, основываясь в первую очередь на обряде захоронения, А. Гренье прослеживает дальнейшую эволюцию юго-западной ветви кельтской этно-лингвистической общности на территории Франции в первой половине I тысячелетия до н. э.[26].

Основная трудность, связанная с рассматриваемым методом, заключается в том, что археологические комплексы, обнаруживая сходство по одному или даже двум «этнизирующим» признакам, могут во всем остальном резко отличаться друг от друга. Некоторые зарубежные исследователи считают, что в таких случаях совпадение в отдельных «этнизирующих» категориях вещей важнее, чем различия в других видах материала. Примером может служить упоминавшаяся выше книга американского исследователя Х. Хенкена о материальной культуре носителей древних индоевропейских языков [27]. Основная мысль автора заключается в том, что поля погребальных урн центральноевропейского типа, где бы, в какое бы время и в каком бы контексте они ни находились, свидетельствуют о появлении носителей индоевропейской речи. Так, несмотря на бесспорные связи о. Сицилии во II тысячелетии до н. э. с Эгейской областью, несмотря на преемственность в материальной культуре и сохранение всех местных традиций, появление на побережье острова двух полей погребений должно свидетельствовать, по мнению автора, об «индоевропеизации» острова.

Неудовлетворительность такого использования анализируемого методического приема очевидна. В результате противопоставления «этнизирующих» категорий вещей всему остальному материалу исчезает само восприятие культуры как устойчивого комплекса, отражающего всю совокупность материальных данных и идеологических представлений. Вместо них появляется объединение самых разнородных археологических материалов лишь по одному-двум «этнизирующим» признакам, а отсюда, в свою очередь,— самые причудливые представления о миграциях населения в те географические пункты, где обнаруживаются эти «этнизирующие» категории вещей.

В археологической литературе последних лет можно отметить попытки преодолеть эту трудность в использовании метода «этнизирующих» признаков. Одна из них принадлежит Г. Питтиони [28] и заключается в том, что археологические культуры («Gruppen»), объединяются в бóльшие единства («Welten») прежде всего на основании отдельных общих этнизирующих признаков. Схема эта, однако, никак не решает вопроса, так как остается неясным, чему же соответствует такая совокупность культур в этно-лингвистическом плане.

Г. Чайлд, поддержав мысль Г. Питтиони [29], сумел, однако, установить иное соотношение «этнизирующих» категорий и всей массы археологического материала, соотношение, облегчившее ему успешный выход из тех трудностей в области этнизации, которые, как мы видели выше, он испытывал. Теория Г. Чайлда об «этнизирующих» признаках (он называет их «диагностическими категориями») сводится к следующим положениям: 1) «диагностический» признак должен быть относительно независим от уровня и характера социально-экономического развития общества; 2) он является действительно «этнизирующим», только если сочетается с рядом других признаков, самих по себе столь же мало существенных; 3) «этнизирующие» признаки должны рассматриваться в рамках определенной археологической культуры и в связи с ней, т. е. с учетом как всех других категорий вещей, ассоциирующихся с «диагностическими», так и географического их распределения [30].

---

[23] J. B. Haley, C. W. Blegen. The Coming of the Greek. AJA, т. 32, 1928, стр. 141—154.

[24] C. W. Blegen. Troy, т. III, Princeton, 1953, стр. 10.

[25] P. Bosch-Gimpera. Les mouvements celtiques. Études celtiques, т. V, ч. 2, 1950—1951; т. VI, 1952.

[26] A. Grenier. La Gaule Romaine. An Economic Survey of Ancient Rome, т. III, Baltimore, 1937, стр. 395; его же. Les Gaulois. Paris, 1945, стр. 44.

[27] H. Hencken. Ук. соч., стр. 31, 32.

[28] G. Pittioni. Vom geistigen Menschenbild der Urzeit. Wien, 1952.

[29] V. G. Childe. Piecing together the Past, гл. VIII. («Миру» Питтиони у Чайлда соответствует понятие «цикла» — «cycle»).

[30] «Определенная категория вещей,— пишет Г. Чайлд,— может действительно играть диагностическую роль по отношению к данной культуре, только если при нанесении на карту мест находок не оказываются разбросанными по неограниченной территории, а образуют четкие группы, стягивающиеся к более или менее очевидным центрам. Все прочие вещи, ассоциирующиеся с той же культурой, при нанесении на

При соблюдении всех этих условий основная трудность, стоящая на пути метода «этнизирующих» признаков, по-видимому, действительно устраняется, и он приобретает большую точность и доказательную силу.

К проблеме «этнизирующих» признаков относится и вопрос о возможности использования этнографических данных для освещения древних этнических связей. Эта проблема исключительной сложности выходит, однако, в ряде пунктов за пределы нашей темы [31].

2. Лингвистические методы

Существует три метода, рассчитанных на воссоздание по языковым данным отдельных черт реально-исторического облика народа в дописьменный период. Все три предполагают определенное взаимодействие с данными археологии, что и отличает их от лингвистических методов, рассмотренных в первой части обзора. Сюда относятся: квантитативный метод, так называемый метод реалий, опирающийся на сравнительный анализ лексики, и вариант «метода реалий», основанный на анализе не только лексики, но и грамматического материала (сложившийся за последние 10—20 лет в самостоятельное направление). Первые два метода были выработаны в основном еще в XIX в., но широко применяются и в современных исследованиях.

а. Квантитативный метод. В середине XIX в. А. Пикте [32], Г. Эбель [33] и, главным образом, И. Шмидт [34] открыли, что наибольшее число общих черт обнаруживают те родственные языки, которые занимают соседние территории. Таким путем была создана возможность, подсчитывая число общих черт в каждой данной паре родственных языков, определять, какие из них в древности занимали смежные территории, и устанавливать также относительную длительность этого географического контакта. Так, в результате статистической обработки данных о фонетических и лексико-грамматических соответствиях между парами индоевропейских языков удалось показать, что наибольшее число совпадений (92) объединяет балтийские языки со славянскими и иранские с индийскими (91), что дает основание видеть в этих группах весьма рано сложившиеся, длительное время существовавшие территориальные общности [35].

Одним из последних примеров применения квантитативного метода является исследование В. Порцига [36], где, правда, этот метод используется в качестве одного из второстепенных приемов.

Своеобразным вариантом квантитативной методики является так называемая «лексико-статистика» [37]. В ее основе лежит положение, согласно которому «словарь повседневной речи, в отличие от «культурного» словаря, обновляется с более или менее постоянной скоростью» [38]. Создатель этого метода М. Суодеш на основании проведен-

---

карту, в свою очередь, должны распределиться примерно так же. Если распределение вещей интересующей нас категории существенно отличается от распределения других категорий предметов, ассоциируемых с данной, то она утрачивает право считаться «диагностирующей». Там же, стр. 115, 116.

[31] Достаточно отметить, что в современных зарубежных работах она ставится и в практической, и в общетеоретической форме (см. в качестве примера W. Ruben. Einführung in die Indienkunde. Berlin, 1954, стр. 56 сл.). Иногда предпринимаются попытки ее игнорировать и ставить знак равенства между этнографическими описаниями современных отсталых народностей и картиной жизни древнейшего человечества — попытки, которые, с точки зрения строгости метода, никак нельзя признать удачными (см., например, R. Alt. Vorlesungen über die Erziehung auf frühen Stufen der Menschheitsentwicklung. Berlin, 1956). В новой литературе приходится сталкиваться также и с попытками, идущими в противоположном направлении и имеющими своей целью ограничить строго определенными условиями использование этнографических данных для дописьменных периодов истории человечества — попытками, которые в свете всего сказанного выше следует расценивать самым положительным образом. (См. J. G. Clark. Prehistoric Europe. London, 1952. Русский перевод: Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953. См., например, стр. 103, 104 и др. См. также предисловие А. Я. Брюсова к русск. переводу, стр. 4).

[32] A. Pictet. Les origines indoeuropéennes. Paris, 1859, стр. 48.

[33] G. Ebel. Die Stellung des Celtischen. Beiträge zur vergleichende Sprachforschung, т. II, 1860, стр. 137 сл.

[34] J. Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1872.

[35] A. L. Kroeber, C. D. Chrétien. Quantitative Classification of Indoeuropean Languages. «Language», т. XIII, 1937, стр. 83—103.

[36] W. Porzig. Ук. соч.

[37] См. общее изложение этого метода в работе M. Swadesh. Lexico-Statistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts. Proceedings of the American Philosoph. Society, т. 96, № 4, 1952. О применении лексико-статистического метода к решению индоевропейской проблемы см. M. Swadesh. Archaeological and Linguistic Chronology of Indo-European Groups. American Anthropologist, т. 55, № 3, 1953.

[38] M. Swadesh. Archaeological and Linguistic Chronology..., стр. 350.

ных им подсчетов полагает, что за каждую 1000 лет словарь обновляется на 19%±2%. Зная эту скорость обновления словаря и сопоставляя повседневную лексику двух родственных языков, можно определить примерно, сколько веков тому назад они начали раздельное существование. Так, если из 200 слов, содержащих наиболее устойчивые бытовые термины русского языка, 49 (или 24,5%) являются общими у русского с английским, то значит за время раздельного существования эти два языка обновили свою повседневную лексику на 75,5%, т. е. их расхождение имело место 33±4 века тому назад.

«Лексико-статистика» вызывает множество сомнений и возражений. Они связаны не только с особенностями работ М. Суодеша и его коллег, но и с общей проблемой использования математических вероятностно-статистических методов в интересующей нас области; к сожалению, рассмотрение этого последнего вопроса выходит за рамки данного обзора.

б. «Метод реалий» (правильнее его называть по имени ученого, впервые давшего его развернутое теоретическое обоснование и наиболее последовательное практическое применение, методом Шрадера [39]) исходит из того, что наличие в языке-основе архетипного слова должно указывать на наличие у народа — носителя этого языка соответствующего предмета или явления, обозначенного этим словом. Словарь, общий для данных языков, поэтому отражает ту сумму предметов, явлений, норм и представлений, которая составляла материальную и духовную культуру этно-лингвистической группы, давшей начало народам — носителям этих языков. Так, совпадение слов, обозначающих бронзу (или медь и металл вообще; ср. санскрит, áyah, авест. ayō, готск. aiz, лат. aes), говорит о том, что носители индоевропейских языков образовывали еще единую этно-лингвистическую группу в период перехода от камня к бронзе. В то же время совпадение готск. eisarn — «железо» (ср. совр. нем. Eisen) и кельтск. (галльск.) isarnus (ср. ирл. iarn), отсутствующее в других индоевропейских языках, дает возможность предполагать, что в эпоху железа индоевропейская языковая общность как целое уже не существовала, но носители отдельных групп языков, в частности германских и кельтских, еще жили на смежных территориях. Тем же путем исследователи устанавливают злаки и животных, которыми пользовались индоевропейцы, формы родовой организации последних, некоторые строительные приемы, использовавшиеся средства передвижения и т. д.

Являясь наиболее распространенным и надежным лингвистическим приемом «этнизации», метод Шрадера широко используется в наши дни. В ряде современных работ, однако, наблюдается стремление анализировать не столько индоевропейский словарь в целом, сколько одно какое-либо словарное соответствие, на котором и строятся этнические и исторические выводы. К числу таких соответствий относятся, в частности, термины, обозначающие лосося и бук. На основании анализа первого из них одни исследователи видят в Прибалтике (район обитания благородного лосося) место совместного проживания ряда родственных индоевропейских народов (славяне, балты, германцы, «тохары» [40]), а другие — всей индоевропейской этно-лингвистической группы в целом [41]. Точно так же, исследуя слово «бук» в различных языках, пытаются истолковать область распространения этой породы дерева как территорию совместного проживания всей индоевропейской группы или определенной ее части [42].

В этих работах весьма ярко сказывается главный дефект метода Шрадера. Дело в том, что, восстанавливая архетип, мы редко можем гарантировать столь же точное и бесспорное восстановление его значения, а следовательно, определить реальный характер, которым обладало в языке-основе явление, этим архетипным словом обозначавшееся [43].

---

[39] O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1906: его же. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, т. I и II, Berlin — Leipzig, 1917—1929.

[40] В. Порциг. Ук. соч., стр. 184, 214; В. Георгиев. Проблема возникновения индоевропейских языков. ВЯ, 1956, № 1, стр. 65.

[41] F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 30; P. Thieme. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. Academie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandl. d. Geistes- und Sozialwiss. Klasse, Wiesbaden, 1953, № 11.

[42] W. Wissmann. Der Name der Buche. Berlin, 1952.

[43] Сопоставляя русск. дерево, ст.-слав. дрѣво, санскр. dāru и авест. dāru («дерево как материал»), греч. δρῦς («дерево, дуб»), лат. larix [(из * daric-s, сабинск. l = d, ср. греч. δάκρυω («плáчу»), ст. лат. lacruma («слеза»)] — «лиственница», ирл. daur («дуб»), кимр. derwen («дуб»), готск. triu («дерево»), ср. в. нем. zirwe («кедр»), нетрудно вывести индоевропейскую праформу в виде *d(e)rew. Но что она означала? Дуб (см. H. Osthoff. Etymologische Parerga, I. Leipzig, 1901, стр. 117)? Дерево вообще (H. Hirt. Der indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhälinis zur Betonung. 1900, стр. 150)? Общее понятие твердости и устойчивости (E. Benvéniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction. Word, т. X, № 2—3, 1954)? А может быть, лиственницу или кедр? Как указывали еще корифеи метода, дать ответ на такой вопрос в пределах языка невозможно. (См. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 385).

Поэтому, когда на основании общеиндоевропейского архетипа *bhaug- /*bhug-, например, делается вывод о том, что исконная территория индоевропейцев совпадает с ареалом бука (т. е. находится на запад от линии Калининград — Крым), то это заключение выглядит слишком произвольным.

Рефлексы индоевроп. *bhaug- /*bhug- означают «бук» только в западных индоевропейских языках, греч. φηγός уже имеет значение «разновидность дуба, приносящая съедобные желуди», в курдском соответствующая форма (būz) означает вяз, а в русском рефлексом указанного корня является слово «буз-и-на». Поэтому равно возможно, и предположение о том, что исконная территория индоевропейцев совпадает с ареалом бука, а иранцы, греки и славяне, отселившись на восток, связали корень bhaug-/*bhug- с другими видами деревьев, и обратное толкование: индоевропейская общность находилась на востоке, где данный корень обозначал дерево вообще, а группа, отселившаяся позже на запад, приурочила его к определенному виду дерева, произраставшего здесь.

в. Наиболее значительными из попыток (предпринятых за последние 10—15 лет) сделать определенные выводы о материальной культуре индоевропейцев из сравнительного анализа не только лексики, но и флексии, являются книга Ф. Шпехта [44] и статья Г. Куна [45].

Ф. Шпехт поставил своей задачей очертить тот круг явлений материального мира, с которыми имел дело индоевропеец. Для этого общеизвестному делению индоевропейских существительных на «правильные» (основы на «о» и «ā») и «неправильные» (основы на согласную, дифтонг и некоторые другие) Ф. Шпехт придает строго хронологическое значение: «Все старые наименования предметов, искони известные индоевропейцу, относились к основам на $\breve{\imath}$, $\breve{u}$, $\breve{e}$, на дифтонг или согласную. В случае, если они идут по склонению на -о- или ā-, они позднейшего происхождения» [46]. Анализируя те существительные, которые в различных индоевропейских языках относятся к первому типу, и выводя их архетипные формы, автор получает ту совокупность вещей и явлений, которые, по его мнению, окружали индоевропейца [47].

В течение древнейшего периода истории индоевропейского народа слова, служившие для обозначения всех этих понятий, или не склонялись совсем, или имели двухпадежное склонение, состоявшее из прямого и косвенного падежей. «В конце мезолита» («im Ausgang der mittleren Steinzeit») под влиянием наступившего контакта с южными (неиндоевропейскими) племенами ленточной керамики индоевропейцы познакомились с земледелием и скотоводством, что привело к резкому расширению круга понятий, с которыми они имели дело. Это обусловило, в свою очередь, значительный рост словаря и выработку новых форм склонения со многими падежами, с тематическими основами, с разделением по родам и т. д.

Достоинства и недостатки книги Ф. Шпехта неоднократно разбирались в специальной литературе [48]. С точки зрения применяемых в книге приемов «этнизации» важно отметить, что, следуя методу О. Шрадера, Ф. Шпехт не избежал повторения присущих ему ошибок, и в частности, произвольного определения семантики архетипа [49]. Главным же недостатком применяемой Шпехтом методики является крайняя прямолинейность, а подчас и произвольность, с которой он связывает факты материальной культуры с фактами языка [50].

---

[44] F. Specht. Ук. соч.

[45] H. Kuhn. Ablaut, «a» und Altertumskunde. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Begründet von A. Kuhn, кн. 71, 1954, ч. 3/4.

[46] F. Specht. Ук. соч., стр. 7.

[47] Все эти явления группируются автором по пяти рубрикам: 1) небесные тела, временные представления, окружающая природа (термины, означающие солнце, месяц, звезду, утреннюю зарю, ночь, мрак, утро, тень, вечер, весну, зиму, год, небо, град, источник, дым, камень, песок, гору, пещеру, путь, медь); 2) животный мир (зверь, собака, овца, корова и бык, свинья, лошадь, лиса, олень, бобер, рысь, куница, заяц, еж, мышь, белка, змея, крот, отдельные насекомые — в частности пчела, мед, воск, молоко); 3) растительный мир (дерево, сук, сосна, ива, ясень, вяз, осина, клен, дуб, яблоко, орех и т. д.); 4) части тела (печень, кость, сердце, нога, рука, тело, нос, рот, палец, костный мозг и др.); 5) семья, жилище, хозяйство (отец, мать, брат, дочь, сноха, свояченица — жена брата мужа, деверь, дом и поселение, дверь, столб, корчага, ручка сосуда, пища, жир, соль, село, колесо, воз, ярмо).

[48] См. развернутую оценку книги Ф. Шпехта и необходимую литературу в упомянутом в прим. 6 обзоре В. Пизани.

[49] См., например, определение семантики архетипа, отражающего соответствие терминов, обозначающих «мед» и «хмельной» напиток». F. Specht. Ук. соч., стр. 52.

[50] Какие есть, например, основания думать, что окружавший «мезолитического человека» мир исчерпывался несколькими десятками предметов, наименования которых именно в силу своей малочисленности не могли «заполнить собой целые ряды склонений» (стр. 108)? Почему контакт с народами ленточной керамики должен привести к изменению системы склонения? Реально ли, чтобы, перейдя к скотоводству и земледелию, индоевропейцы до такой степени перестали обращать внимание на рыб, что соответствующее слово выпало из их словаря (стр. 30)? и т. д.

Статья Г. Куна, во многом полемически заостренная против книги Шпехта, представляет собой более успешную попытку применения того же метода. Соглашаясь с проводимым Шпехтом принципом деления индоевропейского формообразования на «старый» и «новый» слои, Г. Кун кладет в его основу другой критерий: прекращение действия корневой перегласовки (так называемого аблаута) и распространение звука «а», отсутствовавшего в языке-основе в древние периоды его существования. Рассмотрение индоевропейского словаря с этой точки зрения приводит к результатам, весьма существенным для истории и материальной культуры индоевропейцев: основные термины, связанные со скотоводством и земледелием, оказываются стоящими вне аблаута и, тем самым, более поздними.

Слова, связанные со скотоводством и земледелием, должны быть отнесены к позднейшему слою индоевропейской лексики не только по данным аблаута, но и на основании широкого использования в них звука «а», скорее всего отсутствовавшего на древних ступенях развития языка-основы. Важно в этой связи, что, судя по древним аблаутирующим корням *s(e)reu — «поток, струя», *p(e)leu — «плыть» и т. д., индоевропейцы издавна были знакомы с водными артериями и умели по ним передвигаться. Однако слов для «моря» и «озера» в этом слое индоевропейской лексики нет. Они появляются позже, судя по тому, что широко используют «а» и не знают аблаута.

Гласная «а» играет особую роль не только в скотоводческом и земледельческом словаре индоевропейцев, но и в топонимии тех районов, где они обитали. «В названиях рек Северной Германии и Юго-Восточной Прибалтики «а» (так же как «i» и «u») господствует настолько безраздельно, что мы должны признать резкое и значительное отделение этого слоя топонимии от более древнего»[51]. В этой связи показательно, что оба слова, которым придается столь важное значение в определении индоевропейской прародины, *bhagos — «бук» и *laksos — «лосось», означают явления, локализованные в этом районе, и также имеют вокализм «а».

Наконец, важно, что вокализм «а» был характерен для индоевропейской речи лишь в течение определенного, довольно ограниченного периода. «В том слое гидронимики, которая налична лишь в отдельных языках или по отдельным странам, на первый план вновь выступают «е» и «о» и оттесняют «а»[52]. О том же говорит наличие «а» в названиях металлов, издавна известных индоевропейцам и дающих обильные совпадения по языкам (бронза или медь, золото и серебро), и отсутствие его в варьирующихся по языкам названиях железа.

Все эти языковые факты приводят Г. Куна к следующим историческим выводам. Необходимо согласиться с аргументами О. Шрадера и шедших за ним исследователей, которые считали местом первоначального обитания индоевропейцев Украину. Отсюда большая часть индоевропейцев продвинулась в Центральную и Западную Европу, где они научились земледелию. Там же, по мнению автора, они утратили аблаут и ввели (под влиянием субстрата?) в свой вокализм звук «а», фигурирующий в древнейшей индоевропейской топонимии этих областей, в терминах «море», «бук» и «лосось», т. е. в названиях явлений, с которыми индоевропейцы познакомились лишь в этих местах и в это время. Период индоевропейского вокализма на «а», в течение которого происходили эти события, наступил вскоре после начала неолита, продолжался в эпоху бронзы и кое-где распространился на время самостоятельного существования отдельных индоевропейских языков. Предки индоиранцев, в языке которых, как принято считать, отсутствуют почти все соответствия распространенным на Западе терминам, касающимся земледелия, видимо, оставались на Востоке и не переселялись в Европу.

Отдельные непоследовательности в гипотезе Куна очевидны. Сюда относится, прежде всего, бросающееся в глаза противоречие в характеристике индоиранской группы: она, по мнению Г. Куна, остается в стороне от миграции на запад, приведшей к введению в вокализм звука «а», и в то же время, как известно, именно в языках индийцев и иранцев этот вокализм получил максимальное распространение. Представляется все же правильным считать, что этот недостаток (и некоторые другие, имеющиеся в статье) касается отдельных конкретных случаев. Сам же метод, основанный на дополнении и проверке лексических сопоставлений данными морфологии и фонетики, достигает в работе Г. Куна высокой степени точности.

III

Рассмотрим теперь комплексные методы «этнизации», при которых не только в выводах, но и в самом ходе исследования лингвистический материал органически увязывается с археологическим. К ним непосредственно примыкает топонимистика.

1. Проблема «этнизации» и топонимия

Современный подход к топонимии характеризуется прежде всего тем, что географические названия рассматриваются как факты языка, но существующие по самой своей природе в связи с определенной территорией и, следовательно, с событиями, на ней происходящими, и людьми, на ней обитающими. При таком подходе топонимические термины — это как бы воплощенное, материализованное единство языка и исто-

[51] Г. Кун. Ук. соч., стр. 156.
[52] Там же.

рии народа, и изучение их представляет собой один из наиболее эффективных методов «этнизации».

Метод анализа топонимики заключается в том, чтобы снимать слой за слоем названия, связанные с известными нам этапами в заселении данной территории. Все оставшееся (при том условии, что термины этого слоя обнаруживают известное звуковое и структурное единство) может рассматриваться как языковый материал, оставленный обитателями, предшествующими древнейшим из исторически засвидетельствованных. Обнаружение терминов сходного состава и структуры на других территориях может при известных условиях указать, какие еще области до древнейших исторически засвидетельствованных народов были заняты данной этно-лингвистической группой и, следовательно, какие памятники материальной культуры с ней можно связать.

Необходимым условием такой обработки топонимического материала является его массовость, которая и образует непременное исходное требование всех современных исследований в этой области. В ходе практического применения описанных приемов выдвинулся ряд проблем методического характера. Эти проблемы в той или иной мере встают во всех современных исследованиях по топонимии. Основные из них следующие.

а. Отбор и классификация материала. Уже в XIX в. было показано, что географические названия делятся на «естественные», отражающие особенности данной местности, и «культурные», присвоенные по соображениям, ей самой посторонним [53]. Для этногенетических исследований важны только первые. А. Гренье приводит сохранившиеся во французских говорах термины некельтского и нелатинского происхождения со значением «гора», «грот», «земля» [54], лингвистический анализ которых позволяет установить некоторые черты языка докельтского населения Франции. Обнаружение этих же черт в топонимии других районов Европы в свою очередь указывает на этнические связи, восходящие, во всяком случае, ко II тысячелетию до н. э.

В работах последних десятилетий круг топонимических терминов, существенных для исследования этногенетических проблем, обычно суживается еще больше, и из всех «естественных» названий доказательными признаются только наименования гор и особенно рек и водных пространств (так называемая гидронимия). Неслучайно многие из наиболее капитальных исследований географических названий, вышедших после войны, посвящены именно гидронимии [55]. Многие исследователи идут еще дальше и считают, что для выводов, касающихся древнейших периодов, по-настоящему важны только названия крупных рек. Это подтверждается, например, анализом гидронимии Восточных Альп, проведенным Э. Шварцем [56], и Северной Болгарии, данным В. Георгиевым [57]. Последний подытожил свои соображения в формуле: при массовом изменении состава населения маленькие реки изменяют свои названия, а большие их сохраняют [58].

б. Вопросы этнического истолкования географических названий. Топонимия может помочь в этнических отождествлениях, только если удается ее истолковать как принадлежащую языку определенного народа; но язык народа, нуждающегося в этническом определении, известен очень плохо или неизвестен совсем. Поиски выхода из этого положения ведутся по нескольким направлениям.

Во-первых, топонимы могут быть истолкованы, исходя из отдельных слов данного малоизвестного языка, зафиксированных в памятниках на другом, известном языке. Такими словами могут быть или имена нарицательные (ср. истолкование названия р. Стыр как фракийского, исходя из сохранившегося в латинской глоссе фрак. styrum = locus), или этнонимы (названия многих французских городов, восходя к этнонимам отдельных кельтских племен, указывают на размещение их на территории Франции до прихода римлян, ср. Париж — паризии, Бовэ — белловаки, Реймс — ремии и т. д.).

Во-вторых, принадлежность топонима тому или иному непосредственно неизвестному языку может быть определена сравнительно-историческим путем. Отождествляя, например, переданное Птолемеем название реки Кумы — Ὀ'ὔδων с *udor — «вода влага», можно прийти к выводу, что этот гидроним дан индоевропейцами как единым

---

[53] J. J. Egli. Nomina Geografica. Leipzig, 1893.

[54] A. Grenier. Les Gaulois, стр. 49.

[55] J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948; Les fleuves et l'évolution des peuples. Paris, 1950; H. Krahe. Alteuropäische Flussnamen. Beiträge zur Namenforschung, кн. I—III, 1949—1952.

[56] E. Schwarz. Deutsche Namenforschung, т. II, Göttingen, 1950, стр. 104. Автор показывает, что названия крупных рек, впадающих в Дунай в районе Альп,— кельтские, названия их притоков — славянские, а наименования притоков притоков и совсем мелких рек — немецкие.

[57] В. Георгиев. Проблема возникновения индоевропейских языков. ВЯ, 1956, № 1, стр. 55. Выводы автора сводятся к тому, что все большие реки этой территории имеют дославянские, доримские и даже докельтские названия, в то время как имена мелких рек почти все славянские, реже — румынские или турецкие. Эти выводы повторены В. Георгиевым в книге «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию» (М., 1958, стр. 250).

[58] Там же.

народом и находится на территории, занимавшейся ими до расселения. В своеобразном преломлении этот прием был положен в основу исторических выводов в работах одного из крупнейших современных топонимистов — Г. Краэ [59].

В-третьих, возможно выделение в большой группе топонимов определенных словообразовательных элементов с последующей их лингвистической интерпретацией. Этот метод применялся издавна [60] и применяется до сих пор [61] с самыми различными результатами при истолковании «до-дорийской» топонимии Греции. Выделив в ряде топонимов Северной и Восточной Франции суффиксы, характерные для саксонского и бургундского наречий, исследователи сумели очертить границы расселения этих германских племен на территории Франции в IV—VI вв. [62].

в. Установление и характеристика передвижений этнических групп по данным топонимии. Суть вопроса сводится к тому, чтобы объяснить, всегда ли совпадения географических названий (или их элементов) в отдельных, иногда довольно сильно удаленных друг от друга районах предполагают миграцию населения, и какой из районов был ее исходным пунктом. Актуальность этого вопроса и его явно недостаточная разработанность хорошо видны на примере всех попыток объяснить наличие иллирийской топонимии в районе так называемой лужицкой культуры, т. е. значительно севернее тех областей, где, по свидетельству античных авторов, жили иллирийцы. Выдвинутая в свое время Г. Коссиной «иллирийская гипотеза» [63] может сейчас считаться опровергнутой [64]. Было предложено считать топонимию обоих районов «дунайской» [65]. Выдвигалась также гипотеза, согласно которой «лужичане» представляли собой иллирийско-славянско-кельтское единство, на территории которого осталась иллирийская топонимия, повторенная позже в местах обитания иллирийцев после их выхода из этой общности [66]. Несмотря на значительную убедительность последнего объяснения, вопрос остается открытым.

г. Нахождение специфических приемов лингвистической обработки географических наименований. Проблема обусловлена тем, что топонимические термины как разряд слов обладают значительным своеобразием, делающим недопустимым простое перенесение на них тех приемов и методов лингвистических исследований, которые были выработаны на материале аппелативов. Детальное рассмотрение этой едва ли не важнейшей проблемы современной топонимистики, предполагающее развернутую лингвистическую аргументацию, выходит за рамки настоящего обзора.

2. Комплексные методы

Методы «этнизации», предполагающие органическое взаимодействие в самом ходе исследования данных археологии, языкознания и других смежных дисциплин, могут строиться либо на хронологическом, либо на географическом принципе. В первом случае разбираются факты, сменявшие друг друга во времени, причем к освещению каждого из них привлекается весь доступный материал — археологический, лингвистический и т. д. Во втором — картографируется распространение на данной территории определенных археологических, лингвистических, этнографических и других явлений.

---

[59] H. Krahe. Sprachverwandtschaft im alten Europa. Heidelberg, 1951, стр. 17. Констатировав «этимологическую и грамматическую» однородность древнейшей гидронимии в огромном районе от Ирландии до Балтики и от Скандинавии до Альп, автор ставит вопрос о причинах этого явления. Предлагаемый им метод и должен обеспечить ответ на этот вопрос. Подобно тому, как сопоставления греч. πατήρ, лат. pater, скр. pitáḥ и т. д. дают индоевропейскую праформу, точно так же, считает Г. Краэ, и ряд гидронимов — Alfund в Норвегии, Alfenz — в Альпах, Aubance — во Франции и Lafnitz — в Австрии — указывает на архетип * Albhn̥tia. Но так как эти слова, как правило, выступают лишь в виде топонимов и не имеют этимологий ни в современных, ни в древних индоевропейских языках, на территории которых они встречаются, и так как нет оснований предполагать, чтобы разные народы дали одни и те же названия, то ареал их распространения дает нам территорию (или часть территории), занятую индоевропейцами до их разделения. В более развернутом виде Г. Краэ аргументирует и практически использует этот метод в своей позднейшей работе. См. H. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.

[60] P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

[61] V. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft. Sofia, 1941—1945.

[62] F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1945, стр. 171; W. von Wartburg. Umfang und Bedeutung der germanischen Siedlung... Berlin, 1950, стр. 17—18.

[63] J. Pokorny. Die Urgeschichte der Illyrier. Zeitschrift für celtische Philologie. т. XX—XXI, 1938; H. Krahe. Der Anteil der Illyrier in der Indogermanisierung Europas. Welt als Geschichte, т. LVI, 1940, стр. 54—73; его же. El problema de los ilirios del norte a la luz del lenguaje. Quadernos de Historia primitiva, т. II, 1947, стр. 25—28.

[64] Критику и необходимую библиографию см. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 68—69.

[65] Бош-Гимпера. Ук. соч., т. V.

[66] T. Lehr-Spławiński. O pierwotnych Wenetach. Сб. «Inter Arma». Poznań, 1946.

В случае совпадения ареалов получаются весьма убедительные выводы, касающиеся определенного этноса во всем многообразии его исторических проявлений. Примером первого из этих методов может служить старая статья В. Бранденштейна о слоях населения в Трое[67].

В. Бранденштейн намечает следующую схему смен населения в Трое. Троя I—II (2500—2000 гг. до н. э.) — хатты. Доказательства: наличие общих форм в материале этих слоев и местных археологических культур (Алишар и т. п.); упоминаемый Гомером на троянской равнине народ лелегов (ед. ч. λέξ),чье имя представляет собой форму множественного числа, образованную по правилам хаттской грамматики. Троя III—V (2000—1600 гг. до н. э.) — хетты. Доказательства: хетты начинают свою историческую традицию, отраженную в позднейших письменных памятниках, примерно с 2000 г.; автор считает, что топонимия с суффиксом -ss- начинает распространяться с этого же времени и что она связана с хеттами. Троя VI—VIIa (от 1600 г. до XIII—XII вв. до н. э.) — смешанное население из микенских греков и фракийцев. Доказательства: обилие в этих слоях микенской керамики; микенские строительные приемы (циклопические стены); топонимия, обнаруживающая ряд фракийских черт. Трою VIIb автор считает населенной иллирийцами, Трою VIII — греками.

Изложенная схема дает представление о методе автора — сопоставлении при характеристике каждой данной эпохи фактов из всех доступных областей. В настоящее время обнаружено такое количество нового материала, что схему В. Бранденштейна нельзя не признать устарелой. Примененная же при ее выработке комплексная методика продолжает широко использоваться и в наше время, например в работе Дж. Мелларта, посвященной во многом близким вопросам[68].

Цель работы Мелларта — определить, когда, откуда и в результате каких событий греки разместились в Греции, а хетты — в Малой Азии. Схема его сводится к следующему. Около 2500 г. лувии, распространяясь из района Гумельницы на юг и юго-восток, разрушают Трою I. Через 200 лет из того же района выходят носители греческой речи, они уничтожают лувийскую Трою II и остаются в городе до самого начала II тысячелетия до н. э. (Троя III—IV). Конец ранней бронзы в Малой Азии и раннеэлладского периода на Южных Балканах знаменуется проникновением с Кавказа клинописных хеттов, под давлением которых население Северной Анатолии устремляется к Трое и заставляет греческое население последней эмигрировать в области, где их застает история — в Пелопоннес, Беотию и район Пинда.

Для обоснования своей схемы Мелларт широко использует метод «этнизирующих признаков» (обряд захоронения, керамика, типы жилищ), анализ топонимии (лингвистический и реально-исторический) и истолкование письменных памятников. Увязка и взаимная проверка этих разнородных данных — несомненно, самая сильная сторона работы[69].

Примером комплексного метода «этнизации», основанного, условно говоря, на географическом принципе, могут служить работы Т. Лер-Сплавинского, обосновывающие его теорию славянского этногенеза[70]. Как известно, эта теория подвергалась серьезной и во многом справедливой критике, и нас сейчас интересует не столько ее существо, сколько те методы, с помощью которых Т. Лер-Сплавинский получил свои выводы. Теоретическое обоснование своей методики автор дал лишь один раз, в опубликованном на русском языке автореферате[71], наиболее ясное представление о практическом их приложении дает его книга 1946 г.

Ее основная часть состоит из семи глав. В первой главе, носящей характер вступления, суммируются данные письменных источников, касающиеся в первую очередь географического размещения раннеславянских и предположительно протославянских племен. Во второй главе рассматриваются грамматические и лексические черты славянских языков, определяющие их место в кругу других индоевропейских и, в частности, тех языков, с которыми славянские связаны особенно тесно. Полученные данные указывают на те индоевропейские этно-лингвистические группы, в состав которых входили или совместно с которыми проживали предки славян. Эти результаты согла-

---

[67] W. Brandenstein. Die Völkerschichten in Troia. Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft, кн. 92, 1938, ч. 2/3.

[68] J. Mellaart. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. AJA, 1958, т. 62, № 1.

[69] Значительные недостатки статьи Дж. Мелларта связаны не с объективными чертами применяемой им методики (в принципе она остается правильной), а с особенностями субъективной исследовательской манеры автора. Он часто непоследователен и нелогичен (например, в интерпретации так называемого текста Аниты), недостаточно обосновывает многие из своих выводов (например, о наличии лувиев в Греции в III тысячелетии до н. э.), допускает фактические неточности (например, при описании развития письменности на Крите) и т. д.

[70] T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946; его же. O pierwotnych Wenetach; его же. O starożytnych Lugiach. Slavia Antiqua, т. I, 1948; его же. Język polski. Pochodzenie. Powstanie. Rozwój. 2-е изд. Warszawa, 1951 (Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. Пер. И. Х. Дворецкого. М., 1954).

[71] Т. Лер-Сплавинский. О происхождении и прародине славян. ВИ, 1946, № 10, стр. 81.

суются, с одной стороны, с выводами из письменных источников, а с другой — с данными топонимии, анализу которой посвящена следующая, третья, глава. В четвертой главе рассматриваются археологические материалы и их соответствие лингвистическим выводам, в пятой главе — антропологические, в шестой — этнографические. Этот последний раздел принципиально важен, так как показывает, что даже такие стороны материальной культуры, которые легко возникают в общей форме независимо друг от друга и поэтому взятые сами по себе не могут быть основанием для этнических выводов, будучи рассмотрены в сочетании с другими данными и совпадая с ними, приобретают важное значение для вопросов этнизации. Седьмая глава посвящена итогам и выводам. Здесь, в частности, суммируются и методические принципы автора [72].

Мы рассмотрели методы этнизации, основанные на постоянном взаимодействии лингвистических и археологических данных. Первый среди таких методов — это анализ географических названий, проводимый не выборочно, а в массовом масштабе. Для решения вопросов этногенеза гидронимия признается более важной, чем другие виды географических названий (Я. Розвадовский, Г. Краэ и др.), при этом названия крупных рек считаются доказательнее названий мелких (Э. Шварц, В. Георгиев). Современная топонимистика выработала ряд более или менее успешных приемов этнического истолкования географических названий (В. Георгиев, Г. Краэ, В. фон Вартбург и др.). При этом нерешенными остаются два вопроса — определение миграций по данным топонимии (Ю. Покорный, Г. Краэ, П. Бош-Гимпера, Т. Лер-Сплавинский) и нахождение особых лингвистических приемов для обработки топонимии.

Другими разновидностями комплексной методики являются хронологически последовательный разбор культурных горизонтов археологического памятника с привлечением лингвистических, антропологических и тому подобных данных (В. Бранденштейн, Дж. Мелларт) и совмещение ареалов распространения различных проявлений данной этно-лингвистической группы (Т. Лер-Сплавинский).

В нашем обзоре мы стремились показать, что эффективность того или иного приема «этнизации» прямо пропорциональна тому, насколько тесно взаимодействуют в нем археологические данные и методы с лингвистическими.

Г. С. Кнабе

[72] T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, стр. 134.

Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. Под редакцией В. Ф. Гайдукевича. Материалы и исследования по археологии СССР, № 50, 1956. Тираж 1800. Цена 21 р. 50 к.

Среди вышедших за последние годы тематических сборников в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» рецензируемый сборник является важным вкладом в научную литературу по исследованию истории Северного Причерноморья античного периода.

Подход авторов к изучению истории собственно Ольвии методологически правилен: город рассматривается не изолированно, а в тесной связи с комплексом окружавших его местных поселений, находившихся в тесных экономических и культурных связях с ним.

Выяснению отдельных вопросов этой общей темы посвящены статьи А. Н. Карасева, Е. И. Леви, Т. Н. Книпович, С. И. Капошиной, М. И. Максимовой, Н. П. Розановой и Ф. М. Штительман.

В статье А. Н. Карасева «Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города» дана публикация старых топографических планов Ольвии. Несомненной научной заслугой автора является их критическая оценка как материалов для восстановления картины древней топографии города.

Отличный сравнительный анализ объектов на планах П. И. Кеппена, И. П. Бларамберга, И. М. Муравьева-Апостола, А. С. Уварова, К. Прудиуса и казенных топографов Николаевского адмиралтейства в 10-х годах XIX в., уточнение их хронологической последовательности позволили А. Н. Карасеву сделать интересные выводы.

Так, проследив направление древних дорог, отмеченных на старых планах и уже незаметных в настоящее время, автор дает убедительную реконструкцию системы дорог, ведших в город (план на рис. 11). Дороги проходили по декоративно оформленному некрополю, где надмогильные памятники и курганы с каменными крепидами не позволяли изменять направление дорог. Это — первая наглядно представленная и обоснованная картина территории, непосредственно примыкавшей к городу и составлявшей его предградие.

В связи с изучением направления дорог и расположения курганов на окраине некрополя убедительно звучит предположение о своеобразном виде передовой линии защиты в Ольвии — цепи курганов, использовавшихся как дополнительные военно-стратегические сооружения, являвшиеся дозорными пунктами в военное время (в отличие от системы валов вокруг Пантикапея).

При разборе плана К. Прудиуса (стр. 27—28) следовало бы обратить больше внимания на приведенные в нем данные о склепах в тех курганах, какие уже не отмечались на планах более поздних. Эти данные имеют большое значение и как материал для сводной работы по некрополю Ольвии, и для изучения типов погребений в античных некрополях Северного Причерноморья.

В статье Е. И. Леви «Ольвийская агора» автором правильно поставлена задача подробного исследования результатов раскопок 1946—1951 гг. для конкретных выводов и обобщений в последующей сводной работе. В статье приведена обстоятельная историография вопроса.

Убедительно и интересно освещены периоды расцвета жизни агоры VI—II вв. до н. э. и ее прямые связи как с городскими кварталами, так и с окрестными поселениями. Однако остается неясным, с какими историческими событиями связывается разрушение агоры во второй половине IV в. до н. э. и конец интенсивного существования города (и агоры в том числе) во II в. до н. э. Может быть, следовало бы предположить осаду Ольвии Зопирионом, полководцем Александра, известную нам по сообщению Макробия и относящуюся именно ко второй половине IV в., а события II в. до н. э. связать с войнами Скилура?

Исследованные Е. И. Леви декреты в честь херсонесских граждан, найденные на агоре, представляют большой интерес не только для истории Ольвии. Эти документы являются ценным материалом для освещения темной до сих пор истории взаимоотношений древнегреческих городов в Северном Причерноморье.

Палеографический анализ памятников дал возможность автору датировать их III — началом II в. до н. э. В этот период натиск на Ольвию скифов стал систематическим и сильнейшим образом нарушил весь ход ее хозяйственной жизни. Что же касается Херсонеса, то многие данные позволяют говорить о его экономическом и политическом расцвете именно в III — первой половине II в. до н. э., когда отдельные херсонесские богачи имели возможность ссужать крупными суммами своих соседей, попавших в результате скифской агрессии в затруднительное положение.

Нельзя не пожалеть, что огромный нумизматический материал (700 монет) из здания «А», несомненно культового назначения, до сих пор не обработан и поэтому не использован в статье.

Статья Т. Н. Книпович «Население Ольвии VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников» посвящена одному из наиболее важных вопросов истории древнегреческих городов — вопросу об этническом составе населения и «удельном весе» негреческих элементов в этом составе.

Приложенные к статье таблицы ольвийских эпиграфических памятников с упоминающимися в них личными именами являются ценнейшим научным пособием для специалистов по истории античных городов.

На основании анализа личных имен автор приходит к ряду выводов, из которых наиболее интересными и убедительными представляются нам следующие.

1. Связь населения Ольвии в указанное время с городами греческой Ионии и Малой Азии.

2. Специфика греческих имен, распространенных в Ольвии и являющихся редкостью в других местах античного мира.

3. Проникновение в состав греческого населения Ольвии (VI—II вв. до н. э.) негреческих элементов.

Этот последний важный факт блестяще доказан Т. Н. Книпович, несмотря на такой формальный признак, как небольшое количество встретившихся в надписях негреческих имен. Автор совершенно прав, объясняя этот факт (особенно отсутствие надписей на вещах бытового характера) плохим знанием греческого языка, так как большинство негреческого населения хотя и освоило греческую речь, но было неграмотным.

Поставив перед собой задачу «исследования местных имен с целью выяснения их этнической принадлежности» (стр. 120), автор почему-то уклонился от его решения, хотя бы гипотетического, и не сделал даже попытки раскрыть их этническую принадлежность.

Что касается «удельного веса» этого негреческого населения в обществе, то автором убедительно доказана его подчиненная, в целом, роль в городах Северного Причерноморья в раннюю эпоху их существования. Но, как нам кажется, следовало бы отметить, что определенная часть этого населения, пробившись в высшие общественные слои, старалась поскорее забыть свое варварское происхождение, меняя свои варварские имена на греческие и принимая веру и обычаи греков. То же явление, но относящееся уже к правящей верхушке, наблюдается много времени спустя, когда в период римского господства греки подлаживались под завоевателей, что выражалось не только в распространении римских имен, но и в заимствовании у римлян многих религиозных культов, обрядов, мод и т. д.

Кроме эпиграфических данных, Т. Н. Книпович обращается и к другим материалам для доказательства наличия варварских элементов в составе населения Ольвии в ранний период.

Таковыми являются, прежде всего, материалы ольвийского некрополя и специфические черты в некоторых предметах ольвийского производства, позволяющие предположить в них работу мастера-скифа. В первом случае автор останавливается на на-

личии погребений в скорченном положении, считая их, вслед за С. И. Капошиной, скифскими, во втором — на технике производства ольвийского литья.

И то и другое составляет тему специальной статьи С. И. Капошиной «О скифских элементах в культуре Ольвии». С. И. Капошина ставит перед собой ту же задачу, что и Т. Н. Книпович в рассмотренной выше статье,— выделение негреческих этнических элементов в населении Ольвии. Автор ограничивает свои поиски в этом направлении скифскими элементами. Может быть, следовало бы поставить задачу несколько шире: выделить вообще негреческие элементы в материальной культуре и систематизировать их, а уже затем, по мере накопления и изучения специфики этого материала, дать более конкретное определение, к какой именно этнической среде может относиться тот или иной материал.

Остается неясным, на основании каких именно специфических признаков автор относит к скифам лепную керамику и каменные орудия, найденные на территории города Ольвии, тем более что на стр. 171 мы читаем, что «определить этнический состав населения крупного городского центра в зависимости от употребления в быту привозной или местной керамики невозможно».

Интересно сделанное автором наблюдение, что лепная кухонная посуда, найденная в слоях Ольвии архаического и эллинистического времени,— дело рук женщин. Приведенный материал и аналогии к нему убедительны. Однако следовало бы учесть, что при очевидном наличии варварского элемента в составе населения Ольвии эта керамика могла бытовать не только в указанное время, но и гораздо позже, примеры чего мы наблюдаем в Херсонесе, где в могилах первых веков нашей эры встречались и лепная посуда и не оконченные обработкой каменные орудия.

Автор считает, что влияние местного населения сказалось в Ольвии и в употреблении в быту горожан «скифской» керамики. По нашему мнению, здесь надо усматривать не влияние, а самый факт наличия варварских элементов в числе городских жителей. Лепная керамика принадлежала только им, а отнюдь не грекам, которые и для кухни лепную посуду не употребляли и тем более не делали.

Говоря об антропоморфном каменном изваянии, найденном при раскопках Б. В. Фармаковского в 1902 г., автор усматривает в нем черты более древнего времени, «нежели даже самые ранние скифские изваяния» (стр. 157), но определить более конкретно эти «нескифские» черты не пытается. Между тем следовало бы связать это изображение с подобной же находкой из Кобякова городища, где вместе с нею оказалось скорченное погребение. Мною была сделана сводка подобных изображений. На основании многих данных оказалось возможным отнести их к группе доскифских, а именно — киммерийских памятников, традиции которых сказались в местном изобразительном искусстве также и античного времени [1].

С этими же древнейшими доскифскими, киммерийскими, как мы можем уже конкретизировать, традициями следует связывать и скорченные погребения, об одном из которых (находка 1932 г.) автор правильно отзывается как о «доскифском».

Нам представляется правильной отмеченная автором связь местного художественного литья и штампа с урартийско-закавказскими традициями в искусстве (стр. 189 и др.). Однако если есть фактические основания говорить об ольвийском бронзовом художественном литье и убедительны доводы автора о существовании в Ольвии в VI—V вв. до н. э. золотого тиснения и штампа (бляшки с птичьими головами и др.), то пока еще нет никаких данных утверждать наличие в это же время развитого ювелирного производства сканных и литых золотых украшений.

Очень сомнительно, что во второй половине V в. до н. э. боспорские изделия вытеснили ольвийские из Приднепровья и ольвийский экспорт с тех пор стал распространяться на запад (стр. 188). Никаких данных в пользу этого положения автор не приводит. Единственным его аргументом является распространенное в современной литературе и неизвестно на каких фактах основанное, мнение о превалировании боспорского ювелирного искусства над всеми другими в Причерноморье [2].

По вопросу об этническом составе города и правовом положении негреческой прослойки автор делает правильное, на наш взгляд, заключение, что негреческие элементы, занятые в различных областях ремесла и городского хозяйства, подвергаясь с течением времени дальнейшей эллинизации, постепенно входили в основной состав населения Ольвии (стр. 189).

Статья С. И. Капошиной «Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья» в части, посвященной поселению на о. Березани (VII—VI вв. до н. э.), является первой в советской литературе сводной работой, подводящей итоги старым исследованиям на основании собственной, методологически верной, с нашей точки зрения, концепции.

---

[1] Н. В. Пятышева. Античное влияние на варварскую скульптуру Северного Причерноморья. ВДИ, 1946, № 3. В настоящее время на основании раскопок А. И. Тереножкина оказалось возможным отнести их к еще более ранним культурам. См. А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на строительстве Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 15—20.

[2] См., например, Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 354.

Выделив специфически местные черты, главной из которых является обряд погребения в скорченном положении, автор справедливо считает, что эти погребения принадлежат не грекам, а тем группам местного населения, которые входили в состав населения античных городов (стр. 231). Автор прав, считая эти группы не предшественниками греческой колонизации, а синхронными с ней (стр. 236).

Но, отметив и доказав смешанный характер населения эмпория, автору следовало бы острее поставить вопрос как о выяснении его этноса, так и о роли этих негреческих групп в жизни эмпория. С этой точки зрения принципиальное значение имеет затронутый автором вопрос о топографических особенностях греческого эмпория на о. Березани — вопрос о возможности погребений близ жилья.

Один из первых исследователей Березани — Э. Р. Штерн — на основании материала своих раскопок пришел к выводу, что в древнейший период существования эмпория покойников хоронили в специальных погребальных ямах близ жилищ или даже внутри них[3]. Такого же мнения придерживался Б. В. Фармаковский по отношению к древнейшим топографическим особенностям Ольвии[4].

С. И. Капошина считает мнения обоих исследователей несостоятельными. Ссылаясь на отсутствие якобы археологических данных в их пользу, автор апеллирует к выводам другого исследователя — Г. Л. Скадовского, который, копая некрополь на Березани, нигде в своих отчетах не упоминает об остатках жилищ. Но при ссылке на Г. Л. Скадовского сама же С. И. Капошина отмечает его полную беспомощность в вопросах стратиграфии. В таком случае вполне возможно, что, ставя перед собой задачу исследования могил, он не обращал внимания на остатки жилья.

Топографическое и стратиграфическое соотношение жилищ, кострищ с захоронениями и ям («погребальных», по Э. Р. Штерну, и «невыясненного назначения», по С. И. Капошиной) остается неясным и в данной работе. Следует отметить, что наиболее близкой аналогией поселению, где отмечены погребения в ямах и детские погребения в амфорах, расположенные рядом с жилищами, является Неаполь скифский, несмотря на его значительно более позднее по сравнению с березанским поселением время существования[5]. Этот факт следовало бы отметить, как еще одну специфическую и именно местную, варварскую черту в этнически смешанных поселениях.

Не меньший интерес представляет и вопрос о жилищах в виде грушевидных ям на Березани. Жильем местного негреческого населения в период VII в. до н. э. считают их Э. Р. Штерн, О. А. Артамонова и М. Ф. Болтенко. С. И. Капошина, соглашаясь лишь с датой бытования этих ям, опровергает мнение указанных археологов об их назначении, ссылаясь лишь на небольшие размеры ям и отсутствие в них очагов. Однако в раскопках Э. Р. Штерна в 1904 г. в одной из таких ям был обнаружен дымоотвод, вырубленный в скале, а в раскопках О. А. Артамоновой — очаг.

К отмеченным автором специфическим чертам погребального обряда на Березани относится засыпка покойника углем. Автор считает этот обычай как бы переходным этапом от трупосожжения к трупоположению, объясняя возможность возникновения этого ритуала дороговизной или отсутствием дерева — дров. Присоединяясь к мнению автора, мы считаем этот ритуал как бы символом трупосожжения, применявшимся в основном у негреческих элементов населения. Он зафиксирован во многих некрополях Северного Причерноморья.

Ошибочно утверждение (стр. 232), что в других античных некрополях Северного Причерноморья трупосожжения весьма редки. В Херсонесе они известны в больших количествах, так же как кострища-крематории. Много их в боспорских некрополях.

На стр. 213 автор указывает на невозможность проследить на территории Нижнего Побужья преемственность культур населения от эпохи бронзы до скифской эпохи. Ниже (на стр. 253) автор говорит о вытеснении киммерийцев с этой территории скифами, что облегчило интенсивное проникновение сюда греков. Однако вытеснение отнюдь не обозначает уничтожение, поэтому такие специфические черты, как скорченные погребения и примитивные антропоморфные изображения на каменных плитах, о которых шла уже речь, могут связываться именно с этим древнейшим, доскифским населением. Остатки этого населения, синхроничные грекам и скифам, долго еще сохраняют свои характерные черты.

В разделе «Ранние поселения Нижнего Побужья» следует отметить правильный взгляд автора на смешанный греко-скифский характер населения поселений IV—III вв. до н. э., основным занятием которого было земледелие.

Статья Ф. М. Штительман «Поселения античного периода на побережье Бугского лимана», как и вторая статья С. И. Капошиной, посвящена теме раскрытия периферийного окружения Ольвии. Автору удалось выявить многие конкретные штрихи, позволяющие с гораздо большей полнотой, чем это было до сих пор, говорить о характере этого окружения.

Отчетливо и убедительно выяснен тип жилищ и его изменения на протяжении длительного времени. Однако мы не можем согласиться с предположением автора о существовании перекрытий в виде камышового настила, промазанного глиной (стр. 259). В климатических условиях Украины камышовых или соломенных крыш, об-

[3] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 108.

[4] ОАК за 1908 г., стр. 69.

[5] Н. Л. Эрнст. Неаполь скифский (к столетию со времени первых раскопок). 2 конференция археологов в Херсонесе в 1927 г. Севастополь, 1927, стр. 26.

мазанных глиной, никогда не было и быть не могло: такие крыши набухали бы от дождя и снега и проваливались бы от собственной тяжести. Соломенные и камышовые крыши (двускатные или односкатные) ни в какой обмазке не нуждались, так как вода стекала по ним, нигде не задерживаясь и не проникая внутрь.

В статье убедительно представлен материал, характеризующий земледелие, как основное занятие населения, и товарность хлебного хозяйства. Наличие скотоводства, по приведенным данным, также можно считать доказанным, чего нельзя сказать о развитии виноделия, несмотря на находки виноделен в Ольвии.

Автор отмечает (стр. 257), что основная масса поселений (40 из 51) не имела оборонительных сооружений, и обращает внимание на то место в декрете в честь Протогена, из которого следует, что единственным укрепленным пунктом на побережье Бугского лимана была Ольвия.

Достоинством статьи является и приложенная к ней карта археологических памятников Бугского лимана.

М. И. Максимова в статье «Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати», на материале самых миниатюрных памятников прикладного искусства — глиптики, путем убедительных доводов и сопоставлений освещает один из мало изученных вопросов истории как Ольвии, так и других городов Северного Причерноморья в античное время — вопрос о конкретных связях с другими центрами античного мира.

Предположенная ею локализация одного из таких центров в пределах Южной (но не Западной) Малой Азии представляется нам вполне убедительной.

Автор отмечает, что нельзя считать только греческим то искусство, которое развилось на территориях, весьма отдаленных от собственно Греции, но подвергшихся ее огромному художественно-стилистическому влиянию. М. И. Максимова справедливо берет за основу не традицию и влияние, а ту этническую и социальную среду, в которой это искусство развилось и для которой предназначалось.

Исследование Н. П. Розановой «Монеты царя Фардзоя» касается вопроса взаимоотношений Ольвии со скифами и является существенным дополнением к общей тематике сборника. Представляются убедительными доказательства, приведенные автором в пользу даты царствования Фардзоя (или Фарзоя),— не позже 80-х годов I в. н. э., что совпадает, уточняя его, и с мнением А. В. Орешникова относительно времени правления этого царя [6].

В целом рецензируемая книга является сборником серьезных исследований, необходимым для всех научных работников, занимающихся историей Северного Причерноморья античного периода.

Н. В. Пятышева

---

[6] А. В. Орешников. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. ЗРАО, т. IV, вып. 1, 1890, стр. 21.

Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА, № 58, 1957. Тираж 2000. Цена 17 р. 60 к.

Сборник состоит из четырех статей: «Железный век Башкирии», «Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири», «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры» и «Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь)».

Первая статья (стр. 5—107) — «Железный век Башкирии» — принадлежит перу известного знатока железного века Приуралья А. П. Смирнова. Она состоит из введения, семи глав и заключения и снабжена приложением — списком памятников, составленным И. А. Талицкой. Во введении автор кратко знакомит читателей с историей археологических исследований на территории Башкирии. В главе I освещается эпоха поздней бронзы.

Основными являются главы II—VII, в которых характеризуется железный век, начиная с его истоков и до эпохи Золотой Орды включительно. Неразработанность проблемы происхождения башкир и их ранней истории требует широкого привлечения археологических данных. Сложность антропологического состава и этнографических типов башкир, доказанная С. И. Руденко, заставляет искать корни в источниках ранней истории.

Статья А. П. Смирнова систематизирует, можно сказать, исчерпывающе источники по железному веку Башкирии. Многие важные работы (Ф. Д. Нефедова, Н. И. Булычева, В. В. Гольмстен, А. В. Шмидт), сделавшиеся библиографической редкостью, излагаются весьма подробно. Этим путем и через публикацию большого числа отдельных находок вводится заново в научный оборот значительный материал. Путем присущего автору тонкого анализа чуть ли не каждого отдельного предмета из памятников эпохи железа он шаг за шагом, насколько это позволяет весьма ограниченный материал, прослеживает развитие истории населения Башкирии, главным образом ее приуральской части.

В результате автор проследил, правда, «в предварительном порядке», процесс сложения башкирского народа. В эпоху раннего железа территория Башкирии делится на два культурно-исторических района. В степях оставили свои курганы савроматы (сарматы), потомки племен андроновской и срубной культур. В начале нашей эры они продвигаются в лесостепь, что автор связывает с движением гуннов. К последним он относит некоторые погребения на территории г. Уфы, к сожалению, ничем не аргументируя свое мнение. Наоборот, в другом месте (стр. 104) он категорически отрицает наличие гуннских погребений в г. Уфе. Заслуживает внимания мнение А. П. Смирнова о том, что пережитки матриархата у савроматов надо объяснять большой ролью женщины в земледелии и важным местом войны в жизни общества.

Севернее сарматской территории расположены памятники оседлой уфимской, или кара-абызской, культуры (вариант ананьинской). Автор соглашается с заключением, сделанным в 1934 г., о генетической связи Баланбаша с кара-абызской культурой[1]. Сейчас можно указать ряд памятников — непосредственных предшественников последней. Этим памятникам предананьинского времени — культуре Курман-Тау — автор совершенно не уделяет внимания. К сожалению, карта культур эпохи раннего железа (стр. 23) не лишена неточностей. Ананьинские памятники не показаны на Средней и Верхней Каме, а помещены восточнее. Следовало бы отметить и сарматскую (а не только савроматскую) территорию. Автор предполагает существование в пьяноборское время на территории Башкирии местного варианта пьяноборской культуры, развившегося на базе кара-абызской культуры.

В главах III—IV, посвященных раннему средневековью, А. П. Смирнов выделяет три района, отличающихся друг от друга характером памятников I тысячелетия н. э. На прилегающей к Башкирии территории Южного Приуралья к V—XIII вв. относятся курганы, исследованные у Соль-Илецка Ф. Н. Нефедовым, и каменные площадки, изученные в районе г. Орска Б. Н. Граковым. Автором подмечены черты в погребальном обряде и могильном инвентаре, которые позволили ему сделать вывод о генетической связи столь поздних памятников с могильными сооружениями сарматского и даже андроновского времени. Другую часть курганов, раскопанных Ф. Н. Нефедовым, в которых не наблюдается сохранения древних местных традиций, автор считает возможным относить к пришлым башкирским племенам. К сожалению, ничего не говорится о том, откуда продвинулись сюда башкиры и на чем основано определение этнической принадлежности этих пришлых племен. Заключение автора о том, что быт этих племен «значительно ниже того, который мы знаем у племен более ранней, андроновской культуры или у савромат» (стр. 46), непонятно. Трудно согласиться с тем, что за одну-две тысячи лет быт местного населения не только не прогрессировал, а даже регрессировал. Делать такие выводы на основании могильного инвентаря рискованно. Последний далеко не всегда полностью отражает действительность. Уменьшение количества ценных предметов в могилах позднего времени объясняется не обеднением населения, а изменением обряда в сторону сохранения ценностей для живых.

Более определенно рисуется характер пришлого населения в это время во второй области — в лесостепи, на юго-западе современной Башкирии. Левашевский могильник с вещами салтовского типа оставлен тюркизированными потомками сарматов — болгарами, продвинувшимися с юга.

В лесной части Башкирии в I тысячелетии н. э. продолжали жить потомки местных кара-абызско-пьяноборских племен, оставившие памятники бахмутинского типа. Но и в их культуре несколько сказалось проникновение южных элементов. Из района же Уфы во второй половине I тысячелетия н. э. местные племена были вытеснены. Второй Уфимский и Новиковский могильники оставлены продвинувшимися сюда степняками. Едва ли все же можно столь категорично заявлять, что «на территории Башкирии, начиная с южных ее границ и кончая левобережьем Камы, в эпоху с IV до IX в. н. э. мы встречаем чужеземные племена, культура которых не имеет ничего общего с местной культурой предшествующего времени» (стр. 64). Убедительно доказывая проникновение на территорию Башкирии предкавказских элементов, автор упускает из виду то, что они происходят из той же среды, которая на юге Башкирии была представлена издревле местными сарматскими племенами. Пришельцы проникали на юге Башкирии в родственную среду. Другое дело — в лесной полосе.

В главе V — «Эпоха X—XIII вв.» — автор останавливается на немногочисленных памятниках этого периода, когда завершается формирование башкирского народа. Высказывая интересную мысль о том, что бóльшая отсталость общественного строя племен Башкирии в конце I тысячелетия н. э. по сравнению с Волжской Болгарией объясняется постоянной борьбой местного населения с проникшими сюда кочевниками, А. П. Смирнов связывает с этими отношениями «укрепления из валов, защищавших не отдельные заселенные пункты, а целые территории» (стр. 71). Подавляющее большинство перечисленных автором валов, длиной от 63 *м* до нескольких сот метров, конечно, не могло защищать «целые территории». Больше оснований видеть в них сооружения хозяйственного назначения.

Весьма ценны для решения проблемы этногенеза башкир соображения автора об этнической принадлежности носителей различных археологических культур, о посте-

[1] П. А. Дмитриев, К. В. Сальников. Гор. Уфа — ст. Ишимбаево. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.— Л., 1941, стр. 132

пенной ассимиляции коренного финно-угро- и ираноязычного населения тюркскими племенами, которая завершается в этот период.

К золотоордынскому времени относится ряд монументальных памятников, главным образом мавзолеев, в архитектуре которых автор усматривает влияние Волжской Болгарии, Средней Азии и Азербайджана. Из этих стран на территорию Башкирии и соседних областей распространялось мусульманство. Автором приводится также список городищ, которые на основании находок на них болгарской керамики могут быть отнесены к золотоордынскому времени. Но в эту категорию попали без всякого основания и такие городища, как Мокрый Лог на р. Миас и городище у дер. Гороховой, исследованные Р. Г. Игнатьевым. Гороховское городище — это известное городище «Чудаки» сарматского времени, на котором находок болгарской керамики нет.

Исследованию железного века предпосылается глава I — «Эпоха поздней бронзы». В этой главе автору изменяет та тщательность, «ювелирность» анализа, которая характерна для глав, касающихся железного века. К эпохе поздней бронзы на территории Башкирии относятся памятники срубной, андроновской и абашевской культур.

Стремясь к исчерпывающему перечислению памятников эпохи бронзы, автор привлекает даже такие источники, как «Памятные книжки Уфимской губернии» и газетные заметки, а, наряду с этим, публикации в изданиях Академии наук использованы неполностью.

Из числа памятников срубной культуры выпали стоянки у с. Ибракаево, у с. Самсык и ряд памятников на р. Белой [2]. Нельзя согласиться с А. П. Смирновым, что стоянка Самсык относится к кара-абызскому типу (стр. 30—31). Керамика этого памятника типично срубная [3]. Следует отметить, что относить к определенной культуре могильники лишь по внешнему виду, как это часто делает автор, чрезвычайно рискованно. Если каменные кольца и оградки действительно обычны для андроновских могильников, то курганы «с насыпью из больших диких камней», как у с. Исмагулова (стр. 10), не могут быть безоговорочно признаны андроновскими. Нельзя согласиться, что курганы овальной формы у с. Ижбердино — абашевские. Насыпи высотой 4—6 *м* неизвестны среди абашевских памятников. Автор справедливо отмечает наличие черт андроновской культуры в срубных памятниках Башкирии, но стоянку Нижнее Курман-Тау нельзя относить ни к андроновской, ни к срубной культуре. Керамика ее настолько характерна по форме («воротнички») и по орнаменту («флажки»), что это позволило ряду авторов причислить ее к особой группе памятников — прединаньинской (А. В. Збруева), или культуре Курман-Тау (К. В. Сальников). Меандр на посуде стоянки отсутствует. Нет его и на сосудах из могильника у с. Куганак, который состоит всего из двух полуразрушенных погребений. Вообще ни одного исследованного андроновского памятника на территории Приуральской Башкирии пока не известно.

Основное внимание в главе I уделено проблеме абашевской культуры в Башкирии. А. П. Смирнов, признавая, что селище Баланбаш «характеризует один из местных вариантов абашевской культуры» (стр. 18), пытается все же обосновать выделение особой, баланбашской культуры.

Как ни заманчиво для автора настоящей рецензии присвоить имя селища Баланбаш [4] особой культуре, оснований для этого недостаточно. Как отдельный вариант абашевские памятники Урала рассматриваются с 1952 г. По мнению А. П. Смирнова, от абашевского «баланбашский керамический комплекс резко отличается отсутствием среди находок круглых днищ», а также наличием в орнаментации сосудов сечкообразного узора, звездчатых наверший и узких треугольников (стр. 16). Но узкие треугольники известны и в Алгашинском могильнике, и в Васюковском, причем в последнем — с навершиями (отсутствуют лишь «реснички»). Среди посуды селища Баланбаш имеются сосуды со столь слабой уплощенностью дна, что нельзя слишком отделять их от круглодонных. Наличие в керамике абашевских памятников Башкирии примеси толченой раковины и якобы отсутствие ее в чувашских — различие несущественное и не может свидетельствовать о связи с андроновской культурой. Примесь толченых раковин далеко не типична для андроновской керамики, а, с другой стороны, в керамике абашевских памятников Чувашии А. А. Спицын отмечает, наравне с другими примесями, и примесь раковин («Корочки», № 292). Не отрицая некоторого сходства в орнаментации отдельных сосудов с селища Баланбаш с андроновской керамикой, нельзя не отметить, что валики, треугольники и даже меандры в Баланбаше особые, отличные от андроновских.

Сейчас говорить о баланбашской культуре преждевременно, поскольку нельзя четко выделить ее особенности и неясна ее территория. В дальнейшем, когда накопление материала по абашевской культуре позволит расчленить ее на отдельные локальные племенные культуры, среди последних, возможно, будет фигурировать и баланбашская культура.

---

[2] Р. Б. Ахмеров. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, вып. 59, 1955.

[3] Башкирский музей, инв. № 400.

[4] Селище Баланбаш открыто и исследовано Южным отрядом (рук. К. В. Сальников) экспедиции ГАИМК 1934 г. М. И. Касьянов входил в Северный отряд (рук. П. А. Дмитриев) и на селище Баланбаш не был (ср. стр. 11).

Карта памятников эпохи бронзы (рис. 1) вызывает досаду из-за излишней схематичности и несогласованности с текстом. Автор, в полном соответствии с фактами в тексте, доводит территорию срубной культуры до рек Камы и Белой, а на карте территория срубной культуры заканчивается намного южнее. В тексте р. Белая фигурирует как пограничная между срубной и андроновской культурами (стр. 8). На карте этого не видно.

Нельзя не отметить досадных корректурных пропусков и искажений: М. Ф. Чурко именуется М. Ф. Чурковым (стр. 10, прим.), К. В. Сальников — В. К. Мальниковым (стр. 107), у Р. Г. Игнатьева в нескольких случаях искажено отчество (стр. 98—99), статья П. А. Дмитриева и К. В. Сальникова «Гор. Уфа — ст. Ишимбаево» превращена в статью П. А. Дмитриева «Исследования в БАССР» (стр. 13). Пересказ автором характеристики некоторых видов керамики, даваемой К. В. Сальниковым (СА, XXI, стр. 61, 62), приписывается П. А. Дмитриеву (стр.13). В списке памятников под №№ 87 и 100 Мало-Кизильское селище у пос. Супряк именуется Кусупрякским.

Но в целом статья А. П. Смирнова приводит в систему изучение железного века Башкирии и послужит на долгие годы отправным пунктом для всех исследователей, работающих над отдельными проблемами этого периода истории Башкирии.

Статья В. И. Мошинской «Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири» посвящена разбору интересного и очень важного памятника. Поселение Сузгун II не только дало огромное количество керамики, но, что важнее, характеризуется достаточно четкой стратиграфией. Все это позволило выделить четыре типа керамики и расположить их в некоторой хронологической последовательности. Впрочем, сосуды I и II типов встречались во всех слоях. Остается невыясненным, является ли это результатом переживания древних форм и на поздних стадиях развития или же древние, наиболее многочисленные, типы проникали в верхние горизонты в результате деятельности людей, оставивших поздние наслоения. Изменения в форме и орнаментации керамики, прослеженные послойным анализом, находят себе аналогии в других районах Западной Сибири и Зауралья.

Впервые в печати автор отошел от укоренившейся традиции — объяснять родственные андроновским черты в керамике лесной бронзы Зауралья влиянием с юга, из областей, занятых андроновскими племенами. Но ставя вопрос о взаимоотношениях андроновской культуры с «андроноидными» культурами лесного Зауралья и Западной Сибири, автор не решает его, справедливо указывая, что осуществить эту задачу можно лишь после выяснения генезиса андроновской и родственных ей культур. К сожалению, автор не излагает, хотя бы в качестве рабочей гипотезы, никаких соображений в этом направлении. Отмечая, что предшественниками сузгунской культуры были такие памятники, как Салехард I, Сортынья II, Липчинская и Вторая Андреевская стоянки, автор ничего не говорит о генетической связи между ними и Сузгуном, хотя в общем контексте эта связь как будто и подразумевается.

Публикация материалов поселения Сузгун II, несомненно, поможет разобраться в сложных вопросах истории племен эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири. Хотелось бы, чтобы скорее был введен в научный оборот остальной материал поселения. Опубликованных образцов керамики, к тому же неудачно воспроизведенных типографией (табл. I), явно недостаточно.

В. Н. Чернецов — известный исследователь Нижнего Приобья — за время своей многолетней деятельности собрал огромный археологический материал, что позволило ему выступить с рядом обобщающих работ по истории древнего населения этого района нашей страны. Цель очередной своей статьи «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры» В. Н. Чернецов определяет следующими словами: «...первичная систематизация археологического материала, установление периодизации и хронологии, которые могли бы служить основой для разработки истории угорских племен Приобья в I тысячелетии н. э.» (стр. 238). Хотя подавляющее большинство памятников, относимых автором к I тысячелетию н. э., представлено скудным материалом, В. Н. Чернецов сумел создать первую в истории исследования Нижнего Приобья периодизацию этой эпохи. В основу ее были положены стратиграфические наблюдения на многослойном городище Ус-Толт, позволившие выделить несколько хронологических групп керамики. На основании, главным образом, керамики В. Н. Чернецов расчленил историю развития местных племен в I тысячелетии н. э. на три этапа: ярсалинский (послеустьполуйский) этап, II—III вв. н. э.; карымский — IV—V вв. н. э.; оронтурский — VI—IX вв. н. э. Четвертый этап — кинтусовский (X—XIII вв.) — выходит за пределы I тысячелетия.

Указываются и однослойные памятники, относящиеся к тому или иному этапу.

За этот огромный отрезок времени такой массовый материал, как керамика, претерпевал очень слабые изменения, что, с одной стороны, чрезвычайно затрудняло деление на этапы, но с другой — не оставляло места сомнениям в том, что здесь мы имеем не смену этнического состава, а развитие одних и тех же племен от этапа к этапу.

Удачно привлекая данные угорского языка, фольклора и этнографии, В. Н. Чернецов убедительно показал принадлежность памятников Нижнего Приобья I тысячелетия н. э. предкам современных угров. Весьма важно намечаемое автором выделение трех культурных областей, различающихся по керамике. Для Обь-Иртышской таежной области характерна керамика со штампо-гребенчатым орнаментом, для средней части Урала и Зауралья — с гребенчато-шнуровым и для лесостепи и степи Зауралья и При-

иртышья — бомбовидные сосуды с высоким горлом (типа погребения № 8 Перейминского могильника).

Заслуживает большого внимания гипотеза В. Н. Чернецова о принадлежности этих групп керамики соответственно племенам древнехантыйским, древнемансийским и протомадьярским.

В непрерывное развитие керамики нижнеобских племен изредка вторгаются посторонние элементы с юга и юго-запада. Керамика Перейминского могильника выпадает из типологического ряда, характерного для данной области. И не только сосуды из погребения № 8 чужды местным традициям и, как совершенно правильно отмечено В. Н. Чернецовым, заставляют вспомнить керамику степных курганов Зауралья. Сосуды из погребений №№ 4 и 6 (табл. XV, *1, 2*), насколько можно судить по фотографиям, очень близки посуде бакальской культуры из городищ среднего течения р. Исети, которая предварительно датируется ломоватовским временем [5]. В памятниках бакальской культуры находит себе аналогию и один из сосудов Козловского могильника (табл. XI, *9*). Убедительная датировка Козловского и Перейминского могильников харинским временем позволяет удревнить дату бакальской культуры. Нам представляется, что упоминание керамики так называемого «зауральского ананьина» как близкой к шнуровой керамике, типичной для местности «к юго-западу от Тобольского района» (стр. 223), весьма интересно. Но следует отметить, что близ Свердловска и южнее шнуровой орнамент в массе появляется в первые века нашей эры (могильник на стоянке «Калмацкий Брод» [6], жертвенные места «Шарташские Палатки», Чертово городище [7]). Более ранняя шнуровая керамика усть-полуйского типа (а не зауральско-ананьинского) встречается крайне редко. Если правильно предположение В. Н. Чернецова, что керамика, украшенная шнуром, принесена во второй половине I тысячелетия до н. э. в Нижнее Приобье угорскими племенами из местности к юго-западу от Тобольского района, то и появление усть-полуйской керамики в Зауралье надо вести с востока.

Размер рецензии не позволяет остановиться на всех вопросах, затрагиваемых в статье. Не вдаваясь в подробности полемики В. Н. Чернецова с М. П. Грязновым о дате усть-полуйской культуры, следует отметить, что материал рецензируемой статьи вносит много нового в пользу точки зрения В. Н. Чернецова.

Не лишена статья досадных корректурных искажений. В табл. VIII перепутана нумерация фигур; на стр. 214 перед фамилией Николая Николаевича Бортвина стоят инициалы Н. И.

Как первый опыт систематизации памятников Нижнего Приобья I тысячелетия нашей эры, статью В. Н. Чернецова, несомненно, надо приветствовать. Она вводит в научный оборот материалы не освещенного в археологической литературе огромного этапа исторического развития населения Нижнего Приобья, убедительно связывая его с предками хантов.

В небольшой статье И. М. Золотаревой дается антропологическая характеристика населения, оставившего Перейминский и Козловский могильники на берегу Андреевского озера, близ г. Тюмени. Три черепа автор относит к местному типу, промежуточному между монголоидным и европеоидным, на двух усматривает искусственную деформацию. Автор справедливо расценивает эти черты как свидетельство связей местного населения с южными областями.

В заключение следует отметить, что в целом рецензируемый сборник, безусловно, сыграет большую роль в деле дальнейшего изучения археологии столь слабо исследованных областей — Приуралья и Приобья — и поможет создать историю древних местных племен, в первую очередь — предков башкир и обских угров.

К. В. Сальников

---

[5] К. В. Сальников. Исетские древние поселения. СА, XXV, 1956, стр. 213, рис. 18.

[6] П. А. Дмитриев. Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на реке Исети. Свердловск, 1934, рис. на стр. 12

[7] Коллекции Свердловского музея.

D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. The Il Khanid Period. Princeton 1955. 208 стр. + 277 рис.

Первые публикации Д. Н. Вильбера, посвященные памятникам средневекового иранского зодчества, появились в 30-х годах. Двадцать лет спустя он выпустил в свет книгу обобщающего характера, которая освещает картину развития архитектуры Ирана в эпоху ильханов (XIII—XIV вв.). Вслед за соответствующей главой II тома «A Survey of Persian Art» (L.— N. Y., 1938) это было значительным шагом вперед в исследовании проблемы.

В первом разделе дается краткий обзор истории Ирана под властью монгольских ханов и обрисовывается на основе письменных источников картина общего состояния

строительства в эту эпоху. Обзор строится по династическому принципу, что, на наш взгляд, создает иногда искусственные хронологические рубежи. Они далеко не всегда соответствуют тем радикальным сдвигам в развитии архитектурных направлений, которые были вызваны не индивидуальными вкусами и пристрастиями ханов по мере их смены на престоле, а более глубокими общественными причинами развития феодальных городов и феодальных институтов.

Основное содержание книги заключено во второй ее части, разбитой на несколько глав. Она открывается разделом «Ведущие черты ильхановской архитектуры» (стр. 31—34), хотя, пожалуй, логичнее было бы именно этим завершить труд, подводя итог всему привлеченному и проанализированному автором материалу. Вслед за тем предлагается классификация построек (стр. 35—37), где устанавливаются ведущие типы культовых зданий (мечети, медресе, мавзолеи) и гражданских сооружений (караван-сараи, дворцы и пр.). Вопросы градостроительных композиций затронуты в главе «Связь зданий с их местонахождением» (стр. 38—40). Далее содержатся сведения о проектировании и процессе производства строительных работ, о роли зодчих и их положении в ремесленной структуре труда (стр. 42—47), где автор, между прочим, приводит перечень сохранившихся на некоторых памятниках иранского зодчества XIII—XIV вв. имен мастеров. Обзор основных видов и типов строительных материалов — строительного и облицовочного кирпича, сырца, тесаного и рваного камня, дерева и металла (стр. 47—53) — предшествует характеристике конструкций (стр. 54—67) — оснований и фундаментов, лесов и подмостей, сводов и куполов. Анализируются формы начертания и методы построения арочных кривых — трех- и четырехцентровых и сталактитовых систем (стр. 67—74). Особо рассматриваются типы михрабов, дошедших до нас в значительном числе (стр. 74—76). Анализ некоторых сторон эстетики архитектурных форм (стр. 76—78) предшествует главе, посвященной обзору архитектурного декора (стр. 79—87) — резного штука и фаянсовых мозаик, развитие которых достигает в эту пору исключительного расцвета. В заключение делается попытка выделения региональных архитектурных «школ» (стр. 88—94).

Значительную часть книги составляет обширный «Каталог архитектурных памятников» (стр. 95—191), включающий архитектурные паспорта-описания 119 памятников, сохранившихся на территории Ирана, а также перечень зданий, известных на основании письменных источников, но уже не существующих. Вслед за библиографическим перечнем и указателем следует превосходный альбом фотографий памятников и схематических чертежей их планов, иногда — разрезов и фасадов.

В книге Д. Н. Вильбера наряду с индивидуальными справками по каждому памятнику дано обобщающее исследование, рисующее основные линии развития иранского зодчества почти за 150-летний отрезок времени между монгольским завоеванием и походами Тимура. Наряду с памятниками всемирно известными (такими, как мавзолей Улджейту в Султании, погребальная башня в Радкане, мавзолеи Кума и др.) приводятся сведения о постройках, почти неведомых и еще не вошедших в литературу (мавзолей Шейха-Махмуда в Астара, Зиарет, усыпальницы Хамдаллаха Мустафи в Казвине, Афзаледдина Кашани в Мараке, Имамзаде Худ в Дарджизине, Масджиди-Али в Кухруде, Маджиди аш-Шариф в Верамине, мечеть в Езиране, михраб Имамзаде Абул-Фазл ва-Яхья в Махаллят-Бала, Масджиди-Майон-Дех в Кухпа, Масджиди-Гумбед в Азадане, Масджиди-Пои-Минар в Завре и др.).

Вполне убедителен основной тезис автора о непосредственной преемственности архитектурного стиля периода ильханов от традиций сельджукского зодчества и о дальнейшем развитии их на базе обновленных конструктивно-технических и композиционных решений (стр. 31 сл.).

Не все, однако, в книге может быть принято безоговорочно. Так, при выделении историко-архитектурных школ XIII—XIV вв. автор ограничивается школами азербайджанской и йездской (стр. 88 сл.), пропуская хорасанскую, которая характеризуется рядом вполне индивидуальных стилистических черт. Не всегда убедительно отнесение к данной эпохе некоторых недатированных памятников. Например, Зиарет (катал. № 35, стр. 131, табл. 47, 48 рис. 18, 19), судя по характеру плана, и особенно по типу подкупольной конструкции, включающей систему щитовидных парусов, едва ли старше второй половины XV в. Стилистические особенности миниатюры на табл. 31 также позволяют отнести ее к XV в., а не к 1318 г., как предполагает автор.

Книга Д. Н. Вильбера может быть рекомендована как отличное справочное пособие для советских специалистов, историков архитектуры и археологов-медиевистов, работающих в сопредельных с Ираном областях Советского Востока. Однако нельзя не отметить, что сам автор совсем не знаком с той обширной советской литературой по истории архитектуры Азербайджана, выпуск которой был особенно обилен в послевоенные годы. Достаточно указать, что в библиографии по мавзолею Бердаа дана ссылка лишь на столетней давности труд Н. Ханыкова (стр. 159), в то время как теперь имеются обмеры, фото, описания и анализ этого памятника, выполненные азербайджанскими учеными Е. И. Менучаровым, А. В. Салам-заде, И. Г. Султановым, М. А. Гусейновым и др. Такое незнание литературы о зодчестве областей Советского Азербайджана значительно сузило для автора возможность сравнительного анализа исследуемых им объектов.

Г. А. Пугаченкова

Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия, № 4, 1958. Тираж 2000. Цена 12 р.

В рецензируемом номере «Вестника Московского университета» напечатаны семь статей на различные археологические темы. Отрадно видеть, что среди них три принадлежат перу молодых исследователей (дипломные работы Е. Н. Симоновой, М. А. Дэвлет и Н. Б. Черных). Тематика статей должна прежде всего привлечь внимание историков, археологов и краеведов, интересующихся новыми исследованиями по бронзовому веку Северного Причерноморья, в области скифской, античной и славяно-русской археологии, а также изучением древних этапов исторического развития Южной Сибири и Тувы.

Античная тематика представлена работами В. Д. Блаватского и В. И. Кузищина. В. Д. Блаватскому — автору статьи «Об археологическом исследовании хоры» (стр. 9—14) — принадлежит инициатива в изучении сельскохозяйственной территории (хоры) Боспорского царства, составляющей экономическую основу рабовладельческих государств юга нашей страны и особенно — Боспора. Скудость письменных источников, относящихся к истории хоры, делает особенно важным археологическое изучение мелких поселений Боспорского царства, окрестностей Ольвии и Херсонеса. Автор отмечает, что это изучение позволит шире осветить экономическую историю этих государств, и не только развитие сельского хозяйства, но и различных промыслов, ремесел, а также выяснить характер и значение обмена, глубже изучить социальную структуру общества, его быт, религию и в какой-то мере этнический состав населения. Автор указывает на неравномерность в изучении сельскохозяйственной территории различных городов Северного Причерноморья, справедливо упрекая исследователей «ольвийской периферии» в том, что они не подходили дифференцированно к изучению поселений в окрестностях Ольвии, не ставили вопроса о том, какие из них относятся к полисной хоре, а какие лежат за ее пределами. За последние годы большое внимание уделялось изучению боспорской хоры: в европейской части Боспора исследования производились И. Т. Кругликовой, в Синдике — под руководством В. Д. Блаватского. В данной статье В. Д. Блаватский делится опытом исследования синдских поселений (1950—1954 гг.), излагает методику разведок и раскопок мелких поселений. Соглашаясь в целом с предложенной методикой, я хотел бы возразить автору по одному пункту. Для азиатского Боспора В. Д. Блаватский предлагает вести исследования хоры, разделив ее на части, занятые отдельными племенами. Однако такое деление вряд ли сейчас возможно, так как размещение местных племен в азиатской части Боспора пока весьма проблематично.

В. И. Кузищин в статье «Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э.» (стр. 15—29) останавливается на определении понятия «латифундия» и его экономической сущности, поскольку в исторической литературе нет единого определения этой экономической единицы рабовладельческого мира. Для решения этого вопроса автор широко привлекает данные археологических раскопок италийских вилл, на основе которых он характеризует италийскую латифундию как огромное имение с особым типом натурального и резко экстенсивного рабовладельческого хозяйства.

Статья Е. Н. Симоновой «Керамика предскифского времени на Ингуле» (стр. 31—44) посвящена развитию позднесрубной культуры в Северо-Западном Причерноморье и выявлению ее локального своеобразия. Автор хорошо изучила керамический материал с предскифских поселений р. Ингула, в большей своей части еще не опубликованный, а также дала краткую историю исследования этих поселений, произведенных в основном лишь за последние годы. Отправляясь от материала Сабатиновского поселения на Буге и ряда одновременных поселений Нижнего Днепра и сравнивая его с материалом поселений бассейна р. Ингула, Е. Н. Симонова, на основе развития керамических комплексов, убедительно выделила два последовательных этапа позднесрубной культуры Северо-Западного Причерноморья. Работа Е. Н. Симоновой существенно дополняет и уточняет схему развития культуры предскифского времени указанного района, данную в монографии О. А. Кривцовой-Граковой «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» (МИА, № 46, 1955). Оба автора признают, что основой этой культуры послужила срубная культура, продвинувшаяся сюда с территории Поволжья и получившая местное своеобразие. Е. Н. Симонова, отмечая единство позднесрубной культуры бассейна Нижнего Днепра, Буга и Ингула, выявила и особенности ее развития в каждом из этих районов. Впервые выделенные О. А. Кривцовой-Граковой археологические комплексы Белозерского и Сабатиновского поселений, отнесенные ею к двум этапам позднесрубной культуры — Белозерскому и непосредственно следующему за ним Сабатиновскому,— при дальнейшей проверке оказались локальными группами одного и того же времени. Е. Н. Симонова приходит к выводу, что развитие сабатино-обиточненского типа горшка и его вариантов привело к появлению скифской посуды.

Е. Н. Симонова не ставила перед собой задачу разработки абсолютной хронологии этапов позднесрубной культуры Северо-Западного Причерноморья. Она лишь указывает, что срубная культура появилась здесь на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и дожила до скифского времени. Однако нельзя вполне согласиться с автором в определении нижней даты. Неверно указание, что срубная культура в области Дона (стр. 31) появилась только на рубеже II и I тысячелетий до н. э.: в среднем течении Дона хо-

рошо представлен ранний этап срубной культуры. Начало же позднего этапа этой культуры и ее распространение за Днепр относится скорее всего к последней четверти II тысячелетия до н. э., чему не противоречит находка костяного псалия типа Тосег на Сабатиновском поселении.

Статья Н. Г. Елагиной «Нижнее Поднепровье в эпоху позднего скифского царства» (стр. 45—58) появилась почти одновременно с работой Н. Н. Погребовой «Позднескифские городища на Нижнем Днепре» (МИА, № 64, 1958), посвященной той же теме. Обе эти работы существенно дополняют друг друга в вопросе изучения скифов на позднем этапе их исторического развития. Основные исторические выводы обоих авторов в целом совпадают, за исключением вопроса о происхождении скифского земледельческого населения на Нижнем Днепре. Н. Н. Погребова связывает его с потомками земледельцев эпохи Геродота; Н. Г. Елагина говорит о процессе оседания кочевников. Оба вывода носят гипотетический характер и требуют дополнительных доказательств, которые могут быть получены лишь в результате дальнейших археологических раскопок на Нижнем Днепре. Интересны наблюдения Н. Г. Елагиной о развитии экономики поздних скифов, хотя и сомнительно утверждение, что в это время металлургическое производство утратило свой ремесленный характер (стр. 47). Отсутствие ярких следов металлургии, так богато представленных для более раннего времени на Каменском городище, объясняется, на мой взгляд, лишь недостаточностью исследования поздних скифских городищ. Автор справедливо подчеркивает большую роль Ольвии в экономике (особенно — в торговле) скифов Нижнего Днепра, отмечает их связи с гето-фракийским миром и сарматами, причем с последними — лишь с I в. н. э. Трактовка отношений скифов с сарматами не вызывает у меня возражений, хотя некоторые сопоставления, которые делает Н. Г. Елагина для доказательства влияния сарматской культуры, неубедительны. Так, например, очажные зооморфные глиняные подставки нижнеднепровских городищ вряд ли сарматского происхождения (стр. 57). Их нет ни на Кубани, ни в Танаисе, где было велико сарматское влияние. Скорее права Н. Н. Погребова, связывая их с кельтским миром.

В статье М. А. Дэвлет «Погребальные сооружения тагарской культуры» (стр. 59—70) детально рассматривается погребальный ритуал. На основе уже ранее созданной периодизации тагарской культуры автор прослеживает изменение погребального обряда, разбив его на три этапа. Автор подходит к своему материалу как к источнику для исследования социальных особенностей древнего населения Южной Сибири. На основании изменений, происшедших в погребальном ритуале, она прослеживает постепенное разложение первобытно-общинного строя и социальную дифференциацию общества. В конце I этапа нарушается первобытное равенство: наряду с семейными курганами появляются коллективные могилы членов большой патриархальной семьи и рода, со II этапа выделяются огромные курганы, вроде Салбыкского, как семейные склепы родовой аристократии. Автор правильно рассматривает определенные погребальные группы, курганы, как родовые, группирующиеся в племенные кладбища. Такой подход к изучению могильников очень важен для археолога, который изучает древние родовые и племенные группы на основании погребальных комплексов.

Л. Р. Кызласов в статье «Этапы древней истории Тувы» (стр. 71—90), использовав еще не опубликованные материалы из старых археологических раскопок на территории Тувы и новые материалы своих исследований 1955—1958 гг., дал первую периодизацию археологических культур Тувинской АО. Конечно, для наиболее ранних этапов (палеолита, неолита и ранней бронзы) материал весьма скуден. Для этого времени фактически еще нельзя говорить о периодизации: это лишь первый набросок, схема с большими пробелами. Для раннего железного века автору удалось собрать достаточный материал, чтобы выделить две последовательные археологические культуры Тувы: уюкскую (VII—III вв. до н. э.) и шурмакскую (II в до н. э.—V в. н. э.). Уюкская культура, по мнению Л. Р. Кызласова, принадлежала племенному союзу, неоднородному по своему происхождению, судя по антропологическим данным (чистые европеоиды и монголоиды) и разнообразию погребального ритуала. Смена уюкской культуры шурмакской, резко отличающейся от первой, особенно по погребальному обряду (трупоположение заменяется трупосожжением), ставится в связь с политическими событиями, происходившими в то время в Центральной Азии, с военной активизацией гуннов и продвижением в Туву под напором гуннов гяньгунейкыргызов. Автор отмечает родство шурмакской культуры с таштыкской, сложившейся в тех же исторических условиях в результате передвижения гяньгуней и их смешения с местным населением.

Очень интересна статья Н. Б. Черных «Новгородские ткани из Неревского раскопа» (стр. 101—112). Н. Б. Черных с помощью микроскопического и химического анализов всесторонне изучила ткани из раскопок Великого Новгорода X—XVI вв., хорошо ознакомилась с литературой по истории ткацкого дела, привлекла необходимые источники по русскому ткачеству. В статье рассмотрены вопросы о западных и восточных торговых связях Новгорода в XIII—XVI вв., о конструкции новгородского ткацкого станка, об окрашивании древнерусских тканей. Статья представляет особый интерес, так как ткани из археологических раскопок до сих пор очень мало изучаются, а применение методов точных наук значительно повышает качество исследования археологического материала. Технологическое изучение тканей привело автора к выводу о высокой ступени ткацкого производства в древней Руси.

К. Ф. Смирнов

ХРОНИКА

V ВСЕСОЮЗНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

V Всесоюзная студенческая археологическая конференция, созванная, как и предыдущие, по инициативе Научного студенческого общества кафедры археологии МГУ, проходила в Москве с 30 марта по 4 апреля 1959 г.

Делегатов конференции тепло приветствовали заведующий кафедрой археологии профессор А. В. Арциховский и профессор С. В. Киселев.

В работе конференции приняли участие студенты университетов и пединститутов 26 городов (Бухара, Вильнюс, Воронеж, Горький, Грозный, Ижевск, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Киев, Ленинград, Москва, Нальчик, Новгород, Пермь, Рига, Ростов-на-Дону, Самарканд, Саратов, Свердловск, Смоленск, Ташкент, Тбилиси, Харьков, Чебоксары, Ярославль). Всего было заслушано около 50 докладов и сообщений, охватывающих обширный круг археологических вопросов от палеолита до средневековья. В прениях по докладам выступило свыше 70 человек.

Кроме пленарных заседаний, были организованы секции каменного века, бронзового века, раннего железного века, Кавказа и Средней Азии, средневековья Восточной Европы.

Г. Григорьев (Ленинград) сделал доклад «О некоторых спорных вопросах верхнего палеолита Русской равнины». О Самаркандской палеолитической стоянке сообщил М. Файзиев (Самарканд), отметивший, что она является одной из первых палеолитических стоянок, открытых на территории Узбекистана. Н. Праслов (Воронеж) рассказал об изучении Гмелинской палеолитической стоянки на Дону. Докладчик считает, что эту стоянку нельзя относить ко времени, более раннему, чем Костенки XIX. Мезолитическим стоянкам Кабардино-Балкарии и их месту среди других мезолитических стоянок близлежащих территорий посвятил свой доклад А. Мигур (Нальчик). Г. Айплатов (Йошкар-Ола) рассказал о неолитических памятниках Марийского Поволжья. Л. Соколовская (Иркутск) сделала доклад «Изобразительное искусство каменного века в Прибайкалье».

Итогам восьмилетней работы Камской археологической экспедиции в изучении памятников эпохи бронзы в Частинском районе Пермской области было посвящено сообщение В. Королева (Пермь). Н. Бочкова (Горький) сделала доклад о II Виловатовской курганной группе. По мнению докладчицы, курганы относятся к абашевской культуре.

Г. Шокшуев (Пермь) сделал доклад о раскопках Гремяченского городища V века до н. э. П. Старостин (Йошкар-Ола) доложил о памятниках ананьинского времени Марийского Поволжья. О раскопках Усть-Бельского жертвенного места рассказала Т. Главатских (Ижевск). Т. Кравченко (Москва) сообщила о раскопках двух городищ Чувашии, относящихся к первой половине I тысячелетия нашей эры.

Древним культурным связям Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными территориями в I тысячелетии до н. э. был посвящен доклад В. Виноградова (Москва). В. Даниленко (Харьков) в своем докладе осветил некоторые черты хозяйства эллинистического Херсонеса и произвел поправку в схеме реконструкции виноградных прессов.

О раскопках позднеантичного могильника в Урбниси (II в. н. э.) сообщила М. Замтарадзе (Тбилиси). И. Смирнов (Москва) рассказал о подводных археологических разведках пантикапейской экспедиции 1958 г. и о подготовке первых в мире подводных археологических раскопок.

Торговые и культурные связи племен лесостепи с племенами юхновской, дьяковской и городецкой культур нашли отражение в докладе Э. Кривень (Харьков). М. Хидашели (Тбилиси) в своем докладе проследила эволюцию в орнаментике грузинских бронзовых пряжек в I тысячелетии до н. э. А. Хазанов (Москва) сделал доклад о коллективных погребениях в Крыму в первых веках нашей эры. Докладчик считает, что скифские коллективные погребения в Крыму были погребениями больших или малых семей и оказали значительное влияние на изменение аланского погребального обряда в Крыму.

О раскопках могильника Мыдлань-Шай рассказали Н. Кондратьева (Ижевск), Р. Григорьева (Ижевск) и И. Вайнер (Казань). И. Вайнер отметил связь оружия данного могильника с салтовскими типами оружия. С сообщением о результатах археологических разведок в Цопском районе Грузинской ССР выступил Г. Лордкипанидзе (Москва). А. Гадло (Ленинград) рассказал о результатах раскопок раннесредневековых поселений в Байдарской долине в Крыму.

М. Воробьев (Новгород) в докладе «О христианизации Новгородской земли, по археологическим данным и письменным источникам» отметил, что пережитки языческих культов бытовали длительное время среди населения Новгородской земли. Е. Коновалов (Смоленск) на основании археологических памятников и данных топонимики сделал доклад об этнической принадлежности археологических объектов на территории Смоленской области. А. Прямхин (Воронеж) в докладе «Датировка боршевской культуры» отнес эту культуру в целом к VIII—XI вв. н. э. Исчезновение ее в XI в. докладчик связывает с половецким наступлением. А. Шевченко (Воронеж) сделал доклад «Краткие исторические и археологические сведения о древнерусском городе Торопце», в котором отметил, что Торопец был не только важным торговым и административным, но и ремесленным центром. И. Заринь (Рига) сообщила о раскопках средневекового городища Тервете.

О монументальной скульптуре поздних кочевников в бассейне Северного Донца доложил В. Михеев (Харьков). Л. Ивочкина (Ленинград) осветила результаты раскопок средневековых архитектурных памятников в долине реки Суйфун (XIII в. н. э.).

Доклад А. Хакимова (Бухара) содержал описание архитектурных памятников города Бухары от IX в. н. э. до наших дней. В сообщении «Бухарский арк» Г. Кадырова (Бухара) отметила плохое состояние, в котором находится сейчас этот ценнейший памятник прошлого Средней Азии.

В. Ламтева (Свердловск) рассказала о своих интересных опытах по производству керамики древних форм. Доклад сопровождался демонстрацией посуды, сделанной автором. Об оборонительных сооружениях Средней Азии в эпоху раннего средневековья говорил В. Федоров (Ташкент) в докладе «Сасанидская крепостная стена Гяур-Калы».

Кроме того, на конференции были заслушаны и обсуждены следующие доклады: А. Никитина (Москва) «Результаты работ Ярославской неолитической экспедиции 1958 года», М. Михелбертаса (Вильнюс) «Исследование стоянок каменного века в Литве за годы Советской власти», Цуй Чен-ляо (Ленинград) «О горизонтальной профилировке черепа ископаемого человека», И. Гальперина (Воронеж) «Палеолитические стоянки на Дону», П. Павлова (Чебоксары) «Исследование археологических памятников на территории Чувашской АССР», Ю. Деревягина (Саратов) «Поселения эпохи бронзы Нижнего Поволжья по раскопкам 1958 г.», Г. Власова (Пермь) «Археологические памятники окрестностей города Перми и Верхне-Муллинского района Пермской области», Э. Мирошниченко (Чебоксары) «Изучение абашевских поселений в Чувашской АССР в 1958 г.», Л. Ильиной (Свердловск) «Андроновское поселение у деревни Боборыкиной», Н. Алгимкиной (Горький) «Богородское городище», Р. Ступникова (Нальчик) «Аргуданский гончарный горн», В. Лихолоба (Киев) «Археологические исследования Киевского университета на Каневщине в 1957—1958 гг.».

Тезисы большинства докладов напечатаны типографией МГУ на правах рукописи.

На заключительном заседании выступили заместитель заведующего кафедрой археологии МГУ доцент Д. А. Авдусин и кандидат исторических наук В. Л. Янин, подчеркнувшие значение подобных конференций и пожелавшие делегатам успехов в их дальнейшей учебе и работе. Выступившие делегаты единодушно отметили хорошую организацию V Всесоюзной археологической студенческой конференции.

В. Виноградов, А. Хазанов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ РАБОТ 1958 г.

2—4 марта 1959 г. состоялась очередная отчетная сессия Государственного Эрмитажа, на которой коллектив музея подвел итоги научных работ 1958 г. Открывая научную сессию, директор Эрмитажа М. И. Артамонов отметил, что Эрмитаж, как и в прошлые годы, принимал в 1958 г. активное участие в археологическом изучении нашей страны.

Всего в 1958 г. Государственный Эрмитаж организовал девять археологических экспедиций: Северо-Кавказскую (рук. А. Д. Столяр), Западно-Украинскую (рук. Г. И. Смирнова), Донскую Правобережную (рук. М. И. Артамонов и С. А. Плетнева), Псковскую (рук. Г. П. Гроздилов), Беломорскую и Северо-Двинскую (рук. А. С. Косцова), Нимфейскую (рук. М. М. Худяк и В. М. Скуд-

нова), Кармир-Блурскую (рук. Б. Б. Пиотровский) и Среднеазиатскую (рук. Б. Я. Ставиский). Кроме того, отдельные сотрудники Эрмитажа приняли участие в работах экспедиций ИИМК и ЛОИИМК АН СССР и академий наук союзных республик.

На специальном заседании сессии были заслушаны доклады А. Д. Столяра, Г. П. Гроздилова и А. С. Косцовой о работах руководимых ими экспедиций.

Б. Б. Пиотровский сделал доклад «Эпоха бронзы Закавказья и ее связи с культурой древнего Востока». К. С. Горбунова прочла сообщение «Аттические фигурные сосуды в форме женских голов в собрании Эрмитажа». Доклад на тему «Классические традиции в эллинистических камеях» сделала М. П. Ваулина. Нумизматической тематике были посвящены доклады А. А. Быкова «Восточные монеты клада из Кохтла-Кява», В. М. Брабича «Квестор Тиберий Гракх и его денарий» и И. Г. Спасского «Реплики немецких религиозно-бытовых медалей XVI—XVII вв. в народном искусстве Украины».

Археологический материал был привлечен также в докладах А. В. Банк «Некоторые узловые вопросы истории византийского искусства на XI Международном конгрессе византинистов» и М. И. Артамонова «Восстание кабаров».

Б. С.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

6 апреля состоялась конференция читателей журнала «Советская археология». Конференция обсудила работу редакции и редколлегии, выпустивших девять номеров журнала.

Доклад о работе журнала сделал ответственный редактор А. В. Арциховский. Он отметил большую загруженность портфеля редакции хорошими статьями, что создает длительную очередь печатания. А. В. Арциховский сообщил, что наиболее важные статьи редколлегия пропускает вне очереди. Докладчик особо подчеркнул, что журнал стремится печатать материалы, имеющие широкий интерес и значение для большого числа археологов. Полевые отчеты журнал не должен печатать вовсе. В своей работе редакция исходит из того, что журнал нельзя утяжелять чересчур специальным и частным материалом, который будут читать лишь отдельные археологи. Однако редакция не может пойти на превращение журнала в массовый, популярный орган печати. Научно-популярные статьи журнал печатает только в разделе «В помощь учителю и краеведу». А. В. Арциховский остановился на границах археологии. Он отметил необходимость печатать статьи по вспомогательным историческим дисциплинам (нумизматике, сфрагистике, эпиграфике и т. п.) и материалы о естественно-научных методах в археологии.

Выступивший в обсуждении чл.-корр. АН СССР С. В. Киселев (Москва) сказал, что редколлегия еще мало внимания уделяет тематическому планированию журнала. Он указал, что некоторые темы археологии, которые в последнее время волнуют многих ученых, еще не были освещены на страницах «Советской археологии» (поздний этап трипольской культуры, происхождение ямной культуры и другие проблемы). С. В. Киселев сказал, что все археологи должны подписываться на журнал и содействовать его распространению, и обратил внимание на плохую работу тех организаций, которые занимаются распространением журнала. С. В. Киселев указал на необходимость увеличения обменного фонда АН СССР. При перегруженности портфеля, сказал С. В. Киселев, редакция должна стремиться к сокращению статей, неоправданно больших по объему.

А. Н. Москаленко (Воронеж) сказала, что в Воронеже читают журнал и ждут с нетерпением выхода в свет очередного номера. На журнал «Советская археология» должны подписываться все музеи. А. Н. Москаленко выразила пожелание, чтобы в журнале освещались вопросы преподавания археологии в вузах.

Э. А. Сымонович (Москва) отметил, что журнал выходит регулярно, имеет широкий тематический и территориальный охват, быстро реагирует на события научной жизни. Э. А. Сымонович указал на необходимость улучшить работу отдела критики и библиографии.

И. Н. Бороздин (Воронеж) сказал, что «Советская археология», несмотря на отдельные недочеты, является хорошим научным журналом. Он подчеркнул необходимость освещения вопросов историографии.

Г. А. Пугаченкова (Ташкент) указала на то, что в журнале мало рецензируются книги по археологии периферийных издательств, в частности — среднеазиатские издания. Г. А. Пугаченкова сказала, что журналу следует большее внимание уделять публикации археологических материалов по археологии средневековой Средней Азии.

Н. Н. Воронин (Москва) считает, что журнал правильно определил свое лицо. Оратор указал, что единственный археологический журнал не должен пре-

вращаться в популярный орган. Для популярных статей хорошо было бы организовать специальный массовый журнал. Н. Н. Воронин указал на необходимость публиковать статьи по поздней археологической тематике и по прикладному и монументальному искусству. Он отметил хорошие обзоры археологических работ, которые печатаются в отделе «Критики и библиографии» и в «Хронике».

А. А. Формозов (Москва) согласился с той оценкой положительных сторон работы редакции, которая была высказана в предыдущих выступлениях. Он отметил некоторые случаи искажения смысла статей при редактировании и выразил пожелание, чтобы редакция более внимательно относилась к авторскому тексту.

Л. Д. Поболь (Минск) отметил, что в Минске положительно оценивают журнал, но что его нельзя приобрести в розничной продаже. Л. Д. Поболь выразил пожелание, чтобы редакция журнала печатала материалы о состоянии археологических работ в союзных республиках.

М. А. Тиханова (Ленинград) считает, что статьи, которые печатаются в отделе «В помощь учителю и краеведу», лучше было бы печатать в отдельном популярном журнале. Оратор указал на необходимость публикации материалов по вспомогательным историческим дисциплинам. М. А. Тиханова высказалась за увеличение обменного фонда АН СССР. Оратор отметил необходимость более тщательного отношения редакции к научному аппарату статей и иллюстрациям.

Н. И. Сокольский (Москва) сказал, что журнал «Советская археология» превратился в крупный печатный центр, объединяющий археологов СССР. Журнал вызывает большой интерес за границей. Оратор указал на необходимость в разделе «Хроника» освещать события научной жизни провинциальных музеев. Он сказал, что редакции необходимо теснее связаться с учеными советами ИИМК АН СССР и других институтов при выработке проблемных планов. Необходимо шире привлекать иностранных авторов. Н. И. Сокольский выразил сожаление, что большинство материалов по античной тематике имеет характер не проблемных статей, а публикаций.

И. В. Синицин (Саратов) призвал всех археологов популяризировать и распространять журнал. Он отметил, что основной недостаток журнала заключается в том, что мало освещаются дискуссионные вопросы археологии. Нужно уделять внимание преподаванию археологии в вузах.

В. В. Кропоткин (Москва) сказал, что в журнале еще не получили достаточного освещения некоторые вопросы, как, например, проблема происхождения древнерусского города, норманнский и готский вопросы и т. п. В. В. Кропоткин выразил сожаление, что не все статьи, которые были напечатаны в отделе «Дискуссии», содержат развернутую систему доказательств.

А. Я. Брюсов (Москва) отметил, что археологи мало пишут по проблемным вопросам. Есть ряд авторов, которые вообще не желают иметь дела с нашим журналом.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград) сказал, что недостатки журнала отражают недостатки нашей археологической науки. Мы ослабили работу по большим проблемам (проблемы датировки, центр и периферия, понятие «культура», антропология и культура, и т. п.).

В заключительном слове А. В. Арциховский ответил на выступления и поблагодарил выступавших. Конференция приняла резолюцию, в которой одобрялась общая линия журнала «Советская археология» и указывалось на необходимость улучшить планирование тематики, особое внимание уделяя проблемным статьям. В резолюции отмечалось, что следует по возможности расширять обзоры зарубежной археологии и археологических работ в союзных республиках.

Г. Ф.-Д.

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР

С 6 по 12 апреля в Москве состоялись сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам и перспективам экспедиционных работ. Во вступительном слове академик Е. М. Жуков отметил большие задачи, стоящие перед советскими археологами и этнографами в связи с решениями XXI съезда КПСС.

В своем докладе «Задачи советской археологии в 1959—1965 гг.» академик Б. А. Рыбаков наметил основные проблемы, над которыми будут трудиться советские археологи в предстоящем семилетии. Докладчик отметил важность изучения таких проблем, как история земледелия, история скотоводства, история идеологии и др. Советская археология призвана сыграть большую роль в коммунистическом воспитании трудящихся. Б. А. Рыбаков остановился на вопросе о «Корпусе археологических источников», над которым работает коллектив ИИМК АН СССР совместно с другими научными учреждениями и музеями страны.

Чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов сделал доклад о задачах советской этнографической науки в ближайшее семилетие.

Д. А. Ольдерроге выступил с докладом «Некоторые проблемы древнейшей этнической истории Африки в свете новейших данных».

Большой интерес вызвал доклад В. Д. Блаватского и С. Ислами «Аполлония Иллирийская. Опыт историко-археологического исследования». В докладе были изложены основные результаты, полученные при работах совместной Советско-Албанской археологической экспедиции [1].

М. П. Грязнов сделал доклад «Археологические работы на строительстве Красноярской ГЭС». В 1958 г. начаты археологические работы в долине р. Енисея. Задача работ заключается в исследовании всех наиболее ценных археологических памятников, находящихся в ложе огромного будущего водохранилища строящейся ГЭС. При этом особое внимание уделяется поискам памятников тех периодов или тех категорий, которые вообще не исследовались или изучены еще очень слабо. Экспедицией учтено в двухстах пунктах около 4 000 древних курганов и могил, поселений, мастерских и т. п. Исследовался могильник VII—VI вв. до н. э. в Гришкином Логу близ Батеней и загадочное каменное сооружение на р. Карасук, оказавшееся одиночной богатой могилой энеолитического времени.

Б. А. Колчин и А. Л. Монгайт в своем докладе «Методы естественных наук в археологии» рассказали о возможностях применения некоторых методов и приемов естественных и точных наук в археологии. Среди этих методов имеет особо важное значение установление датировок на C^{14}, метод дендрохронологии, палеомагнетизм и относительная датировка костных остатков по содержанию в них фтора, фосфатный метод археологической разведки, геофизический метод разведки, аэрофотосъемка, метод изучения археологических объектов с помощью радиоактивности, возбужденной бомбардировкой нейтронами, структурный анализ находок, изготовленных из металла, глины, стекла, спектральный анализ и т. п.

О работах Хорезмской экспедиции доложил С. П. Толстов. Докладчик рассказал об основных исторических вопросах, над которыми работала экспедиция: вопрос о рабовладельческой формации в Средней Азии, о развитии ирригации и связи ирригационной техники с уровнем производительных сил, об особенностях социального развития кочевой периферии Хорезма, и т. д.

А. П. Окладников сделал доклад «Периодизация древних культур Дальнего Востока». В результате работ Дальневосточной археологической экспедиции 1953—1958 гг. удалось наметить периодизацию этапов исторического прошлого Приморья, предшествующих образованию местной феодальной государственности. Выделяется осиновская культура, наиболее ранняя из известных нам культур Приморья. Неолитическое время известно лучше, хотя и здесь много неясного в выделении локальных вариантов и их хронологии. Следующий большой этап относится ко времени так называемой культуры раковинных куч. Происхождение этой культуры выясняется по аналогиям с памятниками эпохи бронзы Кореи, а также с древними поселениями на Ляо-Дуне. Конец эпохи бронзы и начало железного века отмечены в Приморье памятниками типа найденных в 1957 г. трех поселений на р. Чапигоу и поселения на о. Ханка. К циньскому и ханьскому времени относится поселение типа найденного на Сенькиной Шапке у г. Уссурийска. К мохесской эпохе, непосредственно предшествовавшей Бохайскому государству, относятся находки в Осиновке, хорошо увязывающиеся с известиями китайских летописей о культуре и общественном строе мохесских племен в первой половине I тысячелетия н. э.

Важному для истории народов Прибалтики вопросу об образовании историко-культурных районов в Прибалтике посвятил свой доклад Х. А. Моора.

А. М. Беленицкий сделал доклад «Древняя художественно-изобразительная традиция народов Средней Азии и „Шах-Намэ"». Автор остановился на памятниках монументального изобразительного искусства Термеза, Топрак-Калы, Нисы, Варахши, Пенджикента, Балалык-Тепе и др. Большой интерес представляют росписи древнего Пенджикента, отличающиеся большим разнообразием тематики. Изучение росписей Пенджикента показывает близость их содержания к сюжетам известного цикла Рустемиады из «Шах-Намэ». Систематическое изучение текста «Шах-Намэ» позволило поставить вопрос о связи этой величественной поэмы со всей древней художественно-изобразительной традицией народов Средней Азии и прилегающих к ней стран, на территории которых действуют герои «Шах-Намэ».

Исследованиям сельскохозяйственной территории Боспора был посвящен доклад И. Т. Кругликовой. Можно считать, что плодородные земли Восточного Крыма были издавна заселены земледельческими племенами. Докладчица проследила изменения характера сельских поселений Боспора в различные исторические периоды. С расширением территории Боспорского царства возрастает количество небольших неукрепленных сельских поселений, разбросанных по всей территории Европейского Боспора. Методика исследования сельских территорий Боспора, по мнению докладчицы, должна сочетать в себе, с одной стороны, полное раскрытие путем раскопок отдельных поселений, характерных для каждого из периодов истории Боспорского государства, а с другой — количественное накопление сведений о всей массе поселений.

---

[1] Доклад будет опубликован в журнале «Советская археология».

Л. Н. Терентьева сделала доклад «Программа и план работ комплексной экспедиции по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму».

Во время пленума ИИМК АН СССР было проведено координационное совещание, на котором были уточнены и согласованы важнейшие вопросы совместных археологических исследований в союзных республиках и в РСФСР.

На секции каменного века было сделано несколько докладов по палеолиту Закавказья (Д. М. Тушабрамишвили — «Разведки в долине р. Квирилы», В. П. Любин — «Разведки пещеры Кударо I в 1958 г.», Н. З. Бердзенишвили — «Новые памятки древнего каменного века в Абхазии»). Палеолиту Средней Азии и Казахстана были посвящены доклады и сообщения Д. Н. Льва — «Самаркандская палеолитическая стоянка», З. А. Абрамовой — «Ходжикент — новый мустьерский грот в Средней Азии». Большой интерес вызвал доклад Х. А. Алпысбаева «Исследования памятников каменного века в Южном Казахстане». Об исследованиях Крымской первобытной экспедиции доложил Ю. Г. Колосов. О новых палеолитических находках в Минусинском крае рассказал А. Н. Липский. А. Н. Рогачев сделал доклад о работе палеолитической экспедиции в 1958 г. в Костенках. О новых данных, полученных из нижних слоев стоянок Молодовы I и V рассказал А. П. Черныш. Ф. М. Заверняев сообщил о новом местонахождении мустьерского времени на р. Десне. П. И. Борисковский сделал сообщение о разведках каменного века на р. Осколе в 1958 г. и рассказал о палеолитических памятниках Румынии по своим личным впечатлениям. Следует отметить также сообщение П. П. Хороших о неолитическом могильнике на стадионе «Локомотив» в городе Иркутске. Г. М. Буров рассказал об археологических исследованиях 1958 г. в бассейне р. Вычегды. Ф. А. Загорский доложил о раскопках 1956—1958 гг. в Кречи (Латвия). Н. Н. Диков сообщил об археологических работах Чукотского музея в 1958 г. Д. Я. Телегин сделал доклад о новых исследованиях 1958 г. на Среднем Поднепровье, Р. В. Николаев — об исследованиях 1958 г. на севере Красноярского края, В. П. Левенок — о мезолите и неолите Среднерусского Днепровско-Донского междуречья, С. А. Сардарян — о новых находках каменного века в Армении.

На секции энеолита и бронзы были рассмотрены три важнейшие проблемы истории бронзового века на территории СССР: вопросы происхождения и развития ямной культуры, о балановской культуре, и о некоторых важнейших данных о позднем неолите и об энеолите и бронзовом веке. По вопросам ямной культуры были сделаны следующие доклады, подвергшиеся широкому обсуждению: В. Н. Даниленко — «Сложение древнеямной культуры в свете современных археологических данных», Б. А. Латынина — «Некоторые вопросы изучения древнеямной культуры», И. В. Синицына — «Поселения ранней бронзы у хутора Репина на Дону», А. А. Щепинского — «Курган Кеми-Оба и круг родственных ему памятников в Крыму». Проблема балановской культуры была затронута в докладах О. Н. Бадера «Балановская культура», А. Х. Халикова «Периодизация балановской культуры», В. М. Раушенбах «К вопросу о взаимоотношениях балановских племен с неолитическим населением Верхней Волги», В. Ф. Каховского «Абашевские поселения в Чувашии». Памятникам позднего неолита, энеолита и бронзового века Поднестровья и Побужья были посвящены доклады и сообщения Т. С. Пассек «Новые исследования на поселении Флорешти», Б. А. Тимощука и С. Н. Винокурова «Разведки трипольских поселений на Буковине», В. И. Маркевича «Неолитическая стоянка у г. Сороки на Днестре», Е. К. Черныш и М. М. Герасимова «Реконструкция трипольского человека», Ю. Н. Захарука «К вопросу о взаимоотношении и связях культуры воронковидных кубков», И. К. Свешникова «Могильники и поселения культуры шнуровой керамики». Кроме того, секция заслушала доклады: И. И. Артеменко «Памятники эпохи бронзы верховьев Днепра», А. Ф. Евминова «Поселение бронзового века на берегу Сев. Донца у с. Малиновки», Т. Б. Поповой «Раскопки памятника эпохи бронзы на Тамбовщине», Э. А. Федоровой-Давыдовой «Раскопки памятников эпохи бронзы в Оренбургской степи», К. В. Сальникова «Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья», В. И. Матющенко «Раскопки поселения бронзовой эпохи у с. Самусь в 1958 г.», А. П. Липского «Археологические работы на строительстве Койбальского канала и железной дороги Абакан — Тайшет», Н. Н. Дикова «К вопросу о бронзовом веке Чукотки», М. Л. Макаревича «Исследования в районе с. Стека на Среднем Днестре».

На секции раннего железного века был заслушан ряд докладов, посвященных Неаполю скифскому: П. Н. Шульца — «Раскопки Неаполя скифского в 1958 г.», Э. А. Сымоновича «Итоги раскопок грунтового могильника 1956—1958 гг.», А. Н. Карасева «Раскопки северо-западного участка городища Неаполя скифского». Большой научный интерес имеет открытие поселения у с. Николаевского на Кубани, характеризующего переходный этап от бронзового века к эпохе раннего железа (доклад Н. В. Анфимова). По скифской тематике были заслушаны также доклады А. П. Манцевич «Деревянные сосуды из кургана Солоха», В. А. Ильинской «Скифские топоры», Г. И. Смирновой «Раскопки могильника эпохи раннего железа у с. Колодное в Закарпатье» и С. И. Капошиной «Итоги работ Кобяковской экспедиции в 1958 г.». Кроме того, были сделаны сообщения о поселениях раннего железного века под Тагилом, давшего интересный материал о культуре

угров (А. И. Рассодович), о древнемарийском могильнике IX—XI вв. (Г. А. Архипов), о новых данных по систематике ранних могильников древней мордвы (Р. Н. Полесских). А. В. Давыдова сделала доклад об изучении Нижне-Иволгинского городища, имеющего важное значение для истории культуры гуннов. Вопросу об этническом составе населения Прикамья в эпоху великого переселения народов посвятил свой доклад В. Ф. Генинг. В. В. Аулих сделал сообщение о предварительных итогах исследований верхнего горизонта на городище у с. Зомно Волынской области.

На заседаниях секции античной археологии были заслушаны доклады о раскопках в Херсонесе, Ольвии, Тире, Гарни, и в ряде боспорских городов. Исследованиям Херсонеса были посвящены доклады В. В. Борисовой «О работах по исследованию башни Херсонеса Таврического в 1958 г.», А. М. Гилевич «Раскопки перибола 1-й куртины крепостных стен Херсонеса», С. Ф. Стржелецкого «Консервация и исследования оборонительных стен Херсонеса», И. А. Антоновой «Западный участок оборонительной стены Херсонеса». О раскопках в Нимфее в 1958 г. доложила В. М. Скуднова. А. Н. Карасев сделал сообщение о раскопках в Ольвии в 1958 г. С этим докладом было связано сообщение Е. И. Леви о новых материалах из раскопок Ольвии в 1958 г. Исследование Тиры нашло отражение в докладе А. И. Фурманской. И. Д. Марченко поделилась результатами раскопок в окрестностях Фанагории в 1958 г. Ю. С. Крушкол сообщила о разведочном обследовании окрестностей Анапы. О работах Боспорской экспедиции в 1958 г. доложил В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата нашли отражение в сообщении Л. Ф. Силантьевой. В. Д. Блаватский доложил о раскопках Пантикапея. Интересный доклад о раскопках Гарни в Армении сделал Б. Н. Аракелян.

Большое количество докладов и сообщений было заслушано на секции славяно-русской археологии. Об остатках мастерской по производству стекла у с. Комаров Черновицкой области сообщил М. Ю. Смишко. Е. В. Максимов сделал доклад о новых памятниках зарубинецкой культуры в южной части Среднего Поднепровья, Е. А. Шмидт — о некоторых особенностях погребальных памятников второй половины первого тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. Основные итоги исследования городища у с. Никола Ленивец подвела в своем докладе Т. Н. Никольская. А. Н. Москаленко сделала доклад на тему «Некоторые итоги раскопок славянского городища у хутора Титчиха Воронежской области». Основам периодизации древнерусского военного зодчества был посвящен доклад П. А. Раппопорта. Г. П. Гроздилов сделал сообщение о раскопках в Пскове в 1958 г. А. А. Ратич рассказал об исследованиях древнерусского городища в Судовой Вишине Дрогобычской области в 1957—1958 гг. Исследования Малого Торопецкого городища в 1957—1958 гг. нашли отражение в докладе Я. В. Станкевич. Ф. Д. Гуревич доложила о раскопках Окольного города в Новогрудке. И. Б. Николаева сообщила о раскопках Красноярского острога. Р. И. Выезжев рассказал о раскопках «Малого городища» в с. Городское (Житомирская область), а М. Ю. Брайчевский — о раскопках церкви в Переяславле-Русском. Специальное заседание секции славяно-русской археологии было посвящено обсуждению доклада Б. А. Рыбакова «К вопросу о хронологии новгородских древностей». Докладчик предложил новые, отличные от принятой в Новгородской экспедиции схемы датировок, даты для слоев XII—XIV вв. Доклад Б. А. Рыбакова вызвал широкое обсуждение.

На секции средневековой археологии Юго-Востока были заслушаны сообщения А. Л. Якобсона о раскопках средневекового поселения в Байдарской долине в 1958 г. и Е. В. Веймарна — об археологических работах на средневековом городище Чуфут-Кале в 1957—1958 гг., а также доклады М. А. Фронджуло о раскопках средневекового поселения в с. Планерском в 1957—1958 гг. и В. В. Кропоткина — о раскопках могильника в Чуфут-Кале 1958 г.

На Кавказской археолого-этнографической секции был заслушан ряд докладов по археологии Кавказа. А. Д. Столяр доложил о работах Северо-Кавказской экспедиции Гос. Эрмитажа в 1958 г., открывшей ценные памятники майкопской культуры. Об археологических исследованиях в Чечено-Ингушетии в 1958 г. сообщили Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин. Д. М. Атаев доложил о раскопках Бештинского могильника в Дагестане. Т. М. Минаева сообщила о городище близ аула Кубины в Черкесии. В. Г. Котович сделал дискуссионный доклад о древнем земледелии в горах Дагестана. Ряд докладов был посвящен археологии Закавказья. Большой интерес представил доклад И. Г. Нариманова об итогах археологических работ в Азербайджане в 1958 г. О раскопках Тлийского могильника в Юго-Осетии, давшего интересный материал по кобанской культуре, доложил Б. В. Техов. Н. В. Хоштария сделала сообщение о раскопках античного города на месте современного с. Вани. Интерес вызвал доклад Н. Н. Угрелидзе «К изучению производства стекла в Грузии в феодальную эпоху». Кроме того, были заслушаны доклады М. М. Трапша «Исследования Никопии в 1958 г.», А. К. Катамадзе «О новых археологических находках в Аджарии», А. А. Мартиросяна «О раскопках поселения на территории Кармир-Блура», В. А. Леквинадзе «О некоторых монументальных сооружениях Лазики VI—VIII вв.», Г. Караханяна и С. Бархударяна «О рельефах армянских надгробных памятников XV—XVII вв.».

На секции археологии и этнографии Средней Азии был заслушан ряд докладов по археологии Средней Азии. К. Акишев сделал сообщение о

работах сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. О работах сектора археологии Института истории, археологии и этнографии ТуркмССР сообщил Д. Дурдыев. В. А. Шишкин сделал доклад об археологических работах и перспективах исследований Института истории и археологии АН УзССР. О некоторых итогах изучения древнейших этапов истории Хорезма доложила М. А. Итина. В. И. Спришевский сообщил о работах на Чустском поселении, Ю. Чуланов — о работах в Северной Фергане. В. И. Сарианиди сделал доклад «Стратиграфия восточной группы памятников типа Анау». Кроме того, были заслушаны доклады и сообщения В. И. Козенковой «Археологические работы Андижанского областного краеведческого музея», И. Кожембердыева «Катакомбные памятники долины Кетмень-Тюбе», П. Н. Кожемяко и И. Кожембердыева «О катакомбном погребении в ущелье Шамси Фрунзенской области Киргизской ССР», В. А. Булатовой «Археологические исследования 1958 г. на городище Старая Кува», Б. Я. Ставиского «Работы в бассейне Маргиан-Дарьи в 1958 г.», Г. А. Пугаченковой «Новые данные по средневековой архитектуре Туркменистана» и С. И. Вайнштейна «Уйгурские средневековые города и оборонительный вал в Туве».

Несколько археологических докладов было сделано на археолого-этнографической секции Прибалтики, в том числе доклады Н. Н. Гуриной об исследованиях неолитических памятников в Прибалтике, А. Я. Стубавс о раскопках на городище Кентескалнс в 1945—1958 гг. и Л. В. Ванкиной и В. Уртано раскопках на могильнике Камжешти.

На секции нумизматики были сделаны доклады О. И. Смирновой «О денежном обращении Согда в VII—VIII вв.» и В. А. Анохина «О монете скифского царя Атея» и др. Кроме того, были заслушаны доклады и сообщения И. Г. Спасского, Л. П. Харко, Д. Г. Капанадзе, С. И. Маркова, Н. П. Розановой, А. Г. Сальникова, Ю. С. Крушкол и др.

На заседаниях каждой секции были обсуждены вопросы координации археологических работ и вынесены конкретные предложения об улучшении работы археологических учреждений.

В резолюции сессии Отделения исторических наук была одобрена в целом тематика и проблематика семилетних планов ИИМК АН СССР и Института этнографии АН СССР.

Р. М. Мунчаев, Г. А. Федоров-Давыдов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 2 журнала «Советская археология» за 1958 г. помещена рецензия М. И. Нейштадта, посвященная разбору недостатков в использовании метода пыльцевого анализа в моей книге «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы». Ознакомление с рецензией показало, однако, что, к сожалению, разбора недостатков в использовании метода пыльцевого анализа в ней не дано. В рецензии сначала доказывается, что автор ничего не понимает в пыльцевом анализе, а затем, основываясь на этом и не прибегая к научной аргументации, рецензент объявляет два положения, приведенных в книге, неправильными, а об основном содержании главы пишет лишь, что «нет надобности останавливаться на дальнейшем разборе этой главы».

Как же доказывается некомпетентность автора? Воспользовавшись тем, что при издании книги таблица условных обозначений пыльцы была напечатана в перевернутом виде, нумерация фигур частично перепутана и допущен ряд опечаток, М. И. Нейштадт представляет это как результат безграмотности автора. Он зачем-то перечисляет абсолютно все условные обозначения из перевернутой таблицы, пускается в рассуждения о том, что, если верить этим условным знакам, то склоны Среднего Урала покрыты сейчас дубовыми лесами и т. п. Будучи крупным специалистом в области торфоведения, М. И. Нейштадт, безусловно, способен отличить вкравшиеся при издании опечатки от невежества и свой главный тезис о том, что «автор, получив в свои руки данные пыльцевого анализа, не смог правильно использовать их», он обязан доказать не подробным перечислением опечаток, а критикой научного содержания рецензируемой главы.

Этому посвящена вторая, значительно более скромная по объему часть рецензии. Здесь М. И. Нейштадт высказывает всего два возражения по существу излагаемых автором вопросов. Как уже говорилось, эти возражения не аргументированы; отвечая рецензенту, мы не будем следовать этому способу полемики и попытаемся доказать ошибочность его возражений.

1. Рецензент приводит цитату из книги автора, в которой говорится о том, что на Горбуновском торфянике отложение торфа началось в конце атлантического и в на-

чале суббореального периода, что требует изменения датировки образования этого торфяника. М. И. Нейштадт пишет, что ему неясно, откуда это следует. Такое утверждение может вызвать лишь удивление, так как двумя строчками выше того места, откуда взята рецензентом цитата, сказано, что в нижнем слое торфа и в верхнем горизонте сапропеля на Горбуновском торфянике найдены предметы, относящиеся к концу III — началу II тысячелетия до н. э. В этом месте книги автор полемизирует с датировками, данными В. Н. Сукачевым и Г. И. Поплавской, которые считают возраст этих слоев вдвое большим. Как же после этого рецензент может писать, что «нет никаких оснований изменять возраст торфяников Урала»? Кстати, В. Н. Сукачев и Г. И. Поплавская получили свою дату на основании ошибочных расчетов. Не располагая, видимо, точными данными о стратиграфии торфа на шестом разрезе Горбуновского торфяника и о характере сделанных там археологических находок, они предположили, что средний культурный слой датируется II тысячелетием до н. э. (абсолютный возраст 4000 лет) и находится в середине торфяного слоя. Тогда простое удвоение этого возраста дает полученный ими возраст нижнего горизонта торфа 8 000—9 000 лет. Но это полностью противоречит археологическим данным. Если бы В. Н. Сукачев и Г. И. Поплавская знали, что культурный слой, на который они опирались в своих расчетах, имеет возраст 3500 лет и что он фактически располагался на $^3/_4$ глубины всей залежи торфа, то они нашли бы приблизительно верный возраст нижнего слоя торфа — 4600 лет. Из текста рецензии неясно, каков же возраст нижнего слоя Горбуновского торфяника по М. И. Нейштадту. С автором он не согласен, но своего мнения не приводит. Если согласиться с рецензентом, что не следует менять возраст Горбуновского торфяника, то материалы из нижнего культурного слоя с развитой керамикой придется отнести к VII тысячелетию до н. э., т. е. к эпохе раннего мезолита. Это является абсурдом с археологической точки зрения.

2. М. И. Нейштадт пишет, что «совершенно неверно произведен расчет сопоставления прироста торфяников Горбуновского и Язевского». Он считает описанные автором слои Горбуновского торфяника очень молодыми, а соответствующие слои Язевского торфяника — очень древними. Рецензент не приводит обоснования своего мнения, а автору-археологу, вероятно, трудно привести палеоботаническую аргументацию своей точки зрения, которая была бы убедительна для такого крупного специалиста, как М. И. Нейштадт. Поэтому автор попытается доказать ошибочность точки зрения М. И. Нейштадта на основе археологии.

Нижний культурный слой на шестом разрезе Горбуновского торфяника лежит на границе торфа и сапропеля. Он достаточно точно датируется концом III — началом II тысячелетия до н. э. Вещи, найденные на Язевском прииске на глубине 7,8 *м*, тоже на границе торфа и сапропеля, хорошо датируются археологически и являются синхронными находкам из нижнего слоя шестого разреза Горбуновского торфяника. Следовательно, глубина 7,8 *м* Язевского прииска должна датироваться тем же временем — рубежом III и II тысячелетий до н. э. Все это достаточно подробно описано в рецензируемой книге. Остается лишь выразить недоумение, как мог М. И. Нейштадт не заметить этого и отнести слой торфа на Шигирском болоте, лежащий выше названных находок (5,5 *м*), к елово-лиственничной фазе, т. е. ко времени (по Сукачеву и Поплавской) порядка 17 000 лет тому назад. Даже если не обращаться к абсолютной хронологии, слои Горбуновского и Шигирского торфяников, лежащие выше синхронных археологических культурных слоев, которые, с точки зрения торфоведения, надо назвать молодыми (развитой неолит), никак нельзя характеризовать, как это делает М. И. Нейштадт, столь разным образом (на Горбуновском болоте — «самыми молодыми», а на Шигирском — «очень древними») и говорить о том, что «разница в возрасте между обоими слоями очень большая»: ведь эти слои в обоих случаях лежат выше молодых слоев.

Необходимо заметить, что произведенные автором уже после выхода в свет книги раскопки на бывшем Язевском прииске вновь дали находки того же времени, что и находки в нижнем слое шестого разреза Горбуновского торфяника, и снова они лежали на границе торфа и сапропеля.

Таким образом, второе возражение против точки зрения автора, приведенное в рецензии, тоже находится в полном противоречии с хорошо обоснованными археологическими данными.

Итак, из основной части рецензии можно сделать только один совершенно тривиальный вывод: не следует печатать иллюстраций в перевернутом виде. Что касается второй части рецензии, то, как оказалось, оба сделанных рецензентом возражения находятся в вопиющем противоречии с данными археологии, датировки которой всегда точнее палеоботанических.

В. М. Раушенбах

СОЗДАНИЕ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

15 и 16 мая 1959 г. в Одессе состоялось организационное собрание Одесского археологического общества. Идея создания общества возникла у одесских археологов — сотрудников Одесского археологического музея и Одесского университета — и была горячо поддержана общественными организациями города, а также археологическими учреждениями Киева и Москвы. В собрании приняли участие историки, археологи, краеведы, учащиеся Одессы, а также ученые, специально приехавшие из других городов — Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Херсона, Николаева, Севастополя, Белгорода-Днестровского, Измаила.

Собрание открыла секретарь Одесского городского комитета коммунистической партии Украины Л. В. Гладкая. Во вступительном слове она кратко остановилась на задачах, стоящих перед советскими историками, археологами, краеведами в связи с программой коммунистического строительства, намеченной XXI съездом КПСС, и выразила уверенность в том, что создаваемое Одесское археологическое общество будет способствовать дальнейшему развитию советской науки и коммунистическому воспитанию трудящихся.

Доклад «Археологическая наука в Одессе» сделал на собрании директор Одесского археологического музея и доцент университета М. С. Синицын. Большое место в докладе было отведено характеристике богатой традиции историко-археологического изучения Причерноморья, связанной с деятельностью Одесского музея (одного из старейших в нашей стране) и бывш. Одесского общества истории и древностей. Докладчик подробно обрисовал историю музея и Общества, проследил борьбу прогрессивных и реакционных тенденций в деятельности этих учреждений, остановился на заслугах виднейших представителей русской исторической и археологической науки, работавших в прошлом в Одессе. Он охарактеризовал также историю археологических исследований в Одессе в советское время. В заключение М. С. Синицын остановился на основных задачах, стоящих перед вновь создаваемым Обществом в области археологических исследований и популяризации историко-археологических знаний.

Сообщение об археологических материалах, публиковавшихся в одесских изданиях в 1917—1958 гг., сделал доцент Одесского университета Н. В. Павлюк.

Собрание утвердило устав Одесского археологического общества. Общество ставит перед собой задачу содействия изучению археологии и истории Северного Причерноморья, выявлению, собиранию и охране памятников материальной культуры прошлого, популяризации историко-археологических знаний. В состав Общества вошли археологи и историки, специализирующиеся в области истории Северного Причерноморья, преподаватели вузов и школ, музейные работники, краеведы, студенты. Общество широко открывает свои двери для всех желающих принять участие в его работе.

Одесское археологическое общество будет проводить заседания с научными докладами на историко-археологические темы и вести просветительную работу. По мере накопления материалов будут издаваться выпуски «Записок Одесского археологического общества»; предполагается также организовать издание серии популярных брошюр и книжек о памятниках древности.

Собрание избрало правление Общества, редакционную коллегию «Записок» и ревизионную комиссию. Председателем правления Общества избран М. С. Синицын.

Помимо организационного собрания, было проведено несколько заседаний, посвященных научным докладам. Было прочитано 11 докладов, в которых подведены итоги некоторых археологических, исторических и нумизматических исследований за последние годы.

Краевед В. И. Красковский сделал сообщение о разведках памятников палеолита и мезолита на территории Одесской области. Разведками, систематически проводимыми в 1955—1958 гг. автором доклада и другим краеведом — А. М. Кремером — в Нижнем Поднестровье, по берегам рек Сарат, Барабой, Аккаржа и ручьев, впадающих в Сухой лиман, зарегистрировано много пунктов находок отдельных позднепалеолитических и мезолитических орудий и несколько стоянок. Важнейшей из них является стоянка Большая Аккаржа неолитического времени у с. Верхне-Долинское Овидиопольского района, где найдены тысячи кремневых отщепов и среди них — десятки орудий. Три временных стойбища охотников с орудиями позднепалеолитического и мезолитического облика обнаружены на склонах речной долины по р. Барабой: у с. Ново-Александровка, южнее станции Барабой и в устье реки на берегу Черного моря. Кроме того, одна стоянка с орудиями азильского типа открыта у с. Михайловка на р. Сарате. Результаты этих разведок особенно важны потому, что до сих пор нижнее течение Днестра было белым пятном на карте распространения палеолитических и мезолитических памятников.

Старший научный сотрудник Одесского археологического музея Э. Ф. Патокова рассказала об археологических разведках музея в 1958 г. Было произведено обследование правого берега р. Южный Буг, берегов р. Чичиклея и побережья Березанского лимана. При этих разведках открыто 35 городищ и поселений эпохи бронзы, скифо-сарматского и средневекового времени.

В сообщении студента И. Т. Чернякова были изложены результаты разведочного обследования побережья Днестровского лимана, проведенного экспедицией Одесского университета. По обоим берегам его открыто много поселений и городищ с керамикой античного времени.

Доклад М. С. Синицына «Об итогах полевых работ Одесского государственного университета в 1957—1958 гг.» касался раскопок двух городищ на левом берегу Днестровского лимана — Надлиманского и Роксолянского. Надлиманское городище лежит на берегу Карагольского залива. Раскопками здесь открыты остатки оборонительной стены из больших тесаных камней. Городище датируется находками керамики (в том числе более 60 амфорных клейм) IV—III вв. до н. э. На территории городища раскопками открыто также трупосожжение, отмеченное кромлехом в виде двух концентрических кругов из необработанных камней. Трупосожжение относится к первым векам нашей эры.

Городище у с. Роксоляны, разрушаемое водами лимана, имеет мощный культурный слой (4 *м* и более). Судя по находкам, городище существовало в V в. до н. э.— IV—V вв. н. э. Раскопками открыт большой подвал, стены которого выложены камнем. Он имеет площадь более 23 $м^2$ и глубину 2,60 *м*. Датируется подвал IV в. до н. э. Обнаружены также остатки кладок первых веков нашей эры, земляные ямы и плотная глиняная забутовка, вероятно, оборонительной стены. Среди материала — чернолаковые сосуды, фрагменты черепицы и амфор, много монет. Ввиду значительного интереса, который представляет это большое городище, а также учитывая его быстрое разрушение, здесь будут сосредоточены в ближайшее время основные силы Одесского университета и Одесского археологического музея.

Доцент И. Я. Яцко демонстрировал собравшимся кости ископаемых верблюда и страуса из карстовых воронок под Одессой. На костях имеются по мнению докладчика, следы искусственной обработки их.

Доклад доцента Ф. Е. Петруня «Маяки на Днестре и Черный город» был посвящен анализу письменных средневековых источников, упоминающих «Черный брод», «городище Черное» или «Черный город», с одной стороны, и «Маяцкие переправы», или «Маяк», с другой. Докладчик пришел к выводу, что обе группы названий относятся к одной местности у пос. Маяки на левом берегу Днестровского лимана, где была древняя переправа, и что названия эти могут восходить к раннесредневековому времени.

О греко-египетских терракотах из коллекции Одесского археологического музея сообщил старший научный сотрудник музея И. Б. Клейман. Выделенная им группа включает в себя пять терракот, изображающих Афродиту-Изиду, Приапа, Гарпократа и др. Некоторые из этих терракотовых статуэток найдены в Ольвии, другие — неизвестного происхождения.

Кандидат исторических наук П. О. Карышковский сделал доклад «О причинах кризиса денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.». Докладчик проследил последовательные этапы деградации медной монеты в Пантикапее и в Ольвии в III в. до н. э. Он указал на недостаточность объяснений причин денежного кризиса на Боспоре, предложенных ранее В. Ф. Гайдукевичем и Д. Б. Шеловым, и обратил внимание на общие изменения в сфере денежного обращения античного мира в конце IV в. до н. э., связанные с обильной чеканкой македонских царей и с переходом функции меры стоимости от серебра к золоту.

В докладе заместителя директора Одесского археологического музея А. Г. Сальникова «Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии» была дана общая систематизация монет Скилура, Фарзоя и Иненсимея. Докладчик решительно отверг предположение Н. П. Розановой о посмертном выпуске некоторых монет царя Фарзоя и попытки того же автора пересмотреть датировку монет этого царя, установленную А. В. Орешниковым и А. Н. Зографом. Основываясь на сходстве имен и на близости тамгообразных знаков на монетах, докладчик высказал предположение, что царь Иненсимей и боспорский правитель Иненфимей могли принадлежать к одному царскому, вероятно сарматскому, роду.

Все доклады вызвали оживленное обсуждение, в котором приняли участие многие участники собрания. Материалы, доложенные на собрании, войдут в первый выпуск «Записок Одесского археологического общества».

На собрании выступил И. И. Козыренко — преподаватель Августовской средней школы. Он рассказал о краеведческой работе, проводимой школьным археологическим кружком, и подарил Обществу некоторые находки, сделанные учащимися в их археологических экскурсиях,— каменную ступу, монеты и др.

На одном из заседаний присутствующим был продемонстрирован звуковой кинофильм о раскопках в Ольвии, созданный съемочной группой Киевского университета в качестве учебного пособия для студентов. Для участников собрания были организованы поездки в Ольвию и ее окрестности и на городища в низовьях Днестра.

Д. Ш.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СОВЕТСКИМ АРХЕОЛОГАМ

Старейший научный архив нашей страны, Архив Академии наук СССР, располагает крупнейшим в мире собранием рукописных наследий деятелей науки и техники. В Архиве имеется около 450 личных фондов и около тысячи коллекций рукописей академиков, членов-корреспондентов, профессоров, заслуженных деятелей науки и техники и других выдающихся ученых нашей Родины.

Среди них имеются и рукописные наследия археологов. Сейчас в Архиве хранятся личные фонды пяти академиков-археологов. Это рукописные наследия академиков В. К. Ернштедта, Н. П. Кондакова, В. В. Латышева, П. В. Никитина, А. В. Никитского. К сожалению, за последние пять лет личные фонды археологов совсем не поступали в Архив. Архивистам Академии предстоит еще большая работа по разысканию и сохранению рукописных наследий. Напомним, что за всю историю Академии было избрано девять академиков по специальности археология, но только от пяти из них более или менее полно сохранены рукописные материалы.

Фонды многих умерших ученых-археологов еще не разысканы. Некоторые из этих фондов, по разным причинам не поступившие в Архив, по-видимому, окончательно погибли для науки.

Передача фондов ученых в Архив Академии — дело сугубо добровольное. Но, к сожалению, не всегда родственники или иные наследники ученого понимают важность и необходимость сохранения для науки его рукописного наследия. Некоторые просто не знают, куда можно сдать личный архив, иные считают, что и дома достаточно хорошие условия для его сохранности. Однако такой взгляд неправилен. Только в Архиве Академии наук рукописным наследиям ученых может быть обеспечена полная сохранность, научное описание их и использование в научных целях.

На хранение в Архив принимаются рукописи научных трудов и рабочие материалы к ним, документальные материалы, характеризующие биографию и деятельность ученого, автобиографические рукописи — воспоминания, дневники, литературные произведения ученого, иллюстративные материалы — фотографии, зарисовки, чертежи и т. п., научная и прочая переписка, рецензии, отзывы о трудах других лиц, а нередко и самые труды других авторов, находящиеся среди материалов данного ученого. Все такие материалы в совокупности и составляют личный фонд ученого.

В отношении материалов, принятых на хранение от наследников, Архив строго выполняет все условия, которые иногда выставляются при передаче фонда. В течение узаконенного срока за наследниками сохраняются права на авторский гонорар, в случае издания рукописей ученого.

Архив получает на хранение личные фонды и от самих ученых. Такие материалы принимаются и обрабатываются по всем архивным правилам. Использование их в любых целях разрешает в письменном виде сам ученый, передавший в дар свой личный архивный фонд («фондообразователь», как его называют архивисты).

Никакой платы за хранение Архив не взыскивает. В свое время на хранение в Архив АН СССР сдали собственные личные фонды академики В. Л. Комаров и С. А. Жебелев, чл.-корр. АН СССР В. Н. Бенешевич и др. Части своих личных архивов сдали академики Е. Н. Павловский, чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт и другие ученые.

Мы обращаемся ко всем ученым-археологам Советского Союза (независимо от их места жительства) с просьбой содействовать сохранению рукописных наследий выдающихся деятелей отечественной археологии путем передачи в Архив АН СССР. Мы просим сообщать Архиву о местонахождении подобных личных архивов или отдельных рукописей, а также использовать возможность передачи своих личных фондов в Архив Академии наук СССР самими учеными.

Адреса для сообщений:

Архив АН СССР. Ленинград, В-164, Университетская наб., 1. Телефон: А-2-61-84

Московское отделение Архива. Москва, В-71, Ленинский проспект, 14. Телефон: В-1-26-62

Директор Архива АН СССР *Г. А. Князев*,
Сотрудник Архива *Ю. А. Виноградов*

Д. М. РОБИНСОН

9 января 1958 г. классическая археология понесла тяжелую утрату: скончался американский ученый Давид Мур Робинсон, являвшийся одним из крупнейших исследователей истории античной культуры.

Д. М. Робинсон родился 21 сентября 1880 года в Аубурне; закончив в 1904 г. Чикагский университет, он в 1904—1905 гг. был преподавателем в Иллинойском колледже, а в дальнейшем вел научную работу в ряде исследовательских учреждений; с 1908 г. началась его профессорская деятельность.

Перу покойного принадлежат около трех сотен научных работ, монографий и многочисленных статей, опубликованных в различных специальных изданиях[1]. Они ярко отражают многообразие научных интересов, широкую и разностороннюю эрудицию и неутомимое трудолюбие покойного ученого. Р. М. Робинсон занимался исследованиями и в области греческой археологии и эпиграфики как самой Эллады, так и Малой Азии и Кирены, изучал греческую вазопись и скульптуру, этрусскую архитектурную терракоту, римское искусство и многие другие разделы античной культуры. Кроме того, Д. М. Робинсон принимал самое активное участие в ряде раскопочных работ, давших весьма плодотворные результаты: в Коринфе — в 1902—1903 гг., в Сардах — в 1910 г., в Антиохии (в Писидии) — в 1924 г.

Самым крупным вкладом Д. М. Робинсона в науку о древности были произведенные им исследования Олинфа; большие раскопки, которые велись в 1928—1938 гг., и ряд последовавших публикаций, в особенности же многотомная серия, выходившая под наименованием «Excavations at Olynthus» с 1929 по 1952 гг. В этой обширнейшей публикации перу Д. М. Робинсона принадлежат десять томов (II—VII, X, XII—XIV) и, кроме того, три тома (VIII, IX и XI) в соавторстве с другими учеными.

Исследования Олинфа, произведенные Д. М. Робинсоном, заполнили одну из значительных лакун в классической археологии; они впервые по-настоящему познакомили антиковедов с греческим городом классического периода. До олинфских раскопок в распоряжении ученых были только скудные письменные источники.

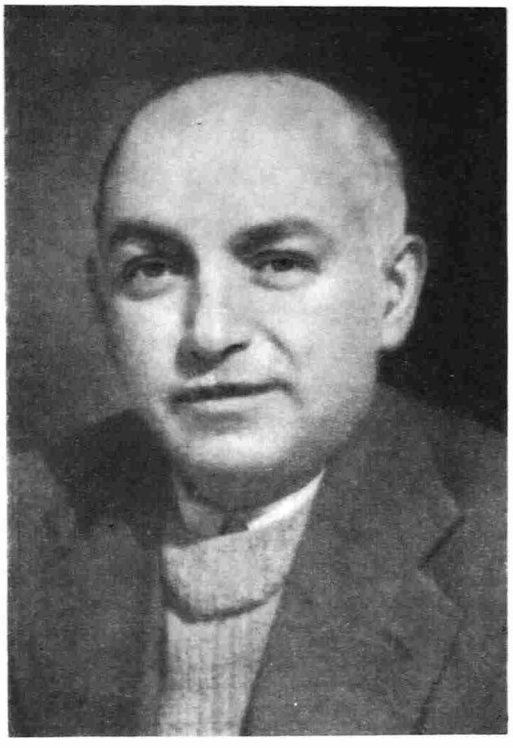
Говоря о раскопках в Олинфе, прежде всего следует подчеркнуть исключительно удачный замысел археолога, остановившего свой выбор именно на этом памятнике. Один из значительных греческих городов первой половины IV в. до н. э., Олинф был разрушен Филиппом Македонским в 448 г. до н. э. и после этого не был восстановлен, благодаря чему дошел до нас в довольно хорошей сохранности и многочисленные находки в этом городе получили весьма надежную датировку.

Ученые-антиковеды навсегда сохранят в памяти образ неутомимого труженика науки Д. М. Робинсона.

В. Блаватский

---

[1] Список работ Д. М. Робинсона см. «Studies presented to David Moore Robinson», т. I, Saint Louis, Missouri, 1951, стр. XXII—XXXIII; т. II, 1953, стр. VII—VIII.



М. М. ХУДЯК

2 января 1959 г. в Ленинграде после непродолжительной, но тяжелой болезни скончался Марк Матвеевич Худяк, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, проработавший около 30 лет в Отделе истории культуры и искусства античного мира и руководивший Отделением греческих городов Северного Причерноморья, член КПСС с 1940 г.

Марк Матвеевич Худяк родился 22 октября 1899 г. в г. Харькове в семье рабочего. Окончив в Харькове реальное училище, он в 1923 г. переехал в Ленинград и поступил в Технологический институт. Однако, живо интересуясь искусством, он перешел на Высшие курсы искусствоведения при Институте истории искусств, которые окончил в 1930 г. по специальности музееведа-археолога.

Свои научные интересы Марк Матвеевич связал с античной археологией юга России. Еще в качестве студента-практиканта он принимал участие в археологической экспедиции на о. Березани. (Последнюю поездку на о. Березань ему удалось осуществить осенью 1958 г.).

Работу в музее М. М. Худяк успешно совмещал в течение нескольких лет с работой в Отделе полевых исследований ЛОИИМК АН СССР, участвуя в экспедициях, связанных с новостройками на Волге и Дону.

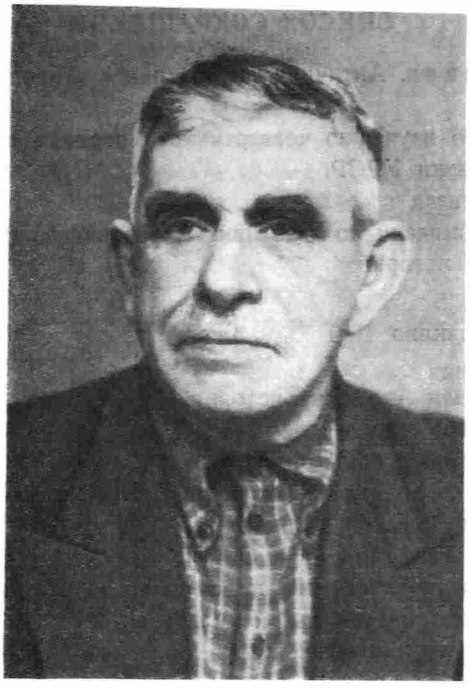
В течение ряда лет Марк Матвеевич был активным участником археологических исследований в Ольвии. Изучению терракот Ольвии была посвящена и его первая исследовательская работа «Терракоты» (Сб. «Ольвия», т. 1, Киев, 1940).

С 1939 г. Государственный Эрмитаж и Академия наук СССР поручают ему руководство археологическими работами по исследованию древнего города Нимфея на Керченском полуострове. Вдумчивому исследователю и талантливому археологу, широко эрудированному в области античной археологии, М. М. Худяку удалось открыть ряд замечательных памятников: раннескифское поселение, сельское святилище Деметры VI—III вв. до н. э., акрополь Нимфея с городской стеной и двумя святилищами — Кабиров и Афродиты VI—IV вв. до н. э., жилые и хозяйственные комплексы первых веков нашей эры. Святилища Нимфея с их богатыми приношениями открывают совершенно новую страницу в истории Боспорского царства.

М. М. Худяк регулярно печатал отчеты о результатах археологических исследований Нимфея в «Сообщениях» Государственного Эрмитажа, «Трудах Эрмитажа», КСИИМК и других изданиях. С 1950 г. в залах Античного отдела Эрмитажа открыта выставка, посвященная результатам раскопок в Нимфее.

Исследованию Нимфея М. М. Худяк отдал всю свою жизнь, последние дни которой были посвящены подготовке к изданию большой монографии «Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э.».

А. А. Передольская



Я. А. ДУБИНСКИЙ

13 октября 1958 г. в Бахчисарае скончался Яков Абрамович Дубинский, посвятивший 30 лет жизни краеведению Крыма. Археологи Москвы и Ленинграда хорошо знали Я. А. Дубинского. При его непременном и активном участии с 1928 г. проходило большинство разведок и раскопок в юго-западном нагорье Крыма.

Я. А. Дубинский родился 20 января 1895 г. в г. Феодосии. В Бахчисарае он окончил четырехклассное городское училище. Будучи сыном смотрителя пещерного города Чуфут-Кале, Яков Абрамович еще в молодости заинтересовался археологией; это определило направление его интересов.

Благодаря своей исключительной наблюдательности, Яков Абрамович сделал не мало важных археологических наблюдений; ему мы обязаны открытием ценнейших памятников: Бельбекского и Тибертинского могильников, могильника близ Баштановки (Пычки) и Чуфут-Кале, раскопки которого уже ряд лет ведет ИИМК АН СССР.

С 1936 г. Я. А. Дубинский начал работу в Севастопольском музейном объединении, ведавшем тогда охраной и изучением основных археологических объектов Юго-Западного Крыма. Он принимал активное участие в раскопках ИИМК АН СССР на плато Эски-Кермена в 1937 г. и Мангупа в 1938 г.

Я. А. Дубинский был одним из создателей Историко-Археологического музея Юго-Западного Крыма (Музея пещерных городов), в основу которого легли материалы раскопок Эски-Кермена и Мангупа.

В годы Великой Отечественной войны, выполняя поручение партии, Яков Абрамович с опасностью для жизни охранял музейные ценности, спрятанные в пещерах Чуфут-Кале. С 1945 г. Я. А. Дубинский участвовал в восстановлении экспозиции музея.

После окончания Великой Отечественной войны археологическая деятельность Я. А. Дубинского была особенно интенсивной. В 1946 г. он был участником Бахчисарайского отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК и принимал участие в раскопках открытого им раннесредневекового могильника близ Чуфут-Кале в 1948—1950 гг. Яков Абрамович был одним из организаторов Инкерманской экспедиции Крымского филиала АН СССР и Музея пещерных городов, а в 1951 г.— Гурзувитской экспедиции ИИМК.

Работая в экспедициях, Яков Абрамович личным примером самоотверженной работы и исключительного трудолюбия создавал среди сотрудников и рабочих экспедиции атмосферу трудового подъема, живого интереса к делу и бережного отношения к открываемым памятникам.

Яков Абрамович был большим знатоком родного края и его археологических памятников, талантливым краеведом, к которому постоянно обращались за помощью археологи. Все, кому приходилось работать с Я. А. Дубинским, сохранят о нем светлую память — память о прекрасном и скромном человеке, чутком товарище и неутомимом труженике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЦЦ — Вэньу цанькао цзиляо
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
КС — Каогу сюэбао
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КТ — Каогу тунсинь
КТБ — Кесюэ тунбао
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СГАИМК — Сообщение Государственной академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. СА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de la correspondance hellénique
BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
JHS — Journal of Hellenistic Studies
SCIV — Studii si cerçetary istorie veche

Исправления
к статье В. Г е н з е л я «Археологические исследования и проблема возникновения Польского государства»,
помещенной в журнале «Советская археология», № 2 за 1959 г.

Стр. 85, строка 25 сверху. Должно быть:
Буяка и Чекановского с Косшевским о возможности сильного влияния
Стр. 87. Названия на карте. Должно быть:
Далешин, Дусина, Сонсядка

Стр. 94, строка 23 сверху. Должно быть:
кожаную обувь вышивкой цветными нитками (например, в Ополе, см. рис. 7;

Стр. 94, подпись под рис. 7. Должно быть:
Рис. 7. Фрагмент вышитой кожи. Ополе

Опечатки
в статье Л. В. А л е к с е е в а «Еще три шиферных пряслица с надписями»,
помещенной в журнале «Советская археология», № 2 за 1959 г.

Стр. 242, строка 19 снизу. Следует читать:
его за «ѣ». Неточно изображены «О» и «И», что, правда, в данном случае не имеет

Стр. 242, строка 14 снизу. Следует читать:
(«ИЕЛ · Н · ») дополнить по смыслу двумя «ѣ» реконструировать как «ИЕЛѢНѢ»

Стр. 242, строка 7 снизу. Следует читать:
суден») зафиксирована на фресках Киевской Софии Б. А. Рыбаковым

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Д. Столяр (Ленинград). Об одном центре одомашнивания свиньи . . 3
Б. А. Латынин (Ленинград). Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии 19
Н. Н. Терехова (Москва). Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае . 28
В. Б. Деопик (Москва). Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. 48
Л. Р. Кызласов (Москва). Средневековые города Тувы 66
Е. Ольчак (Польша, Познань). Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века 81
В. Л. Янин (Москва). О датировке врат Суздальского собора 91
С. С. Чураков (Москва). Портреты во фресках Ферапонтова монастыря 99

Публикации

А. П. Окладников (Ленинград). Триподы за Байкалом 114
А. П. Окладников (Ленинград). Бронзовый меч из Якутии 133
И. Т. Кругликова (Москва). Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э. 137
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса — Нокалакеви 144
С. В. Киселев (Москва). Из истории китайской черепицы 159
Л. А. Евтюхова (Москва). Древнекитайская керамика из Каракорума . . 179
М. В. Воробьев (Ленинград). Старинные китайские монеты из собрания Хабаровского музея 194

Заметки

П. И. Хавлюк (Гайсин). Новые данные о культовых изображениях в триполье 206
Э. Р. Рыгдылон, **П. П. Хороших** (Иркутск). Археологические находки у озера Алят (Иркутская область) 209
Т. М. Минаева (Ставрополь). Курган эпохи бронзы близ станицы Дурновской в Сталинградской области 212
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Ашкал-Тепе — новый памятник чустской культуры в Фергане 216
Н. И. Сокольский (Москва). Земляной склеп на горе Митридат 220
И. П. Богатов (Муром). О времени возникновения г. Мурома 223
А. Г. Векслер (Москва). Майоликовая плитка XII в. из собрания Смоленского музея 226
В. Б. Гиршберг (Москва). Надпись 1501 г. из Троице-Сергиевой лавры . . . 227

В помощь учителю и краеведу

Н. А. Онайко, М. Г. Мошкова (Москва). Новая экспозиция ГИМ 230

Критика и библиография

А. А. Формозов, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков (Москва). Нариси стародавньої історії Української РСР 236
Г. С. Кнабе (Москва). Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе 243
Н. В. Пятышева (Москва). Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА, № 50 257
К. В. Сальников (Свердловск). Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА, № 58 261
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. 265
К. Ф. Смирнов (Москва). Вестник Московского университета, № 4, 1958. . 267

Хроника

В. Виноградов, А. Хазанов (Москва). V Всесоюзная студенческая археологическая конференция 269
Б. С. Научная сессия Государственного Эрмитажа 270
Г. Ф-Д. Читательская конференция журнала «Советская археология» 271
Р. М. Мунчаев, Г. А. Федоров-Давыдов. (Москва). Сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР 272
Письмо в редакцию 276

Д. Ш. Создание Одесского археологического общества 278
Открытое письмо советским археологам 280
Д. М. Робинсон 281
М. М. Худяк 282
Я. А. Дубинский 283

SOMMAIRE

Articles

A. D. Stoliar (Léningrad). Sur un centre de la domestication des cochons 3
B. A. Latynine (Léningrad). Quelques questions concernant la méthode de l'étude de l'histoire de l'irrigation en Asie Centrale 19
N. N. Térékhova (Moscou). Constructions funéraires de l'époque de Han en Chine 28
V. B. Déopik (Moscou). Classification des colliers du Caucase du Nord 48
L. R. Kyzlassov (Moscou). Villes du moyen âge de Touva 66
E. Olczak (Pologne, Poznan). A propos de la production des anneaux en verre au moyen âge sur le territoire slave 81
V. L. Janine (Moscou). Sur la date du portail de la cathédrale de Souzdal . . 91
S. S. Tchourakov (Moscou). Portraits d'après les fresques du monastère Férapontov 99

Publications

A. P. Okladnikov (Léningrad). De l'histoire des liens de la Chine avec la Transbaïkalie en II—I millénaire avant notre ère 114
A. P. Okladnikov (Léningrad). Glaive de bronze de la Iakoutie 133
I. T. Krouglikova (Moscou). Instruments aratoires en fer du Bospore en III siècle de notre ère 137
V. A. Lékvinadzé (Tbilissi). Constructions défensives d'Archéopolis-Nokalakevi 144
S. V. Kissélev (Moscou). De l'histoire de la tuile chinoise 159
L. A. Evtukhova (Moscou). Ancienne céramique chinoise de Karakoroum 179
M. V. Vorobiév (Léningrad). Anciennes monnaies chinoises de la collection du musée de Khabarovsk 194

Notes

P. I. Khavliuk (Gaïssine). Nouvelles données des représentations de rites en tripolié 206
E. R. Rygdylon, **P. P. Khorochikh** (Irkoutsk). Trouvailles archéologiques aux bords du lac Aliate 209
T. M. Minaéva (Stavropol). Kourgane de l'époque de bronze près de la stanitsa Dournovskaïa, région Stalingradienne 212
I. A. Zadnéprovski (Léningrad). Achkal-Tépé — nouveau monument de la civilisation de Tchoust en Fergana 216
N. I. Sokolski (Moscou). Caveau de terre sur la montagne Mithridate 220
I. P. Bogatov (Mourom). Sur l'origine de la ville Mourom 223
A. G. Veksler (Moscou). Plaque de majolique du XII siècle de la collection du musée de Smolensk 226
V. B. Guirchberg (Moscou). Inscription de l'année 1501 provenante du monastère de Troïtsé-Serguiév 227

Enseignement scolaire et étude des lieux

N. A. Onaïko, M. G. Mochkova (Moscou). Nouvelle exposition du Musée historique d'Etat 230

Critique et bibliographie

A. A. Formosov, A. P. Smirnov, B. A. Rybakov (Moscou). Aperçu sur histoire ancienne de la République Socialiste Soviétique d'Ukraïne 236
G. S. Knabé (Moscou). Question de la corrélation de la civilisation archéologique avec la culture ethnique d'après la littérature contemporaine étrangère . . 243

N. V. Piatychéva (M o s c o u). Olbia et région du bas Boug en époque antique 257
K. V. Salnikov (Sverdlovsk). Civilisation des tribus anciennes des régions de l'Oural et de la Sibérie Occidentale 261
G. A. Pougatchenkova (T a c h k e n t). D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran 265
K. F. Smirnov (M o s c o u). «Westnik» de l'Université de Moscou, № 4, 1958 267

Chronique

V. Vinogradov, A. Khazanov (M o s c o u). V Conférence archéologique des étudiants 269
B. S. Session scientifique de l'Ermitage National 270
G. F.-D. Conférence des lecteurs du revue «Sovetskaïa arkhéologuia» 271
R. M. Mountchaév, G. Fédorov-Davydov (M o s c o u). Session de la Section des sciences historiques et plenum de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle de l'Académie des Sciences de l'URSS 272
Lettre à la rédaction 276
D. Ch. Fondation de la Société archéologique d' Odessa 278
Lettre ouverte pour les archéologues de l' URSS 280
D. M. Robinson 281
M. M. Khoudiak 282
I. A. Doubinsky 283